

NOVOGARDIA № 4 (12) 2021

октябрь-декабрь

Сборник статей в честь профессора, доктора исторических наук М. Б. Свердлова

Составители: к. ф. н. А. В. Карпов, д. и. н. П. И. Гайденко

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций
ЭЛ № ФС 77 – 76817 от 09.10.2019

ISSN 2686-8474

Международный исторический рецензируемый журнал, посвященный истории и исторической географии средневековой Руси с IX по XVII вв.

Учредители журнала:

Межрегиональная общественная организация социально-гуманитарных научных исследований «Историческое сознание»;
Несин Михаил Александрович

Издательство не несет ответственность за уникальность материалов

Редакционная коллегия:

Главный редактор Несин Михаил Александрович, к. и. н. (Санкт-Петербург, Россия);
Заместитель главного редактора Молочников Александр Михайлович, к. и. н. (Санкт-Петербург, Россия);
Ответственный секретарь Подвальнов Евгений Дмитриевич, ЮФУ (Ростов-на-Дону, Россия)

Редакционный совет:

Бобров Леонид Александрович, д. и. н., НГУ (Новосибирск, Россия);
Богданов Андрей Петрович, д. и. н., ИРИ РАН (Москва, Россия);
Гайденко Павел Иванович, д. и. н., Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия);
Дубровский Александр Михайлович, д. и. н., БГУ (Брянск, Россия);
Козлов Михаил Николаевич, д. и. н., СевГУ (Севастополь, Россия);
Павлов Андрей Павлович, д. и. н., СПбГУ, СПбИИ РАН (Санкт-Петербург, Россия);
Багрин Егор Андреевич, к. и. н., Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина (Санкт-Петербург, Россия);
Гордиенко Дмитрий Сергеевич, к. и. н., Институт украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАНУ, Национальный заповедник «София Киевская» (Киев, Украина);
Илюшин Борис Анатольевич, к. и. н., НГУ (Нижний Новгород, Россия);
Кузьмин Андрей Валентинович, к. и. н., РГГУ (Москва, Россия);
Кулешов Вячеслав Сергеевич, к. и. н., Stockholms universitet (Стокгольм, Швеция);
Плавинский Николай Александрович, к. и. н., МГЭУ им. А. Д. Сахарова (Минск, Республика Беларусь)

Корректур:

Дрозд А. В.

Верстка:

Несин М. А.

Дизайн обложки:

Белова А. Б.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие составителей и редакции журнала «Novogardia»	4
СТАТЬИ	
Рычка В. М. «Олегов шит».	6
Гордиенко Д. С. Византия, Болгария и Русь в первой половине X века.	20
Аряев Л. Н. Татищевские известия о княгине Ольге и ее реформах.	35
Головко А. Б. Участие польского короля Болеслава I «Храброго» в междуусобной войне на Руси (лето-осень 1018г.)	69
Ищенко А. С. Владимир Мономах и убийство половецких ханов в Переяславле.	92
Ляпин Д. А. Огненный ангел в Повести Временных лет.	104
Гайденко П. И. Некоторые замечания о включенности древнерусского монашества в состав политических элит домонгольской Руси.	122
Несин М. А. Нарочитые и лучшие мужи X-XIII вв. Об употреблении этих терминов в древнерусских источниках применительно к знати.	141
Мининкова Л. В. М. Б. Свердлов об общем и особенном в истории русского Средневековья.	190
Риер Я. А. Антогонизм язычников Литвы и христиан в XIII в. в нарративных традициях Немецкого ордена и Руси	200
РЕЦЕНЗИЯ	
Губарев О. Л., Несин М. А. Рюрик и протогосударственные образования в восточнославянских землях (рец. на: Лушин В. Г. Варяги «из заморья», летописная легенда и археологические данные об «эпохе Рюрика» // Историко-археологический сборник. Зимовники, 2020. С. 53-75; Лушин В. Г. Предгосударственные образования на восточнославянских землях // Историко-археологический сборник. Зимовники, 2020. С. 76-88.) . . .	218
800 ЛЕТ НИЖНЕМУ НОВГОРОДУ	
Селезнев Ф. А. Происхождение легенды об Абрамовом городке.	262
Мальшев А. В. К истории Разинского движения (бой у села Мурашкино 22-23 октября 1670 г.)	271
Список сокращений.	291

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЕЙ И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «NOVOGARDIA»

Профессор, доктор исторических наук Михаил Борисович Свердлов – один из ведущих отечественных историков, специалист по раннесредневековой Руси, источниковед и исследователь российской историографии XVIII–XX веков¹. В 2019 году Михаилу Борисовичу исполнилось 80 лет. К юбилейной дате был подготовлен тематический выпуск «Петербургского исторического журнала» (№ 4 за 2019 г.), издаваемого Санкт-Петербургским институтом истории РАН.

Данный сборник статей в честь М. Б. Свердлова, публикуемый в 4 (12) выпуске журнала «Novogardia», приурочен к другой дате – 40 лет назад, в 1981 г., Михаил Борисович представил к защите докторскую диссертацию, посвященную формированию и структуре феодального общества в Древней Руси². Предложенная им концепция развития политического устройства и экономического

уклада, социальной динамики и эволюции права в домонгольский период позднее была в развернутом виде представлена в его монографиях, статьях, комментариях к публикациям источников³.

По мнению исследователя, восточное славянство в VI–XIII вв. прошло сложный путь эволюции: от времени распада родоплеменных структур до периода формирования развитых феодальных отношений. Феодализм в Древней Руси складывался как целостная политическая и экономическая система, в основе которой лежал институт феофов-фьефов (пожалований за службу), сочетавшийся с верховной титульной собственностью государства (князя) на землю. Наличие крупного господского землевладения не было определяющим условием становления феодального строя. При этом различные группы феодально-зависимого населения эксплуатировались

на основе множественных форм экономического и внеэкономического принуждения. Иерархически организованная служилая знать постепенно разделилась на сословия бояр и дворян. Сформировалась и соответствующая система светского писанного права, выросшая из обычно-правовой практики славянских племен в комплекс юридических норм развитого феодального общества. А «единая социально-экономическая природа общественного строя Руси и других европейских стран предопределила сложившуюся в X – первой трети XIII в. систему политических, церковных и культурных отношений, которая тесно их связывала в этот период»⁴.

Михаил Борисович – один из немногих современных историков, рассматривающих древнерусскую социальную терминологию и вассальные отношения в общеевропейском контексте, и понимающих отечественную историю как сложный целостный процесс общественного развития, а не набор «занимательных историй». Наверное, не случайно, что, будучи признанным специалистом по домонгольской Руси, М. Б. Свердлов в одной из своих монографий не оставил без внимания и путь исторического развития Руси более позднего времени. Историк характеризовал его как «общевропейский», отмечая при этом и существенные отличия «от западноевропейских стран». (Об этом можно подробнее прочитать в одной из статей настоящего издания).

Занимаясь источниковедческой проблематикой, М. Б. Свердлов реконструировал

состав «Закона Русского», исследовал историю текста Краткой и Пространной Русской Правды. Также им подготовлены новые переводы и комментарии немецких латиноязычных источников по истории Древней Руси; осуществлено второе издание «Повести временных лет» (в серии «Литературные памятники»). Михаил Борисович является одним из авторов хорошо известных коллективных монографий о советской историографии и советском источниковедении Киевской Руси. Его перу принадлежат книги об изучении общественного строя Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков, о становлении феодализма в славянских странах, о развитии института княжеской власти в домонгольский период. В 2009–2018 гг. вышли его монографические труды, посвященные В. Н. Татищеву, М. В. Ломоносову и начальным этапам исторической науки в России, историческим трудам Н. М. Карамзина.

Признавая высокую значимость концептуального подхода Михаила Борисовича Свердлова для системного анализа исторического процесса, мы решили собрать и опубликовать в данном номере журнала «Novogardia» блок из работ авторов, тематически связанных с областью его научных интересов. Присоединяясь к поздравлениям, прозвучавшим в 2019 г., мы желаем Михаилу Борисовичу так же, как и прежде, успешно ставить и решать актуальные исследовательские задачи, продолжая разностороннее изучение древней и новой истории государства Российского

¹См. подробнее: Дмитриева З. В. Михаил Борисович Свердлов // Петербургский исторический журнал. № 4. 2019. С. 9–17.

²Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1981. Диссертация была защищена в 1983 г. в московском Институте истории СССР АН СССР; в том же году издательством «Наука» была опубликована монография с одноименным названием.

³См.: Михаил Борисович Свердлов: библиографический указатель трудов, 1963–2009 (к 70-летию) / сост. Е. З. Панченко; вступ ст. З. В. Дмитриевой. СПб.: Европейский Дом, 2009; Список печатных работ М. Б. Свердлова / Сост. С. Ю. Королева и Л. В. Столярова // Проблемы источниковедения. Вып. 2 (13). М., 2010. С. 441–452; Свердлов М. Б. 1) М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб.: Нестор-История, 2011; 2) Латиноязычные источники по истории Древней Руси IX–XIII вв. Германия. «Правда Русская». История текста. Избранные статьи. СПб.: изд-во Олега Абышко, 2017; 3) История России в трудах Н. М. Карамзина. СПб.: Нестор-История, 2018.

⁴Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.: Наука, 1983. С. 229.

• СТАТЬИ •

УДК 94

ББК 63.3

DOI DOI 10.25797/NG.2021.12.4.001

В. М. Рычка

«ОЛЕГОВ ЩИТ»

Аннотация: Статья посвящена походу Вещего Олега на Константинополь и спорному вопросу об «Олеговом щите». Автор приходит к выводу, что поход носил мирный характер, а щит, повешенный князем на ворота города, символизировал готовность Олега защищать Константинополь вместе с его обитателями. Автор анализирует русские и украинские позднесредневековые источники, в которых этот поход изображен как военный и победоносный для Руси, упоминание польским хронистом М. Стрыйковским изображения наподобие московского герба на Галатских воротах Константинополя, русскую литературу Нового времени, в которой поход Олега также представлен как военное предприятие, а щит на воротах побежденной иноземной столицы – символ победы Руси. Автор показывает, как подобные представления о походе Олега и его щите на воротах Константинополя во времена Российской империи служили основанием необходимости обретения Россией Константинополя.

Ключевые слова: Олег Вещий, Константинополь, Поход Олега на

Константинополь, Густынская летопись, Мацей Стрыйковский, А. С. Пушкин.

Одним из ярких эпизодов летописного повествования о походе Вещего Олега на Византию является хрестоматийный рассказ *Повести временных лет* о вывешивании им своего щита на воротах Царьграда. После заключения мирного соглашения с византийскими императорами, отправляясь в обратный путь, Олег, по свидетельству летописца, «... повѣси щит свои въ вратех показуа побѣду»¹. Вывешивание щитов победителей на главных воротах занятого ими города было на Руси, по мнению Д. С. Лихачева, «знаком победы, при этом связанным с каким-либо ритуалом»². М. Б.

¹Лаврентьевская летопись Вып. 1: Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 1. М., 1962. Стб. 32. В других летописных списках – «И повѣсиша щиты своя въ вратехъ показующе побѣду». См.: The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis / Edited and Collated Donald Ostrowski, with David J. Birnbaum and Horace G. Lunt [Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Vol. X. Part 1]. 2003. P. 183.

²Лихачев Д. С. Комментарии // Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 3-е

Свердловым было отмечено, что щит в Древней Руси, «наряду с мечом и копьем, приобрел значение победоносного государственного военного символа»³. Его социальные и коммуникативные функции воплощались в практике определенных жестов и ритуалов.

Средневековая культура была культурой жестов. «Все существенные соглашения и клятвы в средневековом обществе, – отмечал Жак Ле Гофф, – сопровождалась жестами и воплощались в них... Жест уведомлял и обозначал позицию»⁴. Примечательно, что свою победу завоеватель Царьграда символически обозначает не ударом меча или вонзанием копья в мистическое тело города⁵, а вывешивает на воротах свой щит. Тем самым Олег предельно ясно обозначил свою позицию. Он, надо полагать, вывесил на обозрение не свой боевой щит, а так называемый «щит мира»⁶, дарующий городу охрану и защиту.

изд., испр. и доп., подготовил М. Б. Свердлов. СПб., 2007. С. 419.

³Свердлов М. Б. Дополнения // Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 3-е изд., испр. и доп., подготовил М. Б. Свердлов. С. 603.

⁴Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; Послесл. А. Я. Гуревича. М., 1992. С. 333.

⁵Этот мотив надругательства над городом, его беззащитности был весьма популярным в средневековой литературе. (См.: Ричка В. «Київ – Другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). К., 2005. С. 112-116).

⁶Средневековая практика вывешивания таких «щитов мира» (Fridskioldr) известна по данным древнескандинавских саг (см.: Сага о Фритьофе Смелом // Труды Я. К. Грота из скандинавского и финского мира. Очерки и переводы. СПб., 1898. С. 894; Стрингольм А. Походы викингов. СПб., 2003). Поэтому курьезной представляется точка зрения Г. И. Магнера, пытавшегося обосновать, что Олег вывесил на воротах Константинополя не боевой щит, а щит-доску с написанным на ней текстом русско-византийского соглашения. (См.: Магнер Г. И. Щит Олега на воротах Константинополя // Вестник Удмуртского университета. История и филология. Вып. 2. Ижевск, 2009. С. 119-129). Ср. предположение А. Ю. Чернова о том, что щит Олега являлся его материализованным именем (Чернов А. Олег и его щит // Староладожский сборник. Вып. 9. СПб., 2012. С. 60-68). Давно замечено, что всякая материальная вещь,

В воинском сообществе средневековья щиты были в особом почете. Независимо от своего прямого назначения они употреблялись в разных случаях. Викинги, например, на щите относили убитого к месту погребения. Щит выполнял и другие коммуникативные функции: «удар в щит означал вызов на брань; поднятые щиты служили войску вместо знамен для отличия отрядов. Красный, таким образом, несомый щит был вестником войны; напротив, белым выражалось требование мира»⁷. Мы, наверное, никогда не узнаем, какой формы и цвета был Олегов щит, но едва ли усомнимся в достоверности, подтвержденной средневековой воинской практикой⁸ его вывешивания Олегом на городских воротах Константинополя.

Вывесив свой щит на воротах Царьграда, киевский князь тем самым давал знать о готовности вступить в мирные переговоры с Греками. И. Н. Данилевский полагает, что вывешивание Олегом щита было знаком того, что он принимает Святой Город под свое покровительство, «показуя победу». Ведь древнерусское слово «победа», обосновывает исследователь, несло в себе более широкий спектр значений, чем современное (производным от него, в частности, является «победница», то есть заступница)⁹. Ученый обратил внимание на то, что древнерусское слово «щитити», «щичу» означает защиту: «Азь есмь о тебѣ

попавшая в фокус человеческого мышления, одухотворяется.

⁷Фритьоф. Скандинавский витязь. Поэма Тегнера. Предварительные сведения (очерк быта, религии и поэзии древних скандинавов) // Труды Я. К. Грота из скандинавского и финского мира. Очерки и переводы. Т. 1. СПб., 1898. С. 736.

⁸«Норманские храбрецы, – отмечал в свое время Н. М. Карамзин, – выставляли иногда щиты на городских воротах в знак мира: чем ютландские короли, Готфрид и Сигфрид, в 882 году обманули воинов императора Карла Тучного, заманив их безоружных в крепость свою и взяв в полон» (Карамзин Н. М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. 1. М., 1989. С. 258).

⁹Подробнее см.: Данилевский И. Н. 1) Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // Одиссей: Человек в истории, 1998. М., 1999. С. 143-144; 2) Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 152-157.

щитя и азъ помощникъ тебѣ»¹⁰. Воспевая былое величие Тира – «корону красоты», пророк Иезекииль упоминает, что персы, лидиянины и ливийцы были в его войске ратниками и вешали на стены города, придаваемые ему величие, щиты и шлемы: «Перс и Лидиянин и Ливиец находились в войске твоём и были у тебя ратниками, вешали на тебе щит и шлем; они придавали тебе величие» (Иезек. 27, 10).

Предложенное И. Н. Данилевским сопоставление щита/щитов Олега со щитами воинов, повешенными, по свидетельству пророка Иезекииля, на стены Тира, автор недавней монографии об Олеге Вещем – Е. Д. Пчелов не счел убедительным. Оспаривая такое символическое прочтение этого летописного сюжета, он в то же время признает, что вывешивание Олегом щита на воротах Царьграда – это знак победы: «хотя город и не был захвачен, но Олег, бесспорно, мог считать себя победителем, принудив византийцев к миру и получив богатый выкуп»¹¹. При этом исследователю осталась незамеченной семантическая двуплановость роли Олегова щита. Водруженный на городские ворота, он сигнализировал о перемирии (переговорном процессе) между враждующими сторонами. После завершения мирных переговоров, тянувшихся в течение довольно длительного, надо полагать, времени, и заключения выгодного для Руси договора «Олегов щит» был осмыслен как ее триумф у стен Царьграда.

Таким образом, есть основания согласиться с высказанным ранее мнением о том, что Олег искал не войны с Византией, а мира: «вешая свои щиты на башнях Константинополя, “русы” объявляли о готовности отныне защищать этот город вместе с его обитателями. Если вспомнить, что вскоре в византийской столице появляются отряды “русов” (морская экспедиция на Крит 911–912 гг.), а сами греки наименовали Олега “святым Дмитрием”, то подобное утверждение вряд

ли покажется слишком смелым»¹². Заключение мирного соглашения с Византией стало своеобразным «дипломатическим признанием» Руси, что было для нее столь желанной честью.

Под стены Царьграда Олег пришел жестоким захватчиком-язычником (вспомним бесчинства, творимые его воинами в окрестностях Константинополя, столь красочно описанные в летописи), а обернулся защитником христианской столицы. Это парадоксальное, на первый взгляд, превращение проясняет предложенное И. Н. Данилевским прочтение летописного рассказа о походе Олега на Константинополь в эсхатологическом контексте: «христианская столица сдалась, когда неприятельский флот «переплыл сушу», но люди от «рода Русаго» взяли Город – до «последнего времени» – под свою защиту»¹³.

Сакральный образ Вещего Олега формировался на Руси не столько в языческой, сколько в христианско-книжной среде. Увенчанный славой победоносного похода на Царьград, Олег виделся составителю *Повести временных лет* демиургом древнерусской государственности. Только язычество Олега, следует полагать, удержало летописца назвать его *Мудрым*, поэтому он избрал тождественное по семантике¹⁴, но для христианской аудитории вполне нейтральное имя *Вещего* Олега.

Византийский поход Олега, покорение Константинополя и в особенности

¹²Никитин А. Л. Основания русской истории: Мифология и факты. М., 2001. С. 180. Это мнение находит все более широкую поддержку среди современных ученых. Например, А. А. Роменскому поход Олега на Византию представляется «не враждебной, а дружественной акцией, вызванной стремлением поступить на военную службу к василевсу ромеев» (См.: *Роменский А. А. Поход Олега на Константинополь: причины, ход событий, хронология // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (69). М., 2017. С. 113-114.*

¹³Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. С. 158.

¹⁴См.: Никитина С. Е. Об уме и разуме (на материале русских народно-поэтических текстов) // *Славянские этюды / Сб. научных статей к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 298-304.*

¹⁰Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1903. Стб. 1609.

¹¹Пчелов Е. В. Олег Вещий. Великий викинг Руси. М., 2018. С. 83-84.

«вывешивание» им своего щита на воротах Царствующего града отозвалось долгим и многоголосым эхом в исторической и поэтической памяти православных славян. Наши современники помнят этот эпизод преимущественно в поэтической огранке пера Александра Пушкина:

Победой прославлено имя твое:
Твой щит на вратах Царграда:
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

Чары повествования летописца о вывешивании Олегом своего щита на вратах Царьграда оказались настолько сильными, что в средневековой письменности и в литературе Нового времени прочно укоренилось мнение, согласно которому этот поступок был знаковым выражением победы русского князя и унижительной капитуляции Царьграда. Припоминания о победоносном походе Олега на Византию содержатся во многих летописных компиляциях XVI–XVII вв. Например, в одной из них, составленной московскими книжниками, где повествуется о подготовке Владимира Мономаха к походу на Царьград, последнему приписываются следующие слова:

«Великий князь Владимир Всеволодович нача советовати со князми своими и с бояры, хотя идти на Царьград, глаголя: “егда аз есмь юнейший прежь мене державствовавших и хоругви правящих скипетра великия Россия, яко той великий князь Олег ходил на Царьград и дань велику на вся воя своя взял и здрав возвратися... а мы есмы Божию милостию настолницы прародителей своих”»¹⁵.

Эта же литературная зарисовка была использована в оформлении царского моельного места в Успенском соборе Московского кремля. Так называемый трон Мономаха был установлен в сентябре 1551 г. в Успенском соборе Московского Кремля для первого русского царя Ивана Грозного. Это кубовидное сооружение украшали четыре барельефные панно, монументальные композиции которых воспроизводят эпизоды

военного похода Владимира Мономаха на Византию, его победу во Фракии над войсками византийского императора Константина Мономаха и передачу последним (несмотря на то, что тот умер за 58 лет до восхождения Владимира Всеволодовича на киевский престол) киевскому князю царских регалий. На левой двери этого здания была вырезана следующая надпись:

«В лѣто 6496, а от великаго и блаженнаго князя Володимира четвертое колѣно правнука его, князь великий Владимиръ Всеволодовичъ Манамахъ, той убо царь и Манамахъ прозвася от таковыя вины. Егда на великомъ княжении сѣде в Киевѣ, совѣтъ творяше съ князьями своими, и боляры и вельможами, глаголя: “Егда азъ есмь юнѣишии прежде мене державствовавшихъ и хоругви правящихъ скипетра великия Россия, яко же великий князь Олегъ ходил и взялъ съ Цариграда велию дань на вся воя своя, и здравъ възратися восвоаси, и потомъ князь великий Всеславъ Игоревичъ ходилъ и взялъ на Константинѣ градѣ тяжчаишую дань, а мы есмы Божию милостию настолницы прародителии своих и отца моего великаго князя всеволода Ярославича и наслѣдницы тоя же чести от Бога сподоблени. Нынѣ убо съвѣта ищу о васъ, мога полаты князеи, и боляръ, и воеводъ, и всего над вами христорлюбиваго воинства. Да превознесетъ имя святыя и живоначальныя Троицы вашеа храбрости мугутствомъ Божию волею с нанашимъ повелѣниемъ”. Отвещаста же великому князю Владимиру Всеволодичю князи, и боляре, и воеводы его, рѣша: “сердце царево в руцѣ Божии, яко же писано есть, а мы есмы в твоеи воли, господаря нашего по Бозѣ”. Великий князь Владимиръ собирает воеводы благоискусныя и многоразумныя и поставляет чиноначальники над различными воинствы – тысящники, и сотники, и пятдесятники над различными борения, и съвокупи многия тысящя воинства, и отпусти ихъ Фракию Царяграда области, и плѣннищя ихъ доволно, и возвратишя съ

¹⁵Попов А. Изборник статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 21-23.

многимъ богатствомъ во мнозѣ здравии восвояси»¹⁶.

В украинской исторической мысли начала XVII в. также появляются мотивы славного киевского прошлого. Его наследниками становятся тогдашние защитники *руської веры* – казаки. Рукоположенный в сан киевского митрополита в 1620 г. бывший ректор братской школы Иов Борецкий в своей «Протестации» по поводу восстановления православной митрополии называл их племенем «славного народа Руского, из семени Иафета, что воевало Греческое царство морем Черным и сухопутью. Это из того поколения войско, которое в правление *Олега*, монарха руского, в своих моносилах по морю и по земле (приделав к лодкам колеса) плавало и Константинополь штурмовало. Это они при Владимире святом монархе руском воевали Грецию, Македонию, Илирик»¹⁷.

Не обошел своим вниманием эту тему и архимандрит Киево-Печерской лавры Захария Копыстенский. В созданной им в 1625 г. *Палинодии* церковный писатель напоминал своим читателям:

«Не уставали наши предкове на Грецки валчити моремъ Чернымъ и землею. Олег, сильный монарха Роскій, дивной делности зажилъ: же, половицу чолновъ на сушу вытягнувши, колеса подъ ныхъ приправиль, и парусы распустивши за ветромъ погожимъ, одни моремъ, а други по земли подъ муры Царигородский поплыли и штурмовали на город»¹⁸.

¹⁶Соколова И. М. Мономахов трон. Царское место Успенского собора Московского Кремля. М., 2001. С. 61-63, 65-66.

¹⁷Цит. по изд.: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси: В 11 т. 12 кн. [Репринтне издание]. Т. 7: Козацькі часи до року 1625. К., 1995. С. 391-392. Публикация этого памятника П. Жуковичем сделана в 1910 г.: Протестация митрополита Иова Борецкого и других западнорусских иерархов, составленная 28 апреля 1621 г. // Статьи по славяноведению. Т. 3. СПб., 1910. С. 149-150.

¹⁸*Копыстенский З.* Палинодия // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою ахеографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1878. Стб. 1106.

Составленная между 1624–1627 гг., вероятно, этим же автором¹⁹ *Густынская летопись* также демонстрирует большой интерес к походам киевских князей на Византию. Не ограничиваясь лапидарным сообщением, помещенным под 1114 годом, о смерти переяславского князя Святослава Владимировича и посажении на его место другого сына Владимира Мономаха – Ярополка, составитель этого летописного произведения посчитал уместным вставить здесь следующую зарисовку:

«В се лѣто Володимырь, собравъ вся бояры своя и старцы и рече имъ: “Еда азъ меньшый есмь от прежде мене бывших государей и правящих скиптра великаго княжения Руского, иже проходиша многия страны и землѣ и оттуду со великою славою и користию возвращахуся, якоже Олег, Игорь и Святославъ, паче же великий во державных князехъ Владымеръ, дѣдъ мой, иже потрясе вселенную и Греческою землею, и оттуда великия користи и славу землѣ нашей руской приобрѣте. Сего ради и азъ хочу путемъ отецъ и дѣдъ моих ходити, си есть хочу во Греческую землю пойти и славу роду нашему добыти”. И то слышавшее, бояре и старци всѣ любовнѣ изволиша ити во Греческую землю, иже и вскорѣ пригатовившееся, пойдоша ко Цариграду»²⁰.

Отсутствующий в раннем киевском летописании, этот рассказ демонстрирует повышенный интерес украинских книжников-историографов к эпохе славного киево-русского прошлого.

В созданном в Киеве в начале 70-х гг. XVII в. первом печатном сочинении по восточноевропейской истории – *Синописе*, авторство которого приписывается профессору Киево-Могилянской коллегии,

¹⁹См.: *Толочко О. П.* 1) Де було написано Густинський літопис ? // Історичний збірник: Історія, історіософія, джерелознавство. К., 1996. С. 9-16; 2) Текстологічні спостереження над збірниками, що містять Густинський літопис (До питання про реконструкцію архетипу) // Український археографічний щорічник. Вип. 3/4. 1999. С. 161-163.

²⁰*Густынская летопись* // ПСРЛ. Т. 40. СПб., 2003. С. 74. *The Hustyňa Chronicle. Compiled with an Introduction by Oleksiy Tolochko* (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. Vol. XI). Harvard, 2013. P. 186.

позже архимандриту Печерского монастыря Иннокентию Гизелю, утверждается, что с правления Олега «тоя ради вины, и потом его времени Греки дань даяху Российским Княземъ»²¹. От Игоря Рюриковича и Олега Вещего автор выводит родство современных ему «князей Московских».

Присутствие русского щита на воротах Царьграда будоражило воображение и западнославянских книжников, вдохновляя их на поиски его следов. Так, польский историограф Мацей Стрыйковский, который в составе посольства А. Тарновского в 1574–1575 гг. посетил Османскую империю, утверждал, что видел в Стамбуле на Галатских воротах подобный герб или щит с изображением всадника наподобие московской погони:

“A ten podobno herb albo scit, między inszymi dawnościami, tym kształtem jakiego dziś Moskiewski używa, jam sam tymi własnymi oczyma widział roku 1575, nad bramą Galatską przeciw Konstatinopolowi, po staroświecku malowany, wioząc się w bacie prosto od haków szubienice Wiśniewieckiego pod mury Galatские, gdzie kletki drewniane stoja, ale tę brame teras zabudowano, tylko przedsię herb, na kształt Moskiewskiej pogoniej malowany, dobre znać”.

(«А этот герб, или же щит среди других древностей, того вида, который ныне Московский [государь] использует, я сам своими глазами видел в 1575 году над Галатскими воротами напротив Константинополя, старинной работы, плывя в барке от крючьев виселицы Вишневецкого к Галатской стене, где стоят деревянные клетки, хотя эти ворота сейчас замуровали, но хорошо заметен нарисованный герб того же вида, что и Московская погоня»)²².

В другом месте этого сочинения (список из коллекции Н. М. Карамзина) Стрыйковский добавляет, что под этим «гербом» находится греческий текст, в котором описываются славные дела

Владимира Святого²³. В этих свидетельствах очевидца – ученого польского хрониста восточнославянская элита видела волнующее присутствие Руси/России на берегах Босфора.

В задуманной и изготовленной в царствование Екатерины II серии медалей, посвященных событиям ранней русской истории, широко представлена тема похода Олега на Византию. В ознаменование этого события было отчеканено пять медалей: «В память похода Олега в Грецию», «На взятие многих греческих городов», «В память штурма Олегом Константинополя», «На заключение мира с Греками» и «На сидение Олега с греческим императором»²⁴. В екатерининскую (и не только) эпоху тема русского присутствия на Босфоре была весьма актуальной. В XVIII в. возникали проекты завоевания Константинополя. Они актуализировались в правление Анны Иоанновны во время турецкой кампании 1736–1739 гг. и особенно при Екатерине II, планировавшей основать Греческую империю, которой должен управлять из Царьграда ее внук Константин. Неподалеку от своего дворца в Царском Селе Екатерина II возводит город под названием София, который, по версии английского посла Дж. Гарриса, «будет называться Константинополем». Украшением Софии стала церковь Софии Премудрости, где хранились православные византийские святыни – часть древа животворящего Креста, чудотворная икона Пресвятой Богородицы, вывезенная с острова Родос, и десница Иоанна Крестителя²⁵.

Популярные в общественно-политической мысли России XVIII в. припоминания «покорения Царьграда» Олегом, прославление его как героя и

²³См.: Карамзин Н. Н. История государства Российского в 12-ти томах. Т. 1. С. 258.

²⁴Смирнов В. П. Описание русских медалей. СПб., 1908; Гаврилова Л. М. Русская историческая мысль и медальерное искусство в эпоху Екатерины II. СПб., 2000.

²⁵Полное собрание исторических сведений о всех в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. Составлено из достоверных источников Александром Ратшиным. М., 1852. С. 489.

²¹Sinopsis. Kiev, 1681. Facsimile mit einer Einleitung von H. Rothe. Köln–Wien, 1983. S. 171 (Л. 16).

²²Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wsystkiej Rusi. Cz. III. Warszawa, 1846. S. 116.

победителя Греческой империи актуализировались в начале XIX в. благодаря, не в последнюю очередь, опубликованной в 1802 г. в «Вестнике Европы» (№ 24) статье Н. М. Карамзина «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств». По мнению авторитетного историографа, «Олег, победитель греков, героическим характером своим может воспламенить воображение художника. Я хотел бы видеть его в ту минуту, как он прибывает щит свой к царьградским воротам, в глазах греческих вельмож и храбрых его товарищей, которые смотрят на сей щит как на верную цель своих будущих подвигов. В эту минуту Олег мог спросить: «Кто более и славнее меня на свете?»²⁶. В 1839 году Федор Бруни воплотил этот художественный замысел. Он создал замечательную гравюру «Князь Олег прибывает щит свой к воротам Царьграда», хранящуюся ныне в Государственном Русском музее (Санкт-Петербург). Эта работа выполнена по заказу Общества Поощрения Художников для альбома «Очерки событий из русской истории, сочиненные и гравированные профессором живописи Ф. Бруни».

Олегов щит на Царьгородских воротах будоражил воображение не одного поколения российских литераторов, вдохновляя их на создание многочисленных поэтических вариаций на эту тему. В 1822 г. К. Ф. Рылеевым была опубликована дума «Олег Вещий». Знаменитыми стали ее строки, прославляющие киевского князя, который

... в трепет гордой Византии
И в память всем векам
Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам.²⁷

Вслед за Рылеевым в 1826 г. Н. М. Языков, принимая пушкинскую поправку²⁸ к

стихотворению Рылеева, воспел Олегов щит, прибитый, по летописному преданию, к воротам Царьграда:

... как премудр и как мужествен был
Правитель полночной державы;
Как первый он громом войны огласил
Древлян вековые дубравы;
Как дружно сбирались в далекий
поход
Народы по слову Олега;
Как шли чрез пороги под грохотом вод
По высям днепровского брега;
Как по морю бурному ветер носил
Проворные русские челны;
Летела, шумела станица ветрил
И прыгали челны чрез волны;
Как после, водима любимым вождем,
Сражалась, гуляла дружина
По градам и селам, с мечом и с огнем
До града царя Константина;
Как там победитель к воротам прибил
Свой щит, знаменитый во брани,
И как он дружину свою оделил
Богатствами греческой дани²⁹

Припоминания победоносного похода Олега на Царьград приобрели особую актуальность во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Адрианопольский мир, завершивший эту войну, был заключен в занятом русскими войсками Эдирне неподалеку от Стамбула 14/2 сентября 1829 г. Того же дня в 911 году был заключен русско-византийский мирный договор Олегом. Это совпадение обострило патриотические чувства, придав воспоминаниям о древнерусском победителе Царьграда терпкого аромата злободневности. В августе 1829 г. было опубликовано стихотворение Ф. И. Тютчева «Олегов щит»³⁰. В сентябре того же года стихотворение с таким названием написал А. С. Пушкин:

²⁶Карамзин Н. М. О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств. Письмо к господину NN // Карамзин Н. М. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / Сост. Г. П. Макогоненко. М., 1984. С. 156.

²⁷Рылеев К. Ф. Думы / Изд. подготовил Л. Г. Фризман. М., 1975. С. 11.

²⁸Пушкин неоднократно высказывал свое несогласие с автором, справедливо отмечая, что во времена Олега Россия не имела еще герба, поэтому изображение св. Георгия не могло находиться на щите язычника Олега.

²⁹Языков Н. М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988.

³⁰Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Том первый: Стихотворения 1813–1849. М., 2002. С. 71.

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.
Настали дни вражды кровавой,
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

Впервые это произведение было опубликовано в петербургском Альманахе «Северные цветы» на 1830 год. В том же году М. Ю. Лермонтов начал писать свою поэму «Олег»³¹. Несомненно, что замысел этой поэмы возник у Лермонтова в связи с военными действиями России против Турции на Балканах. Осенью 1829 г. русская армия начала приближаться к Стамбулу/Константинополю, что, очевидно, и вдохновило поэта припомнить Олегов «разрушительный набег» на Царьград:

Он всем соседям страшен был:
Пред ним дрожали печенеги,
С ним от Каспийских берегов
Казары дружества искали,
Его дружины побеждали
Свирепых жителей дубров;
И он искал на греков мести,
Презреньем гордых раздражен...
Царь Византии был смущен
Молвой ужасной этой вести...
Но что замедлил князь Олег
Свой разрушительный набег?..

В 1858 г. была опубликована драматическая пародия Константина Аксакова (1817–1860) «Олег под

Константинополем»³², написанная им еще в студенческие годы (между 1835 и 1839 гг.) Автор вкладывает в уста некоего волхва следующий совет киевскому князю:

Твой щит, о мой властитель,
Известен всем. Из серебра он слит,
Вокруг него обвит из злата обруч,
А на щите художник исчеканил
Различные деяния людские.
Известен всем далекий звон его;
На зов его стекаются народы;
Ты на руке несешь его пред ними,
Их предводи в сраженьях роковых.
Итак, сей щит к воротам Цареграда
Прибей, Олег! Я мыслю: заменит
Такое знаменье твоих деяний
И взятие и разоренье града, –
Бессмертен ты тогда.

Олег внимлет совету волхва. Прежде чем прикрепить щит, он произносит у ворот следующую речь:

Внимайте мне, о верные мои,
Бесстрашные народы! С ваших стен
Внимайте, греки, речи государя!
Мой Цареград! Я взять его могу –
И не хочу! Но в память дел кровавых,
Что Цареград в моей был полной
власти,
Что мой шатер раскинут был у стен,
Моей победы совершенной в память,
Я прибываю щит свой знаменитый
К высококим цареградским воротам!
Пускай отсель, щитом моим
прикрытый,
Смеется он и бурям и врагам!
Пусть в нем с сих пор гремят победы
клики:
На нем мой щит красуется великий!
Ликуйте же и радуйтесь, друзья!
Царьград неодолимый покорил я,
Свой грозный щит к его вратам
прибил я!
Мечта сбылась! Теперь бессмертен я!

³¹См.: Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырех томах / Изд. второе, исправленное и дополненное. Т. 2. Л., 1980. С. 51-54.

³²Аксаков К. С. Олег под Константинополем, драматическая пародия, с эпилогом, в 3-х действиях, в стихах / соч. К. С. Аксакова. СПб., 1858.

Это студенческое произведение К. С. Аксакова было своеобразной реакцией молодого автора на исторический скептицизм профессора Михаила Каченовского, ставившего под сомнение достоверность большинства летописных преданий. «Исторический скептицизм Каченовского, – вспоминал позже К. С. Аксаков, – нашел сильное сочувствие во всех нас... Я тоже был увлечен. На третьем курсе начал я писать пародию «Олег под Константинополем», где утрировал мнение, противоположное Каченовскому. Только впоследствии увидел я всю несостоятельность нашего исторического скептицизма»³³.

Манящий зов Царьграда пронизывал общественно-политическую мысль России XIX – начала XX веков. По убеждению многих тогдашних мыслителей, ученых и литераторов, овладение им – грядущий путь России. К этому призывал, например, Тютчев:

Вставай же, Русь!
Уж близок час!
Вставай, христовой службы ради!
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?

Константинополь в представлениях поэта и дипломата является такой же столицей России, как Москва и Санкт-Петербург: «Москва и Град Петров, и Константинов Град – вот царства Русского заветные столицы»³⁴. Стремление к освобождению/завоеванию Царьграда с течением времени превратилось в национальную «навязчивую идею», овладевавшую умами в эпохи кризисов и катастроф³⁵. Обострившись во время Первой мировой войны и революционных потрясений, сотрясавших Россию в 1914–1917 гг., она снова актуализировала припоминания Олегова щита на вратах Царьграда:

³³Аксаков К. С. Воспоминания студентства 1832–1835 годов. СПб., 1911. С. 24.

³⁴Тютчев Ф. И. Русская география // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Том первый: Стихотворения 1813–1849. С. 200.

³⁵Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 175.

Олег повесил щит на медные ворота
Столицы цезарей ромейских, и с тех
пор

Олегова щита нам светит позолота,
И манит нас к себе на дремлющий
Босфор.

В этих поэтических строках пера Федора Сологуба, написанных им еще в марте 1890 года³⁶, отозвались чаяния многих его современников, видевших государственно-историческое благополучие России в обретении Константинополя.

³⁶См.: Сологуб Ф. Полное собрание стихотворений и поэм в трех томах. Том первый: Стихотворения и поэмы 1877–1892 / Изд. подготовила М. М. Павлова. СПб., 2012. С. 485, 1138.

Библиография

Источники

Протестация митрополита Иова Борецкого и других западнорусских иерархов, составленная 28 апреля 1621 г. // Статьи по славяноведению. Т. 3. СПб., 1910.

ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1962.

ПСРЛ. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003.

Сага о Фритьофе Смелом // Труды Я. К. Грота из скандинавского и финского мира. Очерки и переводы. СПб., 1898. С. 894.

Sinopsis. Kiev, 1681. Facsimile mit einer Einleitung von H. Rothe. Köln–Wien, 1983.

Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wsystkiej Rusi. Cz. III. Warszawa, 1846.

The Hustynja Chronicle. Compiled with an Introduction by Oleksiy Tolochko (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. Vol. XI). Harvard, 2013.

The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis / Edited and Collated Donald Ostrowski, with David J. Birnbaum and Horace G. Lunt // Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Vol. X. Part 1. 2003.

Литература:

Аксаков К. С. Олег под Константинополем, драматическая пародия, с эпилогом, в 3-х действиях, в стихах / соч. К. С. Аксакова. СПб., 1858.

Аксаков К. С. Воспоминания студентства 1832–1835 годов. СПб., 1911.

Гаврилова Л. М. Русская историческая мысль и медальерное искусство в эпоху Екатерины II. СПб., 2000.

Грушевський М. С. Історія України-Руси: В 11 т. 12 кн. [Репринтне издание]. Т. 7: Козацькі часи до року 1625. К., 1995.

Данилевский И. Н. Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // Одиссей: Человек в истории, 1998. М., 1999.

Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.

Карамзин Н. М. О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств. Письмо к господину NN // Карамзин Н. М. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории Государства Российского» / Сост. Г. П. Макогоненко. М., 1984.

Карамзин Н. М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. 1. М., 1989.

Копыстенский З. Палинодия // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою ахеографическою комиссиею. Т. 4. СПб., 1878.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; Послесл. А. Я. Гуревича. М., 1992.

Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырех томах / Изд. второе, исправленное и дополненное. Т. 2. Л., 1980.

Лихачев Д. С. Комментарии // Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 3-е изд., испр. и доп., подготовил М. Б. Свердлов. СПб., 2007.

Магнер Г. И. Щит Олега на воротах Константинополя // Вестник Удмуртского университета. История и филология. Вып. 2. Ижевск, 2009.

Никитин А. Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001.

Никитина С. Е. Об уме и разуме (на материале русских народно-поэтических текстов) // Славянские этюды / Сб. научных статей к юбилею С. М. Толстой. М., 1999.

Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.

Полное собрание исторических сведений о всех в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. Составлено из достоверных источников Александром Ратшиным. М., 1852.

Попов А. Изборник статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.

- Пчелов Е. В.* Олег Вещий. Великий викинг Руси. М., 2018.
- Ричка В.* «Київ – Другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). К., 2005.
- Роменский А. А.* Поход Олега на Константинополь: причины, ход событий, хронология // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (69). М., 2017.
- Рылеев К. Ф.* Думы / Изд. подготовил Л. Г. Фризман. М., 1975.
- Свердлов М. Б.* Дополнения // Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 3-е изд., испр. и доп., подготовил М. Б. Свердлов. СПб., 2007.
- Смирнов В. П.* Описание русских медалей. СПб., 1908.
- Соколова И. М.* Мономахов трон. Царское место Успенского собора Московского Кремля. М., 2001.
- Сологуб Ф.* Полное собрание стихотворений и поэм в трех томах. Том первый: Стихотворения и поэмы 1877–1892 / Изд. подготовила М. М. Павлова. СПб., 2012.
- Стриннгольм А.* Походы викингов. СПб., 2003.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1903.
- Толочко О. П.* Де було написано Густинський літопис? // Історичний збірник: Історія, історіософія, джерелознавство. К., 1996.
- Толочко О. П.* Текстологічні спостереження над збірниками, що містять Густинський літопис (До питання про реконструкцію архетипу) // Український археографічний щорічник. Вип. ¾. 1999.
- Тютчев Ф. И.* Русская география // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Том первый: Стихотворения 1813–1849. М., 2002.
- Фричьоф.* Скандинавский витязь. Поэма Тегнера (Перевод Я. К. Грота) // Труды Я. К. Грота из скандинавского и финского мира. Очерки и переводы. Т. 1. СПб., 1898.
- Чернов А.* Олег и его щит // Староладожский сборник. Вып. 9. СПб., 2012.
- Языков Н. М.* Стихотворения и поэмы. Л., 1988.

Сведения об авторе

Рычка Владимир Михайлович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник института истории Украины Национальной академии наук Украины, г. Киев (Украина). Область научных интересов: История Кевской Руси, история церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси

E-mail: wolr@ukr.net

V. M. Rychka

“OLEG'S SHIELD”

Annotation: The article is devoted to the campaign of the Prophetic prince Oleg to Constantinople and the controversial issue of the “Oleg’s Shield”. The author comes to the conclusion that the campaign was peaceful, and the shield hung by the prince on the gates of the city symbolized Oleg's readiness to defend Constantinople together with its inhabitants. The author analyzes Russian and Ukrainian late medieval sources, in which this campaign is depicted as a military and victorious for Russia; the mention by the Polish chronicler M. Strykowski of the image on the Galata gate of Constantinople reminding the Moscow coat of arms; Russian literature of Modern times, in which Oleg's campaign is also presented as a military campaign and the shield on the gate of the defeated foreign capital is a symbol of the victory of Russia. The author shows how such ideas about Oleg's campaign and his shield on the gates of Constantinople during the Russian Empire served as the basis for the need for Russia to acquire Constantinople.

Keywords: Oleg the Prophetic, Constantinople, Oleg's campaign to Constantinople, Gustynskaya chronicle, Maciej Strykowski, A. S. Pushkin.

References

Sources:

Protestatsiya mitropolita Iova Boretskogo i drugikh zapadnorusskikh ierarkhov, sostavlennaya 28 aprelya 1621 g. [The protest of Metropolitan Job Boretsky and other Western Russian hierarchs, compiled on April 28, 1621]. Stat'i po slavyanovedeniyu. Vol. 3. St. Petersburg, 1910. (In Russian)

PSRL. Vol. 1. Lavrent'evskaya letopis'. Moscow, 1962. (In Russian)

PSRL. Vol. 40. Gustynskaya letopis'. St. Petersburg, 2003. (In Russian)

Saga o Frit'ofe Smelom [The Saga about Fridtjof the Brave]. Trudy Ya. K. Grota iz skandinavskogo i finskogo mira. Ocherki i perevody. St. Petersburg, 1898. (In Russian).

Sinopsis. Kiev, 1681. Facsimile mit einer Einleitung von H. Rothe. Köln–Wien, 1983. (In Russian)

Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wsystkiej Rusi. Cz. III. Warszawa, 1846. (In Polish)

The Hustynja Chronicle. Compiled with an Introduction by Oleksiy Tolochko (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. Vol. XI). Harvard, 2013. (In Russian)

The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis. Edited and Collated Donald Ostrowski, with David J. Birnbaum and Horace G. Lunt. Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Vol. X. Part 1. 2003. (In Russian).

Researches:

Aksakov K. S. Oleg pod Konstantinopolem, dramaticheskaya parodiya, s epilogom, v 3-h deistviyakh, v stikhakh [Oleg near Constantinople, a dramatic parody, with an epilogue, in 3 acts, in verse]. Soch. K. S. Aksakova. St. Petersburg, 1853 (In Russian)

Aksakov K. S. Vospominaniya studentstva 1832–1835 godov [Memoirs of students of 1832–1835]. St. Petersburg, 1911. (In Russian)

Gavrilova L. M. Russkaya istoricheskaya mysl' i medal'ernoie iskusstvo v epokhu Ekateriny II [Russian historical thought and medal art in the era of Catherine II]. St. Petersburg, 2000. (In Russian)

Grushevs'kii M. S. Istoriya Ukraïni-Rusi: V 11 t. 12 kn. [History of Ukraine-Rus: in 11 vol. and 12 books]. Reprint ed. Vol. 7: Kozac'ki chasi do roku 1625. Kyiv, 1995. (In Ukrainian)

Danilevskii I. N. Mog li Kiev byt' Novym Ierusalimom? [Could Kiev be the New Jerusalem?]. Odissei: Chelovek v istorii, 1998. Moscow, 1999. (In Russian)

Danilevskii I. N. Povest' vremennykh let: Germenevticheskie osnovy izucheniya letopisnykh tekstov [The Tale of Bygone Years: Hermeneutical foundations for the study of Chronicle texts]. Moscow, 2004. (In Russian)

Karamzin N. M. O sluchayah i kharakterakh v rossiiskoi istorii, kotorye mogut byt' predmetom khudozhestv. Pis'mo k gospodinu NN [About cases and characters in Russian history that can be the subject of art. A letter to Mr. NN]. Karamzin N. M. Sochineniya: in 2 vol. Vol. 2. Kritika. Publitsistika. Glavy iz "Istorii Gosudarstva Rossiiskogo". Comp. by G. P. Makogonenko. Moscow, 1984. (In Russian)

Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo v 12-ti tomakh [History of the Russian state in 12 volumes]. Vol. 1. Moscow, 1989. (In Russian)

Kopystenskii Z. Palinodiya [Palinodiya]. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Imperatorskoyu aheograficheskoyu komissieyu. Vol. 4. St. Petersburg, 1878. (In Russian)

Le Goff J. Tsvivilizatsiya srednevekovogo Zapada: Per. s fr. [The Civilization of the Medieval West: Trans. from the French]. Ed. by Yu. L. Bessmertnyi; Afterword by A. Ya. Gurevich. Moscow, 1992. (In Russian)

Lermontov M. Yu. Sobranie sochinenii v chetyrekh tomakh [Collected works in four volumes]. Izd. vtoroie, ispravlennoe i dopolnennoe. Vol. 2. Leningrad, 1980. (In Russian)

Likhachev D. S. Kommentarii. Povest' vremennykh let. Podg. teksta, perevod, stat'i i kommentarii D. S. Likhacheva [Comments. The Tale of Bygone years. Text preparation, translation, articles, and

comments by D. S. Likhacev]. Ed. by V. P. Adrianova-Peretts. 3rd ed., prep. by M. B. Sverdlov. St. Petersburg, 2007. (In Russian)

Magner G. I. Shchit Olega na vorotakh Konstantinopolya [Oleg's shield on the gates of Constantinople]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istorija i filologija. Iss. 2. Izhevsk, 2009. (In Russian)

Nikitin A. L. Osnovaniya russkoi istorii: Mifologemy i fakty [The Foundations of Russian History: Mythologems and Facts]. Moscow, 2001. (In Russian)

Nikitina S. E. Ob ume i razume (na materiale russkikh narodno-poeticheskikh tekstov). Slavyanskije etyudy [About the mind and reason (based on the material of Russian folk poetic texts)]. Sb. nauchnykh statei k yubileju S. M. Tolstoj. Moscow, 1999. (In Russian)

Plyukhanova M. Syuzhety i simvoly Moskovskogo tsarstva [Plots and symbols of the Moscow Kingdom]. St. Petersburg, 1995. (In Russian)

Polnoe sobranie istoricheskikh svedenii o vsekh v drevnosti i nyne sushchestvuyushchikh monastyryakh i primechatel'nykh tserkvakh v Rossii. Sostavleno iz dostovernnykh istochnikov Aleksandrom Ratshinyim [A complete collection of historical information about all ancient and now existing monasteries and notable churches in Russia. Compiled from reliable sources by Alexander Ratshin]. Moscow, 1852. (In Russian)

Popov A. Izbornik statei, vnesennykh v khronografy russkoi redaktsii [Collection of articles included in the chronographs of the Russian edition.]. Moscow, 1869. (In Russian)

Pchelov E. V. Oleg Veshchii. Velikii viking Rusi [Oleg Prophetic. The Great Viking of Rus]. Moscow, 2018. (In Russian)

Richka V. "Kiïv – Drugij Ćrusalim" (z istorii politichnoï dumki ta ideologii seredn'ovichnoï Rusi) ["Kiev – the second Jerusalem" (from the history of political thought and ideology of medieval Russia)]. Kyiv, 2005. (In Ukrainian)

Romenskii A. A. Pokhod Olega na Konstantinopol': prichiny, khod sobytii, khronologiya [Oleg's campaign to Constantinople: reasons, course of events, chronology] // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. No. 3 (69). Moscow, 2017. (In Russian)

Ryleev K. F. Dumy [Thoughts]. Ed. Prepared by L. G. Frizman. Moscow, 1975. (In Russian)

Sverdlov M. B. Dopolneniya. Povesť vremennykh let. Podg. teksta, perevod, stat'i i kommentarii D. S. Likhacheva [Additions. The Tale of Bygone years. Text preparation, translation, articles, and comments by D. S. Likhacev]. Ed. by V. P. Adrianova-Peretts. 3rd ed., prep. by M. B. Sverdlov. St. Petersburg, 2007. (In Russian)

Smirnov V. P. Opisanie russkikh medalei [Description of Russian medals]. St. Petersburg, 1908. (In Russian)

Sokolova I. M. Monomakhov tron. Tsarskoe mesto Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlya [Monomakh throne. The Royal place of the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin]. Moscow, 2001. (In Russian)

Sologub F. Polnoe sobranie stikhotvorenii i poem v trekh tomakh. Tom pervyi: Stikhotvoreniya i poemy 1877–1892 [The complete collection of poems and poems in three volumes. Volume one: Poems and Poems 1877–1892]. Ed. prep. by M. M. Pavlova. St. Petersburg, 2012. (In Russian)

Strinnholm A. Pokhody vikingov [Viking Campaigns]. St. Petersburg, 2003. (In Russian)

Sreznevskii I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka [Materials for the Dictionary of the Old Russian language]. Vol. 3. St. Petersburg, 1903. (In Russian)

Tolochko O. P. De bulo napisano Gustins'kij litopis? [Where was the Gustinsky chronicle written?] // Istorichnij zbirnik: Istorija, istoriosofija, dzhereloznavstvo. Kyiv, 1996. (In Ukrainian)

Tolochko O. P. Tekstologichni sposterezhennya nad zbirnikami, shcho mistyat' Gustins'kij litopis (Do pitannya pro rekonstrukciyu arhetipu) [Textological observations on collections containing the Gustinsky Chronicle (on the question of archetype reconstruction)] // Ukraïns'kij arheografichnij shchorichnik. Vip. ¾. 1999. (In Ukrainian)

Tyutchev F. I. Russkaya geografiya [Russian geography] // Tyutchev F. I. Polnoe sobranie sochinenii i pis'ma v shesti tomakh. Tom pervyi: Stikhotvoreniya 1813–1849. Moscow, 2002. (In Russian).

Frit'of. Skandinavskii vityaz'. Poema Tegnera Predvaritel'nye svedeniya (ocherk byta, religii i poezii drevnikh skandinavov) [Fridtjof. The Scandinavian knight. Tegner's Poem liminary information (an essay on the life, religion and poetry of the ancient Scandinavians)] // Trudy Ya. K. Grota iz skandinavskogo i finskogo mira. Ocherki i perevody. Vol. 1. St. Petersburg, 1898. (In Russian).

Chernov A. Oleg i ego shchit [Oleg and his shield] // Staroladozhskii sbornik. Iss. 9. St. Petersburg, 2012. (In Russian).

Yazykov N. M. Stikhotvoreniya i poemyy [Verses and poems]. Leningrad, 1988. (In Russian).

About the author

Rychka Vladimir M., Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev (Ukraine). Research interests: History of Kevskaya Rus, history of the church and church-state relations in Kievan Rus.

E-mail: wolr@ukr.net

ВИЗАНТИЯ, БОЛГАРИЯ И РУСЬ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ X ВЕКА

Аннотация: Статья посвящена анализу места и роли Руси в системе византийско-болгарских отношений в первой половине X века. На основе анализа экономических, политических и идеологических факторов, влияющих на отношения Византии, Болгарии и Руси, обосновывается вывод, что невмешательство Руси в византийско-болгарское противостояние в первой половине X века было вызвано целью Руси, во-первых, сохранить статус-кво с Византией, а во-вторых, поддержать силу Болгарии как стабилизирующего фактора в районе северного побережья Черного моря, а также для ослабления влияния Византии в указанном регионе и на Балканах.

Ключевые слова: Византия, Болгария, Русь, Киев, X в.

Первая треть X в. в истории Юго-Восточной Европы обозначена кардинальными изменениями, произошедшими в результате роста могущества Первого Болгарского царства и ослабления позиций в регионе Византии. В частности, одним из самых острых военных конфликтов в истории европейского средневековья была так называемая вторая война Симеона Болгарского против Византии. Балканские дела привлекали пристальное внимание константинопольского правительства, а также соседних государств. Особое значение византийско-болгарское противостояние приобрело для молодого Киевского государства, которое в то время только формировалось и начало бороться за свои права и место на международной арене, прежде всего в отношениях с Византией¹. В

этой политике, а также в направлении консолидации русских властных образований вокруг нового политического центра Киева для последнего большое значение приобретали и отношения с соседней Болгарией, в то время достаточно могущественным государством, которая к тому же контролировала и ряд восточноевропейских славянских племен. Однако, если болгарско-византийские и русско-византийские отношения указанного периода достаточно хорошо освещены в историографии², то переплетение всех трех факторов международной политики (Византии, Болгарии, Киева), а также русско-болгарские отношения первой трети X в. еще не нашли своего должного освещения в историографии³, что можно объяснить прежде всего отсутствием достаточной источниковой базы⁴. Источники преимущественно подают довольно отрывочные и косвенные данные о русско-болгарских отношениях указанного периода. Поэтому «роль Болгарии и болгар в становлении древней Руси ... недооценивается в отечественной историографии»⁵, и в то же время, как отмечает Г. Г. Литаврин, в системе

записки. Зб. праць молодих вчених та аспірантів / Інститут української археології та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. Т. 20. К., 2010. С. 7-26.

²См., напр.: *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XIII в.). СПб., 2000; *Сохань П. С.* Очерки истории украинско-болгарских связей. К., 1976. С. 12-37.

³См.: *Гордиенко Д. С.* Відносини Візантії, Русі та Болгарії в першій половині X ст. // *Древнее Причерноморье*. Вып. IX, глав. ред. И. В. Немченко. Одесса, 2011. С. 106.

⁴Ср.: *Сохань П. С.* Очерки истории украинско-болгарских связей. С. 18.

⁵*Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). С. 6.

¹См.: *Гордиенко Д.* Русь у системі зовнішньої політики Візантії першої половини X ст. // *Наукові*

русско-византийских экономических, политических и культурных связей Болгария всегда в IX – начале XI в. играла роль своеобразного примера для русской правящей элиты в отношениях с Константинополем⁶. Поэтому возникает вопрос, как влиял каждый субъект на взаимоотношения двух других, в частности – прекращала ли русь торговлю с Византией во время обострения византийско-болгарских отношений.

Прежде всего следует отметить, что под русью мы имеем в виду не средневековое государство с центром в Киеве, о котором можем говорить только начиная от Владимира, то есть с конца X в.⁷, а группы русов-скандинавов, которые установили свою власть над частью восточноевропейских славянских племен в первой половине X в. Летописец предгосударственный период определяет как племенные образования, по крайней мере в одном из которых – Киеве когда-то была и своя собственная династия⁸.

Еще в 1990-ые годы Е. А. Мельникова предложила концепцию вожества на определение политической ситуации в Среднем Приднепровье⁹ в X в., которая была развита в трудах Д. Н. Котышева¹⁰. Исследователь

рассматривает властные отношения русов относительно местного славянского населения как систему вожества, которая базировалась на полюдь¹¹. Однако полюдь было не просто механизмом сбора дани, но и выполняло сакрализованные функции сосуществования покоренных и покорителей¹². Отношения же около двадцати групп скандинавов-русов, согласно количеству князей по русско-византийским договорам¹³, с местным населением, как и определение в их рамках летописных племенных объединений – вопрос будущих исследований. В любом случае Византия имела отношения именно с русами, с которыми и заключила известные договора 911 и 944 гг., они, русы, попадали и в интересы Болгарии, и наоборот. Таким образом, если принять концепцию, что Византия заключала межгосударственный договор не с государством, а с конгломератом формально независимых русских кланов, на что обратили внимание еще Е. О. Партицкий¹⁴ и М. С. Грушевский¹⁵, легко объясняются отмеченные исследователями особенности русско-византийских договоров, их отклонения от «типичных византийских договоров»¹⁶.

Стоит отметить, что связям между болгарами и русами в IX и X вв. способствовал тесный территориальный контакт между ними

⁶Там же. С. 135.

⁷Грушевський М. С. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. / Редкол.: П. С. Сохань (голова) та ін. Т. І. К., 1994. С. 478 и след.

⁸Имеется в виду легенда о Кие и Киевичах: Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. идея. Παλαίωροσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει. Альманах, вып. 5: К 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Под ред. д. и. н. проф. А. В. Петрова. СПб., 2016. С. 233-252; Котышев Д. М. Русская земля в среднем Поднепровье: от потестарных структур к раннему государству // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαίωροσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει. Альманах. Вып. № 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 7-8.

⁹См.: Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды / Под ред. Г. В. Глазыриной и Т. Н. Джаксон. М., 2011. С. 15-34.

¹⁰Котышев Д. М. Русская земля в X–XII вв.: центр и периферия // Древняя Русь: во времени, в личностях, в 2 (10): Материалы научной конференции «Властные,

религиозные институты Древней Руси: история взаимовлияния и взаимодействия», Санкт-Петербург, 21-22 и 25-26 июня 2018 года. СПб., 2018. С. 24-47.

¹¹Котышев Д. М. Русская земля в X–XII вв.: центр и периферия. С. 241-242.

¹²См.: Зубашевський Н. Еволюція ранньодержавного інституту руського полюддя в період реформ княгині Ольги: трактування літописних повідомлень // Вісник Львівського університету. Серія історія. Вип. 45. 2010. С. 499-519. социальные и

¹³ПСРЛ. Т. 2. Стб. 23, 35-36.

¹⁴Партицкий О. Скандинавщина в Давній Русі. Львів, 1887. С. 30-76.

¹⁵Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. І. С. 422.

¹⁶Малингуди Я. Русско-византийские договоры X в. в свете дипломатики // Византийский временник. Т. 57. 1997. С. 61. См. также: Бибииков М. В. Русь в византийской дипломатии: договоры руси с греками X в. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. № 19. 2005. С. 6-7.

в бассейне Приднестровья и устья Дуная¹⁷. К тому же часть болгаро-сарматских племен была ассимилирована славянским населением в районе Причерноморья и Среднего Приднепровья¹⁸, следовательно, на землях, которые в X в. вошли в сферу политических интересов Киева. В конце IX – начале X в. болгарское правительство осуществляло стабильную власть в районе к северу от устья Дуная¹⁹, возможно, часть славянских племен, проживавших между средним Приднестровьем и Прутом, была под номинальной властью болгар²⁰. Известно, что вдоль верхнего течения р. Днестр и в районе верхней Вислы жила такая славянская группа племен, как «белые хорваты»²¹. Таким образом, отдельные славянские племена Восточной Европы, на господство над которыми претендовали русы, постепенно заселили южнодунайский регион²², и, соответственно, именно в районе Днестра и Дуная русы и болгары и должны были прежде всего контактировать. Следовательно, в условиях политической централизации восточноевропейских племен вокруг Киева в сферу интересов княжеской власти вполне естественно должен был попасть и указанный регион, где интересы руси прямо пересекались с устремлениями болгарского правительства²³.

Известно, что именно в это время Киев пытался подчинить своей власти племена

тиверцев и уличей. «Повесть временных лет» сообщает, что во времена правления Олега тиверцы переселились на западный берег Днестра²⁴, а в правление его преемника Игоря в район между Днестром и Южным Бугом переселились уличи²⁵. Однако активные действия Киева в отношении указанных племен сдерживали движение кочевых племен в западном направлении в украинских степях (венгры, печенеги, узы и другие). Однако «степной фактор» ослабил и влияние болгарского правительства в указанном регионе²⁶. Таким образом, вопрос подчинения упомянутых племен своей власти оставался открытым как для приднепровских групп руси, так и для Болгарии.

В истории Византии начало правления Македонской династии ознаменовало вхождение империи в новую эру своей истории – период наивысшего культурного, а затем и политического развития. На международной арене характер взаимоотношений Византии с окружающим миром (причем не только с Востоком или Западом, но и с Севером) во многом определялся особенностями ее геополитического расположения²⁷. Укрепление позиций Византии на Востоке имело большое значение для политики империи на Балканах и в Северном Причерноморье. К тому же каждое из славянских государств или политических образований – Русь, Моравия, а также южные славяне были для Византии отдельной проблемой²⁸. Нападение руси на Константинополь в 860 г. в Византии помнили в течение двух веков, а свое спасение связывали с покровительством Богородицы. Примечательно, что летописец именно с этого

¹⁷ Михайлов Е. Киевская Русия и България през X в. // Руско-български връзки през вековете. София, 1986. С. 62.

¹⁸ Сохань П. С. Очерки истории украинско-болгарских связей. С. 13.

¹⁹ Михайлов Е. За руско-българската етническа граница до края на X век // Годишник на Софийския университет. № 3. 1973. С. 195-198.

²⁰ Франклин С., Шепард Д. Начало Руси, 750-1200 / Авторизованный перевод с английского Д. М. Буланин, Н. Л. Лужецкая; Под ред. Д. М. Буланина. СПб., 2009. С. 123.

²¹ Нидерле Л. Славянские древности / Пер. с чешск. М., 1956. С. 155.

²² Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 130.

²³ Ср.: Николаев В. Д. К истории болгаро-русских отношений в начале 40-гг. X в. // Советское славяноведение. № 6. 1982. С. 49-55.

²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 9.

²⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. С. 109.

²⁶ Михайлов Е. Киевская Русия и България през X в. С. 64.

²⁷ Литаврин Г. Г. Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII–XII вв. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. Сборник статей / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 11.

²⁸ Острогорський Г. Історія Візантії / пер. з нім. А. Онішка. Львів, 2002. С. 213.

похода выводит начало Русского государства²⁹. Именно это нападение руси и утверждение их в Северном Причерноморье заставило Византию восстановить союз с Хазарией для сохранения равновесия сил в северном регионе³⁰.

Особое значение северного региона для империи четко прослеживается по трактату Константина VII Порфирогенета “De administrando imperio”. Император выделил и выдвинул на передний план разделы о печенегах (1–8), венграх (3, 4), росах (2), болгарях (5), то есть о народах, проживавших у северных границ империи. Так же и 13-й раздел посвящен «северным народам»³¹. В противостоянии варварам византийская дипломатия умело использовала систему «союзов». На Балканах Константин называет союзниками Византии сербов и хорватов, в регионе же Северного Причерноморья в первой половине X в. империя делала ставку на союз с печенегами. Они должны были противостоять формированиям русов, а также венгерской орде и болгарам. Важную роль играли печенеги и как посредники торговли Херсона с русью, Хазарией и другими северными народами. Поэтому, как отмечал А. А. Васильев, печенеги в X в. для Византии имели важное значение как в политическом, так и в экономическом плане³².

К середине X в. Византия пережила три больших нападения руси (860, 904/907³³ и 941 гг.). Последние два из них приходятся на

период Македонской династии. Все походы осуществлялись как морские экспедиции, а потому путь русского флота неизбежно проходил вдоль болгарского побережья Черного моря. Поэтому по крайней мере без молчаливого согласия болгарского правительства осуществить успешные нападения руси на Константинополь было достаточно проблематично. П. В. Кузенков прямо предполагает, что перед походом на Царьград Олег заключил договор с болгарским правителем Симеоном³⁴. Подобную практику пропуска войска русов встречаем в походе на Каспийское море 912/913 г., когда хазары пропустили русь за обещанную половину добычи³⁵.

Согласно летописи, Олег с многочисленным войском дошел до самого Константинополя и заставил византийских императоров вступить с ним в переговоры и заключить выгодный для руси торговый договор. Во времена Романа I Лакапена столица дважды была под угрозой со стороны руси. Несмотря на то, что первый поход Игоря 941 г. был неудачным, во время второго похода русского князя Византия решила не рисковать и еще на дальних подступах заключила договор с русью, задоблив князя и бояр щедрыми подарками³⁶.

Рост могущества Киевского политического образования русов не мог не вызвать беспокойства в византийских правящих кругах. Однако для Византии в первой половине X в. первостепенное значение имели отношения именно с Болгарией. В отличие от Василия I, Лев VI не имел строго определенной внешней политики, и именно при нем разгорелся один из крупнейших балканских конфликтов в византийской истории – война с Симеоном Болгарским, когда Византия была вынуждена обратиться за помощью к венграм, которые в ответ на призыв Византии тогда впервые вмешались в конфликт

²⁹ПСРЛ. Т. 2. Стб. 12.

³⁰ *Острогорський Г.* Історія Візантії. С. 213.

³¹ См.: *Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperio* / Ed. V. G. Niebuhrii. Bonnae, 1840.

³² *Васильев А. А.* История Византийской империи. Время до Крестовых походов (до 1081 г.) / Вст. ст., прим., ред., пер. А. А. Грушевого. СПб., 1998. С. 428.

³³ Летопись датирует поход Олега на Царьград 907 г.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 21; П. В. Кузенков приводит аргументы относительно датировки похода 904 г.: *Кузенков П. В.* Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в средние века Вып. 8. 2011. С. 7-35; М. С. Грушевский датирует поход или походы Олега на Византию более обширно – началом X в.: *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. I. С. 432. Также М. В. Бибииков отмечает военную активность руси на территории империи в 905 г.: *Бибииков М. В.* Русь в византийской дипломатии... С. 9-10.

³⁴ *Кузенков П. В.* Русь Олега у Константинополя в 904 г. С. 33.

³⁵ *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. I. С. 416, 434.

³⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 34-35.

между европейскими государствами. К тому времени венгры занимали территорию между Днестром и Дунаем вдоль северо-западного берега Черного моря. Это нападение венгров было совершенно неожиданным для Симеона, к тому же северо-восточная граница Болгарии была недостаточно укреплена, а через Дунай венгерскую армию переправил византийский флот³⁷. Со своей стороны, Симеон обратился за помощью к печенегам, которые разгромили венгров на Южном Буге³⁸ и заставили их отступить в Среднедунайскую равнину, а Византия потерпела поражение от болгар (896 г.) и была вынуждена выплачивать Симеону ежегодную дань. Война на Балканах надолго парализовала действия византийцев против арабов как на Востоке, так и на Западе.

Со смертью Льва VI власть перешла к его брату Александру, что имело ощутимые последствия для внешней политики империи. Александр отказался платить ежегодную дань болгарам. В ответ Симеон начал военные действия против империи³⁹, вскоре после начала которых император Александр умер (6 июня 913 г.). В то время единственным представителем Македонской династии остался Константин VII Порфирогенет. Регентство над семилетним императором возглавил патриарх Николай Мистик.

Правление Симеона (893–927) составляет «новую эру»⁴⁰ в истории Болгарии. Получив по тем временам хорошее образование в Константинополе, в истории Болгарии он был фактически «Ромеем на болгарском престоле». Усвоив античные и византийские политические

доктрины, основной задачей своей деятельности Симеон считал получение императорского престола в Константинополе. «Надо себе представить, – пишет М. С. Грушевский, – очарование Царьграда, этого “нового Рима” с его изысканными формами жизни и быта, с его высокой техникой ремесла и искусства, буйной, цветастой амальгамой античных и восточных элементов, которое для славянских и вообще восточно-европейских народов было не менее, нежели очарования от старого, более консервативного и стилевого Рима для германцев»⁴¹. Эти слова выдающегося украинского историка в наибольшей степени и можно приложить к тогдашней Болгарии, которая непосредственно граничила с Византией, претерпела ее сильное культурное влияние, которое придает войнам Симеона особый характер, и создавала особенную опасность для империи⁴². Ведь в Средневековье право называться империей сочеталось с правом гегемонии в мире, в котором могла существовать только одна христианская империя.

Уже в августе 913 г. Симеон снова стоял под стенами Константинополя. Напрасно Николай Мистик слал Симеону пастырские письма, которые, конечно, не имели никакого влияния на болгарского правителя. Тогда патриарх стал угрожать ему союзом Византии с русью, печенегами, аланами и западными турками (венграми), что также было бесполезно, потому что среди тех же народов успешно действовали и болгарские эмиссары⁴³. Угроза патриарха русью, вероятно, была обусловлена русско-византийским союзом, заключенным по договору 911 г. На то, что тогда мог быть заключен союзный договор, кроме участия русов в походе империи против арабов Крита, может указывать и формуляр, по которому грамота императоров Константина и Романа архонту руси посылалась с печатью в 2

³⁷ *Каждан А. П., Литаврин Г. Г.* Очерки истории Византии и южных славян / Изд. 2-е, испр. СПб., 1998. С. 168-169.

³⁸ *Беззаконов С. Н.* Еще раз о легендарной эпохе первых договоров Руси // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Палаиоромиа: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει. Альманах, вып. 8 / Под ред. д. и. н. П. И. Гайденко. СПб., 2017. С. 224.

³⁹ *Каждан А. П.* К вопросу о начале второй болгаро-византийской войны при Симеоне // Славянский архив. М., 1959. С. 23.

⁴⁰ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. 3: Период Македонской династии (867–1057). М., 2002. С. 329.

⁴¹ *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. I. С. 429.

⁴² *Острогорський Г.* Історія Візантії. С. 236.

⁴³ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. 3. С. 338.

золотых солида⁴⁴, что свидетельствовало о высоком статусе правителя руси в византийской иерархии народов. Также с целью выполнения статей договора 911 г., по предположению Г. Г. Литаврина, в промежутке времени 920–922 гг. (во время войны против Симеона) императоры Роман I Лакапен и Константин VII Порфирогенет выслали грамоту князю Игорю с просьбой о помощи в войне против Болгарии⁴⁵. Таким образом, угроза патриарха не была совершенно безосновательной. К тому же Николай Мистик в своем послании имел в виду реальный «возможный поход (как особую кампанию) против Болгарии русских войск из самой Руси», а не в составе византийского войска⁴⁶, где русь, вероятно- таки, была. Однако это обращение не достигло своей цели, русско-византийский договор 911 г., по мнению Г. Г. Литаврина, оставался в силе до 941⁴⁷.

Несмотря на то, что Симеон переоценил свои силы, он был просто не способен взять штурмом мощнейшую на то время крепость средневекового мира, правительство Николая Мистика капитулировало и пошло на значительные уступки болгарам. По договору одна из дочерей Симеона должна была стать женой Константина VII, а сам он получил титул императора, правда, только болгарского⁴⁸. Заключению достаточно выгодного договора способствовала блестящая победа Симеона, одержанная над византийской армией 20 августа 917 г. на р. Ахелой, которая лишила Византию значительной части ее войска. Тогда же Симеон оккупировал часть Македонии, самовольно провозгласил себя «царем и самодержцем болгар и ромеев», а болгарскую церковь – независимой от Константинополя⁴⁹.

⁴⁴*Constantinus Porphyrogeniti. De cerimoniis aulae byzantinae libri duo / Erec. I. Reiskii. Bonnae, 1829. P. 690.21-691.1.*

⁴⁵Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). С. 68.

⁴⁶ Там же. С. 95.

⁴⁷ Там же. С. 68.

⁴⁸ Каждан А. П., Литаврин Г. Г. Очерки истории Византии и южных славян. С. 171.

⁴⁹ Там же. С. 171-172.

Однако благодаря государственному перевороту в Константинополе к власти снова вернулась мать-императрица Зоя. Новое правительство признало недействительным брачный договор с Болгарией, а коронацию Симеона юридически неправомочной⁵⁰. Война между Болгарией и Византией в 919 г. разгорелась с новой силой. Византия была вынуждена решиться на энергичное контрнаступление.

Морские силы Византии возглавил сын армянского крестьянина Роман Лакапен. Однако и это военное предприятие потерпело сокрушительное поражение от Симеона. Но, несмотря на поражение, Роману удалось укрепить свое положение внутри государства. Он отстранил императрицу Зою от власти, а в мае 919 г. обручил несовершеннолетнего василевса Константина VII со своей дочерью Еленой. Так Роман получил титул василеопатора, а уже 17 декабря того же года был провозглашен соимператором⁵¹. Эти шаги Романа полностью разрушали планы Симеона.

Византийско-болгарский конфликт имел большое значение для всего Балканского полуострова. Интересы двух воюющих государств особенно столкнулись в Сербии. Болгарский правитель был вовлечен в сербско-хорватские дела, где претерпел значительные поражения. После этих неудач он планировал новый поход на Византию, но вскоре, 27 мая 927 г., умер. Со смертью Симеона закончилась и блестящая эпоха войн Болгарии против Византии за доминирование на Балканах⁵².

Преемник Симеона Петир немедленно заключил мир с Византией, взамен на что он был признан царем Болгарии и получил руку принцессы Марии Лакапены, внучки императора Романа I и дочери его старшего сына Христофора⁵³. Таким образом удалось урегулировать болгарский конфликт, и в течение определенного времени отношения с

⁵⁰ Острогорський Г. Історія Візантії. С. 236.

⁵¹ Там же. С. 237.

⁵² Каждан А. П., Литаврин Г. Г. Очерки истории Византии и южных славян. С. 173.

⁵³ Острогорський Г. Історія Візантії. С. 238-239.

Болгарией оставались мирными⁵⁴. Усилились позиции Византии и в других славянских странах. Да и сама Болгария попала в сферу византийской культуры. С момента христианизации этот процесс шел быстрыми темпами, а в первой половине X в. достиг своего апогея.

В середине X в. Византия была вынуждена вступить в борьбу против египетских арабов. Поэтому империя нуждалась в спокойствии на Западе, особенно на севере, где основными врагами были Болгария и военно-политические образования русов. Если же предположить реальность союза руси и болгар в войне против Византии 904 г.⁵⁵, нейтрализация русов, разрыв их союза с болгарами становились первоочередными задачами для византийской дипломатии. В отличие от Болгарии, владения руси были далеко, они были защищены как природными условиями, так и политическими – между Византией и Средним Приднепровьем была земля хазар и печенегов. Поэтому вполне естественно, что Константинополь был заинтересован использовать для собственной выгоды именно политический фактор, прежде всего печенегов, для предотвращения нападений руси на столицу империи, что и нашло свое выражение в трактате Константина VII Порфирогенета.

В Киеве также внимательно следили за политической ситуацией в Византии и на Балканах. Ярким примером этому является поход около 907 г., который оказался совершенно неожиданным для империи. Русские летописи подают поход как грандиозную военную экспедицию Олега на Царьград⁵⁶. Однако византийские источники вовсе не упоминают об этом нападении. Вероятно, каких-либо существенных военных столкновений тогда и не произошло, по

крайней мере к столице империи русские корпуса не дошли. Как предполагает Г. Г. Литаврин, византийцы предпочли мирные действия относительно руси⁵⁷ в противовес вооруженному сопротивлению. По летописи, тогда Константинополь выплатил контрибуцию и согласился выплачивать руси ежегодную дань⁵⁸. С другой стороны, по мнению П. С. Соханя, поход большого войска Олега на Константинополь был выгоден болгарскому правителю Симеону, который мог использовать его для достижения собственных целей⁵⁹.

Со середины IX в. экономика Византии переживает период экономического подъема, что сказалось и на внешнеэкономической активности империи. Однако с позиций Константинополя иностранная торговля воспринималась как важная, но не главная составляющая внешних отношений, которая подчинялась политике. Таким образом, экспортные ограничения, как отмечает А. Н. Домановский, касались именно тех товаров, «свободная торговля которыми могла нарушить приоритет дипломатии над коммерцией»⁶⁰. Ведь для тогдашней экономики, кроме непосредственного «экономического обмена», важное значение имел и т. н. «внеэкономический обмен», который осуществлялся прежде всего с целью сохранения определенного статуса, а не получение прибыли⁶¹.

Большое значение черноморского рынка для Византии является общеизвестным. В X в. активную торговлю с Византией проводила русь. Эта торговля, как отмечал М. В. Левченко, была выгодна не только руси, но и

⁵⁴Литаврин Г. Г. Внутренняя и внешняя политика Византии во второй половине X – первой четверти XI в. // История Византии: в 3 т. / Отв. ред. С. Д. Сказкин. Т. II. М., 1967. С. 214.

⁵⁵Беззаконов С. Н. Еще раз о легендарной эпохе первый договоров Руси. С. 235.

⁵⁶ПСРЛ. Т. 2. С. 21 и след.

⁵⁷Литаврин Г. Г. Византия и Русь в IX–X вв. // История Византии: в 3 т. / Отв. ред. С. Д. Сказкин. Т. II. М., 1967. С. 230.

⁵⁸ПСРЛ. Т. 2. Стб. 21–22.

⁵⁹Сохань П. С. Очерки истории украинско-болгарских связей. С. 19.

⁶⁰Домановський А. М. Державний контроль та регулювання торгівлі у Візантії IV–IX ст. Автореф. дис. ... к. іст. н.: спец. 07.00.02. Харків, 2007. С. 15.

⁶¹См.: Домановський А. М. Тритомна історія візантійської економіки // Древности-2005. Харків, 2005. С. 342.

Византии⁶². Инициатива в развитии византийско-русских отношений исходила от Киева, который силой оружия постепенно утверждал свои права в межгосударственных отношениях.

Общий торговый интерес приднепровских русов выдвинул на первое место значение Киева. Безусловно, в X в. Киев не был столицей Руси⁶³, да и вообще как город он возникает/развивается лишь в конце X в.⁶⁴ Однако именно форпост киевских русов, который располагался скорее всего на Замковой горе⁶⁵, благодаря выгодному географическому расположению на пересечении трех речных путей – Днепровского, Деснянского и Припятского, вышел на передний план, что и обусловило выделение киевского властителя (Олега) среди других русских князей уже в русско-византийском договоре 911 г.⁶⁶ Как отмечал М. С. Грушевский, «Киев был прежде всего торговым городом, в котором именно торговые интересы, по всей вероятности, должны были дать здесь инициативу в государственной организации и вообще управляли политической жизнью, следовательно, мы должны принять, что киевская политика прежде всего была обращена на обеспечение торговли, а следом – на овладение своей самой важной торговой дорогой»⁶⁷. Именно коммерческий интерес и заставлял киевских русов поддерживать дружеские отношения с Византией⁶⁸.

Договора Византии с русью 907 и 911 гг. говорят об определенной практике политических и торговых отношений руси с империей. Получается, эти два договора являются по сути одним, если даже первый признать реальным⁶⁹. К тому времени на Руси политика и коммерция были тесно переплетенными. М. С. Грушевский отмечал, что, «торговые выгоды составляют главный предмет и содержание, альфу и омегу дипломатических отношений. Русские князья и бояре – одновременно правительство и купечество. Киевская государственная политика стоит на услуге в торговле, а торговля составляет опять же тот экономический фундамент, на который опираются князья и правительство»⁷⁰. Таким образом, только центральная власть была способна обеспечить собственным купцам выгодные торговые условия с другим государством, а также гарантировать безопасность купеческим караванам. Следовательно, русско-византийская торговля осуществлялась именно княжеской властью. Отсутствие у купцов княжеских грамот или печатей лишало их льгот на рынках империи⁷¹. С другой стороны, купцы государств, которые не заключили дипломатических соглашений с Византией, вообще не имели права торговать не только в столице, но и в других городах империи⁷².

Важным аспектом внешнеэкономической деятельности империи было обеспечение трансконтинентальных торговых путей из Индии и Китая в обход посредников. Успешными оказались эти попытки через регион Северного Кавказа и Северное Причерноморье⁷³. Поэтому империя была

⁶²Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений / Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1956. С. 18.

⁶³Ср.: Назаренко А. В. Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 103-113.

⁶⁴См.: Комар А. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. Т. IV. К., 2004. С. 115-137.

⁶⁵См.: Богусевич В. А. Розкопки на горі Киселівці // Археологічні пам'ятки УРСР. К., 1952. С. 66-72.

⁶⁶ПСРЛ. Т. 2. Стб. 23.

⁶⁷Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. I. С. 412-413. Ср.: Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. С. 172.

⁶⁸Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. С. 216.

⁶⁹Сомнения относительно реальности договора 907 г. см.: Беззаконов С. Н. Еще раз о легендарной эпохе первых договоров Руси. С. 204-208. Однако реальных аргументов относительно фиктивности договоров 911 и 944 гг. в историографии на сегодня не предложено.

⁷⁰Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. I. С. 423.

⁷¹Литаврин Г. Г. Византия и Русь в IX–X вв. С. 230.

⁷²Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). С. 23.

⁷³Домановський А. М. Державний контроль та регулювання торгівлі у Візантії IV–IX ст. С. 10.

жизненно заинтересована удерживать под своим контролем северочерноморский регион, для чего прибегала к различным политическим комбинациям. Византия пристально охраняла Черное море от чьего-либо проникновения в его бассейн. Осуществление монопольного права на пользование навигацией на Черном море легко обеспечивалось с юга – мимо морских пристаней и обороны Константинополя трудно было проникнуть незамеченным. Однако сложнее была ситуация в районе Северного Причерноморья, где достаточно мощно заявила о себе как о морской военной силе русь. Отсюда и то большое значение, которое Константинополь придавал Херсону.

Таким образом, в первой трети X в., особенно во время второй войны Симеона Болгарского против Византии, между русью и империей действовал довольно выгодный для Киева торговый договор, которым, можно предположить, очень дорожило русское правительство. По крайней мере источники не дают оснований для вывода о прекращении или ограничении русско-византийской торговли в указанный период⁷⁴. Именно этим можно объяснить и невмешательства руси в конфликт между Болгарией и Византией на какой-либо из сторон. Поддержка Болгарии могла аннулировать русско-византийский договор, а выступление против Болгарии на призыв Николая Мистика могло также парализовать, с одной стороны, экономические связи с самой Болгарией⁷⁵, а с другой – с той же Византией, ведь часть торгового пути, известного как «из варяг в греки», проходила вдоль болгарского побережья Черного моря. С другой стороны, нет оснований считать, что во время войны Симеона с Византией прекращал

функционировать торговый путь из Киева в Константинополь. Сименон не имел возможности его перекрыть, как и провоцировать купеческо-военные отряды русов на агрессивные действия против болгарских поселений на побережье было опасно.

Ситуация изменилась в правление болгарского царя Петира, который заключил мирный договор с Византией. Во время первого похода Игоря на Византию именно болгары первыми сообщили о нем Роману I Лакапену. Поэтому неудивительно, что во время второго похода на Царьград Игорь приказал печенегам напасть на Болгарию и разграбить ее с целью наказания и нейтрализации ее военных сил⁷⁶. Примечательно, что и послы византийского императора встретили войско Игоря на Дунае – болгарской границе, где и был заключен мирный договор 944 г.⁷⁷, по которому и наступил самый плодотворный этап в отношениях языческой руси с империей⁷⁸. Факт встречи византийским посольством Игоря с войском на Дунае показывает, что переход русского войска через болгарскую территорию не был проблемным для руси. Поскольку с 927 г. Византия состояла в мире с Болгарией, русско-византийский договор 944 г. способствовал и русско-болгарским экономическим и политическим связям.

Таким образом, основной фактор, который определял политику руси в отношении Византии и Болгарии в первой трети X в., был торговый, а также стремление Киева укрепиться в регионе Северного Причерноморья. Однако, стремясь усилить свои позиции в регионе, русь задевала интересы Болгарии. Поэтому для Киева важным было и сохранение позиций Византии на Балканах. Но и с Болгарией русь была вынуждена поддерживать дружеские

⁷⁴Литаврин Г. Г. Древняя Русь, Болгария и Византия в IX–X вв. // IX Международный конгресс славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983. С. 72-74.

⁷⁵Ср.: Михайлов Е. Киевская Русия и България през X в. С. 65; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 34.

⁷⁶Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). С. 77; Николаев В. Д. К истории болгаро-русских отношений в начале 40-гг. X в. С. 50-55.

⁷⁷ПСРЛ. Т. 2. Стб. 35.

⁷⁸Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). С. 98.

отношения, ведь без «согласия» болгар русь не могла осуществить неожиданное нападение на Константинополь⁷⁹. Поэтому Игорь не сам пошел с карательной акцией против Болгарии, а направил печенегов.

Симеон преследовал собственные цели, направленные на получение константинопольского трона и на укрепление геополитического положения Болгарии в Юго-Восточной Европе. Противостояние с Византией требовало значительных усилий, ресурсов и благоприятной международной ситуации. Поэтому, очевидно, после заключения русами с Византией договора 911 г. Симеон не оказывал преград русско-византийской торговле, тем более, что в его планы не входило уничтожение или экономическое ослабление Византии.

К урегулированию отношений с русью болгар принуждала и нестабильная ситуация внутри страны в связи с заключением договора 927 г., который часть болгарской знати не признавала. Особенно после восстаний в Болгарии в 928 и 930 гг.⁸⁰ Петир был вынужден считаться с оппозиционной партией. К тому же эти восстания тайно поддерживала Византия. Официально осудив восстание младшего брата Петира Ивана, византийцы вывезли его сначала в Константинополь, а затем в фему Армения, где его женили на знатной византийке⁸¹. Поэтому уже венгры силой оружия всё-таки получили право беспрепятственного прохода по территории Болгарии в походе на Византию, что было прямым нарушением мирного договора 927 г. Противостоять еще и руси Болгарии было не под силу, и это заставляло болгарское правительство прибегать к более гибкой политике на северо-востоке.

В то же время для Византии русь, которая быстро консолидировалась и набирала силы, могла стать гарантом политической

стабильности на севере, в противовес нестабильному союзу с кочевниками печенегам. Распространение христианства среди русского населения давало империи надежду и на распространение своего политического и идеологического (религиозного) влияния на молодое государство. Что же касается Болгарии, то с заключением мирного договора 927 г. в ней быстрыми темпами пошел процесс проникновения и усвоения византийских культурных ценностей, и именно в это время, при болгарском посредничестве, вероятно, и начало активно проникать византийское влияние и на территорию будущей Руси⁸².

⁷⁹Ср.: *Сохань П. С.* Очерки истории украинско-болгарских связей. С. 15-18.

⁸⁰*Иванова О. В.* Восстание 930 г. в Болгарии и болгаро-византийские отношения // *Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма.* Вып. 1. М., 1989. С. 34.

⁸¹Там же. С. 38.

⁸²См., напр.: *Георгиев Е.* Начало болгарско-русских культурных и литературных связей // *Руско-български връзки през вековете.* София, 1986. С. 12-22; *Цанкова-Петкова Г.* Культурни и политически връзки и отношения между България, Киевска Русия и Византия през ранното средновековие // *Руско-български връзки през вековете.* София, 1986. С. 71-81.

Библиография

Источники:

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950.

ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.

Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. V. G. Niebuhrii. Bonnae, 1840.

Constantinus Porphyrogeniti. De cerimoniis aulae byzantinae libri duo / Erec. I. Reiskii. Bonnae, 1829.

Литература:

Бибиков М. В. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. № 19. 2005.

Беззаконов С. Н. Еще раз о легендарной эпохе первых договоров Руси // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαίωσια: εν χρόνω, εν προσώπω, εν είδει. Альманах, вып. 8 / Под ред. д. и. н. П. И. Гайденко. СПб., 2017.

Богусевич В. А. Розкопки на горі Киселівці // Археологічні пам'ятки УРСР. К., 1952.

Васильев А. А. История Византийской империи. Время до Крестовых походов (до 1081 г.) / Вст. ст., прим., ред., пер. А. А. Грушевого. СПб., 1998.

Георгиев Е. Начало болгарско-русских культурных и литературных связей // Руско-български връзки през вековете. София, 1986.

Гордієнко Д. Русь у системі зовнішньої політики Візантії першої половини X ст. // Наукові записки. Зб. праць молодих вчених та аспірантів / Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. Т. 20. К., 2010.

Гордієнко Д. С. Відносини Візантії, Русі та Болгарії в першій половині X ст. // Древнее Причерноморье. Вып. IX, глав. ред. И. В. Немченко. Одесса, 2011.

Грушевський М. С. Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. / Редкол.: П. С. Сохань (голова) та ін. Т. I. К., 1994.

Домановський А. М. Тритомна історія візантійської економіки // Древности-2005. Харків, 2005.

Домановський А. М. Державний контроль та регулювання торгівлі у Візантії IV–IX ст. Автореф. дис. ... к. іст. н.: спец. 07.00.02. Харків, 2007.

Зубашевський Н. Еволюція ранньодержавного інституту руського полюддя в період реформ княгині Ольги: трактування літописних повідомлень // Вісник Львівського університету. Серія історія. Вип. 45. 2010.

Иванова О. В. Восстание 930 г. в Болгарии и болгаро-византийские отношения // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. Вып. 1. М., 1989.

Каждан А. П. К вопросу о начале второй болгаро-византийской войны при Симеоне // Славянский архив. М., 1959.

Каждан А. П., Литаврин Г. Г. Очерки истории Византии и южных славян / Изд. 2-е, испр. СПб., 1998.

Комар А. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. Т. IV. К., 2004.

Котышев Д. М. Русская земля в X–XII вв.: центр и периферия // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαίωσια: εν χρόνω, εν προσώπω, εν είδει. Альманах, вып. 5: К 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Под ред. д. и. н. проф. А. В. Петрова. СПб., 2016.

Котышев Д. М. Русская земля в среднем Поднепровье: от потестарных структур к раннему государству // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαίωσια: εν χρόνω, εν προσώπω, εν είδει. Альманах. Вып. № 2 (10): Материалы научной конференции «Властные, социальные и религиозные институты Древней Руси: история взаимовлияния и взаимодействия», Санкт-Петербург, 21-22 и 25-26 июня 2018 года. СПб., 2018.

Кузенков П. В. Русь Олега у Константинополя в 904 г. // Причерноморье в средние века Вып. 8. 2011.

Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений / Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М., 1956.

Литаврин Г. Г. Византия и Русь в IX–X вв. // История Византии: в 3 т. / Отв. ред. С. Д. Сказкин. Т. II. М., 1967.

Литаврин Г. Г. Внутренняя и внешняя политика Византии во второй половине X – первой четверти XI в. // История Византии: в 3 т. / Отв. ред. С. Д. Сказкин. Т. II. М., 1967.

Литаврин Г. Г. Древняя Русь, Болгария и Византия в IX–X вв. // IX Международный конгресс славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1983.

Литаврин Г. Г. Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII–XII вв. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. Сборник статей / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. СПб., 1999.

Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XIII в.). СПб., 2000.

Малингуди Я. Русско-византийские договоры X в. в свете дипломатики // Византийский временник. Т. 57. 1997.

Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды / Под ред. Г. В. Глазыриной и Т. Н. Джаксон. М., 2011.

Михайлов Е. За руско-българската етническа граница до края на X век // Годишник на Софийския университет. № 3. 1973.

Михайлов Е. Киевска Русия и България през X в. // Руско-български връзки през вековете. София, 1986.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.

Назаренко А. В. Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. М., 2009.

Нидерле Л. Славянские древности / Пер. с чешск. М., 1956.

Николаев В. Д. К истории болгаро-русских отношений в начале 40-гг. X в. // Советское славяноведение. № 6. 1982.

Острогорський Г. Історія Візантії / пер. з нім. А. Онишка. Львів, 2002.

Партицький О. Скандинавія в Давній Русі. Львів, 1887.

Сохань П. С. Очерки истории украинско-болгарских связей. К., 1976.

Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. 3: Период Македонской династии (867–1057). М., 2002.

Франклин С., Шепард Д. Начало Руси, 750–1200 / Авторизованный перевод с английского Д. М. Буланин, Н. Л. Лужецкая; Под ред. Д. М. Буланина. СПб., 2009.

Цанкова-Петкова Г. Культурни и политически връзки и отношения между България, Киевска Русия и Византия през ранното средновековие // Руско-български връзки през вековете. София, 1986.

Сведения об авторе

Гордиенко Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института украинской археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины; ведущий научный сотрудник. Национального заповедника «София Киевская», г. Киев (Украина). Область научных интересов: история Украины, история Киевской Руси, русско-византийские отношения.

E-mail: dmytro.gordiyenko@gmail.com

D. S. Gordienko

BYZANTIUM, BULGARIA AND RUSSIA IN THE FIRST THIRD OF THE X CENTURY

Annotation: The article is dedicated to the analysis of the place and role of Rus in the system of Byzantine-Bulgarian relations in the first half of the X century. On the bases of the analysis of economic, political and ideological factors influencing the relations of Byzantium, Bulgaria and Rus a conclusion is substantiated that non-interference of Rus in Byzantine-Bulgarian confrontation in the first half of the X century was caused by the aim of Rus firstly to maintain the status quo with Byzantium, and secondly, to support the strength of Bulgaria as a stabilizing factor in the region of the north coast of the Black Sea and also to weaken the influence of Byzantium in the mentioned region and in the Balkan.

Keywords: Byzantium, Bulgaria, Rus, Kiev, X century.

References

Sources:

Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov [Novgorod first chronicle of senior and junior conclusions]. Moscow–Leningrad, 1950. (In Russian).

PSRL. Vol. 2: Ipat'evskaya letopis'. Moscow, 1998. (In Russian).

Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperio. Ed. B. G. Niebuhrii. Bonnae, 1840. (In Greek).

Constantinus Porphirogeniti. De cerimoniis aulae byzantinae libri duo [About the ceremonies of the Imperial Court]. Erec. I. Reiskii. Bonnae, 1829. (In Greek).

Researches:

Bibikov M. V. Rus' v vizantiiskoi diplomatii: dogovory rusi s grekami X v. [Rus in Byzantine diplomacy: Treaties of Russia with the Greeks of the X century] // *Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki*. No. 19. 2005. (In Russian).

Bezzakonov S. N. Eshche raz o legendarnoi epokhe pervykh dogovorov Rusi [Once again about the legendary era of the first treaty of Rus] // *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. Παλαιωροσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει. Al'manakh. Vyp. 8. Ed. by Doct. of Hist. Sciences P. I. Gaidenko. St. Petersburg, 2017. (In Russian).

Bogusevich V. A. Rozkopki na gori Kiselivtsi [Archaeological excavations on mount Kiselivtsi] // *Arheologichni pam'yatki URSSR*. Kyiv, 1952. (In Ukrainian).

Vasil'ev A. A. Istoriya Vizantiiskoi imperii. Vremya do Krestovyykh pokhodov (do 1081 g.) [History of the Byzantine Empire. The time before the Crusades (before 1081)]. Intr. article, comments, ed., transl. by A. A. Grushevoi. St. Petersburg, 1998. (In Russian).

Georgiev E. Nachalo bolgarsko-russkikh kul'turnykh i literaturnykh svyazei [The beginning of Bulgarian-Russian cultural and literary ties] // *Rusko-b'lgarski vr'zki prez vekovete*. Sofiya, 1986. (In Russian).

Gordienko D. Rus' u sistemi zovnishn'oï politiki Vizantiï pershoï polovini X st. [Rus in the system of foreign policy of Byzantium of the first half of the X century] // *Naukovi zapiski. Zb. prac' molodih vchenih ta aspirantiv*. Institut ukraïns'koï arheografii ta dzhereloznavstva im. M. S. Grushevs'kogo NAN Ukraïni. Vol. 20. Kyiv, 2010. (In Ukrainian).

Gordienko D. S. Vidnosini Vizantiï, Rusi ta Bolgariï v pershii polovini X st. [Relations of Byzantium, Rus and Bulgaria in the first half of the X century] // *Drevnee Prichernomor'e*. Iss. IX, ed.-in-chief I. V. Nemchenko. Odessa, 2011. (In Ukrainian).

Grushevs'kii M. S. Istoriya Ukraïni-Rusi: v 11 t., 12 kn. [Istoriya Ukrainy-Rusi: in 11 vols., 12 books]. Edit. board: P. S. Sokhan' (ed.-in-chief) et al. Vol. I. Kyiv, 1994. (In Ukrainian).

Domanovs'kii A. M. Tritomna istoriya vizantiiskoi ekonomiki [Three-volume history of the Byzantine economy] // *Drevnosti-2005*. Kharkiv, 2005. (In Ukrainian)

Domanovskii A. M. Derzhavnii kontrol' ta reguluyuvannya torgivli u Vizantiï IV–IX st. [State Control and regulation of trade in Byzantium of the IV–IX centuries]. Avtoref. diss. for PhD in Hist.: spec. 07.00.02. Kharkiv, 2007. (In Ukrainian).

Zubashevskii N. Evolyutsiya rann'oderzhavnogo institutu rus'kogo polyuddya v period reform knyagini Ol'gi: traktuvannya litopisnih povidomlen' [Evolution of the early state Institute of Russian polyudye in the period of Princess Olga's reforms: interpretation of Chronicle messages] // Visnik L'vivskogo universitetu. Seriya istoriya. Iss. 45. 2010. (In Ukrainian).

Ivanova O. V. Vosstanie 930 g. v Bolgarii i bolgaro-vizantiiskie otnosheniya [The uprising of 930 in Bulgaria and Bulgarian-Byzantine relations] // Slavyane i ikh sosedi. Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu feodalizma. Iss. 1. Moscow, 1989. (In Russian).

Kazhdan A. P. K voprosu o nachale vtoroi bolgaro-vizantiiskoi voiny pri Simeone [On the question of the beginning of the second Bulgarian-Byzantine War under Simeon] // Slavyanskii arkhiv. Moscow, 1959. (In Russian).

Kazhdan A. P., Litavrin G. G. Ocherki istorii Vizantii i yuzhnykh slavyan [Essays on the history of Byzantium and the Southern Slavs]. 2nd ed., revised. St. Petersburg, 1998. (In Russian).

Komar A. K diskussii o proiskhozhdenii i rannikh fazakh istorii Kieva [To the discussion about the origin and early phases of the history of Kiev] // Ruthenica. Vol. IV. Kyiv, 2004. (In Russian).

Kotyshev D. M. Russkaya zemlya v X–XII vv.: tsentr i periferiya [Rus land in the X–XII centuries: center and periphery]. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. Παλαιωσις: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει. Al'manah. Vyp. 5. K 80-letiyu professora Igorya Yakovlevicha Froyanova. Ed. Doctor of Hist. Sciences prof. A. V. Petrova. St. Petersburg, 2016. (In Russian).

Kotyshev D. M. Russkaya zemlya v srednem Podneprov'e: ot potestarnykh struktur k rannemu gosudarstvu [Rus Land in the Middle Dnieper: from potestar structures to the early state] // Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. Παλαιωσις: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει. Al'manah. Vyp. No. 2 (10): Materialy nauchnoi konferentsii “Vlastnye, sotsial'nye i religioznye instituty Drevnei Rusi: istoriya vzaimovliyaniya i vzaimodeistviya”, Sankt-Peterburg, 21-22 i 25-26 iyunya 2018 goda. St. Petersburg, 2018. (In Russian).

Kuzenkov P. V. Rus' Olega u Konstantinopolya v 904 g. [Oleg's Rus at Constantinople in 904] // Prichernomor'e v srednie veka. Iss. 8. 2011. (In Russian).

Levchenko M. V. Ocherki po istorii russko-vizantiiskikh otnoshenii [Essays on the history of Rus-Byzantine relations]. Ed. by academ. M. N. Tikhomirova. Moscow, 1956. (In Russian).

Litavrin G. G. Vizantiya i Rus' v IX–X vv. [Byzantium and Rus in the IX–X centuries] // Istoriya Vizantii: v 3 t. Ed. by S. D. Skazkin. Vol. II. Moscow, 1967. (In Russian).

Litavrin G. G. Vnutrennyaya i vneshnyaya politika Vizantii vo vtoroi polovine X – pervoi chetverti XI v. [Internal and external politics of the Byzantine Empire in the second half of X – first quarter of the XI century] // Istoriya Vizantii: v 3 t. Ed. by S. D. Skazkin. Vol. II. Moscow, 1967. (In Russian).

Litavrin G. G. Drevnyaya Rus', Bolgariya i Vizantiya v IX–X vv. [Ancient Rus, Bulgaria and Byzantium in the IX–X centuries] // IX Mezhdunarodnyi kongress slavistov. Istoriya, kul'tura, etnografiya i fol'klor slavyanskikh narodov. Moscow, 1983. (In Russian).

Litavrin G. G. Geopoliticheskoe polozhenie Vizantii v srednevekovom mire v VII–XII vv. [The geopolitical position of Byzantium in the medieval world in the VII–XII centuries] // Vizantiya mezhdru Zapadom i Vostokom. Opyt istoricheskoi kharakteristiki. Coll. of articles. Ed. by G. G. Litavrin. St. Petersburg, 1999. (In Russian).

Litavrin G. G. Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' (IX – nachalo XIII v.) [Byzantium, Bulgaria, Ancient Russia (IX – beginning of XIII century)]. St. Petersburg, 2000. (In Russian).

Malingudi Ya. Russko-vizantiiskie dogovory X v. v svete diplomatiki [Rus-Byzantine treaties of the X century in the light of diplomacy] // Vizantiiskii vremennik. Vol. 57. 1997. (In Russian).

Mel'nikova E. A. K tipologii predgosudarstvennykh i rannegosudarstvennykh obrazovaniy v Severnoi i Severo-Vostochnoi Evrope (Postanovka problemy) [To the typology of pre-state and early state formations in Northern and Northeastern Europe (Statement of the problem)] // Mel'nikova E. A. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya: Izbrannye Trudy. Ed. by G. V. Glazyrina i T. N. Dzhakson. Moscow, 2011. (In Russian).

Mikhailov E. Za rusko-b"lgarskata etnicheska granitsa do kraya na X vek [For the Rus-Bulgarian ethnic border until the end of the X century] // Godishnik na Sofiiskaya universitet. No. 3. 1973 (In Bulgarian).

Mikhailov E. Kievskaya Rusiya i B"lgariya prez X v. [Kiev Russia and Bulgaria in X century] // Rusko-b"lgarski vr"zki prez vekovete. Sofiya, 1986. (In Bulgarian).

Nasonov A. N. "Russkaya zemlya" i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva ["Russkaya zemlya" and the formation of the territory of the Old Rus state]. Moscow, 1951. (In Russian).

Nazarenko A. V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh: Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazei IX–XII vv. [Ancient Rus on International Routes: Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, and Political Ties of the IX–XII centuries]. Moscow, 2001. (In Russian).

Nazarenko A. V. Byla li stolitsa v drevnei Rusi? Nekotorye sravnitel'no-istoricheskie i terminologicheskie nablyudeniya [Was there a capital in Ancient Rus? Some comparative-historical and terminological observations] // Nazarenko A. V. Drevnyaya Rus' i slavyane. Moscow, 2009. (In Russian).

Niderle L. Slavyanskije drevnosti [Slavic antiquities]. Transl. from Czech. Moscow, 1956. (In Russian).

Nikolaev V. D. K istorii bolgarno-russkikh otnoshenii v nachale 40 gg. X v. [To the history of Bulgarian-Russian relations in the early 40s of the X century] // Sovetskoe slavyanovedenie. No. 6. 1982. (In Russian).

Ostrogors'kii G. Istoriya Vizantii [History of Byzantium]. Transl. from German A. Onishka. L'viv, 2002. (In Ukrainian).

Partits'kii O. Skandinavshchina v Davnii Rusi [Scandinavia in ancient Rus]. L'viv, 1887. (In Ukrainian).

Sokhan' P. S. Ocherki istorii ukrainsko-bolgarskikh svyazei [Essays on the history of Ukrainian-Bulgarian relations]. Kyiv, 1976. (In Russian).

Uspenskii F. I. Istoriya Vizantiiskoi imperii [History of the Byzantine Empire]. Vol. 3: Period Makedonskoi dinastii (867–1057). Moscow, 2002. (In Russian).

Franklin S., Shepard D. Nachalo Rusi, 750–1200 [The Beginning of Rus, 750-1200]. Avtorizovanniy perevod s angliiskogo D. M. Bulanin, N. L. Luzhetskaya; Ed. by D. M. Bulanina. St. Petersburg, 2009. (In Russian).

Tsankova-Petkova G. Kul'turni i politicheski vr"zki i otnosheniya mezhdu B"lgariya, Kievskaya Rusiya i Vizantiya prez rannoto srednevekovie [Cultural and political ties and relations between Bulgaria, Kievan Russia and Byzantium at the beginning of the Middle Ages] // Rusko-b"lgarski vr"zki prez vekovete. Sofiya, 1986. (In Bulgarian).

About the author

Gordienko Dmitry S., PhD in History, senior researcher at M. S. Grushevsky Institute of Ukrainian Archaeography and Source Studies of NAS of Ukraine; leading researcher at National Conservation Area "St. Sophia in Kiev", Kiev (Ukraine).

E-mail: dmytro.gordiyenko@gmail.com

ТАТИЩЕВСКИЕ ИЗВЕСТИЯ О КНЯГИНЕ ОЛЬГЕ И ЕЕ РЕФОРМАХ

Аннотация: В статье анализируются татищевские известия о княгине Ольге. Показано, что значительная часть этих известий происходит из Степенной книги, Четьи-Минеи Димитрия Ростовского, «Синописа», хроники Стрыйковского и Никоновской летописи. Татищев некритично повторил ряд содержащихся в этих источниках поздних догадок и добавил свои собственные домыслы, некоторые из которых он подкреплял ссылками на сомнительные источники.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, княгиня Ольга, «Хроника» Стрыйковского, Степенная Книга, Четьи-Минеи Димитрия Ростовского, Синописис, «Раскольниковый список», «История Иоакима».

Достоверность татищевских известий продолжает оставаться дискуссионным вопросом¹. Несмотря на работы Е. Е.

Голубинского², П. Н. Милюкова³, С. Л. Пештича⁴, Е. М. Добрушкина⁵, С. Я. Лурья⁶, С. Н. Валка⁷, А. П. Толочко⁸, В. М. Моргайло⁹, М. Б. Свердлова¹⁰, А. В. Горovenко¹¹, на целом ряде примеров наглядно продемонстрировавших, насколько вольно обращался Татищев с историческими

переходящей даже не на личности, а прямо к личным оскорблениям (вплоть до обвинений А. П. Толочко в фоменковщине!), едва ли способствует выяснению истины. В содержательном плане эти «антитолочковские» работы можно охарактеризовать словами из давней статьи Е. М. Добрушкина и С. Я. Лурье: «вместо анализа «Истории Российской» нам предлагают посмертную апологию первого русского историка» (*Добрушкин Е. М., Лурье Я. С.* Историк-писатель или издатель источников? (К выходу в свет академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева // Русская литература. № 2. 1970. С. 223).

²Голубинский Е. Е. О так называемой Иоакимовской летописи Татищева // Творения святых отцов в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии. Кн. 4. Прибавления М., 1881. С. 602-640.

³Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М. 1898.

⁴Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. В. I. Л., 1961.

⁵Добрушкин Е. М. О методике изучения «татищевских известий». // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. 1976. М., 1977. С. 76-96.

⁶Добрушкин Е. М., Лурье Я. С. Историк-писатель или издатель источников?...С. 219-224.

⁷Валк С. Н. В. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.-Л., 1966. С. 66-73.

⁸Толочко А. П. История Российская Василия Татищева...

⁹Моргайло В. М. Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 260-268.

¹⁰Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009.

¹¹Горovenко А. В. Василий Татищев и «древние летописи»: домонгольская Русь глазами первого русского историка. СПб., 2019.

¹Рыбаков С. В. В. Н. Татищев в зеркале русской историографии // Вопросы истории. № 4. 2007. С. 161-167; Стефанович П. С. «История Российская» В. Н. Татищева: споры продолжаются. // Отечественная история. № 3. Май-июнь. 2007. С. 88-96; Качин Н. А. В. Н. Татищев – прообраз первого российского историка. // Вестник Томского государственного университета. История. № 1. (27). 2014. С. 98-102. Целый ряд апологетических работ о В. Н. Татищеве был вызван публикацией книги А. П. Толочко (*Толочко А. П.* История Российская Василия Татищева: источники и известия. М.-К., 2005): 1) *Азбелев С. Н.* Рецензия на книгу: Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М., 2005. 544 с. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. № 3. 2007. С. 255-261. 2) *Журавель А. В.* Новый Герострат или у истоков современной истории. // Сборник РИО. Т. 10 (158). М., 2006. С. 522-544. 3) *Фомин В. В.* Страсти по Татищеву. // Исторический формат. №1. 2016. С. 55-72; 4) *Гагин И. А.* Очередное покушение на В. Н. Татищева. Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия Гуманитарные науки. Вып. 2. 2008. С. 119-130. Ожесточенность критики, порой

источниками и насколько исчезающие мала вероятность того, что в его распоряжении были какие-то неизвестные современной науке списки «древнейших манускриптов», остается немалое число историков, допускающих хотя бы в теории возможность того, что некоторые из татищевских известий могут оказаться если не достоверными, то по крайней мере имеющими какую-то опору в несохранившихся или еще не открытых источниках¹². Это обуславливает необходимость дальнейшего изучения как можно большего числа отдельных татищевских известий, выяснения их происхождения, уточнения круга имевшихся в распоряжении Татищева материалов, анализа особенностей работы Татищева с источниками, разбора конкретных примеров того, как в тексте татищевской «Истории...» преломлялись добытые им сведения.

Наибольшая часть татищевских известий относится к XII–XIII векам. Именно эта группа известий чаще всего привлекала внимания исследователей (тем более что как раз на эти столетия приходятся такие драматичные высокохудожественные нарративы, как изгнание евреев при Мономахе, козни Святохны, портреты и подробности интимной жизни ряда киевских князей, «конституционный проект» Романа Галицкого, папское посольство к Роману и проч.). На предыдущие столетия приходится гораздо меньшее количество татищевских известий. Из них наиболее частым предметом дискуссий становился договор Владимира Святого с волжскими болгарами. «История Иоакима Новгородского», недостоверность которой не являлась тайной уже для М. М. Щербатова¹³ и недавно была еще раз

наглядно показана М. Б. Свердловым¹⁴, с недавнего времени поднята на щит норманофобами, всерьез обсуждающими историческую реальность Умилы Гостомысловны¹⁵.

Впрочем, не все «сведения» «Истории Иоакима» удостоились одинакового внимания: если о «генеалогических связях Рюрика» дискутируют много и охотно, то об «изборском» происхождении «внучки Гостомысла» Ольги вспоминают гораздо реже. Между тем именно краткость татищевских известий о княгине Ольге делает их удобными для исследования: «компактность» материала позволяет использовать его как модель, на которой можно нагляднее представить «творческую кухню» Василия Никитича Татищева и проследить генезис приводимых им сведений.

Из первых томов татищевской «Истории Российской с самых древнейших времен», изданных Г. Ф. Миллером, любители отечественных древностей могли узнать о княгине Ольге ряд любопытных подробностей. Оказалось, что, вопреки своему варяжскому имени, она была прирожденной славянкой. Происходила она не из Пскова, как «ошибочно» уверял Нестор, а из Изборска. Псков же был ею основан в 948 г.¹⁶ Ее дедом был князь Гостомysl; настоящее имя ее было Прекраса; лишь позднее она была переименована вещим Олегом¹⁷. Она была не единственной женой Игоря, но почиталась им более других жен по причине своей мудрости¹⁸. Сына Святослава

¹⁴Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки. СПб., 2011. С. 473-474.

¹⁵Фомин В. В. Страсти по Татищеву. С. 68.; Карпенко А. А. О генеалогических преданиях Иоакимовской летописи В. Н. Татищева // Ист. формат. № 3-4 2017. С. 252-280; Грот Л. П. Семь веков новгородского летописания (Азбелов С.Н. Летописание Великого Новгорода. Летописи XI–XVII веков как памятники культуры и как исторические источники. М.: Русская панорама; СПб.: БЛИЦ, 2016. 280 с.) // Исторический формат. № 3-4. 2017. С. 307-322.

¹⁶Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 2. М., 2016. С. 54.

¹⁷Там же. С. 272.

¹⁸Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 1. М., 2016. С. 137.

¹²«История Российская» В. Н. Татищева в новейших исследованиях (Стенограмма заседания 12 мая 2006 г.). // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 1. С. 148-161; Конча С. В. Исследования о летописи Иоакима. // Начала Русского мира. 2014. № 1. С. 146-165.

¹³Щербатов М. М. Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, одному приятелю, в оправдание на некоторые сокрытыя и явныя охуления, учиненныя его Истории от господина генерал-майора Болтина, творца Примечаний на Историю древняя и нынешняя России, г. Леклерка. М. 1789. С. 11-27.

Ольга родила в 920 г.¹⁹, так что ко времени гибели Игоря он не был «вѣльми дѣтескъ», а был могучим воином, способным насквозь пробить коня копейным броском²⁰. Будучи славянкой, Ольга ввела во всеобщее употребление славянский язык и «возвысила» славянский народ, который «пришествием Рюрика... был уничижен»²¹. Ознакомившись у живущих в Киеве христиан с новой верой, она не осмелилась креститься в Киеве из-за «крайнего страха от народа» и потому отправилась под каким-то предлогом в Царьград²². Приняв там крещение и вернувшись в Киев, она уговаривала креститься не только своего сына, но и множество других людей, из которых некоторые (в первую очередь ее приближенные, сопровождавшие ее в Константинополь) действительно крестились; кое-кто из неопитов принял смерть от руки святославовых вельмож²³. Острая нелюбовь Святослава к грекам стала причиной того, что Ольга отказала послу императора в обещанных воинских подкреплениях; но, возможно, Ольга просто опасалась отправлять войско слишком далеко от Киева²⁴. Ольга привела с собой из Царьграда иереев, построила деревянный храм Святой Софии, для украшения которого патриарх прислал ей иконы²⁵. Впоследствии этот храм был разорен Святославом²⁶. Также из «Истории Российской» можно было узнать, что Рогнеда напрасно обзывала Владимира «робичем»: его мать Малуша была свойственницей Ольги, которая рассердилась на нее лишь за то, что она вступила в брак со Святославом без ее согласия²⁷. Не была обойдена вниманием и реформаторская деятельность Ольги: во-первых, ей

приписывалось разделение государства на округа (так Татищев истолковал летописные известия о погостах Ольги)²⁸; во-вторых, историк сообщал, что в 964 году Ольга отменила какое-то «княжее», заменив его податью черной куницей с жениха в пользу князя или боярина; в примечании к этому известию Татищев доказывал, что здесь подразумевается *jus primae noctis*²⁹.

Образованная часть российского общества, интересующаяся отечественной историей, долгое время черпала сведения о ней исключительно из труда Татищева. Показателен пример Екатерины Второй, чьи «Записки касательно российской истории» представляли собой, по существу, конспект татищевской «Истории Российской»³⁰. В

²⁸ Там же. С. 284.

²⁹ Там же. С. 57, 285-286.

³⁰ Гаврилова Л. М. Источники «Записок касательно Российской истории» Екатерины II // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 20. Л., 1989. С. 164-174. По оценке исследовательницы, 80% текста «Записок» приходится на заимствования из Татищева (Там же. С. 169). В качестве историографического курьеза стоит отметить предположение Л. М. Гавриловой об использовании Татищевым Троицкой летописи. Исследовательница опиралась на наблюдения Г. Н. Моисеевой (Моисеева Г. Н. Троицкая летопись в сочинении Екатерины II // ТОДРЛ. Т. XXX. Л., 1976. С. 263-271), согласно которым императрица при составлении «Записок» использовала выписки из копии Троицкой летописи. Л. М. Гаврилова показала текстологически, что те фрагменты «Записок», которые Г. Н. Моисеева считала заимствованием из Троицкой летописи, на самом деле восходят к тексту «Истории Российской». Это дало повод заключить, что Екатерина II пользовалась Троицкой летописью не напрямую, а посредством татищевского сочинения. Исследовательница задавалась вопросом «об использовании Троицкой летописи 1408 г. не только до появления «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, но и до появления «Записок» Екатерины II» (Гаврилова Л. М. Источники «Записок касательно Российской истории» Екатерины II. С. 174) – иными словами, об использовании Троицкой летописи Татищевым, что означало переворот в отечественной историографии. Однако на самом деле тут имел место методологический промах Г. Н. Моисеевой: на счет Троицкой летописи она относила все известия, которые отсутствовали в Лаврентьевской летописи, не взяв во внимание того, что эти же известия могут содержаться не только в Троицкой, но и в других летописях, включая те, которыми располагал Татищев. Так, сообщение о женитьбе Константина Всеволодовича на дочери Мстислава Романовича содержится в имевшейся у Татищева Никоновской летописи (Полное собрание русских

¹⁹ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 288.

²⁰ Там же. С. 53.

²¹ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 458.

²² Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 54.

²³ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 137, 146.

²⁴ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 56.

²⁵ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 137.

²⁶ Там же. С. 146.

²⁷ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 287.

частности, все сведения об Ольге в «Записках...» даны точно по Татищеву, включая имя Прекрасы и происхождение из Изборска. В популярных представлениях о древней русской истории татищевский нарратив продолжал господствовать вплоть до выхода в свет работы Н. М. Карамзина, отвергнувшего как недостоверные целый ряд татищевских известий, в том числе и те, которые касались княгини Ольги³¹. Однако же некоторые из татищевских догадок Карамзин в своей «Истории государства Российского» повторил, например, относительно погостов: «В древние времена так называлась округа или несколько деревень, подсудных одному начальству. Разделение областей на такие округа могло быть в Ольгино время делом великой законодательной мудрости»³². Из этого замечания вырос концепт «административной реформы княгини Ольги», впоследствии дополненный реформой «налоговой» или «финансовой» и получивший мощное

летописей (далее - ПСРЛ). Т. X. М., 2000. С. 23). Правда, там нет указанного у Татищева (и повторенного Екатериной II) имени невесты, однако нетрудно догадаться, что Татищев это имя реконструировал, опираясь на ту же Никоновскую летопись и допустив при этом ошибку: имя Агафьи супруга Константина приняла при постриге (там же. С. 81), следовательно, она не могла называться Агафьей при венчании. Также в Никоновской летописи есть известие о смерти княгини Марии (там же. С. 49), повторяющееся в Троицкой летописи, у Татищева и у Екатерины II. О мире Юрия Всеволодовича с волжскими болгарами Татищев (а за ним и Екатерина II) узнали тоже из Никоновской летописи (там же. С. 98). Что же до подробностей этого договора (торговые соглашения и проч.), то они целиком на совести Татищева. Датировка и подробности смерти Ивана Дмитриевича Переславского у Татищева и Екатерины тоже идентичны таковым в Никоновской летописи (там же. С. 174), за исключением числа и месяца, которые, впрочем, не указаны и в Троицкой летописи (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.-Л., 1950. С. 350). Там же читается известие о поездке князя Андрея Александровича в Орду. Таким образом, оснований полагать, что Татищев держал в руках Троицкую летопись, нет: все «троицкие» известия в «Записках» Екатерины II – это «никоновские» известия в татищевской обработке.

³¹*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Книга 1. Т. 1. Изд. 5-е. СПб., 1842. Примеч. 303, 377, 378, 383, 386.

³²Там же. Прим. 377.

развитие в последующей отечественной историографии³³.

Образ Ольги как великой преобразовательницы, являющей образцы «великой законодательной мудрости», впервые оформился именно в татищевском нарративе. В его «Истории Российской...» Ольга не ограничивается личным крещением, а обращает в новую веру многих из своих подданных, строит и украшает церкви. Она оттесняет от государственного кормила варягов и дает достойное место представителям славянского народа, вводит во всеобщее употребление славянские имена и язык, разделяет государства на административно-территориальные единицы. Наконец, она заменяет право первой ночи брачными пошлинами. Последующие поколения историков, отринув многое в татищевском рассказе, сохранили общую оценку правления Ольги как значимого этапа в становлении древнерусского государства. В этом плане В. Н. Татищев действительно оказался, как выразился А. П. Толочко, «модерным»³⁴ историком, интуитивно предвосхитившим тенденции в развитии отечественной исторической науки как минимум на два с половиной столетия вперед.

Образ княгини Ольги привлекал Татищева с самых ранних этапов его исторических штудий. В письме к И. Д. Шумахеру в декабре 1730 года Татищев упоминает о задуманной им «гистории великой княгини Ольги» и указывает в качестве возможных ее источников Синописис, Степенную книгу и киевские Четьи Минеи³⁵ (под последними подразумевались Четьи Минеи Дмитрия Ростовского, изданные в типографии Киево-Печерской Лавры в 1689–1705 гг.). М. Б. Свердлов приводит этот факт как свидетельство того, «насколько свободно В. Н. Татищев владел уже в 1730 г. материалами

³³Краткий обзор см.: *Королев А. С.* Административно-финансовая реформа княгини Ольги в отечественной историографии. // Наука и школа. 2012. С. 162-167.

³⁴*Толочко А. П.* «История Российская Василия Татищева»... С. 22.

³⁵Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1885. С. 690.

обобщающих компиляций XVI–XVII вв.³⁶. А. В. Горовенко из этого письма делает вывод, что «к серьезной исследовательской работе с древнерусскими текстами он (Татищев) еще не готов»³⁷, – как иначе оценить то обстоятельство, что, имея уже на руках подлинную новгородскую летопись XV века, Татищев обращается к поздней житийной литературе, не говоря уже о Синописе? Но дело тут не одной только чисто технической неподготовленности: и на Минеи, и на Степенную книгу Татищев продолжал ссылаться даже при подготовке второй редакции своей «Истории Российской»³⁸, имея за плечами уже довольно солидный опыт работы с древнерусскими летописными текстами. Разумеется, во второй половине 40-х гг. названные сочинения уже не были для него единственными источниками по «истории великой княгини Ольги», однако же они успели сильно повлиять на его восприятие и оценку древнерусской правительницы.

Содержащееся в Степенной книге житие Ольги³⁹ сообщает о высокой миссионерской активности новообращенной княгини: ставши христианкой, она «дани и оброки легки уставлющи и кумиры сокрушающе и на кумернских местех кресты Христовы поставляюще»⁴⁰. Это резко контрастирует с данными Повести временных лет⁴¹ и Новгородской I летописи младшего извода⁴², где все проповеднические усилия княгини ограничиваются неудачной попыткой обращения собственного сына. Известия о ее деятельном миссионерстве имеются в древнерусском проложном житии, к которому, собственно, и восходит житие Степенной книги и в котором еще нет возведения крестов, но уже есть сокрушение

кумиров⁴³. Появляется там и крест с благочестивой надписью, подаренный Ольге патриархом и поставленный впоследствии в Софии Киевской⁴⁴. Усиление акцента на апостольской миссии по сравнению с начальными летописями можно объяснить необходимостью идеологического обоснования для канонизации княгини, осуществленной не ранее XIII столетия. Если в начальных летописях Ольга сравнивалась в первую очередь с царицей Савской, то в житийной акцент делался на аналогии с Еленой Равноапостольной, чье имя киевская княгиня приняла при крещении. В этой связи понятно принесение Ольгой креста, повторяющее главное деяние матери Константина. Возникновению легенды, быть может, способствовал реальный крест с надписью, стоявший в Софийской церкви в Киеве, который молва (либо ученая «реконструкция» книжника) связала с цареградской поездкой Ольги. В Степенной книге патриарх передает киевской княгине не только крест, но и книги, иконы и другие священные предметы⁴⁵. Автор Пролога по-новому прочел летописный рассказ о поездках Ольги, дополнив ее административно-хозяйственные распоряжения миссионерской деятельностью; но поскольку возложение дани выглядело сомнительным фоном для апостольской проповеди, Ольга в Прологе стала возлагать «легкие» дани – из контекста можно было понять так, что речь шла о налоговом послаблении. Степенная книга унаследовала известие о легких даях. Дополнительно в ней появилось искусно вплетенное повествование о проповедях Ольги, причем не только Святославу, но и другим людям⁴⁶. Автор Степенной книги даже приводит тексты Ольгиных проповедей⁴⁷. Наконец, Ольге в Степенной книге приписывалось и церковное строительство – основание псковского храма Святой Троицы. Примечательно, что церковь была поставлена

³⁶Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки. С. 456.

³⁷Горовенко А. В. Василий Татищев... С. 52.

³⁸Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 146; Т. 2. С. 272, 283, 284.

³⁹ПСРЛ. Т. 21. СПб., 1908. С. 6-38.

⁴⁰Там же. С. 22.

⁴¹ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. С. 63-64; ПСРЛ. Т. 2. С. 51-52.

⁴²ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 116.

⁴³Житие княгини Ольги // Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009. С. 422.

⁴⁴Там же.

⁴⁵ПСРЛ. Т. 21. С. 17.

⁴⁶Там же. С. 19.

⁴⁷Там же. С. 19, 20

на месте будущего Пскова, возникновение которого Ольга пророчески предсказала⁴⁸. Местом же ее рождения являлась Выбутская весь⁴⁹. Это была существенная новация по сравнению с летописным происхождением Ольги из Пскова («Плескова»)⁵⁰.

Отрицание псковского происхождения Ольги, ее апостольская деятельность и церковное строительство, ее связь (пока еще только посредством принесенного креста) с киевским Софийским собором, облегчение податного бремени – все эти домыслы (или, если угодно, «реконструкции») составителя Степенной книги, как было показано выше, нашли свое отражение и в татищевском нарративе.

В «Синописе Киевском» Иннокентия Гизеля⁵¹ также акцентируются миссионерские успехи Ольги (она «много россов ко Христу обрати»⁵²), церковное строительство представлено возведением храма Св. Николая на могиле Аскольда⁵³. В ее родословной произошли важные изменения: если в Степенной книге она еще «от языка Варяжская, от рода же не княжеская, ни вельможеска, но от простых людей»⁵⁴, то в «Синописе» она славянка и при том знатного рода – правнучка Гостомысла⁵⁵. Эту любопытную подробность Гизель позаимствовал из польской хроники XVI века М. Стрыйковского⁵⁶. В той же хронике сообщалось и об обращении Ольгой ко Христу множества русских («wiele Rusaków do Christusa nawróciła»)⁵⁷. Польские хроники оказали сильное влияние на позднее русское летописание, а через него – на всю отечественную историографию. Неудивительно, что и В. Н. Татищев высоко

ставил Стрыйковского, на которого в своей «Истории Российской...» неоднократно ссылался. (Впрочем, с «гостомысловой» родословной Ольги у Стрыйковского Татищев познакомился позже, впервые эту версию он увидел именно в Синописе⁵⁸). А вот упорный отказ Татищева видеть в Ольге псковитянку – это, безусловно, влияние Степенной книги и Минеи, поскольку у Стрыйковского она всё еще происходит из Пскова⁵⁹.

Дмитрий Ростовский в работе над минейным житием Ольги⁶⁰ использовал «Синопис» Гизеля, откуда он позаимствовал и ряд сведений, восходящих к Стрыйковскому; возможно, впрочем, что у Стрыйковского Дмитрий Ростовский черпал напрямую – «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» в его библиотеке имелась⁶¹. В пользу непосредственного заимствования свидетельствует приводимая в Минеи форма имени древлянского князя – Малдит или Низкия⁶², явно восходящая к Стрыйковскому⁶³ (в «Синописе» Мал назван только Низкиней⁶⁴). Минея повторяет вымысел польского хрониста о родстве Ольги с легендарным Гостомыслом, однако местом рождения ее указывает не Псков⁶⁵ (как у Стрыйковского), а Выбутскую весь (тут Дмитрий Ростовский следует за Степенной книгой). Из Степенной книги Дмитрий

⁵⁸А. В. Горovenko в своей монографии приводит фрагмент письма Татищева Шумахеру от 08.04.1734 г., из которого ясно, что в это время он еще не имел перевода хроники Стрыйковского и даже не знал, что она написана не по-латыни, а по-польски (Горovenko А. В. Василий Татищев... С. 58).

⁵⁹Strykowski Maciej. Kronika polska... S. 117.

⁶⁰Дмитрий Ростовский. Жития святых. Книга четвертая. Июнь, июль, август. К., 1764.

⁶¹Федотова М. А. Житие княгини Ольги В Четых Минеях Дмитрия Ростовского // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв.: К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства. Сб. трудов междунар. науч. конф., Псков, Май 19-20, 2010. Псков, 2011. С. 378.

⁶²Дмитрий Ростовский. Жития святых. С. 314.

⁶³Strykowski Maciej. Kronika polska... S. 117. Имя «Низкия» Стрыйковский заимствовал у Яна Длугоша, скомбинировав с летописным вариантом имени – Мал. Уже в XX веке вымысел Длугоша соблазнил А. А. Шахматова на создание фантастической истории о Мистише Свенельдовиче.

⁶⁴Синопис. С. 55.

⁶⁵Дмитрий Ростовский. Жития святых. С. 313.

⁴⁸Там же. С. 22-23.

⁴⁹Там же. С. 6.

⁵⁰ПСРЛ. Т. 1. С. 29; ПСРЛ. Т. 2. С. 21; ПСРЛ. Т. 3. С. 107.

⁵¹Синопис, или краткое собрание от различных летописцев о начале славенороссийского народа... Москва, 1714.

⁵²Там же. С. 68.

⁵³Там же. С. 49, 68.

⁵⁴ПСРЛ. Т. 21. С. 6.

⁵⁵Синопис. С. 53.

⁵⁶Strykowski Maciej. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Vol. I. Warszawa, 1846. S. 117.

⁵⁷Ibid. P. 120.

Ростовский почерпнул известия о построении Ольгой церкви св. Николая на могиле Аскольда и церкви Троицы на месте будущего Пскова⁶⁶, о сокрушении Ольгой кумиров и воздвижении крестов⁶⁷, об обращении ею в христианство многих людей⁶⁸, о дарении патриархом Ольге икон и других священных предметов, о хранившемся в Софии Киевской кресте, принесенном Ольгой из Константинополя⁶⁹.

Компилируя материал из разных источников, Дмитрий Ростовский творчески его перерабатывал, заботясь не только о полноте, но и красоте и логичной последовательности изложения⁷⁰. Если Стрыйковский и Гизель писали об обращении Ольгой ко Христу многих русских, то Дмитрий Ростовский указывает конкретно киевлян: живя в Киеве, Ольга, естественно, должна была обратить первые миссионерские усилия именно на жителей столицы. Прочитав известие об Ольгином кресте в соборе святой Софии, составитель Минеи задался вопросом, где же был этот крест до постройки собора Ярославом Мудрым. Поскольку имевшиеся у него источники ответа не давали, автору пришлось додумывать, что после смерти Ольги крест хранился «вѣрными, по ней оставшимися»⁷¹. Этот явный домысел вплетен в основную ткань повествования, его предположительный характер никак не оговаривается. Такого рода манера изложения, восходящая еще к позднелетописной традиции, была характерна и для Татищева, который тоже не оставил без внимания мнимую связь княгини Ольги с Софией Киевской.

Таким образом, целый ряд дополнений летописного рассказа об Ольге из ПВЛ и Начального свода, в том числе ее миссионерские усилия и ее родство с Гостомыслом, были даны Татищеву уже в готовом виде. Отрицание псковского происхождения Ольги проистекает из стремления житийно-минеинной традиции

превратить Ольгу из уроженки Пскова в его основательницу. Составитель «Синописа», как лицо духовное, не мог не быть знаком с житием Ольги (из Степенной книги или из украинского варианта жития, список которого имелся в Киево-Печерской Лавре по крайней мере с 70-х гг. XVII века⁷²), в котором Ольга пророчесствует о возникновении Пскова и ставит церковь на его будущем месте; тем не менее, он, следуя Стрыйковскому, оставил местом ее рождения Псков. Примечательно, однако же, что в более поздних киевских изданиях «Синописа» Псков всё-таки был заменен, как и в татищевской «Истории...», на Изборск⁷³. Видимо, Изборск подходил как наиболее известный (благодаря Трувору) город в Псковской земле, о котором упоминалось и в Степенной книге⁷⁴. Что же до известия Стрыйковского о Гостомысле – прадеде Ольги, то здесь исследователям приходилось апеллировать к фантомному устному преданию, будто бы услышанному Стрыйковским от какого-то псковича, жившего в Литве⁷⁵. Этот домысел выглядит правдоподобно, однако одного только правдоподобия тут недостаточно. Требуются, во-первых, записи легенды о Гостомысле и Ольге, во-вторых – свидетельства знакомства с этой легендой Стрыйковского. А поскольку ни тем ни другим исследователи не располагают, то экономнее предположить здесь фантазию самого автора хроники.

Нужно учитывать, что в изложении сведений о Гостомысле Стрыйковский

⁷²Перетц В. М. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы. XVI–XVII веков. М.-Л., 1962. С. 13.

⁷³См. напр., Гизель И. Киевский синопис. К., 1823. С. 21.

⁷⁴Упоминание в Степенной книге Изборска и Трувора в связи с рождением Ольги побудило составителя украинского жития княгини Ольги сделать Трувора ее предком (Перетц В. М. Исследования и материалы... С. 16, 67); увлеченный генеалогическими реконструкциями, составитель как будто не заметил, что превратил брак Игоря с Ольгой в близкородственный.

⁷⁵Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. Стрыйковский и его Хроника. М., 1966. С. 256.

⁶⁶Там же. С. 317, 318.

⁶⁷Там же. С. 317-318.

⁶⁸Там же. С. 317.

⁶⁹Там же.

⁷⁰Федотова М. А. Житие княгини Ольги... С. 380.

⁷¹Там же. С. 317.

следовал за С. Герберштейном⁷⁶. Габсбургский посланник, представив в своих записках краткую выжимку из русских летописей, самовольно наградил старейшину Гостомысла княжеским титулом⁷⁷. Но никакой князь не существует в одиночестве, сам по себе, у него всегда есть родня, хотя бы дальняя. Куда исчезла «династия Гостомысла» после призвания Рюрика с братьями, и почему никто из потомков или родственников Гостомысла не попытался оспорить власть Рюрика и его наследников? Если Герберштейн этот вопрос проигнорировал, то Стрыйковский нашел объяснение в династическом браке (образцом для польского историка могла послужить женитьба Ягайло на Ядвиге в 1386 г.). Неспроста ведь в русских летописях особо подчеркивается, что Ольгу привел к Игорю Олег – очевидно, этот брак был актом государственной важности. Если Ольга была правнучкой Гостомысла, то ее брак с сыном Рюрика объединял старую династию с новой. Картина получалась настолько складная, что Стрыйковский не усомнился в ее истинности и внес в свой текст родословную Ольги как несомненный факт⁷⁸.

«Подтверждение» родословной Ольги Татищев обнаружил у другого автора, которого высоко ценил – Ф. И. фон Страленберга. Правда, шведский исследователь сделал Ольгу не правнучкой, а дочерью Гостомысла⁷⁹ и при этом ссылаясь на труд французского ботаника и лингвиста Клода Дюре «Сокровищница истории языков Вселенной». К сожалению, ссылка

⁷⁶Там же. С. 48. Стрыйковский исправно повторял за Герберштейном даже самые курьезные ошибки, например, превращение Добрыни в женщину.

⁷⁷*Herberstein Sigmund. Rerum Moscoviticarum commentarii. Basel, 1571. P. 2.* Гостомысл у Герберштейна princeps, что в русских изданиях переводят то как «князь», то как «государь»; у Стрыйковского, однако же, Гостомысла избирают именно князем (*Strykowski Maciej. Kronika polska... S. 112-113*). Да и в немецком прижизненном издании Герберштейна 1557 г. Гостомысл назван Fürst (*Herberstein Sigmund. Moscouia der Hauptstat in Reissen... Wien, 1557. S. 24*).

⁷⁸Л. Н. Гумилев назвал бы это эмпирическим обобщением, имеющим достоверность, равную наблюдаемому факту.

⁷⁹*Strahlenberg P. I. Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. S. 95.*

Страленберга не совсем корректна: на указанной им странице хотя и упоминаются и Гостомысл (Goscomissel), и Ольга (Olpha), но об их родственных отношениях ничего не говорится⁸⁰. Скорее всего, Страленберга подвела память, и на самом деле он позаимствовал родство Ольги с Гостомыслом из того же Синопсиса, превратив по рассеянности Гостомысла из прадеда в отца Ольги.

Так или иначе, Татищев безоговорочно Страленбергу поверил и в своих замечаниях на его книгу уверенно «доказывал» славянство Ольги тем, что «отец ея Гостомысл был словянин»⁸¹. Уже тогда, в 1736 году, Татищев связывает славянство Ольги с появлением славянских имен в династии. По его мнению, это впоследствии привело к тому, что «с которого времени почитай весьма имена сармат пресеклись»⁸². Однако тут же возникло немаловажное затруднение. Для Герберштейна, Стрыйковского, Гизеля и Страленберга варяги были народом, родственным славянам. Татищев же знал, что это не так, ему было ясно и различие варяжских и славянских имен. Но как тогда могло получиться, что «славянка» Ольга носила варяжское имя? В 1736 г. Татищев еще не разгадал эту загадку и колебался между двумя решениями: «имя ея, видится, Ольха или может, для угождения супругу ея сарматское имя приала»⁸³. Татищев полагал, что «Ольха» звучит более «по-славянски», тем более что на Руси якобы была и речка Ольха – так Татищев, со ссылкой на Стрыйковского, именовал Альту⁸⁴. Право, такого рода гипотеза ничуть не хуже спекуляций академика Б. А. Рыбакова о связи имени Аскольда с речкой

⁸⁰*Duret C. Thrésor de l'histoire des langues de cest univers, contenant les origines... Par Matth. Berjon, pour la Societé caldoriene, 1613. P. 846.*

⁸¹*Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 7. М., 2018. С. 505.*

⁸²Там же. Под сарматами здесь подразумеваются варяги, т. е., по Татищеву, – финны. Другой раз о пресечении «сарматских» имен со времен Ольги Татищев повторяет там же. С. 508.

⁸³Там же.

⁸⁴Там же. С. 126.

Оскол⁸⁵, да и цель академик преследовал такую же – превратить однозначно норманнское имя в славянское.

Однако гипотеза об Ольге-Ольхе не показала Татищеву убедительной, и впоследствии он к ней не возвращался. В 1739 г. в примечаниях к несохранившемуся «Собранию из древних русских летописцев»⁸⁶ Татищев повторяет версию славянского происхождения Ольги, никак не поясняя ее скандинавское имя. Отцовство Гостомысла Татищев теперь оспаривает, поскольку обнаружил в версии Страленберга хронологические неувязки: «Некоторые русские писатели говорят также, что Гостомysl оставил дочь; Страленберг, стр. 95, приводит из Дюре Истории о языке общем, стр. 864, что Игорь, сын Рюрика, сочетался браком с Ольгой, дочерью князя Гостомысла, который жил в Гордореке. Однако это не согласно с летосчислением, так как Гостомysl умер перед 862, а Игорь женился в 903. Отсюда следует, что Ольга, если бы она была дочерью Гостомысла, при бракосочетании имела уже 41 год от роду, а крестилась на 93-м году. Возможно, Ольга была внучкой Гостомысла от дочери или сына его. Того же мнения придерживается и Стрыйковский»⁸⁷. В последнем пункте Татищев ошибся, поскольку у Стрыйковского Ольга приходилась Гостомыслу правнучкой. Татищев создал своего рода «компромисс» между версией Страленберга (дочка) и Стрыйковского (правнучка). Как указывает М. Б. Свердлов, в определении происхождения Ольги Татищев следовал за Стрыйковским и «Синописом»⁸⁸.

Все эти соображения помещены Татищевым в примечаниях. Основной текст

⁸⁵Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. 2-е изд. М. 2014. С. 197.

⁸⁶Пеитич С. Л. Русская историография XVIII века... С. 231; Валк С. Н. О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В. Н. Татищева // Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен... Т. 7. С. 37-40. По существу, это ранняя версия первой редакции «Истории Российской», завершенная к 1739 г.

⁸⁷Татищев В. Н. История Российская.... Т. 7. С. 101-102.

⁸⁸Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев... С. 83-84.

редакции 1739 года не сохранился, его содержание можно лишь частично представить на основе изданных по-немецки примечаний. Видимо, в основном тексте Татищев воспроизвел летописный рассказ о происхождении Ольги из Пскова, однако в примечании 41 счел нужным заметить: «Об Ольге здесь неправильно утверждается, что она уроженка Пскова, так как Псков тогда еще не существовал. В Минее в ее житии написано следующее: «Ольга родилась в Псковском пределе в веси Выбутовской, неподалеку от Пскова». Но такого города тогда еще не было, №68; о ее роде сказано, что она происходила из простых людей. Однако это совсем неправильно и напротив доказано, что она происходила из рода прежних славянских князей и была внучкой Гостомысла, о чем №№ 19 и 30»⁸⁹. Здесь хорошо видны историографические познания и навыки Татищева: он уверенно предпочитает поздние источники более ранним, а свои предположения, которые он сам несколько страницами ранее маркировал как «возможные», теперь презентует как «доказанные» (ср. с. 102: «Возможно Ольга была внучка Гостомысла» и с. 104: «доказано, что она происходила из рода прежних славянских князей и была внучкой Гостомысла»).

Возможность и доказанность для В. Н. Татищева взаимозаменяемы, и об этом нужно помнить тем историкам, кто рискует пользоваться татищевскими известиями в своих работах.

В редакции 1739 года Татищев возвращается к своей идее о значимости Ольги в смене имен со скандинавских на славянские. В примечании 56 читаем: «так как тогда правители были из варягов, т. е. шведского происхождения, то, следовательно, среди послов варяги тоже были в большинстве. Среди имен послов было еще много шведских, как Стер, или Стор, Свен, Шигоберн и пр.; такие имена у шведов еще до сих пор употребляются. Славянских имен, напротив, находим мало до тех пор, как блаженной памяти Ольга, которая сама была славянского

⁸⁹Татищев В. Н. История Российская... Т. 7. С. 104.

происхождения, не стала отдавать им предпочтения»⁹⁰. Впрочем, роль Ольги в торжестве славянского начала над варяжским для Татищева хотя и значительна, но не решающая, главными же факторами он считает принятие христианской веры и славянской письменности: «Важнейшим основанием, давшим предпочтение славянскому народу перед варягами руссами, могло быть то, что они приняли письмо, христианскую веру и учение через славянских болгар на славянском языке, вследствие чего этот язык и народ всё более и более возрастали, другие же угасали, и всё государство по длительном времени превратилось в славянское»⁹¹.

В другом примечании к редакции 1739 года Татищев впервые датирует рождение Игоря Рюриковича 875 годом, не указывая источник этой даты (в последующих редакциях им станет «Раскольниковый манускрипт»): Примечание 67: «Игорь, или Ингорь, родился в 875 году, в 903 году сочетался браком с Ольгой, а в 945 году был убит; из этого следует, что ему при бракосочетании было 28 лет, а при кончине 70 лет. Если же Ольге при бракосочетании было самое меньшее 16 лет, то в 58 лет она стала вдовой. Июльская Минея называет древлянского князя Молодит, Стрыйковский же – Молодит или Ниския; в Новгородской Степенной книге он называется Мал, сын Нискинин»⁹². Татищев опять допускает неточность, видимо, слишком понадеявшись на свою память: Минея Дмитрия Ростовского называет древлянского князя двойным именем – Малдит и Низкия⁹³. Что же до «Новгородской степенной», то в ней (если, как показывает А. П. Толочко, под этим именем скрывается Чертковский список Владимирского летописца⁹⁴), древлянский князь назван просто Малом⁹⁵. При работе с

текстом истории Татищев атрибутировал известия по памяти и не стремился перепроверять свои ссылки – эту особенность его работы исследователям тоже нужно учитывать.

По-видимому, в основном тексте редакции 1739 года Татищев датировал «поход» Ольги в новгородско-псковские края по летописному нарративу – сразу после мести древлянам. В примечаниях он указал на версию Дмитрия Ростовского, который полагал эту поездку уже после крещения⁹⁶ (ведь только будучи крещенной, Ольга могла в тех краях проповедовать, ставить кресты и церкви и проч.). Для Татищева «свидетельство» Минеи было важным как дополнительный аргумент против псковского происхождения Ольги. О месте и времени крещения Ольги Татищев сообщает в целом соответственно Минеи, которая «говорит согласно с обстоятельствами». Попутно в примечаниях он отмечает хронологические нестыковки в свидетельствах Пролога, Степенной книги и проч. о крещении Ольги при Иоанне Цимисхии, однако воздерживается от окончательного решения⁹⁷.

В примечании 77 к редакции 1739 г. («собранию из древних русских летописцев») Татищев пробует вычислить даты жизни Ольги. Исходя из того, что замуж ее выдали в 16 лет, он получает, что умерла она на 82-м году жизни⁹⁸. Татищев, видимо, смутился явной «растянутостью» хронологии Начальной летописи; в последующих редакциях он сделает по этому поводу несколько любопытных предположений.

С чем Татищев сразу решительно отказался мириться – так это с невольничьим статусом матери Владимира Святого. В примечаниях 79 и 89 он настаивает на том, что Малуша была «родственница» или «свойственница» Ольги. В подтверждение Татищев ссылается, во-первых, на высокий

⁹⁰Там же. С. 110.

⁹¹Там же. С. 117.

⁹²Там же. С. 112.

⁹³Дмитрий Ростовский. Жития Святых... С. 314.

⁹⁴Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 68.

⁹⁵ПСРЛ. Т. XXX. М., 2009. С. 20. В другой раз Татищев ошибочно приписывает «Новгородской Степенной» (Владимирскому летописцу) основание Пскова Ольгой (во Владимирском летописце ее

приводят уже из Пскова, см. ⁹⁵ ПСРЛ. Т. XXX. С. 17). Надо, впрочем, учитывать, что отождествление Новгородской Степенной с Владимирским летописцем – только предположение, хотя и весьма вероятное.

⁹⁶Татищев В. Н. История Российская... Т. 7. С. 112. Прим. 68.

⁹⁷Там же. С. 112-113. При. 70.

⁹⁸Там же. С. 114. Прим. 77.

социальный статус родственниц Малуши, во вторых – на Стрыйковского, у которого Малуша и Добрыня суть дочери (sic) Каплуши Мальца из Новгорода, причем Малуша была у Ольги «казначеей»⁹⁹. Увлеченный своей идеей, Татищев искажает цитируемый им источник: у Стрыйковского Малуша хотя и «придворная» (francimerze), но всё-таки «ключница» (klucznicza) Ольги¹⁰⁰, как и в начальной русской летописи¹⁰¹. В древнерусские времена слово «ключница» однозначно указывало на подневольное, холопское положение. И, разумеется, ни о каком сродстве Малуши с Ольгой ни в каких источниках нет ни намека – это известие целиком вымышлено Татищевым. Один вымысел неизбежно повлек за собой другой, уже чисто беллетристского свойства: «Что мать его (Святослава) Ольга была не довольна этим браком, не удивительно, так как Малуша была ее родственницей, воспитывалась под ее присмотром и без ее согласия вступила в брак, что Ольге по закону естественному, как матери и еще более как христианке, не могло понравиться»¹⁰².

Как не подивиться могуществу историка-демиурга! Из небытия, без малейшей опоры в источниках, на свет является родственница Ольги Малуша; из ниоткуда приходит откровение, что она воспитывалась под Ольгиным присмотром. Свыше нам дается знание о том, что брак Святослава и Малуши был совершен без согласия Ольги и что Ольга негодовала на это на правах не только матери (по закону естественному), но и как христианка. Как царь Мидас обращал вещи своим прикосновением в золото, так Татищев своим благосклонным вниманием превращал

скудные летописные известия в занимательные, но, увы, недостоверные рассказы.

В «Собрание из древних русских летописцев» 1739 года уже входило известие об отмене Ольгой «княжего». Это явствует из примечания 71: «Что здесь автор под словом княжое разумеет, неизвестно; может быть, это тот самый обычай, который был в Шотландии, что невест к господам приводили. Что значит куница, это до сего времени знает каждый: куничьи деньги берут господа с крестьянских свадеб, по желанию и усмотрению каждого»¹⁰³. Характерно, что Татищев не ссылается здесь пока еще на «Раскольничий манускрипт», хотя в «Предъизвещении» этот «летописец» уже заявлен, причем первым номером¹⁰⁴. Неясно, почему Татищев вспомнил именно шотландские обычаи (влияние Якова Брюса?). В последующих редакциях список стран с обычаем первой ночи будет расширен, но вот Шотландия по какой-то причине пропадет.

Первая редакция «Истории Российской» 1746 г, написанная стилизованным под «древнее наречие» слогом¹⁰⁵, отмену «княжего» дает под 964 годом, сразу за описанием первого похода Святослава на вятичей: «Тогда же отказа Ольга княжее, а положи имати от жениха по черне куне князеви или бояринови»¹⁰⁶. В примечании 93 к этому месту появляется ссылка на «источник»: Княже написано в одном Раскольничем, а в протчих ни в одном, мню, неведения ради пропущено. Что значит от свадьбы, неизвестно, разве не было ли обычая, о котором в Шотландии сказуют, что невест на разгнение ко князем приводили.

⁹⁹Там же. С. 115, 116-117.

¹⁰⁰Strykowski Maciej. Kronika polska... S. 122. Под frauznymer (нем.) понималась совокупность всех служителей благородной особы женского пола – от фрейлин до слуг, прачек, поваров и шутов. «Казначеея» – это толкование Татищева, опирающееся на более позднее употребление слова «ключник» при московском царском дворе.

¹⁰¹ПСРЛ. Т. 1. С. 69. В Ипатьевской летописи Малуша «милостьница» Ольги (ПСРЛ Т. 2. С. 57) что опять-таки четко говорит о подневольном положении.

¹⁰²Татищев В. Н. История Российская... Т. 7. С. 115.

¹⁰³Там же. С. 113.

¹⁰⁴Там же. С. 68.

¹⁰⁵Уже в первой редакции Татищев не переписывает фрагменты летописных текстов, а творчески их интерпретирует, излагая свои догадки всё тем же слогом, который он считал «древним наречием». Так, святославо «иду на вы» он понял как призыв к переговорам и соответствующим образом представил в тексте: «И посылаше ко странам облежасчим и вражды творящим, глаголя: «Хощете ли умириться, слите ко мне, или хошу на вы ити» (Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 159).

¹⁰⁶Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 159.

Куницы же и дондесь известно, что везде в Руси кунишные деньги за свадьбы господы берут деньгами каждой по своему разсуждению»¹⁰⁷. Далее Татищев упоминает схожие случаи «в гисториях древних» – у финикийцев и ассирийцев.

В той же редакции ссылками на Раскольничий летописец подкрепляются даты рождения Игоря и Святослава. Характерно, что в обоих случаях Татищев считает нужным усилить датировку дополнительными соображениями. Рождение Игоря в основном тексте указано в 875 году¹⁰⁸, в примечании сказано, что известие «положено по Раскольничьему, в котором положено три года споредь. И я положил в последнем 875-м, взирая, что в приходе его в Киев 882-го написано, что его Олег, яко младенца, нес. В Нижегородском же его рождение положено в 861, и потому в Киеве был он 21-го году, что, мнится, сумнительно»¹⁰⁹. Рождение же Святослава в основном тексте (в «Летописи краткой великих государей русских...») указано под 942 годом, однако в примечании 107 говорится следующее: «О рождении Святослава в 920-м в одном токмо Раскольничем тако написано. В Нижегородском же 940-м, а в протчих выпущено, может, для того, что в походе его на древлян он детским, или дитяем, имянован, но по его действию видно, что был не дитя. Его ж и рождение не весьма рано, 14 лет после брака отцова, когда Ольга около 33 лет была. В договоре же с греками в 945-м написаны послы княгини Предславы, а оно не иначе мню, как жена Святославля, ибо он тогда был 25 лет»¹¹⁰. Татищева, как видно, смущала лакуна между браком Игоря и поздним (не ранее начала 40-х гг.) рождением Святослава; сдвиг даты хотя бы на два десятка лет делал этот зазор чуть менее зияющим, а идентификация Предславы как жены Святослава (на что не было ни намек в тексте договора) придавала татищевскому известию дополнительную убедительность¹¹¹.

¹⁰⁷ Там же. С. 534.

¹⁰⁸ Там же. С. 125, 140.

¹⁰⁹ Там же. С. 524.

¹¹⁰ Там же. С. 536-537.

¹¹¹ Еще одним аргументом Татищев посчитал то, что Святослав оставил после себя взрослых сыновей

Один домысел порождал другой, и Татищев отыскивал в том же договоре целых двух братьев Святославу – Володислава и Улеба¹¹². Теперь брачная жизнь Игоря и Ольги выглядела достаточно насыщенной.

Замечание Татищева о том, что в битве с древлянами Святослав не выглядел малолетним, кажется странным. В основном тексте 1-й редакции он приводит это место в целом верно: «и суну (броси) копием Святослав на древляны, и копые лете сквозе уши коневи, и удари в ногу коневи, Святослав бо бе детск»¹¹³. Не отступает он от летописного нарратива и в сообщении о приводе Ольги «от Плескова»¹¹⁴, все соображения на этот счет вынесены в примечание 58¹¹⁵. В этом примечании происхождение Ольги от Гостомысла уверенно подается как нечто доказанное. Как «внучка Гостомысла» Ольга указана и в «Летописи краткой великих государей русских...»¹¹⁶. Норманское имя у славянской княжны по-прежнему требовало объяснений, и Татищев по мере сил старается его дать: «Что же имя ей не словенское, но варяжское дано, оно, видно, для изъявления благодарности князю Ольгу ей переменено»¹¹⁷. Рассказ о гневе Ольги на Малушу и о ссылке в Будутино дан в основном тексте, о предполагаемом родстве Машуши с Ольгой дано в примечаниях, один

(там же); аргумент, конечно, спорный, учитывая, что возраст сыновей Святослава на момент его гибели в ПВЛ не указан, а их пассивность (за них всё решают Свенельд, Добрыня и Блуд) скорее говорит об их малолетстве. Более надежный аргумент Татищев обнаружил, когда ознакомился с трактатом Константина Багрянородного «Об управлении империей», где упоминалось о княжении Святослава Игоревича в Новгороде (Татищев В. Н. История Российская. Том 1. С. 267).

¹¹² Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 537. Насчет Володислава Татищев, видимо, не был до конца уверен, в «Летописи краткой великих государей русских» указан только Улеб-Глеб (Там же. С. 125). Чтобы еще раз подтвердить свою версию рождения Святослава в 920 г, Татищев приурочивает рождение у него Владимира к новгородско-псковской поездке Ольги (Там же. С. 534), не давая при этом никаких ссылок.

¹¹³ Там же. С. 156.

¹¹⁴ Там же. С. 143.

¹¹⁵ Там же. С. 527.

¹¹⁶ Там же. С. 125.

¹¹⁷ Там же. С. 527.

раз – утвердительно («она ей свойственница была и в ея призрении воспитана») ¹¹⁸, другой раз – предположительно («может быть, свойственница Ольги была») ¹¹⁹. В том же месте Татищев, полемизируя с Рогнедой, пишет, что «чин ключницы при дворе был великой».

Но не всегда соображения и предположения четко отделяются Татищевым от основного, стилизованного под летопись текста. О деятельности Ольги после крещения сказано так: «Ольга же, пришед в Киев, живяще с сыном своим и учаще его и народ крестится» ¹²⁰. В ПВЛ Ольга уговаривала креститься одного Святослава, да и то неудачно. Это известие не является исключительно татищевским – как было показано выше, миссионерство Ольги появилось уже в житийно-минейной традиции, а также в хронике Стрыйковского, откуда перешло в «Синописис» Гизеля; попало оно и в поздние летописи, испытавшие польское влияние – Мазуринский летописец, Густынскую летопись ¹²¹. Другой пример «отсебятины» – уже чисто татищевский: «Прислал царь Константин послы свои к Ольге и сыну ея Святославу, рекий: "Ты ми еси прирекла вои многи; ныне имам потребу, прошу, шли ми". Ольга же рече: "Елико аз у тебя стоях в Скуди (мню, Скутар), тако ты, пришед, постой зде в Почане и аз ти сугубо воздам". Сие того дея рече, иж Святослав не любяще греки. И тако Ольга одарив послы, отпусти их с честью многою» ¹²². Если гадательный характер своей версии о «Скуди» Татищев обозначил (не зная, что Судом в летописи именовалась константинопольская гавань, он принял ее за пригород Скутари), то домысел о нелюбви Святослава к грекам просто вплетен в летописный рассказ, даже с попыткой стилизации. Вставка выглядит здесь

¹¹⁸Там же. С. 536.

¹¹⁹Там же. С. 537.

¹²⁰Татищев В. Н. История Российская...Т. 4. С. 158.

¹²¹Мазуринский летописец: «возратившись от крещения от Константинаполя в Киев, многих в Росии крестила» (ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 39); Густынская летопись: «и увѣщеваше на се и сына своего Святослава и бояръ» (ПСРЛ. Т. 40. СПб., 2003. С. 34).

¹²²Татищев В. Н. История Российская...Т. 4. С. 158.

совершенно лишней, поскольку для объяснения отказа Ольги вполне достаточно ее обиды на холодный прием греками; ксенофобия Святослава нужна разве что для того, чтобы лишней раз подчеркнуть, что к моменту смерти Игоря он не был «вѣльми дѣтескъ», поскольку в таком случае он не мог бы играть самостоятельной политической роли всего десять лет спустя. Характерно, что Татищев не просто «дополнил», а исказил летописный рассказ, в котором император просит у Ольги не только воинов, но и воск, рабов и меха ¹²³. В летописи ничего не сказано о дарах Ольги послам; Татищев же заставляет Ольгу одарить послов и отпустить их с честью, в пику собственному сыну.

Татищевские соображения о роли Ольги в возвышении славянского языка, которые в редакции 1739 года читались в примечаниях, в первой редакции вынесены в основной текст – в «Предъизвещение»: «Сих (варяжских) князей пришествием видимо, что народ славенской толико уничижен был, что мало где в знатности славян находилось, но всюду в знатности имяна варяжские упоминаются... блаженная Ольга, сама бывши от роду славян, язык в большее употребление и народ славенской в действо произвела, как уже то при ней всюду не токмо в начальниках и управителях, но детей и внучат имяна словенские показались, а при Владимире уже варяги мало и видимы стали» ¹²⁴. Картина по сравнению с редакцией 1739 стала куда более драматичной: дело уже не в преобладании славянских или варяжских имен, речь идет об униженном положении славян после прихода Рюрика, о преобладании варягов в элите древнерусского общества; соответственно, Ольга не просто дает детям и внукам славянские имена – она возвращает славян в число начальников и управителей. Борьбу варяг со славянами Татищев усматривает и в противостоянии сыновей Святослава, причем «варяголюбом» у него оказывается Ярополк: «И как Ярополк I, сын Святославль, более к варягом, яко и отец его, склонности имел, того ради, видится, Владимира славяне в Новгороде на

¹²³ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 32.

¹²⁴Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 99.

брата поострили и того престола и жизни лишили...»¹²⁵.

Таким образом, уже в первой редакции «Истории Российской» образ «татищевской» княгини Ольги вполне сложился. Ряд татищевских реконструкций, такие как миссионерская деятельность княгини, отмена права первой ночи, оттеснение варягов и усиление славянского влияния, даны в основном тексте как несомненные факты, частично вплетены в летописный текст или аутентизированы ссылками на древний манускрипт. Правда, ключевые для татищевской схемы пункты о происхождении от Гостомысла и о смене Ольгой имени пока еще остаются в примечаниях и обозначены как гипотетические. Достоинно внимания, что Татищев не решается подтверждать гостомыслову родословную ссылкой на Гизеля и даже на Стрыйковского – это очевидный прогресс в его источниковедческих навыках. Для аутентизации гипотезы Татищеву требуется более надежный источник, который вскоре и будет обретен. Впрочем, и без всякого источника Татищев был настолько уверен в истинности своей реконструкции, что уже не осознает ее гадательного характера и помещает в качестве исторического примера в «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ»: «И как колено словенских князей Гостомыслом пресекалось, взяли к себе князя Рюрика от варяг, или финнов, немало их языки употребляли, как то в древних наших летописях таких речений находим, что и разуметь не можем. Но блаженная Ольга, бывшая от рода князей славянских, приняв владение, паки славянский язык нечто возобновила»¹²⁶.

В «Сокращении истории Российской»¹²⁷, несмотря на ее тезисный,

¹²⁵Там же.

¹²⁶Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1976. С. 96.

¹²⁷С. Л. Пештич датировал рукопись «Сокращения истории русской» временем между составлением 1-й редакции «Истории Российской» и началом работы над 2-й (Пештич С. Л. Русская историография... С. 268). В. С. Астраханский считал «Сокращение...» наиболее ранней из всех редакций «Истории...» и относил время ее составления к 1727–1729 гг. (Астраханский В. С. «История Российская» В. Н. Татищева: Опыт текстологических,

конспективный характер, представлены некоторые татищевские домыслы о княгине Ольге. То, что прежде подавалось в примечаниях и в виде предположений, теперь идет в основном тексте как сами собой разумеющиеся факты. Ольга безапелляционно названа внучкой Гостомысла, при этом ей дан титул изборской княжны (это первое появление Изборска как родины Ольги в татищевских текстах; видимо, «пропиской» в престольном городе, где княжил брат Рюрика, Татищев старался утвердить знатное происхождение Ольги, в противовес Степенной книге с «подлой» Ольгой-перевозчицей из какого-то села); ей приписано основание Пскова (это основано на житийной традиции); рождение Игоря показано в 875 году; Малуша опять названа свойственницей Ольги; первой женой Святослава указана какая-то «болгарыня» – это, судя по всему, дальнейшее развитие темы Предславы. Наиболее интересно известие о том, что Ольга пыталась обратить Святослава, «но дикий и свирепый его нрав или паче совет других в том воспрепятствовал»¹²⁸. Источник любопытных сведений о психологии Святослава не указан, но нетрудно увидеть, что Татищев опирается на летописный нарратив, очень вольно его пересказывая («совет других» – это приведенные в летописи опасения Святослава, что после крещения дружина будет над ним смеяться).

По какой-то непонятной причине С. Л. Пештич полагал, что в «Сокращении» татищевских известий нет или их совсем мало¹²⁹. В реальности, как видим, конспективный текст «Сокращения» густо насыщен татищевскими добавлениями, так

историографических и библиографических изысканий. М., 1993. С. 6-35). Однако он не проверил важного соображения, высказанного еще первым публикатором этой рукописи, Е. М. Добрушкиным: название «Сокращение истории» (а не «сокращенная история») говорит о том, что этой рукописи уже предшествовал некий текст (Добрушкин Е. М. Неопубликованная рукопись В. Н. Татищева по русской истории // Советские архивы, № 5, 1971. С. 87-95), так что «Сокращение» не может быть самой ранней редакцией татищевского труда.

¹²⁸Добрушкин Е. М. Неопубликованная рукопись В. Н. Татищева... Л. 2об.

¹²⁹Пештич С. Л. Русская историография... С. 268.

что отделить факт от домысла в нем можно, лишь прилагая немалые усилия. Кажется, Татищев был неспособен излагать материал, не добавляя попутно свои соображения и реконструкции. Вполне справедливым представляется замечание А. П. Толочко: «любая работа Татищева над рукописью имела результатом внесение в нее "татищевских известий"»¹³⁰.

Создание второй редакции было ознаменовано обретением Татищевым при таинственных обстоятельствах «Истории Иоакима епископа новгородского»¹³¹. Этот источник, никогда не видимый никем, кроме самого Татищева, и изложенный в 4-й главе 1 части второй редакции, содержал сведения, чудесным образом подтверждающие многие татищевские догадки, высказываемые им в предыдущих редакциях. Среди прочего, в «Истории Иоакима» Ольга была «от Изборска, рода Гостомыслова». Мало того, таинственные «тетради» Мелхисидека Борщова разъясняли загадку норманнского имени «славянской» княжны: «иже Прекраса нарицаешся, а Олег переименова ю и нарече во свое имя Ольга». Упоминался в «Истории Иоакима» и брат Святослава Глеб, которого Святослав убил «разными муками томя» за исповедание христианства. «Свирепый нрав» и нелюбовь Святослава к грекам в «Истории Иоакима» синтезировались в неприязнь киевского князя к христианству, легко объясняемую упорной войной с греками; сообщалось даже о об убийстве многих христиан «от вельмож»¹³². Помимо подтверждения старых известий, «История Иоакима» сообщала и новые любопытные подробности, например, о причинах крещения Ольги в Царьграде (она была «научена» от киевских христиан, но не могла

принять новую веру в Киеве «народа ради»), о строительстве Ольгой деревянной церкви Святой Софии, иконы для которой прислал патриарх, о намерении Святослава сжечь церкви и погубить христиан¹³³. В примечаниях к «Истории Иоакима» Татищев внес еще несколько соображений: о трех дочерях Гостомысла, старшая из которых была замужем «за изборским» (видимо, князем) и от которой родилась Ольга, а вторая была матерью Рюрика¹³⁴; о том, что Вадим, возможно, был сыном старшей Гостомысловны (то есть Ольга становилась сестрой легендарного Вадима, получающего, впервые в историографии, княжеский титул)¹³⁵; о разорении Святославом церкви Святого Николая, поставленной при Аскольде¹³⁶; о том, что при Ольге «многие крестились» и что «Ольга, как владетельная, могла многих верных ей вельмож склонить, особливо бывшие с нею в Цареграде»¹³⁷. Также Татищев объяснял, почему «настоящее» славянское имя Ольги потерялось в источниках: «В Прологе ж славенское ея имя Прекраса превратил в прилагательное прекрасная, которую Ольг от любви преименовал ее свое имя Ольга, а при крещении Елена...»¹³⁸.

Соображения Татищева о семейной жизни Ольги также нашли подтверждение у «Иоакима»: как и предполагалось, Святослав был не единственным сыном Игоря, имелся еще брат Глеб или Улеб. Упоминание о Глебе в «Истории Иоакима» позволило Татищеву вычеркнуть было из примечаний свои гадательные соображения о братьях Святослава¹³⁹ – брат Глеб из догадки становился фактом, а Володиславом Татищев по каким-то своим соображениям решил пожертвовать. Впрочем, другие братья Святослава всё-таки были оставлены в качестве предположения в примечаниях¹⁴⁰. Однако ни Володиславу, ни прочим виртуальным братьям не досталось места в

¹³⁰Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 45. Разрядка А. П. Толочко.

¹³¹Нигде у Татищева эта «История...» не названа летописью, что и не удивительно: представленный Татищевым в 4-й главе 1-й части второй редакции текст никаких летописных черт не содержит (Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев... С. 85). Упорство, с каким многие историки до сих пор говорят об «Иоакимовской летописи», даже имитируя для нее аббревиатуру по образцу летописей настоящих («ИЛ» или «НИЛ»), не может не вызывать удивления.

¹³²Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 137.

¹³³Там же.

¹³⁴Там же. С. 143.

¹³⁵Там же.

¹³⁶Там же. С. 146.

¹³⁷Там же.

¹³⁸Там же.

¹³⁹Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 406.

¹⁴⁰Там же. С. 277.

драматическом противостоянии христианства и язычества, где Глеб представлял христианского мученика, а Святослав – гонителя новой веры. Семейные дела самого Святослава тоже не остались без внимания «Иоакима» – Малуша была объявлена его второй супругой, в полном соответствии с разъяснениями Татищева о том, что Малуша не была холопкой и что ее брак со Святославом, хотя и вызвал неудовольствие Ольги, «действителен был». Заодно новообращенный источник Татищева сделал многоженцами всех дохристианских русских правителей, кроме Олега – обладание несколькими женами было приписано и Рюрику, и Игорю; впрочем, у каждого из них была особо любимая супруга: у Рюрика – Ефанда, у Игоря – Ольга.

Несмотря на то, что Татищев вынес «Историю Иоакима» в отдельную главу и демонстративно отказался «сие в Несторову летопись дополнить», т. е. внести «иоакимовские» известия в основной текст своего сочинения, все читатели «Истории Российской» воспринимали «Историю Иоакима» как неотъемлемую и полноправную часть татищевского нарратива. Показателен пример Екатерины II, в «Записках...» которой нашлось место и для Вандала с Гардориком и Гунигаром, и для Избора со Столпосвятом, и, разумеется, для гостомыслово-изборской родословной княгини Ольги¹⁴¹. Да и сам Татищев во второй редакции своего труда ссылался на «Историю Иоакима» как на полноценный и авторитетный источник не менее 55 раз¹⁴².

¹⁴¹Екатерина II. Записки касательно Российской истории. Часть I. – Санкт-Петербург: Имп. тип., 1787. С. 6, 8. М. Б. Свердлов справедливо определил имена наподобие Столпосвята как продукт «дикой этимологии» (Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев... С. 81).

¹⁴²Татищев В. Н. История Российская...Т. 1. С. 117, 128, 131, 149, 151, 163, 169, 181, 267, 292, 297, 324, 327, 364, 371, 372, 376, 381, 383, 384, 405, 406, 408, 409, 410, 415, 416, 452, 453, 484, 487, 495, 497, 498, 517; Т. 2. С. 253, 260, 262, 263, 266, 277, 278, 283, 284, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 297, 298, 309, 339. Ни в одной из ссылок Татищев не выражает ни малейшего сомнения в аутентичности и достоверности «Истории Иоакима», делая исключение лишь для заведомо легендарных «баснословных» сведений, вроде известия о Скифе, брате Словена, – по его мнению, последующие сведения об этом персонаже

Так что нарочитые сомнения Татищева в подлинности «Истории Иоакима» с указаниями на новый слог, на разночтения с другими летописями, на вымышленность монаха Вениамина и проч. выглядят не очень убедительно (хотя и ввели в заблуждение даже академика М. Н. Тихомирова, принявшего их за проявление научной добросовестности Татищева¹⁴³). Скорее прав А. П. Толочко, расценивающий эти «сомнения» как уловку для более убедительной аутентизации вымысла¹⁴⁴.

Сага об обретении «Истории Иоакима» слишком напоминает стандартную схему «открытия» фальсификатов – получение уникального документа, переложение его на современный язык и утрата подлинника – чтобы не вызывать подозрений. Псевдославянские имена Прекрасы, Умилы и совсем уже несуразные Угоняй, Соловей и Воробей с головой выдают сочинителя XVIII столетия¹⁴⁵. Соответствие содержания «Истории Иоакима» предположениям и ожиданиям Татищева слишком уже полно, чтобы поверить в возможность подобного рода случайности. Невозможность доказать фальсификацию палеографически, текстологически или лингвистически (оригинальная рукопись потеряна, текст переделан, сопоставления с реальными летописями отменяются ссылкой на уникальность материала) в прежние времена могла быть принята за свидетельство подлинности документа, но на современном уровне научной методологии это порождает дополнительные подозрения в мистификации. Впрочем, излагать все метки, выдающие в «Истории Иоакима»

восходят именно к Иоакиму, но лишены достоверности (Т. 1. С. 169). На с. 163 1-го тома Иоаким поставлен в один ряд с Нестором как древний и правдивый летописец, а на с. 364 охарактеризован как «старейший русский историк».

¹⁴³Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. В 7 т. Т. 1. М., 2016. С. 61.

¹⁴⁴Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 296-297.

¹⁴⁵Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев... С. 84, 89.

татищевскую «шутку»¹⁴⁶, вряд ли целесообразно: во-первых, они давно и хорошо известны, во-вторых, они всё равно не переселят обаяния легенды о найденной и вновь утерянной древней рукописи с уникальными известиями и высокохудожественными рассказами¹⁴⁷.

Для темы данной статьи существенно то обстоятельство, что даже наиболее убежденные защитники подлинности Иоакимовской «Истории» не решаются настаивать на достоверности ее известий о родстве Ольги с Гостомыслом или о переименовании Прекрасы в Ольгу. Между тем то упорство, с каким Татищев проводил эти идеи, начиная с самых ранних этапов своей работы над «Историей Российской», весьма показательны. Обретение «Истории Иоакима» подтверждало авторитетом древнего аутентичного источника не только догадки и реконструкции Татищева, но и те поздние источники, которыми он пользовался в начале своего творческого пути. Неспроста и в начале, и в конце главы об «Истории Иоакима» упоминаются «польские истории», «которые, как Стрыйковский говорит, из

русских сочинили»¹⁴⁸. Польские источники, в которых будто бы отразились не дошедшие до нас русские летописи, воодушевляли даже А. А. Шахматова. Неудивительно, что и Татищеву известия Стрыйковского об Ольге казались многообещающими, тем более что идеально ложились в его схему преемственности Рюрика туземной Гостомысловой династии.

И потому так настойчиво Татищев в примечаниях к «Истории Иоакима» утверждает, будто Стрыйковский был знаком с этим источником¹⁴⁹. Речь в данном случае идет об имени древлянского князя, столь неудачно сватавшегося к Ольге. В «Истории Иоакима» Татищев именует его «Мал, сын Нискини»¹⁵⁰ и утверждает, будто бы и Стрыйковский дает то же имя. На самом деле Татищев то ли по ошибке, то ли сознательно выдает желаемое за действительное: у Стрыйковского древлянский князь называется Малдит или Нискиня¹⁵¹, о чем сам же Татищев писал в комментариях к первой редакции¹⁵². В увлеченности Татищев приписывал свои домыслы и Нестору: в тех же примечаниях к «Иоакиму», касаясь вопроса о происхождении Ольги, он пишет: «В Прологе майя 11 неистовая ошибка, что крестьянкою и на реке перевозчицею сказано, что и Нестор противоречит, говоря: Олег же приведе Игорю жену от Изборска. Следственно, Олег избрал, а не Игорь собою женился»¹⁵³. Действительно, Олег избрал, однако жену он Игорю привел от Плескова –

¹⁴⁶Карамзин Н. М. История государства Российского. Книга 1. Т. 1. С. XV. Единственным сильным аргументом в пользу того, что автором «Истории Иоакима» мог быть не Татищев, а его неизвестный современник, является имя Боривой, явно восходящее к хронике Козьмы Пражского, с которой Татищев не был знаком (Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев... С. 82). Однако, как указал А. Лавров, «король Боривой» фигурировал в знакомой Татищеву «Книге историографии» Мавро Орбино (Lavrov A. Vasilij Tatišev, "Mabillon russe" ou mystificateur? La Chronique de Joachim dans l'Histoire de Russie (v. 1748–1750) // Écrire et réécrire l'histoire russe d'Ivan Terrible à Vasilij Ključevskij (1547–1917), publié sous la direction de P. Gonneau et E. Rai. Paris, 2013. P. 77–88). Так или иначе, «История Иоакима» была придумана не раньше XVIII столетия, и при этом ее текст содержит характерные «татищевские» ошибки – например, имя Ефанды, назначенной в супруги Рюрику (Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев... С. 85).

¹⁴⁷О том, что археологические данные о пожаре в Новгороде в 989 году ни в малейшей степени не подтверждают подлинность «Истории Иоакима», см.: Горovenko A. B. Рассказ Иоакимовской летописи о крещении новгородцев: могут ли данные археологии опровергнуть текстологические выводы? // Valla. Т. 4. № 5. 2018. С. 1–16.

¹⁴⁸Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 132, 141.

¹⁴⁹Там же. С. 146. В главе о древнем славянском письме Татищев выражает уверенность, что «История Иоакима» «у польских была» (Там же. С. 117). В другом примечании Татищев приписывает знакомство с «Иоакимом» автору жития Ольги, обвиняя его, однако же, в том, что он известия «Иоакима» исказил (Там же. С. 145). С помощью «Истории Иоакима» Татищев придает тень аутентичности даже истории о Словене с Русом и основании «града Славенска» за 2,5 тыс. лет до н. э. – ее автор «сказание Иоакимово за основание имел, да, не разумея, хотел пополнить и темность онаго изъяснить, токмо ума столько не было» (Там же. С. 410).

¹⁵⁰Там же. С. 137.

¹⁵¹Strykowski Maciej. Kronika polska... S. 117.

¹⁵²Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 133.

¹⁵³Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 146, разрядка моя – Л. А.

Изборск появился лишь у Татищева. Сочинив некую версию событий, Татищев начисто забыл факт вымысла – эту его особенность нужно учитывать тем, кому кажется кощунством сомневаться в татищевской честности.

Даже при ссылках на «Иоакима» Татищев допускает неточность, которая весьма показательна. Утверждая, что Ольга крестила многих своих соотечественников, Татищев ссылается на «сказание» Иоакима¹⁵⁴. Но нигде в «Истории Иоакима» о крещении Ольгой «многих» не говорится¹⁵⁵. О том, что «многие крестились», Татищев пишет не в основном тексте, а в примечаниях к «Истории Иоакима»¹⁵⁶. Схожее сообщение – «многих русских ко Христу обратила» – есть у Стрыйковского и опиравшегося на него Гизеля, откуда, конечно, Татищев это и позаимствовал. Это лишний раз подчеркивает, сколь чрезмерно порой надеялся Татищев на свою память, пренебрегая сверкой своих ссылок. Но еще важнее то, что Татищев, как явствует из этого примера, не отличал гипотетический «источник» от своего комментария. Это могло бы послужить дополнительным доказательством того, что «История Иоакима» существовала лишь как один из татищевских домыслов, если бы и в отношении других, достоверных источников Татищев не допускал точно такую же небрежность. Например, он приписывает Нестору известие о разорении Святославом якобы построенной Ольгой в Киеве церкви Св. Софии¹⁵⁷; ссылки Татищев, впрочем, не дал, да и не мог дать, поскольку сведений о Софийской церкви при Ольге и Святославе у «Нестора» нет и никогда не было – это чисто «иоакимовское» известие.

Ссылкой на «Иоакима» Татищев подтверждал показания другого своего сомнительного источника – «Симонова манускрипта». Речь идет о следующем известии: «Ольга, будучи в язычестве, многими добродетелями сиала и, видя христиан многих, в Киеве добродетельно

живших и всякому воздержанию и благонравию поусчающих, вельми их похваляла и, часто с ними разсуждая чрез долгое время, закон христианский по благодати святого духа так в сердца своем вкоренила, что хотела в Киеве креститься, но учинить было ей того без крайнего страха от народа никак невозможно. Того ради советовали ей ехать в Царьград, якобы для других нужд, и тамо креститься, что она за полезно приняв, ожидала удобного случая и времени»¹⁵⁸. В примечании к этому известию Татищев пишет: «Сие обстоятельное сказание причины крещению Ольги во всех манускриптах не изъяснено; но я точно взял из манускрипта Симона, бывшего у Волынского, чему Иоаким согласует, гл. 4»¹⁵⁹. Еще А. А. Шахматов приводил это известие как пример редакторской работы Татищева, призванной «объяснить ход событий»; С. Л. Пештич заметил в этой связи, что это известие записано Татищевым на специально приклеенном листке¹⁶⁰. То есть эта правка внесена в Воронцовский список в последний момент, уже после появления «Истории Иоакима», и отсутствовала в первоначальном варианте рукописи 2-й редакции.

Таким образом, известие о причинах крещения княгини Ольги несомненно является рационалистическим домыслом Татищева, причем достаточно наивным. Не так уж трудно догадаться, что о христианстве Ольга могла узнать от живших в Киеве христиан. Н. М. Карамзин тоже выдвигал это предположение¹⁶¹, но он оговаривал его гадательный характер и уж тем более не подкреплял ссылкой на сомнительные источники. Как указывал С. Л. Пештич, сообщения Татищева о Симоновом манускрипте противоречивы и недостоверны: в 1-й редакции Татищев говорит только о летописце Симоне, во 2-й появляется манускрипт Симона, якобы списанный Татищевым у Волынского, в рукописи

¹⁵⁸Там же. С. 54.

¹⁵⁹Там же. С. 284.

¹⁶⁰Пештич С. Л. Русская историография... С. 243; Татищев В. Н. История Российская...Т. 2. С. 54, 357, вар. 45-45.

¹⁶¹Карамзин Н. М. История Государства Российского...Т. 1. С. 101.

¹⁵⁴Там же. С. 131.

¹⁵⁵Там же. С. 137.

¹⁵⁶Там же. С. 146.

¹⁵⁷Там же. История Российская. Т. 2. С. 287.

Института истории есть зачеркнутое примечание, согласно которому симоновские известия были внесены в Никоновскую летопись («Ни о каком манускрипте Симона нет и речи», – многозначительно замечает по этому поводу С. Л. Пештич)¹⁶². В одной из ссылок на «Симонов манускрипт», даваемых Татищевым, говорится о поединке Владимира Мономаха с «генуэзским генералом», так что даже благожелательно настроенный к Татищеву академик М. Н. Тихомиров был вынужден заметить: «Видимо, Татищев переоценил древность этой рукописи»¹⁶³.

Но скорее всего, никакой рукописи и не было. А. П. Толочко убедительно продемонстрировал, что концепция «Симонова манускрипта» произошла из представлений Татищева об истории русского летописания. Узнав о епископе Симоне из Киево-Печерского Патерика, Татищев посчитал его продолжателем летописной традиции, идущей от Нестора (Иоаким был добавлен впоследствии) к Сильвестру, далее – Нифонту Новгородскому, якобы певшему в церкви с Игорем Ольговичем, и, наконец, к Симону Суздальскому. Выстроив эту схему у себя в голове, Татищев при работе над 2-й редакцией отыскивал следы конкретного летописца в самых разных сводах, создавая своего рода «виртуальную» летопись, на следующем этапе закономерно воплотившуюся в конкретный манускрипт – Симонов (также именуемый летописцем Волынского). А. П. Толочко поэтапно представляет разработку Татищевым образа Симона-летописца от одной редакции к другой, показывая, как конкретизировались и обрастали подробностями татищевские идеи о «Симоновом манускрипте» и как Татищев наконец якобы обнаружил и списал этот манускрипт в библиотеке Волынского. К несчастью Татищева, библиотека Волынского

сохранилась, при этом никакого Симонова летописца в ней обнаружено не было¹⁶⁴.

Не был найден или идентифицирован и другой татищевский источник – Раскольничий летописец. Приписываемое этому источнику известие об отмене Ольгой «княжего» было повторено Татищевым во 2-й редакции с небольшими изменениями: «Тогда же отрещи Ольга княжее, а уложила брать от жениха по черне куне как князю, так и боярину от его подданного»¹⁶⁵. В примечании к этому известию повторялись ссылка на Раскольничий манускрипт и предположение о праве первой ночи. Список исторических и этнографических параллелей этого обычая был дополнен ссылкой на Геродота, но упоминание о Шотландии по каким-то причинам было опущено¹⁶⁶. Впоследствии И. Ф. Г. Эверс посчитал это сообщение достоверным, ссылаясь, в первую очередь, на «явно старинный язык», которым якобы написано это сообщение (при том, что Эверс имел дело с печатной миллеровской 2-й редакцией, даже не пытавшейся имитировать «старинный язык»), а также на то, что обычай первой ночи должен был быть оскорбителен для женских и христианских чувств княгини Ольги. Эверса впечатляла даже «нерешительность, с которой сам Татищев объясняет это место» – в этом было усмотрено дополнительное свидетельство татищевской научной добросовестности. В общем, Эверс не видел «достаточных оснований» для обвинения Татищева в подлоге¹⁶⁷. Более чем через сто лет это рассуждение повторил академик М. Н. Тихомиров: «Нет никаких оснований предполагать, что Татищев по неизвестной причине выдумал это известие»¹⁶⁸. С. М. Соловьев тоже отнесся к этому сообщению с доверием¹⁶⁹.

¹⁶²Пештич С. Л. Русская историография... С. 245-246. Зачеркнутое Татищевым примечание предназначалось для 1-й редакции (Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 604) и было выброшено при подготовке 2-й редакции, скорее всего потому, что подрывало собственные сведения Татищева о составе Раскольничьей летописи (Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 150).

¹⁶³Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской». С. 54.

¹⁶⁴Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 87-89, 171-177.

¹⁶⁵Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 57.

¹⁶⁶Татищев В. Н. Там же. С. 285-286.

¹⁶⁷Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С. 80, 84.

¹⁶⁸Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской». С. 58.

¹⁶⁹Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 1. Т. 1-2. М., 1988. С. 301-302.

В противоположность Эверсу К. А. Неволин сомневался в достоверности этого известия, задаваясь двумя простыми вопросами – насколько достоверен «Раскольничий список» и насколько корректно толкование Татищева? Неволин указывал на отсутствие данных о праве первой ночи в средневековой России. Он даже выражал сомнение в том, что в приводимом Татищевым отрывке речь идет именно о свадебных пошлинах, поскольку куницей на Руси назывались и другие виды пошлин¹⁷⁰. Последнее замечание верно, но не стоит забывать, что «Раскольничий список» предписывает брать куницу с жениха, что однозначно указывает на связь с брачными пошлинами. А вот сомнение в достоверности самого Раскольничьего списка вполне обосновано.

Татищев описывал этот манускрипт как пергаментный, древнего письма (переделанного при переписке на современное), доходящий до 1197 г.; в нем не было многих известий, содержащихся в других манускриптах, но были и известия, нигде более не встречающиеся, в том числе речи и объяснения происходивших событий¹⁷¹. Это описание многими было принято с доверием; даже скептически настроенный А. П. Толочко подыскивал образцы для него среди поздних украинских летописных списков¹⁷². Стоит, однако же, обратить внимание, что заданные Татищевым условия, как и в ситуации с «Историей Иоакима», заранее блокируют всякую возможность проверки: оригинал потерян, переделанный текст недоступен лингвистической верификации, вообще у нас нет ничего, кроме слов самого Татищева. В его «Истории Российской» немалое место занимают речи князей и вельмож (более похожие на рассуждения просвещенных дворян послепетровского времени, нежели на речи предводителей воинских дружин эпохи удельной раздробленности), равно как и

«объяснения» происходящих событий (выдержанные во вполне рационалистическом духе, безо всяких ссылок на Божий промысел, что было бы куда естественнее для автора «пергаментной» рукописи). Невольно закрадывается подозрение, что Раскольничий летописец понадобился Татищеву именно для подобного рода дополнений – Татищев еще не мог отказаться от придуманных речей, но был уже достаточно знаком с передовой исторической наукой своего времени, чтобы решаться на отрывое витийство. Представляется правдоподобным предположение А. В. Горovenko, что Татищев смоделировал «Раскольничий манускрипт» по образцу Голицынского (т. е. de facto Ермолаевского) списка Ипатьевской летописи, копию которого он получил в урезанном виде, без Галицко-Волынской летописи. Татищев выдал себя дублированием собственной ошибки: считая, что Голицынский список завершался описанием событий конца XII века, он перенес это ошибочное представление и на конструируемый им «Раскольничий манускрипт»¹⁷³.

Надежность выстроенной заранее обороны от нападок скептиков, обаяние легенды о древней пергаментной рукописи ввели в заблуждение не одно поколение исследователей. Татищев сумел навязать последующим историкам даже свою манеру мышления, так что Эверс спустя доброе столетие апеллирует, подобно Татищеву, к женским и христианским чувствам княгини Ольги. Даже явные признаки мистификации не замечались или толковались в благоприятном для Татищева ключе. Так, слово «дей» в заголовке Раскольничьего списка, будучи явным полонизмом, с головой выдавало подлог – так могли написать разве что в XVII столетии, когда ни о каких пергаментных манускриптах уже не могло быть и речи. Но Татищев не зря заранее продумал линию защиты, упомянув, что слог летописи был переделан раскольником при переписке. В расставленную ловушку попал даже академик М. Н. Тихомиров: «Непонятно слово «дей» в смысле действия, но оно могло

¹⁷⁰Неволин К. А. Полное собрание сочинений. Т. 3. История российских гражданских законов. Часть первая. Введение и книга первая о союзах семейственных. СПб., 1857. С. 132.

¹⁷¹Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 155.

¹⁷²Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 116-137.

¹⁷³Горovenko А. В. Василий Татищев... С. 116.

появиться в результате исправления самого раскольника, о чем упоминает Татищев»¹⁷⁴.

Таким образом, приходится согласиться с давним вердиктом Н. М. Карамзина: «Мнимая Раскольничья летопись так же достоверна, как Иоаким»¹⁷⁵. Раскольничьему манускрипту предназначалась роль «основного резервуара» татищевских известий до того, как была обретена «История Иоакима»: это явствует из 76 примечания ко 2-й редакции: «Ольга княгиня в некоторых манускриптах от Пскова, токмо в одном Раскольничьем от Изборска»¹⁷⁶. Введя в обращение «Иоакима», где тоже говорилось об изборском происхождении Ольги, Татищев позабыл исправить это примечание.

Откуда, однако же, мог почерпнуть Татищев идею об отмене Ольгой права первой ночи? Татищев сам отвечает на этот вопрос, упоминая о гипотетической замене этого права брачными пошлинами. О брачных пошлинах Татищев, как представитель феодального класса, знал не понаслышке. В русском праве они фиксируются по крайней мере с XIV века. Наиболее значимыми были т. н. новоженная куница (пошлина на все браки) и «выводная куница» или просто «выводное» – пошлина за переход новобрачной в другое феодальное владение. Занимаясь историей, Татищев не мог не задуматься о происхождении выводной и новоженной куницы. Популярное объяснение, приходящее на ум многим, кто впервые задается этим вопросом, – это связь брачных пошлин с правом первой ночи. Но, как и многие кажущиеся «логичными» объяснения, это предположение неверно. Право первой ночи, даже если оно было реальностью (что само по себе еще очень спорно), не связано напрямую с феодализмом, в отличие от брачных пошлин, которые появляются именно при развитии феодальном строе (что делает их введение Ольгой в X веке еще менее вероятным). Еще Н. П. Павлов-Сильванский указывал, что фольклорные данные о связи брачной

пошлины с правом первой ночи «представляют собой не указания на реальные отношения, а лишь позднейшие осмысливания свадебной пошлины. Совершенно так же объясняли значение свадебной пошлины в народе и у нас. Такое объяснение записано в прошлом (т. е. XVIII – Л. А.) веке в Малороссии». По поводу татищевского известия исследователь писал: «Оно представляет собою лишь позднее народное предание, возникшее из осмысливания свадебной пошлины, новоженной куницы, после того как древнее обрядовое ее значение стало уже непонятным. История знает много таких народных преданий, которые возникли в древности, но не имеют ничего общего с реальными отношениями древности, еще более отдаленной»¹⁷⁷.

Придя к выводу о замене брачными пошлинами права первой ночи, Татищев попытался определить, когда именно это произошло в России. Он знал, что во всех доступных памятниках русского права, начиная с «Правды» Ярослава, право первой ночи не фигурирует; значит, оно было отменено раньше. Кто же мог его отменить? Из первых русских правителей Ольга подходила больше всего. Во-первых, она была первая правительница-христианка и потому стремление отменить непристойный обычай выглядело для нее естественным. Во-вторых, за ней уже числилась реформаторская деятельность (учреждение погостов, оттеснение варягов и привлечение славян, миссионерство и строительство церковью). В-третьих, в «Степенной книге» упоминалось наложение Ольгой «легких даней», а оплата брачной пошлины взамен растления невесты князем или боярином действительно выглядела существенным «послаблением». Татищеву оставалось только придумать древнерусский аналог термину *jus primaе noctis*. Видимо, изначальный вариант звучал как «княжее право», по аналогии с обозначением права первой ночи в других европейских языках – *Herrenrecht*, *droit du seigneur*, *lord's right*, – но это смотрелось слишком анахронично для древнерусского

¹⁷⁴Тихомиров. М. Н. Русские источники «Истории Российской». С. 57.

¹⁷⁵Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 1. Прим. 385.

¹⁷⁶Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 272.

¹⁷⁷Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. Часть 2. М., 2017. С. 29, 30.

текста, и слово «право» было отброшено; в итоге получилось субстантивированное прилагательное, аналогичное «выводному», получившемуся из «выводной куницы».

Так волею Татищева Ольга стала инициатором важной реформы. Другое направление ее преобразовательной деятельности – оттеснение от кормила власти варягов в пользу славянского населения, заявленное еще в 1-й редакции, было без изменений перенесено во 2-ю: «Сих князей (Рюрика с братьями – Л. А.) пришествием видимо, что народ славянский толико унижен был, что мало где в знатности славян находилось, но всюду имяна варяжские упоминаются... блаженная Ольга, сама бывши от рода славян, язык в большее употребление и народ славенской в знатность произвела, как уже то при ней всюду не токмо в начальниках и управителях, но детей и внучат имяна славенские показались; а при Владимире уже варяги мало во управлении и видимы стали»¹⁷⁸. В понимании Татищевым этнических и языковых конфликтов наблюдается заметный регресс: если в 1739 году он указывал на роль кирилло-мефодиевской традиции и приятия христианства в конечной победе славянского языка над варяжским, то в 40-е гг., в ходе работы над 1-й и 2-й редакциями Татищев всё свел к личной инициативе Ольги.

Невозможно не разглядеть здесь влияния общественно-политической обстановки начала царствования Елизаветы. Новая императрица позиционировала себя (и воспринималась многими из своих сторонников) как «защитница» русского народа, покончившая с «засильем иноземцев» при «бионовщине». Ранее Татищев был вхож к Артемию Волынскому, который свое соперничество с Бироном трактовал как борьбу «русской партии» с паразитирующими на России немцами. Дискурс противостояния заморским находникам проявился в татищевской истории о Святохне из фантомной «полоцкой летописи», якобы принадлежащей одному из сподвижников Волынского Еропкину¹⁷⁹. Но

императрица Елизавета не только потеснила курляндских и брауншвейгских «варягов»: она «прославилась» еще и указом о высылке из России евреев. Чуткий к велениям времени Татищев приписал аналогичный закон Владимиру Мономаху (поводом к домыслу послужили летописные известия о еврейском погроме накануне его вокняжения). Все эти «известия» суть ничто иное, как политические памфлеты, поданные в древнерусском антураже, но на самом деле являющиеся откликами на актуальные события XVIII столетия.

Понятия человека XVIII века сказались и в упорном стремлении Татищева отменить в призывании варягов мотив выбора князей народом. Наследование, с точки зрения Татищева, могло идти только на основе крови или свойства, в крайнем случае – через назначение предыдущим монархом; «вольный выбор» не мог привести ни к чему хорошему, примером чему для Татищева служило избрание народом на царство Бориса Годунова¹⁸⁰. Татищев уже в примечаниях к 1-й редакции высказывал предположение, что Рюрик с братьями находились в каком-то родстве с Гостомыслом; этого не было в источниках, но ведь «оное, может и было, да утрачено»¹⁸¹. Чаяния Татищева чудесным образом воплотились в обретенной «Истории Иоакима», в которой Рюрик оказался внуком Гостомысла и его наследником по женской линии, через одну из дочерей – ситуация, привычная для России послепетровского времени¹⁸². Свою реконструкцию Татищев скомпилировал с домыслом Стрыйковского о родстве с Гостомыслом Ольги – судя по всему, сама мысль увязать династии через дочь Гостомысла была подсказана Татищеву генеалогическими фантазиями польского хрониста. Ни Татищев, ни его последующие читатели и почитатели не озадачились тем, что в этой схеме брак Игоря с Ольгой получался близкородственным – внучка Гостомысла Ольга приходилась его правнуку Игорю двоюродной теткой.

¹⁸⁰Татищев В. Н. История Российская. Т. 4. С. 522.

¹⁸¹Там же.

¹⁸²Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 383: «Иоаким паче всех сие утверждает, что Рюрик из Финляндии и как сын дочери Гостомысловы по наследию Руси государем учинился».

¹⁷⁸Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 383.

¹⁷⁹Голочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 318-324.

Что Татищев при работе над второй редакцией продолжал высоко ценить не только польские, но и житийные и минейные источники, видно из того, что в «Истории Иоакима» была продолжена тема строительства Ольгой церковью. Правда, основание церкви св. Троицы на месте будущего Пскова Татищев, в духе Просвещения, заменил основанием самого Пскова. Если в Степенной книге и Минее Ольга посылает золото и серебро на строительство храма, то у Татищева она благоразумно тратит средства на постройку города и при этом велит «населить людьми, отсюду призывая»¹⁸³. Церковь св. Николая в Киеве, которую «Синописис» и Дмитрий Ростовский приписывали Ольге, Татищев «застолбил» за Аскольдом и его предполагаемым крещением¹⁸⁴. Зато получила развитие тема Святой Софии. Татищев, видимо, не был удовлетворен предположением Димитрия Ростовского о том, что привезенный Ольгой крест после нее хранился некими «верными людьми» и был поставлен в Софийский собор уже при Ярославе Мудром. Возникал вопрос, почему крест не нашел пристанища в церкви пророка Ильи, существовавшей уже при Игоре, или в той же Десятинной церкви, построенной Владимиром. Татищев нашел изящное решение: Ольга раньше Ярослава построила храм Святой Софии, только деревянный (изучая русские летописи, Татищев неоднократно сталкивался со строительством каменных церквей на месте прежних деревянных), куда этот крест и был поставлен, но храм этот был разорен

¹⁸³Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 54. Текстуально это место у Татищева близко к «Минее» Дмитрия Ростовского (см. Четьи-Миней. С. 318: «послала тамо злата и сребра много...и повелѣ при ней людям населятися»), но ссылки Татищев не дал. Более того, он отделил это известие от новгородско-псковской поездки Ольги, в которую оно изначально было вписано, и отнес ко времени до крещения Ольги – не затем ли, чтобы скрыть заимствование из житийной литературы, в которой Ольга пророчила о Пскове и спонсировала церковное строительство, уже будучи крещеной? Возможно, с «разрывом» известий о северной поездке связано датирование Татищевым рождения Владимира 948 г., зачеркнутое в окончательной редакции (см. ниже прим. 186).

¹⁸⁴Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 137, 146.

Святославом во время начатых им гонений на христиан. Вполне естественно, что после строительства Ярославом каменного собора Ольгин крест был вновь перенесен в обновленную Софию Киевскую. История получалась складная, но Татищеву, видимо, принесение креста в последний момент показалось всё же слишком «баснословным», и он оставил только упоминание о подаренных патриархом иконах (причем иконы были присланы из Константинополя, а не привезены Ольгой, как в Степенной книге). Дополнительно Татищев попытался увязать историю о Софии с Нестором, написав: «О церкви же Софийской Нестор смятно написал»¹⁸⁵; на самом деле в ПВЛ вовсе не говорилось о строительстве этой церкви Ольгой – ни «смятно», ни как-либо еще.

Внедрение «Истории Иоакима» было самой важной новацией второй редакции. В остальном Татищев воспроизводил идеи, изложенные еще в первой редакции (включая, например, догадку о рождении Владимира Святого во время новгородско-псковского «похода» Ольги, соображения о времени крещения Ольги, о невероятности сватовства к ней императора¹⁸⁶), пересказывая их «нынешним наречием» и внося некоторые дополнения в текст и в ссыльный аппарат¹⁸⁷. Перевод «древнего наречия» на «настоящий» и «яснейший» слог порой преподносил сюрпризы. Так, жалобы Игоревой дружины на богатство отроков Свенельда, в первой редакции изложенные близко к летописному тексту, во второй приняли следующий вид: «В то же время войско Игоревое Свинельдовой власти просили Игоря, чтоб велел им дать оружие и одежды или бы пошел с ними на древлян, где

¹⁸⁵Там же. С. 146.

¹⁸⁶Там же. С. 283, 284, 285. Рождение Владимира Татищев датировал было 948 годом, но затем заменил это известие на основание Ольгой Пскова (Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 357-358, вар. 45-45).

¹⁸⁷Например, рассказ об отказе греческому посольству был дополнен соображением: «далеко войска за Царьград посылать опасались» (Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 56). В речь первого древлянского посольства была вставлена поясняющая ремарка – «чтобы вы за нашего князя Мала пошли и злобу между нами и вами пресекли» (Там же. С. 52).

князь и они могут довольно получить»¹⁸⁸. (Попутно была внесена тактическая подробность: древляне атаковали и убили Игоря ночным нападением). Невозможно поверить, что Татищев так плохо понимал летописные тексты; но тогда степень вольности его обращения с данными источников поражает еще больше. Столь же трудно решить, что перед нами – вопиющее непонимание или сознательное искажение текста источника – в том месте 2-й редакции, где речь идет о битве с древлянами. Если в 1-й редакции Татищев воспроизводит своим якобы «древним» наречием летописные известия о малолетстве Святослава и о том, что брошенное им копье упало у ног его коня, относя свои соображения о возрасте Святослава в примечания, то во 2-й редакции «Святослав, хотя тогда млад был, но яко вождь и мститель смерти отца своего сам начал битву и, брося копием в древляны, пробил коня насквозь»¹⁸⁹. При столь вольной трактовке текстов уже вряд ли кого удивит превращение рыцарского «хочу на вы ити» в призыв к переговорам¹⁹⁰ или то, что Татищев переводил «челядь» как «войско»¹⁹¹.

Рационалист Татищев не мог не удивляться, как Ольге удалось скрыть от древлян расправу с первым посольством. Во второй редакции он дал этому объяснение: «Тогда же немедля постави Ольга крепкие заставы, чтоб древлянном никто ведомости дать не мог...»¹⁹². Ни на какой из источников Татищев при этом не ссылается, но и гадательный характер известия никак не обозначен, так что апологеты Татищева вольны предполагать, по примеру академика Б. А. Рыбакова, «что и это пояснение взято историком из имевшейся у него летописи»¹⁹³.

Упоминание в летописях о погостах также озадачило Татищева. Возможное решение он предложил в примечаниях: слово «погост» он сопоставил с якобы

«черемисским» словом «пагиях», будто бы обозначающим «волость»; отсюда он заключил, что Ольга «на волости разделила, и сарматския пигачь именовала, а после в погост превращено»¹⁹⁴. В целом летописные известия об Ольгиных даях, погостах, уроках, уставах и ловищах, – т. е. именно те сведения, которые последующими историками будут активно изучаться и анализироваться в рамках концепта реформ княгини Ольги, – привлекли внимание Татищева лишь в малой степени. Гораздо большее значение для его реконструкций имели поздние компиляции, такие как Степенная книга, Четьи-Минеи, Стрыйковский и Синописис. По крайней мере большинство татищевских известий о княгине Ольге представляют собой органическое продолжение и развитие домыслов, внесенных в бесхитростный летописный рассказ об Ольге авторами XVI–XVII вв.

Начало цепочки домыслов положил еще Герберштейн, превративший Гостомысла из старейшины в князя. Стрыйковский снабдил новоявленного князя правнучкой Ольгой. Татищев превратил прадеда в деда и заодно уже сделал его дедом Рюрика. Преобразив Ольгу во внучку славянского князя, Татищев должен был дать ей славянское же имя и придумать ее переименование то ли Олегом из любви к ней, то ли по ее собственной инициативе, из благодарности к Олегу. Превратившись в славянку, Ольга оттесняет находников-иноземцев, возвышает славянский народ и славянский язык, чудесным образом предвосхищая ту программу, которую приписывали императрице Елизавете Петровне ее апологеты. Другая линия «реконструкций» шла из проложно-житийной традиции, через Четьи-Минеи Димитрия Ростовского: Ольга становилась активной проповедницей христианства на Руси, она сокрушала кумиры и строила храмы, она привезла из Константинополя крест, который позже устанавливают в Софийском соборе. Татищев преобразует эти сведения в рассказ о строительстве Ольгой деревянного собора Св. Софии в Киеве. Упомянувшееся в Степенной

¹⁸⁸Татищев В. Н. История Российская...Т. 2. С. 51.

¹⁸⁹Там же. С. 53.

¹⁹⁰Там же. С. 57.

¹⁹¹Там же. С. 59. Святослав расхваливает положение Переяславца на Дунае, говоря, он получает из Руси «кожи зверей, воск, мед и войско».

¹⁹²Там же. С. 52.

¹⁹³Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. 2-е изд. М., 2014. С. 383.

¹⁹⁴Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. С. 284.

книге возложение Ольгой легких даней Татищев соединил с собственной теорией происхождения брачных пошлин – так на свет появилась история о том, как княгиня Ольга отменила на Руси право первой ночи. Стремление житийной традиции превратить Ольгу из уроженки Пскова в его основательницу кристаллизовалось в «изборскую» версию ее происхождения, «аутентизированную» в «Истории Иоакима». Еще один поздний источник – Никоновская летопись – сообщал о гневе Ольги на Малушу и ссылке в Будутино. Татищев не прошел мимо этого известия, пускай позднего и недостоверного, и украсил его своими домыслами о высоком социальном статусе матери Владимира и о законности брака Святослава с Малушей.

Подведем итог. Все татищевские известия о княгине Ольге основываются на сведениях, полученных из поздних источников – Четвѣй-Миней, Степенной Книги, Никоновской летописи, Синописа и Стрыйковского. Все эти источники уже сами по себе содержали немалое число домыслов; к этим домыслам Татищев щедрой рукой добавил свои собственные, частично вписав их напрямую в текст, частично аутентизировав ссылками на источники, в лучшем случае сомнительные, но скорее всего – просто выдуманные. Домыслы Татищева об Ольге, как и о других персонажах и сюжетах русской истории, проистекали как из наивно-рационалистических предположений и «логических» реконструкций, так и из злободневных социально-политических событий.

Обыкновенно даже те исследователи, которые не высоко ставят достоверность татищевских известий и источников, склонны противопоставлять этой оценке похвалы Татищеву как историку (С. Л. Пештич, А. П. Толочко, М. Б. Свердлов). Не решаясь говорить о всей «Истории Российской», заметим, что отображение Татищевым княгини Ольги и ее эпохи можно назвать удовлетворительным только по меркам первой половины XVIII столетия. Часто поминаемая «критическая оценка Татищевым своих источников» тут практически не заметна. Вся татищевская критика

ограничивается наивным рационализмом и соображениями обыденного здравого смысла, нагляднейший пример которых – его многоречивые и глубокомысленные рассуждения о том, что Ольга была слишком стара, чтобы прельстить императора¹⁹⁵. Другой пример – в целом верные указания Татищева о том, что якобы крестивший Ольгу император не мог быть Цимисхием¹⁹⁶; частично эти рассуждения заимствованы Татищевым из Дмитрия Ростовского.

Само по себе это, конечно, еще не сильно компрометирует Татищева как исследователя – в конце концов, до полноценной исторической критики было еще далеко, само понятие об историческом источнике находилось еще в процессе становления (полностью его сформулирует только великий Шлецер¹⁹⁷). Хуже другое. На склоне лет, после долгих занятий историей, Татищев так и остался на методологическом уровне 1730 года, когда он писал Шумахеру о задуманной «гистории великой княгини Ольги». Он продолжает доверять поздним источникам. Он по-прежнему считает достоверными источниками «прологи» и «польские истории». Получив в руки более ранние списки ПВЛ, Татищев ожидал найти в них подтверждения известий Дмитрия Ростовского и Стрыйковского. Не найдя таковых, он был озадачен и закономерно задался вопросом, откуда же поздние авторы черпали свою информацию. Что поздние известия просто выдуманы – такой мысли он, по-видимому, даже не допускал. Оставалось верить, что все добавления «прологов» и «польских историй» содержались в несохранившихся источниках: «книги те погибли или есче где хранятца»¹⁹⁸. Если у Татищева и были надежды отыскать эти «книги», то к 1748 г. они должны были исчезнуть. И вот тут-то Татищев и обретает Иоакимовскую «Историю». Идя на подлог, Татищев *мог не считать себя обманщиком*: он не сомневался, что книги, подобные

¹⁹⁵ Там же. С. 285.

¹⁹⁶ Там же. С. 284.

¹⁹⁷ Георгиев В. А. «Припасы», из которых «почерпать должно известия»: понятие «исторический источник» в трудах историков XVIII века. // Вестник РУДН. серия История России. № 3. 2011. С. 127-140.

¹⁹⁸ Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 132.

«Иоакиму», существуют, он лишь исправлял несправедливость слепой судьбы, не дающей эти книги в его руки. Показательно второе из приводимых им доказательств подлинности «Иоакима»: «Другое обстоятельство, что хотя так много разных манускриптов древних я имел, как в гл. 7 показано, однако ж многих в них обстоятельств, положенных в прологах и польских историях, не нахожу, а здесь почти точно или яснее тех положены. Следственно, оные сочинители не отъинуда, как из сея истории брали.»¹⁹⁹

Татищев ссылается на «прологи» и «польские истории» для аутентизации «Иоакима», из чего следует, что он считает эти источники заслуживающими полного доверия. Заодно он невольно проговаривается, подсказывая потомкам мотивы своей мистификации. Но во всём остальном его мистификации были проведены безупречно: оригинальные рукописи недоступны, текст переделан «новым наречием», – одним словом, никакая проверка невозможна, участь Краледворской рукописи ни «Истории Иоакима», ни «Раскольниковому манускрипту» не грозит.

По справедливому замечанию П. Н. Милюкова²⁰⁰, в XVIII в. для становления полноценной научной русской истории нужно было «разрушить», т. е. преодолеть Синописис, прорваться сквозь его позднейшие домыслы к начальным русским летописям. В этом плане Татищев оказался не на высоте: он, видимо, интуитивно чувствовал недостоверность Синописиса (это видно по

¹⁹⁹Там же. С. 133. Первым доказательством подлинности Татищев считал подробный рассказ о крещении новгородцев. Аутентизацию этой истории Татищев проводил уже опробованным приемом – созданием эффекта присутствия за счет повествования от первого лица и упоминанием мелких подробностей (как, например, с «летописцем Нифонтом», рассказывающим о своем пении в церкви с Игорем Ольговичем). Рассказ о крещении новгородцев получился столь красочным, что затмил в глазах читателей Татищева все другие разделы «Истории Иоакима», для аутентизации которых он изначально и был создан. Немалое количество историков готово признать позднее происхождение и слабую достоверность всей «Истории Иоакима» ... за исключением рассказа о битве Добрыни с Соловьем и Угоняем!

²⁰⁰Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. С. 8.

тому, как мало и неохотно он на него ссылался), однако не только не преодолел его, но даже дополнил многие из его домыслов собственными известиями.

Татищев начал с Синописиса, Степенной книги и Миней и в итоге к ним же пришел²⁰¹. Столкнувшись с тем, что эти источники содержат поздние и недостоверные известия, он вернул им достоверность путем сначала домысливания, а потом и мистификации. Смелость Татищева в деле внедрения новых известий росла от одной редакции к другой. В начале своего творческого пути Татищев еще пытается отделить данные источников от своих реконструкций; на следующем этапе домыслы уже вписываются в основной текст, без указаний на их гадательный характер; а после 1748 года, когда была обретена «История Иоакима», домыслы легализуются с помощью поддельных источников – как самого «Иоакима», так и не менее сомнительных «Раскольникового манускрипта» или «Симонова летописца».

Но, разумеется, было в Татищеве и что-то, отличавшее его от Иннокентия Гизеля. Мало кто из современных историков будет всерьез говорить о достоверности «уникальных» известий «Синописиса», но совсем немалое число историков готово допустить достоверность сведений, сообщаемых Татищевым. Обусловлено это тем, что татищевский взгляд на исторический процесс был гораздо ближе к современному. Он был рационалистом, пусть и наивным; его здравый смысл военного инженера и администратора гораздо ближе к системе представлений историков XIX и XX вв., нежели к внутреннему миру Иннокентия Гизеля и Дмитрия Ростовского. Его объяснения исторических событий даже современным историкам кажутся правдоподобными, поскольку опираются на схожую картину мира, сложившуюся еще в эпоху Просвещения.

Там, где летописцы увидели бы личную вражду князей или происки дьявола, он видел столкновение различных начал, идей,

²⁰¹Любопытно в этой связи наблюдение М. Б. Свердлова о сходстве в манере изложения материала «Иоакима» с «Синописисом» (Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев... С. 85).

принципов. В 1-й редакции «Истории Российской» борьба сыновей Святослава была вписана в контекст противостояния славян и варягов, причем сторона «славянофилов» досталась Владимиру Святому. Во 2-й редакции Татищев начинает воспроизводить этот рассказ, но затем резко обрывает его чуть ли не на полуслове, видимо, вспомнив, что варягов призывал вовсе не Ярополк, а как раз Владимир и что вовсе не словене новгородские, а именно варяги лишили Ярополка не только престола, но и жизни²⁰². Вражда Святославичей была переосмыслена как борьба христианства с язычеством, Ярополк оказался склонным к христианству, а причиной его гибели стала ненависть к нему приверженцев старой веры²⁰³. С. М. Соловьев поверил этой версии и внес ее в текст своей «Истории России с древнейших времен», отметив: «не заключая в себе никакого противоречия начальной Киевской летописи, летопись Иоакимова главной причиной Владимирова торжества выставляет борьбу христианства с язычеством; если бы даже это объяснение было выдуманно, то и тогда нужно было бы упомянуть о нем как о догадке, очень остроумной и вероятной»²⁰⁴.

Видеть за междоусобицами властителей борьбу различных партий и идеологий – черта, присущая историкам Нового Времени. Неудивительно, что Соловьеву версия Татищева о причине торжества Владимира над Ярополком показалась «очень остроумной и вероятной». Чтение передового для своего времени философа и историка С. Пуфендорфа дало Татищеву хорошую общетеоретическую подготовку. Этого было мало для действительно научных практических штудий, но зато это позволяло выдвигать «остроумные и вероятные» предположения, к которым возвращались и историки последующих эпох, мыслящие в той же парадигме просвещения, рационализма и естественного права, что и Татищев. И потому столь велико оказалось воздействие Татищева на последующую

отечественную историографию, в том числе и на оценку деятельности княгини Ольги. Не принимая многих из конкретных татищевских известий, например, об имени Прекраса или отмене права первой ночи, историки в целом всегда были согласны с тем, что на правление Ольги приходятся важные преобразования в политическом строе Древней Руси.

²⁰²Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 383.

²⁰³Там же. С. 138, 146.

²⁰⁴Соловьев. С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 1. Т. 1. С. 166.

Библиография

Источники:

- Гизель И.* Киевский синопсис. К., 1823.
Димитрий Ростовский. Жития святых. Книга четвертая. Июнь, июль, август. К., 1764.
Житие княгини Ольги // *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009.
Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1885.
ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1962.
ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962.
ПСРЛ. Т. 3. Новгородская Первая Летопись Старшего и Младшего изводов. М., 2000.
ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М., 2000.
ПСРЛ. Т. 21. Книга Степенная царского родословия. Часть первая. СПб., 1908.
ПСРЛ. Т. XXX. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивная) летопись. М., 2009.
ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968.
ПСРЛ. Т. 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989.
ПСРЛ. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003.
Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.-Л., 1950.
Синопсис, или краткое собрание от различных летописцев о начале славенороссийского народа... М., 1714.
Herberstein Siegmund. Moscouia der Hauptstat in Reissen... Wien, 1557.
Herberstein Sigmund. Rerum Moscoviticarum commentarii. Basel, 1571.
Strykowski Maciej. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Vol. I. Warszawa, 1846.

Литература:

- Азбелев С. Н.* Рецензия на книгу: Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М., 2005. 544 с. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. № 3. 2007.
Астраханский В. С. «История Российская» В. Н. Татищева: Опыт текстологических, историографических и библиографических изысканий. М., 1993.
Валк С. Н. В. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.-Л., 1966.
Валк С. Н. О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В. Н. Татищева // Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 7. М., 2018.
Гаврилова Л. М. Источники «Записок касательно Российской истории» Екатерины II // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 20. Л., 1989.
Гагин И. А. Очередное покушение на В. Н. Татищева // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия Гуманитарные науки. Вып. 2. 2008.
Георгиев В. А. «Припасы», из которых «почерпать должно известия»: понятие «исторический источник» в трудах историков XVIII века // Вестник РУДН, серия История России. № 3. 2011.
Голубинский Е. Е. О так называемой Иоакимовской летописи Татищева // Творения святых отцов в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии. Кн. 4. Прибавления. М., 1881.
Горovenko A. B. Василий Татищев и «древние летописи»: домонгольская Русь глазами первого русского историка. СПб., 2019.
Горovenko A. B. Рассказ Иоакимовской летописи о крещении новгородцев: могут ли данные археологии опровергнуть текстологические выводы? // Valla. Т. 4. № 5. 2018.
Грот Л. П. Семь веков новгородского летописания (Азбелев С. Н. Летописание Великого Новгорода. Летописи XI–XVII веков как памятники культуры и как исторические источники. М.: Русская панорама; СПб.: БЛИЦ, 2016. 280 с.) // Исторический формат. № 3-4. 2017.

- Добрушкин Е. М.* Неопубликованная рукопись В. Н. Татищева по русской истории. // Советские архивы. № 5. 1971.
- Добрушкин Е. М.* О методике изучения «татищевских известий». // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. 1976. М., 1977.
- Добрушкин Е. М., Лурье Я. С.* Историк-писатель или издатель источников? (К выходу в свет академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева) // Русская литература. № 2. 1970.
- Екатерина II.* Записки касательно Российской истории. Часть I. СПб., 1787.
- Журавель А. В.* Новый Герострат, или У истоков «модерной истории» // Сборник РИО. Т. 10 (158). М., 2006.
- «История Российская» В. Н. Татищева в новейших исследованиях (Стенограмма заседания 12 мая 2006 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 1. 2007.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Книга 1. Изд. 5-е. СПб., 1842.
- Карпенко А. А.* О генеалогических преданиях Иоакимовской летописи В. Н. Татищева // Исторический формат. № 3-4. 2017.
- Качин Н. А.* В. Н. Татищев – прообраз первого русского историка. // Вестник Томского государственного университета. История. № 1. (27). 2014.
- Конча С. В.* Исследования о летописи Иоакима // Начала Русского мира. № 1. 2014.
- Королев А. С.* Административно-финансовая реформа княгини Ольги в отечественной историографии. // Наука и школа. 2012.
- Миллюков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М., 1898.
- Моисеева Г. Н.* Троицкая летопись в сочинениях Екатерины II // ТОДРЛ. Т. XXX. Л., 1976.
- Моргайло В. М.* Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963.
- Неволин К. А.* Полное собрание сочинений. Т. 3. История российских гражданских законов. Часть первая. Введение и книга первая о союзах семейственных. СПб., 1857.
- Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. Часть 2. М., 2017.
- Перетц В. М.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVII веков. М.-Л., 1962.
- Пеитич С. Л.* Русская историография XVIII века. Ч. I. Л., 1961.
- Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. Стрыйковский и его Хроника. М., 1966.
- Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. 2-е изд. М., 2014.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. 2-е изд. М., 2014.
- Рыбаков С. В.* В. Н. Татищев в зеркале русской историографии // Вопросы истории. № 4. 2007.
- Свердлов М. Б.* Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009.
- Свердлов М. Б.* М. В. Ломоносов и становление исторической науки. СПб., 2011.
- Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. 1. Т. 1-2. М. 1988.
- Стефанович П. С.* «История Российская» В.Н. Татищева: споры продолжаются. // Отечественная история. № 3. Май-июнь. 2007.
- Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1976.
- Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 1. М., 2016
- Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 2. М., 2016.
- Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 4. М., 2017.
- Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен: в 7 т. Т. 7. М., 2018.
- Тихомиров М. Н.* О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. В 7 т. Т. 1. М., 2016.
- Толочко А. П.* История Российская Василия Татищева: источники и известия. М., К., 2005.
- Федотова М. А.* Житие княгини Ольги В Четых Минеях Димитрия Ростовского. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв.: К 500-летию вхождения Пскова в состав

единого Русского государства. Сб. трудов междунар. науч. конф., Псков, Май 19-20, 2010. Псков, 2011.

Фомин В. В. Страсти по Татищеву // Исторический формат. № 1. 2016.

Щербатов М. М. Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю, в оправдание на некоторые сокрытия и явныя охуления, учиненныя его Историей от господина генерал-майора Болтина, творца Примечаний на Историю древняя и нынешняя России, г. Леклерка. М., 1789.

Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835.

Duret C. Thrésor de l'histoire des langues de cest univers, contenant les origines... Par Matth. Berjon, pour la Societé caldorienne. 1613.

Lavrov A. Vasilij Tatiščev, "Mabillon russe" ou mystificateur? La Chronique de Joachim dans l'Histoire de Russie (v. 1748–1750), Écrire et réécrire l'histoire russe d'Ivan Terrible à Vasilij Ključevskij (1547–1917), publié sous la direction de P. Gonneau et E. Rai. Paris, 2013.

Strahlenberg P. I. Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

Сведения об авторе:

Аряев Леонид Николаевич, врач-психиатр Тюрингской клиники психиатрии, психотерапии и психосоматической медицины, г. Зальфельд (Германия). Область научных интересов: история Древней Руси.

Email: l.aryayev@yandex.ru

L. N. Aryaev

TATISHEV'S INFORMATION ABOUT OLGA OF KIEV AND HER REFORMS

Annotation: Tatishchev's information about Olga of Kiev is being analyzed. Much of this information has been shown to come from the "Book of Royal Degrees", "Monthly Readings" by Dimitry of Rostov, "Synopsis", Strykowski's Chronicle and the Nikon's Chronicle. Tatishchev uncritically repeated many of the additions contained in these sources and added his own speculations, some of which he supported with references to questionable sources.

Keywords: V. N. Tatishchev, Olga of Kiev, Strykowski's Chronicle, "Book of Royal Degrees", "Monthly Readings" by Dimitry of Rostov, "Synopsis", "Manuscript of Old Believer", "Joachim's story".

References

Sources:

Giesel I. Kievskii sinopsis. [Synopsis of Keiv]. Kyiv, 1823. (In Russian).

Dimitrii of Rostov. Zhitiya svyatykh [Vitae of the saints] // Kniga chetvertaya. Iyun ', iyul', avgust. Kyiv, 1764. (In Russian).

Zhitie knyagini Olgi [Vita of Saint Olga]. // Loseva O. V. Zhitiya russkikh svyatykh v sostave drevnerusskikh Prologov XII – pervoi treti XV vekov. Moscow, 2009. (In Russian)

Materialy dlya istorii Imperatorskoi akademii nauk [Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1885. (In Russian).

PSRL. Vol. 1. Lavrent'evskaya letopis' i Suzdal'skaya letopis' po Akademicheskomu spisku. Moscow, 1962. (In Russian).

PSRL. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis'. Moscow, 1962. (In Russian).

PSRL. Vol. 3. Novgorodskaya Pervaya Letopis' Starshego i Mladshego izvodov. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. X. Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'yu (prodolzhenie). Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. 21. Kniga Steppennaya tsarskogo rodosloviya. Chast' pervaya. St. Petersburg, 1908. (In Russian).

PSRL Vol. XXX. Vladimirskii letopisets. Novgorodskaya vtoraya (Arkhivnaya) letopis'. Moscow, 2009. (In Russian).

PSRL. Vol. 31. Letopistsy poslednei chetverti XVII v. Moscow, 1968. (In Russian).

PSRL. Vol. 38. Radzivillovskaya letopis'. Leningrad, 1989. (In Russian).

PSRL. Vol. 40. Gustynskaya letopis'. St. Petersburg, 2003. (In Russian).

Priselkov M. D. Troitskaya letopis' [Trinity Lavra's Codex]. Rekonstruktsiya teksta. Moscow - Leningrad, 1950. (In Russian).

Sinopsis, ili kratkoe sobranie ot razlichnykh letopistsev [Synopsis or brief description of the beginnings of the Russian people]. Moscow, 1714 (in Russian)

Herberstein Siegmund. Moscouia der Hauptstat in Reissen... [Moscow the capital of Russia...]. Wien, 1557. (In German)

Herberstein Sigmund. Rerum Moscoviticarum commentarii [Notes on Muscovite Affairs]. Basel, 1571. (In Latin)

Strykowski Maciej. Kronika polska, litewska, zmodzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego [Chronicle of Poland, Lithuania, Samogitia and all of Ruthenia]. Vol. I. Warszawa, 1846. (In Polish).

Researches:

Azbelev S. N. Retsenziya na knigu: Tolochko A. P. "Istoriya Rossiiskaya" Vasiliya Tatishcheva: istochniki i izvestiya. M., 2005. 544 p. [Book review: A. P. Tolochko "Russian History" by Vasilii Tatishchev: sources and information] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya. No. 3. 2007. (In Russian).

Astrakhanskii V. S. "Istoriya Rossiiskaya" V. N. Tatishcheva: Opyt tekstologicheskikh, istoriograficheskikh i bibliograficheskikh izyskaniy [Russian History by V. N. Tatishchev: Experience of textological, historiographic and bibliographic research]. Moscow, 1993. (In Russian).

Valk S. N. V. N. Tatishchev i nachalo novoi russkoi istoricheskoi literatury [Tatishchev and the beginning of a new Russian historical literature]. Rol' i znachenie literatury XVIII veka v istorii russkoi kultury. Moscow-Leningrad, 1966. (In Russian).

Valk S. N. O sostave rukopisei sed'mogo toma "Istorii Rossiyskoi" V. N. Tatishcheva [On the composition of the manuscripts of the seventh volume of the "History of Russia" by V. N. Tatishchev] // Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen: v 7 t. Vol. 7. Moscow, 2018. (In Russian).

Gavrilova L. M. Istochniki "Zapisok kasatel'no Rossiiskoi istorii" Ekateriny II [Sources of "Notes on Russian history" by Catherine II] // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. Vol. 20. Leningrad, 1989. (In Russian).

Gagin I. A. Ocherednoe pokushenie na V. N. Tatishcheva. [Another attempt on V. N. Tatishchev] // Vestnik Lipetskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki. Iss. 2. 2008. (In Russian).

Georgiev V. A. "Pripasy", iz kotorykh "pocherpat' dolzhno izvestiya": ponyatie "istoricheskii istochnik" v trudakh istorikov XVIII veka. [„Supplies”, from which “the information should be drawn”: the concept of “historical source” in the works of historians of the XVIII century] // Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii. No. 3. 2011. (In Russian).

Golubinskii E. E. O tak nazyvaemoi Ioakimovskoi letopisi Tatishcheva [About the so-called Joachim Chronicle by Tatishchev] // Tvoreniya svyatykh ottsov v russkom perevode, izdavaemye pri Moskovskoi dukhovnoi akademii. Book 4. Pribavleniya. Moscow, 1881. (In Russian).

Gorovenko A. V. Vasiliy Tatishchev i "drevnie letopisi": domongol'skaya Rus' glazami pervogo russkogo istorika. [Vasily Tatishchev and "ancient chronicles": pre-Mongol Rus through the eyes of the first Russian historian]. St. Petersburg, 2019. (In Russian).

Gorovenko A. V. Rasskaz Ioakimovskoi letopisi o kreshchenii novgorodtsev: mogu li dannye arkhologii oprovergnut' tekstologicheskie vyvody? [The story of the Joachim Chronicle about the baptism of the Novgorodians: can archeological data refute the textual conclusions?]. Valla. Vol. 4. No. 5. 2018. (In Russian).

Grot L. P. Sem' vekov novgorodskogo letopisaniya [Seven centuries of the Novgorod chronicle (Azbelev S. N. Letopisanie Velikogo Novgoroda. Letopisi XI–XVII vekov kak pamyatniki kul'tury i kak

istoricheskie istochniki. M.: Russkaya panorama; St. Petersburg: BLITS. 2016. 280 p.) //Istoricheski format. No. 3-4. 2017. (In Russian).

Dobrushkin E. M. Neopublikovannaya rukopis' V. N. Tatishcheva po russkoi istorii. [An unpublished manuscript by V. N. Tatishchev on Russian history]. Sovetskie arkhivy. No. 5. 1971. (In Russian).

Dobrushkin E. M. O metodike izucheniya "tatishchevskikh izvestii". [On the method of studying "Tatishchev's word"] // Istochnikovedenie otechestvennoi istorii. Coll. of art. 1976. Moscow, 1977. (In Russian).

Dobrushkin E. M., Lur'e Ya. S. Istorik-pisatel' ili izdatel' istochnikov? (K vykhodu v svet akademicheskogo izdaniya «Istorii Rossiyskoy» V. N. Tatishcheva) [Historian-writer or publisher of sources? (To the publication of the academic edition of the "History of Russia" by V. N. Tatishchev)] // Russkaya literatura. No. 2. 1970. (In Russian).

Ekaterina II. Zapiski kasatel'no Rossiiskoi istorii. Chast' I. [Notes on Russian history. Part I]. St. Petersburg, 1787. (In Russian).

Zhuravel' A. V. Novyi Gerostrat, ili U istokov "modernoï istorii". [New Herostratus, or At the origins of modern history] // Sbornik RIO. Vol. 10 (158). Moscow, 2006. (In Russian).

"Istoriya Rossiiskaya" V. N. Tatishcheva v noveishikh issledovaniyakh (Stenogramma zasedaniya 12 maya 2006 g.) ["Russian history" by V. N. Tatishchev in the latest research (A transcript of the meeting on May 12, 2006)] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Iss.1. 2007. (In Russian).

Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. Kniga 1. [History of Russian State. Book 1]. 5th Edition. St. Petersburg, 1842. (In Russian).

Karpenko A. A. O genealogicheskikh predaniyakh Ioakimovskoi letopisi V. N. Tatishcheva [On the genealogical legends of the Joachim Chronicle of V. N. Tatishchev] // Istoricheskiy format. No. 3/4. 2017. (In Russian).

Kachin N. A. V. N. Tatishchev – proobraz pervogo rossiiskogo istorika [V. N. Tatishchev as the prototype of the first Russian historian]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. No. 1. (27). 2014. (In Russian).

Koncha S. V. Issledovaniya o letopisi Ioakima [Research on the chronicle of Joachim]. Nachala Russkogo mira. No. 1. 2014. (In Russian).

Korolev A. S. Administrativno-finansovaya reforma knyagini Olgi v otechestvennoi istoriografii [Administrative and financial reform of Olga of Kiev in Russian historiography]. // Nauka i shkola. 2012. (In Russian).

Milyukov P. N. Glavnye techeniya russkoi istoricheskoi mysli. T. 1. [The main currents of Russian historical thought. Vol. 1.]. Moscow, 1898. (In Russian).

Moiseeva G. N. Troitskaya letopis' v sochineniyakh Ekateriny II [Trinity Lavra's Chronicle in the writings of Catherine II] // TODRL. Vol. XXX. Leningrad, 1976. (In Russian).

Morgailo V. M. Rabota V. N. Tatishcheva nad tekstem Ioakimovskoi letopisi [V. N. Tatishchev's work on the text of the Joachim Chronicle] // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1962 g. Moscow, 1963. (In Russian).

Nevolin K. A. Polnoe sobranie sochinenii. Vol. 3. Istoriya rossiiskikh grazhdanskikh zakonov. Chast' pervaya. Vvedenie i kniga pervaya o soyuzakh semeistvennykh [Complete Works. Vol. 3. History of Russian civil laws. Part one. Introduction and the first book about family unions]. St. Petersburg, 1857. (In Russian).

Pavlov-Sil'vanskii N. P. Feodalizm v Rossii. Chast' 2 [Feudalism in Russia. Part 2]. Moscow, 2017. (In Russian).

Peretts V. M. Issledovaniya i materialy po istorii starinnoi ukrainskoi literatury XVI–XVII vekov [Research and materials on the history of ancient Ukrainian literature. XVI–XVII centuries]. Moscow-Leningrad, 1962. (In Russian).

Peshtich S. L. Russkaya istoriografiya XVIII veka. Chast' I [Russian historiography of the XVIII century. Part I]. Leningrad, 1961. (In Russian).

Rogov A. I. Russko-pol'skie kul'turnye svyazi v epokhu Vozrozhdeniya. Strykovskii i ego Khronika [Russian-Polish cultural ties during the Renaissance. Strykowski and his Chronicle]. Moscow, 1966. (In Russian).

Rybakov B. A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv. Proiskhozhdenie Rusi i stanovlenie ee gosudarstvennosti [Kievan Rus and Russian principalities of the XII–XIII centuries. The origin of Russia and the formation of its statehood]. 2nd Ed. Moscow, 2014. (In Russian).

Rybakov B. A. Yazychestvo Drevnei Rusi [Paganism of Ancient Rus]. 2-e izd. M. 2014. (In Russian).

Rybakov S. V. V. N. Tatishchev v zerkale russkoi istoriografii [Tatishchev in the mirror of Russian historiography] // Voprosy istorii. No. 4. 2007. (In Russian).

Sverdlov M. B. Vasilii Nikitich Tatishchev – avtor i redaktor “Istorii Rossiiskoi”. [Vasilii Nikitich Tatishchev – the author and the editor of “Russian History”]. St. Petersburg, 2009. (In Russian).

Sverdlov M. B. M. V. Lomonosov i stanovlenie istoricheskoi nauki. [M. V. Lomonosov and the formation of historical science]. St Petersburg, 2011. (In Russian).

Solov'ev S. M. Sochineniya. V 18 kn. Kn. 1. T. 1-2. [Complete Works in 18 books. Book 1. Vol. 1-2]. Moscow, 1988. (In Russian).

Stefanovich P. S. “Istoriya Rossiiskaya” V. N. Tatishcheva: spory prodolzhayutsya. [“Russian History” by V. N. Tatishchev: the controversy continues] // Otechestvennaya istoriya. No. 3. May-June. 2007. (In Russian).

Tatishchev V. N. Izbrannye proizvedeniya. [Selected works]. Leningrad, 1976. (In Russian).

Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen: v 7 t. T. 1. [Russian history from the earliest times: in 7 volumes. Vol. 1]. Moscow, 2016. (In Russian),

Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen: v 7 t. T. 2. [Russian history from the earliest times: in 7 volumes. Vol. 2]. Moscow, 2016. (In Russian).

Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen: v 7 t. T. 4. [Russian history from the earliest times: in 7 volumes. Vol. 4]. Moscow, 2017. (In Russian).

Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen: v 7 t. T. 7. [Russian history from the earliest times: in 7 volumes. Vol. 7]. Moscow, 2018. (In Russian).

Tikhomirov M. N. O russkikh istochnikakh “Istorii Rossiiskoi” [About Russian sources of “Russian history”] // Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya s samykh drevneishikh vremen. V 7 t. Vol. 1. Moscow, 2016. (In Russian).

Tolochko A. P. Istoriya Rossiiskaya Vasiliya Tatishcheva: istochniki i izvestiya. [Russian History by Vasilii Tatishchev: sources and information]. Moscow - Kyiv, 2005. (In Russian).

Fedotova M. A. Zhitie knyagini Olgi v Chet'ikh Mineyakh Dimitriya Rostovskogo [Vita of Olga of Kiev in the “The Lives of Saints” by Dimitriy of Rostov] // Pskov. Russkie zemli i Vostochnaya Evropa v XV–XVII vv.: K 500-letiyu vkhozhdeniya Pskova v sostav edinogo Russkogo gosudarstva. Sb. trudov mezhdunar. nauch. konf., Pskov. May 19-20, 2010. Pskov, 2011. (In Russian).

Fomin V. V. Strasti po Tatishchevu [Tatishchev Passions] // Istoricheskii format. No. 1. 2016. (In Russian).

Shcherbatov M. M. Pis'mo knyazya Shcherbatova, sochinitelya Rossiiskoi istorii, k odnomu ego priyatelyu, v opravdaniye na nekotoryya sokrytyya i yavnyya okhuleniya, uchinennyya yego Istorii ot gospodina general-maiora Boltina, tvortsa Primechaniy na Istoriyu drevniya i nyneshniya Rossii, g. Leklerka. [Letter from Prince Shcherbatov, the author of Russian history, to a friend, as an excuse for some hidden and obvious blasphemy perpetrated by his History from Mr. Major General Boltin, creator of Notes on the History of Ancient and Present Russia, Mr. Leclerc]. Moscow, 1789. (In Russian).

Evers I. F. G. Drevneishee russkoe pravo v istoricheskom ego raskrytii [The oldest Russian law in its historical disclosure]. St. Petersburg, 1835. (In Russian).

Duret C. Thrésor de l'histoire des langues de cest univers. contenant les origines... [Treasurer of the history of the languages...]. Par Matth. Berjon, pour la Societe caldorieneo 1613. (In French).

Lavrov A. Vasilij Tatiščev, “Mabillon russe” ou mystificateur? La Chronique de Joachim dans l'Histoire de Russie (v. 1748–1750) [Vasilii Tatishchev, “Russian Mabillon” or mystifier? The Chronicle of Joachim in the History of Russia (1748-1750)] // Écrire et réécrire l'histoire russe d'Ivan Terrible à

Vasilij Ključevskij (1547–1917), publié sous la direction de P. Gonneau et E. Rai. Paris, 2013. (In French).

Strahlenberg P. I. Das Nord-und Ostliche Theil von Europa und Asia. [The North and East of Europe and Asia.]. Stockholm, 1730. (In German).

About the author

Aryaev Leonid N., psychiatrist at the Thuringian Clinic for Psychiatry, Psychotherapy and Psychosomatic Medicine, Saalfeld (Germany).

E-mail: l.aryayev@yandex.ru

УЧАСТИЕ ПОЛЬСКОГО КНЯЗЯ БОЛЕСЛАВА I «ХРАБРОГО» В МЕЖДОУСОБНОЙ ВОЙНЕ НА РУСИ (ЛЕТО – ОСЕНЬ 1018 Г.)

Аннотация: В статье рассматривается кульминационное событие междоусобной войны 1015 – 1019 гг. на Руси – поход польского князя Болеслава I «Храброго» и его зятя русского князя Святополка на Киев в июле – августе 1018 г. Этот поход, кроме правящей верхушки Руси и Польши, находился в центре внимания правящих дворов Германской и Византийской империи, Королевства Венгрия, скандинавских стран, вождей печенежских орд. В статье проанализированы источники, освещены важные дискуссионные аспекты жизни Восточной Европы в то время. Целью военной кампании польского князя было стремление посадить в Киеве расположенного к Польше правителя – Святополка. Автором делается вывод о возникновении противоречий между Болеславом и Святополком, что отразилось на обстоятельствах пребывания иностранного войска на Руси. Польский князь, захватив большую добычу и пленных, присоединил к своим владениям территорию «Червенских градов», после чего вернулся домой. Пребывание иноземцев в Киеве вызвало выступления против них жителей столицы, к которым присоединился Святополк.

Ключевые слова: Польша, Русь, саксонцы, венгры, печенеги, Киев, междоусобная война, международные отношения.

Летом 1018 г. польский князь Болеслав I «Храбрый» совершил поход на Киев, дабы поддержать во внутридинастической борьбе на Руси своего зятя князя Святополка. Персона Святополка достаточно сложна для изучения историками. Прежде всего возникает вопрос о его происхождении. Летопись сообщает, что князь Владимир Святославич после смерти старшего брата

Ярополка взял себе в жены его вдову «грекыню», которая была в то время беременной и вскоре родила сына – Святополка¹. О генетической связи Святополка и Ярополка свидетельствует использование первым геральдического знака отца – двузубца для чеканки монет – сребреников². Некоторые историки называют Святополка Ярополчицем³, хотя нет, видимо, ошибки и в использовании по отношению к нему отчества «Владимирович», поскольку Святополк стал приемным сыном Владимира Святославича. Есть в литературе и взгляд, согласно которому нет оснований верить аргументам о происхождении Святополка от Ярополка Святославича⁴.

Дискутируется в исторической литературе вопрос о времени брака Святополка и неизвестной по имени дочери польского князя Болеслава I «Храброго»⁵. Результаты решения этого вопроса открывают дополнительные возможности в

¹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 1: Лаврентьевская и Суздальская летопись по Академическому списку. Изд. второе. Вып. 1-3. Л., 1926–1928. Стб. 78; *Ранчин А. М.* Святополк Окаянный: установление отцовства // Вестник университета Дмитрия Пожарского. № 1 (2). М., 2015. С. 19-36.

² *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983. С. 82-96.

³ *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 35; *Свердлов М. Б.* Ярослав Мудрый – «единовластец» и «самовластец» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4. М., 2020. С. 11.

⁴ *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі. Портрети еліти. Л., 2006. С. 248.

⁵ *Свердлов М. Б.* Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X – начала XI вв. // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 150-151; *Карпов А. Ю.* Ярослав Мудрый. Изд. 3, исправленное. М., 2010. С. 541; *Kollinger K.* Polityka wschodnia Boleslawia Chrobrego (992–1025). Wrocław, 2014. S. 34-44.

выяснении обстоятельств начавшейся в середине 1015 г. борьбы за власть наследников князя Владимира Святославича, в понимании событий, предшествующих началу военной экспедиции польского князя летом 1018 г., которая стала кульминацией междоусобной войны на Руси.

Поход польского князя Болеслава I «Храброго» и его зятя Святополка, который продолжался меньше трех месяцев – с июля по сентябрь 1018 г., занимает особое место как в истории, так и историографии взаимоотношений Руси и Польши⁶.

Что касается последней темы, то следует особенно отметить чрезвычайное внимание к событиям 1018 г., а также к пребыванию на Руси правнука Болеслава I «Храброго» – Болеслава II «Смелого» (весна 1069 г.) в среде польских интеллектуалов. Начиная с творчества Галла Анонима (первая четверть XII в.) польские средневековые хронисты постоянно пытались представить указанные события как пример выдающихся успехов польской княжеской династии Пястов в Восточной Европе⁷. Позже эти походы оказались в центре внимания польских исследователей, что особенно проявилось в межвоенный период. Такое внимание было вызвано желанием историков возрожденного в 1918 г. Польского государства доказать с помощью научных

изысканий извечность присутствия поляков на востоке⁸.

Важно отметить, что первая специальная работа по истории отношений Руси и Польши была посвящена именно походу Болеслава I «Храброго» на Киев. Познанский историк Я. Карлович подготовил в 60-х годах XIX в. диссертационное сочинение об этом предприятии, а через несколько лет перевел его с латинского на польский язык и издал как книгу⁹. В ней главное внимание уделяется выяснению вопроса о роли польского правителя и его войска в ходе борьбы за Киев наследников Владимира Святославича.

Важно обратить внимание, что в историографии достаточно рано наблюдается тенденция к критической оценке информации памятников по истории похода Болеслава I «Храброго» на столицу Руси. Например, еще в XVII в. анонимный автор Густынской летописи рассмотрел сведения о походе, помещенные в «Повести временных лет», сравнил их с известиями польских хроник и обратил внимание на спорность и большую тенденциозность оценки события польскими книжниками¹⁰. В советской исторической литературе мнению об успешности восточной политики Польши в XI в., которое пропагандировали польские авторы, противопоставлялась позиция об успешных восстаниях киевлян против польских «захватчиков»¹¹.

Несмотря на большое внимание в исследованиях XIX – начала XXI вв. к изучению обстоятельств летней кампании 1018 г. на Киев польского князя Болеслава I «Храброго», немало вопросов ее истории

⁶ПСРЛ. Т. 1. С. 142-144; Thietmari Chronicon. L. VIII, 31-33. («Хронику» Титмара Мерзебургского приводим по изд.: *Thietmar von Merseburg. Chronik. Neu übertragen und erläutert von W. Trillmich.* Berlin, 1962., с указанием номера книги и параграфа произведения); Galli Chronicon. L. 1, 7, 10 («Хронику» Галла Анонима приводим по изд.: *Galli Chronicon // Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe Polski* (далее – МРН) – Т. 1. Ed. A. Bielowski. Lwów, 1864. S. 379-484, с указанием номера книги и параграфа сочинения); *Adami Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum.* Ed. J. M. Lappenberg // *Monumenta Germaniae Historica Scriptorum* (далее – MGH SS). Т. 7. Hannoverae, 1844. P. 24; *Rocznik kapitulny krakowski* // МРН. Т. 2. Ed. A. Bielowski. Lwów, 1872. P. 794; *Rocznik świętokrzyski dawny* // МРН. Т. 2. S. 773.

⁷Головко О. Б. Русь і руські князівства на сторінках польських нарративних джерел // *Terra Cossacorum. Студії з давньої і нової історії України.* Науковий збірник на пошану доктора історичних наук, професора Валерія Степанкова. К., 2007. С. 359-361.

⁸Нагірний В. Проблеми історії галицько-волинських земель X–XIV ст. у висвітленні польської міжвоєнної історіографії міжвоєнного періоду (1919–1939) // *Княжа доба.* Вип.3. Л., 2010. С. 331-362.

⁹Karłowicz J. *Wyprawa kijowska Bolesława Wielkiego.* Poznań, 1872. S. 32.

¹⁰ПСРЛ. Т. 2: Густынская летопись. Изд. 1. СПб., 1843. Изд.1. СПб., 1843. С. 263.

¹¹Савич А. А. Борьба русского народа с польскими захватчиками в XI веке // *Ученые записки Московского городского педагогического института.* Т. 2. Вып. 1. 1941. С. 97-108.

остаются недостаточно ясными и вызывают дискуссии¹².

Наиболее подробно события 1018 г. показаны в «Повести временных лет», хрониках Титмара Мерзебургского и Галла Анонима. Сравнительный анализ известий этих памятников свидетельствует, что данные первых двух источников не противоречат по существу друг другу и совпадают по содержанию. Современник событий – саксонский хронист и мерзебургский епископ Титмар (родился около 975 – умер 1 декабря 1018 гг.) получил информацию о событиях на Руси от саксонских рыцарей – участников военного предприятия на Киев в составе войска Болеслава I «Храброго». Хронист вспоминает о некоем рыцаре Эрике, который погиб во время похода. Любопытно, что об этом рыцаре хронист хорошо знал. Рассказывая о летнем в 1015 г. вторжении саксонцев в Лужицы, Титмар сообщает, что у противников был захвачен указанный воин, убежавший к славянам из-за совершенного им тяжелого преступления. Эрик был выдан императору Генриху II, который его долго держал в заточении¹³. Понятно, что на характер изложения хрониста повлияло то обстоятельство, то он писал о далекой и незнакомой стране на основании сведений информаторов, которые не намного больше знали о предмете повествования, чем сам автор¹⁴.

Вполне достоверной выглядит летописная картина событий 1018 г., несмотря на то, что они излагались через сто лет. Безусловно, на специфику передачи информации этого источника повлияла борисоглебская традиция крайне тенденциозного (в негативном ключе) освещения образа союзника Болеслава его зятя Святополка¹⁵.

Польским хронистом Галлом Анонимом материал о восточной кампании

Болеслава I «Храброго» изложен с ведома предвзятых в пользу Польши позиций на основании фольклорных повествований польского рыцарства. Однако многие сюжеты, изложенные польским хронистом, подтверждаются другими памятниками¹⁶. На наш взгляд, значительная заангажированность рассказа Галла Анонима о походе 1018 г. могла быть вызвана не только известной тенденциозностью польского хрониста при изложении соседей, а и общей существующей оценкой киевского похода, которую мы наблюдаем в западноевропейской хронографии XI в. Так, Титмар Мерзебургский, рассказывая о результатах похода поляков, пишет: *“Huius regnum prefatus dux postea cum exercitu invedens generum suimetet fratrem eius die expulsus inthronizavit et hilaris rediit (Упомянутый князь (Болеслав. – авт.) с войском вступил в его (Ярослава. – авт.) королевство, поставил на престол его брата, а своего зятя, который долго пребывал в изгнании, и весело возвратился (домой. – авт.)”*¹⁷. В Кведлинбургских анналах под

¹⁶Galli Chronicon. L. I, 7, 10.

¹⁷Thietmari Chronicon. L. VII, 65. В литературе приведенная информация хрониста традиционно рассматривается как предварительная, перед большим повествованием средневекового автора о походе Болеслава и Святополка на Киев во второй половине лета – в начале осени 1018 г. См.: Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957. С. 111; Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964. С. 258; Паушто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 37; Свердлов М. Б. Известия о Руси в Хронике Титмара Мерзебургского // Древнейшие государства на территории СССР. 1975. М., 1976. С. 102-112. Однако А. В. Назаренко считает, что информация саксонского хрониста не имеет отношения к летнему 1018 г. походу Болеслава на Киев, поскольку первая запись хрониста, по мнению историка, была сделана до начала военного выступления. Ученый допускает, что Титмар знал еще об одном походе (который произошел до нападения на Киев летом 1018 г.) Болеслава на восток, во время которого польский государь, вероятно, занял для Святополка Берестье. Исследователь, впрочем, не исключает возможности завоевания поляками Турова или Владимира (на Вольни). См.: Назаренко А. В. 1) События 1017 г. в немецкой хронике начала XI в. и в русской летописи // Древнейшие государства на территории СССР. 1980 г. М., 1981. С. 178-180; 2) Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты. Перевод. Комментарии. М., 1993. С. 161-162, пр. 42. Ср.:

¹²О дискуссионных вопросах освещения похода 1018 г. см., например: Головки О. Б. Русько-польські відносини в радянській історіографії (1956 – 1980) // Проблеми слов'язознавства. Вип. 30. Львів, 1984. С. 104-105; Kollinger K. Polityka wschodnia Boleslawy Chrobrego (992–1025). S. 187-370.

¹³Thietmari Chronicon. L. VII, 16; L. VIII, 31.

¹⁴Ibid. L. VIII, 31-33.

¹⁵ПСРЛ. Т. 1. С. 142-144.

1019 г. отмечается, что “*Bolitzlavus Ruciam auxilio Saxonum sibi subegit (Болеслав подчинил себе Русь с помощью саксонцев)*”¹⁸.

Так же оценивает происшедшие события на Руси известный германский историк и географ 70-х годов XI в. Адам Бременский. В своей «Истории епископов Гамбургской церкви» он утверждает, что “*Bolizlaus, rex christianissimus, cum Ottone tercio confoederatus, omnem vi Sclavianiam subiecitet Ruziamet Pruzzos (наихристианнейший король Болеслав в союзе с Оттоном (Оттон III – германский император, который на самом деле умер в 1002 г. – авт.) подчинил Склавинию, Русию и Пруссию)*”¹⁹. Аналогичные по содержанию записи сохранились и в древнейших польских анналах (рочниках). В частности, Рочник кроткий под 1018 г. информирует: “*Primus Boleslaus superavit Rutheno et terram eorum vastavit (Болеслав первый разбил рутенов и земли их опустошил)*”²⁰, а Рочник Светокжицкий древний констатирует: “*Bolezlaus superavit Ruziam (Болеслав победил Русь)*”²¹.

Галл Аноним был создателем или популяризатором очень популярной в дальнейшей польской хронографии легенды, согласно которой Болеслав I «Храбрый» якобы во время вступления в Киев ударил мечом в Золотые ворота города (на самом деле в 1018 г. в столице Руси этих ворот еще не было!). Отметим, что позже одной из регалий польской монаршей власти станет меч-«щербец», название которого возникло благодаря щербине, якобы появившейся вследствие упомянутого удара польского князя в Золотые ворота. На самом деле этот меч был сделан во второй половине XII –

первой половине XIII вв.²². Продолжатель Галла Анонима Винцентий Кадлубек (начало XIII в.) о событиях на Руси в начале XI в. рассказывает значительно лаконичней, чем его предшественник, однако «от себя» добавляет информацию о захвате после битвы между войсками Болеслава и Ярослава на р. Буг 22 июля 1018 г. польскими воинами в плен «короля русов», чего реально не было²³.

Отказ в конце 1017 г. в то время киевского князя Ярослава Владимировича вести переговоры с Болеславом I «Храбрый» стал причиной того, что польский правитель решил начать подготовку к походу на восток. В конце января 1018 г. в замке Ортенбург в городе Будишин (район Лужиц) были проведены мирные переговоры между германским императором Генрихом II и Болеславом I «Храбрый», главным результатом которых стало завершение длительной кровавой войны между Германией и Польшей²⁴. Исследователи обратили внимание, что тогда у Генриха II вызвала большой интерес идея будущей польско-русской войны, поскольку в это время Византийская империя в Италии активно использовала русский военный контингент против союзников Германии²⁵. Есть основания думать, что Генриха II и особенно венгерского короля Иштвана I беспокоила балканская политика византийского василевса Василия II, который тогда, как пишет П. Урбанчик, подчинил своей власти «западную Болгарию и Сербию,

Benyskiewicz K. Czy Bolesław Chrobry dwukrotnie wyprawiał się przeciwko Jarosławowi Mądrymu? Interpretacja 65 rozdziału siódmej księgi Kroniki Thietmara // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Історичні науки. Т. 28. 2018. С. 219-234.

¹⁸Annales Quedlinburgenses // MGHSS. T. 3. Hannoverae, 1839. P. 84.

¹⁹Adami Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. P. 24.

²⁰Rocznik krótki // МРН. Т. 2. P. 794. Практически такую же запись см.: Rocznik kapitulny krakowski. P. 794.

²¹Rocznik świętokrzycki dawny. P. 773.

²²Ныне меч-«щербец» хранится в музее Вавельского королевского замка в Кракове. О нем см.: Kuczyński S. K. O polskim mieczu koronacyjnym // Przegląd historyczny. № 4. 1961. S. 562-577.

²³Vincentii Chronicon. L. II, 12. Хронику Винцентия Кадлубека приводим по изданию: Magistri Vincentii Chronicon Polonorum // МРН. Т. 2. P. 193-449, с указанием номера книги и раздела сочинения.

²⁴Thietmari Chronicon. L. VIII, 15.

²⁵Zakrzewski S. Bolesław Chrobry-Wielki. Lwów-Warszawa-Kraków, 1925. S. 291; Грабский А. Ф. По поводу польско-византийских отношений в начале XI века // Византийский временник. Т. 14. М., 1958. С. 181; Паулюс В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 35-36; Urbańczyk P. Bolesław Chrobry – lew rycący. Toruń, 2017. S. 282-284.

увеличив тем самым территорию Византии»²⁶.

Согласно условиям подписанного 30 января 1018 г. договора, Генрих II согласился передать Польше Лужицы и предоставил Болеславу I «Храброму» отряд из 300 рыцарей для участия в военной кампании Польши на востоке. Император, вероятно, способствовал привлечению в армию польского князя для этой же кампании 500 рыцарей из Венгрии²⁷. Будишинский договор завершил пятнадцатилетний кровавый конфликт Польши и Германии. Он же фактически разорвал до этого существующий союз Генриха II и киевского князя Ярослава Володимировича против Польши²⁸, создал Болеславу I «Храброму» и его окружению широкие возможности для совершения военного вмешательства в дела соседней Руси.

Ко второму своему походу на восток польский князь готовился всю весну и лето 1018 г. В это время к нему присоединились союзники – рыцарские отряды из Саксонии и Венгрии²⁹. Польским правителем был скоординирован план действий с печенежскими вождями, орды которых должны были совершать нападения на южнорусские земли, а в момент вторжения поляков подойти к Киеву. Дальнейшие события второй половины лета – начала осени 1018 г. стали важным этапом междоусобной войны наследников Владимира Святославича, на ход которой серьезно влияли польские, германские, венгерские, печенежские, в меньшей мере скандинавские и византийские соседи Руси.

Завершив подготовку к выступлению, войско Болеслава I «Храброго» в июле 1018 г. направилось на Русь. Источники не дают информации о непосредственной

численности польского войска и сил союзника Болеслава – его зятя Святополка, но на основании известия арабоязычного географа Ибрагима ибн-Якуба о численности воинов в дружине от Болеслава князя Мешка I (960–992 гг.) (3 тыс. воинов)³⁰ и известной информации о численности отрядов союзников поляков (саксонцев было 300, а венгров 500 рыцарей) можно допустить, что в целом на Русь отправилась армия численностью 3-5 тыс. человек. Летом 1018 г., согласно сведениям Титмара, против Ярослава и его приближенных начала действовать орда печенегов, которая насчитывала 1 тыс. воинов³¹. Однозначно, что сразу после начала боевых действий значительную помощь от своих соратников на Руси получил князь Святополк. Собственные военные силы Святополка, на наш взгляд, были достаточно сильными, поскольку после ухода армии польского правителя из Киева в сентябре 1018 г. он имел возможность противостоять со своими войсками новгородо-скандинавской армии Ярослава, которому уступил лишь вследствие жестокого сражения на Альте зимой 1018-1019 г. Отметим, что летописи сохранили сведения о численности войска Ярослава Владимировича накануне его похода из Новгорода на юг в 1016 г. Ипатьевская летопись пишет, что у князя была тысяча варягов и сорок тысяч новгородцев, однако эта информация является фантастической³². Более реальными представляются данные новгородской летописи: «И собра вой 4000: Варяг бяшетъ 1000, а Новгородцов 4000»³³.

Возможность вторжения на Русь армии Болеслава и Святополка Ярослав Владимирович, очевидно, предполагал, поскольку его полки встретили врагов на Вольни. 22 июля 1018 г. во время форсирования армией Болеслава реки Западный Буг недалеко от города Вольня

²⁶Urbańczyk P. Boleslaw Chrobry – lew rycący. S. 284.

²⁷Thietmari Chronicon. L. VIII, 31; *Грabsкий А. Ф.* По поводу польско-византийских отношений в начале XI века. С. 179.

²⁸Головко А. Б. Политические отношения Руси и Польши в начале XI века // Вопросы истории СССР. Вып. 26. Харьков, 1981. С.111.

²⁹Thietmari Chronicon. L. VIII, 31; *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. С. 245-246; *Grabski A.* Boleslaw Chrobry. Warszawa, 1964. S. 261-262.

³⁰Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и Славянах. Статьи и разыскания А. Куника и барона В. Розена // Записки Императорской Академии наук. Т. 32. СПб., 1879. С. 51.

³¹Thietmari Chronicon. L. VIII, 31.

³²ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908. С. 128.

³³ПСРЛ. Т. 3: Новгородская летопись по синодальному харатейному списку. Санкт-Петербург, 1888. С. 83.

между соперниками произошла битва, завершившаяся неоспоримой победой армии Болеслава и Святополка³⁴. О масштабе неудачи Ярослава свидетельствуют не только большие потери его войска, нежелание князя защищать Киев³⁵, а и то, что он, не будучи уверенным в возможности безопасного пребывания в своих новгородских владениях, хотел эмигрировать к родственникам в Скандинавию.

Лишь вмешательство новгородской верхушки во главе с посадником Константином, которая стала требовать от Ярослава продолжения борьбы, вынудила его отказаться от планов фактической капитуляции³⁶. *«Ярославу же прибъгшию Новгороду и хотяше бѣжати за море . и посадникъ Коснѣтинъ . снѣ Добрынь с Новгородѣци . расъкоша лодьгъ Ярославль рекуще . хотимъ сѧ и еще бити съ Болеславомъ и съ Стѣполкомъ . начаши скотъ събирати . ѿ мужа по . ѿ (4. – авт.). куны . а ѿ старость по . ѿ (10. – авт.). гри^ѣ . а ѿ боаеръ по . иѿ (18. – авт.). гри^ѣ . и приведоша Варягы . [и] вдаша имъ скотъ . и совокупи Ярославъ воа многы»*, – сообщает летопись о событиях в Новгороде в конце июля – в сентябре 1018 г.³⁷. Тогда же произошли помолвки Ярослава Владимировича и дочери шведского короля Олава Ингигерды, а также сына Ярослава Ильи и сестры датского и английского короля Кнута Эстрид-Маргареты, что было свидетельством создания военно-политического союза новгородского князя со скандинавскими правителями³⁸.

³⁴ПСРЛ. Т. 1. Стб. 142-143; Thietmari Chronicon. L. 8, 31; Galli Chronicon. L. I, 7.

³⁵Густынская летопись содержит информацию о сопротивлении киевлян войскам Болеслава и Святополка в момент их подхода к Киеву (Густынская летопись. С.263), однако эта информация не находит подтверждения в ранних летописях.

³⁶ПСРЛ. Т. 1. Стб. 143.

³⁷Там же. Аналогично см.: ПСРЛ. Т. 5: Софийская первая летопись. Изд. второе. СПб., 1925. С. 88-89. А. В. Назаренко датирует эти события началом сентября 1018 г. См.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 492.

³⁸Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 492-498; Луговий О. М. «Дани» на Руси і в

Неудача Ярослава Владимировича, как представляется, объясняется наличием у него соперника на севере Руси. Титмар сообщает, что накануне столкновения на Буге, приблизительно весной 1018 г., Ярослав захватил у брата какой-то город³⁹. Понятно, что этим городом не мог быть хорошо известный Титмару Киев, а упомянутым братом не мог быть ни известный саксонскому автору Святополк, ни убитый до 1018 г. Борис. Вопрос о сопернике Ярослава на севере Руси, на наш взгляд, помогает решить текст «Саги об Эймунде» (другой вариант названия памятника – «Прядь об Эймунде»)⁴⁰. В скандинавском сочинении повествуется о переходе приблизительно зимой 1017/18 г. большой варяжской дружины от «Ярицлейва» (Ярослава) к «Вартиславу» (Брячиславу) и нападении последнего, который правил в «Пальтескю» (Полоцке), на Новгород⁴¹. О напряженных отношениях Полоцка и Новгорода в это время свидетельствует более поздняя летописная статья под 1021 г., где рассказывается об очередной фазе конфликта Ярослава и Брячислава⁴².

Візантії // Древности. 2014-2015 гг. Харьков, 2015. С. 69-76.

³⁹Thietmari Chronicon. L. 8, 31.

⁴⁰Мельникова Е. А. Композиция и состав «Саги об Эймунде сыне Хринга» // Висы. Сборник статей в честь Татьяны Николаевны Джаксон. М., 2011. С. 255-268. Е. А. Мельникова полагает, что это скандинавское произведение по своей композиции правильным следует считать сагой, а не прядью, как считают некоторые авторы. См. также: Рыдзевская Е. А. Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. № 7. М.–Л., 1940. С. 66-71; Мельникова Е. А. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 289-295; Половинська В. Епоха Ярослава Мудрого: дискусійні питання та спроба знайти відповіді у скандинавських джерелах // Сіверянський збірник. № 3. Чернігів, 2020. С. 4-14.

⁴¹Сага об Эймунде // Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978. С. 103-104.

⁴²ПСРЛ. Т. 1. Стб. 146; ПСРЛ. Т. 7: Воскресенская летопись. СПб., 1856. С. 328; Головко А. Б. Земли Западной Руси и объединительная политика Киевского государства в X – первой трети XII вв. // Киев и западные земли Руси в IX–XIII вв. Минск, 1982. С. 31-33.

Понятно, что в такой ситуации перед началом марша войска Ярослава Владимировича навстречу соперникам на Волынь в июне-июле 1018 г. значительная часть новгородцев не горела большим желанием помогать князю в его боевых действиях на юге Руси. Стоит вспомнить в связи с этим и о конфликте жителей Новгорода с князем в 1015 г.! Неудача князя Ярослава в битве на р. Западный Буг просто вынудила новгородскую верхушку во главе с посадником Константином Добрыничем пересмотреть свою позицию и дать Ярославу необходимую поддержку для формирования нового войска.

После победы над Ярославом армия Болеслава I «Храброго» и Святополка без препятствий прошла южной Русью путь приблизительно в 500 км и через три недели подошла к Киеву. Отметим, что тему о маршруте польского войска специально исследовали польские ученые С. Закжевский и Р. Якимович. Эти историки отмечали, что войско Болеслава прошло через территорию Волыни, прошло город Луцк, города Погорынья, бассейн Случи и Тетерева, город Белгород и подошло к столице Руси⁴³. Позднее этот же вопрос рассмотрел С. Кучиньский, который картографировал маршрут продвижения польского войска⁴⁴. Отметим, что он, очевидно, совпадал с частью трансконтинентального торгового пути Регенсбург – Прага – Краков – Киев⁴⁵.

Титмар Мерзебургский в возвышенных тонах описал прибытие польского войска в Киев, отметив, что после небольшого противостояния город подчинился пришельцам, обратил внимание на теплый прием их киевлянами,

преувеличивая при этом достоинства и роль саксонских рыцарей. Киев, как сообщает хронист, “*XVIII Kal. Sept. Bolizlavum et, quem diu amiserat, Zentepulcum seniore suum, cuius gratia et nostrorum timore omnis hec regio conversa est, suscepit. Archiepiscopus civitatis illius cum reliquiis sanctorum et ceteris ornatibus diversis hos advenientes honoravit in sancte monasterio Sofhiae, quod in priori anno miserabiliter casu accidente combustum est (В 18 календы сентября (14 августа. – авт.) принял Болеслава i Сентепулка (Святополка. – авт.), своего сеньора, который долго отсутствовал, хорошее отношение и испуг перед нашими (саксонцами. – авт.) позволили (подчинить. – авт.) весь этот край. Архиепископ этого города встретил пришельцев с реликвиями святых и другими украшениями с разнообразной изысканностью в монастыре святой Софии, который в прошлом году из-за несчастного случая сгорел)*”⁴⁶.

В литературе слова Титмара “*in sancte monasterio Sofhiae*” чаще переводятся буквально «в монастыре святой Софии»⁴⁷. Однако известный исследователь истории древнерусской церкви А. Поппэ на основании того, что реально такого монастыря не было, переводит слова саксонского автора как «в святом кафедральном соборе святой Софии»⁴⁸. Я. Н. Щапов также переводит слово «*monasterio*» как «собор»⁴⁹. Такой довольно вольный перевод источника не может не вызвать возражения, на что в свое время обратил внимание С. А. Высоцкий⁵⁰. Сообщение германского хрониста касалось резиденции киевского митрополита, которая в то время находилась вне городских стен

⁴⁶Thietmari Chronicon. L. 8, 32.

⁴⁷См., например: Рапов О. М., Ткаченко Н. Г. Русские известия Титмара Мерзебургского // Вестник Московского университета. Серия история. № 3. 1980. С. 65.

⁴⁸Поппэ А. Русские митрополии Константинопольской патриархии. Ч. 1. // Византийский временник. Т. 28. М., 1968. С. 87. Ближкий перевод – «в соборе святой Софии» см.: Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты. Перевод. Комментарии. С. 142.

⁴⁹Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII в. М., 1989. С. 24.

⁵⁰Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской: По материалам граффити XI–XVII вв. К., 1976. С. 248.

⁴³Zakrzewski S. Bolesław Chrobry-Wielki. S. 302-305; Jakimowicz R. Szlak wyprawy kijowskiej Bolesława Chrobrego w świetle archeologii // Rocznik Wołyński. T. 3. Równe, 1934. S. 10-104.

⁴⁴Kuczyński S. M. О wyprawie Włodzimierza I ku Lachom na podstawie wzmianki z 981 r. w Opowieści lat doczesnych // Kuczyński S. M. Studia z dziejów Europy wschodniej X–XVII w. Warszawa, 1965. S. 33-118.

⁴⁵Васильевский В. Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // Журнал Министерства народного просвещения. № 7. 1888. С. 81-93; Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1968. С. 69; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 71-112.

Киева и сама была окружена фортификационными укреплениями. Саксонские информаторы Титмара приняли митрополичий комплекс – собор, дом митрополита, другие сооружения, которые были окружены рвом, валом и стеной – как загородный хорошо укрепленный монастырь, что было характерным явлением для жителей тогдашней Западной Европы.

Поскольку в «Повести временных лет» указание на строительство Софийского собора помещено под 1036 г., немало авторов с недоверием воспринимают информацию о соборе в хронике Титмара Мерзебургского. В частности, популярна точка зрения о том, что сначала была построена деревянная церковь св. Софии, которая сгорела в 1017 г., и лишь спустя почти два десятилетия на месте сгоревшей церкви был сооружен каменный храм⁵¹. Версия о деревянной церкви св. Софии (можно подумать, что каменный собор не мог сгореть!) была придумана, как нам представляется, для доказательства вероятности летописной записи о сооружении храма св. Софии во второй половине 30-х годов XI в.

Как нам представляется, есть и другие, помимо информации Титмара Мерзебургского, основания для предположения о сооружении собора св. Софии намного ранее даты, указанной в киевской летописи. Прежде всего, сам факт проведения христианизации и формирования разветвленной церковно-административной структуры Руси требовал создания главного церковного центра страны. Естественно, что этот центр должен был быть связан с

⁵¹Лебединцев П. Г. О святой Софии Киевской // Труды Третьего археологического съезда в Киеве в 1874 г. Т. 1. К., 1878. С. 1-3; *Porpe A.* Państwo i kościoł na Rusi. Warszawa, 1968. S. 41-44; *Поннэ А.* Русские митрополии Константинопольской патриархии. Ч. 1. С. 87; *Петрухин В. Я.* Крещение Руси: от язычества к христианству. М., 2006. С. 168, 189-190; *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII в. С. 24; *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси: 750–1200. СПб., 2004. С. 328. С. А. Высоцкий считал, что каменную Софию начал строить князь Ярослав Владимирович в 1017 г., а завершил в 1037 г., хотя допускал существование в предшествующие времена правления князя Владимира Святославича деревянного митрополичьего собора св. Софии. См.: *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской: По материалам граффити XI–XVII вв. С. 248-250.

популярной в православном мире идеей софийности, которая в главной православной державе – Византийской империи – играла исключительную роль в подчеркивании симфонии светской и церковной власти⁵². Невозможность капитального строительства во время междоусобной войны 1015–1019 гг., указание митрополита Илариона в его «Слове о законе и благодати» о существовании храма св. Софии во времена Владимира Святославича⁵³ дают основание думать, что резиденция митрополита возникла вскоре после крещения Руси. Возникновение церковного центра Руси относится приблизительно к 996 г., поскольку появление его фиксируется византийским источником – «Списком епископий (Notitiae episcopatum)»⁵⁴.

Анализ данных саксонского хрониста и других источников дает основание поставить под сомнение распространенную в науке точку зрения о том, что Святополк в событиях 1018 г. был практически марионеткой в руках Болеслава I «Храброго», который хотел подчинить себе Русь⁵⁵. Без доброжелательного отношения киевской верхушки к польскому князю, которое стало возможным лишь благодаря союзническим связям Болеслава со Святополком, войску польского князя вряд ли удалось так легко, фактически без сопротивления занять Киев, город, который за несколько месяцев до этого выдержал жестокое нападение печенегов. Отметим, что на факт дружественных контактов киевской знати и Святополка справедливо обращали внимание И. А. Линниченко, В. Д. Королук, В. Т. Пашуто и другие авторы⁵⁶.

⁵²Головко О. Б. «Імперія ромеїв» в ідеологічних концепціях давньоруських мислителів // 'Ρωμαιοί: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана / Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Т. 2. Харьков, 2013. С. 123-124.

⁵³Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. К., 1984. С. 92-97.

⁵⁴Darrrouzes J. Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitaniae. Paris, 1981. P. 343.

⁵⁵Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 355; *Свердлов М. Б.* Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X – начала XI вв. С. 154-155; и др.

⁵⁶Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст. Ч. 1: Русь и Польша до конца XII в. К., 1884. С. 88; *Королук В. Д.* Западные

Для выяснения вопроса о системе отношений между Болеславом и Святополком после овладения Киевом важное значение имеет информация саксонского хрониста об обстоятельствах возвращения их союзников в кампании – саксонцев, венгров и печенегов – домой, которое произошло практически сразу после прихода польского войска в Киев. Титмар по этому поводу пишет: “*Omnes hii tunc domum remittebantur, cum indigenas adventare, fideles sibi apparere senior prefatus letabatur*”⁵⁷. Известный польский исследователь и переводчик хроники М. З. Едлицкий предлагает следующий вариант перевода этого фрагмента: “*Wszystkich tych ludzi odesłał tamtejszy władca (в примечании к переводу – Святополк) do domu, gdy mógł stwierdzić zradością, jak mieszkańcy kraju garną się do niego i swoją wierność mu okazują*”⁵⁸. Аналогично этот сюжет переведен в наших предыдущих работах: «*Всех этих людей отослал тамошний правитель (Святополк. – авт.) домой, когда мог с радостью убедиться, что жители страны хорошо относятся к нему и верность свою проявляют*»⁵⁹.

А. В. Назаренко дает свой перевод этой записи хроники: «*Все они были распущены по домам, когда выше упомянутый сеньор (Святополк) с радостью [стал принимать] местных жителей, приходивших к нему с изъявлением покорности*»⁶⁰. Как нам сейчас представляется, последний перевод является наиболее точным. Решение отпустить союзников Святополк не мог принять без

согласия Болеслава, поскольку именно к нему прибыли саксы, венгры и печенеги, чтобы принять участие в боевых действиях на Руси. Отметим, что А. В. Назаренко в другой своей работе пишет, что решение отпустить союзников домой принял польский Болеслав⁶¹. Отметим, что немецкий автор середины XII в. – так называемый Саксонский анналист, который написал свою хронику на основании других хроник и анналов, при изложении этого сюжета, написанного им на основании труда Титмара, пишет, что союзники были отпущены домой Болеславом: “*...quos omnes domum remisit, quia indigenas genero suo fideles intenerat (всех их (польский князь. – авт.) отпустил домой, поскольку местные жители были верными его зятю)*”⁶².

Скорее всего решение о возвращении союзников домой было общим, Болеслава и Святополка. Этот шаг был предпринят с целью предотвратить возможные конфликты пришельцев с местным населением и свидетельствовал об относительном спокойствии в Киеве в первые дни пребывания там польского войска. А. В. Назаренко пишет, что помощь союзников Болеславу была символической⁶³, однако с этим утверждением трудно согласиться. Всего польскому правителю помогало около 1800 воинов – саксонцев, венгров и печенегов. Если допустить, что в походе на Киев принимало участие войско в 3-5 тыс. человек, то контингент союзников составлял почти половину состава.

В момент прибытия армии Болеслава в Киев возникла непростая проблема. Длительное пребывание в столице Руси значительного войска, обеспечение его в городе, который пострадал вследствие недавнего нападения печенегов и больших пожаров, естественное стремление пришедших воинов получить трофеи

славяне и Киевская Русь в X–XI вв. С. 237; Пауцто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 37 и др.

⁵⁷Thietmari Chronicon. L. 8, 32.

⁵⁸Kronika Thietmara. Tłumaczenie (z tekstu łacińskiego), wstęp i przypisy M. Z. Jedlicki. Kraków, 2014. S. 235 (Wyd. na podstawie wydania z r. 1953).

⁵⁹Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. К., 1988. С. 29.

⁶⁰Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. С. 143. Аналогичный перевод сделал И. В. Дьяконов. См.: Титмар Мерзебургский. Хроника. В 8 книгах. 2-е, исправленное. Издание подготовил И. В. Дьяконов. М., 2009. С. 177-178 («Все они были отпущены домой, когда названный господин увидел, что местные жители приходят к нему с изъявлением своей верности»).

⁶¹Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 465.

⁶²Annalista Saxo. Ed. D. G. Waitz // MGH SS. T. 6. Hannoverae, 1844. P. 674.

⁶³Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 456. Критика такого взгляда см.: Benyskiewicz K. Piastowie i Rurycowice. Polsko-ruskie stosunki polityczne od X do połowy XII wieku. Zielona Góra, 2020. S. 83, pr. 129.

создавало вероятность возникновения социального напряжения в Киеве, население которого тогда насчитывало не больше 15-20 тыс. человек⁶⁴. Прежде всего проблема обеспечения провиантом польского войска вызвала решение Болеслава разместить своих воинов не только в Киеве, но и в населенных пунктах вокруг него: «Болеславъ же вниде в Къевъ съ Стополкомъ . и речъ Болеславъ разведѣте дружину мою по городомъ на покорьмъ . и бысъ тако»⁶⁵.

Подчинением Киева завершился первый этап пребывания войска Болеслава «Храброго» в столице Руси. Позже планы польского князя и его зятя относительно дальнейших действий разошлись. Как представляется, Болеслав в этот момент посчитал свое пребывание в Киеве завершением военной кампании и не хотел продолжения войны с Ярославом. Согласно данным Титмара Мерзебургского, польский князь направил в Новгород авторитетное посольство во главе с киевским первоиерархом, которым был киевский митрополит Иоанн (саксонский хронист называет его архиепископом). Одновременно Болеслав направил послов к правителям Германской и Византийской империй⁶⁶. Первое из посольств возглавил аббат Туни (Антоний). Аббат, как пишет А. В. Назаренко, был учеником известного католического миссионера архиепископа Бруно Кверфуртского, настоятелем монастыря в Менджижечи на Нижней Обре, правом притоке Одера⁶⁷. Очевидно, этими

дипломатическими демаршами амбициозный польский князь хотел подчеркнуть свое монаршее величие и могущество своего государства.

В литературе давно высказано вероятное предположение, что посольство Болеслава к византийскому василевсу Василию II было элементом широкой геополитики, в которую были втянуты, кроме Польши, Руси и Византийской империи, Германская (Римская), Королевство Венгрия и которая проявилась в противостояниях в Южной Италии, на Балканах и причерноморских степях⁶⁸. Проявлением этой политики стала битва 1 октября 1018 г., которая произошла возле известного города Канны⁶⁹ в Италии, когда византийская армия разбила лангобардов и норманнов.

Рассказывая об этом событии, французский хронист Адемар Шабанский пишет, что тогда лангобарды и норманны были «*gente Russorum victim et prostrate sunt et ad nichilum redacti (переможені, розтрощені і знищені народом Росів)*»⁷⁰. Речь тут идет о действиях русско-варяжского корпуса, который был основой войска византийского полководца Василия Бойоаннеса (был командующим византийской армии в Италии с декабря 1017 по сентябрь 1028 гг.) и тогда воевал на Апеннинском полуострове. Про участие русов вместе с данами и шведами в событиях в Италии октября 1018 г. рассказывает также

початку XI сторіччя. // Ювілейний збірник на пошану М. С. Грушевського. Кн. 1. К., 1928. С. 140-141.

⁶⁸ Zakrzewski S. Bolesław Chrobry-Wielki. S. 291; *Габский А. Ф.* По поводу польско-византийских отношений в начале XI века. С. 175-184; *Пауцто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 35-36; *Urbanczyk P.* Boleslaw Chrobry – lew gusaczy. S. 282-284.

⁶⁹ 2 августа 216 г. до н. э. возле итальянского города Канны произошла наибольшая битва Второй Пунической войны, во время которой карфагенский полководец Ганнибал разгромил войско римских консулов Луция Эмилия Павла и Гая Теренция Варрона.

⁷⁰ Ademari Chronicon. L. III, 55. Текст сочинения Адемара Шабанского приводим по изданию: Ademari Historiarum libri III. Ed. G. Waitz // MGH SS. T. 4. Hannoverae, 1841. P. 106-148; с указанием на номера книги и раздела сочинения. Перевод хроники на русский язык см.: *Адемар Шабанский.* Хроника. Перевод А. В. Банникова, А. Н. Слезкина, Г. А. Шмидта. СПб.–М., 2015.

⁶⁴ П. П. Толочко считает, что в XII–XIII в. в Киеве было около 50 тыс. человек (*Толочко П. П.* 1) Киев и Киевская земля в период феодальной раздробленности XII–XIII вв. К., 1970. С. 89.; 2) *Древний Киев.* К., 1983. С. 188), однако в начале XI в. город был намного меньше и по территории, и естественно по населению. Выражаю благодарность киевским археологам М. А. Сагайдаку, В. К. Козюбе и С. П. Тараненко за консультации по вопросам демографии и численности населения столицы Руси.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 143.

⁶⁶ Thietmari Chronicon. L. 8, 33.

⁶⁷ *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. С. 203. В. Г. Ляскоронский считал, что посольства Болеслава к двум императорам были направлены польским правителем с целью скрыть неудачу киевского похода. См.: *Ляскоронский В.* Титмарові повідомлення про руські справи на

хроника монастыря Монте-Кассино⁷¹. Исследователи полагают, что в Византии в начале XI в. постоянно находился б-тысячный контингент воинов, пришедших из Восточной Европы⁷². А. Е. Мусин допускает, что посольство Болеслава к византийскому василевсу Василию II, направленное из Киева в сентябре 1018 г., должно было обсудить в Константинополе вопрос о включении Польши в систему трансконтинентальных торговых путей⁷³.

Мы не можем согласиться с мнением историков о том, что в ходе кампании в Восточной Европе польский князь Болеслав I «Храбрый» хотел разделить Русь на уделы⁷⁴. По состоянию на лето 1018 г. независимо от воли польского правителя она была разделена на самостоятельные владения: в Киеве находился Святополк, в Тмутаракани сидел Мстислав Владимирович, в Полоцке правил Брячислав Изяславич, а Новгород принадлежал Ярославу. Мирная дипломатия с элементами пиара Болеслава I «Храброго» объясняется тем, что в конце августа – в начале сентября 1018 г. польский князь ощутил бесперспективность для себя продолжения войны на Руси, на ведение которой у него не было ни материальных, ни военных ресурсов. Князю Болеславу нужно было в тот момент думать о возвращении в Польшу. В. Д. Королюк в свое время писал, что тогда там, воспользовавшись отсутствием

правителя, начали поднимать голову соперники польского князя⁷⁵.

Посольство митрополита Иоанна, которое было направлено польским князем в Новгород, в таких условиях не могло выдвигать требований каких-либо серьезных уступок от князя Ярослава. Хотя, как кажется, эта дипломатическая миссия вообще не дала никаких позитивных для Болеслава результатов. Ярослав Владимирович, получив помощь от новгородцев, готовился отвоевать Киев. Вероятно, что в это время к его войску присоединяются отряды скандинавов. Однако в дальнейшем Ярославу уже не пришлось встретиться на ратном поле с польским правителем.

Польский князь, не дождавшись возвращения Иоанна, решил покинуть столицу Руси. В этот момент не обремененный какими-то особенными моральными обязательствами Болеслав повел себя в самых негативных традициях того времени: он и его воины стали грабить Киев, поляками было захвачено много пленных, позже на обратном пути Болеславом были оккупированы «Червенские грады» (западные земли Руси между речками Саном, Вепрем и Западным Бугом). Северная русская летопись в связи с этим пишет: «*Болеслав побеже ис Киева, поволочив Предславу, взяв имене и боляре и сестры его. И Анастаса пристави к имену десятиного: бе бо ся вверил ему лестию. И людеи множество веде с собою и грады Червенския за себе и приведе в свою землю*»⁷⁶. В Патерике Киево-Печерского монастыря в рассказе об одном из пленных Болеслава Моисее Угрине сообщается: «... и *възвращаяся Белеславъ въ Ляхы, и поатъ съ собою обѣ сестръ Ярославли, и изыма же и бояръ его*»⁷⁷. О захвате больших трофеев в Киеве пишет и Титмар Мерзебургский: «*Ineffadilis ibi pecunia ei ostenditur, cuius magna pars hospitibus suis ac fautoribus distribuitur, quedam vero ad patriam mittitur* (Там ему были

⁷¹ Chronica monasterii Casinensis // MGH SS. T. 34. Hannoverae, 1980. P. 237, 240.

⁷² Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе // Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1908. С. 196-209; Луговий О. Найм скандинавських вояків у Київській Русі і Візантії в цифрах // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії // Наукові записки Рівненського державного гуманітарного університету. Вип. 16. Рівне, 2009. С. 3-6.

⁷³ Musin A. Polska Piastów i Ruś Rurykowiczów: nieuniknionóść niemożliwych porównań (niektóre uwagi do badań komparatystycznych nad średniowieczną Europą Środkowo-Wschodnią) // Rus' and Poland (10-th – 14-th centuries). Colloquia Russica. Series I. Vol. 9. Kraków, 2019. S. 118-119.

⁷⁴ Zakrzewski S. Bolesław Chrobry-Wielki. S. 305; Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X – XI вв. С. 237-241 та ін.

⁷⁵ Королюк В. Д. О последнем периоде правления Болеслава Храброго // Исторические записки. Т. 19. М., 1945. С. 142-148; см. Так же: Borawska D. Kryzys monarchii wczesnopiastowskiej w latach trzydziestych XI w. Warszawa, 1964. S. 20-24.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 5. С. 89.

⁷⁷ Патерик Киево-Печерского монастыря. Под ред. Д. И. Абрамовича. СПб., 1911. С. 102.

показаны величайшие богатства, большую часть которых он раздал своим союзникам и приближенным, а часть отправил на родину)»⁷⁸.

Поздняя Успенская летопись, которая сохранила некоторые оригинальные записи, прямо пишет, что Болеслав находился в Киеве один месяц («А Боляслав княжил в Киеве месяц и день») ⁷⁹. Эта информация подтверждает взгляд ученых, о том, что уход польского войска из Киева произошел в сентябре 1018 г.⁸⁰. Пребывание иностранцев в Киеве, поведение Болеслава и его воинов не могли не вызвать возмущение и сопротивление киевлян. Святополк, очевидно, не мог остаться в стороне от конфликта и поддержал киевлян. Отмечая это, полагаю, что конфликты и столкновения в столице, на наш взгляд, не привели к каким-то серьезным потерям в польском войске, которое с многочисленными пленными и большой добычей покинуло город⁸¹.

Поход на Киев не дал гнезненскому правящему дому результат, на который Болеслав I «Храбрый» рассчитывал в начале своей восточной кампании. Главная цель похода на Русь – посадить на престоле в Киеве подконтрольного Болеславу правителя – не была достигнута, поскольку между Святополком и поляками возникла конфронтация. Ее причины были связаны с тем, что вскоре после прибытия в столицу Руси польский князь отказался поддерживать военные планы Святополка в его противостоянии с Ярославом и ограбил Киев, который находился в подчинении князя Руси.

Учитывая многочисленность пленных, которых вывел Болеслав на обратном пути в Польшу (в 40-х годах XI в. по соглашению Ярослава с внуком Болеслава польским князем Казимиром I «Восстановителем» на Русь вернулось 800 человек!), можно допустить, что далеко не все они лишь под

принуждением присоединись к польскому правителю⁸². Как нам представляется, в лагере Святополка в сентябре 1018 г. произошел раскол: часть его сторонников во главе с ктиторм храма Богородицы (Десятиной церкви) Анастасом перешла на сторону Болеслава I «Храброго» и отправилась с ним в Польшу. Это обстоятельством, а также неудовольствие населения Киева пребыванием в городе поляков вызвало ослабление группировки Святополка, который в дальнейшем (после ухода Болеслава на родину) противостоянии с Ярославом потерпел неудачу и погиб при неизвестных обстоятельствах («...прибъжа в пустыню . межю Лахы и Чехы . испроверже зль животъ свои») ⁸³.

Каким-то отголоском событий 1018–1019 гг., в частности обстоятельств бегства князя Святополка и его сторонников из Руси, является недавняя находка в районе современного города Новограда-Волынского (древнерусского Возвягля) древнего клада. Тут житель села Городница Сергей Комар в лесу на берегу речки Случь 27 августа 2020 г. нашел 32 монеты начала XI в. Вскоре киевские археологи там же нашли еще 6 монет. Большинство монет – сребреников⁸⁴ – имеют штемпели князя Владимира Святославича, а другие – штемпели князя Святополка. Отсутствие в Городницком кладе монет соперника Святополка князя Ярослава, с которым первый с 1015 г. вел войну и который также выпускал свои сребреники, место находки именно на традиционном торговом пути из столицы Руси в Малую Польшу дают основание

⁸² О пребывании в Польше выходцев из Руси, которые пришли сюда с Болеславом I «Храбрым» в 1018 г., свидетельствуют находки могильников с руско-скандинавским инвентарем первой половины XI ст. в Лютомерске (населенный пункт в современном Пабяницком повете Лодзинского воеводства Польши). См.: Яжджевский К. Элементы древнерусской культуры в центральной Польше // Древняя Русь и Польша. М., 1978. С. 213–218.

⁸³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 144; Мика М. «...в пустыню межю Лахы и Чехы...», czyli gdzie zmarł wielki książę kijowski Światopełk Włodzimierzowicz? // Colloquia Russica. Series I. Vol. 9. Rus' and Poland (X–XIV centuries). Kraków, 2019. S. 81–93.

⁸⁴ Об этих монетах см.: Сотникова М. П., Спаский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет.

⁷⁸ Thietmari Chronicon. L. VIII, 32.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. М., 1982. С. 27.

⁸⁰ Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь X–XI вв. С. 264.

⁸¹ Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь X–XI вв. С. 264; Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 90–91; Лихачев Д. С. Комментарии // Повесть временных лет. Ч. 2. М., 1950. С. 346.

предполагать, что клад был сделан одним из участников путешествия (бегства) Святополка на запад после поражения этого князя от Ярослава зимой 1019 г.

Рассмотрим в завершении этой статьи вопрос об освещении событий лета – осени 1018 г. в «Повести временных лет». Как выше отмечалось, внимательный анализ содержания соответственной статьи под 1018 г. памятника, сравнение его с данными других источников привели исследователей к выводу о высокой степени изложения в летописи рассматриваемых нами событий⁸⁵.

Важно выяснить историю появления в теле источника рассказа о событиях 1018 г. Необходимо обратить внимание, что, в отличие от других ежегодных записей, указанная статья в тексте памятника достаточно подробная. Заинтересованность создателя летописи в подробном изложении событий, на наш взгляд, объясняется не столько желанием описать детально именно поход Болеслава на Киев, а тесной связью сюжета о походе с информацией об убийстве князей Бориса и Глеба Владимировичей. Сравнение текста летописной статьи с материалом других источников дает основание считать, что она (а точнее положенный в ее основу нарратив) была создана по свежему ходу событий. Очевидно, что сюжет о конфликте Болеслава и Святополка с Ярославом был включен в летопись вместе с текстом, который возник под влиянием информации Бориса и Глеба, и должен был также служить прославлению братьев-мучеников и осуждению «окаянного» Святополка.

Допущение о довольно позднем включении сюжета о походе 1018 р. в киевскую летописную традицию подтверждается отсутствием подобного текста в Новгородской первой летописи – важном источнике, где сохранились сведения о походе дружины Ярослава Владимировича на Берестье в 1017 р., о котором сообщает также Титмар Мерзебургский⁸⁶.

⁸⁵Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь X–XI вв. С. 258; Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. С.111-112.

⁸⁶Новгородская первая летопись старшего и младшего извода (далее – НЛ). С предисловием и под

При внесении в «Повесть временных лет» (а скорее, в предшествующий этому сочинению киевский свод 70-х годов XI в.) протограф рассказа о походе Болеслава I «Храброго» был сокращен. В пользу этого допущения свидетельствует наличие в некоторых летописных сводах элементов начального рассказа о военной кампании Болеслава на Руси, которая отсутствует в «Повести временных лет», но подтверждается иностранными источниками. В частности в Новгородской четвертой летописи есть ряд деталей о победе Болеслава на р. Западный Буг, захвате там большой военной добычи, о насилии польского князя над сестрою Ярослава Предславой, дочкой Владимира Святославича⁸⁷.

Протограф рассказа о событиях 1018 г., вероятно, был написан человеком, оппозиционно настроенным к Ярославу. Академик Б. А. Рыбаков считал, что этот автор был новгородцем⁸⁸. Предполагаемая позиция рассказчика подтверждается фактом его доброжелательного отношения к Болеславу («но бьяше смыслен»). Этот автор не прячет теневых сторон поведения Ярослава (при описании попытки новгородского князя убежать в Скандинавию)⁸⁹. Элементы этого рассказа-протографа можно найти летописной информации под 1016 г. о битве Ярослава и Святополка. Н. Н. Ильин и В. Д. Королюк справедливо считали, что указанное событие имело место в 1019 г.⁹⁰ (в 1016 г. Святополк находился в Польше, в связи с чем не мог воевать с братом⁹¹). В новгородском летописании указано другое место бегства Святополка после битвы с Ярославом,

редакцией А. Н. Насонова. М.–Л., 1950. С. 15, 180; ср. Thietmari Chronicon. L. VII, 65.

⁸⁷ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып.1. СПб., 1915. С. 108; Thietmari Chronicon. L. VIII, 31; Galli Chronicon. L. I, 7. Поп.: Benyskiewicz K. Wyprawa Boleslawo Chrobrego i Światopełka na Kijów w ruskiej tradycji historiograficznej (XIV–XVI wiek) // Klio. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powozeczny. T. 48 (1). 2019. S. 17-39.

⁸⁸Рыбаков Б. А. «Остромирова летопись» // Вопросы истории. № 10. 1956. С. 55-56.

⁸⁹ПСРЛ. Т. 1. Стб. 143.

⁹⁰Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. С. 157; Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь X–XI вв. С. 236-240.

⁹¹Thietmari Chronicon. L. VII, 72.

которая якобы была в 1016 г. Согласно этой традиции, Святополк после поражения искал убежище не в Польше, а у печенегов, что соответствует материалу «Повести временных лет» о событиях 1019 г.⁹²

Сравнительный анализ источников дает основание полагать, что события 1018–1019 гг. содействовали появлению нескольких сочинений о внутренних конфликтах на Руси. Отголоски этих сочинений можно найти не только в «Повести временных лет» и новгородских летописях, но и в материалах Патерика Киево-Печерского монастыря (рассказ о монахе Моисее Угрине, которого поляки захватили в плен) и на страницах тверской летописи⁹³.

Изучение статьи «Повести временных лет» под 1018 г. вызвало дискуссии исследователей по вопросу понимания ее завершающей части. Летопись пишет: *«Болеславъ же бѣ Къѣвъ стѣда . и каньнѣи же Стѣполкъ ре^ѣ . елико же Лаховъ по городу избиваите а . и избѣша Лахы . Болеславъ же побѣже ис Къѣва . възма имънѣ . и боєры Ерславль . и сестръ юго . и Настаса пристави Десятиннаго ко имънью . бѣ бо сѧ юму вѣтрѣлъ лѣстью . и людѣи множьство веде с собою . и городы Червеньскыѧ зае собѣ . и приде в свою землю»*⁹⁴.

Многие историки на основании этой информации делают вывод о массовых волнениях в Киеве против иностранцев, разгром и бегство армии Болеслава I «Храброго»⁹⁵. Другие исследователи полагают, что летописная информация о выступлениях киевлян противоречит факту захвата большей добычи, многочисленных пленных и завоеванию «Червенских градов», совершенных поляками. В связи с этим данными авторами высказывается сомнение по поводу реальности факта восстания

киевлян⁹⁶. Разделяя в определенной мере осторожность второй группы исследователей, автор этих строк всё-таки полагает возможным столкновения киевлян с иностранцами, которые были инспирированными или организованными Святополком, однако эти конфронтации, на наш взгляд, не имели каких-то фатальных последствий для войска Болеслава I «Храброго». Отметим, что известия других памятников как древнерусского (рассказ о Моисее Угрине Патерика Киево-Печерского монастыря), так и иностранного происхождения (хроника Титмара Мерзебургского и Галла Анонима) вообще не дают сведений о каких-либо конфликтах в Киеве в августе – сентябре 1018 г.

Приведенный материал дает основание сделать предположение о возможном редактировании заключительной части летописной статьи 1018 г. во время включения рассказа о походе Болеслава на Киев в летопись. Это редактирование с целью связать в единый текст статьи под 1015–1019 гг. и было совершено после 1072 г., то есть после канонизации братьев Бориса и Глеба. В ходе этого редактирования летописец, безусловно, преувеличил масштабы неудачи поляков во время вероятных столкновений с киевлянами. Некоторые авторы считают, что рассказ о конфликте в Киеве возник под влиянием более поздних событий весны 1069 г., в столице Руси вновь побывали польские войска (на этот раз во главе с правнуком Болеслава I «Храброго» Болеславом II «Смелым»)⁹⁷. Отметим, что такое предположение нельзя считать обоснованным, поскольку тогда в Киеве вообще не было каких-либо серьезных конфликтов местного населения с иностранцами⁹⁸.

⁹⁶Шахматов А. А. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908. С. 439-440; Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 г. и ее источник. С. 112; Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 204 и др.

⁹⁷Karłowicz J. Wyprawa kijowska Bolesława Wielkiego. S. 19; Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши. С. 94 и др.

⁹⁸Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. С. 49-51.

⁹²НЛ. С. 15; ср. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 142.

⁹³Патерик Киево-Печерского монастыря. С. 101-105; ПСРЛ. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1853. С. 136-138.

⁹⁴ПСРЛ. Т. 1. Стб. 143-144.

⁹⁵Савич А. А. Борьба русского народа с польскими захватчиками в XI веке. С. 97-108; Свердлов М. Б. Известия немецких источников о русско-польских отношениях X – начала XII в. С. 153.

Анализ летописной статьи 1018 г. дает основание считать, что не выступления киевлян против польских воинов (которые, если они действительно имели место, были серьезно преувеличены древнерусскими книжниками), а другие причины, на которые мы уже обращали внимание, вызвали необходимость возвращения Болеслава I «Храброго» домой. Внутривосточный кризис, который возник в Польше в конце первого десятилетия XI в. и который в значительной мере был следствием изнурительных войн, вынудил польский двор надолго отказаться от активных внешнеполитических акций. Вероятно, именно этим следует объяснить отсутствие в

источниках каких-то следов, свидетельствующих о возможной реакции польской верхушки на развитие политической ситуации на Руси во время последней фазы конфликта Ярослава и Святополка в конце 1018 – в начале 1019 гг. Однако здесь важно обратить внимание на субъективное, но очень важное обстоятельство. 1 декабря 1018 г. в саксонском городе Мерзебург умер епископ и уникальный хронист Титмар, который открыл перед многими поколениями историков бесценные факты истории Центральной и Восточной Европы начала XI в.

Библиография

Источники:

- Адемар Шабаннский.* Хроника. Перевод А. В. Банникова, А. Н. Слезкина, Г. А. Шмидта. СПб.–М., 2015.
- Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и Славянах. Статьи и разыскания А. Куника и барона В. Розена // Записки Императорской Академии наук. Т. 32. СПб., 1879.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. С предисловием и под редакцией А. Н. Насонова. М.–Л., 1950.
- Патерик Киево-Печерского монастыря. Под ред. Д. И. Абрамовича. СПб., 1911.
- ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская и Суздальская летопись по Академическому списку. Изд. второе. Вып.1-3. Л., 1926–1928.
- ПСРЛ. Т. 2: Густынская летопись. Изд. 1. СПб., 1843.
- ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
- ПСРЛ. Т. 3: Новгородская летопись по синодальному харатейному списку. Санкт-Петербург, 1888.
- ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып.1. СПб., 1915.
- ПСРЛ. Т. 5: Софийская первая летопись. Изд. второе. СПб., 1925.
- ПСРЛ. Т. 7: Воскресенская летопись. СПб., 1856.
- ПСРЛ. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1853.
- ПСРЛ. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. М., 1982.
- Сага об Эймунде // *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978.
- Титмар Мерзебургский.* Хроника. В 8 книгах. 2-е изд., исправленное. Издание подготовил И. В. Дьяконов. М., 2009.
- Adami Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Ed. J. M. Lappenberg // Monumenta Germaniae Historica Scriptorum. Т. 7. Hannoverae, 1844.
- Ademari Historiarum libri III. Ed. G. Waitz // Monumenta Germaniae Historica Scriptorum. Т. 4. Hannoverae, 1841.
- Annales Quedlinburgenses // Monumenta Germaniae Historica Scriptorum. Т. 3. Hannoverae, 1839.
- Annalista Saxo.* Ed. D. G. Waitz // Monumenta Germaniae Historica Scriptorum. Т. 6. Hannoverae, 1844.
- Chronica monasterii Casinensis // Monumenta Germaniae Historica Scriptorum. Т. 34. Hannoverae, 1980.
- Galli Chronicon // Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe Polski. Т. 1. Ed. A. Bielowski. Lwów, 1864.

Kronika Thietmara. Tłumaczenie (z tekstu łacińskiego), wstęp i przypisy M. Z. Jedlicki. Kraków, 2014.

Magistri Vincentii Chronicon Polonorum // Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe. T. 2. Ed. A. Bielowski. Lwów, 1872.

Rocznik kapitulny krakowski // Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe. T. 2. Ed. A. Bielowski. Lwów, 1872.

Rocznik krótki // Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe. T. 2. Ed. A. Bielowski. Lwów, 1872.

Rocznik świętokrzyski dawny // Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe. T. 2. Ed. A. Bielowski. Lwów, 1872.

Thietmar von Merseburg. Chronik. Neu übertragen und erläutert von W. Trillmich. Berlin, 1962.

Литература:

Васильевский В. Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // Журнал Министерства народного просвещения. № 7. 1888.

Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе // Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1908.

Войтович Л. В. Княжа доба на Русі. Портрети еліти. Л., 2006.

Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской: По материалам граффити XI–XVII вв. К., 1976.

Головко А. Б. Политические отношения Руси и Польши в начале XI века // Вопросы истории СССР. Вып. 26. Харьков, 1981.

Головко А. Б. Земли Западной Руси и объединительная политика Киевского государства в X – первой трети XII вв. // Киев и западные земли Руси в IX–XIII вв. Минск, 1982.

Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. К., 1988.

Головко О. Б. Русько-польські відносини в радянській історіографії (1956–1980) // Проблеми слов'язознавства. Вип. 30. Львів, 1984.

Головко О. Б. Русь і руські князівства на сторінках польських нарративних джерел // Terra Cossacorum. Студії з давньої і нової історії України. Науковий збірник на пошану доктора історичних наук, професора Валерія Степанкова. К., 2007.

Головко О. Б. «Імперія ромеїв» в ідеологічних концепціях давньоруських мислителів // 'Ρωμαϊός: збірник статей к 60-літтю проф. С. Б. Сорочана / Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Т. 2. Харьков, 2013.

Грабский А. Ф. По поводу польско-византийских отношений в начале XI века // Византийский временник. Т. 14. М., 1958.

Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957.

Карпов А. Ю. Ярослав Мудрый. Изд. 3, исправленное. М., 2010.

Королюк В. Д. О последнем периоде правления Болеслава Храброго // Исторические записки. Т. 19. М., 1945.

Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964

Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.

Лебединцев П. Г. О святой Софии Киевской // Труды Третьего археологического съезда в Киеве в 1874 г. Т. 1. К., 1878.

Линниченко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст. Ч. 1: Русь и Польша до конца XII в. К., 1884.

Лихачев Д. С. Комментарии // Повесть временных лет. Ч. 2. М., 1950.

Луговий О. Найм скандинавських вояків у Київській Русі і Візантії в цифрах // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії // Наукові записки Рівненського державного гуманітарного університету. Вип. 16. Рівне, 2009.

Луговий О. М. «Дани» на Русі і в Візантії // Древности. 2014–2015 гг. Харьков, 2015.

Ляскоронський В. Титмарові повідомлення про руські справи на початку XI сторіччя. // Ювілейний збірник на пошану М. С. Грушевського. Кн. 1. К., 1928.

- Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945.
- Мельникова Е. А.* «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
- Мельникова Е. А.* Композиция и состав «Саги об Эймунде сыне Хринга» // Висы. Сборник статей в честь Татьяны Николаевны Джаксон. М., 2011.
- Молдован А. М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. К., 1984
- Нагірний В.* Проблеми історії галицько-волинських земель X–XIV ст. у висвітленні польської міжвоєнної історіографії міжвоєнного періоду (1919–1939) // Княжа доба. Вип.3. Л., 2010.
- Назаренко А. В.* События 1017 г. в немецкой хронике начала XI в. и в русской летописи // Древнейшие государства на территории СССР. 1980 г. М., 1981.
- Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты. Перевод. Комментарии. М., 1993.
- Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.
- Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Петрухин В. Я.* Крещение Руси: от язычества к христианству. М., 2006.
- Половинська В.* Епоха Ярослава Мудрого: дискусійні питання та спроба знайти відповіді у скандинавських джерелах // Сіверянський збірник. № 3. Чернігів, 2020.
- Поппэ А.* Русские митрополии Константинопольской патриархии. Ч. 1. // Византийский временник. Т. 28. М., 1968.
- Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1968.
- Ранчин А. М.* Святополк Окаянный: установление отцовства // Вестник университета Дмитрия Пожарского. № 1 (2). М., 2015.
- Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.
- Рапов О. М., Ткаченко Н. Г.* Русские известия Титмара Мерзебургского // Вестник Московского университета. Серия история. № 3. 1980.
- Рыбаков Б. А.* «Остромирова летопись» // Вопросы истории. № 10. 1956.
- Рыдзевская Е. А.* Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. № 7. М.–Л., 1940.
- Савич А. А.* Борьба русского народа с польскими захватчиками в XI веке // Ученые записки Московского городского педагогического института. Т. 2. Вып. 1. 1941.
- Свердлов М. Б.* Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X – начала XI вв. // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972.
- Свердлов М. Б.* Известия о Руси в Хронике Титмара Мерзебургского // Древнейшие государства на территории СССР. 1975. М., 1976.
- Свердлов М. Б.* Ярослав Мудрый – «единовластец» и «самовластец» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4. М., 2020
- Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983.
- Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М., 1975.
- Толочко П. П.* Киев и Киевская земля в период феодальной раздробленности XII–XIII вв. К., 1970.
- Толочко П. П.* Древний Киев. К., 1983.
- Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси: 750–1200. СПб., 2004.
- Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908.
- Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII в. М., 1989.
- Яжджевский К.* Элементы древнерусской культуры в центральной Польше // Древняя Русь и Польша. М., 1978.
- Benyskiewicz K.* Czy Bolesław Chrobry dwukrotnie wyprawiał się przeciwko Jarosławowi Mądrymu? Interpretacja 65 rozdziału siódmej księgi Kroniki Thietmara // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Історичні науки. Т. 28. 2018.

Benyskiewicz K. Wyprawa Bolesława Chrobrego i Światopełka na Kijów w ruskiej tradycji historiograficznej (XIV–XVI wiek) // *Klio. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powstającym. T. 48 (1).* 2019.

Benyskiewicz K. Piastowie i Rurykowice. Polsko-ruskie stosunki polityczne od X do połowy XII wieku. Zielona Góra, 2020.

Borawska D. Kryzys monarchii wczesnopiastowskiej w latach trzydziestych XI w. Warszawa, 1964.

Darrouzes J. Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.

Grabski A. Bolesław Chrobry. Warszawa, 1964.

Jakimowicz R. Szlak wyprawy kijowskiej Bolesława Chrobrego w świetle archeologii // *Rocznik Wołyński. T. 3.* Równe, 1934.

Karłowicz J. Wyprawa kijowska Bolesława Wielkiego. Poznań, 1872.

Kollinger K. Polityka wschodnia Bolesława Chrobrego (992–1025). Wrocław, 2014.

Kuczyński S. K. O polskim mieczu koronacyjnym // *Przegląd historyczny. No. 4.* 1961.

Kuczyński S. M. O wyprawie Włodzimierza I ku Lachom na podstawie wzmianki z 981 r. w *Opowieści lat doczesnych* // *Kuczyński S. M. Studia z dziejów Europy wschodniej X–XVII w.* Warszawa, 1965.

Mika M. «...в пустыню между Лахы и Чехы...», czyli gdzie zmarł wielki książę kijowski Światopełk Włodzimierzowicz? // *Colloquia Russica. Series I. Vol. 9. Rus' and Poland (X–XIV centuries).* Kraków, 2019.

Musin A. Polska Piastów i Ruś Rurykowiczów: nieuniknioność niemożliwych porównań (niektóre uwagi do badań komparatystycznych nad średniowieczną Europą Środkowo-Wschodnią) // *Rus' and Poland (X–XIV centuries). Colloquia Russica. Series I. Vol. 9.* Kraków, 2019.

Poppe A. Państwo i kościół na Rusi. Warszawa, 1968.

Urbańczyk P. Bolesław Chrobry – lew rycący. Toruń, 2017.

Zakrzewski S. Bolesław Chrobry-Wielki. Lwów–Warszawa–Kraków, 1925.

Сведения об авторе

Головко Александр Борисович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института украинской археологии и источниковедения Национальной академии наук Украины, г. Киев (Украина). Область научных интересов: Киевская Русь, русско-польские отношения, Древний Галич.

E-mail: alexholovko@ukr.net

A. B. Golovko

THE PARTICIPATION OF THE POLISH PRINCE BOLESŁAV I “THE BRAVE” IN THE INTERNECINE WAR IN RUSSIA (SUMMER – AUTUMN 1018)

Annotation: The article deals with the culminating event of the internecine war of 1015–1019 in Russia – the campaign of the Polish Prince Boleslav I “The Brave” and his son-in-law the Russian Prince Svyatopolk to Kiev in July – August 1018. This campaign, in addition to the ruling elite of Russia and Poland, was the focus of attention of the ruling courts of the German and Byzantine Empire, the Kingdom of Hungary, the Scandinavian countries, the leaders of the Pecheneg hordes. The article analyzes the sources, highlights important controversial aspects of Eastern European life at that time. The purpose of the Polish prince's military campaign was the desire to plant a ruler in Kiev who would be close to Poland – Svyatopolk. The author concludes that there are contradictions between Boleslav and Svyatopolk, which affected the circumstances of the stay of a foreign army in Russia. The Polish prince, having captured large booty and prisoners, annexed the territory of the “Chervensky Grads” to his possessions, after which he returned home. The stay of foreigners in Kiev caused the residents of the capital to speak out against them, which Svyatopolk joined.

Keywords: Poland, Rus, Saxons, Hungarians, Pechenegs, Kiev, internecine war, international relations.

References

Sources:

- Ademar Shabannskiy*. Khronika [Chronicle]. St. Petersburg–Moscow, 2015. (In Russian).
- Izvestiya al-Bekri i drugikh avtorov o Rusi i Slavyanakh. Stat'i i razyskaniya A. Kunika i barona V. Rozena [News of al-Bekri and other authors about Russia and the Slavs. Articles and research by A. Kunik and Baron V. Rosen] // Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 32. St. Petersburg, 1879. (In Russian).
- Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvoda [Novgorod first chronicle of senior and junior edition]. Moscow–Leningrad, 1950. (In Russian).
- Paterik Kievo-Pecherskogo monastyrya [Paterikon of the Kiev-Pechersk Monastery]. St. Petersburg, 1911. (In Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 1: Lavrent'evskaya i Suzdal'skaya letopis' po Akademicheskomu spisku. Iss. 1-3. Leningrad, 1926–1928. (In Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 2: Gustynskaya letopis'. St. Petersburg, 1843. (In Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 2: Ipat'evskaya letopis'. St. Petersburg, 1908. (In Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 3: Novgorodskaya letopis' po sinodal'nomu kharateinomu spisku. St. Peterburg, 1888. (In Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 4. Part. 1: Novgorodskaya chetvertaya letopis. Iss. 1. St. Petersburg, 1915. (In Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 5: Sofiiskaya pervaya letopis'. St. Petersburg, 1925. (In Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 7: Voskresenskaya letopis'. St. Petersburg, 1856. (In Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 15: Letopisnyi sbornik, imenuemyi Tverskoyu letopis'yu. St. Petersburg, 1853. (In Russian).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 37: Ustyuzhskie i vologodskie letopisi XVI–XVIII vv. Moscow, 1982. (In Russian).
- Saga ob Eimunde [Saga about Eimund] // Rydzevskaya E. A. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya IX–XIV vv. Moscow, 1978. (In Russian).
- Titmar Merzeburgskii*. Khronika [Chronicle]. In 8 books. Moscow, 2009. (In Russian).
- Adami Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum [Adam's Recording Hammaburgens is the church of the popes]. Ed. J. M. Lappenberg. // Monumenta Germaniae Historica Scriptorum. Vol. 7. Hannoverae, 1844. (In German).
- Ademari Historiarum libri III [Ademari Stories book III]. Ed. G. Waitz. // Monumenta Germaniae Historica Scriptorum. Vol. 4. Hannoverae, 1841. (In German).
- Annales Quedlinburgenses [The History of Quedlinburgenses] // Monumenta Germaniae Historica Scriptorum. Vol. 3. Hannoverae, 1839. (In German).
- Annalista Saxo*. Ed. D. G. Waitz [The History of Sax] // Monumenta Germaniae Historica Scriptorum. Vol. 6. Hannoverae, 1844. (In Latin).
- Chronica monasterii Casinensis [Chronica of the Casinensis monastery] // Monumenta Germaniae Historica Scriptorum. Vol. 34. Hannoverae, 1980. (In German).
- Galli Chronicon [The French Chronicle] // Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe Polski. Vol. 1. Ed. A. Bielowski. Lwów, 1864. (In Latin).
- Kronika Thietmara [Chronicle of Thietmar] // Tłumaczenie (z tekstu łacińskiego), wstęp i przypisy M. Z. Jedlicki. Kraków, 2014. (In Polish).
- Magistri Vincentii Chronicon Polonorum [Master Vincent's Chronicle] // Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe. Vol. 2. Ed. A. Bielowski. Lwów, 1872. (In Polish).

Rocznik kapitulny krakowski [Krakow chapter yearbook] // Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe. Vol. 2. Ed. A. Bielowski. Lwów, 1872. (In Polish).

Rocznik krótki [The yearbook is short] // Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe. Vol. 2. Ed. A. Bielowski. Lwów, 1872. (In Polish)

Rocznik świętokrzyski dawny [Old yearbook of the Świętokrzyskie region] // Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe. Vol. 2. Ed. A. Bielowski. Lwów, 1872. (In Polish).

Thietmar von Merseburg. Chronik [Thietmar von Merseburg. Chronik] // Neu übertragen und erläutert von W. Trillmich. Berlin, 1962. (In German).

Researches:

Vasil'evskii V. G. Drevnyaya trgovlya Kieva s Regensburgom [Ancient trade between Kiev and Regensburg] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. No. 7. 1888. (In Russian).

Vasil'evskii V. G. Varyago-russkaya i varyago-angliiskaya družhina v Konstantinopole [Varyag-Russian and Varangian-English squads in Constantinople] // Vasil'evskii V. G. Trudy. St. Petersburg, 1908. (In Russian).

Voitovich L. V. Knyazha doba na Rusi. Portreti eliti [Princely time in Russia. Portraits of Elita]. Lviv, 2006. (In Ukrainian).

Vysotskii S. A. Srednevekove nadvpisi Sofii Kievskoi: Po materialam graffiti XI–XVII vv. [Medieval inscriptions of St. Sophia of Kiev: Based on graffiti materials from the XI–XVII centuries]. Kiev, 1976. (In Ukrainian).

Golovko A. B. Politicheskie otnosheniya Rusi i Pol'shi v nachale XI veka [Political relations between Russia and Poland at the beginning of the XI century] // Voprosy istorii SSSR. Iss. 26. Kharkiv, 1981. (In Ukrainian).

Golovko A. B. Zemli Zapadnoi Rusi i ob"edinitel'naya politika Kievskogo gosudarstva v X – pervoi treti XII vv. [The lands of Western Russia and the unifying policy of the Kiev state in the X – first third of the XII centuries] // Kiev i zapadnye zemli Rusi v IX–XIII vv. Minsk, 1982. (In Belarussian).

Golovko A. B. Drevnyaya Rus' i Pol'sha v politicheskikh vzaimootnosheniyakh X– pervoi treti XIII vv. [Ancient Russia and Poland in political relations of the X – first third of the XIII centuries]. Kiev, 1988. (In Ukrainian).

Golovko O. B. Rus'ko-pol's'ki vidnosini v radyans'kii istoriografii (1956–1980) [Russian-Polish relations in Soviet historiography (1956–1980)] // Problemi slov'yanoznavstva. Iss. 30. Lviv, 1984. (In Ukrainian).

Golovko O. B. Rus' i rus'ki knyazivstva na storinkah pol's'kih narativnih dzherel [Russia and Russian principalities in the pages of Polish narrative sources] // Terra Cossacorum. Studii z dav'n'oï i novoï istorii Ukraïni. Naukovii zbirnik na poshanu doktora istorichnih nauk, profesora Valeriya Stepankova. Kiev, 2007. (In Ukrainian).

Golovko O. B. “Imperiya romeïv” v ideologichnih kontseptsiyah dav'n'orus'kih misliteliv [“Roman Empire” in the ideological concepts of ancient Russian thinkers] // ‘Ρωμαϊος: sbornik statei k 60-letiyu prof. S. B. Sorochana. Vol. 2. Kharkiv, 2013. (In Ukrainian).

Grabskii A. F. Po povodu pol'sko-vizantiiskikh otnoshenii v nachale XI veka [Concerning the Polish-Byzantine relations at the beginning of the XI century] // Vizantiiskii vremennik. Vol. 14. Moscow, 1958. (In Russian).

Il'in N. N. Letopisnaya stat'ya 6523 goda i ee istochnik [Chronicle article of 6523 and its source]. Moscow, 1957. (In Russian).

Karpov A. Yu. Yaroslav Mudryi [Yaroslav the Wise]. Moscow, 2010. (In Russian).

Korolyuk V. D. O poslednem periode pravleniya Boleslava Khrabrogo [About the last period of the reign of Boleslav the Brave] // Istoricheskie zapiski. Vol. 19. Moscow, 1945. (In Russian).

Korolyuk V. D. Zapadnye slavyane i Kievskaya Rus' [Western Slavs and Kievan Rus]. Moscow, 1964 (In Russian).

Kuz'min A. G. Nachal'nye etapy drevnerusskogo letopisaniya [The initial stages of the Old Russian annals]. Moscow, 1977. (In Russian).

Lebedintsev P. G. O svyatoi Sofii Kievskoi [The initial stages of the Old Russian annals] // Trudy Tret'ego arkheologicheskogo s"ezda v Kieve v 1874 g. Vol. 1. Kiev, 1878. (In Ukrainian).

Linnichenko I. A. Vzaимnye otnosheniya Rusi i Pol'shi do poloviny XIV st. [Relations between Rus and Poland before the half of XIV century] // Part. 1: Rus' i Pol'sha do kontsa XII v. Kiev, 1884. (In Ukrainian).

Likhachev D. S. Kommentarii [Comments] // Povest' vremennykh let. Part. 2. Moscow, 1950 (In Russian).

Lugovii O. Naim skandinavskikh voyakov u Kii'vs'kii Rusi i Vizantiï v tsifrah [Hiring Scandinavian soldiers in Kievan Rus and Vizantia in figures] // Aktual'ni problemi vitchiznyanoi ta vsesvitn'oï istorii. Naukovi zapiski Rivnenskogo derzhavnogo humanitarnogo universitetu. Iss. 16. Rivne, 2009. (In Ukrainian).

Lugovii O. M. “Dani” na Rusi i v Vizantiï [“Tribute” in Russia and Byzantium] // Drevnosti. 2014–2015 gg. Kharkiv, 2015. (In Ukrainian).

Lyaskorons'kii V. Titmarovi povidomlennya pro rus'ki spravi na pochatku XI storichchya [Titmar's information about Russian affairs in the early XI century] // Yuvileinii zbirnik na poshanu M. S. Grushevs'kogo. Book. 1. Kiev, 1928. (In Ukrainian)

Mavrodin V. V. Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Old Russian state]. Leningrad, 1945. (In Russian).

Mel'nikova E. A. “Saga ob Eimunde” o sluzhbe skandinavov v družhine Yaroslava Mudrogo [“The Saga of Eimund” about the service of the Scandinavians in the squad of Yaroslav the Wise] // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Moscow, 1978. (In Russian).

Mel'nikova E. A. Kompozitsiya i sostav “Sagi ob Eimunde syne Khringa” [Composition and structure of the “Saga of Eimund, son of Hring”] // Visy. Sbornik statei v chest' Tat'yany Nikolaevny Dzhakson. Moscow, 2011. (In Russian).

Moldovan A. M. “Slovo o zakone i blagodati” Ilariona [“The Word of Law and Grace” by Hilarion]. Kiev, 1984. (In Ukrainian).

Nagirnii V. Problemi istorii galits'ko-volins'kih zemel' X–XIV st. u visvitlenni pol's'koï mizhvoennoï istoriografii mizhvoennogo periodu (1919–1939) [Problems of the history of Galicia-Volyn lands X–XIV centuries in the coverage of Polish interwar historiography of the interwar period (1919–1939)]. Knyazha doba [Princely period]. Iss. 3. Lviv, 2010. (In Ukrainian)

Nazarenko A. V. Sobytiya 1017 g. v nemetskoï khronike nachala XI v. i v russkoï letopisi [The events of 1017 in the German chronicle of the beginning of the XI century and in the Russian chronicle]. Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. 1980 g. [The most ancient states on the territory of the USSR. 1980]. Moscow, 1981. (In Russian).

Nazarenko A. V. Nemetskie latinoyazychnye istochniki IX–XI vekov. Teksty. Perevod. Kommentarii [German Latin-language sources of the IX–XI centuries. Texts. Translation. Comments]. Moscow, 1993. (In Russian).

Nazarenko A. V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh. Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazei IX–XII vv. [Ancient Russia on international routes. Interdisciplinary sketches of cultural, trade, political ties of the IX–XII centuries]. Moscow, 2001. (In Russian).

Pashuto V. T. Vneshnyaya politika Drevnei Rusi [Foreign policy of Ancient Russia]. Moscow, 1968. (In Russian).

Petrukhin V. Ya. Kreshchenie Rusi: ot yazychestva k khristianstvu [Baptism of Rus: from paganism to Christianity]. Moscow, 2006. (In Russian)

Polovins'ka V. Epokha Yaroslava Mudrogo: diskusiini pitannya ta sproba znaiti vidpovidi u skandinavskikh dzherelah [The Age of Yaroslav the Wise: debatable questions and an attempt to find answers in Scandinavian sources] // Siveryans'kii zbirnik. No. 3. Chernigiv, 2020. (In Ukrainian).

Poppe A. Russkie mitropolii Konstantinopol'skoi patriarkhii. Ch. 1. [Russian Metropolises of the Constantinople Patriarchate Part. 1] // Vizantiiskii vremennik. Vol. 28. Moscow, 1968. (In Russian).

Potin V. M. Drevnyaya Rus' i evropeiskie gosudarstva v X–XIII vv. [Ancient Russia and European states in the X–XIII centuries]. Leningrad, 1968. (In Russian).

Ranchin A. M. Svyatopolk Okayanni: ustanovlenie ottsovstva [Svyatopolk the Cursed: establishing paternity] // Vestnik universiteta Dmitriya. No. 1 (2). Moscow, 2015. (In Russian).

Rapov O. M. Knyazheskie vladeniya na Rusi v X – pervoi polovine XIII v. [Princely possessions in Russia in the X – first half of the XIII century]. Moscow, 1977. (In Russian).

Rapov O. M., Tkachenko N. G. Russkie izvestiya Titmara Merzeburgskogo [Russian news of Titmar of Merseburg] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya istoriya. No. 3. 1980. (In Russian).

Rybakov B. A. “Ostromirova letopis” [“The Ostromir Chronicle”] // Voprosy istorii. No. 10. 1956. (In Russian).

Rydzevskaya E. A. Yaroslav Mudryi v drevnesevernoi literature [Yaroslav the Wise in Old Northern Literature] // Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovnyakh Instituta istorii material'noi kul'tury. No. 7. Moscow-Leningrad, 1940. (In Russian).

Savich A. A. Bor'ba russkogo naroda s pol'skimi zakhvatchikami v XI veke [The struggle of the Russian people against the Polish invaders in the XI century] // Uchenye zapiski Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo instituta. Vol. 2. Iss. 1. 1941. (In Russian).

Sverdlov M. B. Izvestiya nemetskikh istochnikov o rusko-pol'skikh otnosheniyakh kontsa X – nachala XI vv. [Proceedings of German sources on Russian-Polish relations of the late X – early XI centuries] // Issledovaniya po istorii slavyanskikh i balkanskikh narodov. Moscow, 1972. (In Russian).

Sverdlov M. B. Izvestiya o Rusi v Khronike Titmara Merzeburgskogo [Research on the history of the Slavic and Balkan peoples] // Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. 1975. Moscow, 1976. (In Russian).

Sverdlov M. B. Yaroslav Mudryi – “edinovlastets” i “samovlastets” [Yaroslav the Wise – “one-ruler” and “autocratic”] // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. No. 4. Moscow, 2020 (In Russian).

Sotnikova M. P., Spasskii I. G. Tysyacheletie drevneishikh monet Rossii. Svodnyi katalog russkikh monet X–XI vekov [Millennium of the most ancient coins of Russia. Consolidated catalog of Russian coins of the X–XI centuries]. Leningrad, 1983. (In Russian).

Tihomirov M. N. Drevnyaya Rus' [Ancient Russia]. Moscow, 1975. (In Russian).

Tolochko P. P. Kiev i Kievskaya zemlya v period feodal'noi razdroblennosti XII–XIII vv. [Kiev and the Kiev land in the period of feudal fragmentation of the XII–XIII centuries]. Kiev, 1970. (In Russian).

Tolochko P. P. Drevnii Kiev [Antion Kiev]. Kiev, 1983. (In Russian).

Franklin S., Shepard D. Nachalo Rusi: 750–1200 [Ancient Kiev]. St. Petersburg, 2004. (In Russian).

Shakhmatov A. A. Razyskaniya o drevneishikh letopisnykh svodakh [Researches on the most ancient Chronicles]. St. Petersburg, 1908. (In Russian).

Shchapov Ya. N. Gosudarstvo i tserkov' Drevnei Rusi X–XIII v [State and Church of Ancient Rus X–XIII centuries]. Moscow, 1989. (In Russian).

Yazhdzhevskii K. Elementy drevnerusskoi kul'tury v tsentral'noi Pol'she [Elements of ancient Russian culture in central Poland] // Drevnyaya Rus' i Pol'sha. Moscow, 1978. (In Russian).

Benyskiewicz K. Czy Bolesław Chrobry dwukrotnie wyprawił się przeciwko Jarosławowi Mądrymu? Interpretacja 65 rozdziału siódmej księgi Kroniki Thietmara [Did Bolesław the Brave fight twice against Jarosław the Wise? Interpretation of chapter 65 of the seventh book of the Chronicle of Thietmar] // Naukovi pratsi Kam'yanets'-Podil'skogo natsional'nogo universitetu imeni Ivana Ogiienka. Istorichni nauki. Vol. 28. 2018. (In Ukrainian).

Benyskiewicz K. Wyprawa Bolesława Chrobrego i Światopełka na Kijów w ruskiej tradycji historiograficznej (XIV–XVI wiek) [Expedition of Bolesław the Brave and Światopełek to Kiev in the Russian historiographic tradition (XIV–XVI centuries)] // Klio. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powzechnym. Vol. 48 (1). 2019. (In Polish).

Benyskiewicz K. Piastowie i Rurycowice. Polsko-ruskie stosunki polityczne od X do połowy XII wieku [Piastowie and Rurycowice. Polish-Russian political relations from the X to the mid-XII century]. Zielona Góra, 2020. (In Polish).

Borawska D. Kryzys monarchii wcześniepiastowskiej w latach trzydziestych XI w. [The crisis of the early Piast monarchy in the 1330s]. Warszawa, 1964. (In Polish).

Darrouzes J. Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae [Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae]. Paris, 1981. (In French).

Grabski A. Boleslaw Chrobry [Boleslaw the Brave]. Warszawa, 1964. (In Polish).

Jakimowicz R. Szlak wyprawy kijowskiej Bolesława Chrobrego w świetle archeologii [The trail of Boleslaw the Brave's expedition in Kiev in the light of archeology] // Rocznik Wołyński. Vol. 3. Równe, 1934. (In Polish).

Karłowicz J. Wyprawa kijowska Bolesława Wielkiego [The Kiev expedition of Boleslaw the Great]. Poznań, 1872. (In Polish).

Kollinger K. Polityka wschodnia Bolesława Chrobrego (992–1025) [Eastern policy of Boleslaw the Brave (992–1025)]. Wrocław, 2014. (In Polish).

Kuczyński S. K. O polskim mieczu koronacyjnym [About the Polish coronation sword] // Przegląd historyczny. No. 4. 1961. (In Polish).

Kuczyński S. M. O wyprawie Włodzimierza I ku Lachom na podstawie wzmianki z 981 r. w Opowieści lat doczesnych [About the expedition of Włodzimierz I to Lachom on the basis of a mention from 981 in Tales of the Temporal Years] // Kuczyński S. M. Studia z dziejów Europy wschodniej X–XVII w. Warszawa, 1965. (In Polish).

Mika M. “...v pust"inyu mezhyu LАh"1 i Chekh"1...”, czyli gdzie zmarł wielki książę kijowski Światopełk Włodzimierzowicz? [“...in the emptiness” between LАh"1 and Chekh"1 ...”, i. e. where did the Grand Duke of Kiev, Sviatopolk Włodzimierzowicz, die?] // Solloquia Russica. Series I. Vol. 9. Rus' and Poland (X–XIV centuries). Kraków, 2019. (In Polish).

Musin A. Polska Piastów i Ruś Rurykowiczów: nieuniknioność niemożliwych porównań (niektóre uwagi do badań komparatystycznych nad średniowieczną Europą Środkowo-Wschodnią) [Poland of the Piasts and Ruthenian Ruthenia: the inevitability of impossible comparisons (some remarks on comparative studies on medieval Central and Eastern Europe)] // Rus' and Poland (X–XIV centuries). Solloquia Russica. Series I. Vol. 9. Kraków, 2019. (In Polish).

Poppe A. Państwo i kościół na Rusi [Power and Church in Russia]. Warszawa, 1968. (In Polish).

Urbańczyk P. Bolesław Chrobry – lew ryczący [Boleslaw the Brave – a roaring lion]. Toruń, 2017. (In Polish).

Zakrzewski S. Bolesław Chrobry-Wielki [Boleslav the Brave the Great]. Lwów-Warszawa-Kraków, 1925. (In Polish).

About the author

Golovko Alexander B., Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev (Ukraine). Research interests: Kievan Rus, Russian-Polish relations, Ancient Galich.

E-mail: alexholovko@ukr.net

ВЛАДИМИР МОНОМАХ И УБИЙСТВО ПОЛОВЕЦКИХ ХАНОВ В ПЕРЕЯСЛАВЛЕ

Аннотация: В статье анализируется содержащийся в Повести временных лет под 1095 г. рассказ об убийстве пришедших к Владимиру Мономаху в Переяславль половецких ханов Итларя и Кытана, репрезентация данного события в позднем летописании и трудах историков. Подмечаются различия в трактовках данного рассказа, что объясняется как его противоречивостью, так и концептуальными построениями историков, в контексте которых рассматривался этот эпизод истории русско-половецких отношений.

Ключевые слова: Владимир Мономах, половцы, Переяславль, Итларь и Кытан, летописание, историография.

Для научного творчества М. Б. Свердловя всегда было характерно самое внимательное отношение к источникам и историографическому наследию, их тщательный анализ. Его труды по истории Древней Руси и исторических идей с неизменным учетом воздействия на них общественно-политической жизни, философских и политических теорий стали заметной вехой в отечественной исторической науке последней четверти XX – начала XXI в. Сохраняя свою научную ценность, они могут служить примером классического научного исследования в лучших традициях Санкт-Петербургской исторической школы.

Данная статья посвящена анализу известного из летописи одного эпизода в непростых отношениях Руси со Степью – убийству пришедших в 1095 г. к Владимиру Мономаху в Переяславль «на мир» двух половецких ханов с их свитой и репрезентации данного события в трудах историков.

Лаврентьевская летопись сообщает о разыгравшихся в 1095 г. в стольном граде Мономаха событиях следующее: «Придоша Половци Итларь и Кытань к Володимеру на мирь. Приде Итларь в градъ Переяславль, а Кытань ста mezi валомъ с вои. И вда Володимеръ Кытанови сына своего Святослава въ тали (в заложники – А. И.), а Итларь быс въ градъ с лепшею друженою». В это же время «на некое орудие» из Киева от Святополка пришел Славята, после чего «начаша думати дружина Ратибора со князем Володимером о погубленьи Итларевы чади»¹. Владимир сперва не соглашался, отказываясь нарушить данную им клятву («роту»), но дружина убедила его: «княже нету ти в томъ греха, да они всегда к тебе ходяче роте губять землю Русьскую, и кровь хрестианску проливають бесперестани»². Ипатьевская летопись к этим аргументам дружины добавляет, что половцы оказались в руках Мономаха по воле Самого Бога («...привель ти е Бог в руце твои»³). В итоге Владимир послушал их и в ту же ночь послал Славяту с небольшой дружиной к валам. Они сначала выкрали Святослава, а потом убили Кытана и перебили его дружину.

Итларь со своей дружиной в это время находился на дворе у Ратибора, «на синици», как уточняет Ипатьевская летопись, и не знал, что произошло с Кытаном. На следующий день рано утром Ратибор

¹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. I: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1962. Стб. 228. В Ипатьевской летописи: «...начаша думати дружина, Ратиборова чадь, съ князем Володимером...». См.: ПСРЛ. Т. II: Ипатьевская летопись. М., 1962. Стб. 217.

² ПСРЛ. Т. I. Стб. 228.

³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 217.

вооружил отроков и приказал им истопить избу, а Владимир прислал своего отрока Бяндюка к Итларю сказать, чтобы он и его люди, обувшись в теплой избе и позавтракав у Ратибора, пришли к нему. Итляр согласился. Но как только половцы вошли в избу, за ними заперли дверь. Затем, забравшись на избу, разобрали кровлю, и сын Ратибора Ольбег перестрелял из лука Итляря и всю его дружину. «И тако зле испроверже животь свой Итляр», – заключал свой рассказ летописец. Произошло это 24 февраля, «в неделю сыропусную, въ первый час дни»⁴. Как полагал А. А. Шахматов, эта летописная статья 6603 (1095) г., описывающая «с большими подробностями убиение Итляря и его дружины в Переяславле», является вставкой в первоначальный текст «Повести временных лет» выдубицкого игумена Сильвестра, на которого Владимиром Мономахом была возложена переработка первоначального текста летописи⁵. Впрочем, не все авторы считают Сильвестра исполнителем заказа Владимира Мономаха. В нем все чаще видят не редактора летописи, а ее автора⁶. Но и в этом случае расположение летописца к Владимиру Мономаху как своему покровителю и возможному заказчику под сомнение никем из исследователей не ставится. Владимир для него не просто еще один князь в галерее прочих князей – ему в летописи отведена особая роль, и летописец стремился к тому, чтобы это было замечено читателем⁷.

⁴ПСРЛ. Т. I. Стб. 228; Т. II. Стб. 219.

⁵См.: Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I, кн. 2: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2. Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003. С. 545; Орлов А. С. Владимир Мономах. М.- Л., 1946. С. 41.

⁶Толочко А. П. 1) Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // *Ruthenica*. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. Том VII. Київ, 2008. С. 154-165; 2) Очерки начальной руси. Киев-СПб., 2015. С. 20-34; Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. С. 141-143; Аристов В. Ю. Алексей Шахматов и раннее летописание. Метод, схема, традиция. Киев, 2018. С. 169-232.

⁷Ищенко А. С. Владимир Мономах глазами современников и потомков: формирование и эволюция мифологического образа // Вестник Нижегородского

Будучи, несомненно, написан с сочувствующих Владимиру Мономаху позиций, рассматриваемый рассказ тем не менее, с точки зрения кодекса воинской чести, образ прославленного князя совершенно не украшает. Убийство половцев было в высшей степени вероломным, и Владимировы дружинники оправдывали себя лишь тем, что и степняки поступают подобным же образом. Однако, с другой стороны, немаловажным является тот факт, что князь и его дружина, как о том свидетельствует Ипатьевская летопись, решают вопрос о допустимости своих действий с точки зрения их богоугодности. Этими же соображениями руководствовался Владимир Мономах, предавая казни доставшегося ему в плен в результате похода 1103 г. половецкого хана Белдюза, ложно клявшегося не враждовать с Русью, а после пленения предлагавшего за себя выкуп. Обращаясь к Белдюзю, Мономах, в передаче его слов летописцем, говорит о нарушении им клятвы и о зле, постоянно причиняемом им Руси, и поэтому «да се буди кровь твоя на главе твоей»⁸. Судя по всему, ненависть к врагам Руси занимала в системе ценностей книжников по крайней мере такое же место, что и верность данной присяге.

Примечательно и то, что в своем «Поучении» Владимир Мономах сообщает об убийстве в Переяславле половецких ханов достаточно нейтрально, упоминая его в числе других своих трудов и подвигов: «И паки Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхом, шедше за Голтавомь»⁹. Однако здесь, и это тоже показательно, Мономах ничего не говорит об обстоятельствах избиения «Итларевой чади», случившегося не во время похода на половцев, как мог подумать неосведомленный читатель, а в его стольном граде во время мирных переговоров, совершенного к тому же в нарушение данной половцам «роты».

Наглядное воплощение сюжет об убийстве половецких ханов получил в лицевой Радзивилловской летописи, рукопись

университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 23-24.

⁸ПСРЛ. Т. I. Стб. 239; Т. II. Стб. 255.

⁹ПСРЛ. Т. I. Стб. 249.

которой датируется концом XV в., но, по согласному заключению многих исследователей, представляет собой копию иллюминированной летописи XIII в.¹⁰ Всего данному сюжету посвящено четыре миниатюры, за исключением последней, изображающей одно событие, временная последовательность миниатюр охватывает несколько событий, «читающихся» слева направо, то есть более раннее событие изображено слева, более позднее – справа¹¹. Так, показана выдача Владимиром Мономахом своего сына Святослава в заложники половецкому хану Кытану, пребывание половецкой дружины во главе с Итларем в Переяславле (л. 130); приход из Киева в Переяславль боярина Славяты, совет Владимира с дружиной об истреблении Итларевой дружины (л. 130 об.); отправка Владимиром Мономахом отрока Бяндюка за Итларем с дружиной, беседа Бяндюка с Итларем (л. 131) и убийство половцев (л. 131). Весь этот цикл выдержан в единой манере. Содержание рисунков соответствует иллюстрируемому тексту и какой-либо избыточной информации не содержит. Как и ряд других миниатюр, особенно начиная с 1094 г., рисунки на тему убийства в Переяславле половецких ханов отражают, говоря словами Б. А. Рыбакова, «промономаховское направление в летописании»¹².

Рассказ об убийстве Итлара и Кытана в таких памятниках общерусского

летописания, как Московский летописный свод конца XV в. и Воскресенская летопись, соответствует известиям Ипатьевской летописи, а рассказ Никоновской летописи – рассказу летописи Лаврентьевской. Каких либо оригинальных сведений в части рассматриваемых событий эти летописные памятники не содержат¹³. В ряде же других поздних летописей встречается более краткий рассказ. Например, Ермолинская летопись конца XV в. сообщает: «Придоша Половци к Володимеру на мирь, Итларь и Китань, и побиша ихъ Владимирь и дружину ихъ»¹⁴. Тем самым о нежелании Владимира изменнически убивать половецких ханов и облегчении этого проступка сторонним воздействием – позицией дружины здесь ничего не сказано.

В. Н. Татищев, первым попытавшийся научно – в рамках своего времени – осветить всю древнюю историю России, во многом следовал летописной традиции. Описывая расправу над пришедшими к Владимиру Мономаху половцами, он отмечал, что те пришли «для требования даров от Владимира, чтоб его пределы не воевать». Прибывший в это же время из Киева Славята, согласно интерпретации Татищева, «склонил Ратибора советовать Владимиру, чтоб Итлара с товарищи, а если можно и Китана, побить. И, пришед, стал Славата Владимиру о том представлять. Но Владимир им отрекся, что он не может противу закона Божия и своя чести роту нарушить». Его стали убеждать, что таким клятвопреступникам как половцы преступить клятву, греха нет: «Да сие же тебя не касается, что мы учиним, если токмо нам не возпретишь». И далее, как

¹⁰Шахматов А. А. Происхождение, состав и научное значение Радзивилловской летописи // Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись. Вып. 2. СПб., 1902. С. 103; Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 5, 13, 18; Рыбаков Б. А. Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X–XII вв. // Рыбаков Б. А. Из истории культуры древней Руси. Исследования и заметки. М., 1984. С. 188–189.

¹¹Радзивилловская летопись. Факсимильное воспроизведение рукописи. СПб.; М., 1994. Л. 130–131.

¹²Рыбаков Б. А. Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X–XII вв. С. 214. Подробнее об изображении Владимира Мономаха в Радзивилловской летописи см.: Ищенко А. С. Миниатюры Радзивилловской летописи как источник биографии Владимира Мономаха // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 3. 2011. С. 56–60.

¹³См.: ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л., 1949. С. 15, 388; ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1862. С. 123–124; ПСРЛ. Т. VII. Летопись по воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 8.

¹⁴ПСРЛ. Т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910. С. 25. Аналогичные сведения содержат также «Летописный сборник, именуемый Тверской летописью» и Львовская летопись. См.: ПСРЛ. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863. С. 183; ПСРЛ. Т. XX. Первая половина. Львовская летопись. Часть первая. СПб., 1910. С. 97.

свидетельствовал В. Н. Татищев, князь дал согласие на убийство половцев, но оговорил его своим неучастием: «Вы учините, как хотите, но я не хочу ни для чего, дав единою роту, преступить и век того сожалеть»¹⁵.

М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин рассматривали разыгравшиеся в 1095 г. в Переяславле события прежде всего с морально-нравственных позиций. Щербатов оценивал их как «нарушение народного права»¹⁶, однако находил ему оправдание в угрозе войны со стороны половцев в случае несогласия Владимира с их требованиями. Более подробно и акцентированно об убийстве в Переяславле половецких ханов писал Карамзин. Имея в виду бедствия половецких набегов, он отмечал, что «долговременные несчастья государственные остервенияют сердца и вредят самой нравственности людей». Возникновение идеи убийства Итларя и Кытана с их дружинами он приписывал «недостойным советникам», которые «предложили князю воспользоваться оплошностью ненавистных врагов, нарушить священный мир и не менее священные законы гостеприимства – одним словом, злодейски умертвить всех Половцев». По словам Н. М. Карамзина, «Владимир колебался, но дружина успокоила его робкую совесть, доказывая, что сии варвары тысячу раз сами преступали клятву...». В итоге половцы были перебиты, пали, как подчеркивал Карамзин, «жертвою гнусного заговора, который лучшему из тогдашних Князей Российских (Владимиру Мономаху – А. И.) казался дозволенною хитростью!»¹⁷. В другом месте своей «Истории» Карамзин, приводя слова Цицерона: «век извиняет человека», всё же находит этот поступок Мономаха достойным снисхождения: «считая Половцев врагами Христианства и Неба (ибо они жгли церкви), Россияне думали, что

истреблять их, каким бы то образом ни было, есть богоугодное дело»¹⁸.

В трудах последующих историков убийство в Переяславле половецких ханов рассматривалось более концептуально. Н. И. Костомаров, например, упоминал о нем в контексте общей борьбы Владимира Мономаха со степью, как начало его решительных действий по обеспечению безопасности русской земли от половецких набегов. Вместе с тем он подчеркивал, что убийство Кытана и Итларя было «вероломным», совершенным «с нарушением данного слова и прав гостеприимства». В этом поступке, по его мнению, «проглядывают пороки времени, воспитания и среды», в которой жил Мономах¹⁹. В такой точке зрения на рассматриваемое событие заметно стремление историка уйти от его односторонней оценки.

Писавшим историю Переяславльской земли В. Г. Ляскоронскому и Северской земли П. В. Голубовскому этого сделать не удалось. Так, если первый из них акцентировал внимание исключительно на заботе Владимира Мономаха о благе Русской земли, ее защите от половецких набегов, в связи с чем и упоминал об истории с Итларем и Кытаном²⁰, то второй, напротив, имея ее в виду, давал Мономаху негативную оценку. Для него вся история конца XI – начала XII вв. – это борьба Олега Святославича и Владимира Мономаха, «выдающихся своими способностями, энергией и развитием»²¹. В противоположность устоявшейся точке зрения П. В. Голубовский идеализировал Олега Святославича и обвинял Владимира в лицемерии и коварстве. Когда в 1095 г. половцы явились к нему в Переяславль для заключения мира, то Мономах, по словам П. Голубовского, «допустил перебить их и таким образом нарушил самое священное из

¹⁵Татищев В. Н. История Российская в семи томах. Том второй. М.-Л., 1963. С. 101-102.

¹⁶Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. II. От начала царствования Изяслава Ярославича до покорения России татарами. СПб., 1771. С. 45.

¹⁷Карамзин М. Н. История Государства Российского в 12-ти томах. Т. II–III. Под ред. А. Н. Сахарова. М., 1991. С. 69.

¹⁸Там же. С. 101.

¹⁹Костомаров Н. И. Князь Владимир Мономах // Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Книга I. Выпуски первый, второй и третий. М., 1990. С. 48, 70.

²⁰Ляскоронский В. Г. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897. С. 307-309.

²¹Голубовский П. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1881. С. 80.

прав, – право международное»²². Степные походы против половцев П. Голубовский считал совершенно бесплодными: они вызывали только «справедливое» раздражение со стороны половцев, которые в отместку разоряли пограничные места; «на долю же внутренних областей оставалась дорого купленная слава, приятно действовавшая на национальное самолюбие»²³. Вторил Голубовскому и М. Д. Приселков, подчеркивая «византийство» Мономаха, писавший в связи с убийством половецких послов о его «прямом вероломстве», «ужасной расправе», которую тот допустил, «нарушая клятву»²⁴.

Г. В. Вернадский объяснял рассматриваемое событие тем, что, в отличие от Святополка, заключившего в 1094 г. мир с половцами, Владимир «не вступал в это соглашение и, когда в 1095 г. половецкое посольство прибыло в Переяславль, он приказал всех убить». При этом Г. В. Вернадский пояснял, что князь поступил так «по настоянию своей дружины»²⁵. Близкого мнения придерживался и во многом разделявший его взгляды на отношение Руси и Степи Л. Н. Гумилев, писавший, что «предательское убийство обоих половецких ханов и их свиты» было организовано приехавшим из Киева боярином Славятой. «Владимир не хотел этого делать, но уступил нажиму посла великого князя Святополка и Ратиборовой дружины»²⁶.

Для советской историографии в целом была характерна положительная оценка деятельности Владимира Мономаха²⁷. Б. А. Романов, например, в связи с нашей темой подчеркивал, что Мономах не только не сам задумал «погубление» Итларевой чады, но и воспротивился этому. Однако дружина его

убедила, и он «послуша их». И далее Романов отмечал: «уступая справедливому общему требованию, да еще в вопросе о Русской земле, можно поступиться прямолинейной верностью политической клятве: в “Поучении” Мономаху не было нужды этого и разъяснять, до такой степени это всякому было понятно»²⁸. Другой видный советский историк И. У. Будовниц, посвятивший военной и дипломатической деятельности Мономаха обстоятельную статью, не утратившую своего научного значения и сегодня, особо подчеркивал, что «в представлении половцев “мир” означал вовсе не то, что мы вкладываем в это понятие. В XI–XII вв. “сотворить мир” с половцами означало откупиться от них, дать им “подарки”, т. е. в сущности, платить им дань. Но часто и “подарки” не помогали: задоблив одну орду, та или иная область подвергалась удару со стороны других орд и даже со стороны той орды, с которой “мир” уже был заключен»²⁹. Тем самым, как и Б. А. Романов, И. У. Будовниц, по существу, оправдывал убийство пришедших к Владимиру Мономаху в Переяславль половецких ханов.

Аналогичного мнения придерживались и многие другие советские историки³⁰. В их ряду выделяются лишь несколько замечаний Б. А. Рыбакова. Так, описывая события 1095 г., он, ничем не аргументируя, называл Бяндюка «переводчиком», которого «Владимир послал... передать Итларю приглашение к князю»³¹. Им, кроме того, было высказано предположение, что убийство в Переяславле Итларя и его дружины нашло отражение в былинах так называемого Второго Владимирового цикла – былине о бое Ильи Муромца с Идолицем Поганым в ее киевской версии. По

²²Там же. С. 94.

²³Там же.

²⁴Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 331.

²⁵Вернадский Г. В. Киевская Русь. М., 1999. С. 99.

²⁶Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989. С. 318. Ср.: Кривошеев Ю. В. Пути и труды Владимира Мономаха. СПб., 1993. С. 36.

²⁷См. об этом: Иценко А. С. Образ Владимира Мономаха в советской историографии // Вопросы истории. № 5. 2021. С. 254–266.

²⁸Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. Л., 1966. С. 139.

²⁹Будовниц И. У. Владимир Мономах и его военная доктрина // Исторические записки. № 22. 1947. С. 99.

³⁰См., напр.: Орлов А. С. Владимир Мономах. М.-Л., 1946. С. 24; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 454; Сахаров А. Н. Владимир Мономах // Каргалов В. В., Сахаров А. Н. Полководцы Древней Руси. М., 1985. С. 410–416.

³¹Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 110.

наблюдению Рыбакова, «Идолище Поганое – единственный эпический враг, погибающий не в чистом поле, не под стенами осажденного им города, а в самом городе, в светлом тереме князя Владимира»³². В слове «Идолище» историк усматривал искажение имени Итларя через форму «Итларище Поганый», вполне уместную, по его мнению, в эпической песне. «Идолище, как и “Итларище”, – пояснял Рыбаков, – зачастую предстает перед нами в качестве посла к Владимиру. Идолище, как и “Итларище”, приглашен к столу, но в начале пира он погибает, пораженный на расстоянии шелепугой (в былине), стрелой (в летописи)»³³. Учитывая исключительную сложность такого источника, как былины, в которых, как и в других произведениях фольклора, причудливым образом переплетались признаки разных исторических эпох, к подобным отождествлениям следует, однако, относиться весьма осторожно. В свете же соображения Рыбакова о том, что отрок Владимира Мономаха Бяндюк был переводчиком, интерес представляют наблюдения исследователей за этническим составом дружины Мономаха. Так, отмечая «иноземное происхождение какой-то части отроков», И. Я. Фроянов указывал, что «отрок Владимира Мономаха Бяндюк из половцев»³⁴. А. А. Горский писал, что «многие отроки-слуги могли происходить из военнопленных и быть несвободными людьми: об этом говорит обилие у них иноязычных имен... Для конца XI – XII вв. известно немало тюркских имен у дружинников», среди которых – отрок Владимира Мономаха Бяндюк³⁵. С. А. Плетнева также отмечала, что кочевнические воины из числа рядовых пленников на Руси превращались в княжеских слуг. При этом именно им поручались разного рода «грязные дела». Среди приводимых исследовательницей примеров встречается и

Бяндюк, пригласивший Итларя в баню, где его затем убили. «Все они, – заключала Плетнева, – относились, вероятно, к беднейшей части пленных воинов или даже захваченным вместе с вежами рядовым пастухам». Поэтому на Руси они «исполняли обязанности слуг низших категорий»³⁶.

Обращая внимание на участие в освобождении Святослава и разгроме дружины Китата торков – сородичей половцев, П. П. Толочко предполагал, что и Бяндюк «скорее всего, также происходил из торческого рода»³⁷. Специально «вероломное убийство половецких ханов Итларя и Кытана» было рассмотрено им в работе, посвященной дворцовым интригам на Руси. В ней он обращал внимание на то, что дать клятву и не сдержать ее было для половцев «обычным делом». Русская сторона платила им «той же монетой». Замысел убийства половецких послов П. П. Толочко вслед за Л. Н. Гумилевым вменяет киевскому князю Святополку, приславшему с этой целью в Переяславль своего посла Славяту. Владимир, выразивший изначально «решительное неприятие великокняжеского коварства», в итоге всё же «был сломлен Славятой, Ратибором и др. вельможами»³⁸. Историк полагает, что Мономах пошел на это потому, что у него был личный мотив мести половцам – поражение от них у Треполя в 1093 г., когда во время переправы бежавших русских дружин через Стугну утонул его брат Ростислав, а попытка Владимира спасти брата едва не закончилась его собственной гибелью³⁹.

Если большинство историков рассматривало убийство Итларя и Кытана в контексте взаимоотношений Руси и Степи, то Д. А. Боровков предложил его трактовку с точки зрения междукняжеских отношений. «Столь вероломный поступок», являвшийся, по его оценке, «рискованной и бессмысленной авантюрой», он склонен объяснять тем, что «Итларь был союзником Олега Святославича». Поэтому

³²Там же. С. 106.

³³Там же. С. 110.

³⁴Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 91.

³⁵Горский А. А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989. С. 53, 56.

³⁶Плетнева С. А. Половцы. М., 1990. С. 94.

³⁷Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003. С. 68.

³⁸Толочко П. П. Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003. С. 81.

³⁹Там же. С. 83.

«превентивный удар по Итларю, разработанный приближенным Владимира Мономаха Ратибором... и приближенным Святополка Изяславича Славятой, в этом случае мог быть ударом и по Олегу Святославичу, который, проигнорировав требование двоюродных братьев, ясно продемонстрировал свои стратегические приоритеты. Ответом на столь вызывающий поступок могло быть только объявление войны»⁴⁰. Мнение это, заметим, не лишено оснований. Поскольку, как известно из летописи, у Олега Святославича находился некий «Итларевич», которого после убийства Итларя и Кытана Владимир и Святополк предложили ему либо убить, либо выдать им на расправу⁴¹. Отказ Олега сделать это и выступить в совместный поход против половцев явился одной из причин начавшейся вскоре между ними междоусобной войны.

Перспективным представляется и рассмотрение убийства половецких ханов с точки зрения представлений эпохи, на что обращали внимание В. В. Мильков, В. М. Рычка и В. В. Пузанов. Согласно наблюдениям В. В. Милькова, в рассказе об убийстве половецких ханов выражено, прежде всего, отношение к этому событию самого князя, не считавшего убийство язычников и неверных, а тем более врагов, грехом⁴². В. М. Рычка же, обращая внимание на то, что в своей политической практике Владимир «не всегда мог устоять перед искушением нарушить клятву», в его оправдание замечал: «в данном случае он нарушил соглашение, не скрепленное крестоцелованием. Во внешнеполитической сфере эта процедура практиковалась исключительно между единоверными правителями. Скрепление соглашений древнерусскими князьями с половецкими ханами в летописных текстах неизменно передается словосочетанием “водити

роте”»⁴³. «Рота» же для христиан, тем более в отношении «неверных», не существует, что, по мнению В. В. Пузанова, должно было успокаивать потревоженную совесть Мономаха. Более того, ижевский историк писал о рассматриваемом событии как одном из особо знаковых, которое должно было укрепить Владимира Мономаха в вере и его собственной богоизбранности. Согласно Пузанову, только христианская мораль, отрицающая языческую «роту», могла оправдать Владимира перед лицом своей совести. В этом отношении христианина к язычникам он и видел «секрет особого успеха Мономаха в борьбе с половцами». В отличие от других князей, в той или иной степени скованных «языческими условностями», он, по оценке Пузанова, «поступал в отношении врагов рода русского, христианского, как библейские герои в отношении врагов иудейского народа»⁴⁴.

Донесенный летописью рассказ об убийстве в Переяславле половецких ханов Итларя и Кытана, пришедших к Владимиру Мономаху для заключения мира, получил в историографии, таким образом, различную трактовку. Связано это, очевидно, как с противоречивостью самого летописного рассказа, дающего основания не только для осуждения князя, но и его оправдания, так и с концептуальными построениями историков, в контексте которых рассматривался данный эпизод истории русско-половецких отношений.

⁴⁰Боровков Д. Владимир Мономах, князь-мифотворец. М., 2015. С. 73-74.

⁴¹ПСРЛ. Т. I. Стб. 249.

⁴²Мильков В. В. Религиозные основания политических установок Владимира Мономаха и случаи отступления от них // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып. 8. / Под ред. д. и. н. П. И. Гайдено. СПб., 2017. С. 251-252.

⁴³Рычка В. М. Княжий двір Києва // Котляр М. Ф., Рычка В. М. Княжий двір Південної Русі X–XIII ст. Київ, 2008. С. 158.

⁴⁴Пузанов В. В. 1) Владимир Мономах и христианство // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2008. Вып. 24. М., 2008. С. 372; 2) От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб., 2017. С. 504-505.

Библиография

Источники:

Полное собрание русских летописей. Т. I: Лаврентьевская летопись. М., 1962.

Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1962.

Полное собрание русских летописей. Т. VII: Летопись по воскресенскому списку. СПб., 1856.

Полное собрание русских летописей. Т. IX: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1862.

Полное собрание русских летописей. Т. XV: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.

Полное собрание русских летописей. Т. XX: Первая половина. Львовская летопись. Часть первая. СПб., 1910.

Полное собрание русских летописей. Т. XXIII: Ермолинская летопись. СПб., 1910.

Полное собрание русских летописей. Т. XXV: Московский летописный свод конца XV века. М.-Л., 1949.

Радзивилловская летопись. Факсимильное воспроизведение рукописи. СПб.-М., 1994.

Литература:

Аристов В. Ю. Алексей Шахматов и раннее летописание. Метод, схема, традиция. Киев, 2018.

Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

Боровков Д. Владимир Мономах, князь-мифотворец. М., 2015.

Будовниц И. У. Владимир Мономах и его военная доктрина // Исторические записки. № 22.1947.

Вернадский Г. В. Киевская Русь. М., 1999.

Голубовский П. История Северной земли до половины XIV столетия. Киев, 1881.

Горский А. А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.

Ищенко А. С. Владимир Мономах глазами современников и потомков: формирование и эволюция мифологического образа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 5. 2016.

Ищенко А. С. Миниатюры Радзивилловской летописи как источник биографии Владимира Мономаха // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 3.2011.

Ищенко А. С. Образ Владимира Мономаха в советской историографии // Вопросы истории. № 5.2021.

Карамзин М. Н. История Государства Российского в 12-ти томах. Т. II–III. Под ред. А. Н. Сахарова. М., 1991.

Костомаров Н. И. Князь Владимир Мономах // Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Книга I. Выпуски первый, второй и третий. М., 1990.

Кривошеев Ю. В. Пути и труды Владимира Мономаха. СПб., 1993.

Ляскоронский В. Г. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897.

Мильков В. В. Религиозные основания политических установок Владимира Мономаха и случаи отступления от них // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып. 8. / Под ред. д. и. н. П. И. Гайденко. СПб., 2017.

Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.

Орлов А. С. Владимир Мономах. М.-Л., 1946.

Плетнева С. А. Половцы. М., 1990.

Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913.

Пузанов В. В. Владимир Мономах и христианство // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2008. Вып. 24. М., 2008.

Пузанов В. В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб., 2017.

Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. Л., 1966.

Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

Рыбаков Б. А. Миниатюры Радзивиловской летописи и русские лицевые рукописи X–XII вв. // Рыбаков Б. А. Из истории культуры древней Руси. Исследования и заметки. М., 1984.

Ричка В. М. Княжий двір Києва // Котляр М. Ф., Ричка В. М. Княжий двір Південної Русі X–XIII ст. Київ, 2008.

Сахаров А. Н. Владимир Мономах // Каргалов В. В., Сахаров А. Н. Полководцы Древней Руси. М., 1985.

Татищев В. Н. История Российская в семи томах. Том второй. М.-Л., 1963.

Толочко А. П. Очерки начальной руси. Киев-СПб., 2015.

Толочко А. П. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // Ruthenica. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. Том VII. Київ, 2008.

Толочко П. П. Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003.

Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2003.

Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I, кн. 2: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2. Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003.

Шахматов А. А. Происхождение, состав и научное значение Радзивиловской летописи // Радзивиловская, или Кенигсбергская летопись. Вып. 2. СПб., 1902.

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. II. От начала царствования Изяслава Ярославича до покорения России татарами. СПб., 1771.

Сведения об авторе

Ищенко Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных технологий Новочеркасского инженерно-мелиоративного института Донского государственного аграрного университета, Новочеркасск (Россия). Область научных интересов: история и историография Древней Руси.

E-mail: ischenko-2010@mail.ru

A. S. Ischenko

VLADIMIR MONOMAKH AND THE MURDER OF POLOVETSKY KHANS IN PERESLAVL

Annotation: The article analyzes the story contained in the Tale of Bygone Years under 1095 about the murder of the Polovtsian khans Itlar and Kytan who came to Vladimir Monomakh in Pereyaslavl, and the representation of this event in the late chronicles and works of historians. Differences in the interpretations of this story are noticed. These differences can be explained both by inconsistency of the story and by the conceptual constructions of historians in the context of which this historical episode of relations between Russians and Polovtsians was considered.

Keywords: Vladimir Monomakh, Polovtsians, Pereyaslavl, Itlar and Kytan, chronicle writing, historiography.

References

Sources:

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 1: Lavrent'evskaya letopis'. Moscow, 1962. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. II: Ipat'evskaya letopis'. Moscow, 1962. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. VII: Letopis' po voskresenskomu spisku. St. Petersburg, 1856. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. IX: Letopisnyi sbornik, imenuemyi patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu. St. Petersburg, 1862. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. XV: Letopisnyi sbornik, imenuemyi tverskoi letopis'yu. St. Petersburg, 1863. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. XX: Pervaya polovina. L'vovskaya letopis'. Chast' pervaya. St. Petersburg, 1910. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. XXIII: Ermolinskaya letopis'. St. Petersburg, 1910. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. XXV: Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka. Moscow-Leningrad, 1949. (In Russian).

Radzivilovskaya letopis' [Radziwill Chronicle]. Faksimil'noe vosproizvedenie rukopisi. St. Petersburg-Moscow, 1994. (In Russian).

Researches:

Aristov V. Yu. Aleksei Shakhmatov i rannee letopisanie. Metod, skhema, traditsiya [Alexey Shakhmatov and early chronicles. Method, scheme, tradition]. Kiev, 2018. (In Russian).

Artsikhovskii A. V. Drevnerusskie miniatyury kak istoricheskii istochnik [Old Russian miniatures as a historical source]. Moscow, 1944. (In Russian).

Borovkov D. Vladimir Monomakh, knyaz'-mifotvorets [Vladimir Monomakh, prince-creator of myth]. Moscow, 2015. (In Russian).

Budovnits I. U. Vladimir Monomakh i ego voennaya doktrina [Vladimir Monomakh and his military doctrine] // *Istoricheskie zapiski*. 1947. Vol. 22. (In Russian).

Vernadskii G. V. Kievskaya Rus' [Kievan Rus]. Moscow, 1999. (In Russian).

Golubovskii P. Istoriya Severskoi zemli do poloviny XIV stoletiya [History of the Seversky land up to the middle of the XIV century]. Kiev, 1881. (In Russian).

Gorskii A. A. Drevnerusskaya družhina (K istorii genezisa klassovogo obshchestva i gosudarstva na Rusi) [Old Russian squad (On the history of the genesis of class society and state in Russia)]. Moscow, 1989. (In Russian).

Gumilev L. N. Drevnyaya Rus' i Velikaya Step' [Ancient Russia and the Great Steppe]. Moscow, 1989. (In Russian).

Ishchenko A. S. Vladimir Monomakh glazami sovremennikov i potomkov: formirovanie i evolyutsiya mifologicheskogo obraza [Vladimir Monomakh through the eyes of contemporaries and descendants: the formation and evolution of a mythological image] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. Vol. 5. 2016. (In Russian).

Ishchenko A. S. Miniatyury Radzivilovskoi letopisi kak istochnik biografii Vladimira Monomakha [Miniatures of the Radziwill Chronicle as a source of the biography of Vladimir Monomakh] // *Izvestiya VUZov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. Vol. 3. 2011. (In Russian).

Ishchenko A. S. Obraz Vladimira Monomakha v sovetskoj istoriografii [The image of Vladimir Monomakh in Soviet historiography] // *Voprosy istorii*. Vol. 5. 2021. (In Russian).

Karamzin M. N. Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo v 12-ti tomakh [History of the Russian State in 12 volumes]. Vol. II–III. Pod red. A. N. Sakharova. Moscow, 1991. (In Russian).

Kostomarov N. I. Knyaz' Vladimir Monomakh [Prince Vladimir Monomakh] // *Kostomarov N. I. Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh deyatelei. Kniga I. Vypuski pervyi, vtoroi i tretii*. Moscow, 1990. (In Russian).

Krivosheev Yu. V. Puti i trudy Vladimira Monomakha [Ways and works of Vladimir Monomakh]. St. Petersburg, 1993. (In Russian).

Lyaskoronskii V. G. Istoriya Pereyaslavl'skoi zemli s drevneishikh vremen do poloviny XIII stoletiya [The history of the Pereyaslavl land from ancient times to the middle of the XIII century]. Kiev, 1897. (In Russian).

Mil'kov V. V. Religioznye osnovaniya politicheskikh ustanovok Vladimira Monomakha i sluchai otstupleniya ot nikh [Religious foundations of Vladimir Monomakh's political attitudes and cases of deviation from them] // *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh.* Al'manakh, iss. 8. Ed. by PhD in History P. I. Gaidenko. St. Petersburg, 2017. (In Russian).

Mikheev S. M. Kto pisal "Povest' vremennykh let"? [Who wrote The Tale of Bygone Years?]. Moscow, 2011. (In Russian).

Orlov A. S. Vladimir Monomakh [Vladimir Monomakh]. Moscow-Leningrad, 1946. (In Russian).

Pletneva S. A. Polovtsy [Polovtsy]. Moscow, 1990. (In Russian).

Priselkov M. D. Ocherki po tserkovno-politicheskoi istorii Kievskoi Rusi X–XII vv. [Essays on the church-political history of Kievan Rus X–XII centuries]. St. Petersburg, 1913. (In Russian).

Puzanov V. V. Vladimir Monomakh i khristianstvo [Vladimir Monomakh and Christianity] // *Dialog so vremenem.* Al'manakh intellektual'noi istorii. Vol. 24. 2008. Moscow, 2008. (In Russian).

Puzanov V. V. Ot praslavyan k Rusi: stanovlenie Drevnerusskogo gosudarstva (faktory i obrazy politogeneza) [From the Proto-Slavs to Russia: the formation of the Old Russian state (factors and images of political genesis)]. St. Petersburg, 2017. (In Russian).

Romanov B. A. Lyudi i nrawy Drevnei Rusi. Istoriko-bytovye ocherki XI–XIII vv. [People and customs of Ancient Russia. Historical and everyday sketches of the XI–XIII centuries]. Leningrad, 1966. (In Russian).

Rybakov B. A. Drevnyaya Rus'. Skazaniya. Byliny. Letopisi [Ancient Russia. Legends. Epics. Chronicles]. Moscow, 1963. (In Russian).

Rybakov B. A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv. [Kievan Rus and Russian principalities of the XII–XIII centuries] Moscow, 1982. (In Russian).

Rybakov B. A. Miniatyury Radzivilovskoi letopisi i russkie litsevye rukopisi X–XII vv. [Miniatures of the Radziwill Chronicle and Russian facial manuscripts of the X–XII centuries] // *Rybakov B. A. Iz istorii kul'tury drevnei Rusi. Issledovaniya i zametki.* Moscow, 1984. (In Russian).

Rychka V. M. Kniazhyi dvir Kyieva [Princely court of Kyiv] // *Kotliar M. F., Rychka V. M. Kniazhyi dvir Pivdennoi Rusi X–XIII st.* Kyiv, 2008. (In Ukrainian).

Sakharov A. N. Vladimir Monomakh [Vladimir Monomakh] // *Kargalov V. V., Sakharov A. N. Polkovodtsy Drevnei Rusi.* Moscow, 1985. (In Russian).

Tatishchev V. N. Istoriya Rossiiskaya v semi tomakh [Russian history in seven volumes]. Vol. II. Moscow-Leningrad, 1963. (In Russian).

Tolochko A. P. Ocherki nachal'noi rusi [Essays on the initial Rus]. Kiev-St. Petersburg, 2015. (In Russian).

Tolochko A. P. Perechityvaya pripisku Sil'vestra 1116 g. [Rereading the postscript of Sylvester in 1116] // *Ruthenica. Shchorichnyk serednovichnoi istorii ta arkhelohii Skhidnoi Yevropy.* Vol. VII. Kyiv, 2008. (In Ukrainian).

Tolochko P. P. Dvortsovye intrigi na Rusi [Palace intrigues in Russia]. St. Petersburg, 2003. (In Russian).

Tolochko P. P. Kochevye narody stepei i Kievskaya Rus' [Nomadic peoples of the steppes and Kievan Rus]. St. Petersburg, 2003. (In Russian).

Froyanov I. Ya. Kievskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii [Kievan Rus. Essays on socio-political history]. Leningrad, 1980. (In Russian).

Shakhmatov A. A. Istoriya russkogo letopisaniya [History of the Russian chronicle]. Vol. I, book 2: *Povest' vremennykh let i drevneishie russkie letopisnye svody.* Book 2. Rannee russkoe letopisanie XI–XII vv. St. Petersburg, 2003. (In Russian).

Shakhmatov A. A. Proiskhozhdenie, sostav i nauchnoe znachenie Radzivilovskoi letopisi [Origin, composition and scientific significance of the Radziwill Chronicle]. // *Radzivilovskaya, ili Kenigsbergskaya letopis'.* Vol. 2. St. Petersburg, 1902. (In Russian).

Shcherbatov M. M. Istoriya Rossiiskaya ot drevneishikh vremen [Russian history from ancient times]. Vol. II. Ot nachala tsarstvovaniya Izyaslava Yaroslavicha do pokoreniya Rossii tatarami. St. Petersburg, 1771. (In Russian).

About the author

Ischenko Aleksandr S., PhD in History, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Technologies of the Novocherkassk Engineering and Land Reclamation Institute of Don State Agrarian University, Novocherkassk (Russia). Research interests: History and Historiography of Antion Rus.

E-mail: ischenko-2010@mail.ru

ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Аннотация: Статья посвящена анализу рассказа об ангелах, который помещен в Повести временных лет под 1110-1111 гг. Его началом послужило описание ангела, явившегося в виде огненного столпа над Киево-Печерским монастырем. Автор предлагает свою версию обстоятельств появления этого рассказа и рассматривает семантическое наполнение его сюжета. Большое внимание в статье уделено историческому контексту развития отношений Киево-Печерского монастыря и Владимира Мономаха, которые носили сложный характер. Вероятно, рассказ об ангелах был создан с целью повлиять на князя, занявшего киевский престол в 1113 г. Его создатель стремился подчеркнуть значение монастыря, его роль в духовной и политической жизни Руси, тем самым рассчитывая вернуть утерянное влияние Печерской обители на княжескую власть в Киеве. Помимо этого, политического подтекста, рассказ представляет собой интересный образец средневековой литературы, наполненный сакральными символами.

Ключевые слова: Киево-Печерский монастырь, Владимир Мономах, ангел, русско-византийские отношения, поход 1111 г., Повесть временных лет.

Вечером 11 февраля 1110 г. над трапезной Печерского монастыря в Киеве появился и долго горел огненный столп от земли до неба. Затем ударила молния, загредел гром, и столп стал менять свое положение, передвинувшись в сторону храма, где находилась гробница одного из основателей обители – святого Феодосия. Постояв немного, столп поднялся выше к самому кресту на куполе церкви и повернувшись «как бы к востоку лицом»

бесследно растворился в небе¹. По мнению А. А. Шахматова, описанием этого явления должен был заканчиваться первый вариант Повести временных лет (далее – ПВЛ)².

Этот текст получил неожиданное продолжение, начинавшееся с утверждения о том, что это был вовсе не столп, а огненный ангел, потому что «ангел так является – иногда столпом огненным, иногда пламенем»³. Для убедительности это мысли автор поместил далее очень обширные рассуждения об ангелах вообще с отсылками к священным книгам, а затем поучительную историю о помощи ангела русским князьям во время похода на половцев в 1111 г., и, наконец, закончил свои добавления новыми обращениями к библейским сюжетам. Весь этот обширный отрывок, помещенный в ПВЛ под 1110-1111 гг., условно можно считать рассказом о ангелах.

Описание ангела в виде огненного столпа большая редкость для древнерусской литературы и указывает на непереносимое желание автора начать свой рассказ именно с этого события. Как правило представления об этих божественных посланниках на Руси строились на их иконописном образе: ангел изображался в человеческом облике с набором нескольких символических атрибутов⁴. Иконописное представление постепенно перешло и в памятники

¹Повесть временных лет. Издание второе. Подг. М. Б. Свердлов. СПб., 1996. С. 259.

²Шахматов А. А. История русского летописания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2002. С. 404.

³Повесть временных лет... С. 259.

⁴Федосеев А. И. Иконография ангелов в эпоху Киевской Руси // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 13 (84). 2010. С. 50-54; См. также: Толстой Н. И. Ангел // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 107-109; См. также: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. II. М., 2001. С. 156-157.

литературы, хотя оно несколько противоречило мнению авторитетного церковного писателя Дионисия Ареопагита: «В священных изображениях можно и обмануться, полагая, что реально существуют некие златовидные небесные существа и световидные, сверкающие мужи, облаченные в светлую одежду, сияющие огнем и прочие подобные красоты...»⁵.

Доказывая реальность явления ангела в виде огненного столпа, автор рассматриваемого рассказа ссылается на ветхозаветную историю бегства евреев из Египта, в которой читаем: «И двинулся Ангел Божий, шедший пред станом сынов Израилевых, и пошел позади их; двинулся и столп облачный от лица их и стал позади их» (Исх 14:19)⁶. Одновременно с этим следует также отсылка и к другому месту, где описывается явление в облачном и огненном столпе самого Бога (Исх 13: 21). Как видим, эта «двойная» отсылка к книге Исхода носит весьма приблизительный характер, что опять же подчеркивает желание автора написать историю огненного ангела в начале своего рассказа, даже натянуто пытаясь найти ей хоть какие-то аналогии в священных текстах.

История интересующего нас отрывка может быть реконструирована вслед за воссозданием общей истории ПВЛ, которую осуществил А.А. Шахматов. Согласно его мнению, автором ПВЛ был монах Печерского монастыря Нестор, завершивший работу над своим трудом в 1113-1116 гг. По предположению А.А. Шахматова, именно Нестор являлся автором интересующего нас рассказа об ангелах, которым он решил закончить свой труд, хотя это первоначально не планировалось⁷.

Почти сразу после создания текст Нестора подвергся изменениям и дополнениям со стороны некоего священнослужителя Василия, имевшего западнорусское происхождение, но эти

изменения не затронули интересующий нас отрывок⁸. В 1116 г. игумен Выдубицкого монастыря в Киеве Сильвестр по приказанию Владимира Мономаха подверг текст ПВЛ существенной редакции. В ходе этой работы рассказ об ангелах был почти полностью убран из текста. В 1118 г. была создана еще одна редакция ПВЛ: неизвестный нам автор взял за основу своей работы и старый текст Нестора, и отредактированный текст Сильвестра. Он вновь включил в ПВЛ рассказ об ангелах, но уже, возможно, в своей собственной переработке⁹.

Итак, согласно А.А. Шахматову, было сделано три редакции ПВЛ, но ни одна из них не дошла до нас в своем первоначальном виде: первая редакция Нестора почти не была задействована летописцами, вторая, Сильвестровская 1116 г., легла в основу Лаврентьевской летописи, в которой отразилась однако и третья редакция 1118 г.¹⁰. В состав Ипатьевской летописи была включена только третья редакция ПВЛ¹¹. В несохранившейся Троицкой летописи, предположительно, отразились первая и вторая редакции¹².

Поскольку реконструкция трех редакций была произведена А.А. Шахматовым, то в его издании ПВЛ третья редакция начинается с утверждения, что огненный столп был явлением ангела (третья редакция опиралась на первоначальный труд Нестора), потому она содержит интересующий нас рассказ об ангелах в целом виде¹³. Однако ученые, издавая ПВЛ в последующее время, стали различать ее текст

⁸См. также мнение по этому вопросу В. К. Зиборова: *Зиборов В. К.* Игумен Сильвестр и поп Василий – одно лицо // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях.* № 5. 2016. С. 133-142.

⁹*Шахматов А. А.* История русского летописания... С. 402-403, 416; 535.

¹⁰Там же. С. 528.

¹¹Там же. С. 416. См. также: *Опарина А. В.* «Повесть временных лет» и взаимоотношение ее списков // *Вестник волжского университета им. В. Н. Татищева.* № 4 (11). 2012. С. 45-50.

¹²*Шахматов А. А.* История русского летописания... С. 528-529; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2016. С. 198-199.

¹³*Шахматов А. А.* История русского летописания... С. 911.

⁵*Дионисий Ареопагит.* Сочинения. Перевод Г. М. Прохорова. СПб., 2002. С. 59.

⁶Возможно автор использовал не библейскую книгу Исход, а какой-то иной пересказывающий ее текст.

⁷*Шахматов А. А.* История русского летописания... С. 404.

не по принципу редакций, а по источникам происхождения. В итоге после списка памятника Лаврентьевской летописи стало следовать его продолжение по Ипатьевскому списку¹⁴. Это разделение, конечно, более конкретно с точки зрения источниковедения, но оно, увы, разрывает единый интересующий нас рассказ об ангелах, поскольку источником Лаврентьевской летописи были одновременно и вторая (Сильвестровская 1116 г.) и третья (1118 г.) редакции ПВЛ.

Может быть поэтому рассматриваемый нами отрывок об ангелах сам по себе редко находился в центре внимания ученых, и его почти никогда не разбирали как единый рассказ, имеющий общий сюжет и логичную структуру. Исследователи, занимающиеся изучением политической истории этого времени оставляли за пределами внимания рассуждения рассказчика об ангелах, сконцентрировавшись на истории похода 1111 г. и социально-политической борьбе в Киеве¹⁵.

В общем историографическом обзоре мы можем обратить внимание только на несколько более-менее близких работ, посвященных церковной истории начала XII в. Это, конечно, известный труд Е. Е. Голубинского, показавшего сложные отношения византийской патриархии с русской митрополией в XI - начале XII вв¹⁶. Стоит отметить также книгу М. Д. Приселкова, посвященную церковно-

политической истории домонгольской Руси¹⁷. Интересные наблюдения об отношениях Печерского монастыря и княжеской власти сделали советские историки Н. К. Никольский и Б. Д. Греков¹⁸. Идеи А. А. Шахматова в значительной мере сказались на исследовании А. В. Карташова о церковном управлении Киевской Руси¹⁹. Уже в наше время церковно-политическая тематика была исследована П. И. Гайденом и Т. Ю. Фоминой²⁰. Указанные труды ученых, хотя и не имеют прямого отношения к рассказу об ангелах, тем не менее важны, поскольку смысл этой истории раскрывается с учетом анализа церковно-политической ситуации 1110-1118 гг.

В научном сообществе давно нет сомнений в том, что история Руси второй половины XI – начала XII вв. определялась борьбой русской церкви за самостоятельность от Константинополя²¹. Важнейшую роль в этой борьбе играли князья, от политики которых во многом зависели отношения с византийским патриархатом. Разумеется, они по-разному, исходя из собственных интересов, выстраивали линию поведения с далеким «Царьградом», тогда как задача греков всегда была четко выдержанной: сохранить максимально возможную зависимость Русской церкви от патриархии. Эта подчиненность основывалась прежде всего на

¹⁷Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб., 2003. С. 115-186.

¹⁸Никольский Н.М. История русской церкви. М., 2004. С. 26-27; Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 504-506.

¹⁹Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. М., 1993. С. 165.

²⁰Иером. Петр (Гайдено), Филиппов В.Г. Несколько замечаний о интересах церкви в восстании 1113 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 2. 2011. С. 173-184; Иером. Петр (Гайдено). Заметки о церковной жизни в первые годы после смерти Ярослава Мудрого // Православие и современность. Материалы всероссийской конференции, посвященной 450-летию Казанской епархии РПЦ / под ред. Р.А. Набиева. Казань, 2006. С. 161-181; Фомина Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М., 2014.

²¹Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв....; Никольский Н. М. История русской церкви. С. 21-26.

¹⁴Повесть временных лет... С. 360-361; Повесть временных лет // Повести Древней Руси. Под редакцией О. В. Творогова. М., 2002. С. 45-302.

¹⁵Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 502-503; Мауродин В. В. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956. С. 202-203; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв. М., 1955. С. 76-77; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 446-449; Фроянов И. Я. Древняя Русь IX-XIII вв. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М., 2012. С. 158-215; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 484-496.

¹⁶Голубинский Е. История русской церкви. Т. 1. М., 1904. С. 607-626.

власти киевского митрополита, которого назначали в Константинополе. Особое место во взаимоотношениях с византийской церковью играли русские монастыри и главный из них – Печерский²². Возникший в 1051 г. как добровольное начинание подвижников Антония и Феодосия, он вскоре превратился в крупный религиозный центр, имевший огромное влияние, с которым русской правящей элите приходилось постоянно считаться. Само основание монастыря произошло на воле антигреческих настроений в контексте церковной политики Ярослава Мудрого, настойчиво добивавшегося большей независимости для русской церкви²³. Понятно что официального признания русской митрополии монастырь добился не сразу²⁴.

После смерти Ярослава в 1054 г. власть на основной территории Русской земли перешла, как известно, его сыновьям – Изяславу, Святославу и Всеволоду. Старший из них, Изяслав, стал княжить в Киеве и со временем получил поддержку печерской братии²⁵. Церковно-политические идеи киевского князя и монастыря были в целом схожи и сводились к укреплению самостоятельности русской церкви²⁶. С этим, однако, был не согласен влиятельный брат Изяслава, Всеволод, женатый на представительнице византийской императорской династии Мономахов. Он был известным сторонником т.н. «греческой партии», выступавшей за сохранение зависимости Руси от константинопольской патриархии²⁷.

По причине постоянного противодействия со стороны Византии жившим в киевских пещерах монахам долгое время не удавалось получить официального права на существование. Долгое время греки

старались как-бы не замечать появившийся без их ведома русский монастырь. Наконец, в 1061 г. после открытого конфликта с киевским митрополитом Ефремом, вмешательства Изяслава и ценой нескольких компромиссов, учитывающих большой авторитет насельников обители и их лидера Антония, монастырь получил официальное признание²⁸. Князь Изяслав выделил монахам земли и численность братии стала стремительно расти²⁹. В это же время первый русский монастырь принимает Студийский строгообщежительный устав в редакции патриарха Алексея, что еще больше укрепило его монастыря в церковно-политической и общественной жизни Руси³⁰.

Но Печерской обители предстояло пройти еще много испытаний. Случилась так, что в 1068 г. киевляне прогнали князя Изяслава из города, недовольные его пассивностью после поражения от половцев на реке Альте. Через 7 месяцев Изяслав вернул себе власть и обрушился с репрессиями на мятежников, среди прочих был обвинен в пособничестве мятежу и печерский игумен Антоний. Он даже был вынужден бежать к князю Святославу в Чернигов, опасаясь преследований³¹. Однако вскоре Изяслав сменил свой гнев на милость, видимо понимая, что не в его интересах ссориться с монастырем, имевшим большую популярность в дружинной среде, к тому же это было весьма опасно в обстановке возросшего недоверия между ним и младшими братьями³².

Так начался новый период в истории обители, которая стремительно развивалась

²⁸Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси... С. 108-109.

²⁹Там же... С. 113-115; Голубинский Е. История русской церкви. С. 582; Киево-Печерский патерик или сказание о житии и подвигах Святых Угодников Киево-Печерской лавры. Киев, 1991. С. 38-39

³⁰Голубинский Е. История русской церкви. С. 607-627.

³¹Политический подтекст этого события хорошо показал С. М. Соловьев: Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 2003. С. 47.

³²Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси... С. 118.

²²Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 504-505.

²³Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. М., 1993. С. 164-168.

²⁴Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси... С. 170.

²⁵Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 448-449.

²⁶Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси... С. 126-127; Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 593.

²⁷Древняя Русь в свете зарубежных источников. Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 2000. С. 132-133, 145.

«множества ради приходящих»³³. Но это благополучное время продлилось недолго: в 1073 г. между правящими князьями произошла крупная ссора, после которой младшие братья изгнали Изяслава из Русской земли и тот отправился с семьей скитаться по Европе в поисках помощи и в надежде на лучшую долю. Правителем Киева стал теперь второй брат Святослав, а Всеволод получил Чернигов. Как расчетливый политик он, несомненно, не был на вторых ролях, но оказывал важнейшее влияние на все события, происходящие в это время на Руси³⁴.

После захвата Киева Всеволод и Святослав устроили торжественный обед, на который пригласили и настоятеля Печерской обители. В это время во главе монастыря находился Феодосий – ученик Антония и ревностный продолжатель его дела³⁵. Он решительно отказался принять приглашение, поскольку изгнание Изяслава значило усиление влияния Всеволода, известного поклонника Византии, который явно не намеривался поддерживать стремление к независимости русской церкви. Для Печерского монастыря, противника митрополии, наступили сложные времена. Кроме того, переворот, устроенный братьями против Изяслава, являясь нарушением принятых правил разделения княжеской власти и морально-нравственных норм, не мог вызвать одобрения в монастыре, прославившимся своим строгим уставом и имевшим высокий духовный авторитет³⁶.

С этого времени начинается противостояние монахов и Всеволода, которое было довольно подробно описано М. Д. Присёлковым³⁷. Надо отдать должное Печерской обители, которая сумела сохранить влияние, при этом иногда даже порицая правивших братьев. Наконец, в 1076 г. скончался князь Святослав и в Киев

вернулся Изяслав, которого Всеволод на сей раз поддержал. Вновь для монахов начались благодатные времена. В 1077 г. братия даже избирает в игумены Никона, известного противника Всеволода³⁸. Состарившейся и измученный скитаниями Изяслав оказывал всевозможную поддержку Печерской обители. Новый глава обители Никон, редактирующий в это время исторический Свод 1073 г., неслучайно изображает киевского князя по-настоящему идеальным правителем, благочестивым сыном русской церкви³⁹.

Но к несчастью на Руси начался очередной междоусобный конфликт: против Изяслава и Всеволода выступили недовольные своими уделами племянники – Олег Святославич и Борис Вячеславич. Противостояние закончилось грандиозным сражением 3 октября 1078 г., во время которого погиб киевский князь Изяслав. Тем не менее победа осталась за Всеволодом, которому в итоге и достался Киев. Он быстро установил прочный контроль над значительной частью русских земель, при этом оставив Чернигов за своим сыном – Владимиром Мономахом, сторонником Византии и продолжателем политики своего отца⁴⁰.

Несмотря на то, что политическое положение монастыря сильно ухудшилось, игумен Печерской обители Никон вначале пытался оказывать влияние на нового правителя Киева. Он даже поставил вопрос о канонизации Владимира Святославича, крестителя Руси, и скончавшегося в 1073 г. печерского игумена Феодосия. Однако эти

³⁸Там же. С. 124; Киево-Печерский патерик... С. 75.

³⁹Там же.

⁴⁰См.: Мильков В. В. Религиозные основания политических установок Владимира Мономаха и случаи отступления от них // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Вып. 8. 2017. С. 239-258; Ищенко А. С. 1) Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов-на-Дону, 2014; 2) Миф о Владимире Мономахе в зеркале украинской исторической памяти // Вопросы истории. № 6. 2018. С. 93-104. См. также образ Владимира Мономаха созданный Б. А. Романовым: Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М., 1966. С. 128-131.

³³Там же.

³⁴См.: Свердлов М. Б. Домонгольская Русь.... С. 449-469.

³⁵Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси.... С. 119

³⁶Киево-Печерский патерик... С. 43; Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Юрикова дома. С. 51.

³⁷Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси.... С. 119-133.

предложения были категорически отклонены киевской митрополией, действовавшей во всем с согласия Всеволода⁴¹. Стремясь создать духовный и политический противовес враждебным ему монахам, новый киевский князь стал активно поддерживать заложенный им самим Выдубицкий монастырь⁴². Но ситуация вновь изменилась со смертью Всеволода в 1093 г., когда киевский престол перешел старшему сыну Изяслава – Святополку. Владимир Мономах после конфликта с Олегом Святославичем перешел в город Переславль, оставленный его отцу еще Ярославом Мудрым.

Первое время Святополк не мог найти общего языка с киевлянами и Печерским монастырем, но к 1098 г. противоречия и разногласия были решены. В это время вновь был поднят вопрос о канонизации Феодосия, который встретил сочувствие со стороны киевского князя и резкое противодействие митрополита⁴³. Несмотря на это, канонизация Феодосия все-таки состоялась в 1108 г. Со временем печерская братия стала пользоваться прочной поддержкой Святополка. Позиция Владимира Мономаха, который набирал в это время все больший авторитет, в отношении обители была неоднозначной: первое время он вел себя лояльно и даже пытался наладить доверительные отношения с иноками, но затем, убедившись в том, что те прочно поддерживают Святополка и «русскую линию» в церковных делах, сын гречанки оставил попытки добиться расположения обители⁴⁴.

Теперь Печерский монастырь вновь активно развивался. Росли его доходы, особенно после того, как он получил выгодные торговые возможности по реализации соли на местных рынках⁴⁵. В стенах монастыря активизировалась деятельность по написанию исторического труда, за который взялся монах Нестор, начавший составлять обширное историческое

сочинение – знаменитую Повесть временных лет, закончив его рассказом о явлении огненного столпа над могилой канонизированного недавно основатели обители Феодосия⁴⁶.

Но уже в 1113 г. ситуация изменилась: умер Святополк, а на киевском престоле оказался его давний соперник и недруг Печерской обители – Владимир Мономах⁴⁷. Этой перемене предшествовали народные волнения в городе, в ходе которых пострадали монастырские постройки. Несостоятельность обвинений монахов в спекуляциях соли (которые часто делались советским историками), от чего обитель якобы и пострадала в дни народного бунта, была показана в работе П. И. Гайдено и В. Г. Филиппова⁴⁸. Ситуация в Киеве в 1113 г. была гораздо сложнее, и определялась борьбой партий сторонников и противников Владимира Мономаха. Конечно, на стороне первых был грек митрополит Фотий, относившийся к Печерской обители крайне враждебно. Уже сам факт того, что Фотий лично возглавил торжественную встречу нового князя, говорит о многом. Волнения 1113 г. были следствием борьбы за сферы торгового и политического влияния в Киеве и уже поэтому не могли обойти стороной Печерский монастырь.

С приходом к власти Владимира Мономаха положение монастыря, несомненно, переменялось в худшую сторону, поскольку новый князь «сразу вступает в резкую борьбу с монастырем»⁴⁹. Он всячески принижал его роль и влияние, не назначал епископов из его среды и пользовался любым случаем для ущемления прав авторитетной обители⁵⁰. Видимо в это тревожное время в тексте ПВЛ и появился рассказ об огненном ангеле и вся последующая «ангельская» история с

⁴⁶Шахматов А. А. История русского летописания... С. 527-528.

⁴⁷Мильков В. В. Религиозные основания политических установок Владимира Мономаха и случаи отступления от них. С. 245.

⁴⁸Иером. Петр (Гайдено), Филиппов В. Г. Несколько замечаний о интересах церкви в восстании 1113 г. С. 173-184.

⁴⁹Там же. С. 179

⁵⁰ Там же. С. 183.

⁴¹Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси.... С. 128.

⁴²Там же. С. 131.

⁴³Там же. С. 175.

⁴⁴Там же. С. 159-184.

⁴⁵Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 601.

пространными рассуждениями, поспешными и слишком примерными отсылками к священным текстам и описанием похода 1111 г.

Таковы были политические условия 1113 г., когда под пером инок Нестора огненный столп превратился в ангела, *«ибо ангел так является – иногда столпом огненным, иногда пламенем»*⁵¹. С этого, как уже говорилось, и начинается интересующий нас рассказ. Теперь остановимся подробнее на его содержании.

После описания явления огненного ангела над Печерской обителью в тексте следует отсылка на текст Псалтыри, где сказано, что Бог, обращает ангелов в «огонь палящий» (Пс 103: 4). Далее автор уверяет читателя, что ангелы часто приходят туда, где есть *«благие места и молитвенные дома»*, только там Божии посланники и показывают свой огненный лик, чтобы люди смогли их увидеть. В качестве примера невидимости ангела в обычных местах в тексте следует история с Моисеем, которого по пустыне водил невидимый ангел (Исх 23:23; 32:34), являвшийся ночью как облачный столп (Исх 13: 21⁵², 14:19)⁵³.

Очевидно, что уже в начале своего рассказа автор стремился показать Богоизбранность Печерской обители – только в этом «благом месте» могло произойти столь священное событие, а именно явление огненного ангела. Не случайно светящийся столп завис над могилой святого Феодосия, которого так долго не хотел признавать святым киевский митрополит, действовавший в интересах Всеволода. В этом указании звучит укор и Владимиру Мономаху, который придерживался политики своего отца, не признававшего святости покойного игумена, так очевидно отмеченной

⁵¹Повесть временных лет... С. 259-260.

⁵² По-видимому, летописец сделал компиляцию Исх. 13: 21 — про Бога, шествующего в облачном столпе днем и в огненном — ночью, и Исх. 14: 21 про ангела, идущего в облачном столпе. В результате облачный столп днем и огненный ночью под пером киевского хрониста стали проявлением «ангельского естества».

⁵³Возможно автор использовал не библейскую книгу Исход, а какой-то иной пересказывающий ее текст.

Божественным посланником – огненным ангелом.

Указав читателю на особую святость и избранность Печерского монастыря, автор переходит к рассуждениям об ангелах в целом, основываясь на книге одного из отцов церкви св. Епифания Кипрского «О мерах и весах»: *«Ко всякой твари ангел приставлен: ангел приставлен к облакам, и туманам, и к снегу, и к граду, и к морозу, ангел звукам и грому, ангел зимы и зноя, и осени, и весны, и лета, ангел ко всякой одушевленной твари на земле, и тайной бездны, и тем, кто скрыт под землей...»*⁵⁴. Отметим, что похожая информация содержится и в Толковой Палее, правда, без указания на труд Епифания. Учитывая, что текст ПВЛ об ангелах ссылается на первоисточник, а также пространнее и богаче по содержанию, чем палейный, делаем вывод, что в отрывке об ангелах используется текст св. Епифания Кипрского.

Затем рассказчик добавляет идею о том, что ангел имеется у каждой, даже языческой страны, и этот ангел должен ее защищать, если, конечно, Бог ему это позволит. Именно так сочинитель объясняет победы половцев над русскими князьями: *«Так вот и теперь было, и на нас навел Бог, грех наших ради, язычников иноплеменников, и побеждали они нас по повелению Божию: ибо были они водимы ангелом»*⁵⁵.

Суть этих рассуждений понята: ссылки на историю Моисея, выведшего евреев из Египта, и Псалтырь служат целью показать, что успех любого начинания правителя зависит от того, насколько послушно он исполняет волю Бога. Поражения и победы над половцами – результат Божественного промысла, на который могут оказать определенное влияние усердные молитвы благочестивых людей и, прежде всего, монахов, проживающих в святой обители, отмеченной явлением огненного ангела. Таким образом, победы князя над половцами автор ставит в прямую

⁵⁴Творения Святого Епифания Кипрского. Часть 6. М., 1885. С. 252.

⁵⁵Повесть временных лет... С. 259.

зависимость от молитвенного усердия монастырской братии.

После горестных сетований о победах половцев автор вновь возвращается к теме наличия ангела у язычников. «*Ежели кто скажет, что ангела нет у поганых*», тот пусть почитает историю об Александре Македонском – пишет он по этому поводу⁵⁶.

Эта история представляет для нас особый интерес. Согласно тексту рассказа, Александр Македонский начал войну с Дарием и завоевал «всю землю от востока до запада», а затем «повернул на Иерусалим, чтобы взять его и победить евреев». Перед взятием священного города греческий царь, однако, решил отдохнуть и «расположился станом». В эту же ночь к нему в шатер явился ангел с мечом «точно молния» и замахнулся на Александра, намереваясь его убить. «Не убивай меня!» – взмолился прославленный завоеватель, тогда ангел опустил свой меч и рассказал полководцу, что все его успехи – только результат послушного следования воле Бога и вовсе не Александр, а ангел побеждал и покорял народы по велению свыше. Но теперь, возгордившись от своих мнимых побед, греческий царь замыслил войти в святое место – Иерусалим и «причинить зло иереям Божьим и людям его». Именно за это Бог приказал ангелу убить Александра. Устыдившись своего неведения, высокомерия и желая нанести обиду святому месту, Александр начал молить о пощаде и каяться в своих намерениях, предлагая даже немедленно прервать свой поход и вернуться домой. Это покаяние подействовало и ангел простил Александра, но повелел ему пойти в Иерусалим, встретить там мужа, похожего на ангела, «*пасть ниц в земном поклоне перед мужем тем*» и исполнить все, что он скажет, в ином случае его непременно ждет смерть⁵⁷.

Немаловажно отметить, что в тексте прямо не говорится, что Александр должен встретить в Иерусалиме ангела, речь идет о «муже в облике ангела», т.е. о человеке, а не о небожителе. Конечно, автор говорит не о внешнем виде того, кого должен найти и

особо почтить Александр Македонский. В православном понимании ангельский облик имеют монахи, старцы, отрешенные от греховного мира (для автора, прежде всего, таковыми являлись старцы Печерской обители, имевшей у себя строгий Студийской устав). «*Лучши ми есть так скончатъ живот свой, нежели, восприимши ангельский образ, солгати...*» – писал древнерусский писатель Даниил Заточник, рассуждая о возможности своего ухода в монастырь⁵⁸. В учении православной церкви «чин поставления в монашество по своей сути, это чин поставления в ангелы. Монахи как бы восполняют число ангелов, заменяя павших ангелов, занимают их пустующее, освободившееся некогда место»⁵⁹. Следовательно, ангел приказывал Александру Македонскому найти в Иерусалиме старца-монаха («мужа ангельского облика»), поклониться ему и слушаться во всем. Легко увидеть здесь потенциальное обращение к Владимиру Мономаху и его сторонникам, которым следовало бы проявлять смирение перед «ангельским чином» и уважать мнение Печерского монастыря в церковно-политических вопросах.

Обратим внимание читателя на то, что история посещения Александром Македонским Иерусалима продолжает многочисленный ряд вплетенных в ПВЛ аналогий между историей Руси и Израиля⁶⁰. Эти вплетения не были просто механическими вставками, но имели конкретный смысл: показать повторение происходящих событий, но уже в иных условиях и с другими персонажами.

⁵⁸Цитата по: Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. М.-Л., 1966. С. 31.

⁵⁹Сергиев В. Ангельский чин // Урок веры. URL: <http://journal.cerkov.ru/angelskij-chin/> (дата обращения: 10. 11. 2021); См. также: Святитель Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский и всея Сибири. Илиотропион или сообразие человеческой воли с Божественной волей. М., 2017. С. 189-190.

⁶⁰Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004; Ходзинский П. «Повесть временных лет» и «хроника» Георгия Амартола: Опыт сравнительно-богословской характеристики // Филаретовский альманах. Вып. 9. М., 2013. С. 86-87.

⁵⁶Там же. С. 159-160.

⁵⁷Там же. С. 160.

Наверное, «множество тесных параллелей, присутствующих в ПВЛ между русской историей и историей Израиля, нацелены на то, чтобы поместить Русь в рамки божественного плана спасения»⁶¹. В этом контексте в истории о попытке Александра Македонского разорить Иерусалим следует видеть аналогии, отражающие сложные отношения Владимира Мономаха и прославленного Киево-Печерского монастыря.

Итак, после приказания ангела греческий царь смиренно отправился в святой город, но вовсе не искал здесь «мужа ангельского облика», а начал спрашивать старцев, стоит ли ему идти с войной на Дария. Тогда евреи, ссылаясь на известное предсказание пророка Даниила о козле, победившем барана (Дан: 8:5-7, 21), пообещали ему победу.

Сложносоставной характер этой истории определяется отсутствием логики изложения в нескольких местах. Завоевавший «всю землю от востока до запада» Александр Македонский, оказывается еще не победил Персию и Израиль. А вместо того, чтобы выполнить обещание ангелу: найти в Иерусалиме старца и «пасть перед ним ниц», Александр почему-то спрашивает в святом месте совета о том, идти ли ему войной на персидского царя или нет.

Вопрос об источниках этого сюжета об Александре Македонском не является принципиальным в рамках данной статьи. Отметим только, что в самом известном древнерусском произведении на эту тему – «Александрии», переводном греческом романе, очевидных аналогий с рассказом о походе Александра на Иерусалим не находим⁶². Из «Александрии» сведения о походе греческого царя на персов попали в известный на Руси «Летописец елинский и римский», в котором поэтому совершенно напрасно искать схожий с нашим сюжет.

⁶¹Престель Д. К. Плоды проведения: языческая и священная история в Повести временных лет // *Rossica Antiqua*. № 2. 2011. С. 40.

⁶²Изборник: (Сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969. С. 236-279. *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893.

Известно, что одним из важных источников ПВЛ была «Хроника» Григория Амартола, памятник греческой письменности, переведенный на древнерусский язык в XI в.⁶³. Однако и в этом произведении мы находим рассказ, совершенно не схожий с тем, который дается в интересующем нас отрывке (книга 1, главы 23 и 25)⁶⁴. А.А. Шахматов предположил, что автор третьей редакции пользовался неким «русским компилятивным Хронографом» XI в., который содержал отрывки из Толковой Палеи (в свою очередь опирающейся на текст Григория Амартола) и «Летописца елинского и римского»⁶⁵. Однако это мало что дает для определения источника истории об Александре, поскольку ни один из них не содержит схожего сюжета.

Напомним, что предсказание о победе над персами греческого царя содержится в восьмой главе книги пророка Даниила, где рассказывается, что козел с большим рогом убьет барана, а затем следует комментарий: «*козел косматый — царь Греции, а большой рог, который между глазами его, это первый ее царь*» (Дан 8:21). Подробная, схожая с текстом ПВЛ история о том, как евреи предсказали Александру победу над Дарием, ссылаясь на это пророчество, содержится в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия, в чем легко убедиться, сравнив два текста⁶⁶. Вопрос о том, были ли известны «Древности» на Руси хотя бы в отрывках или в составе иных произведений, достаточно сложен. Известно только, что к XII в. была частично переведена «История Иудейской войны», другое известное сочинение Иосифа Флавия,

⁶³*Матвеев В. А.* Временник Георгия монаха: издание 2006 г. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. № 2 (28). 2007. С. 96-111; *Ходзинский П.* «Повесть временных лет» и «хроника» Георгия Амартола: Опыт сравнительно-богословской характеристики. С. 75-89.

⁶⁴*Матвеев В. А., Щеголева Л. И.* Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарии, указатели. М., 2000. С. 47-82, 52.

⁶⁵*Шахматов А. А.* История русского летописания... С. 410, 424, 530, 557, 912.

⁶⁶*Иосиф Флавий.* Иудейские древности. Минск, 1994. С. 313-347; *Шифман И. Ш.* Александр Македонский. Л., 1988. С. 93-94.

— памятник, пользовавшийся большим авторитетом в христианской литературе средневековья⁶⁷.

Итак, рассказ об ангелах в ПВЛ, особенно входящая в его структуру история про Александра Македонского (каковы бы ни были ее источники), был рассчитан на то, чтобы оказать влияние на Владимира Мономаха, занявшего киевский трон в 1113 г. Вот почему Нестор (или кто-то иной) вдруг взялся за продолжение своего труда, утверждая, что столп был огненным ангелом, положив начало рассказу об ангелах, записанному в ПВЛ под 1110-1111 гг. Образ Александра Македонского, конечно, не случайно появился в тексте, ведь история его жизни была хорошо известна на Руси образованным людям⁶⁸. Об Александре Македонском упоминает и сам Владимир Мономах в своем «Поучении»⁶⁹.

Прямым продолжением идей, представленных в условно выделяемой первой части истории об ангелах, является последующий рассказ о походе, организованном по инициативе Владимира Мономаха на половцев в 1111 г. В истории этого похода, последовательно вставленного в общий рассказ об ангелах, автор также развивает идею о победе князя не столько как о его заслуге, сколько как о деле рук ангела, который помог русским благодаря молитве благочестивых христиан.

⁶⁷Из «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Понырко. СПб., 1999. Т. 2: XI–XII века. Мы оставляем эту проблему за пределами нашей статьи, поскольку она может увести нас далеко в сторону от главной цели. Однако можно предположить, что в переводную «Александрию», текст которой до нас не дошел, делались вставки из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия (См. об этом: Александрия. Жизнеописание Александра Македонского. Автор предисловия и научно-справочного аппарата А. М. Хитрова. М., 2005. С. 7).

⁶⁸Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 194.

⁶⁹Повесть временных лет... С. 107. Образ Владимира Мономаха, поклонника Александра Македонского, с интересом читающего «Александрию» создан А. Н. Сахаровым в историко-публицистическом произведении «Владимир Мономах»: Сахаров А. Н. Владимир Мономах. М., 1989. С. 234.

Весь рассказ о триумфе русского оружия в степи связан с действием Божественных сил, где князь выступает как исполнитель Высшей воли, неважно, сознает он это или, подобно Александру Македонскому, считает исключительно своей заслугой. Уже начало истории показательное: не сам Владимир Мономах решил совершить поход, но «вложил Бог Владимиру в сердце понудить брата его Святополка пойти на язычников весною»⁷⁰. После совещания русские князья отправляются в поход на второй неделе Великого поста «возложив надежду на Бога и на пречистую Матерь его, и на святых ангелов его». Само обстоятельство совершения похода в дни Великого поста очень символично. Обычно русские князья не совершали походы на половцев весной, не желая отвлекать смердов от работ на полях. Недоумение дружины по этому поводу во время военного совета ярко показано в тексте. Однако поход нужно было совершить именно весной, не только исходя из возможной военной хитрости (внезапность и неожиданность удара), но и потому, что в православной традиции дни поста являются временем покаяния и смирения, а именно эти качества требовались, чтобы исполнить замысел Бога и победить язычников-половцев.

Неслучайно во время похода Владимир Мономах «приказал попам петь тропари и кондаки креста честного, и канон святой Богородицы»⁷¹. Приблизившись к врагу и найдя место для битвы, князья, «обратив очи к небу, призвали Бога вышнего. И когда сошлись обе стороны и была битва жестокая, Бог вышний обратил взор свой на иноплеменников с гневом, и стали они падать перед христианами. И так побеждены были иноплеменники»⁷².

Начало похода описывается как некое священнодействие воинов, во всем положившихся на волю Бога и постоянно обращающихся к его милости. Итогом такого смирения стала победа над «иноплеменниками»-половцами, которые

⁷⁰ Повесть временных лет... С. 260.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С. 261.

были сокрушены Божьим гневом. Русские князья воздали торжественную хвалу Богу и после битвы в пятницу отпраздновали Лазареву субботу и день Благовещенья. Но половцы собрали новые войска в понедельник страстной недели и вновь вышли на бой. На этот раз их было так много, что они окружили русских «точно лес» «тысячами тысяч». Казалось бы, никаких шансов на победу у православного воинства не было, но в этот напряженный момент Бог послал «в помощь русским князьям» ангела, «и головы летели на землю, невидимо трубаемые»⁷³.

Образ сражающегося с язычниками ангела встречаем в 37 главе книги пророка Исаяи, где рассказывается о нашествии на Израиль ассирийского царя Сеннахирима, который угрожал израильскому царю Езекии. Узнав о том, что враг близко, пророк Исаяя велел передать Езекии, чтобы тот ничего не боялся, но уповал на Бога, который посрамит Сеннахирима. В итоге «вышел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч человек» (Ис 36:36). Трудно сказать, был ли этот отрывок известен автору рассказа, поскольку ссылок на него в тексте нет. Тем не менее стоит обратить особое внимание на его связь не только с историей сражения 1111 г., но и с отрывком о захвате половцами Печерского монастыря в 1096 г., предшествующим рассматриваемому нами рассказу об ангелах. В 1096 г. ворвавшиеся в святую обитель язычники насмеялись и богохульствовали: «Где есть Бог их? Пусть поможет и спасет их!»⁷⁴. Этот эпизод перекликается с историей об ассирийском царе Сеннахириме, также насмехающимся над израильянами, которые надеялись, что Бог спасет Иерусалим (Ис 35-37). Важно отметить, что в это же время половцы разграбили притвор у гроба Феодосия, и, может быть, совсем не случайно, что через 14 лет, в 1110 г., ангел явился именно над гробом этого святого старца, возвещая начало победоносного похода на гордых язычников.

⁷³Там же.

⁷⁴Там же. С. 234.

Вернемся к рассматриваемому отрывку рассказа об ангелах. Несмотря на то, что победа была одержана русскими только с помощью ангела, князья, подобно Александру Македонскому, не понимали этого. Они с издевкой упрекали половцев в том, что те проиграли бой несмотря на огромное численное превосходство, но в ответ услышали: «какие-то другие ездили над вами в воздухе с блестящим и страшным оружием помогали вам»⁷⁵. Здесь уместно вспомнить меч ангела, явившегося Александру Македонскому, который блеснул словно молния⁷⁶.

Заканчивая эпизод о степном походе 1111 г., автор прямо утверждает, что победа досталась русским только благодаря воле Бога, пославшего ангела, «ведь это ангел вложил в сердце Владимиру Мономаху мысль поднять братию свою, русских князей, на иноплеменников»⁷⁷. Затем он возвращается к истории об огненном ангеле и сообщает, что вовсе не случайно тот, явившись над Печерским монастырем, переместился к Городцу, где находился в это время Владимир Мономах. Именно огненный ангел вложил князю в сердце намерение идти в поход. Показавшись над обителью святых Антония и Феодосия, а затем переместившись к Владимиру Мономаху, небесный посланник подчеркнул особую важность монастыря, его значение для победы над злейшими врагами Русской земли – половцами.

Итак, история о победоносном походе в степь способствовала раскрытию идеи о том, что всё происходящее свершается волей Бога и его посланников – ангелов. Также, как и Александр Македонский, Владимир Мономах побеждает, следуя воле Бога с помощью посланного ему ангела, хотя и не понимает этого. Задача рассказчика – показать, что князь является только орудием

⁷⁵Там же. С. 261-262.

⁷⁶О молнии как признаке Божественного участия в контексте концепта «свет» в ПВЛ см.: Ерофеева И. В. Концепт *Свет* в Русском Средневековье (на материале «Повести временных лет») // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки Т. 157. Кн. 5. 2015. С. 26.

⁷⁷Повесть временных лет... С. 262.

Божьей воли, а его победы – результат Божьей милости, и следует опасаться, чтобы эта милость не обратилась во гнев.

Однако автору, видимо, показалось недостаточным привести красочный эпизод о Владимире Мономахе как исполнителе воли Бога в событиях 1111 г. Он вновь возвращается к рассуждениям об ангелах и приводит пространные отсылки к текстам Священного писания, где упоминаются и описываются ангелы, а затем обращается к «Толкованиям на книгу пророка Даниила» св. Ипполита Римского, откуда берет обширные сведения об ангеле Михаиле. Кстати, покровитель Печерской обители, князь Святополк в крещении носил имя Михаил⁷⁸.

Наконец, автор заканчивает свой рассказ: *«Так вот и теперь, с Божьей помощью, по молитвам Богородицы и святых ангелов, возвратились русские князья восвояси со славой великою, разнесшейся ко всем людям, так и по всем дальним странам, то есть к грекам, венграм, полякам, чехам, даже и до Рима дошла она, на славу Богу, всегда ныне и вечно и во веки веков, аминь»*⁷⁹.

Предпринятая нами попытка раскрытия смысловой нагрузки рассказа об ангелах тесно связана с историческим контекстом (противостоянием Владимира Мономаха и Киево-Печерской обители) и опирается на предложенную А.А. Шахматовым схему редактирования ПВЛ⁸⁰. Не все историки согласны с версией о трех редакциях этого произведения, выполненных Нестором в 1113-1116 г., Сильвестром в 1116 г. и неизвестным автором в 1118 г. Такие исследователи, как Л. Мюллер, М. Х. Алешковский и Б. Н. Клосс высказали мнение, что в составе Ипатьевской и Лаврентьевской летописей сохранилась редакция Сильвестра 1116 г., и никакой иной редакции после этого сделано не было⁸¹. Не

вступая в дискуссии по поводу существования третьей редакции, отметим только явное Киево-Печерское происхождение истории об ангелах. Если мы будем следовать логике отсутствия третьей редакции ПВЛ, то должно признать, что игумен Выдубицкого монастыря, созданного в качестве противовеса Печерской обители, целенаправленно прославлял своих конкурентов, описав подробно явление над могилой св. Феодосия огненного ангела, подтолкнувшего Владимира Мономаха на победоносный поход.

С какой целью выдубицкому игумену понадобилось отстаивать интересы Печерского монастыря и защищать его от враждебных действий со стороны князя? Напротив, в 1113-1116 гг. все основания для создания истории о смирении князя перед святыми старцами были у Печерской обители, столь много претерпевшей от Всеволода Ярославича и его сына. Где бы ни была создана последняя редакция ПВЛ, рассказ об ангелах по своей внутренней логике близок к интересам Киево-Печерской обители, которая к тому же была известным литературным центром Древней Руси.

Высказанные предположения согласуются с мнением А. А. Шахматова о том, что Сильвестр в своей редакции умышленно опустил историю об ангелах и походе 1111 г., поскольку эта информация слишком явно восхваляла Киево-Печерский монастырь, а, быть может, включала и похвалу Святополку, которая оказалась некстати и для автора третьей редакции⁸². В более позднее время А.А. Шахматов уже прямо писал, что «редактор 1118 г. принадлежал Киево-Печерскому монастырю и работал, вероятно, по поручению обители»⁸³.

Идея А. А. Шахматова о том, что в первом варианте истории об ангелах большое место занимал Святополк, получила подтверждение и в реконструкции М. Д.

⁷⁸Там же. С. 263. См. также: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X-XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006.

⁷⁹Там же.

⁸⁰Там же. С. 17.

⁸¹Клосс Б. Н. Повесть временных лет // Письменные памятники истории Древней Руси. Аннотированный каталог-справочник. Под ред. Я.Н. Щапова. СПб., 2003. С. 22-23.

⁸²Шахматов А. А. История русского летописания... С. 404-405. Здесь уместно вспомнить и красочное описание архангела Михаила, небесного покровителя Святополка.

⁸³Там же. С. 535.

Присёлковым Троицкой летописи⁸⁴. Эта летопись включала отрывки из первой редакции ПВЛ, хотя также подверглась позднейшим изменениям⁸⁵. Тем не менее в Троицкой летописи начало рассказа выглядело следующим образом: *«Бог вложи в сердце князем рускым Святополку и Володимер, и снятася думати в Долобске»*⁸⁶. Тогда как в итоговом варианте этого рассказа 1118 г. начало читается так: *«вложил Бог Владимиру в сердце понудить брата его Святополка пойти на язычников весною»*⁸⁷. В варианте Троицкой летописи (этот отрывок М. Д. Присёлков реконструировал по выпискам Н. М. Карамзина) Святополку отведено первое место, Владимиру Мономаху – второе. Невозможно сказать, как в целом выглядел первоначальный вариант рассказа об ангелах, и судить о нем по реконструкции Троицкой летописи очень сложно. Даже если роль Святополка в нем была более заметной, смысл, отразившийся в итоговом варианте, остается прежнем – прославить Печерский монастырь, показать его Богоизбранность, особый статус в Русских землях, а Владимира Мономаха и прочих русских князей представить, как орудие Божьей воли. Со временем имя Святополка было удалено из текста рассказа об ангелах, поскольку не являлось актуальным, и автор сконцентрировал свое внимание на новом киевском правителе – Владимире Мономахе, настрой которого в отношении монастыря был известен и очень волновал печерского книжника.

Таким образом, рассказ об ангелах можно рассматривать как своеобразное послание Владимиру Мономаху, имеющее целью оказать влияние на киевского правителя. Его создатель стремился напомнить князю, что его победы и поражения – промысел Бога, который отметил особой милостью Печерскую

обитель, столь мало почитаемую Владимиром Мономахом и его отцом.

Помимо этого, мирского подтекста, рассказ представляет собой интересный образец средневековой литературы, наполненный сакральными символами. Постоянные обращения его автора к священной библейской истории, где все очевидно происходит по воле Бога, были продиктованы стремлением создать схожий сюжет вмешательства высших сил в земные события, целенаправленно смешать воображаемое и действительное, напомнить тем самым читателю о тесном соседстве священного и мирского. Для того, чтобы лучше подготовить читателя к истории, наполненной сплетением имажинарного и реального, автору было важно начать рассказ с явления огненного ангела как символа Божественного вмешательства, как посланника Того, кто на самом деле управляет земной историей⁸⁸. Напоминанием этому и служило явление 11 февраля 1110 г. над трапезной Печерского монастыря огненного столпа, ведь *«ангел так является – иногда столпом огненным, иногда пламенем»*⁸⁹.

⁸⁴Присёлков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2016. С. 198.

⁸⁵Шахматов А. А. История русского летописания... С. 529.

⁸⁶Присёлков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2016. С. 198-199.

⁸⁷Повесть временных лет... С. 260.

⁸⁸О сути имажинарного мышления см.: *Голосовкер Я. Э. Логика мифа*. М., 1987. С. 9-13; 116-120.

⁸⁹Повесть временных лет... С. 259.

Библиография

- Александрия. Жизнеописание Александра Македонского. Автор предисловия и научно-справочного аппарата А. М. Хитрова. М., 2005.
- Голосовкер Я. Э.* Логика мифа. М., 1987.
- Голубинский Е.* История русской церкви. Т. 1. М., 1904.
- Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953.
- Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004.
- Дионисий Ареопагит.* Сочинения. Перевод Г.М. Прохорова. СПб., 2002.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 2000.
- Ерофеева И. В.* Концепт *Свет* в Русском Средневековье (на материале «Повести временных лет») // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 157. Кн. 5. 2015.
- Зиборов В. К.* Игумен Сильвестр и поп Василий – одно лицо // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. № 5. 2016.
- Иером. Петр (Гайденко)* Заметки о церковной жизни в первые годы после смерти Ярослава Мудрого // Православие и современность. Материалы всероссийской конференции, посвященной 450-летию Казанской епархии РПЦ / под ред. Р.А. Набиева. Казань, 2006.
- Иером. Петр (Гайденко), Филиппов В.Г.* Несколько замечаний о интересах церкви в восстании 1113 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 2. 2011.
- Из «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 1999.
- Изборник: (Сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969.
- Иосиф Флавий.* Иудейские древности. Минск, 1994.
- Истрин В.М.* Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893.
- Ищенко А. С.* Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов-на-Дону, 2014.
- Ищенко А.С.* Миф о Владимире Мономахе в зеркале украинской исторической памяти // Вопросы истории. № 6. 2018.
- Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. 1. М., 1993.
- Киево-Печерский патерик или сказание о житии и подвигах Святых Угодников Киево-Печерской лавры. Киев, 1991.
- Клосс Б. Н.* Повесть временных лет // Письменные памятники истории Древней Руси. Аннотированный каталог-справочник. Под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X-XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
- Мавродин В. В.* Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956.
- Матвеев В. А.* Временник Георгия монаха: издание 2006 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (28). 2007.
- Матвиенко В. А., Щеголева Л. И.* Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарии, указатели. М.: Богородицкий печатник, 2000.
- Мильков В. В.* Древнерусские апокрифы. СПб., 1999.
- Мильков В. В.* Религиозные основания политических установок Владимира Мономаха и случаи отступления от них // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях Вып. 8. 2017.
- Никольский Н. М.* История русской церкви. М., 2004.
- Опарина А. В.* «Повесть временных лет» и взаимоотношение ее списков // Вестник волжского университета им. В. Н. Татищева. № 4 (11). 2012.
- Повесть временных лет // Повести Древней Руси. Под редакцией О. В. Творогова. М., 2002.
- Повесть временных лет. Издание второе. Подг. М. Б. Свердлов. СПб., 1996.
- Престель Д. К.* Плоды проведения: языческая и священная история в Повести временных лет // Rossica Antiqua. № 2. 2011.
- Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб., 2003.

- Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2016.
- Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. М.-Л., 1966.
- Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982.
- Сахаров А. Н.* Владимир Мономах. М., 1989.
- Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003.
- Святитель Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский и всея Сибири. Илиотропион или сообразие человеческой воли с Божественной волей. М., 2017.
- Сергиев В.* Ангельский чин // Урок веры. URL: <http://journal.cerkov.ru/angelskij-chin/> (дата обращения: 10. 11. 2021).
- Соловьев С. М.* История отношений между русскими князьями Рюрикава дома. М., 2003.
- Соловьев С. М.* История Росси с древнейших времен. Кн. II. М., 2001.
- Творения Святого Епифани Кипрского. Часть 6. М., 1885.
- Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв. М., 1955.
- Толстой Н. И.* Ангел // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995.
- Федосеев А. И.* Иконография ангелов в эпоху Киевской Руси // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 13 (84). 2010.
- Фомина Т. Ю.* Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М., 2014.
- Фроянов И. Я.* Древняя Русь IX-XIII вв. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М., 2012.
- Ходзинский П.* «Повесть временных лет» и «хроника» Георгия Амартола: Опыт сравнительно-богословской характеристики // Филаретовский альманах. Вып. 9. 2013.
- Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2002.
- Шифман И. Ш.* Александр Македонский. Л., 1988.

Сведения об авторе

Ляпин Денис Александрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, Елец (Россия). Область научных интересов: история Древней Руси и России Нового времени, древнерусская литература.

E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

D. A. Lyapin

A FIRE ANGEL IN THE TALES OF TIME YEARS

Annotation: The article is devoted to the analysis of the story about angels, which is placed in the Tale of Bygone Years under 1110-1111. It began with the description of an angel who appeared in the form of a pillar of fire over the Pechersky Monastery of Kiev. The author offers his own version of the circumstances of the appearance of this story and considers the semantic content of the plot. Much space in the article is devoted to the historical context of the development of relations between the Monastery and Vladimir Monomakh. This relationship was difficult for the monastery. Probably, the story of the angels was created with the aim of influencing the prince, who took the Kiev throne in 1113. The creator of the story strove to emphasize the importance of the monastery, its role in the spiritual and political life of Ancient Rus. He hoped to return the lost influence of the monastery on the princely power in Kiev. In addition to this political connotation, the story is an interesting example of medieval literature, filled with sacred symbols.

Keywords: Pechersky Monastery of Kiev, Vladimir Monomakh, angel, Russian-Byzantine relations, campaign of 1111, The Tale of Time Years.

References

- Aleksandriya*. Zhizneopisanie Aleksandra Makedonskogo. Avtor predisloviya i nauchno-spravochnogo apparata A.M. Khitrov [Biography of Alexander the Great. The author of the foreword and scientific reference apparatus A.M. Khitrov]. Moscow, 2005. (In Russian).
- Golosovker Ya. E.* Logika mifa [Logic of myth]. Moscow, 1987. (In Russian).
- Golubinskii E.* Istoriya russkoi tserkvi [History of the Russian Church]. Vol. 1. Moscow, 1904. (In Russian).
- Grekov B. D.* Kievskaya Rus' [Kievan Rus]. Moscow, 1953. (In Russian).
- Danilevskii I. N.* Povest' vremennykh let: germeneticheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnykh tekstov [The Tale of Time Years: Hermeneutic Foundations of Source Study of Chronicle Texts]. Moscow, 2004. (In Russian).
- Dionisii Areopagit.* Sochineniya [Compositions]. Perevod G.M. Prokhorova. Sankt-Peterburg, 2002. (In Russian).
- Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov* [Ancient Russia in the light of foreign sources]. Pod red. E. A. Mel'nikovoi. Moscow, 2000. (In Russian).
- Erofeeva I. V.* Kontsept Svet v Russkom Srednevekov'e (na materiale «Povesti vremennykh let») [Concept Light in the Russian Middle Ages (based on the "Tale of Time Years")] // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Vol. 157. Book. 5. 2015. (In Russian).
- Ziborov V. K.* Igumen Sil'vestr i pop Vasilii – odno litso [Hegumen Sylvester and priest Vasily are one person] // Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. No 5. 2016. (In Russian).
- Ierom. Petr (Gaidenko)* Zametki o tserkovnoi zhizni v pervye gody posle smerti Yaroslava Mudrogo [Notes on church life in the first years after the death of Yaroslav the Wise] // Pravoslavie i sovremennost'. Materialy vserossiiskoi konferentsii, posvyashchennoi 450-letiyu Kazanskoi eparkhii RPTs / pod red. R. A. Nabieva. Kazan', 2006. (In Russian).
- Ierom. Petr (Gaidenko), Filippov V. G.* Neskol'ko zamechaniy o interesakh tserkvi v vosstanii 1113 g. [Several remarks about the interests of the church in the uprising of 1113] // Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii. Vyp. 2, 2011. (In Russian).
- Iz «Istorii iudeiskoi voiny» Iosifa Flaviya* [From the "History of the Jewish War" by Josephus Flavius] // Biblioteka literatury Drevnei Rusi, t. 2. Pod red. D. S. Likhacheva, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko, SaintPeterburg, 1999. (In Russian).
- Izbornik: (Sbornik proizvedenii literatury drevnei Rusi)* [Izbornik: (Collection of works of literature of ancient Russia)]. Moscow, 1969. (In Russian).
- Iosif Flavii.* Iudeiskie drevnosti [Jewish antiquities]. Minsk, 1994. (In Russian).
- Istrin V. M.* Aleksandriya russkikh khronografov: Issledovanie i tekst [Alexandria of Russian Chronographs: Study and Text]. Moscow, 1893. (In Russian).
- Ishchenko A. S.* Vladimir Monomakh v russkom obshchestvenno-istoricheskom soznanii: mifologicheskii obraz i istoricheskaya real'nost' [Vladimir Monomakh in Russian socio-historical consciousness: mythological image and historical reality]. Rostov-na-Donu, 2014. (In Russian).
- Ishchenko A. S.* Mif o Vladimire Monomakhe v zerkale ukrainskoi istoricheskoi pamyati [The myth of Vladimir Monomakh in the mirror of Ukrainian historical memory] // Voprosy istorii. No 6. 2018. (In Russian).
- Kartashev A. V.* Ocherki po istorii Russkoi tserkvi [Essays on the history of the Russian Church]. Vol. 1. Moscow, 1993. (In Russian).
- Kievo-Pecherskii paterik ili skazanie o zhitii i podvigakh Svyatykh Ugodnikov Kievo-Pecherskoi lavry [Kiev-Pechersk patericon or legend about the life and exploits of the Saints of the Kiev-Pechersk Lavra]. Kiev, 1991. (In Russian).
- Kloss B. N.* Povest' vremennykh let [The Tale of Time Years] // Pis'mennyye pamyatniki istorii Drevnei Rusi. Annotirovannyi katalog-spravochnik. Pod red. Ya. N. Shchapova. SaintPeterburg, 2003. (In Russian).
- Litvina A. F., Uspenskii F. B.* Vychor imeni u russkikh knyazei v X-XVI vv.: Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki [The choice of a name among Russian princes in the X-XVI centuries: Dynastic history through the prism of anthroponymy]. Moscow, 2006. (In Russian).

- Mavrodin V. V.* Ocherki istorii SSSR. Drevnerusskoe gosudarstvo [Essays on the history of the USSR. Old Russian state]. Moscow, 1956. (In Russian).
- Matveenko V. A.* Vremennik Georgiya monakha: izdanie 2006 g. [Annals of George the Monk: 2006 edition] // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. No 2 (28). 2007. (In Russian).
- Matvienko V. A., Shchegoleva L. I.* Vremennik Georgiya Monakha (Khronika Georgiya Amartola). Russkii tekst, kommentarii, ukazateli. Moscow, 2000. (In Russian).
- Mil'kov V. V.* Drevnerusskie apokrifly [Old Russian apocrypha]. SaintPeterburg, 1999. (In Russian).
- Mil'kov V. V.* Religioznye osnovaniya politicheskikh ustanovok Vladimira Monomakha i sluchai otstupleniya ot nikh [Religious foundations of Vladimir Monomakh's political attitudes and cases of deviation from them] // Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. Vyp. 8. 2017. (In Russian).
- Nikol'skii N. M.* Istoriya russkoi tserkvi [History of the Russian Church]. Moscow, 2004.
- Oparina A. V.* «Povest' vremennykh let» i vzaimootnoshenie ee spiskov ["The Tale of Bygone Years" and the relationship of its lists] // Vestnik volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. No 4. (11). 2012. (In Russian).
- Povest' vremennykh let [The Tale of Time Years] // Povesti Drevnei Rusi. Pod redaktsiei O. V. Tvorogova. Moscow, 2002. (In Russian).
- Povest' vremennykh let. Izdanie vtoroe [The Tale of Time Years]. Podg. M. B. Sverdlov. Saint-Peterburg, 1996. (In Russian).
- Prestel' D. K.* Plody provedeniya: yazycheskaya i svyashchennaya istoriya v Povesti vremennykh let [Fruits: pagan and sacred history in the Tale of Bygone Years] // Rossica Antiqua. No 2. 2011. (In Russian).
- Priselkov M. D.* Ocherki po tserkovno-politicheskoi istorii Kievskoi Rusi X-XII vv. [Essays on the church-political history of Kievan Rus X-XII centuries]. SaintPeterburg, 2003. (In Russian).
- Priselkov M. D.* Troitskaya letopis'. Rekonstruktsiya teksta [Troitskay Chronicle. Reconstruction of the text]. SaintPeterburg, 2016. (In Russian).
- Romanov B. A.* Lyudi i nrawy Drevnei Rusi [People and customs of Ancient Russia]. Moscow - Leningrad, 1966. (In Russian).
- Rybakov B. A.* Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus and Russian principalities of the XII-XIII centuries]. Moscow, 1982. (In Russian).
- Sakharov A. N.* Vladimir Monomakh [Vladimir Monomakh]. Moscow, 1989. (In Russian).
- Sverdlov M. B.* Domongol'skaya Rus'. Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoi treti XIII vv. [Pre-Mongol Rus. Prince and princely power in Russia VI - the first third of the XIII centuries]. Saint-Peterburg, 2003. (In Russian).
- Svyatitel' Ioann (Maksimovich), mitropolit Tobol'skii i vseya Sibiri.* Iliotropion ili soobrazie chelovecheskoi voli s Bozhestvennoi volei [Metropolitan of Tobolsk and All Siberia. Iliotropion or conformity of human will with Divine will]. Moscow, 2017. (In Russian).
- Sergiev V.* Angel'skii chin [Angelic rank] // Urok very. URL: <http://journal.cerkov.ru/angelskij-chin/> (accessed: 10. 11. 2021). (In Russian).
- Solov'ev S. M.* Istoriya otnoshenii mezhdru russkimi knyaz'yami Rurikova doma [The history of relations between the Russian princes of Rurikov at home]. Moscow, 2003. (In Russian).
- Solov'ev S. M.* Istoriya Rossi s drevneishikh vremen [The history of Russia since ancient times]. Kn. II. Moscow, 2001. (In Russian).
- Tvoreniya Svyatogo Epifani Kiprskogo [Creations of St. Epiphany of Cyprus]. Chast' 6. Moscow, 1885. (In Russian).
- Tikhomirov M. N.* Krest'yanskie i gorodskie vosstaniya na Rusi XI-XIII vv. [Peasant and urban uprisings in Russia XI-XIII centuries]. Moscow, 1955. (In Russian).
- Tolstoi N. I.* Angel [Angel] // Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' pod redaktsiei N.I. Tolstogo. Vol. 1. Moscow, 1995. (In Russian).

Fedoseenko A. I. Ikonografiya angelov v epokhu Kievskoi Rusi [Iconography of angels in the era of Kievan Rus] // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika. No 13 (84). 2010. (In Russian).

Fomina T. Yu. Episkopskaya vlast' v domongol'skoi Rusi: istoki, stanovlenie, razvitie [Episcopal power in pre-Mongol Rus: origins, formation, development]. Moscow, 2014. (In Russian).

Froyanov I. Ya. Drevnyaya Rus' IX-XIII vv. Narodnye dvizheniya. Knyazheskaya i vechevaya vlast' [Ancient Russia IX-XIII centuries Popular movements. Princely and vechevaya power]. Moscow, 2012. (In Russian).

Khodzinskii P. «Povest' vremennykh let» i «khronika» Georgiya Amartola: Opyt sravnitel'no-bogoslovskoi kharakteristiki ["The Tale of Bygone Years" and the "Chronicle" of Georgy Amartol: An Experience of Comparative Theological Characteristics] // Filaretovskii al'manakh. Vyp. 9. 2013. (In Russian).

Shakhmatov A. A. Istoriya russkogo letopisaniya [History of Russian chronicle writing]. Vol I. kn. 2. SaintPeterburg, 2002. (In Russian).

Shifman I. Sh. Aleksandr Makedonskii [Alexander the Great]. Leningrad, 1988. (In Russian).

About the author

Lyapin Denis A., Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History and Historical and Cultural Heritage of Yelets State University named after I.A. Bunina, Yelets (Russia). Research interests: history of Ancient Rus and Russia of the New Age, Old Russian literature.

E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ВКЛЮЧЕННОСТИ ДРЕВНЕРУССКОГО МОНАШЕСТВА В СОСТАВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Аннотация: Положение представителей церкви в составе древнерусских элит крайне редко становится предметом рассмотрения историков. Это объясняется как состоянием источников, так и господством стереотипических представлений о месте церковных людей в древнерусском обществе. Внимание большинства исследователей преимущественно сосредоточено на институте архиереев. Между тем источники позволяют говорить о том, что и нижнее духовенство, включая монашество, было вхоже в окружение князей, выполняло важные функции, выступая опорой власти, или же, напротив, занимая в отношении тех или иных князей демонстративную ярко выраженную негативную позицию. Данное обстоятельство позволяет предположить, что часть духовенства, подобно архиереям, чей высокий статус неоспорим, может рассматриваться в качестве элитных групп. В представленной статье предпринята попытка рассмотреть возможность включения части монашествующих в состав местных политических «элит» Руси.

Ключевые слова: Киевская Русь, Древняя Русь, древнерусские элиты, древнерусское монашество, церковно-государственные отношения в Киевской Руси.

Древняя Русь не знала слова «элита», однако данное обстоятельство совсем не означает, что жители этого огромного и вместе с тем специфического по своей организации государства не имели представления о существовании в своем сложно стратифицированном обществе групп и социальных слоев, воспринимавшихся в

качестве лучшей его части, обладавшей особыми чертами и наделенной особыми полномочиями, возможностями, а также разнообразными материальными, политическими, интеллектуальными, сакральными и иными ресурсами¹. В летописании лица, причастные к этим группам, отмечены как «лучшие»², «нарочитые»³, «смысленей»⁴ и т. п. Судя по всему, в понимании большей части населения Руси отношение человека к числу «лучших» или «нарочитых» лиц почти всегда отождествлялось с близостью к князю⁵. Как

¹О неоднозначности понимания термина «правлящие элиты» применительно к Древней Руси см. подробнее: *Свердлов М. Б.* Становление и развитие правящей элиты на Руси VI–XIV вв. // *Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории* / Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006. С. 10-98; *Стефанович П. С.* Элита Древнерусского государства (конец X – первая половина XIII вв.) // *Российская государственность: опыт 1150-летней истории: Материалы Международной научной конференции (Москва, 4-5 декабря 2012 г.)* / Отв. ред. А. Ю. Петров. М., 2013. С. 39-49.

²Так, например, автор Повести временных лет именуется посольство древлян к княгине Ольге: «и послаша Древлане лучшии мужи свои . числом. 20 . в лодьи къ Ользе» (ПСРЛ. Т. 2. М., 2001. Стб. 45).

³Данное именование применено в отношении «чади» – возможно, княжеских слуг, в которых оправданно видеть огнищан. Согласно Повести временных лет, их дети были призваны Владимиром для обучения грамоте: «и пославь нача поимати . оу нарочитои чади дети и даяти на оучение книжное» (Там же. Стб. 103).

⁴Например, именно так названы мужи, выступившие советчиками Владимира Мономаха во время событий половецкого нашествия 1093 г. (Там же. Стб. 207, 208).

⁵Если принять во внимание обаяние харизмы княжеской власти, то становится понятным столь искреннее и отчаянное желание Даниила Заточника, с каким он пробует добиться княжеского расположения

только эта близость достигалась, человек получал доступ к знатности, власти или по меньшей мере причастность к таковым. Однако вхождение в число этих лиц почти на всем протяжении истории древнерусского государства оставалось трудноосуществимым делом и чаще всего достигалось лишь через родственные связи, варяжское посредство или некий подвиг, призванный убедить князя в незаурядности способностей искателя места в дружине⁶. Именно в силу указанных причин круг подобных счастливых не был большим. Так или иначе, этот слой охватывал в себе городских старейшин, боярство, дружину, княжеских слуг (мечников и др.) и свободных мужей⁷. Все они были защищены

и места в княжеском окружении: «Ведь щедрый князь – отец всем слугам своим; многие оставляют отца и мать и к нему приходят. Ибо кто доброму господину служит – дослужится до свободы, а кто злomu господину служит – дослужится до неволи. Ведь щедрый князь – как равнинная река с пологими берегами, насыщающая не только людей, но и зверей, а скупой князь как река в каменных берегах: нельзя ни самому напиться, ни коня напоить. А боярин щедрый – как источник с пресной водой при дороге насыщает мимо идущих. А боярин скупой – как источник с соленой водой» (Слово Даниила Заточника, которое он написал своему князю Ярославу Владимировичу // Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3 т.: Т. 1: Домонгольский период / сост., авт. вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010. С. 157; *Данилевский И. Н.* Холопское счастье Даниила Заточника // Казус. № 4. 2002. URL: <http://www.orbis-medievalis.ru/library/dan-dan.pdf> (дата обращения: 29.03.2017).

⁶Пузанов В. В. Пути формирования высшей правящей элиты в эпоху образования древнерусского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 2. 2008. С. 3-10.

⁷Горский А. А. О «племенной» знати и «племенах» у славян // *Florilegium: к 60-летию Б. Н. Флори* / сост. А. А. Турилов. М., 2000. С. 61-69; *Свердлов М. Б.* Становление и развитие правящей элиты на Руси VI–XIV вв... С. 10-98; *Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита. М., 2012. С. 8-14; *Жих М. И.* Славянская знать догосударственной эпохи по данным начального летописания // Исторический формат. № 2. 2015. С. 7-28; *Несин М. А.* Некоторые черты социальной трансформации в X–XI вв. в восточнославянском обществе в летописной социальной терминологии // Исторический формат. № 2. 2015. С. 108-109; *Пауцто В. Т.* Русь. Прибалтика. Папство (Древнейшие государства Восточной Европы, 2008 год) / Ин-т всеобщей истории РАН. М., 2011. С. 333-334; *Мининкова Л. В.* Князь и дружина Древней

княжеской властью и жестокими наказаниями для всякого, кто бы посмел покуситься на их имущество и жизнь⁸. С такую же жестокостью защищалась неприкосновенность их жен и дочерей⁹.

При всей неоднозначности внешнего распознавания и внутреннего различения знати, обладавшей своей сложной внутренней иерархией¹⁰, элиты включали в себя не только мужчин, но и женщин¹¹. Собственно, вхождение в этот слой и наделяло составлявших его лиц не только высшим общественным положением, но и действительной маскулинностью,

Руси: исследование форм общественно-политических отношений раннего русского Средневековья / сост. и гл. ред. А. К. Гладков. М.–СПб., 2018. С. 212-256; 353-363.

⁸О системе наказаний за различные виды преступлений см. подробнее: *Оспенников Ю. В.* Правовая традиция Северо-западной Руси XII–XV вв. М., 2011. С. 312-368.

⁹Отмеченная особенность проявляется в величине штрафа, налагавшегося нормами Устава Ярослава о церковных судах на лиц, виновных в оскорблении боярских жен и дочерей. Величина взыскания за нанесение какого-либо вреда представительницам «слабого пола» в боярской семье варьировалась от одного до пяти гривен золота (Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 86-88. Ст. 2, 3, 4, 7, 30; *Гайденко П. И.* Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М., 2014. С. 162-165).

¹⁰О внешнем и внутреннем различении знати в древнерусском обществе и специфике используемой терминологии см. подробнее: *Пузанов В. В.* Качественные характеристики великокняжеской и «племенной» элиты IX–X вв. в «Повести временных лет»: социальные образы и этнический фактор // Общественно-политическая мысль в России: традиции и новации. Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 24-25 октября 2006 г. Т. 1. Средневековая Русь: проблемы идентичности / Отв. ред. В. В. Пузанов. Ижевск, 2007. С. 91-107; *Рукавишников А. В.* Древнерусская знать домонгольского периода (историко-терминологического исследование): Автореф. дисс. к. и. н. М., 2005. С. 3, 11-19.

¹¹Едва ли можно подвергнуть сомнению то обстоятельство, что жены и дочери бояр обладали высоким положением. Однако высоким статусом могли быть наделены и жены княжеских слуг. В рассказе о восстании волхвов на Волге в 1071 г. летопись сообщает о том, что главными жертвами народных выступлений стали «лучшие жены» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 163), т. е. представительницы местной знати.

выраженной в именовании «мужи»¹². Что же касается женщин, то в отличие от мужчин, восхождение которых на вершину политической, социальной иерархии могло происходить не только по наследству, но и на основе личных заслуг, представительницы «слабого пола» приобретали «лучшее» положение либо по рождению, либо по мужу¹³. Чем выше было положение супруга, тем влиятельнее становилась женщина и ее потомство. Вдова если и не лишалась в полной мере своего прежнего влияния, однако ее власть даже в рамках семьи существенно ослабевала¹⁴. Так или иначе, но

¹²Эта ситуация фактически полностью соответствовала ситуации в Средневековой Европе: «Если речь идет о мужчине, то его «объем» маскулинности напрямую зависит от возраста и статуса в феодальной иерархии, со всеми необходимыми атрибутами власти и силы. Если – о даме, то опять же лучшие женские качества будут умножаться согласно длине ее шлейфа» (*Суприятнович А. Г.* В слезах и во славе: гендер, власть и идентичность в средневековой западной Европе / сост. и гл. ред. А. К. Гладков. М.–СПб., 2017. С. 246).

¹³Примером подобного восхождения женщины на вершину социальной лестницы Руси может служить история супруги Галицкого князя Владимира Ярославича. Романтическая сторона жизни этой женщины заключалась в том, что некогда эта безымянная супруга была замужем за священником, у которого ее князь и отобрал (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 660). Рассказ передает эту историю таким образом, что создается впечатление, будто бы местное боярство изначально отказывало князю и его жене в признании законности их брака. В действительности конфликт между княгиней и местным городским нобилитетом возник значительно позже, когда дети от брака уже были взрослыми, а один из княжичей уже был обручен с дочерью влиятельного и властного Романа Мстиславича (*Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 265-296; *Котляр Н. Ф.* Удельная раздробленность Руси. СПб., 2017. С. 112, *Несин М. А.* Галицкое вече и Роман Галицкий // *Русин.* № 2 (32). 2013. С. 20-23). Это означает, что история этой княгини-попадья может служить примером не только того, как происходило включение женщины в состав правящих элит, но и того, как можно было лишиться достигнутого статуса.

¹⁴Отмеченная особенность хорошо просматривается не только в истории отношения княгини Ольги и ее сына князя Святослава, но и в судьбах иных знатных жен. Подобное постепенное

статус знатных «жен» был таковым, что в полной мере предполагал включение тех в избранный круг политической верхушки своего времени¹⁵. Примером этого может служить история княгини Ольги, происхождение которой вызывает множество догадок¹⁶. Однако, несмотря на это, Ольга вошла в историю киевской державы с уверенностью, которой бы позавидовали многие князья. Правда, отмеченное произошло только после того, как овдовевшая княгиня сумела удержать за своим сыном от брака с Игорем права на Киев¹⁷. Именно тогда она приобрела тот высокий статус, который сделал ее в глазах современников «денницею пред Солнцем»¹⁸, «архонтиссой»¹⁹ и «королевой ругов»²⁰.

ослабление материнских уз над сыном прослеживается в истории жизни преп. Феодосия Печерского. Не менее примечателен пример судьбы вдовы князя Всеволода, выкупившей землю Бояна для завершения строительства храма, заложенного ее мужем (*Гайденко П. И., Москалева Л. А., Фомина Т. Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013. С. 102-110).

¹⁵*Мининкова Л. В.* Князь и дружина Древней Руси: исследование форм общественно-политических отношений раннего русского Средневековья... С. 324-336.

¹⁶*Усачев А. С.* Эволюция рассказа о происхождении княгини Ольги в русской книжности середины XVI в. // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). Материалы конференции в 2-ух томах. Т. 1. 2003. С. 329-335.

¹⁷Наиболее подробно данный аспект рассмотрен в работе В. В. и Д. В. Пузановых (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 45-50; *Пузанов В. В., Пузанов Д. В.* «Князь оуже почаль потагнѣ дружина по князѣ». Обретение харизмы: «месть древлянам» и интронизация Святослава Игоревича // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях.* Вып. 7. СПб., 2017. С. 59-73).

¹⁸ПСРЛ. Т. 2. Стб. 57.

¹⁹*Константин Багрянородный.* О церемониях византийского двора // *Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова.* Том II: Византийские источники. Сост. М. В. Бибииков. М., 2010. С. 143-146.

²⁰*Регинон Приюмский.* «Хроника» с Продолжением (начало X в. и после 973 г.) // *Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова.* Т. 4: Западноевропейские источники. Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010. С. 45-49.

Впрочем, по мере возрастания ее сына умалось и политическое влияние Ольги²¹.

В итоге, как позволяют судить об этом источники и историографические наблюдения исследователей, в положении женщин в древнерусском обществе и в политической системе древнерусского государства многое видится неоднозначным²². Даже высокое рождение, которое, впрочем, на протяжении всего раннего русского средневековья оставалось почти незамеченным²³, или же почетнейший

²¹Это поэтапное умаление Ольги прослеживается в целой череде постигших ее неудач. Во-первых, это отказ Святослава креститься и насмешливое отношение юного князя к христианству в целом (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 52-53); во-вторых, разрыв отношений с латинской миссией, лишившейся княжеского покровительства и в итоге потерпевшей неудачу (*Титмар Мерзебургский. Хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Т. 4: Западноевропейские источники. Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010. С. 73-74; Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 16*); наконец, в намерении и попытке перенести столицу на Дунай в город Переяславец, образ которого в летописании приобрел глубокие символические смыслы (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 54, 56; *Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв... С. 16; Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 2001. С. 176-178*).

²²В данном отношении особую ценность представляют историографические и источниковедческие наблюдения Н. Л. Пушкаревой (*Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси / ред. В. Б. Кобрин; Я. Н. Щапов. М., 1989. С. 177-211*).

²³В отличие от Новгородского владычного летописания, не проявившего никакого интереса к появлению на свет княжеских детей, общерусское раннее летописание не оставило эту область политической жизни Руси без внимания. По подсчетам Т. В. Гимона, Лаврентьевская летопись в отношении середины XII и конца второй трети XIII вв. донесла 20 упоминаний о рождении княжичей и только два сообщения о рождении княжеских дочерей (*Гражданкина Т. А. Сведения о рождении княжеских детей в русских летописях XI–XIV вв. // Источниковедческие исследования: Сб. статей. Вып. 1. М., 2004. С. 44-63; Гимон Т. В. Тематика сообщений Лаврентьевской летописи (текст за 1156–1263 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 6 (3). 2012. С. 44; Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. М., 2012.*

брак не защищали женщину от волеизъявления знати²⁴ или насильственного пострига²⁵. Вступление в брак с князем также не всегда обещало представительницам «слабого пола» безусловного признания за ними статуса княгини со стороны городского боярства или членов княжеского рода²⁶.

С. 142; *Панова В. И. Киевский свод 1198 года по Ипатьевской летописи как источник для изучения рождения, имянаречения и крещения княжеских младенцев в русской земле в XII веке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 3. 2014. С. 24-30*).

²⁴Именно в такой ситуации оказалась вдова князя Игоря, а в будущем первая русская христианка Ольга. Ее вступление в переговоры о браке с древлянским князем Малом во многом объяснялось отношением к этому вопросу окружавшей Ольгу знати. Собственно, и сам Мал, еще недавно находившийся в зависимости от Игоря, теперь мог оказывать давление на супругу своего бывшего влиятельного господина.

²⁵Примером этого может служить насильственный постриг жены и дочери князя Рюрика (ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. Стб. 420-421, 425-426; *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: От интерпретации обстоятельств к реконструкции причин // Средневековая Русь. Вып. 10. К 1150-летию зарождения российской государственности / отв. ред. А. А. Горский. М., 2012. С. 135-169; Успенский Ф. Б., Литвина А. Ф. «Как князь Роман жену терял...»: родство и власть в истории насильственного пострижения Рюрика Ростиславича и его семьи // Электронный научно-образовательный журнал Т. 4. Выпуск 6 (22). «История», 2013. URL: <http://history.jes.su/s207987840000588-5-1> (дата обращения: 09.05.2016); *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. «Сватство обуемшеса...»: дозволенное и недозволенное свойство в княжеских браках 40–60-х годов XII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. № 2 (52). 2013. С. 25-36*).*

²⁶Именно так развивались события вокруг имени уже упоминавшейся жены князя Владимира Ярославича. Отказ бояр признать в бывшей попадье свою княгиню привел к тому, что Роман Мстиславич отказался признавать в ее сыне княжича (*Грушевський М. Історія України-Русі. Т. 2. Львів, 1905. С. 454 и примеч. 2; Майоров А. В. Галицко-Волинская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период... С. 265-296; Котляр Н. Ф. Удельная раздробленность Руси... С. 112, 137-138, 156, 233-234; Юрасов М. К. Венгрия и русские княжества в XII в.: Дисс. д. и. н. М., 2017. С. 51-52, 101-104, 324-327*). Другое дело, что по наблюдениям М. А.. Несина, сам Роман Мстиславич придавал большее значение распутному поведению Владимира Ярославича «где улюбивъ жену, или чью дочь, поимашеть насильемъ» и счел для себя неприемлемым родниться

Однако в данном случае наибольший интерес представляет разрешение вопроса о возможности включения в состав древнерусских политических элит монашества. Присутствующее в данной области затруднение объясняется той двойственностью, которая в целом характерна для положения церковных институтов в сложной и без преувеличения запутанной для современного сознания системе социально-политических связей, имевших место в Древней Руси. Прежде всего эта двойственность выражается в том, что при всем культурном воздействии, которое испытывали древнерусские элиты и отчасти население в Киевской Руси через посредство церковных институтов, влияние как обычных пастырей и монахов, так и архиереев на политическую жизнь и нравственную атмосферу Руси оставалось минимальным²⁷. Поэтому в полной мере можно согласиться с той осторожностью, с которой М. Б. Свердлов отметил древнерусских архиереев в составе правящих элит Древней Руси²⁸. Столь же противоречивым видится и положение монашествующих.

С одной стороны, принятие монашества приводило к утрате человеком

с таким человеком (Несин М. А. Галицкое вече и Роман Галицкий. С. 19-20). Столь же показательной видится легендарная повесть о Петре и Февронии. В этой романтической истории положение женщины также оказывается крайне спорным, неоднозначным и опасным: «По мнозе же времени приидоша к нему [к Петру – П. Г.] бояре его, с яростию рекуще: “Хочем вси праведно служить тебе и самодержцем имети тя, но княгини Февронии не хошем, да государствует женами нашими. Аще ли хошеши самодержець быти, да будет ти ина княгини, Феврония же, взем богатство доволно себе, отидет, амо же хошет!” Блаженный же князь Петр, яко же бе ему обычай ни о чемо же ярости имея, не со смирением отвеща: “Да глаголита Февронии, и яко же речет, то да слышим”» (Повесть о Петре и Февронии / Подг. текста и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. С. 218, 234).

²⁷Гайденко П. И., Москалева Л. А., Фомина Т. Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы... С. 22-42; Гайденко П. И. Священная иерархия Древней Руси: (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности... С. 27-28, 41.

²⁸Свердлов М. Б. Становление и развитие правящей элиты на Руси VI–XIV вв... С. 68-71.

своего прежнего социального статуса²⁹. С другой стороны, монашество всегда рассматривалось в церковной среде в качестве своего рода церковной элиты³⁰. В церковно-политических реалиях Киевской Руси положение игуменов ряда древнерусских монастырей XI–XII вв. оставалось столь значительным, что не только приводило к острой борьбе за настоятельское место между различными социальными и церковными группами³¹, но и вполне конкурировало с епископской властью и даже властью митрополита. Эта конкуренция имела место не только в повседневной жизни, но и в литургической практике³². Несомненно, ситуация в области отношений между епископатом и игуменами постоянно изменялась. В описываемом контексте особый интерес представляют усилия епископа Нифонта новгородского, сделавшего всё возможное, чтобы ввести в Новгороде практику святительского утверждения и возведения игуменов местных обителей. Таким образом, епископская власть

²⁹Гайденко П. И. Несколько замечаний о социальных аспектах древнерусского монашества XI – первая половина XIII вв. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. № 4 (12). 2015. С. 46-76; Гайденко П. И. Сколько стоила «жизнь» инока в домонгольской Руси? (небольшие наблюдения о социальном статусе древнерусских иноков) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Вып. 4. СПб., 2015. С. 31-53.

³⁰Мейендорф И., прот. Церковь в истории: статьи по истории Церкви / пер. с англ., фр., сост. И. В. Мамаладзе; авт. предисл. и науч. ред. П. Б. Михайлов. М., 2018. С. 255.

³¹Примером этого могут служить те споры, которые разразились в кругу братии Печерской обители и среди киевлян после смерти игумена Поликарпа. Тогда игуменом Печерского монастыря был избран поп Василий (Киево-Печерский Патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2004. С. 487-489).

³²Подтверждение этому можно найти в вопросе еп. Феогноста к Константинопольскому собору о праве игуменов служить с репидами, использование которых воспринималось на Руси в качестве архиерейского преимущества (Ответы Константинопольского патриаршего собора на вопросы Сарайского епископа Феогноста // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. стб. 133. Вопр. 8).

над монастырями закреплялась через посредство хиротессии³³. Однако очевидным видится тот факт, что монашество упорно сопротивлялось вмешательству епископата и митрополитов в жизнь иноческих общин, настаивая на своем праве избирать игуменов³⁴. Одним из итогов этого противостояния стало сохранение монастырями над собой контроля со стороны княжеской власти. Достаточно заметить, что решительная и, казалось бы, успешная попытка киевского митрополита Константина II и черниговского епископа Антония наказать Печерского игумена Поликарпа оказалась малорезультативной. В конечном итоге Поликарп не только сохранил свой пост и авторитет в кругу князей, но и получил титул архимандрита, заняв в русской церковной иерархии одну ступень с епископатам³⁵. Что же касается судьбы самих святителей, то интрига стоила обоим иерархам дурной памяти в русском летописании³⁶, а для Антония даже имела далеко идущие последствия, завершившиеся его изгнанием из Чернигова. По мнению М. Д. Приселкова, изгнанию мог подвергнуться и сам Константин II³⁷. Судя по всему, епископат осознавал серьезность введения для игуменов титула архимандрита и принял перемены. В своем слове к Андрею Боголюбскому Кирилл Туровский ставил

архимандритов в одном ряду с патриархами и архиепископами, призванными, по мнению туровского иерарха, оберегать святость церкви и ее учения³⁸. Даже при том, что положение первых русских архимандритов существенно отличалось от статуса их греческих собратьев, административно-политическое влияние архимандритов в Древней Руси представляется предельно высоким на всем продолжении развития древнерусской государственности³⁹.

Идеалы иночества во многом строились на идеях эгалитарности. В своем обращении к печерским инокам, а также к их игумену и архимандриту святитель Кирилл Туровский, например, так высказывался о некоторых сторонах быта настоятеля обители: **«Ибо всякие богатые ризы и плотские украшения чужды игуменам и всему монашескому укладу, «Те, кто носит мягкую одежду, – сказал Христос, те в домах царских», – эти обличены целомудрием, опоясаны правдою, украшены смирением»**⁴⁰. В этом отношении

³³Фомина Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М., 2014. С. 160-176.

³⁴Наиболее последовательно данное требование отражено в завещании Антония Римлянина. Составитель этого памятника вложил в уста Антония запрет принимать игуменов, не избравшихся братией и поставленных епископом или князем на мзде (Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб., 2005. С. 269).

³⁵Высокий и почти равный епископскому статус архимандрита просматривается в месте, которое занимал Печерский игумен во время встречи князя Ростислава (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 568).

³⁶Летописание прямо обвиняет митрополита в «неправде», возлагая на первосвятителя вину за постигшие Киев бедствия (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354).

³⁷Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв... С. 220-221.

³⁸«Приставлены и патриархи, архиепископы, архимандриты меж церковью и алтарем стеречь святые тайны от врагов Христовых, то есть от еретиков и зловерных искусителей, нечестивых грехолюбцев и неверных осквернителей» (Кирилл Туровский, свт. Притча о человеческой душе и теле (о слепце и хромце) // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период / сост. автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010. С. 205).

³⁹Щапов Я. Н., Соколова Е. И. Архимандрития в древнерусском городе // Церковь, общество и государство в феодальной России / отв. ред. А. И. Клибанов. М., 1990. С. 40-45; Цыпин В., прот., Желтов М. С. Архимандрит // Православная Энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 577-578; Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 164-176; Гайденко П. И. Почему упоминание об архимандритах отсутствует в древнерусских церковных уставах? (Несколько замечаний) // Гуманитарные науки в XXI в., № 3. 2014 URL: <http://humanist21.kgasu.ru/files/N3-Gaydenko-P.I.-statua.pdf> (дата обращения: 29. 03. 2017); Артамонов Ю. А. В поисках ростовской архимандритии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016 год: Памяти Г. В. Глазыриной / отв. ред. тома Т. В. Гимон, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова, А. С. Щавелев; отв. ред. сер. Е. А. Мельникова. М., 2018. С. 290-293.

⁴⁰Кирилл Туровский, свт. Повесть о беспечном царе и его мудром советнике // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период /

не менее показателен запечатленный в Печерском патерике образ преп. Феодосия Печерского, являвшего пример предельного смирения, а общежительный устав которого фактически уравнивал положение монахов внутри иноческой общины⁴¹. Тем не менее, во внутримонастырской иерархии положение игумена было наивысшим, хотя его власть нередко была ограниченной⁴². Принимая духовную и административную власть от братского избрания, князя и/или через посредство епископской хиротонии и хиротессии, вероятно, воспринимавшейся в рамках культуры внутрицерковной инвеституры, игумены должны быть отнесены к числу внутренних церковных элит. Однако достаточно ли это было для того, чтобы видеть в них представителей в том числе и политической элиты? Дать однозначный положительный ответ на данный вопрос едва ли возможно.

В своих исследованиях А. Е. Мусин вполне убедительно продемонстрировал тесную связь древнерусского монашества и его идеалов с культурой и системой ценностей княжеской дружины⁴³. Во многом это объясняется прежним высоким социальным статусом иноков домонгольской Руси, что всячески подчеркивалось летописцами и агиографами⁴⁴. Таким

образом, можно говорить о том, что часть игуменов вполне может быть с осторожностью признана в качестве внутрицерковной элиты. Однако присутствовавшая внутри высшей церковной иерархии конкуренция между епископатом и игуменами не дает достаточных убедительных оснований для оптимистических выводов. С каждым новым поколением игуменов и епископов положение настоятелей монастырей во внутрицерковной иерархии снижалось, в то время как роль и влияние архиереев возрастали⁴⁵. Результаты этого процесса не могли не сказываться на положении игуменов в социальной иерархии городской знати и княжеской дружины. Впрочем, включение списка-помянника юрьевских игуменов и архимандритов в состав Новгородского летописания указывает на то, что по крайней мере настоятели этой обители воспринимались в качестве членов городского нобилитета⁴⁶. Вероятно, это возвышение статуса произошло благодаря тому, что избрание юрьевских архимандритов осуществлялось не по воле братии или архиепископа, а по воле горожан⁴⁷. В результате занятие этой должности вводило инока в состав городского магистрата. Однако крайне трудно ответить на вопрос, какими функциями и правами был наделен юрьевский архимандрит во второй половине XIII в. Функции архимандритов четко прослеживаются только с XV в.⁴⁸

Скорее всего, игумены монастырей, в том числе княжеских ктиторовских обителей, не могут быть однозначно отнесены к элитам. Входя в круг княжеского окружения или в состав городского магистрата, они не могли

сост, автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010. С. 215-216.

⁴¹Об идеалах монашеского смирения в иноческой культуре Древней Руси подробнее см.: *Дорофеева Л. Г.* Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI – первая треть XVII века): монография // Герменевтика древнерусской литературы: Сборник 16-17 / отв. ред. М. В. Первушин. М., 2014. С. 9-388.

⁴²В равной мере это касалось и настоятельниц женских иноческих общин (*Гайденко П. И.* Настоятельницы древнерусских монастырей: положение и полномочия // *Rossica Antiqua*. № 2 (12). 2015. С. 47-75; *Гайденко П. И.* Несколько замечаний о власти настоятеля древнерусского монастыря (XI–XIII вв.) // *Христианское чтение*. № 5. 2017. С. 240-252).

⁴³*Мусин А. Е.* *Milites christi* Древней Руси: Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. С. 41, 47, 52, 53-54.

⁴⁴*Гайденко П. И.* Несколько замечаний о социальных аспектах древнерусского монашества XI – первая половина XIII вв... С. 64-69.

⁴⁵*Гайденко П. И.* Эволюция каноническо-правового статуса русского православного монашества XI–XVI вв. (постановка проблемы) // *Правовая культура Московской Руси (XV–XVII вв.): к 520-летию первого общерусского Судебника* Сборник научных трудов. Сер. «Историческое правоведение». СПб., 2018. С. 170-189.

⁴⁶ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 627.

⁴⁷*Янин В. Л.* Очерки истории средневекового Новгорода... С. 165-167.

⁴⁸Там же. С.169-176.

быть отнесены к числу политических элит, поскольку в большинстве случаев не заявляли о собственных политических амбициях, что, впрочем, не исключало присутствия тех или иных принципиальных взглядов на жизнь княжеского двора или княжеской семьи. Монашеству в системе княжеской службы отводились иные обязанности: молитва о ктиторах и благодетелях, обеспечение посмертного поминовения⁴⁹, преподание благословения⁵⁰, совет и руководство религиозной стороной жизни князя⁵¹, репрезентация княжеской власти⁵², обеспечение безопасности княжеского пребывания в Киеве при размещении в стенах

⁴⁹ Примером этого может служить церковный комплекс Кириллова монастыря, призванный не только стать местом упокоения князей, но и местом их прославления в лике святых, что хорошо прослеживается в росписи над местами, предназначенными для захоронения князей (доклад А. Ганшина «Сакральная организация княжеской усыпальницы Кирилловской церкви Киева и атрибуция ее фресковой росписи» на конференции «Актуальные вопросы средневекового источниковедения», 7 декабря 2018 г.). Не меньший интерес представляют княжеские и боярские захоронения в Печерской обители и иных обителях Древней Руси. При том, что, судя по всему, княжеские захоронения в соборных храмах, скорее всего, рассматривались современниками как более престижные, помещение княжеских останков в храмовых комплексах XI–XIII вв. хоть и уступало по числу, однако так же являлось своего рода нормой (Бълхова М. И. Монастыри на Руси XI – середины XIV века // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки / Отв. ред. Н. В. Сеницына; Ин-т российской истории. М., 2002. С. 31–36).

⁵⁰ В данном отношении особую ценность представляет летописное известие об обращении князя Изяслава и его дружины в Печерскую обитель за благословением (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 145).

⁵¹ Примеры подобного общения многочисленны, составляя значительную часть сюжетов, связанных с деятельностью преп. Феодосия Печерского или Печерского игумена, Поликарпа.

⁵² Собственно, самим фактом своего существования ктиторские монастыри Киева и его пригородов более чем наглядно подтверждают то, что их учреждение решало в том числе и задачи репрезентации княжеской власти. Пожалуй, самый ранний пример этого – учреждение Дмитровского монастыря и назначение в качестве его игумена бывшего дружинника, прославленного инок Варлаама (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 147–148). Тем же целям служило и участие игуменов в праздничных процессиях во время торжественного вхождения в город князей.

родовых монастырей⁵³, представление интересов ктиторов при дворе великого князя⁵⁴, посредничество или представление интересов князя в переговорах или в конфликтах.

При этом примечательным видится одно немаловажное обстоятельство. Судя по всему, приобретение игуменом высокого положения из рук князя виделось современникам более выгодным и значимым, чем если бы таковые милости были получены из рук архиерея⁵⁵. Представляется, что как на начальном этапе становления монашеских институтов на Руси, так и в более позднее время сохранение княжеской инвеституры и ктиторства над монастырями виделось инокам наиболее приемлемой перспективой, обеспечивающей сохранение чернецам своей внутренней монашеской автономии. Например, Устав преп. Варлаама Хутынского предполагал, что после избрания братией монастыря нового игумена утверждение принятого решения отводилось не святителю,

⁵³ Монастыри на протяжении всей истории домонгольской Руси рассматривались в качестве своего рода резиденции, а порой убежища для князей и их жен в случае опасности или предъявления обвинений (Гайденко П. И. Спорные аспекты монастырского «удержания» в домонгольской Руси // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 6(68). Ч. 1. С. 62–65).

⁵⁴ Примером этого служит приход игуменов к князю Святополку во время ареста Василька Тербовольского (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 234). Не менее интересно использована деятельность новгородских игуменов, нередко представлявших интересы Новгорода в Киеве.

⁵⁵ Судя по всему, и в последующем, в том числе в XVII столетии чины, полученные из рук царя, были более престижными, чем соответствовавшие им чины, полученные по воле патриархов. Такое положение дел спровоцировало конфликт между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном. Несомненно, причины возникшей распри были глубже. Тем не менее поводом для официальной размолвки Никона и Алексея Михайловича стали события, разразившиеся в результате одного из споров патриарших и царских бояр за право занимать более престижное место при дворе самодержца. Таким образом, в понимании средневековых элит Руси светские должности, в отличие от должностей, связанных с «чиновничьей» службой при церковных иерархах, рассматривались как более престижные и почетные.

а князю. Устав преподобного Варлаама Хутынского требовал непременно утверждения избранного братией игумена у князя. Епископу оставалось лишь совершить рукоположение и хиротессию новоизбранного настоятеля⁵⁶. Вероятно, притягательность княжеской власти объяснялась не только переносом на иноческую почву прежнего социального опыта насельников монастырей, но и каноническо-правовой культурой Руси, в которой утверждение норм, регламентирующих деятельность и суды церковных институтов, оставалось за княжеской властью. Данная практика обнаруживается в преамбулах первых церковных уставов как общерусского, так и внутригородского характера⁵⁷. К тому же, в то время как поведение и взгляды духовенства княжеских храмов и обителей отличались относительной независимостью суждений, игуменская власть епископских монастырей или иноческих общин, находившихся под полным контролем святительской власти, всецело зависела от воли и устроений архиереев. Безвольное поведение игуменов во время суда над Авраамием Смоленским и независимое положение княжеских священников, обличивших святителя и судей во время процесса, наиболее наглядно демонстрируют ту дистанцию, которая разделяла культуру, с

одной стороны, княжеского духовенства и, с другой стороны, священнослужителей и иноков, находившихся под святительским управлением⁵⁸.

Однако наиболее интересным видится положение игумений. Их духовный и внутрицерковный авторитет не подвергался сомнению. Подтверждение этому можно найти в судьбах Евфросинии Полоцкой⁵⁹ или в ответах некой игуменьи, отвечавшей на вопросы Кирика Новгородца⁶⁰. Включение мнения игуменьи Марии в канонический свод вполне наглядно демонстрирует авторитет этой женщины. Впрочем, в случае Евфросинии Полоцкой ситуация видится более интересной. Судя по той роли, которая отводилась Евфросинии и созданным ею обителям в период борьбы рода полоцких князей за власть, княжна-инокиня продолжала входить в состав политических элит региона, пользовалась поддержкой в Византии и оказывала существенное влияние на жизнь княжеского семейства, став, вероятно, хранительницей княжеской сокровищницы, сберегавшей в монастырях княжны-монахини⁶¹. Не менее интересный пример активного участия княгини-монахини в жизни Руси – деятельность еще одной инокини Евфросинии, второй супруги князя Романа Мстиславича⁶². Общими чертами в

⁵⁶ [Устав] Преподобного Варлаама Хутынского, Новгородского Чудотворца // *Амвросий (Орнатский), еп.* Древнерусские иноческие уставы: Уставы российских монастырначальников. М., 2001. С. 32-34.

⁵⁷ Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Шапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 17-18 [ст. 2]; Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод]... С. 86 [ст. 1]; Уставная жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 141 [ст. 1-3]; Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 160 [ст. 1]; Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 154 [ст. 1].

⁵⁸Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 5: XIII век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб., 2005. С. 42-45.

⁵⁹Месяца мая в 23-й день житие преподобныя матери нашея Евфросинии // Жития святых в древнерусской письменности: Тексты. Исследования. Материалы / отв. ред., сост., вступ. ст. М. С. Крутовой. М., 2002. С. 153-169.

⁶⁰Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 34 [Кирик 45].

⁶¹О политической роли Евфросинии Полоцкой см.: Морозова Л. Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси. М., 2017. С. 247-274; Майоров А. В. Печать Евфросинии Галицкой из Новгорода // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (44). М., 2011. С. 7.

⁶²Майоров А. В. 1) Дочь византийского императора Исаака II в Галицко-Волынской Руси: княгиня и монахиня // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1

судьбах этих игумений можно считать то, что обе монахини сохранили свое политическое влияние после принятия ангельского образа, обе сочетали религиозную деятельность с дипломатией, обе занимались строительством и, судя по буллам, вели активную переписку⁶³.

Вместе с этим древнерусское иночество не претендовало на элитарность⁶⁴. Признавая высокое социальное происхождение большинства монашествующих домонгольской Руси и влияние значительной части игуменов крупных княжеских ктиторских монастырей, невозможно не заметить то обстоятельство, что политическое влияние монастырей в городской жизни с середины XII в. начало медленно, но поступательно снижаться. Данное обстоятельство особенно интересно, если принять во внимание то, что монашество этого века формировалось главным образом в пределах городских стен или городских пригородов.

Древнерусское монашество было обласкано властью и допущено к некоторому участию в политической жизни Руси. При этом некоторые представители иночества могут быть даже отнесены к кругу местной правящей политической элиты. Прежде всего это касается Новгорода, архимандриты которого фактически были членами магистрата. Нечто подобное прослеживается и на западно-русских территориях, отмеченных деятельностью и трудами инокинь княжеского происхождения. Правда, в случае Новгорода элитарность архимандритов стала возможной лишь в результате распространения новгородской вечевой патронии над одним из старейших монастырей города. Что касается Евфросинии Полоцкой и Евфросинии Галицкой – то включение этих женщин в состав местных

правлящих элит объяснялось их высоким, княжеским происхождением, а также теми специфическими функциями, какие отводились знатным черницам стоявшей за ними родней. Тем не менее перечисленных свидетельств недостаточно для того, чтобы включить иноков в состав властных элит и считать, что присутствие монашества в политических течениях внутри правящих кругов Руси являлось обычной нормой. Напротив, все примеры полноценного участия монахов в политической жизни локализованы лишь небольшим числом центров и обладают чертами исключительности, подтверждая оправданность той осторожности, какая была проявлена М. Б. Свердловым, предложившим при рассмотрении включенности представителей церкви в состав правящих элит Руси ограничиться епископатом. И всё же высказанные выше наблюдения не более чем тезисы, нуждающиеся в существенном уточнении и обосновании.

(39). 2010. С. 76-106; 2) Печать Евфросинии Галицкой из Новгорода... С. 18-25.

⁶³Алфьоров О. Жіночі печатки Київської Русі // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики: Зб. наук. пр. / Голова редкол. В. А. Смолій; упоряд.: В. В. Томазов, І. К. Хромова. К., 2013. Число 22-23. С. 490.

⁶⁴Мейендорф И., прот. Церковь в истории: статьи по истории Церкви... С. 698-700.

Библиография

Алфьоров О. Жіночі печатки Київської Русі // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики: Зб. наук. пр. / Голова редкол. В. А. Смолій; упоряд.: В. В. Томазов, І. К. Хромова. К., 2013.

Артамонов Ю. А. В поисках ростовской архимандритии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016 год: Памяти Г. В. Глазыриной / отв. ред. тома Т. В. Гимон, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова, А. С. Щавелев; отв. ред. сер. Е. А. Мельникова. М., 2018.

Бълхова М. И. Монастыри на Руси XI – середины XIV века // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки / Отв. ред. Н. В. Сеницына; Ин-т российской истории. М., 2002.

Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880.

Гайденко П. И. Настоятельницы древнерусских монастырей: положение и полномочия // *Rossica Antiqua*. № 2 (12). 2015.

Гайденко П. И. Несколько замечаний о власти настоятеля древнерусского монастыря (XI–XIII вв.) // Христианское чтение. № 5. 2017.

Гайденко П. И. Несколько замечаний о социальных аспектах древнерусского монашества XI – первая половина XIII вв. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. № 4 (12). 2015.

Гайденко П. И. Почему упоминание об архимандритах отсутствует в древнерусских церковных уставах? (Несколько замечаний) // Гуманитарные науки в XXI в. № 3. 2014. URL: <http://humanist21.kgasu.ru/files/N3-Gaydenko-P.I.-statya.pdf> (дата обращения: 29.03.2017)

Гайденко П. И. Священная иерархия Древней Руси: (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М., 2014.

Гайденко П. И. Сколько стоила «жизнь» инока в домонгольской Руси? (небольшие наблюдения о социальном статусе древнерусских иноков) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Вып. 4. СПб., 2015.

Гайденко П. И. Спорные аспекты монастырского «удержания» в домонгольской Руси // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6 (68). Ч. 1. Тамбов, 2016.

Гайденко П. И. Эволюция каноническо-правового статуса русского православного монашества XI–XVI вв. (постановка проблемы) // Правовая культура Московской Руси (XV–XVII вв.): к 520-летию первого общерусского Судебника Сборник научных трудов. Сер. «Историческое правоведение». СПб., 2018.

Гайденко П. И., Москалева Л. А., Фомина Т. Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013.

Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. М., 2012.

Гимон Т. В. Тематика сообщений Лаврентьевской летописи (текст за 1156–1263 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 6 (3). 2012.

Горский А. А. О «племенной» знати и «племенах» у славян // *Florilegium*: к 60-летию Б. Н. Флори / сост. А. А. Турилов. М., 2000.

Горский А. А. Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. СПб., 2011.

Гражданкина Т. А. Сведения о рождении княжеских детей в русских летописях XI–XIV вв. // Источниковедческие исследования: Сб. статей. Вып. 1. М., 2004.

Грушевський М. Історія України-Русі: В 10 т. Т. 2. Львів, 1905.

Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 2001.

Данилевский И. Н. Холопское счастье Даниила Заточника // Казус. 2002. № 4. // URL: <http://www.orbis-medievalis.ru/library/dan-dan.pdf> (дата обращения: 29.03.2017).

Дорофеева Л. Г. Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI – первая треть XVII века): монография // Герменевтика древнерусской литературы: Сборник 16-17 / Отв. ред. М. В. Первушин. М., 2014.

Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 5: XIII век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2005.

Месяца мая в 23-й день житие преподобныя матери нашея Евфросинии // Жития святых в древнерусской письменности: Тексты. Исследования. Материалы / отв. ред., сост., вступ. ст. М. С. Крутовой. М., 2002.

Жих М. И. Славянская знать догосударственной эпохи по данным начального летописания // Исторический формат. № 2. 2015.

Киево-Печерский Патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2004.

Кирилл Туровский, свт. Повесть о беспечном царе и его мудром советнике // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010.

Кирилл Туровский, свт. Притча о человеческой душе и теле (о слепце и хромце) // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010.

Константин Багрянородный. О церемониях византийского двора // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Том II: Византийские источники. Сост. М. В. Бибииков. М., 2010.

Котляр Н. Ф. Удельная раздробленность Руси. СПб., 2017.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: От интерпретации обстоятельств к реконструкции причин // Средневековая Русь. Вып. 10. К 1150-летию зарождения российской государственности / отв. ред. А. А. Горский. М., 2012.

Майоров А. В. Печать Евфросинии Галицкой из Новгорода // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (44). М., 2011.

Морозова Л. Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси. М., 2017.

Мусин А. Е. Milites christi Древней Руси: Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. «Сватьство обуемшеся...»: дозволенное и недозволенное свойство в княжеских браках 40–60-х годов XII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. № 2 (52). 2013.

Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001.

Мейендорф И., прот. Церковь в истории: статьи по истории Церкви / пер. с англ., фр., сост. И. В. Мамаладзе; авт. предисл. и науч. ред. П. Б. Михайлов. М., 2018.

Мининкова Л. В. Князь и дружина Древней Руси: исследование форм общественно-политических отношений раннего русского Средневековья / сост. и гл. ред. А. К. Гладков. М.–СПб., 2018.

Несин М. А. Галицкое вече и Роман Галицкий // Русин. № 2 (32). 2013.

Несин М. А. Некоторые черты социальной трансформации в X–XI вв. в восточнославянском обществе в летописной социальной терминологии // Исторический формат. № 2. 2015.

спенников Ю. В. Правовая традиция Северо-западной Руси XII–XV вв. М., 2011.

Ответы Константинопольского патриаршего собора на вопросы Сарайского епископа Феогноста // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880.

Паушто В. Т. Русь. Прибалтика. Папство (Древнейшие государства Восточной Европы, год) / Ин-т всеобщей истории РАН. М., 2011.

Повесть о Петре и Февронии / Подг. текста и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979.

Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 2001.

Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 2001.

Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1: Новгородская IV летопись. М., 2000.

Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.,

Пузанов В. В. Качественные характеристики великокняжеской и «племенной» элиты IX–X вв. в «Повести временных лет»: социальные образы и этнический фактор // Общественно-политическая мысль в России: традиции и новации. Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 24–25 октября 2006 г. Т. 1. Средневековая Русь: проблемы идентичности / Отв. ред. В. В. Пузанов. Ижевск, 2007.

Пузанов В. В., Пузанов Д. В. «Князь оуже почаль потагнѣте дружина по князѣ». Обретение харизмы: «месть древлянам» и интронизация Святослава Игоревича // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Вып. 7. СПб., 2017.

Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси / рец. В. Б. Кобрин; Я. Н. Щапов. М., 1989.

Регинон Приюмский. «Хроника» с Продолжением (начало X в. и после 973 г.) // Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Т. 4: Западноевропейские источники. Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010.

Рукавишников А. В. Древнерусская знать домонгольского периода (историко-терминологического исследование): Автореф. дисс. к. и. н. М., 2005.

Свердлов М. Б. Становление и развитие правящей элиты на Руси VI–XIV вв. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А. П. Павлов. СПб.,

Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб., 2005.

Слово Даниила Заточника, которое он написал своему князю Ярославу Владимировичу // Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3 т. Т. 1: Домонгольский период / сост., авт. вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010.

Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита. М., 2012.

Стефанович П. С. Элита Древнерусского государства (конец X – первая половина XIII вв.) // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: Материалы Международной научной конференции (Москва, 4-5 декабря 2012 г.) / Отв. ред. А. Ю. Петров. М., 2013.

Суприятнович А. Г. В слезах и во славе: гендер, власть и идентичность в средневековой западной Европе / сост. и гл. ред. А. К. Гладков. М.-СПб., 2017.

Титмар Мерзебургский. Хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Т. 4: Западноевропейские источники. Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010.

Усачев А. С. Эволюция рассказа о происхождении княгини Ольги в русской книжности середины XVI в. // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). Материалы конференции в 2-х томах. Т. 2. 2003.

Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976.

Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976.

Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976.

Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерах торговых // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Шапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976.

Уставная жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Шапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976.

[Устав] Преподобного Варлаама Хутынского, Новгородского Чудотворца // *Амвросий (Орнатский), еп.* Древнерусские иноческие уставы: Уставы российских монастырениачальников. М., 2001.

Успенский Ф. Б., Литвина А. Ф. «Как князь Роман жену терял...»: родство и власть в истории насильственного пострижения Рюрика Ростиславича и его семьи // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 4. Выпуск 6. (22). 2013. URL: <http://history.jes.su/s207987840000588-5-1> (дата обращения: 09.05.2016).

Фомина Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М., 2014.

Цыпин В., прот., Желтов М. С. Ахимандрит // Православная Энциклопедия. Т. 3. М., 2001.

Шапов Я. Н., Соколова Е. И. Архимандрития в древнерусском городе // Церковь, общество и государство в феодальной России / отв. ред. А. И. Клибанов. М., 1990.

Юрасов М. К. Венгрия и русские княжества в XII в.: дисс. д. и. н. М., 2017.

Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

Сведения об авторе

Гайденко Павел Иванович, д. и. н., доц., профессор Московского государственного лингвистического университета, старший научный сотрудник института украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского Национальной академии наук, председатель редакционной коллегии журнала «Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях», г. Москва (Россия). Область научных интересов: история древнерусской церковной организации и церковно-государственных отношений в Киевской Руси.

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

P. I. Gaydenko

A FEW REMARKS ON THE INCLUSION OF ANCIENT RUSSIAN MONASTICISM IN THE POLITICAL ELITES OF PRE-MONGOL RUSSIA

Annotation: The position of church representatives in the structure of the ancient Russian elites is very rarely the subject of historians' consideration. This is due to both the condition of historical sources and the dominance of stereotypical ideas about the place of church people in ancient Russian society. The attention of most researchers is mainly focused on the institution of bishops. Meanwhile, the sources allow us to say that the lower clergy, including monasticism, were included in the environment of the princes, performed important functions, acting as a support for the authorities, or, on the contrary, taking a demonstrative, pronounced negative position towards certain princes. This circumstance suggests that a part of the clergy, like the bishops, whose high status is undeniable, can be considered as elite groups. In the present article, an attempt is made to consider the possibility of including a part of the monasticism in the local political “elites” of Russia.

Keywords: Kievan Rus, Ancient Rus, Old Russian elites, Old Russian monasticism, church-state relations in Kievan Rus.

References

Al'orov O. Zhinochi pechatki Kiivs'koï Rusi [Female press of Kievan Rus] // Spetsial'ni istorichni distsiplini: pitannya teorii ta metodiki: Zb. nauk. pr. Kiev, 2013. (In Ukraininan).

Artamonov Yu. A. V poiskakh rostovskoi arhimandritii [In search of the Rostov archimandrite] // Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2016 god. Moscow, 2018. (In Russian).

Blkhova M. I. Monastyri na Rusi XI – sere diny XIV veka [Monasteries in Russia XI – mid XIV century] // Monashestvo i monastyri v Rossii. XI–XX veka: Istoricheskie ocherki. Moscow, 2002. (In Russian).

Voprosy Kirika, Savvy i Il'i, s otvetami Nifonta, episkopa Novgorodskogo, i drugih ierarkhicheskikh lits [Questions of Kirik, Savva and Ilya, with the answers of Nifont, Bishop of Novgorod, and other hierarchical persons] // Russkaya istoricheskaya biblioteka. Vol. 6: Pamyatniki kanonicheskogo prava. Part 1: Pamyatniki XI–XV v. St. Petersburg, 1880. (In Russian).

Gaidenko P. I. Nastoyatel'nitsy drevnerusskikh monastyrei: polozhenie i polnomochiya [Mothers Superior of Old Russian Monasteries: Position and Powers] // Rossica Antiqua. No. 2 (12). 2015. (In Russian).

Gaidenko P. I. Neskol'ko zamechaniy o vlasti nastoyatelya drevnerusskogo monastyrya (XI–XIII vv.) [Several remarks about the power of the abbot of an ancient Russian monastery (XI–XIII centuries)] // Khristianskoe chtenie. No. 5. 2017. (In Russian).

Gaidenko P. I. Neskol'ko zamechaniy o sotsial'nykh aspektakh drevnerusskogo monashestva XI – pervaya polovina XIII vv. [Several remarks about the social aspects of Old Russian monasticism in the XI – first half of the XIII centuries] // Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii. No. 4 (12). 2015. (In Russian).

Gaidenko P. I. Pochemu upominanie ob arhimandritakh otsutstvuet v drevnerusskikh tserkovnykh ustavakh? (Neskol'ko zamechaniy) [Why is there no mention of archimandrites in the Old Russian church statutes? (A few comments)] // Gumanitarnye nauki v XXI v. URL: <http://humanist21.kgasu.ru/files/N3-Gaydenko-P.I.-statya.pdf> (accessed: 29.03.2017) (In Russian).

Gaidenko P. I. Svyashchennaya ierarkhiya Drevnei Rusi: (XI–XIII vv.): Zarisovki vlasti i povsednevnosti [Sacred hierarchy of Ancient Russia: (XI–XIII centuries): Sketches of power and everyday life]. Moscow, 2014. (In Russian).

Gaidenko P. I. Skol'ko stoila “zhizn” inoka v domongol'skoi Rusi? (nebol'shie nablyudeniya o sotsial'nom statuse drevnerusskikh inokov) [How much did the “life” of a monk cost in pre-Mongol Rus? (small observations about the social status of ancient Russian monks)]. // Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. Iss. 4. St. Petersburg, 2015. (In Russian).

Gaidenko P. I. Spornye aspekty monastyr'skogo “uderzhaniya” v domongol'skoi Rusi [Controversial aspects of monastic “retention” in pre-Mongol Rus] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. No. 6 (68). Part 1. Tambov, 2016. (In Russian).

Gaidenko P. I. Evolyutsiya kanonicheskogo-pravovogo statusa russkogo pravoslavnogo monashestva XI–XVI vv. (postanovka problemy) [Evolution of the canonical legal status of Russian Orthodox monasticism in the XI–XVI centuries (problem statement)] // Pravovaya kul'tura Moskovskoi Rusi (XV–XVII vv.): k 520-letiyu pervogo obshcherusskogo Sudebnika. Sbornik nauchnykh trudov. Ser. “Istoricheskoe pravovedenie”. St. Petersburg, 2018. (In Russian).

Gaidenko P. I., Moskalyova L. A., Fomina T. Yu. Tserkov' domongol'skoi Rusi: ierarkhiya, sluzhenie, nruvy [Church of pre-Mongol Rus: hierarchy, service, customs]. Moscow, 2013. (In Russian).

Gimon T. V. Istoriopisanie rannesrednevekovo i Anglii i Drevnei Rusi. Sravnitel'noe issledovanie [Historiography of early medieval England and Ancient Russia. Comparative study]. Moscow, 2012. (In Russian).

Gimon T. V. Tematika soobshchenii Lavrent'evskoi letopisi (tekst za 1156–1263 gg.) [Subject of messages of the Laurentian Chronicle (text for 1156–1263)] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. No. 6 (3). 2012. (In Russian).

Gorskii A. A. O “plemennoi” znati i “plemenakh” u slavyan [On the “tribal” nobility and “tribes” among the Slavs] // Florilegium: k 60-letiyu B. N. Flori. Moscow, 2000. (In Russian).

Gorskii A. A. Slavyanskoe rasselenie i evolyutsiya obshchestvennogo stroya slavyan [Slavic settlement and evolution of the social system of the Slavs] // Velikoe pereselenie narodov: etnopoliticheskie i sotsial'nye aspekty. St. Petersburg, 2011. (In Russian).

Grazhdankina T. A. Svedeniya o rozhdenii knyazheskikh detei v russkikh letopisyah XI–XIV vv. [Information about the birth of princely children in the Russian chronicles of the XI–XIV centuries] // Istochnikovedcheskie issledovaniya: sb. statei. Iss. 1. Moscow, 2004. (In Russian).

Grushevs'kii M. Istoriya Ukraïni-Rusi: v 10 t. [History of Ukraine-Rus: in 10 volumes]. Vol. 2. L'viv, 1905. (In Ukrainian).

Danilevskii I. N. Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.) [Ancient Russia through the eyes of contemporaries and descendants (IX–XII centuries)]. Moscow, 2001. (In Russian).

Danilevskii I. N. Kholopskoe schast'e Daniila Zatochnika [Villein happiness of Daniil Zatochnik] // Kazus. No. 4. 2002. URL: <http://www.orbis-medievalis.ru/library/dan-dan.pdf> (accessed: 29.03.2017) (In Russian).

Dorofeeva L. G. Chelovek smirenniy v agiografii Drevnei Rusi (XI – pervaya tret' XVII veka): monografiya [Humble man in the hagiography of Ancient Russia (XI – first third of the XVII century): monograph] // Germenevtika drevnerusskoi literatury: Sbornik 16-17 Moscow, 2014. (In Russian).

Zhitie Avraamiya Smolenskogo [The Life of Abrahram of Smolensk] // Biblioteka literatury Drevnei Rusi: Vol. 5: XIII vek. St. Petersburg, 2005. (In Russian).

Mesyatsa maya v 23-i den' zhitie prepodobnyya materi nasheya Evfrosinii [The month of May on the 23rd day of the life of our venerable mother Euphrosyne] // Zhitiya svyatykh v drevnerusskoi pis'mennosti: Teksty. Issledovaniya. Materialy. Moscow, 2002. (In Russian).

Zhikh M. I. Slavyanskaya znat' dogosudarstvennoi epokhi po dannym nachal'nogo letopisaniya [Slavic nobility of the pre-state era according to the data of the initial chronicle]. // Istoricheskii format. No. 2. 2015. (In Russian).

Kievo-Pecherskii Paterik [Kiev-Pechersk Patericon] // Biblioteka literatury Drevnei Rusi: Vol. 4: XII vek. St. Petersburg, 2004. (In Russian).

Kirill Turovsky, st. Povest' o bespechnom tsare i ego mudrom sovetnike [The Tale of the Careless Tsar and His Wise Counselor] // Pamyatniki obshchestvennoi mysli Drevnei Rusi: Vol. 1: Domongol'skii period. Moscow, 2010. (In Russian).

Kirill Turovsky, st. Pritcha o chelovecheskoi dushe i tele (o sleptse i khromtse) [The parable about the human soul and body (about the blind and the lame)] // Pamyatniki obshchestvennoi mysli Drevnei Rusi: Vol. 1: Domongol'skii period. Moscow, 2010. (In Russian).

Konstantin Porphyrogenitus. O tseremoniyakh vizantiiskogo dvora [On the ceremonies of the Byzantine court] // Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: Khrestomatiya. Vol. II: Vizantiiskie istochniki. Moscow, 2010. (In Russian).

Kotlyar N. F. Udel'naya razdroblennost' Rusi [Specific fragmentation of Russia]. St. Petersburg, 2017. (In Russian).

Litvina A. F., Uspensky F. B. Nasil'stvennyi postrig knyazheskoi sem'i v Kieve: Ot interpretatsii obstoyatel'stv k rekonstruktsii prichin [Violent tonsure of the princely family in Kiev: From interpretation of circumstances to reconstruction of reasons] // Srednevekovaya Rus'. Iss. 10. K 1150-letiyu zarozhdeniya rossiiskoi gosudarstvennosti. Moscow, 2012. (In Russian).

Litvina A. F., Uspensky F. B. "Svat'stvo obuemsheya...": dozvolennoe i nedozvolennoe svoistvo v knyazheskikh brakakh 40–60-kh godov XII v. ["Leading to Matchmaking...": a permissible and unlawful property in princely marriages of the 40–60s of the XII century]. // Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki. No. 2 (52). 2013. (In Russian).

Litvina A. F., Uspensky F. B. "Kak knyaz' Roman zhenu teryal...": rodstvo i vlast' v istorii nasil'stvennogo postrizheniya Ryurika Rostislavicha i ego sem'i ["How Prince Roman lost his wife ...": kinship and power in the history of the forced tonsure of Rurik Rostislavich and his family] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya". Vol. 4. Iss. 6 (22). 2013. URL: <http://history.jes.su/s207987840000588-5-1> (accessed: 09.05.2016). (In Russian).

Maiorov A. V. Pechat' Evfrosinii Galitskoi iz Novgoroda [Seal of Euphrosyne of Galicia from Novgorod] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 2 (44). Moscow, 2011. (In Russian).

Maiorov A. V. Galitsko-Volynskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskikh otnoshenii v domongol'skii period. Knyaz', boyare i gorodskaya obshchina [Essays on socio-political relations in the pre-Mongol period. Prince, boyars and city community]. St. Petersburg, 2001. 640 p.

Morozova L. E. Velikie i neizvestnye zhenshchiny Drevnei Rusi [Great and unknown women of Ancient Russia]. Moscow, 2017. (In Russian).

Musin A. E. Milites christi Drevnei Rusi: Voinskaya kul'tura russkogo Srednevekov'ya v kontekste religioznogo mentaliteta [Milites christi of Ancient Rus: Military culture of the Russian Middle Ages in the context of religious mentality]. St. Petersburg, 2005. (In Russian).

Meyendorf I., prot. Tserkov' v istorii: stat'i po istorii Tserkvi [Church in history: articles on the history of the Church]. Moscow, 2018. (In Russian).

Mininkova L. V. Knyaz' i družhina Drevnei Rusi: issledovanie form obshchestvenno-politicheskikh otnoshenii rannego russkogo Srednevekov'ya [The prince and the squad of Ancient Rus: a study of the forms of social and political relations of the early Russian Middle Ages]. Moscow-St. Petersburg, 2018. (In Russian).

Nesin M. A. Galitskoe veche i Roman Galitskii [Galician veche and Roman Galitsky]. // *Rusin*. No. 2 (32). 2013. (In Russian).

Nesin M. A. Nekotorye cherty sotsial'noi transformatsii v X–XI vv. v vostochnoslavianskom obshchestve v letopisnoi sotsial'noi terminologii [Some features of social transformation in the X–XI centuries in the East Slavic society in chronicle social terminology]. // *Istoricheskii format*. No. 2. 2015. (In Russian).

Ospennikov Yu. V. Pravovaya traditsiya Severo-zapadnoi Rusi XII–XV vv. [Legal tradition of North-Western Russia of XII–XV centuries]. Moscow, 2011. (In Russian).

Otvety Konstantinopol'skogo patriarshego sobora na voprosy Saraiskogo episkopa Feognosta [Answers of the Patriarchal Council of Constantinople to the questions of Bishop Feognost of Sarai] // *Russkaya istoricheskaya biblioteka*. Vol. 6: Pamyatniki kanonicheskogo prava. Part 1: Pamyatniki XI–XV v. St. Petersburg, 1880. (In Russian).

Pashuto V. T. Pribaltika. Papstvo (Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy, 2008 god) [Rus. The Baltic States. Papacy (The Oldest States of Eastern Europe, 2008)]. Moscow, 2011. (In Russian).

Povest' o Petre i Fevronii [The Story of Peter and Fevronia]. Leningrad, 1979. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei T. 1: Lavrentevskaya letopis' [The complete collection of Russian chronicles. Vol. 1: Laurentian Chronicle]. Moscow, 2001. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei T. 2: Ipatevskaia letopis' [The complete collection of Russian chronicles. Vol. 2: Ipatiev Chronicle]. Moscow, 2001. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei T. 4. Ch. 1 : Ipatevskaia letopis' [The complete collection of Russian chronicles. Vol. 4. Ch. 1: Novgorod IV Chronicle]. Moscow, 2000. (In Russian).

Priselkov M. D. Ocherki po tserkovno-politicheskoi istorii Kievskoi Rusi X–XII vv. [Essays on the church-political history of Kievan Rus X–XII centuries]. St. Petersburg, 2003. (In Russian).

Puzanov V. V. Kachestvennye kharakteristiki velikoknyazheskoi i "plemennoi" elity IX–X vv. v "Povesti vremennykh let": sotsial'nye obrazy i etnicheskii faktor [Qualitative characteristics of the grand-ducal and "tribal" elite of the IX–X centuries in The Tale of Bygone Years: Social Images and Ethnic Factor] // *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' v Rossii: traditsii i novatsii*. Sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. Izhevsk, 24-25 oktyabrya 2006 g. Vol. 1. Srednevekovaya Rus': problemy identichnosti. Izhevsk, 2007. (In Russian).

Puzanov V. V., Puzanov D. V. "Knyaz' ouzhe pochal" potyagn'ete družhina po knyaze". Obretnie kharizmy: "mest' drevlyanam" i intronizatsiya Svyatoslava Igorevicha ["The prince has already begun; the squad will reach for the prince". Acquiring charisma: "revenge on the Drevlyans" and enthronement of Svyatoslav Igorevich] // *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. Iss. 7. St. Petersburg, 2017. (In Russian).

Pushkareva N. L. Zhenshchiny Drevnei Rusi [Women of Ancient Rus]. Moscow, 1989. (In Russian).

Reginon Priyumskii. “Khronika” s Prodolzheniem (nachalo X v. i posle 973 g.) [“Chronicle” with Continuation (beginning of the X century and after 973)] // Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. Vol. 4: Zapadnoevropeiskie istochniki. Moscow, 2010. (In Russian).

Rukavishnikov A. V. Drevnerusskaya znat' domongol'skogo perioda (istoriko-terminologicheskogo issledovanie): Avtoref. diss. k. i. n. [Old Russian nobility of the pre-Mongol period (historical and terminological research): Author's abstract for the PhD diss.]. Moscow, 2005. (In Russian).

Sverdlov M. B. Stanovlenie i razvitie pravyashchei elity na Rusi VI–XIV vv. [Formation and development of the ruling elite in Russia VI–XIV centuries] // Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva IX – nachala XVIII v.: Ocherki istorii. St. Petersburg, 2006. (In Russian).

Skazanie o zhitii prepodobnogo Antoniia Rimlyanina [Legend about the life of the Monk Anthony the Roman] // Svyatye russkie rimlyane: Antonii Rimlyanin i Merkurii Smolenskii. St. Petersburg, 2005. (In Russian).

Slovo Daniila Zatochnika, kotoroe on napisal svoemu knyazyu Yaroslavu Vladimirovichu [The word of Daniil Zatochnik, which he wrote to his prince Yaroslav Vladimirovich] // Pamyatniki obshchestvennoi mysli Drevnei Rusi In 3 vol.: Vol. 1: Domongol'skii period. Moscow, 2010. (In Russian).

Stefanovich P. S. Boyare, otroki, družiny: voenno-politicheskaya elita [Boyars, youths, squads: the military-political elite]. Moscow, 2012. (In Russian).

Stefanovich P. S. Elita Drevnerusskogo gosudarstva (konets X – pervaya polovina XIII vv.) [Elite of the Old Russian state (end of X – first half of XIII centuries)] // Rossiiskaya gosudarstvennost': opyt 1150-letnei istorii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moscow, 2013. (In Russian).

Supriyatnovich A. G. V slezakh i vo slave: gender, vlast' i identichnost' v srednevekovoi zapadnoi Evrope [In tears and glory: gender, power and identity in medieval Western Europe]. Moscow - St. Petersburg, 2017. (In Russian).

Titmar Merzeburgskii. Khronika [Chronicle] // Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov Vol. 4: Zapadnoevropeiskie istochniki. Moscow, 2010. (In Russian).

Usachev A. S. Evolyutsiya rasskaza o proiskhozhdenii knyagini Ol'gi v russkoi knizhnosti serediny XVI v. [Evolution of the story about the origin of Princess Olga in the Russian book culture of the middle of the XVI century] // Pskov v rossiiskoi i evropeiskoi istorii (k 1100-letiyu pervogo letopisnogo upominaniya). Materialy konferentsii v 2-kh tomakh. Vol. 1. Pskov, 2003. (In Russian).

Ustav knyazya Vladimira o desyatinakh, sudakh i lyudyakh tserkovnykh [Charter of Prince Vladimir about tithes, courts and church people] // Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv. Moscow, 1976. (In Russian).

Ustav knyazya Yaroslava o tserkovnykh sudakh. Prostrannaya redaktsiya. Osnovnoi izvod [Charter of Prince Yaroslav about church courts. Extended edition. The main version] // Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv. Moscow, 1976. (In Russian).

Ustav novgorodskogo knyazya Vsevoloda Mstislavicha kupecheskoi organizatsii tserkvi Ivana na Opokakh [Charter of the Novgorod prince Vsevolod Mstislavich of the merchant organization of the Church of Ivan on Opoka] // Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv. Moscow, 1976. (In Russian).

Ustav novgorodskogo knyazya Vsevoloda o tserkovnykh sudakh, lyudyakh i merilakh torgovykh [Charter of the Novgorod prince Vsevolod about church courts, people and measures of trade] // Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv. Moscow, 1976. (In Russian).

Ustavnaya zhalovannaya gramota smolenskogo knyazya Rostislava Mstislavicha tserkvi Bogoroditsy i episkopu, svyazannaya s uchrezhdeniem episkopii v Smolenske [Statutory letter of gratitude from Smolensk prince Rostislav Mstislavich to the Church of the Mother of God and the bishop associated with the establishment of a bishopric in Smolensk] // Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv. Moscow, 1976. (In Russian).

[Ustav] Prepodobnogo Varlaama Khutynskogo, Novgorodskogo Chudotvortsya [[Charter] of the Monk Varlaam Khutynsky, the Wonderworker of Novgorod] // Ambrose (Ornatsky), bishop.

Drevnerusskie inocheskie ustavy: Ustavy rossiiskikh monastyrenachal'nikov. Moscow, 2001. (In Russian).

Fomina T. Yu. Episkopskaya vlast' v domongol'skoi Rusi: istoki, stanovlenie, razvitie [Episcopal power in pre-Mongol Rus: origins, formation, development]. Moscow, 2014. (In Russian).

Tsyplin V., prot., Zheltov M. S. Arkhimandrit [Archimandrite] // Pravoslavnyaya Entsiklopediya. Vol. 3. Moscow, 2001. (In Russian).

Shchapov Ya. N., Sokolova E. I. Arkhimandritiya v drevnerusskom gorode [Archimandrite in ancient Russian city] // Tserkov', obshchestvo i gosudarstvo v feodal'noi Rossii. Moscow, 1990. (In Russian).

Yurasov M. K. Vengriya i russkie knyazhestva v XII v.: diss. d. i. n. [Hungary and Russian principalities in the XII century: diss. for PhD in History]. Moscow, 2017. (In Russian).

Yanin V. L. Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda [Essays on the history of medieval Novgorod]. Moscow, 2008. (In Russian).

About the author

Gaydenko Pavel I., Doctor of historical sciences, associate professor (docent), professor of Moscow State Linguistic University, senior research associate of the Mykhailo Hrushevsky Institute of Ukrainian archeography and source studies of National Academy of Sciences, the chairman of the editorial board of the scientific journal "Paleorosia, Moscow (Russia). Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas". Research interests: history of the ancient Russian church organization and church-state relations in Kievan Rus.

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

НАРОЧИТЫЕ И ЛУЧШИЕ МУЖИ X–XIII ВВ. ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ЭТИХ ТЕРМИНОВ В ДРЕВНЕРУССКИХ ИСТОЧНИКАХ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ЗНАТИ

Аннотация: Данная работа посвящена комплексному исследованию употребления терминов «нарочитые» и «лучшие» «мужи» применительно к знати X–XIII в. Автор приходит к выводу, что термин «нарочитые» использовался для обозначения неслужилой знати X–XI в. и после XI в. уже не употреблялся в качестве обозначения знатных людей. Термин «лучшие» использовался в более широком значении – как по отношению к неслужилой знати, так и к княжеским людям, а иногда, вероятно, использовался в виде качественной характеристики лучших воинов и дипломатов.

Ключевые слова: М. Б. Свердлов, лучшие мужи, нарочитые мужи, древляне, дружина, неслужилая знать, бояре, Повесть временных лет, Начальный свод, Новгородская I летопись.

В историографии неоднократно упоминались древнерусские нарочитые мужи X–XI в. В частности, в последнее время эта тематика была рассмотрена выдающимся исследователем домонгольской Руси М. Б. Свердловым¹, который, пожалуй, дал нарочитым мужам наиболее четкое определение и обозначил даты их упоминаний в Повести временных лет (далее – ПВЛ). Однако до сих пор все их упоминания в источниках комплексно не изучены. Настоящее исследование представляет собой попытку заполнить эту лакуну. В нем рассмотрены все случаи употребления в древнерусских источниках

термина «нарочитый» по отношению к знати.

Исследователи, как правило, относят мужей нарочитых к местной неслужилой знати². Другое дело, что в последнее время в работах отдельных историков высказываются мысли, что данный термин не отражал реалий рассматриваемого времени.

Так, по утверждению В. Г. Лушина, «Летописные упоминания древлянских мужей «лучших» и «нарочитых» ... не обязательно являют собой прямые указания на социальную и политическую терминологию середины X в. или структуру элиты восточнославянского племени. Автор ПВЛ писал на языке, впитавшем не только обозначения ступеней стратификации общества своего, более позднего времени (начала XII столетия), но и отдельные слова и речевые обороты из древнеславянских переводов библейских текстов и византийских хроник, служивших образцами для

²Пожалуй, единственное исключение представляет собой работа А. А. Горского, в которой высказано предположение, что древлянские нарочитые, или лучшие мужи, державшие Древлянскую землю, относились к княжеской дружине (Горский А. А. О «племенной знати» и «племенах» у славян // *Florilegium*. К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 67.) Но как показали П. Л. Лукин и П. С. Стефанович, эта гипотеза основана на неверной трактовке источника, согласно которому они названы дружиной древлян, а не князя Мала. Также Лукин и Стефанович отметили, что их послала в Киев Древлянская земля, а не князь (Лукин П. В. «Старцы» или «старшие»? О терминологии славянской «племенной знати» // *Славяноведение*. Вып. 2. 2010. С. 27. Примеч. 20; Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины. Военно-политическая элита Руси в X–XI века. М., 2012. С. 205).

¹Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 89-90, 265, 327.

древнерусского книжника. Выявляются библейские параллели и в речи к Ольге древлянского посольства из статьи 6453 (945) г. [Вилкул Т., 2015, с. 320, 321, 327]»³.

В то же время, сам Лушин не приводит никаких параллелей из переводной литературы ни «лучшим», ни «нарочитым» мужам. Нет их и в упомянутой им статье Т. Л. Вилкул, в которой высказано предположение о конструировании летописцем в XII в. древлянских князей, распавших землю, а не нарочитых, лучших мужей⁴.

Другое дело, что приведенные в указанной статье Т. Л. Вилкул параллели речи древлянских послов с выдержками из книги пророка Иезекииля в действительности являются далеко не бесспорными. Дело в том, что сравнение киевского князя Игоря с волком в ПВЛ встречается и выше, в сообщении о принятом древлянами решении убить князя: «Слышавше же деревляне, яко опять идетъ, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: «Аще ся въвадитъ волкъ въ овцѣ, то вытнositъ все стадо, аще не убьютъ его: тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить»»⁵. Поэтому следует полностью согласиться с М. Б. Свердловым, что летописная речь древлянских послов от имени Древлянской земли, в которой Игорь вновь сравнивается с волком – расхитителем и грабителем, в противоположность добрым древлянским князьям, распавшим Древлянскую землю⁶, является непосредственным развитием этой мысли⁷, а не компиляцией из противоположных по смыслу библейских сюжетов. Следовательно, нет оснований полагать, что летописец сконструировал упоминаемые им социальные группы древлян вроде князей, а тем более –

«лучших мужей» под впечатлением от привлеченных Вилкул выдержек из книги пророка Еезекииля⁸.

В другой работе Т. Л. Вилкул находит некоторые параллели двум летописным известиям о древлянах в древнерусском переводе византийской хроники Г. Амартола.

Во-первых, Вилкул сравнила летописное обращение Ольги к древлянским «лучшим мужам»: «добрѣ гостѣ придоша» с оборотами «добрѣ придоша друзи» и «добрѣ да приде честнии»⁹. Впрочем, эти параллели не бесспорны: слова «добрѣ» и «придоша» были не настолько уникальными в древнерусских источниках, чтобы их можно было только заимствовать из неблизких по смыслу переводных текстов. При этом в данных фрагментах хроники Амартола опять же не упоминаются социальные категории, сходные с летописной древлянской элитой.

Во-вторых, ниже Т. Л. Вилкул проводит более удачную параллель рассказа летописи уже об избииении и порабощении древлянских горожан неясного социального статуса со сведениями древнерусского перевода греческой хроники Г. Амарторла об аналогичной участи иерусалимских «жидовъ нарочитыхъ»: в летописном тексте «и прочая люди овыхъ изби а другия работе предасть мужемъ своимъ» действительно можно видеть парафраз из перевода хроники Амартола: «овехъ же умрѣти, другыхъ работе предасть княземъ своимъ»¹⁰. Но, разумеется, было бы натяжкой предполагать, что русский летописец сконструировал погубленных Ольгой в Киеве древлянских послов из среды «нарочитых» мужей по образу «жидовъ нарочитыхъ», захваченных при взятии Иерусалима.

Кроме того, делая весьма ответственное заявление, что летописные

³Лушин В. Г. О предгосударственных образованиях на восточнославянских землях // Историко-археологический сборник. Зимовники, 2020. С. 79.

⁴Вилкул Т. Л. Нові біблійні запозичення у Повісті временних літ: книги пророків // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 15. Київ, 2015. С. 321, 327.

⁵ПВЛ. СПб., 1996. С. 27.

⁶Там же.

⁷Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 88.

⁸Ср: Вилкул Т. Л. Нові біблійні запозичення... С. 327.

⁹Вилкул Т. Л. Літопис і хронограф. Студії з домонгольського кийського літописання. Київ, 2015. С. 122.

¹⁰Там же. С. 132.

упоминания «лучших» и «нарочитых» древлянских мужей «не обязательно являют собой прямые указания на социальную и политическую терминологию середины X в. или структуру элиты восточнославянского племени», а могли быть упомянуты в ПВЛ в соответствии с реалиями XII в., В. Г. Лушин не рассмотрел все случаи употребления этих терминов в данном источнике. В противном случае исследователь не мог бы не заметить, что практически все упоминания «нарочитых» людей, мужей, относятся к середине – концу X в. К следующему – XI в. относится единичный случай употребления в ПВЛ этого термина¹¹ – под 1015/1016 г., который, как отметил М. Б. Свердлов, был последним¹². В дальнейшем этот термин не был характерен для русского летописания в качестве обозначения знати. Последние упоминания «нарочитых» людей в южнорусских источниках в качестве знати содержатся в Церковном уставе Ярослава Мудрого¹³, и датировку их появления в Уставе нет оснований выносить за пределы XI ст.¹⁴ В

дальнейшем этот термин, по-видимому, уже не употреблялся в древнерусских источниках в качестве обозначения знатных людей и знатности¹⁵. Таким

заметить, что с нормами Русской Правды XII в. ближе всего соотносятся отдельные статьи Устава. И появление этих сравнительно поздних статей автор относит не строго к XII в., а к интервалу «второй половины XI–XII вв.» (Там же. С. 292). При том в Уставе они помещены значительно ниже тех статей, в которых упоминаются нарочитые люди. Кроме того, Я. Н. Щапов сопоставил некоторые статьи Устава с договором Новгорода с Готским берегом и немецкими городами конца XII в. и резюмировал: «несмотря на некоторое различие в единицах денежного счета, социальных градациях, упоминаемых в статьях, и в обозначении поступков, статьи обоих памятников близки между собой. Они могут быть отнесены к одному примерно времени» (там же. С. 293). Вместе с тем стоит учесть, что в новгородском акте «правда» выступает отнюдь не в качестве нововведения в севернорусском законодательстве, а касается прежде всего иноземных новгородских торговых партнеров: «Се язъ князь Ярославъ Володимеричъ сгадавъ с посадникомъ с Мирошкою и с тысяцкымъ Яковомъ и съ всеми Новгородьци, потвердимомъ мира старого с посломъ Арбудомъ и съ всеми Немецкыми сыны и съ Гты и съ всемъ Латиньскымъ языкомъ. Послал есмь посла своего Григу на сеи правде» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949. № 28. С. 55). Стоит учесть, что данный договор «не был первым торговым соглашением между Новгородом и его западными партнерами, а являлся подтверждением «старого мира», который, возможно, был заключен с островом Готланд в период его господства на Балтийском море еще в первой половине XII в.» (Рыбина Е. А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода // Новгородский исторический сборник. № 3 (18). 1989. С. 45). И не ясно, в какой мере статьи этой «правды» во время составления этого договора являлись новшеством даже в отношении готских и немецких купцов, а в какой – повторением условий подтвержденного «мира старого». Поэтому время составления некоторых статей Церковного устава Ярослава Мудрого не вполне корректно соотносить с упоминанием подобных правил в указанном новгородском мирном договоре с Готландом и немецкими городами. Ныне П. С. Стефанович также склонен относить упоминания «нарочитых» людей в Церковном уставе Ярослава Мудрого к архетипу этого памятника середины XI ст. (Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 522).

¹⁵В т. н. летописце Даниила Галицкого термин «нарочитый» фигурирует дважды – по отношению к нарочитому (знаменитому) предсказателю по

¹¹ПВЛ. С. 62. П. В. Лукин считает это поздним домыслом киевского хрониста и полагает более достоверной именно формулировку Новгородской I летописи младшего извода о «воях славных тысяче». По мнению ученого, речь шла не о знати, а о тысяче самых «видных», «прославленных» новгородских воинов, «отборных воинах». (Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014. С. 96–100). Однако, как мы отмечали, это предположение является не доказанным, так как, ссылаясь на иностранные примеры, П. В. Лукин не находит ни одного подобного случая в древнерусской практике. Русские хронисты впоследствии были склонны ассоциировать 1000 славных воинов именно с местной элитой, а не с некими отборными воинами, взятыми ученым из иноземных реалий (Несин М. А. Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2018. С. 39. Примеч. 107).

¹²Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 90.

¹³Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 86–87.

¹⁴Я. Н. Щапов относит складывание ядра Устава к XI – первой половине XII в. (Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 291–293). Однако не трудно

полету птиц и нарочитым польским «боярам», чем-то выделявшихся на фоне «иных» польских «воев» (Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 2. СПб., 1908. Стб. 799-800). Во втором случае речь, возможно, идет о выдающихся боярах (Літопис руський / Пер. з давньорус. Л. Є. Махновця; Відп. ред. О. В. Мишанич. Київ, 1989. С. 402). Однако, не исключено, что в этот раз слово «нарочитые» тоже было употреблено в значении «знаменитые: захваченный князем Даниилом Романовичем Гаплицким в плен «старейший» поляк (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 800) – польский военачальник «Твориан» (Флориан Войтехович) и раньше упоминался в том же источнике (там же. Стб. 739) в качестве королевского польского посла (Літопис руський. С. 378), с которым оба волыньских князя Романовича заключили мир. В севернорусском летописании под 1300 г. есть отдельное упоминание шведских «нарочитых мужей» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НЛ) // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 91). Но стоит принять во внимание, что в этом же летописном известии есть пример упоминания термина «нарочитый» отнюдь не в значении знатности: «приведоша изъ своєї земли мастера, из великого Рима от папы мастеръ приведоша нарочить» (там же). Речь идет о выдающемся или известном мастере. И. И. Срезневский полагал, что в данном случае слово «нарочить» употреблено в значении отличный (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том второй. Л–П. СПб., 1902. Стб. 323), но отличного мастера для постройки крепости на р. Неве шведы бы сумели найти и в своей «земле», откуда они привезли для этой цели других мастеров. Из Рима от самого римского папы имело смысл нанимать лишь выдающегося, знаменитого зодчего. Тот же И. И. Срезневский привел несколько примеров употребления слова «нарочитый» в значении «знаменитый, выдающийся» (там же). Но как бы то ни было, не исключено, что применительно к шведским мужам это слово было употреблено в подобном значении. Во всяком случае в новгородских источниках данный термин не фигурирует в качестве обозначения местной элиты. Составители 10 выпуска Словаря русского языка XI–XVII вв. приводят в значении «знатные, именитые» упоминания нарочитых мужей в Сказании о Борисе и Глебе XII в., нарочитых бояр в известии московского летописного свода конца XV в. о Куликовской битве и нарочитых людей в документе 1659 г. (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 221). Но нетрудно заметить, что в данных случаях слово «нарочитые», вероятно, употреблялось и в другом указанном в этом же словаре значении «известный, знаменитый» (там же). Более того, это представляется нам наиболее вероятным. В процитированном составителями словаря отрывке Сказания о Борисе и Глебе слово

образом, можно согласиться с М. Б. Свердловым, что летописные упоминания мужей нарочитых в качестве местной знати X – начала XI в. относятся «к древнейшему по времени пласту записей ПВЛ» и в них отражена «древнейшая

«нарочитые» не синоним «большим» – городской элите (там же). И даже если считать, что оба термина в данном случае относятся к одним и тем же знатым лицам, прилагательное «нарочитые» не служит характеристикой знатности. Московский летописец упоминает имена павших в Куликовской битве князей, нарочитых бояр и воевод (там же), явно отдавая дань типичному для русских средневековых источников порядку перечисления участников военных походов – князья, бояре и воеводы. В этой связи ему незачем было бы выделять только знатнейших бояр, если бояре и так упоминались перед воеводами. Но если князья, как и воеводы, обычно руководили войсками, то бояре не всегда (например, боярин И. В. Ощера с окольничим Г. А. Мамоном во время стояния на Угре были великокняжескими советниками). Скорее всего, поименно упоминались те бояре, которые больше всего отличились в Куликовской битве. Интересно, что летописец отмечает, что прочих бояр, а также слуг он не упоминает (там же), не упомянув при этом детей боярских, несомненно, бывших в числе погибших. Термин «дети боярские» был известен при Дмитрии Донском в качестве обозначения великокняжеских служилых людей (Несин М. А. Дети боярские в Новгороде XIV–XV вв. по материалам новгородского летописания // Valla. Т. 2. № 4-5. 2016). Но московский хронист в данном случае явно сознательно уравнивал не отличившихся в битве бояр со слугами, которых не упоминали в качестве полноценных воинов. В документе XVII в. люди нарочитые перед детьми боярскими упоминаются в числе отпущенных на Русь пленников (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. С. 221). Но дети боярские в то время являлись городской элитой. Следовательно, термин «нарочитые», скорее всего, означал именно известных людей (ср: там же). Наконец, в данном словаре в значении «знатный, именитый» упоминаются нарочитые вязни (*zacieyszych osob*) из переводного источника XVII в. (там же), что является явным недоразумением, так как этот оборот весьма точно переводится с польского языка как «достойных особ», что соответствует выделенному в словаре другому значению слова «нарочитый» – «достойный, почтенный» (там же). Таким образом, стоит признать, что после XI в. термин «нарочитый», по-видимому, не употреблялся для обозначения знати. Во-всяком случае, однозначных примеров употребления этого слова в таком значении в указанный период нет. И о регулярном его использовании в данном смысле говорить не приходится.

социальная лексика»¹⁶, и надо полагать, что термин «нарочитые мужи», употребленный в ПВЛ применительно к древлянской элите X в., был аутентичным, а не представлял собой позднюю модернизацию книжника XII в. В противном случае пришлось бы придумывать конспирологическую теорию о дружном замалчивании в источниках этого термина при упоминании древнерусской элиты после XI в., при частом употреблении его за X в. А это было бы ненамного лучше, чем «открытия» адептами Новой Хронологии появления В. Новгорода на современном месте в позднем Средневековье и создания первыми Романовыми имитации древнего новгородского культурного слоя.

Недавно П. В. Лукин призвал «распрощаться» с ««древнерусской категорией» нарочитых мужей» на том основании, что слово «нарочитые» иногда использовалось древнерусскими книжниками при упоминании евреев и преступников – нарочитых жидов и нарочитых разбойников¹⁷. Однако, как уже отмечалось, столь категоричный подход не представляется убедительным: в таком случае стоило бы «распрощаться» и со «старейшими» из новгородских актов: ведь на Руси это слово употребляли не только для обозначения новгородской элиты, но и по отношению к главным городам – городам «старейшим», старшему – «старейшему» брату и др. К тому же «нарочитые люди» фигурируют не только в нарративных источниках, но и в

Церковном уставе Ярослава Мудрого¹⁸. По мнению некоторых исследователей, терминология этого памятника заимствована из Болгарии¹⁹. Вместе с тем, если бы подобной социальной страты на Руси не существовало, ее бы не включили в древнерусское законодательство, строго регламентирующее суммы штрафов за определенные преступления применительно к общерусским реалиям²⁰. Да и безоговорочное использование П. В. Лукиным сведений Рязанской кормчей 1284 г. для интерпретации нарочитых мужей «Владимирова времени» представляется не вполне правомерным. Тем более, что как было нами отмечено выше, после XI в. данный термин уже, по видимому, не использовался для обозначения знати, а употреблялся в иных значениях. К тому же концепция П. В. Лукина представляется несколько противоречивой, или, во всяком случае, недосказанной, поскольку в других работах исследователь признает, что «чаще всего «нарочитыми мужами/людьми» называли представителей социальной элиты», хотя почему-то считает, что этот термин не имел «четких социальных... коннотаций»²¹. Нужно отметить, что столь критическая концепция Лукина, как и точка зрения В. Г. Лушина, не основана на комплексном анализе упоминаний изучаемого термина.

Более взвешенной нам представляется позиция П. С.

¹⁶Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 90.

¹⁷Лукин П. В. «Но преблагии Богъ не хотя смерти грѣшникомъ...»: начальное летописание об эпохе Владимира Святого и литературные параллели летописным рассказам // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. М. –Вологда, 2017. С. 292.

¹⁸Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика // Novogardia. № 2 (6). 2020. С. 22.

¹⁹Юшков С. В. Общественный строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 214.

²⁰Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 209; Несин М. А. Новгородские житейные люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в. Часть 1. От рубежа XIV–XV вв. до второй половины 1471 г. // История военного дела: исследования и источники. Т. VIII. 2016. С. 253; Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах... С. 22.

²¹Лукин П. В. 1) Новгородское вече. С. 97; 2) Новгородское вече. 2-е издание, переработанное и дополненное. М., 2018. С. 114.

Стефановича²², не исключаящего возможность, что данный термин в какой-то мере являлся литературным, но, тем не менее полагающего, что он не был бессодержательным и иногда обозначал элиту.

Под 6453 (945 г.) в ПВЛ упоминаются древлянские нарочитые, лучшие мужи. Поскольку убийство Игоря произошло осенью 945 г.²³, а первое

²²Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 103.

²³Обоснование датировки см: Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. М., 2009. С. 82. Ученый почему-то утверждает, что это могло произойти и зимой 945/46 гг., не приводя никаких доказательств (там же). Между тем, согласно ПВЛ Игорь замыслил поход в Древлянскую землю за данью в начале осени и летопись не сообщает ни о каких многодневных задержках киевского князя в земле древлян. По мнению А. В. Назаренко, князь Игорь погиб не ранее Пасхи 946 г. Исследователь опирался на византийский формуляр, в котором упомянуты византийские императоры Константин и Роман и некий архонт росов. Назаренко отождествил императоров с Константином VII и Романом II (который, по его заключению, был коронован весной 946 г.), а безымянного архонта росов – с киевским князем Игорем (Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 261–263). На выводы А. В. Назаренко иногда до сих пор ссылаются как на твердо установленный факт (Стефанович П. С. Древлянская дань киевским князьям // По любви, въ правдѣ, безо всякия хитрости. Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. Сборник статей. М., 2014. С. 26; Лушин В. Г. 1) Подвеска из Пскова, «христианские» псевдодирхамы и летописная хронология // Нумизматика Старого Света. Кн. I. Зимовники, 2016. С. 52; 2) 6411 (903) и 6453 (945) годы в структуре летописных датировок событий X века // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Сборник научных статей. Кн. I. Зимовники, 2017. С. 128). Вместе с тем еще А. Ю. Карпов последовательно опроверг аргументы А. В. Назаренко (Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. С. 296. Примеч. 3). Во-первых, исследователь показал, что коронация Романа II состоялась весной 945 г. При этом ученый отметил дискуссионность вопроса о том, какой именно император Роман упомянут в формуляре, сославшись на работу Г. Г. Литаврина, в которой сделаны выводы, что это был Роман I. Во-вторых, Карпов заметил, что даже если формуляр был составлен «после смерти Игоря», он мог быть адресован сыну Игоря, Святославу, который также являлся князем. Согласно справедливому

посольство древлянских лучших мужей приплыло в Киев на ладье, то эти события следует отнести к осени, до наступления ледостава²⁴. Видимо, в пределах 945 г. в Киев прибыло второе посольство древлянских нарочитых мужей – лучших мужей, управлявших Древлянской землей – летописец не сообщает о том, что Ольга послала за ним много времени спустя после убийства первого посольства и что те мужи долго собрались.

Согласно источнику, во время убийства киевского князя Игоря

заклучению исследователя, «в любом случае приходится констатировать, что данные формулярика не могут быть использованы для передатировки традиционной датировки гибели Игоря» (там же). Иногда высказываются мнения, будто Игорь предположительно был жив и во время составления трактата Константина VII «Об управлении империей», в котором Игорь якобы «выступает действующим князем» (Лушин В. Г. 1) Подвеска из Пскова... С. 52; 2) 6411 (903) и 6453 (945) годы... С. 128). В действительности в трактате Святослав фигурирует в качестве сына «Ингора» (Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 5), из чего никак не следует, что его отец к тому времени был жив. Таким образом, Игорь указан в нем если не «в прошедшем времени» (Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. С. 297. Примеч. 3), то, по крайней мере, не значится в качестве однозначно действующего правителя. Ныне А. С. Щавелев почему-то решил, что поскольку в данном трактате не упоминается смерть Игоря, то он непременно был жив в начале 950-х гг. (Щавелев А. С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 годы). М., 2020. С. 354–355). С этим доводом сложно согласиться: следуя подобной логике, нужно было бы упоминание кагана Русской земли, Владимира – внука Игоря Старого – в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона XI ст. трактовать в том смысле, что Игорь дожил до XI в. Ведь в этом источнике тот, как и в трактате Константина Багрянородного, тоже не назван покойным. И, разумеется, на основании упоминания Ярослава, деда Владимира Мономаха, в «Поучении» Владимира Мономаха, тоже было бы надо заключить, что Ярослав Мудрый дожил до написания «Поучения». Таким образом, попытки опровергнуть летописную датировку смерти Игоря и отнести кончину князя к более позднему времени нам не представляются убедительными.

²⁴А. Ю. Карпов также отметил, что древляне на ладье могли приплыть только в теплый сезон, но почему-то относит это событие уже к весне (Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. С. 87), хотя ПВЛ не упоминает ни о какой полугодовой задержке.

древлянами около древлянского города Искоростяня, «Вольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилецъ его Асмудъ, и воевода бѣ Свѣнделдъ, – то же отецъ Мистишинъ. Рѣкоша же древляне: «Се князя убихомъ русаго, поимемъ жену его Вольгу за князь свой Маль и Святослава, и створимъ ему, якоже хотимъ». И послаша деревляне лучшии мужи, числомъ 20, в лодыи къ Ользѣ. Присташа подъ Боричевымъ въ лодыи. Бѣ бо тогда вода текущи vzdolъ горы Киевския, и на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ. Градъ же бе Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ князь бяше в городѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсище бѣ внѣ града. И бѣ внѣ града дворъ другой, идеже есть дворъ деместиковъ за святою Богородицею; надъ горою дворъ теремный; бѣ бо ту теремъ камень. И повѣдаша Ользѣ, яко деревляне придоша, и възва я Ольга къ собѣ и рече имъ: «Добри гостье придоша» И рекоша деревляне: «Придохомъ, княгине». И рече имъ Ольга: «Да глаголите, что ради приидосте сѣмо?» Рѣша же древляни: «Посла ны Дервьска земля, рѣкуще сице: мужа твоего убихомъ, бяше бо мужъ твой аки волкъ, восхищяя и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Дервьску землю, да поиди за князь нашъ за Маль»; бѣ бо имя ему Маль, князю дервьску. Рече же имъ Олга: «Люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мужа своего не крѣсити, но хочу вы почтити наутрия предъ людьми своими, а нынѣ идѣте в лодью свою, и ляжите въ лодыи величающесе, и азъ утро посшо по вы, вы же рѣцѣте: «Не едемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны в лодѣ; и възнесутъ вы в лодыи»; и отпусти я в лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубокоу на дворѣ теремѣмъ внѣ града. И заутра Вольга, сѣдючи в теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ, глаголюще: «Зоветь вы Ольга на честь велику». Они же рекоша: «Не едемъ на конихъ, ни на возѣхъ, ни пеши идемъ, понесѣте ны в лодыи». Реша же кияне: «Намъ неволя; князь нашъ убиенъ, а

княгини наша хочет за вашъ князь», и понесоша я в лодыи. Они же сѣдяху в перегѣбѣхъ въ великихъ сустугахъ горящесе. И принесоша я на дворъ къ Ользѣ, и, несѣше, вринуша е въ яму и с лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: «Добра ли вы честь?». Они же рѣкоша: «Пуще ны Игоревы смерти». И повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я.

И пославши Ольга къ деревлянномъ, рече имъ: «Да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашъ князь, еда не пустять мене людье киевстии». Се слышавше деревляне избраша лучшии мужи, иже дерьгаху Дервьску землю, и послаша по ню»²⁵.

(Аналогичная запись фигурирует в Новгородской I летописи младшего извода (далее – НЛ мл.)²⁶, в которой, по мнению ряда исследователей, сохранился текст предшествующего ПВЛ гипотетического киевского Начального свода конца XI в. Некоторые сторонники концепции Начального свода конца XI в. безоговорочно ссылаются на данную статью НЛ мл. как на первоисточник²⁷. Однако, к примеру, М. Б. Свердлов, также разделяющий концепцию существования Начального свода, в данном случае опирается на ПВЛ²⁸.

Стоит учесть, что в НЛ мл. встречаются менее удачные чтения по сравнению с ПВЛ, которые отмечают и сторонники версии о сохранении в этом источнике текста Начального свода. К примеру, в монографии П. С. Стефановича показано, как правильно названный в ПВЛ киевский топоним Угорское превратился в разных списках НЛ либо в «Угорскими», либо в «подугорских гостей»²⁹. П. В. Лукин, публикуя текст сказания о варягах-мучениках, отметил, что «текст Л

²⁵ПВЛ. С. 27–28.

²⁶НЛ. С. 111.

²⁷См., напр: Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 223.

²⁸Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 88–89.

²⁹Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 197–198.

приводится по варианту ПВЛ в составе Лавр, вопреки, казалось бы, предшествовавшего ПВЛ «Начального свода». Однако в варианте Л в НПЛ мл. есть явно поздние чтения»³⁰.

Не является исключением интересующее нас известие НПЛ мл. Так, если, согласно ПВЛ, вне града находилось перевесище (место ловли птиц), то в НПЛ это слово превратилось в «первѣе сице» (раньше следовательно), а за городом оказался другой княжеский двор с каменным теремом³¹. Чтение НПЛ мл. является дефектным, потому что такое расположение другого двора никак не «сице» – не следует из летописного повествования. Известный киевский топоним Боричев новгородский книжник передал искаженно как Биричев³² (наверное, в качестве производного от хорошо известной в Новгороде должности бирича); наконец, согласно НПЛ мл., древлянские лучшие мужи сказали, что добрые древлянские князья не «распасли» (устроили)³³ а «расплодили» Древлянскую землю³⁴. Стоит учесть, что слово «расплодить» на Руси даже в фигуральном смысле иногда явно связывалось с урожаем, плодоношением³⁵. Это плохо сочетается с летописным противопоставлением деятельности древлянских князей убитому киевскому князю Игорю, которого за его склонность к расхищению и грабежам древлянские лучшие мужи сравнили с волком – волки не интересуются урожаем. Вдобавок это слово плохо вписывается в контекст рокового для Игоря конфликта с древлянами из-за сбора дани, поскольку древляне платили дань мехами черной куницы, а не сельскохозяйственной продукцией. И даже если понимать

«расплодили» строго в значении причастности древлянских князей к преумножению численности населения Древлянской земли³⁶, это все равно плохо подходит для антитезы деятельности Игоря, которого не обвиняли в геноциде древлянского населения³⁷. Более удачным является чтение ПВЛ, согласно которому древлянские послы – лучшие мужи противопоставили покойному киевскому князю Игорю, волку-расхитителю и грабителю, своих добрых древлянских князей, распасших, устроивших землю³⁸. В остальном текст известия НПЛ мл. практически не отличается от ПВЛ и не обнаруживает по сравнению с ним каких-то архаичных черт, дающих основания сделать однозначный вывод о том, что новгородский хронист пользовался каким-то уникальным, более ранним, чем ПВЛ, киевским источником. Таким образом, мы предпочитаем использовать более грамотный текст ПВЛ, чем аналогичный, но более неряшливый текст НПЛ мл., содержащий неудачные чтения).

По-видимому, термин «нарочитые мужи» в данном случае однозначно стоит толковать как обозначение древлянской неслужилой знати. В историографии уже отмечалось, что древлянских нарочитых мужей трудно отнести к дружине князя Мала, их посылали именно древляне, а не

³⁶См. упоминание в недатированной части ПВЛ расплодившейся Земли после Всемирного потопа от Ноя, его сыновей и жены (там же. С. 28). Это, по-видимому, нельзя в полной мере понимать буквально: у Ноя и его жены после потопа не рождались дети, а потомки были у трех их сыновей, родившихся до потопа.

³⁷В этой связи трудно признать продуктивной интересную гипотезу А. В. Скобелева, использовавшего чтение НПЛ о добрых древлянских князьях, расплодивших Древлянскую землю, в качестве возможного свидетельства о княжеском происхождении нарочитых мужей (Скобелев А. В. «Люди» в системе социальных связей восточнославянского общества VI - первой трети XIII в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ижевск, 2010. С. 100). Тем более, что и в НПЛ деятельность древлянских князей никак не связывается с нарочитыми мужами.

³⁸ПВЛ. С. 27.

³⁰Лукин П. В. Сказание о варягах-мучениках в начальном летописании и Прологе: текстологический аспект // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (38). 2009. С. 74–75.

³¹НПЛ. С. 111.

³²Там же.

³³См. напр: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997. С. 21.

³⁴НПЛ. С. 111.

³⁵Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. С. 27–28.

князь со своими людьми³⁹. Навряд ли это можно считать случайностью. Выше летописец ясно отмечает, что убить Игоря древляне решили совместно со своим князем Малом⁴⁰, таким образом, хронист четко отделял решения древлян, принятые совместно со своим князем, от самостоятельных действий древлян.

При этом нетрудно заметить, что в выше процитированном известии ПВЛ «нарочитые» мужи отождествляются с «лучшими мужами»: расправившись с членами первого древлянского посольства, киевская княгиня Ольга попросила древлян прислать нарочитых мужей, и древляне отправили лучших мужей, которые держали Древлянскую землю⁴¹. (В этой связи, по мнению большинства историков, нарочитые мужи и лучшие были полностью взаимозаменяемыми терминами⁴², а, по мнению В. В. Пузанова

и А. В. Скобелева, нарочитые представляли собой лишь высшую категорию лучших⁴³. Первая версия

А. С. «Племена» восточных славян: этапы завоевания и степень зависимости от державы Рюриковичей в X в. // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. С. 42.

⁴³Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 568; Скобелев А. В. «Люди» в системе социальных связей... С. 99. Разделял нарочитых и лучших и Г. В. Абрамович (Абрамович Г. В. К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадильности его перехода в развитой феодализм // ИСССР. № 2. 1981. С. 66-67). Однако стоит заметить, что Г. В. Абрамович опирался на чтения поздней Воскресенской летописи (которые почему-то связывал с «Нестором»), а также сделал совершенно безосновательный вывод, что лучшие мужи, говоря о достижениях своих князей, сами, в отличие от нарочитых мужей, державших Древлянскую землю, политической властью не обладали. Между тем, во-первых, смысл данной речи заключался в том, чтобы своих князей, распавших, устроивших Древлянскую землю, противопоставить не себе, а киевскому князю Игорю, сравненному с волком-расхитителем. При этом использованное Абрамовичем чтение Воскресенской летописи, согласно которому князья не распали, а разделили землю (там же. С. 66), является в данном контексте неудачным: если устройство земли явно противостоит по смыслу расхищению, то раздел земли не является а priori лучшим для страны, чем разворовывание, поскольку также может способствовать ее ослаблению. Во-вторых, Г. В. Абрамович некритически сослался на чтение Воскресенской летописи, согласно которому во второе посольство к киевской княгине древляне «избраша нарочитыхъ мужъ 50, иже дръжаху Деревьскую землю» (ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 284). Между тем, согласно выше процитированному известию ПВЛ, в ответ на просьбу княгини Ольги отправить к ней нарочитых мужей, древляне «избраша лучшие мужи, иже деръжаху Деревьску землю». Таким образом, лучшие мужи отождествляются с нарочитыми и связаны с управлением Древлянской землей. При этом, число этих мужчин в ПВЛ не указано. Скорее всего, сведения Воскресенской летописи о 50 мужах являются домыслом позднего московского хрониста, дававшего понять, что вторая месть Ольги была еще страшнее первой, в результате которой погибли 20 знатных древлянских мужчин. Таким образом, мнение Г. В. Абрамовича основано на некритическом использовании чтений поздней Воскресенской летописи и неверном понимании текста данного источника.

³⁹Лукин П. В. «Старцы» или «старшие»... С. 28. примеч. 20; Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 205.

⁴⁰ПВЛ. С. 27.

⁴¹Там же. Согласно чтению Комиссионного списка НЛ, в ответ на просьбу Ольги прислать нарочитых мужей, древляне избрали лучших мужей нарочитых (НЛ. С. 112). Такой оборот – лучших мужей нарочитых – не характерен для древнерусских источников. Стоит учесть, что младший извод НЛ был составлен уже в то время, когда термины «лучшие» и «нарочитые» по-видимому не употреблялись в значении знатных людей. Потому вероятно были восприняты новгородским книжником не как взаимозаменяемые обозначения знати, а в качестве разнообразных взаимодополняющих качественных характеристик древлянских послов. Впрочем, не исключено, что мы имеем дело с простой опиской новгородского книжника, по ошибке продублировавшего слово «нарочитых». (Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 223. Примеч. 199).

⁴²Свердлов М. Б. 1) Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 41; 2) Домонгольская Русь... С. 90; Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. С. 93; Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 223; Толочко П. П. Ранняя Русь: археология и история. СПб., 2013. С. 81; Лукин П. В. Новгородское вече. С. 54; Несин М. А. Некоторые черты социальной трансформации в X–XI вв. в восточнославянском обществе в летописной социальной терминологии // Исторический формат. № 2. 2015. С. 108; Щавелев

представляется более убедительной – для древнерусских летописей не было характерно давать развернутые объяснения социальной терминологии. И в данном случае летописец скорее не стремился пояснить, какие именно лучшие мужи считались нарочитыми, а просто отметил, что в ответ на просьбу киевской княгини прислать ей новое посольство из нарочитых мужей древляне отобрали лучших из лучших – тех лучших мужей, которые были связаны с управлением Древлянской землей. А круг нарочитых мужей, таких образом, был шире и включал в себя всех лучших мужей вообще. Но как бы то ни было, все авторы согласны в том, что в какой-то мере нарочитые мужи в ПВЛ отождествлялись с лучшими). Время возникновения этого летописного рассказа на данный момент точно не установлено⁴⁴, но он, несомненно,

⁴⁴И. Я. Фроянов полагал, что летописные рассказы об убийстве древлянами киевского князя Игоря и мести его вдовы Ольги не могли появиться раньше конца XI в., поскольку упоминания об Игоре как о волке – расхитителе будто бы перекликаются с преданием из Новгородской I летописи младшего о дружинниках, которым было мало получать по 200 гривен; этот сюжет Фроянов в рамках концепции А. А. Шахматова относил к Начальному летописному своду 1090-х гг. (Фроянов И. Я. О событиях 945-946 гг. в древлянской земле и Киеве (в свете этнографических данных) // Историческая этнография. СПб., 1993. С. 104). Однако, такое сравнение трудно признать достаточным для датировки летописного рассказа хотя бы потому, что предания о жадности независимо появлялись у разных народов в различных частях света в разные века.

С другой стороны, А. А. Гиппиус, проанализировав употребленные в ПВЛ разные формы аористов глагола «рещи», сделал вывод, что данная запись, а также некоторые иные, восходит к первой половине XI в. (Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игореву: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. Vol. 25. № 2. 2001). Некоторые историки безоговорочно принимают выводы А. А. Гиппиуса (см. напр: Лукин П. В. «Старцы» или «Старшие»... С. 28. Примеч. 20). Вместе с тем выводы Гиппиуса были серьезно оспорены О. Б. Страховой, пришедшей к выводу, что сосуществование старых и новых языковых форм (в частности, аориста от глагола «рещи») часто прослеживается через всю историю развития церковнославянского языка. А поскольку в Киевской Руси XI в. старые формы аористов от «рещи» употреблялись в богослужении, то

«история старых и новых форм аористов – это история их бесконечной вариативности» в памятниках письменности, обусловленной самыми разными факторами: временем и местом создания памятника, модой, влиянием престижного текста, сознательной архаизацией языка или его сознательной модернизацией, орнаментальными принципами, наконец», а распределение старых и новых языковых форм в памятниках летописания не может быть «детерминирующим хронологическим маркером, позволяющим установить время создания памятника». Сопоставив все списки ПВЛ, исследовательница показала, что аугментные имперфекты характерны только для Лаврентьевского списка и не отражают протографа, а старые формы аориста также в основном характерны для Лаврентьевской летописи (Страхова О. Б. Рекоша дружина Игореву... К статье А. А. Гиппиуса о лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Palaeoslavica. Vol. XVI. № 2. 2008). А. А. Гиппиус остался при своем мнении относительно истории ПВЛ, однако согласился с О. Б. Страховой, что сосуществование старых и новых форм аористов от глагола «рещи» сложилось до XI ст., и не у восточнославянских книжников (Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игореву...-3. Ответ О. Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // Palaeoslavica. Vol. XVII. № 2. 2009). Филолог Л. Ф. Килина согласилась с О. Б. Страховой «прежде всего в том, что на основании одной формы вряд ли возможно делать какие-то глобальные выводы» (Килина Л. Ф. Лингвотекстологическое исследование русских летописей: к постановке проблемы // Вестник Удмуртского университета. Вып. 2. 2010. С. 11). Того же мнения, по-видимому, придерживается историк В. Г. Вовина-Лебедева, цитирующая слова Килиной: ««в качестве минимальной единицы лингвотекстологического анализа» должна рассматриваться фраза, и что языковые изменения следует изучать «в пределах формул, которыми насыщены летописные тексты»» (Вовина-Лебедева В. Г. Угасший мир древнерусских летописей: взгляд сегодня // Российская история. № 4. 2019. С. 23). Другое дело, что по мнению Вовиной-Лебедевой, продолжение полемики с участием лингвистов может быть плодотворным для уточнения стратификации известий ПВЛ. Завершая обзор дискуссии между А. А. Гиппиусом и О. Б. Страховой, исследовательница резюмирует: «сложилось две определенно сформулированные позиции по отношению к стратификации летописных текстов на основании данных языка. И мы, надеюсь, будем наблюдать продолжение полемики, в которой примут участие лингвисты» (там же). По заключению Л. Ф. Килиной, для изучения происхождения известий ПВЛ «необходим всесторонний комплексный анализ, при котором будут учтены особенности функционирования языковых единиц, а также

появился раньше составления ПВЛ: кроме упоминаний такого нехарактерного для XII в. термина для обозначения древлянской элиты, как «нарочитые мужи», в летописном повествовании о первом посольстве в Киеве древлянских нарочитых мужей фигурирует еще, по крайней мере, одна⁴⁵ деталь, которая могла

особенности структурно-смысловой организации текста, иначе исследование может получиться одноплановым и больше текстологическим, чем лингвистическим» (*Килина Л. Ф.* Лингвотекстологическое исследование русских летописей: к постановке проблемы. С. 11.)

М. Б. Свердлов и А. Ю. Карпов считают, что запись о первом посольстве древлян к Ольге была сделана в середине – второй половине XI в., связывая упоминания современных летописцу киевских Никофорова и Чудина дворов с именами киевлян Никифора и Николая Чудина, действовавших во второй половине XI ст. (*Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 87-88; *Карпов А. Ю.* Княгиня Ольга. С. 87-88, 298. Примеч. 16). Вместе с тем, имя «Никифор» в средневековой Руси не являлось столь уникальным, что не могло принадлежать в Киеве никому, кроме этого лица, и даже прозвище «Чудин», в основном характерное для Новгородской земли, в южной Руси носили разные люди. В конце XIII в. на Волыни известен воевода Чудин (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 933).

⁴⁵Кроме того, сведения ПВЛ о гибели Игоря и отношении к нему древлян некоторые исследователи считают вполне достоверными и надежными. Согласно ПВЛ, Игорь был убит древлянами и их князем Малом за то, что захотел собрать с древлян повышенную дань, а смерть Игоря была так же мучительна, как гибель первого древлянского посольства, и древляне относились к нему как к волку-расхитителю и грабителю (ПВЛ. С. 28-29). Сопоставление описания казни Игоря германцами у византийского историка X в. Льва Дьякона с упоминанием Ибн Фадланом аналогичного способа расправы над ворами у огузов, по мнению некоторых историков, свидетельствует о достоверности указанных летописных сведений (см., напр.: *Карпов А. Ю.* Княгиня Ольга. С. 86–87; *Стефанович П. С.* Древлянская дань киевским князьям. С. 60). С одной стороны, поскольку источники не дают никаких намеков на то, что князь Игорь в Киеве приобрел соответствующую долговечную славу (а тем более связанное с ней устойчивое прозвище), можно допустить, что эти летописные сведения были записаны при жизни ближайших потомков тех, кто лично помнил обстоятельства его гибели. Может быть, киевский летописец нарочно умолчал о способе расправы над местным князем, считая позорным прямо сообщать, что его казнили как

быть известной только ближайшим потомкам современников описываемых событий. Это указание на то, что во времена княжения Ольги вода в Киеве протекала мимо Горы. Между тем, согласно археологическим данным, с 913 по 972 г. Подол действительно был необитаем из-за высокого уровня стояния весенних паводков⁴⁶. По-видимому, это было зафиксировано при жизни детей очевидцев, менее ста лет спустя после возобновления жизни на Подоле – в устной традиции такие точные детали наводнений обычно не запоминаются в течение нескольких поколений. Внуки, а тем более правнуки свидетелей петроградского наводнения 1924 г. черпают информацию об ареале его распространения в городе уже не на основе семейной истории, а семейные предания обычно живописуют яркие картины без точной привязки к месту.

вора. С другой стороны, рассказ ПВЛ об убийстве Игоря древлянами не следует безоговорочно компилировать с известием греческого хрониста, приписавшего убийство этого князя совсем другому народу – германцам (встречающиеся в историографии попытки объяснить это стремлением Льва Дьякона подчеркнуть расположение Древлянской земли на западе Руси трудно признать убедительными – ни у Льва Дьякона, ни у других византийских авторов не встречается отождествления восточнославянских общностей, расположенных к западу, к северу, северо-востоку от Киева с иными западными, северными и восточными народами). А указанный Ибн Фадланом способ казни воров у огузов, живших к востоку от Волги, весьма далеко от древлян, а тем более от германцев, также не стоит экстраполировать на древлян. Таким образом, летописные сведения о гибели Игоря не являются надежно верифицируемыми. В этой связи стоит обратить внимание на точку зрения М. Б. Свердлова, усмотревшего в конфликте древлян с киевскими князем Игорем и попытке древлян женить своего князя Мала на его вдове Ольге не стремление древлянской верхушки избавиться от произвольных поборов со стороны Киева, «а, напротив, продолжить государственные связи посредством династического союза, но уже во главе с древлянским князем» (*Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 88).

⁴⁶*Гупало К. Н.* Подол в древнем Киеве. Киев, 1982. С. 20–28.

Согласно ПВЛ, в 6496 (988)⁴⁷ «И нача [Владимир] ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градом и селомъ. Пославъ, нача поимати у нарочитые чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное. Матере же чадъ сих плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣроу, но акы по мертвечи плакахся»⁴⁸. (Аналогичное известие имеется в НЛ мл. Некоторые сторонники концепции А. А. Шахматова о сохранении в этом источнике текста, предшествовавшего ПВЛ Начального свода, безоговорочно ссылаются на сообщение НЛ мл. как на первоисточник⁴⁹. Однако, тот же М. Б. Свердлов, тоже разделяющий концепцию о существовании киевского Начального свода 1090-х гг., в данном случае ссылается на ПВЛ⁵⁰. Мы тоже предпочитаем опираться на ПВЛ: в соответствующей погодной записи НЛ мл. вместо более грамотных чтений ПВЛ «Матере же чадъ сих плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣроу, но акы по мертвечи плакахся»; «Володимеръ же просвѣщенъ самъ, и сынове его, и земля его. Бѣ бо у него сыновъ 12» читаются несколько неуклюжие фразы: «матери же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бѣ утвердилася вѣра⁵¹», «Володимеръ же

просвѣщенъ самъ и сыновѣ его с нимъ 12»⁵². Не исключено, что, несмотря на эти ошибки новгородского книжника, в остальном текст известия НЛ мл. полностью воспроизводит известие киевского начального свода XI в. Но вместе с тем с не меньшей вероятностью можно допустить, что новгородский переписчик не совсем верно копировал текст ПВЛ. По крайней мере, опираться на фактически идентичную ПВЛ, но местами более неудобочитаемую запись НЛ мл. – как на более древнюю по сравнению с ПВЛ – нам пока что представляется преждевременным).

М. Б. Свердлов полагает, что речь идет о знати⁵³. По мнению А. В. Скобелева, эта нарочитая чадь «еще не христианизована» и «скорее всего, проживала вне Киева и представляла собой знать покоренных общностей»⁵⁴. Однако, версия Скобелева основана на неверном понимании оборота «не бяху ся утвердили вѣроу», который обозначал «не утвердились в вере»⁵⁵ (а вовсе не «не обратились в веру»), а также на ошибочной трактовке источника – по процитированному выше летописному известию в вере не «утвердила» себя не нарочитая чадь, и не ее дети, а лишь ее жены, «матере» последних. По мнению П. С. Стефановича, в этот «раз» «сочетание «нарочитая чадь» использовано для обозначения более выдающихся среди всех «людей», признававших власть киевского князя, вне зависимости от их происхождения и местожительства»⁵⁶. Однако эта характеристика основана на выборочной цитате. Из приведенной нами более пространной выдержки из источника следует, что в семьях нарочитой чади у матерей распоряжение князя Владимира вызвало горе, а сами эти женщины,

⁴⁷Вопрос о датировке упоминаемого в данной погодной записи крещения Руси и, соответственно, связанных с ним событий является спорным. Историю вопроса см: *Свердлов М. Б. Домонгольская Русь...* С. 274; *Карпов А. В. Язычество, христианство, двоеверие. Религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI вв.* СПб., 2008. С. 69. Пока что мы условно будем придерживаться классической, летописной датировки.

⁴⁸ПВЛ. С. 53.

⁴⁹См., напр: *Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины...* С. 223.

⁵⁰*Свердлов М. Б. Домонгольская Русь...* С. 90.

⁵¹Лишь в отдельных поздних списках НЛ, Толстовском и Берлинском, значится «еще бо не бяху утвердилися вѣроу» (НЛ. С. 157; Новгородская I летопись. Берлинский список. СПб., 2010. С. 159). Но это являлось результатом исправления составителя Толстовского списка, заметившего неудачное чтение в протографе. При том не трудно заметить, что чтение Берлинского списка идентично Толстовскому. Таким образом, переписчик, трудившийся в 30-х гг. XVIII в., воспроизвел текст Толстовского списка 1720-х гг.

⁵²Ср: ПВЛ. С. 53–54; НЛ. С. 157, 159.

⁵³*Свердлов М. Б. Домонгольская Русь...* С. 90.

⁵⁴*Скобелев А. В. «Люди» в системе социальных связей...* С. 102–103.

⁵⁵ПВЛ. С. 190. (Перевод Д. С. Лихачева); Библиотека литературы Древней Руси (далее – БЛДР). Т. 1. СПб., 1997. С. 163. (Перевод О. В. Творогова).

⁵⁶*Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины...* С. 223.

согласно оценке, «еще бо не бяху ся утвердили [принятой князем Православной] вѣрою»⁵⁷. И хотя источник не сообщает, что представители нарочитой чади ослушались князя, в летописи они не изображаются в качестве наиболее лояльных ему людей⁵⁸. Поэтому более близкой к истине представляется точка зрения М. Б. Свердлова, согласно которой речь идет о знати. Можно согласиться с П. С. Стефановичем, что нарочитая чадь прямо не привязана к городу. Вместе с тем, стоит учесть, что об отправке детей нарочитой чади учиться сообщается в контексте поставления попов по городам. Наверяд ли получение образования требовалось для принятия крещения в городах и селах. В противном случае пришлось бы отправлять учиться представителей более широких слоев. А для пополнения штата городских священников были нужны образованные люди, умеющие читать церковные книги. Поэтому «нарочитой чади» не стоит приписывать не свойственное русским источникам значение богатых крестьян. По-видимому, речь идет о представителях городской знати, чьих детей отправляли «на учение книжное» для работы городскими священниками. Такая перспектива для своих детей, возможно,

казалась знатым женщинам незавидной, так как они могли им вместо этого в соответствии с их благородным происхождением прочесть управленческую деятельность («держать» «землю», наподобие древлянских нарочитых, лучших мужей 940-х гг.)

Под 6504 (996) г. ПВЛ сообщает об устроенном киевским князем Владимиром Святославичем празднике для своих людей в день Успения Богородицы (15 августа). Пир князя со своими людьми длился целую неделю в гриднице на княжеском дворе, и в числе участников празднества были мужи нарочитые.

«Празновавъ князь дний 8, и възвращашеться Кыеву на Успенье святыя Богородица, и ту паки сотворяше праздникъ великъ, сзывая бесчисленное множество народа... Се же паки творяше людем своимъ: по вся недѣля устави на дворѣ въ гридницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридем, и съцскимъ, и десяцьким, и нарочитымъ мужем, при князи и безъ князя. Бываше множество от мясъ, от скота и от звѣрины, бяше по изобилью от всего. Егда же подъпяхуться, и начяхуть роптати на князь, глаголюще: «Зло есть нашим головамъ: да намъ ясти деревянными лъжицами, а не серебряными». Се слышавъ, Володимеръ повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рекъ сице, яко «Сребромъ и златом не имам налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, яко дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра». Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и с ними думая о строи земленѣм, и о ратѣхъ, и о уставѣ земленѣмъ, и бѣ живя съ князи околными миромъ: съ Болеславомъ Лядьскимъ, и съ Стефаномъ Угорьскимъ и съ Андрихомъ Чешьскимъ. И бѣ миръ межю ими и любви»⁵⁹.

(Аналогичное чтение имеется в НЛ мл⁶⁰, в которой, по мнению многих исследователей, сохранился текст киевского Начального свода конца XI ст.

⁵⁷ПВЛ. С. 53.

⁵⁸В публикуемой в данном выпуске статье П. И. Гайденок высказано предположение, что слово «чадь» обозначало княжеских слуг. Но однозначных случаев употребления данного термина в подобном значении в древнерусских источниках нет. «Чадь» (производное от «чадо» – ребенок) изредка обозначала детей, но обычно фигурировала в значении «люди», иногда – «народ»; «чадска» смерть – людская смерть. (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том третий. Р- Я. СПб., 1910. Стб. 1469-1470). Следовательно, «нарочитая чадь» - знатные люди. Кроме того, И. И. Срезневский считал, что слово «чадь» имело дополнительное значение «дружина», поскольку иногда оно упоминалось по отношению к дружине (там же. Стб. 1470). Впрочем, не исключено, что и в этих случаях оно обозначало «людей»: «Итларевы люди», etc. Ведь дружина – это тоже люди, равно как та же «нарочитая чадь», или «простая чадь».

⁵⁹ПВЛ. С. 56.

⁶⁰НЛ. С. 167.

Вместе с тем в указанном чтении НИЛ невозможно выявить однозначных заимствований из отличного от ПВЛ и предшествующего ей источника, зато здесь присутствуют характерные примеры новгородского диалекта, не связанные с древним киевским летописанием (чоканье в словах «сочкымъ» и «десячьским»), а также в дефектной форме передано имя чешского короля Андриха (названного по ошибке новгородским хронистом Андрехлом)⁶¹. Поэтому мы предпочитаем цитировать более грамотный текст ПВЛ – М. Н.)⁶².

Если под боярами, названными первыми в числе людей князя, перед такими княжескими людьми, как гриди (младшие дружинники)⁶³, сотские и

⁶¹ Там же.

⁶² Интересно, что тот же П. С. Стефанович, цитируя текст данного известия по НИЛ мл., на этот раз дает также ссылки на ПВЛ по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам (*Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 222*). В свете сказанного более верной нам представляется позиция М. Б. Свердлова, который в данном случае опирается именно на ПВЛ (*Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 90, 265*).

⁶³ По мнению А. А. Горского термин «гриди» был взаимозаменяем с «детскими» и «отроками», ученый относит гридей к младшей дружине (*Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 50*). Пожалуй, в данной монографии А. А. Горского концепция разделения дружины на старшую и младшую получила наиболее развернутое обоснование (там же. С. 39–41.) П. С. Стефанович также склонен в значительной степени отождествлять гридей и отроков и не относит гридей к элитарным социальным группам (*Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 225, 355 и др.*) Вместе с тем, П. С. Стефанович вступает в полемику с А. А. Горским по поводу старшей и младшей дружин, полагая, что подобные характеристики дружины могли не иметь социального значения (там же. С. 237–247). Однако, во-первых, не все аргументы и выводы Стефановича являются бесспорными. Например, он полагает что понятие «лешая / лучшая дружина» Итлара не относилось к половецкому привилегированному служилому слою, хотя и признает, что половцы, участвовавшие в посольстве в Переяславль к Владимиру Мономаху, не были «случайными» людьми (там же. С. 242). Между тем, стоит учесть, что древнерусские хронисты титуловали половецких ханов как «князей» по аналогии с правителями Руси. А к титулатуре и социальной иерархии у половцев не проявляли принципиального интереса. К примеру, Итларь,

возглавлявший эту «дружину», в летописях никак не титулован, несмотря на то, что, несомненно, не являлся рядовым человеком. Не исключено, что по отношению к половецкой знати хронисты тоже употребляли привычные древнерусские термины, не очень заботясь о том, насколько точно это соответствует социальной структуре половецкого общества. (При этом, мы допускаем, что первичным является вариант «лешая дружина», отразившийся в списках ПВЛ т. н. Лаврентьевской группы. А употребленный в списках Ипатьевской группы оборот «лучшая дружина» - позднейшая модернизация. Стоит учесть, что эпитет «леший» на Руси около XIII в. практически вышел из употребления по отношению к людям. А слово «лучший» упоминался и позднее. Вероятно, позднесредневековые переписчики при составлении Ипатьевского и Хлебниковского списков, заменили устаревшее к тому времени слово «лешая» на «лучшая». Существование обоих вариантов в разных редакциях ПВЛ XII в. менее вероятно, так как в остальных случаях оба эти слова неизменно воспроизводились в разных списках ПВЛ без замены одного на другое). Ростовскую «старейшую дружину», которая согласно приведенным в Лаврентьевской летописи словам владимирского князя Всеволода Юрьевича, «привела» в Ростов князя Мстислава Ростиславича, П. С. Стефанович отождествляет с «ростовцами и боярами». По заключению исследователя, «если точно следовать [летописному] тексту, надо заключить, что к «старейшей дружине приравниваются... «ростовцы и боляре», «ясно, что выражение «старейшая дружина» очерчивает в данном случае круги более широкие, чем только бояре» (там же. С. 247). Однако, столь буквальный подход к летописным текстам не всегда оправдан. К примеру, вряд ли Стефанович стал бы точно следовать тексту НИЛ, что Александр Невский в 1242 г. единолично неожиданно взял Псков, в одиночку захватил пленных и самостоятельно пошел в Чудскую землю (НИЛ. С. 78). Или буквально понимать известие Летописи Авраамки, что 3 февраля 1456 г. из Взава в Русу выехали только новгородские бояре и служилый князь В. В. Шуйский со своим двором, при том, что ниже в источнике упоминаются получившие смертельные раны и травмы в сражении под Русой «молодые люди» (ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. Стб. 195). Признавая права Мстислава Ростиславича на Ростовское княжение, Всеволод Юрьевич считал более приоритетной поддержку нового ростовского князя местной дружинной элитой. И при этом отнюдь не отождествлял с ней «ростовцев». Ниже владимирский князь отметил, что Мстислава Ростиславича «привели» в Ростов «Ростовцы» и «боляре», а его во Владимир – Бог и «Володимерци» (ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 380). Следовательно, Мстислав Ростиславич в отличие от Всеволода Юрьевича пользовался большей поддержкой бояр, таким образом, выражение

десятские, обычно понимают княжеских бояр, то нарочитых мужей считают представителями местной киевской знати⁶⁴. Нами было отмечено, что на этом

«старейшая дружина» было употреблено применительно к боярам. К тому же, в этом летописном рассказе понятие «дружина» в принципе не относилось к «ростовцам», ведь, к примеру, при упоминании воинства владимирского князя Всеволода Юрьевича «владимирци» и «дружина» неоднократно упоминались отдельно в качестве разных социальных категорий (там же. Стб. 380, 382). Так что в данном случае «старейшая дружина» – это служилая элита. Во-вторых, при этом ученый отмечал, что иногда понятия «лучшая дружина», «старейшая дружина» употреблялись по отношению к боярам и показал, что выражение «передняя дружина» означала элиту, а также в какой-то мере перекликалось с летописными «передними мужами», которые так же являлись знатными людьми (*Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины... С. 242, 245–246). В этой связи разделение дружины на старшую и младшую тоже, скорее всего, имело социальный оттенок вроде известного разделения новгородцев на «старейших» и «меньших». Тем более, что возрастная терминология использовалась в качестве обозначения социальных категорий и в служилой среде. В качестве яркого примера можно привести термин «отроки», относившийся к низшей категории служилых людей. Поэтому пока что нам кажется более предпочтительным придерживаться традиционного разделения дружины на старшую и младшую.

⁶⁴См., напр.: *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 90, 265; *Скобелев А. В.* «Люди» в системе социальных связей... С. 100–101; *Несин М. А.* Некоторые черты социальной трансформации в... С. 108–109. По мнению А. В. Скобелева, эти нарочитые мужи в отличие от бояр, не входили в «окружение князя», а представляли собой «полянский нобилитет», но в то же время представляли собой знать «княжеского происхождения»: «в некоторых списках» Лаврентьевской летописи вместо «мужей нарочитых» названы «князья нарочитые и люди нарочитые» (*Скобелев А. В.* «Люди» в системе социальных связей... С. 101–102). Однако, во-первых, такое чтение отмечено не «в списках» Лаврентьевской летописи, а в Радзивилловском и Московско-Академическом списках ПВЛ XV в. и достоверность этого чтения не доказана. Напротив, скорее всего, князья нарочитые были приписаны позднесредневековыми книжниками в соответствии с современными им реалиями, когда на службе у великого князя было немало представителей старых княжеских родов. Причем, князья нарочитые оказались указаны после бояр, что проще всего объяснить вставным характером их упоминания.

Во-вторых, князья нарочитые и люди нарочитые, то есть, нарочитые мужи, и в указанном Скобелевым чтении не отождествляются, так что предположение о происхождении нарочитых мужей от нарочитых князей представляется неудачным.

П. С. Стефанович высказал мнение, что сотские и десятские были представителями горожан (см. *Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины... С. 483). Вместе с тем, в древнерусских источниках, за исключением Новгорода и Пскова, сотские иногда связаны с князьями, но никогда не выступают в качестве представителей горожан. Даже смоленский сотский Пантелей, в коем иногда видят городского представителя, с которым приходилось считаться князю, выступает в источнике вторым посланцем после «лучшего» княжеского попа Еремея, а киевские сотские в 1113 г. оказываются связаны с тысяцким (*Кучкин В. А.* Ранние свидетельства о сотнях и сотских // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* № 1 (23). 2006. С. 10–11, 13). Киевские тысяцкие – как и все неновгородские тысяцкие – являлись княжескими людьми (*Горский А. А.* Русь от славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 101–104; *Полуэктов Ю. А.* Институт тысяцких и военная организация Древней Руси (XI–XIII вв.) // *Рага-Bellum.* Вып. № 14. 2001. С. 1–4) и не демонстрировали связи с горожанами и их интересами (*Толочко П. П.* Власть в Древней Руси X–XIII вв. СПб., 2011. С. 110–130; *Несин М. А.* 1) Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв. С. 144–146; 2) Тысяцкие как воеводы и часть городского самоуправления // *Город Средневековья и раннего Нового времени VI: Археология, история.* Тула, 2018. С. 73). Единственный известный случай выступления неновгородского тысяцкого на вече был связан с киевским тысяцким Лазарем, который в 1147 г. по просьбе князя Изяслава Мстиславича вместе с княжеским братом Владимиром и киевским митрополитом Климом собрал киевлян и объявил об измене Ольговичей, действуя не как представитель городского самоуправления, а как один из киевских сановников, выполняя распоряжение князя (*Несин М. А.* 1) Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв. С. 144; 2) Тысяцкие как воеводы... С. 73). В. А. Кучкин, посвятивший специальную работу исследованию института киевских тысяцких, также не нашел других примеров взаимоотношений тысяцкого с вечем и сделал интересный вывод о наличии тенденции к закреплению этой должности за конкретным боярским родом. Но она не стала «нормой» из-за смены княжеских ветвей на Киевском столе (*Кучкин В. А.* Тысяцкие в Киевском княжестве в XI–XIII вв. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* № 3 (65). 2016). Опять же, если бы в интересующем нас известии ПВЛ о княжеском пире 996 г. к людям киевского князя относились бы только бояре и гриди, а большинство названных категорий не входило бы в их число, то едва ли

пиру не упоминаются старцы градские – городские должностные лица⁶⁵, с которыми князь неоднократно советовался, в то время как присутствие старцев градских, старейшин по всем градам отмечено на иных княжеских торжествах (на которых, в свою очередь, не фигурируют мужи нарочитые), и на этом основании было высказано предположение, что в данном случае старцы были в числе нарочитых, недружинных знатных людей, хотя на этот раз не составляли их всех поголовно⁶⁶. Последнее наблюдение также косвенно подтверждается тем обстоятельством, что в процитированном известии ПВЛ присутствующие на пиру мужи нарочитые если не прямо соотносятся с княжеской «дружиной», ради которой изготовили серебряные ложки и с которой князь любил советоваться о «о строи земленѣмь, и о ратѣхъ, и о уставѣ земленѣмь», то по крайней мере оказались с ней в одной компании, и летописцу это не казалось чем-то необычным. Это также сближает мужей нарочитых с городскими старцами, старейшинами, с которым данный князь неоднократно советовался и которых принимал на пирах наряду с другими знатными лицами.

По мнению А. А. Шахматова и В. А. Кучкина, летописный рассказ о пирах

хронист стал бы так обобщать участников пира как княжеских людей.

⁶⁵Термин «старцы», «старейшины» на Руси обозначал должностных лиц от князей до старейшины конюхов, соответственно, старцы старейшины градов – городские должностные лица (Несин М. А. 1) К истории происхождения Галича // Русин. № 3 (21). 2010. С. 67–68; 2) Некоторые черты социальной трансформации... С. 107–110). При этом термин «старцы» был общеславянским, фигурируя в хорошо известном П. В. Лукину арабском источнике, упоминающем старцев в качестве правителей западных славян, лютичей. Потому трудно согласиться с мнением П. В. Лукина и С. В. Завадской, что этот термин является книжным конструктом русских летописцев (Несин М. А. 1) К истории происхождения Галича. С. 68; 2) О двух новых монографиях, посвященных новгородским источникам // Valla. Т. 3. № 6. 2017. С. 105; Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах... С. 22–23).

⁶⁶Несин М. А. Некоторые черты социальной трансформации... С. 108–109.

князя Владимира появился не позднее 30-х гг. XI в⁶⁷. Стоит учесть, что концепция А. А. Шахматова о существовании киевского Древнейшего свода 1039 г. давно признается исследователями несостоятельной, поскольку основана на недоразумении⁶⁸. Но, по крайней мере, упоминания в летописном рассказе десятских, после X в. сошедших со страниц древнерусских источников⁶⁹,

⁶⁷Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Летопись занятий археографической комиссии. Т. 20. СПб., 1908. С. 569; Кучкин В. А. 1) Десятские Средневековой Руси // Средневековая Русь. Вып. V. 2006. С. 251; 2) Ранние свидетельства о сотнях и сотских. С. 10; 3) Десятские и сотские Древней Руси // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 328).

⁶⁸Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Том 1. М.–Л., 1958. С. 21–22, Кузьмин А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969. С. 145; Зиборов В. К. История русского летописания XI–XVIII вв.: Учеб. пособ. СПб., 2002. С. 36. Поннэ А. В. А. А. Шахматов и спорные начала русского летописания // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (33). 2008. С. 79; Горovenko А. В. Алексей Шахматов: человек-метод или прелюбодей мысли? // Novogardia. № 2 (6). 2020. С. 115–116). Как отметил А. М. Молочников, исследователи ПВЛ М. Х. Алешковский и С. М. Михеев не использовали Древнейший киевский свод 1039 г. (Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971; Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011; Горovenko А. В. Алексей Шахматов: человек-метод или прелюбодей мысли? С. 116).

⁶⁹В дальнейшем десятские надежно упоминаются в источниках начиная с XV в. в качестве мелких чиновников, связанных с княжеским земельным хозяйством. Но можно ли их – после столь длительного разрыва – уверенно соотносить с древней десятичной системой (Кучкин В. А. 1) Десятские Средневековой Руси; 2) Десятские и сотские Древней Руси), или исчезновение десятских, упомянутых в 996 г., стоит отнести к рубежу X–XI в.? Полагаем, что десятские X и XV вв. не имели между собой ничего общего, кроме названия. Скромные чиновники, известные из поздних источников, не имеют прямого отношения к десятским времен Владимира Святославича, входящих в круг его приближенных, с которыми он советовался об устройении своей земли и по вопросам войны и мира и ради которых приказал изготовить серебряные столовые приборы. И, по-видимому, появились в позднем

старцев градских / старейшин градов, исчезнувших впоследствии из южнорусских памятников и разве что эпизодически упомянутых в новгородском летописании XV в. под 6953 (1444/1445) г.⁷⁰, а также мужей нарочитых (фигурирующих в качестве знати в X–XI вв.) свидетельствует о том, что он возник не позднее XI в.

Под 6523 (1015/1016) г. в ПВЛ упомянуты новгородские мужи нарочитые, убитые князем Ярославом Владимировичем за то, что избili нанятых им варягов:

«Ярославу же не вѣдуцю отънѣ смерти, варязи бяху мнози у Ярослава и насилье творяху новгородцем и женамъ ихъ. Вставше новгородци, избиха варягы во дворѣ Поромони. И разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Рокомъ, сѣде въ дворѣ. Пославъ к новгородцемъ, рече: «Уже мнѣ сихъ не крѣсити». И позва к собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяху иссѣкли варягы, и обльстивъ, исѣче. В ту же ночь приде ему вѣсть ис Киева от сестры его Передьславы си: «Отець ти умерль, а Святополкъ сѣдитъ ти Киевѣ, убивъ Бориса и на Глѣба посла, а блюдися [с]его⁷¹ повелику». Се слышавъ, печалень

средневековье в связи с развитием княжеского землевладения.

⁷⁰ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 441.

⁷¹Во всех списках ПВЛ, кроме Лаврентьевского, употреблено местоимение «сего» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 128; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 141. Примеч. 3). Такое чтение является более грамотным: ведь местоимение «его» относилось бы к Глебу, в то время как Ярославу, несомненно, надо было ждать опасности не от Глеба, а от Святополка. На данное неудачное чтение Лаврентьевского списка обратил внимание так же С. М. Михеев, который почему-то посчитал его характерным для ПВЛ, и, исходя из этой ошибочной предпосылки, сделал вывод, что информация о злодеяниях Святополка в послании Предславы являлась поздней вставкой: «если изъять» этот «фрагмент», «то фраза становится синтаксически более правильной» (Михеев С. М. Святополкъ сѣде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009. С. 143). Однако, если принять чтение «сего», то слова «убивъ Бориса и на Глѣба посла» оказываются не лишними: именно «сего» - этого, согласно приведенному в ПВЛ донесению Предславы, стоит остерегаться Ярославу.

бысть о отци, и о братъи, и о дружинѣ. Заутра же собравъ избытокъ новгородецъ, Ярославъ рече: «О, люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобе». Утерль слезъ, и рече имъ на вѣчи: «Отець мой умерль, а Святополкъ сeditъ Киевѣ, избивая братью свою». И рѣша новгородци: «Аще, княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти»⁷².

Как видно из процитированного сообщения, убитые князем нарочитые мужи «иже бяху иссѣкли варягы», представляли собой часть новгородцев, которые «избиша варягы во дворѣ Поромони». Исследователи справедливо полагают, что речь идет о представителях городской знати, которые понесли ответственность за действия всего города⁷³. То, что их князь назвал своей

Очевидно, в Лаврентьевском списке оказалась пропущена буква «с», как «ть» в слове «сѣдитъ» и слова «а нынѣ быша надобе утерль слезъ, и рече имъ», имеющиеся в других списках ПВЛ. Выше С. М. Михеев при цитировании рассказа ПВЛ по Лаврентьевскому списку, вставлял в квадратных скобках пропущенные в последнем вышеуказанные буквы и слова, читающиеся в остальных списках (там же. С. 142). То же самое надо было сделать и в отмеченном нами случае.

⁷²ПВЛ. С. 62.

⁷³См., напр: *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 327. Согласно реконструкции А. В. Скобелева, скомпилировавшего сообщение ПВЛ об избитых нарочитых мужах с известием НЛ, что другие бежали из города, Ярослав, «вырезав зачинщиков, таким образом, взял под контроль ситуацию» (Скобелев А. В. «Люди» в системе социальных связей... С. 113–114). При этом остается неясным, кто именно по НЛ спасся бегством – «простые новгородцы» и / или другие славные воины, равные по социальному статусу упомянутым в ПВЛ нарочитым мужам. Сам автор справедливо отметил, что это известие НЛ можно понимать двояко (там же).

Альтернативную точку зрения о характере конфликта Ярослава с новгородцами высказывали С. В. Юшков и А. В. Петров. С. В. Юшков, ссылаясь на выводы А. Е. Преснякова, писал об участии в восстании против варягов исключительно нарочитых мужей (Юшков С. В. Русская правда. М., 1950. С. 281), однако в действительности если пройти по ссылке на указанные Юшковым страницы монографии А. Е. Преснякова, то легко заметить, что Пресняков не отрицал участие в восстании рядового новгородского «населения», а убитые Ярославом «нарочитые мужи», «славные

дружиной, по верному замечанию П. В. Лукина, не говорит об их принадлежности к княжеским людям ввиду полисемантической слова «дружина»⁷⁴.

Под собранным Ярославом на вече «избытком» новгородцев, назвавших

вои» стояли лишь «во главе» новгородцев. А. В. Петров преимущественно опирался на рассказ НЛ, но использовал сведения ПВЛ об избитых князем нарочитых мужах. По мнению А. В. Петрова, новгородская знать вовсе не возглавляла общегородское выступление, а корыстно боролась за сохранение зависимости Новгорода от Киева и потому перебила варяжских наемников. А когда князь перебил ее, то нанес не вред новгородцам, а действовал в интересах широкого новгородского народовластия территориальной общины, свергнув старую родовую знать (*Петров А. В.* От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003. С. 99–100). Однако, во-первых, по НЛ и по ПВЛ против варягов выступили «новгородцы» в целом, а не только знать, причем согласно ясным сведениям обоих источников, действовали они не в интересах сохранения зависимости города от Киева, а для того, чтобы пресечь бесчинства распоясавшихся варяжских наемников: ПВЛ сообщает, что варяги чинили насилие «новгородцемъ и женамъ ихъ» (ПВЛ. С. 62), НЛ – что начали «насилие деѣти» на «мужатых женахъ» (НЛ. С. 74). Не ясно, относилось ли это прежде всего к семьям простых новгородцев (ср: *Скобелев А. В.* «Люди» в системе социальных связей... С. 113–114), но версия об исключительно аристократическом характере выступления новгородцев против варягов не находит никакой опоры в источниках. Лишь когда Ярослав узнал, что на киевском княжении сел Святополк, он созвал «избытокъ» новгородцев и, прежде всего, высказал сожаление об избитой им вчера «любимой и честной дружине» (ПВЛ. С. 62; НЛ. С. 174), по версии ПВЛ, при этом всплакнув: ниже в источнике сообщается, что князь вытер слезы (ПВЛ. С. 62). И лишь затем, по ПВЛ поведал новгородцам о злодействе вокняжившегося в Киеве Святополка (ПВЛ. С. 62), а по НЛ, стал просить новгородцев поддержать его в походе на Киев (НЛ. С. 174). Навряд ли это было бы уместно в том случае, если бы Ярослав, избив новгородскую знать, поступил в интересах большинства новгородцев. Любопытно, что А. В. Петров сделал интересные наблюдения об отражении в новгородском летописном рассказе кенотипических представлений (*Петров А. В.* От язычества к Святой Руси... С. 100–101). Если признать, что князь не освободил город от пут родового строя, но обидел новгородцев, избив их нарочитых мужей, а потом слезно признал перед новгородцами свою ошибку, то любопытное наблюдение ученого находит опору в источнике.

⁷⁴Лукин П. В. Новгородское вече. С. 96.

убитых нарочитых мужей своей братией, иногда понимают как знатных людей, родственников убитых⁷⁵, а иногда – просто их «собратьев» – новгородцев⁷⁶. Обе трактовки являются вполне правомерными⁷⁷. С той поправкой, что даже если придерживаться первой точки зрения, речь, вероятно, шла не об узком социальном составе данного вечевого собрания, и даже не о ведущей роли на нем нарочитых людей – родственников убитых Ярославом, а о неприемлемости братоубийства: с вокняжившимся в Киеве Святополком, избивающим свою братию, согласились воевать новгородцы, у которых была зарублена братия⁷⁸.

⁷⁵Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 328.

⁷⁶Лукин П. В. Новгородское вече. С. 96.

⁷⁷По наблюдению М. Б. Свердлова, «раннее в повествовании «братией» названы сводные братья Ярослава, убитые Святополком (*Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 328). В этом случае согласие новгородцев, потерявших своих родственников, воевать с новым киевским князем-братоубийцей приобретает большую значительность, чем если бы новгородцы вспомнили о своих собратях. С другой стороны, выше в ПВЛ упоминается находившаяся с Борисом «братия» созданных и одаренных Святополком киевлян, которых сам ученый считает не только их «близкими родственниками» (ПВЛ. С. 59–60; *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 321), то есть, собратями. А это не мешало оставшимся со Святополком киевлянам, несмотря на полученные от нового князя подарки, оставаться сердцем не с ним, а с ушедшими с Борисом собратями.

⁷⁸По утверждению П. В. Лукина, рассказ ПВЛ об обращении Ярослава к новгородцам «алогичен» по сравнению с повествованием НЛ, а в котором, в свою очередь «речи и поступки действующих лиц вполне обоснованы логичны: Ярослав объясняет новгородцам, что нуждается в их помощи в борьбе за власть в Киеве и, не исключено, намекает на возможность в благодарность за это «окупить златом» их погибших товарищей» (*Лукин П. В.* Новгородское вече. С. 95–96). Однако, с этими выводами трудно в полной мере согласиться. Во-первых, цитируя «ПВЛ», исследователь по умолчанию явно опирается на краткое чтение Лаврентьевского списка, согласно которому Ярослав обращался к избитой им вчера на вече «дружине» (там же. С. 95). Между тем, из приведенной им выше сравнительной таблицы списков ПВЛ видно, что в Лаврентьевской летописи пропущены слова, присутствующие во всех прочих списках: «а нынѣ быша надобе утерль слезъ и рече имъ» (там же. С. 85). В результате смысл речи Ярослава оказался искажен: вместо

обращения князя к собранному им на вече остатку новгородцев получается разговор с убитыми накануне на вече мертвецами (да и убийство нарочитых мужей на вече плохо согласуется с общим для всех списков ПВЛ известием о приглашении их князем на свой загородный двор – княжеский двор не был обычным местом вечевых собраний). И не стоит походя смешивать «ПВЛ» и дефектное чтение Лаврентьевского списка (ср.: там же. С. 95), которое нельзя признать характерным для ПВЛ и первичность которого невозможно доказать.

Во-вторых, рассказы ПВЛ и НЛ о разговоре Ярослава с новгородцами имеют несколько разный смысл. По ПВЛ Ярослав не призывал новгородцев помогать ему бороться за киевское княжение, а сообщил, что Святополк избивает своих братьев, и новгородцы сами вызвались бороться со Святополком, так как у них самих зарублены братья (родственники / или просто собратья). Таким образом, ПВЛ пишет о недопустимости братоубийства. И в этом смысле «речи и поступки действующих лиц» в рассказе ПВЛ «вполне обоснованы логичны». Другое дело, что рассказ ПВЛ о беседе Ярослава с новгородцами носит литературный нравоучительный характер. П. В. Лукин со ссылкой на монографию С. М. Михеева предположил, что «мотив преследования Святополком Бориса и Глеба» «вторичен для летописной традиции» и появился в ней «не ранее второй половины XI в.» (Там же. С. 95-96). Действительно, если учесть невнимание летописцев к перенесению мощей Бориса и Глеба при митрополите Иоанне (Михеев С. М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»... С. 148), то вполне логично предположить, что тема братоубийства в интересующем нас известии ПВЛ стала актуальной для древнерусского летописания не ранее второй половины XI ст. Впрочем, отмеченное Лукиным отсутствие в новгородском летописном известии об обращении Ярослава к новгородцам «агиографического мотива» (Лукин П. В. Новгородское вече. С. 96) едва ли может служить исчерпывающим аргументом в пользу первичности и достоверности рассказа НЛ. Для новгородских летописных известий об участии новгородцев в княжеских усобицах в принципе не характерны ни «агиографический мотив», ни упоминание братоубийства и прочих серьезных грехов князей для обоснования оказания новгородцами поддержки их противникам.

По НЛ, Ярослав действительно просил новгородцам помочь ему «в борьбе за власть в Киеве» (там же), не сообщая при этом об избивании братьев. А новгородцы ответили, что пойдут с Ярославом (НЛ. С. 175). Однако, согласие новгородцев выглядит в данном контексте «обоснованным» лишь в том случае, если Ярослав действительно намекал «на возможность в благодарность за это «окупить златом» их

Исследователи не пришли к единому выводу, был ли рассказ ПВЛ об этих событиях первичным или, наоборот, вторичным, по отношению к известию НЛ мл. И, по-видимому, дискуссия на сей счет может быть продолжена⁷⁹. Вместе с тем

погибших товарищей» (ср.: Лукин П. В. Новгородское вече. С. 96). Отсутствие в рассказе НЛ четкого обоснования согласия новгородцев участвовать в походе на Киев не укрылось от внимания исследователей. В историографии неоднократно предпринимались попытки восполнить эту лауну логическими измышлениями, что то ли Ярослав «возможно» обещал со своей стороны новгородцам какие-то «гарантии» от «насильственных действий дружины» и «повторения репрессий» (Зимин А. А. Правда русская. М., 1999. С. 89), то ли новгородцы, стремясь к «автономии и освобождению от киевской дани», согласились, «несмотря на обиды, поддержать» Ярослава против Святополка (Андреев В. Ф. Северный страж Руси. Л., 1989. С. 29).

⁷⁹Наиболее развернуто вопрос рассмотрен в работах П. В. Лукина. Исследователь высказал весьма серьезные возражения против аргументов сторонников старшинства рассказа ПВЛ (см., напр.: Лукин П. В. Новгородское вече. С. 74-90). Однако, собственные замечания историка в пользу большей древности текста НЛ мл. по-видимому не закрывают вопрос. К примеру, исследователь обращает внимание на то, что в НЛ ночь упоминается трижды, а в ПВЛ – единожды: «в ту же ночь». Из этого историк почему-то делает вывод: «речь явно идет о какой-то ночи, уже известной читателю... Эта деталь, на наш взгляд, не может быть интерпретирована иначе, как свидетельство старшинства текста НЛ мл. и более поздней редакции ПВЛ» (там же. С. 90). Однако, в летописании есть ряд примеров, когда в погодной записи указано, что событие случилось в то же такое-то время года, которое выше не упоминалось. В этих случаях имелось в виду, что это произошло в ближайший такой-то сезон. Не исключено, что это касается и той же ночи в указанном рассказе ПВЛ. Далее П. В. Лукин обратил внимание на то, что в ПВЛ приведена менее правдоподобная оценка численности новгородского войска (там же. С. 90–91). При этом в той же книге Лукин отмечает, что в средневековых нарративных источниках иногда указывались совершенно неправдоподобные сведения о размере войск, и порой хронист даже сознательно применял «обманчивую точность», приводя завышенное, но при этом нарочито некруглое число (там же. С. 457–458). Могут ли в этой связи сведения ПВЛ однозначно рассматриваться с «рациональной» точки зрения как более поздние? К тому же киевскому хронисту, вероятно, было важнее показать, что идущее на

Киев и разбившее киевские силы новгородское войско было огромным. Новгородский хронист, в свою очередь, больше акцентировал внимание на военной хитрости новгородского войска, которое не только перебило пьяных противников, но и в качестве знака отличия повязало себе головы тканью, чтобы в сече отличать своих от врагов (НЛ. С. 175). Мнение П. В. Лукина, что упоминаемое новгородским книжником «вече на поле» является «исторически верной деталью» – описанием древнеславянского собрания на поле (Лукин П. В. Новгородское вече. С. 94-95), пока что является всего лишь гипотезой, поскольку историк сам отмечает упоминания в летописании внегородских вечевых собраний в более поздние времена (там же. С. 94). Судить по единичному раннему упоминанию веча на поле о наличии у восточных славян устойчивой архаичной традиции загородных собраний представляется преждевременным. Вероятно, исследователь несколько упрощенно представляет себе характер архаичных славянских сходов. Выше П. В. Лукин утверждал, что в древнерусских источниках славянские «племенные» собрания не связаны с городами (там же. С. 54), что не соответствует действительности (Несин М. А. Первая монография о новгородском вече // Valla. Т. 2. № 3. 2016. С. 105). В настоящее время версию П. В. Лукина о недостоверности чтения ПВЛ «въ дворѣ Поромони», согласно которой киевский хронист ошибочно «принял топоним за антропоним» (Лукин П. В. Новгородское вече. С. 93), стоит признать устаревшей в связи с наблюдениями С. М. Михеева, согласно которым это был русский антропоним, означающий двор Парамона (Михеев С. М. Фарьмань и Поромонь дворь: Действительный и ложный скандинавизмы в новгородской ономастике // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2019). То же, как уже отмечалось выше, касается концепции П. В. Лукина о старшинстве новгородского чтения «вои славны тысящу» (Лукин П. В. Новгородское вече. С. 96-100; ср: Несин М. А. Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв. С. 39. Примеч. 107.). По-видимому, правы те исследователи, которые трактуют избитую Ярославом «вои сланы тысящу» как обозначение числа убитых (Несин М. А. Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв. С. 38-39), наверное, нарочно преувеличенного новгородским хронистом (там же. С. 39). Можно добавить, что, поскольку НЛ мл. указывает более скромную, чем в ПВЛ, численность новгородского войска, новгородскому хронисту, скорее всего, было важно подчеркнуть, что Ярослав перебил перед этим много славных воинов, которые могли бы тоже пойти с ним в поход на Киев.

Стоит так же признать, что отстаивая старшинство и относительную непротиворечивость новгородского летописного рассказа, П. В. Лукин с

стоит отметить, что никем из сторонников старшинства рассказа НЛ мл. не было высказано утверждения о полном отсутствии в ПВЛ каких-либо ранних чтений, напротив, С. М. Михеев, реконструируя текст гипотетического Древнего сказания 1016–1017 г., интересующую нас погодную запись восстанавливал преимущественно по НЛ,

разной меркой подходит к противоречиям в текстах НЛ и ПВЛ. Так, тот факт, что в новгородском варианте речи Предславы не упоминается о вокняжении Святополка, а Ярослав утром уже знал, кто теперь княжит в Киеве, исследователь не считает принципиальным для датировки новгородского летописного повествования и склонен объяснять тем, что «послание Предлавы» в «исходном тексте могло быть передано очень кратко: из дальнейшего повествования и так как бы ясно, что в Киеве вокняжился Святополк», не подкрепляя это важное замечание никакими примерами из русского летописания (Лукин П. В. Новгородское вече. С. 83-84). Другое дело, что справедливости ради, надо признать, что подобные явления действительно имели место в летописях. К примеру, московский великокняжеский хронист не поясняет, каким образом, разбив первую новгородскую судовую рать в Коростыни в 1471 г., великокняжеские воеводы узнают о приближении второй судовой рати к Русе и своевременно возвращаются в Русу. Можно разве что догадаться, что московским воеводам об этом сообщили малодушные пленники из первой судовой рати, согласившиеся друг друга увечить. Поэтому для объяснения указанной недосказанности в рассказе НЛ мл. не обязательно предполагать наличие в летописном тексте неаккуратной вставки (ср: Михеев С. М. Святополкъ съде в Киевѣ по отци... С. 143), а предложенное П. В. Лукиным объяснение этой особенности новгородского летописного рассказа о Ярославе и новгородцах вполне правомерно. Вместе с тем, не более существенное противоречие ПВЛ, заключающееся в том, что после сообщения Предславы о свершившемся убийстве Бориса, Ярослав непонятным образом узнает об убийстве и Бориса и Глеба, Лукин однозначно считает необъяснимым «в рамках гипотезы о старшинстве варианта ПВЛ». А между тем, ниже он наглядно продемонстрировал, что молитва Ярослава, с упоминанием пролившейся праведной крови обоих братьев, является явной вставкой, «разрывает» «связное повествование», и имеет «очевидный «шов»» (Лукин П. В. Новгородское вече. С. 84, 91). То есть, отнюдь не представляет собой исконную часть отразившегося в ПВЛ летописного повествования о Ярославе и новгородцах и потому не имеет никакого отношения к решению проблемы «старшинства» или вторичности «варианта ПВЛ».

но использовал отдельные чтения ПВЛ по Лаврентьевскому списку⁸⁰. Однако, повествование ПВЛ, несомненно, частично основывалось на источнике, составленном при жизни князя Ярослава Мудрого: в ПВЛ упоминается, что новгородцы перебили варягов «во дворѣ Поромони». Как показал С. М. Михеев, речь идет о дворе некоего человека по имени Парамон⁸¹. А поскольку, как отметил исследователь, крестильные имена людей на Руси в источниках за первую половину XI в. упоминались в единичных случаях⁸², такая подробность должна была быть зафиксирована современниками описываемых событий⁸³. Думается, что к раннему пласту стоит отнести и упоминание нарочитых мужей – не характерного для XII в. термина для обозначения городской знати.

В Церковном уставе Ярослава Мудрого XI в. «нарочитые люди» также относятся к городской элите: в 3–4-й и 7-й статьях они наряду с «простой чадью» упоминаются после «великих» и «меньших» «бояр». В 30-й статье после великих и меньших бояр следуют «люди городские»⁸⁴. Таким образом, великие и

меньшие бояре являлись княжескими служилыми людьми, а нарочитые люди и простая чадь представляли собой городские верхи и низы⁸⁵. Впрочем, разделение бояр на великих и меньших впоследствии, вероятно, существовало и в среде городского, недружинного боярства: в 6716 (1211) г. «Съвѣтъ же створиша Игоревичи на бояре галичкыи да избьютъ и по прилучаю избьени быша и убьень же бысть Юрьи Витановичъ Илия Щепановичъ инии велиции бояре убьено же бысть ихъ числомъ ф (500 – М. Н.) а инии разбѣгошася»⁸⁶. Под 6984 (1475/1476 гг.) Новгородская IV летопись упоминает «новгородскихъ б бояриновъ великихъ»⁸⁷.

Среди упоминаний слова «нарочитый» применительно к людям в русских источниках XI в. стоит также отметить вышеупомянутых «жидовъ нарочитыхъ» из древнерусского перевода греческой хроники Г. Амартола. В оригинале вместо слова «нарочитыхъ» фигурирует эпитет «ἐπίσημος»⁸⁸ (знаменитый, выдающийся, известный). П. В. Лукин справедливо отметил, что это «не обозначение определенного социального статуса, а просто указание на некое более высокое положение тех или иных людей по сравнению с общей массой, причем не ясно, по какому критерию»⁸⁹. Вместе с тем, нельзя исключать, что древнерусский переводчик употребил слово «нарочитые» в качестве обозначения привычной ему

⁸⁰Михеев С. М. Кто писал повесть Временных лет? С. 240.

⁸¹Михеев С. М. Фарьманъ и Поромонъ дворъ...

⁸²Там же. С. 365.

⁸³С. М. Михеев полагает, что эта подробность имела еще в Древнем Сказании, написанном в 1016–1017 гг. Однако, почему-то при реконструкции этого сюжета отдает приоритет чтению НЛ мл. «в Поромонѣ дворѣ» (Михеев С. М. Кто писал повесть Временных лет? С. 240), несмотря на то, что старшинство данного чтения по сравнению с текстом ПВЛ «во дворѣ Поромони» не является доказанным. И навряд ли доказуемо. По-видимому, вариант ПВЛ больше отражает стилистику киевского летописания, согласно которой название двора упоминается после слова «двор» – напр. двор Гордятинъ и Никифоров, а двор княж, двор Воротиславль и Чюдинь, двор теремной, двор доместников, двор Пуятин, двор Коснячков, двор княж, теремной, отень и др. – в то время как чтение НЛ больше соответствует особенностям новгородского летописания, в котором название, наоборот, часто предшествует слову «двор» – Петрятин двор, Одрешков двор, Ярославль двор.

⁸⁴Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 86–88. П. С. Стефанович полагает, что простая

чадь соотносится с сельским населением (Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 522), но стоит учесть, что на Руси это слово не употреблялось по отношению к крестьянам, а в новгородском летописании более позднего времени упоминается исключительно в связи с городскими событиями (НЛ. С. 67, 71, 100). Поэтому, для того, чтобы не множить сущности сверх необходимого, мы предпочитаем относить ее к городским низам.

⁸⁵Это подтверждает правоту догадки П. С. Стефановича, что в данном случае нарочитые люди представляли собой городскую знать (Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 522).

⁸⁶ПСРЛ. Т. 2. Стб. 723–724.

⁸⁷ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 457.

⁸⁸Georgii Monachi Chronicon. Vol. 1. Leipzig, 1904. S. 248.

⁸⁹Лукин П. В. «Но преблагии Богъ не хотя смерти грѣшникомъ...»... С. 292.

городской знати, занимавшей выдающееся положение в городе⁹⁰. Стоит учесть, что древнерусские переводчики не всегда точно переводили греческие слова, а иногда заменяли их привычной для них русской терминологией. К примеру, в древнерусском переводе «Иудейской войны» переводчик самовольно назвал людей, обслуживающих катапульты, «сулицниками», определенно ассоциируя их деятельность с метанием сулицы – древнерусского метательного древкового оружия⁹¹. По крайней мере, случаи употребления по отношению к людям термина «нарочитый» в иных и разнообразных значениях надежно фиксируются уже позднее XI ст., когда это слово перестало обозначать знать.

М. Б. Свердлов высказал интересную мысль о том, что исчезновение термина «нарочитые мужи» для обозначения местной знати было связано с распространением слова «боярин»⁹². Действительно, в XII в., начиная со статьи Русской Правды «о заднице боярской и дружинной»⁹³, под названием бояр в источниках начинает

фигурировать не только дружинная⁹⁴, но и городская элита⁹⁵.

⁹⁴Как известно, слово «дружина» было в древнерусском языке полисемантическим: иногда оно означало и княжеских служилых людей (*Лукин П. В.* Новая точка отсчета в изучении древнерусской элиты // *Российская история.* № 6. 2014. С. 35). В данном случае оно тоже употреблено в этом значении, а не просто обозначает княжеских друзей, соратников. Не мог же князь, утверждавший эту статью Русской Правды, всех бояр официально считать недругами. Просто элита, как в Киеве, где Русская правда была составлена, так и в других городах Руси, была не только служилой (*Несин М. А.* Северо-Восточная Русь при монголах // *Valla.* Т. 2. № 6. 2016. С. 65).

⁹⁵О наличии такой городской элиты в Галиче, Смоленске и др. городах см: *Несин М. А.* 1) Галицкое вече в 1187–1188 гг. // *Русин.* № 3 (17). 2009. С. 35–36; 2) Галицкое вече при Ярославе Осмомысле // *Русин.* №1 (19). 2010. С. 79–84; 3) К истории происхождения Галича. С. 66; 4) Галицкое вече и Даниил Галицкий в 1205–1209 гг. // *Русин.* № 2 (25). 2011. С. 9–10; 5) Галицкое вече в 1235–1240-х гг. // *Русин.* № 4 (30). 2012. С. 93–97; 6) Галицкое вече и Роман Галицкий // *Русин.* № 2 (32). 2013. С. 33–34; 7) Борьба за Смоленск в XV веке // *История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV–XVII вв.* Ч. I. 2015. С. 8–9; 8) Северо-Восточная Русь при монголах. С. 64–65, 76. Существование в Галиче особого класса «местных бояр» отмечал еще Н. П. Дашкевич (*Дашкевич Н. П.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873). При этом он, равно как впоследствии и В. Т. Пашуто (*Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950), связывал их исконное происхождение с дружинной средой, однако впоследствии они, по его мнению, выделились в оседлый, привязанный к городу и противостоящий княжеской власти слой. Похожих взглядов придерживался П. С. Стефанович (*Стефанович П. С.* Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. // *Средневековая Русь.* Вып. 7. М., 2007. С. 218). Впрочем, еще в дореволюционной историографии встречались иные взгляды. С. М. Соловьев, считавший, что во всей Руси боярство было дружинным, тем не менее, признавал наличие в Галиче земских бояр галицких, бояр «не князя, а княжества» (*Соловьев С. М.* Даниил Романович, король Галицкий // *Современник.* Т. 1. Отд. 2. 1847. С. 110–111). Сходные взгляды впоследствии высказала К. А. Сафроненко (*Сафроненко К. А.* Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси. М., 1955), выдвинувшая гипотезу о происхождении бояр галицких из недружинной среды. Ныне П. С. Стефанович высказал сомнения, что Русь в первые века существования была настолько централизованным государством, что в ней не оставалось места для неслужилой знати, и

⁹⁰В этой связи стоит отметить, что на известной Лукину (там же. Примеч. 42) 185 странице 5 тома Словаря древнерусского языка XI–XIV в. упоминание «жидов нарочитых» указано в значении «Важный, знатный, почитаемый». И ниже приводится иной весьма любопытный пример употребления этого термина в том же источнике: *вса соушана въ Римѣ нарочиты-а избивъ. бѣтельство ихъ възимаше. (тоу ... ἐπιστήμους)* (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. Т. 5. М., 2002. С. 185). Не исключено, что древнерусский переводчик воспринимал этих избитых состоятельных римлян как аналог древнерусской городской знати, иногда несшей ответственность за весь свой город, вроде древлянских лучших, нарочитых мужей, погубленных Ольгой в отместку за убийство Игоря выступившими из Искоростена древлянами, или избитых Ярославом новгородских нарочитых мужей за избивание новгородцами его варяжских наемников.

⁹¹*Фомичев М. В., Несин М. А.* Александр Невский и Литва: военно-политические отношения Северо-Восточной Руси и Литвы в 30–60 гг. XIII в. // *Novogardia.* № 2. 2019. С. 49.

⁹²*Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 91.

⁹³*Тихомиров М. Н.* Пособие по изучению Русской Правды. М., 1953. С. 106.

Интересно, что термин «лучшие мужи» тоже неоднократно употреблялся в источниках часто применительно к недружинной древнерусской знати⁹⁶. В историографии употребление этого термина в древнерусских источниках до сих пор не было комплексно исследовано. Исследователи ссылались лишь на отдельные упоминания. Пожалуй, наиболее развернуто и обстоятельно эта проблематика на сегодняшний день рассмотрена в монографии М. Б. Свердлова⁹⁷. В этой работе будут исследованы все случаи его упоминания в древнерусских источниках до конца XIII в., когда он регулярно употреблялся по отношению к знати.

Первое упоминание «лучших мужей» относится к 6453 (945) г. и связано с рассмотренным выше сюжетом ПВЛ о древлянских посольствах нарочитых, лучших мужей в Киев. Как было отмечено выше, лучшие-нарочитые мужи относились к числу неслужилой знати, были выбраны для участия в посольстве к киевской княгине Ольге именно древлянами, а не князем Малом, а термин «лучшие» в данном случае был равнозначен «нарочитым». Это обстоятельство дало основание М. Б. Свердлову отметить «синонимичность» этих терминов⁹⁸.

Согласно новгородской берестяной грамоте № 246, датированной 1020–1090 гг., некий иногородний Жировит грозит новгородцу Стояну, что если тот ему не вернет долг, то он отнимет имущество у знатного новгородца, точнее – знатного новгородского горожанина – лоуцшаго

положение знатного лица должно было зависеть только от его успехов на службе князю (*Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины... С. 103). М. Б. Свердлов разделяет бояр домонгольского периода на «княжескую служилую» и «местную неслужилую» «знать» (*Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 589–590).

⁹⁶*Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 86–90.

⁹⁷Там же. С. 89, 90, 270.

⁹⁸Там же. С. 90.

новьгороджанина⁹⁹. Такая необычная форма – новьгороджанина – свидетельствует, что определенно имелся в виду знатный горожанин, а не дружинник.

Под 6579 г. (скорее всего, события происходили в 1076 г. от Р. Х.)¹⁰⁰ в ПВЛ сообщается о пресеченных киевским дружинником Янем Вышатичем расправах ярославских волхвов над «лучшими женами» – знатными женщинами на погостах во время неурожая¹⁰¹. По мнению М. Б. Свердлова, летописец нарочно употребил по отношению к знатым женщинам архаичный термин «лучшие»¹⁰². Вместе с тем, ниже ученый отмечал, что «понятие» «лучшие мужи» сохранялось в качестве «названия знатных людей» в «русской социальной терминологии XI–XIII вв»¹⁰³. Думается, что под 1076 г. летописец не занимался сознательной архаизацией социальной терминологии. Некоторые исследователи считали «лучших жен» не знатыми, а просто почтеннейшими¹⁰⁴. Такие трактовки нам кажутся неудачными. Ведь этих женщин убивали не в обычных селах, а исключительно на погостах – важных административных центрах, а лучшие жены приходились матерями, сестрами и дочерьми не простым людям, а повозникам¹⁰⁵, видимо, представители местной элиты, лицам, ответственным за сбор и транспортировку дани в

⁹⁹*Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 280.

¹⁰⁰Обоснование датировки см.: *Рапов О. М.* О датировке народных восстаний на Руси XI в. в Повести временных лет // История СССР. № 2. 1979. С. 144–145. Стоит согласиться с О. М. Раповым, что описанные в ПВЛ страсти разыгрались не в первый голодный год. Их могли вызвать разве что два неурожайных года подряд. Поэтому предложенная исследователем датировка этих событий осенью 1076 г. после двух неурожайных лет, 1075 и 1076, нам кажется наиболее предпочтительной.

¹⁰¹ПВЛ. С. 76.

¹⁰²*Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 90

¹⁰³Там же.

¹⁰⁴*Велецкая Н. Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 104

¹⁰⁵ПВЛ. С. 77.

Белоозеро¹⁰⁶, в некотором отношении подобным новгородской знати, участвовавшей в сборе дани с Новгородской земли¹⁰⁷. Лучшие жены, очевидно, относились к местной неслужилой знати. О принадлежности этих злополучных женщин к семьям дружинников, по-видимому, говорить не приходится, поскольку в Северо-Восточной Руси в то время не было княжеского стола и дань взимал пришлый отряд вышеупомянутого киевского дружинника.

В конце 6643 (1135) г., согласно НЛ, «на зиму иде въ Русь архиепископъ Нифонтъ с лучшими мужи»¹⁰⁸. И, очевидно, они дошли почти до Киева: по НЛ, новгородская делегация увидела стоящие друг против друга многочисленные киевские и черниговские войска, которые «божиею волею» примирились¹⁰⁹, а киевское летописание, не упоминая присутствие новгородцев, сообщает, что черниговцы вместе с половцами пришли под Киев, тамошний князь собрал большое войско, но сражения не состоялось, и обе стороны заключили мир 12 января 1136 г.¹¹⁰

Под ездившими с Нифонтом лучшими мужами, зафиксированными новгородским летописанием, скорее всего, опять же подразумеваются представители новгородской городской знати: за последний год новгородский князь Всеволод Мстиславич ни разу не фигурировал в связи с взаимоотношениями Новгорода с другими князьями¹¹¹. Единственное отмеченное новгородским хронистом его деяние в этот период – совместная с епископом

Нифонтом постройка церкви Успения Богородицы на Торгу¹¹². Вероятной причиной этого было то, что он не отличился в сражении новгородцев с суздальцами у Жданой горы 26 января 1135 г., что позволило новгородцам при его свержении в мае 1136 г. выдвинуть ему обвинение, что он дезертировал с поля боя – «ехаль если с пълку впереди всѣхъ»¹¹³.

Скорее всего, в задачу возглавляемой святителем новгородской делегации входила задача помирить Киев и Чернигов (что недавно пытался сделать новгородский посадник Мирослав Гюрятинич¹¹⁴). Примириительные речи святителя, вероятно, должны были с точки зрения враждующих сторон звучать достаточно внушительно (новгородцы неоднократно отправляли в составе посольств к князьям владыку, иногда – архимандрита, если хотели добиться мирного разрешения переговоров), да и присутствие архиерея, по-видимому, обеспечивало новгородской делегации относительно большую безопасность на поле брани. Участие новгородской элиты в подобных посольствах было обычным делом. Считается, что новгородский святитель Нифонт «достаточно эффективно» участвовал в замирении южнорусских князей¹¹⁵. Но в данном случае даже новгородский источник не упоминает ни о какой причастности новгородской делегации к разрешению киевско-черниговского конфликта. Поэтому можно предположить, что новгородские делегаты не могли оказать на князей никакого существенного влияния – те и так помирились, причем если киевский летописец не видел в этом примирении 12 января 1136 г. ничего чудесного¹¹⁶, то по версии новгородского летописания, оно было достигнуто с

¹⁰⁶Платонова Н. И. Древнерусские погосты — новая старая проблема // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 350–351.

¹⁰⁷Несин М. А. Языческие выступления в Северо-Восточной Руси // Актуальные проблемы социальных и гуманитарных наук. № 1–2. 2014. С. 99.

¹⁰⁸НЛ. С. 23–24.

¹⁰⁹Там же. С. 24.

¹¹⁰ПСРЛ. Т. 2. Стб. 299.

¹¹¹НЛ. С. 23–24.

¹¹²Там же. С. 23.

¹¹³Там же. С. 24.

¹¹⁴Там же. С. 23.

¹¹⁵См. напр: Печников М. В. Новгородский святитель Нифонт, княжеская власть и киевская митрополия (30–50-е гг. XII в.) // Вестник церковной истории. № 3–4 (47–48). 2017. С. 244.

¹¹⁶ПСРЛ Т. 2. Стб. 299.

помощью высших сил¹¹⁷. Нифонт вернулся в Новгород чуть больше 3 недель спустя, 4 февраля¹¹⁸, преодолев многие сотни км. Вероятнее всего, новгородская делегация не стала ждать официального заключения мира, а поехала домой, удостоверившись, что враждующие стороны пришли к согласию. Лишь после возвращения святителя новгородцы вместо умершего 28 января посадника Мирослава Гюрятинича дали посадничество Константину Микульчичу. Тот, вероятно, был сторонником князей Владимировичей и противником Ольговичей, так как год спустя проявил себя как приверженец князя Всеволода Мстиславича, бежав из Новгорода к этому князю в марте 1137 г., после неудачного покушения «милостников» Всеволода на жизнь княжившего в городе Святослава Ольговича¹¹⁹.

Под 6654 (1146) г. в киевском летописании упомянуты «лутшѣи мужѣ киянѣ»¹²⁰. Эти лучшие мужи фигурируют в качестве части «всех киян», собравшихся «оу вечи» у Туровой Божницы¹²¹ и

требовавших от князя Святослава .Ольговича: «цѣлуи намъ» крест за себя и своего брата «аще кому боудет обида, да ты прави»¹²². Этих лучших мужей Святослав Ольгович отвез к своему брату Игорю Ольговичу и тот «съсед с коня и цѣлов к нимъ крсть (крест – М. Н.) на все» их «воли»; однако затем «они же устремишася» «грабити» дворы княжеского тиуна Ратши и княжеских мечников. «и посла к ним Игорь брата своего Стослава съ дружиною и едва оутиши»¹²³. Таким образом, «лутшѣи мужѣ киянѣ» определенно выступают в качестве городской киевской элиты, с которыми как с лучшими городскими представителями новый киевский князь Игорь Ольгович заключал соглашения. При этом киевский

касается окрестностей средневекового Вышгорода, у которого летописец, впрочем, не упоминает собрания «всех» киевлян. Также Толочко утверждает, что князь Игорь Ольгович не мог собрать всех киевлян на своем киевском Ярославовом дворе, не приводя данных ни о размере княжеского двора, ни о количестве киевских вечников (там же). Подобные взгляды были высказаны прежде еще В. Т. Пашуто, и, как справедливо заметил по этому поводу П. В. Лукин, «к сожалению, никаких данных ни о размере Ярославова двора, ни о численности населения Киева в этот период В. Т. Пашуто не приводит, что делает этот довод неубедительным» (Лукин П. В. Вече: социальный состав // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. С. 114). К тому же летописец не уточняет, что князь созвал всех киевлян туда одновременно. При этом, стоит учесть, что киевляне целовали ему крест и признали своим князем еще под Угорским (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 320–321) на окраине Киева. Что касается последующего крестоцелования на княжеском дворе, то оно носило уже более формальный характер – киевский летописец уже не упоминает никаких связанных с ним речей и обещаний. Потому не исключено, что князь не устраивал внутри Ярославова двора единого общегородского вечного собрания, а приглашал «всех киян» подходить по очереди. В таком случае размеры Ярославова двора для приведения на нем к крестоцелованию «всех киян» значения не имели. Таким образом, версия П. П. Толочко об условности летописных упоминаний присутствия «всех киян» у Туровой божницы и в иных местах не представляется убедительной.

¹²²ПСРЛ. Т. 2. Стб. 321–322.

¹²³Там же. Стб. 322.

¹¹⁷НЛ. С. 23.

¹¹⁸Там же.

¹¹⁹Там же. С. 24.

¹²⁰ПСРЛ. Т. 2. Стб. 322.

¹²¹Исследователи не сомневаются, что под «всеми киянами» в данном случае подразумеваются горожане разного социального статуса. Даже П. П. Толочко, полагающий, что в этом собрании на самом деле участвовали не все киевляне, считает, что среди присутствующих были и простые, и знатные люди (Толочко П. П. Власть в Древней Руси X–XIII вв. С. 170). По версии исследователя, выражение «все кияни» в данной летописной погодной записи стоит понимать как литературное клише, поскольку всем киевлянам будто было негде собраться ни под Вышгородом, ни под Угорским, ни у Туровой божницы. Стоит отметить, что свое мнение об отсутствии в этих местах достаточно просторных свободных пространств ученый не подкрепил никакими фактами и не привел никаких данных о численности киевских вечников и размерах мест вечевых собраний (там же). Поэтому гипотеза исследователя не является обоснованной. Стоит также учесть, что средневековая топография указанных районов Киева комплексно не изучена, поэтому тезис о невозможности в них собраться «всими» «киянам» повисает в воздухе. То же

летописец прямо противопоставил им княжескую дружину, посланную князем, чтобы их «утишить», когда они стали грабить дворы княжеских чиновников. По-видимому, в действительности в разграблении дворов княжеских людей приняли участие не только эти знатные горожане, но и более широкие слои киевлян: выше летописец отметил, что к тиуну Ратше имели претензии «кияне», ниже констатирует, что «и не угодець быс кияномъ Игорь»¹²⁴, а не только лучшим мужам киянам. Но, очевидно, последние с точки зрения летописца играли в этих грабежах ключевую роль. Это летописное известие, на наш взгляд, позволяет раскрыть подлинную социальную организацию киевского веча, на котором, несмотря на участие «всех киян», ведущее положение занимала местная городская знать¹²⁵.

Под 6661 (1154) г. в киевском летописании упоминаются галицкие «лутшийи мужи», из числа «галицких мужей», «галичан», взятых в плен киевским князем Изяславом Мстиславичем. После состоявшегося в среду на Федоровой неделе (17 февраля)¹²⁶

¹²⁴Там же. Стб. 321–322.

¹²⁵Сходного мнения о характере киевских вечевых собраний того времени придерживается П. П. Толочко, хотя его доводы нам не представляются бесспорными. Исследователь почему-то уверен, что киевляне могли неискренне целовать крест Игорю Ольговичу под Угорским, только находясь под влиянием знати, и столь «изошренное двоедушие» не было свойственно «простым киевлянам». Никакими серьезными аргументами ученый эти представления не подкрепляет (Толочко П. П. Власть в Древней Руси X–XIII вв. С. 170).

¹²⁶Сражение под Теробовлем обычно относят к 16 февраля (см. напр: Березков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 156). В действительности, утром во вторник на Федоровой неделе (16 февраля) Изяслав Мстиславич только перешел р. Серет. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 466). В тот день была «великая мгла» – сильный туман, «како не видети до конец копьа» (там же). Может быть, потому за весь день киевский князь дальше не продвинулся. Галицкий князь Ярослав Владимирович получил весть о том, что Изяслав Мстиславич пошел к Теробовлю уже вечером. Когда полки противников стали друг напротив друга, «мгла» рассеялась. Сражение длилось с «полудне до вечера» (там же. Стб. 467). То есть, состоялось не ранее следующего дня, среды 17

сражения под Теробовлем, галичане вбежали в Теробовель, а вставший на ночь на поле боя киевский князь выманил их из города, поставив трофейные галицкие стяги, и, когда галичане пошли под свои знамена, захватил в темное время суток¹²⁷

февраля. Однако, и не позднее, ведь летописец, красочно описывая стоявший во вторник густой туман, не сообщает, что он держался больше одного дня, равно как и о длительном стоянии войск друг против друга. Отметим, что согласно более краткому рассказу Лаврентьевской летописи, лишенному описанных выше подробностей, включая дату и время суток перехода Серета, Изяслав перешел эту реку «к ним» – к уже собравшимся боярам галицкого князя, непосредственно перед началом битвы (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340). Очевидно, залесский хронист неверно передал фразу киевского источника о переходе Изяславом Серета «до них» – бродов (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 466), в которой шла речь всего лишь о месте перехода киевским князем реки.

¹²⁷Сражение длилось с полудня до вечера, после него галичане вбежали в Теробовель, а киевский князь Изяслав Мстиславич, встав на ночь «на полчище», выставил трофейные галицкие стяги, галичане пошли под них и «множество» их попало в плен; а утром Изяслав Мстиславич ушел в Киев, забрав с собой пленных галицких лучших мужей (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 467–468). Таким образом, галичане были взяты в плен вечером или ночью. По версии М. С. Грушевского, Изяслав Мстиславич выставил галицкие стяги и пленил галичан до того, как встал на ночь на поле боя, а уже затем в Теробовель вбежали остальные галичане (Грушевский М. С. Історія України-Руси. Київ, 1992. С. 437), но данная реконструкция не является научной, поскольку основана на произвольной перестановке указанных в источнике событий. По утверждению Т. Л. Вилкул, «дополнительный текст Ипат» «противоречит общим с Лавр фрагментам», согласно «основной сюжетной линии» которых «галичане находились где-то «на полчище» (?! – М. Н.), где их схватили, коварно заманив их под их собственные стяги» (Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки) // Palaeoslavica. Vol. XIII. № 2. 2005. С. 52). Стоит согласиться, что киевский князь заманил галичан в ловушку. Впрочем, это неоднократно отмечалось еще в историографии XIX ст. (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 2. СПб., 1818. С. 265; Зубрицкий Д. И. История древнего Галичско-Русского княжества. Ч. 2. Львов, 1852. С. 92). Однако, в добросовестно выделенном Вилкул в отдельной таблице (Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста... С. 52) общем тексте для Лаврентьевской и Ипатьевской летописей не сообщается, где именно находились галичане, когда Изяслав Мстиславич выставил галицкие стяги.

(то есть, вечером в среду, или в ночь со среды на четверг) «множество колодникъ». Ночью оставшийся после сражения с малочисленной дружиной Изяслав Мстиславич опасался нападения из города галицкого войска и «утрии» (то есть, утром в четверг 18 февраля) «поиде» в Киев, предварительно велел зарубить пленных галичан – «колодников», видя, что их очень много, даже больше, чем его собственных дружинников, «а лутшии мужи со собою поя»¹²⁸. В статье, посвященной

Поэтому заявление исследовательницы, что уникальное известие Ипатьевской летописи «противоречит общим с Лавр фрагментам» основано исключительно на домысле. Наоборот, если бы галичане, как это домысливает Т. Л. Вилкул, находились в это время «где-то» на поле боя, а не в Теревовле, то им было бы куда сложнее настолько не знать о местонахождении противника, чтобы принять вставших здесь же на ночь неприятелей за своих. Тем более, что остановка войска на ночь в зимнее время, безусловно, не соответствовала знаменитому летописному образу князя Святослава и его дружины, не возивших шатров, спавших на земле, положив под голову конское седло, и, несомненно, была сопряжена с установкой лагеря, что занимало какое-то время и едва ли осталось незамеченным галичами, если бы они действительно находились «где-то» тут же, «на полчище». В таком случае Изяславу Мстиславичу удалось бы заманить в ловушку разве что совсем немногих, а никак не «множество» галичан, которых оказалось больше, чем его собственных дружинников. Значительно менее натянутой представляется версия Ипатьевской летописи, что Изяслав Мстиславич стал на ночь «на полчище», а галичане вбежали в Теревовль и, таким образом, под свои стяги к противнику пошли из города. Тогда они действительно могли не знать, где находились враги и принять их войска за свои. В августе 1135 г. в сражении на р. Супое князя Ольговичи тоже заманили под трофейный стяг киевского князя Ярополка Владимировича не сражавшиеся с ними основные силы князей Владимировичей, а отлучавшуюся с поля боя лучшую дружину Владимировичей (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298).

¹²⁸ПСРЛ. Т. 2. Стб. 467–468. В Лаврентьевской летописи лучшие мужи обозначены как «ихъ» – галичан-колодников (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 341). Рассказ Лаврентьевской летописи о галицком походе Изяслава Мстиславича более краткий, чем повествование Ипатьевской летописи. В частности, в нем отсутствует упоминание дат и не объясняется, почему киевский князь повелел избить пленных галичан-колодников за

исследованию галицкого веча при князе Ярославле Осмомысле мы пришли к выводам, что уведенные в Киев пленные галицкие «лутшии мужи» – это представители галицкой городской

исключением лучших «ихъ» мужей. Краткий рассказ Лаврентьевской летописи обычно считают относительно поздним, подвергнутым вторичной переработке и сокращению; иногда это мнение высказывается в качестве аксиомы (*Стефанович П. С.* Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. С. 185). Действительно, все подробности галицкого похода из более обстоятельного рассказа Ипатьевской летописи, навряд ли были основаны лишь на поздних дополнениях. Едва ли, к примеру, южнорусский хронист десятилетия спустя стал бы задним числом придумывать дату перехода Изяславом р. Серет, умолчав при этом о дате самого сражения, состоявшегося на следующий день. Вернее полагать, что залесский книжник значительно сократил киевский рассказ о далеких от него южнорусских событиях, мало касавшихся истории его земель. К тому же, как было сказано выше, летописец Северо-Восточной Руси не знал, когда киевский князь перешел р. Серет. В то же время в рассказе Лаврентьевской летописи есть некоторые сведения, отсутствующие в Ипатьевской. Например, что во время сражения под Теревовлем не только «Изяславъ женяшеть галичаны», но и «галичане Изяславлю дружину и сына его», а «Изяславу же не вѣдушу и творящу побѣдившу галичаны» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340). Эти подробности правдоподобны – о бегстве Мстислава Изяславича сообщается так же в Ипатьевской летописи, в ней есть отсутствующее в сокращенной рассказе Лаврентьевской летописи сообщение о бегстве дружины Изяслава Мстиславича (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 467–468). Т. Л. Вилкул допускает, что данные уникальные чтения Лаврентьевской летописи были «амплификацией», которая «объясняла слишком лаконичное известие» (*Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста... С. 152. Примеч. 146). Такой возможности полностью исключить нельзя, но это гипотеза не является наиболее вероятной, так как сокращенный рассказ Лаврентьевской летописи об этой кампании лишен столь развернутых пояснений. Скорее всего, залесский хронист (которого в данном случае трудно заподозрить в сочувствие к галичанам) опирался на текст киевского протографа, а эти неслестные для киевского князя эпизоды сражения были опущены киевским сводчиком конца XII в. и потому отсутствуют в Ипатьевской летописи, в которой отразился киевский летописный свод, составленный около 1198 г.

неслужилой знати¹²⁹. Отметим так же, что киевский хронист в рассказе о сражении под Теробовлем неоднократно противопоставлял галичан, галицких мужей дружине. «Изяславъ же изоима галичскыя мужи» а «галичане изоимаша изяславичъ» (мужей Изяслава, в Лаврентьевской летописи – «Изяславлѣ мужи»¹³⁰ – М. Н.), «остася Изяславъ с маломъ дружины на полчищи и постави стяги галичскыя и поидоша галичане подъ свои стягы», «на ту же ночь убоявсья Изяславъ зане бѣ остался с маломъ дружины... более бо бяшет колодникъ его дружины и видя многое множество колодникъ галичанъ вязичи и тако повелѣ сѣчи а лутшии мужи со собою поя утрии же день Изяславъ же Мьстиславич поиде въ Киевъ у домъ свои зане братиа его и дружина его разбѣглися»¹³¹. Можно вспомнить и вышеуказанное сообщение Лаврентьевской летописи, что «Изяславъ бо женяшетъ галичаны а галичане Изяславлю дружину и с[ы]на его»¹³², которое, как уже было отмечено выше, вероятно, восходило к киевскому протографу. Таким образом, галичане, галицкие мужи – горожане Галича, а их «лутшии мужи», фигурирующие на фоне неоднократного упоминания служилых людей Изяслава Мстиславича в качестве части галичан, а не мужей галицкого князя – представители галицкой городской неслужилой знати¹³³. Думается, что

киевский князь взял их в Киев в заложники для шантажа галичан¹³⁴. Несмотря на то, что Изяслав Мстиславич победил в сражении под Теробовлем, удержав за собой поле боя, в то время как галичане

обстоятельства, необъяснимые при отождествлении галичан, галицких мужей с боярами «Володимерковича», игнорируются исследователями, считающих галичан, галицких мужей княжескими боярами. В пользу принадлежности галичан к княжеским боярам обычно приводят единственный аргумент: в Ипатьевской летописи обращение к галицкому князю перед данным сражением приписывается «галицким мужам», а в Лаврентьевской – «болярам Володимерковича» (*Стефанович П. С.* 1) Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. С. 185–186; 2) Бояре, отроки, дружины... С. 451; *Лукин П. В.* Вече: социальный состав. С. 66). Нами, в свою очередь, с привлечением соответствующего примера из древнерусских источников, показано, что княжеских бояр и галицких мужей не следует отождествлять – они выступали заодно и в Лаврентьевской летописи сделан упор на одних, а в Ипатьевской – на других (*Несин М. А.* Галицкое вече при Ярославе Осмомысле. С. 79). Однако, возможно и несколько иное объяснение. Стоит учесть, что в обеих летописях речь галицких мужей и бояр «Володимирковича» приводятся по-разному. В Ипатьевской летописи «галичскыи же мужи почаша молвити князю своему Ярославу» слова, отсутствующие в Лаврентьевской, после чего, начиная с оборота «и рѣша князю своему» следует речь, дословно читающаяся в Лаврентьевской летописи, приписанная в последней княжеским боярам (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 466–467; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340). Не исключено, что в пространном рассказе Ипатьевской летописи пропущен фрагмент, читающийся в Лаврентьевской: «здумаша боляре Володимерковича» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340). В таком случае в Лаврентьевской летописи приводится только речь княжеских бояр, а в Ипатьевской вместо двойной речи галицких мужей на самом деле отразились два обращения к князю – со стороны галицких мужей и со стороны княжеских бояр. В таком случае галицкие мужи и бояре галицкого князя были солидарны в том, чтобы уберечь князя от участия в бою, а формулировали и аргументировали это по-разному. Слова галицких мужей, что отец Ярослава кормил и любил (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 466) следует связывать с тем, что Владимирко Володаревич способствовал усилению Галичины среди древнерусских земель, соответственно, фактически и государственного значения местного вече (*Несин М. А.* 1) Галицкое вече при Ярославе Осмомысле. С. 89. Примеч. 37; 2) К истории происхождения Галича. С. 65).

¹³⁴*Несин М. А.* Галицкое вече при Ярославе Осмомысле. С. 86. Примеч. 10.

¹²⁹*Несин М. А.* Галицкое вече при Ярославе Осмомысле. С. 79.

¹³⁰ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340.

¹³¹ПСРЛ. Т. 2. Стб. 467–468.

¹³²ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340.

¹³³Трудно в этой связи согласиться с неаргументированным утверждением П. В. Лукина, что здесь «речь идет явно дружине», которую ученый отождествляет с «боярами [галицкого князя Ярослава] Володимерковича» (*Лукин П. В.* Вече: социальный состав. С. 66). В участии бояр галицкого князя в сражении под Теробовлем сомневаться не приходится. Но в летописях акцентируется внимание именно на галицких мужах, галичанах, которые неоднократно противопоставляются дружине, мужам, киевского князя Изяслава. К тому же, если бы под галицкими мужами, галичанами, подразумевались бояре галицкого князя, то вместо их лучших мужей фигурировали бы лучшие бояре. К сожалению, эти

бежали в город, и уже после битвы хитроумно захватил множество пленников, его войска понесли слишком большой урон для того, чтобы выиграть саму войну, отняв у галицкого князя Ярослава Владимировича спорные территории¹³⁵. И, захватив знатных галицких мужей, Изяслав Мстиславич, вероятно, надеялся, что сможет добиться у галичан каких-то уступок путем шантажа. Дальнейшая лучших галицких мужей неизвестна. Ни Изяслав Мстиславич, ни его преемники не получили искомые земли.

Под 6676 (1167)¹³⁶ г. в Ипатьевской летописи сообщается, что смоленский князь Ростислав Мстиславич поехал из Чечерска в Смоленск и за 300 вест от Смоленска (то есть недалеко от Чечерска – М. Н.) его «начаша» встречать «лутшии мужи смоляны», потом – внуки, затем – сын Роман, а так же смоленский епископ Мануил, некий Внезд (тысяцкий?)¹³⁷ и

¹³⁵Д. И. Зубицкий сделал оригинальный вывод, что «победили галичане», приписав киевскому князю ночное «бегство» (*Зубицкий Д. И. История древнего Галичско-Русского княжества. С. 92*). Это противоречит источнику – Изяслав Мстиславич ушел уже утром, и его уход как бегство не обозначен (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 468).

¹³⁶Как показал Н. Г. Бережков, смерть смоленского князя Ростислава Мстиславича 14 марта следует датировать «началом 6675 (1167/68) мартовского года» (*Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 67*), то есть, 14 марта 1167 г. А его поездка к сыну Святославу в Новгородскую землю из-под Канева через Чечерск, датированная в Ипатьевской летописи концом года: «того же лета исходячи» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 528), таким образом, относится к концу прошлого 6774 (1166/1167) мартовского года. То есть, к началу 1167 г.

¹³⁷В историографии статус Внезда оценивали по-разному. В. А. Кучкин не упоминает это нетитулованное лицо даже как гипотетического смоленского тысяцкого, отмечая в качестве первого известного тысяцкого Смоленска уже Михалку (Михаила), тысяцкого смоленского князя Давыда Ростиславича, возглавлявшего смоленский полк в марте 1196 г. (*Кучкин В. А. Тысяцкие в Переяславском и Смоленском княжествах в XII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. № 1 (67). 2017*). В то же время, по утверждению некоторых исследователей, Внезд был тысяцким. Единственным автором, попытавшимся обосновать эту точку зрения, был С. М. Соловьев, отметивший, что Внезд занимал «место после князя и епископа;

малѣ не весь градъ, «и тако вельми обрадовашас приходу его и монжьство даровъ подаша ему»¹³⁸. Скорее всего, «лутшии мужи смоляны» – городская знать, а не княжеские бояре, иначе были бы указаны как мужи «его». В то же время, стоит отметить умолчание хрониста об участии в столь дальних торжественных встречах князя его мужей, вкупе с упоминанием присутствовавшего на последней встрече некоего нетитулованного Внезда. Поэтому нельзя исключать, что летописец допустил некоторую неточность в перечислении лиц, встречавшими смоленского князя Ростислава Мстиславича между Чечерском и

его видимъ так же вмести съ смоленскими князьями въ походе на помощь Полоцкому князю Рогволду противъ родичей» (*Соловьев С. М. История России с Древнейших времен. Кн. 1. Т. 2. СПб., 1851. Стб. 488*). В действительности, летописное описание встреч Ростислава Мстиславича между Чечерском и Смоленском не позволяет столь точно определить место Внезда в иерархии смоленской элиты. Тот же Соловьев не считал, что лучшие мужи смоляне, первые встретившие Ростислава Мстиславича, были выше его сына Романа, или внуки князя занимали более высокое положение, чем княжеский сын (там же. Стб. 471). Ясно лишь, что Внезд упомянут после сына Ростислава Мстиславича Романа и смоленского епископа Мануила, вместе с которыми встречал смоленского князя, и перед всем городом, тоже присутствовавшим на этой встрече. Таким образом, Внезд занимал более скромное положение, чем сын князя и святитель, хотя несомненно выделялся на фоне «всего города». При этом сын князя Роман, епископ Мануил и Внезд – единственные названные по имени участники встреч Ростислава Мстиславича между Чечерском и Смоленском, что, несомненно, говорит об их видном положении среди смоленской элиты. Поэтому можно допустить, что Внезд занимал должность тысяцкого. Но в то же время, не стоит исключать, что он не являлся высоким сановником, а пользовался большим доверием своего князя. В обоих отмеченных С. М. Соловьевым летописных упоминаний он не титулован. Как и посол Ростислава Мстиславича, Иван Рученик, которого Соловьев считал боярином, но не тысяцким (там же. Стб. 488). В этой связи наиболее корректной представляется формулировка Л. В. Алексеева, упомянувшего Внезда как тысяцкого под знаком вопроса (*Алексеев Л. В. Смоленская земля в XI–XIII вв. М., 1980. С. 214*).

¹³⁸ПСРЛ. Т. 2. Стб. 528.

Смоленском. Можно так же допустить, что хронист несколько округлил большое расстояние от Смоленска, на котором Ростислава Мстиславича встретили «лутшийи мужи смоляны». Пожалуй, ни одному из князей средневековой Руси горожане не устраивали торжественных встреч так далеко от города. В то же время, с географической точки зрения это число было правдоподобно¹³⁹. К тому же стоит учесть, что князь был нездоров и доживал последние недели. Вскоре Ростислав Мстиславич поехал из Смоленска в Новгород через Торопец. Но в Торопце сильно разболелся и послал гонца своему сыну Святославу с повелением поехать на встречу ему в Луки. В. Луки расположены более чем в 300 км от В. Новгорода. В Средневековье это был юго-западный приграничный пригород Новгорода. В Луках Ростислав Мстиславич встретился с сыном и новгородцами, новгородцы присягнули на кресте «имети» «собѣ» пожизненным «княземъ» Святослава¹⁴⁰. Вскоре, 14 марта 1167 г., Ростислав Мстиславич умер в с. Рогнедино, на пути к Киеву, в котором хотел быть погребен¹⁴¹. О заключения князем с новгородцами каких-то договоренностей «на зиму» в Луках, его болезни и смерти на пути в Киев сообщается также в независимом известии новгородского летописания¹⁴². Так что «лутшийи мужи смоляны» имели все основания торжественно встретить своего умирающего князя если не за 300, то, по крайней мере, за многие десятки

верст от города. Во всяком случае, Ростислав Мстиславич последние месяцы своей жизни провел в дальних разъездах, и, несмотря на свое немощное состояние здоровья, во что бы то ни стало доводил свои дела до конца, организуя для этого все нужные встречи. Такой князь мог умереть в дороге. Что с ним в ближайшие недели и случилось.

Под 6694 (1186/1187) гг. в НЛ упоминается «встань» между смоленским князем Давыдом Ростиславичем и «смоляны» и «много головъ паде лущьших мужъ»¹⁴³. Надо полагать, что речь идет о пострадавшей городской знати – князю эта распря не стоила ни княжения, ни каких-либо крупных уступок. Дружина же, несомненно, была на стороне князя – не мог же он один успешно противостоять всему городу. О наличии в Смоленске недружинной аристократии упоминается в связи с событиями 1401 г., когда смоляне вместе со своим князем Юрием Святославичем казнили «своих», а не княжеских бояр, лояльных великому литовскому князю Витовту¹⁴⁴.

Вместе с тем термин «лучшие мужи», по-видимому, был полисемантическим. И иногда применялся по отношению к княжеской дружине.

По наблюдению В. В. Пузанова, термин «лучшие» не употреблялся в ПВЛ по отношению к княжеским мужам¹⁴⁵. Другое дело, что под 6452 (944)¹⁴⁶ г. в ПВЛ фигурируют византийские «лучиѣ боляре», посланные императором Романом I навстречу киевскому князю Игорю¹⁴⁷. Исследователи не сошлись во мнении, был этот поход Игоря на Византию в действительности, или сконструирован киевским хронистом при составлении ПВЛ в начале XII в. Думается, что этот вопрос не имеет однозначного решения. С одной

¹³⁹Обычно упоминание в летописи этих 300 верст не вызывает сомнений у исследователей. Лишь Л. В. Алексеев почему-то заявил, что «такого расстояния от Чичерска до Смоленска, как бы он ни ехал, быть не могло» (Алексеев Л. В. Смоленская земля в XI-XIII вв. С. 214). В действительности, Смоленск находится в 318 км от Чичерска. А в XII в. в южной Руси использовались путевые версты длиной около 1 км. В предыдущей погодной записи Ипатьевской летописи упоминается р. Молочная, находившаяся в 15 верстах от Новгород-Северского (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 526). Ныне это – безымянный ручей (Зайцев А. К. Черниговское княжество X-XIII вв. М., 2009. С. 153), расположенный примерно в 15-17 км от города.

¹⁴⁰ПСРЛ. Т. 2. Стб. 528–529.

¹⁴¹Там же. Стб. 529–532.

¹⁴²НЛ. С. 32.

¹⁴³НЛ. С. 38.

¹⁴⁴НЛ. С. 397; Несин М. А. Борьба за Смоленск в XV в. С. 8–9.

¹⁴⁵Пузанов В. В. Древнерусская государственность... С. 565.

¹⁴⁶Обычно его датируют 943 г., но эту датировку сложно признать достаточно обоснованной (Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. С. 292. Примеч. 56).

¹⁴⁷ПВЛ. С. 23.

стороны, сведения ПВЛ не находят убедительного подтверждения в византийских источниках. С другой стороны, этот поход не должен был произвести на византийских хронистов неизгладимое впечатление, ведь кампания по ПВЛ фактически не состоялась – Игорь отменил поход еще на Дунае, взяв у византийцев дань¹⁴⁸. Во всяком случае, употребленный в ПВЛ по отношению к посланцам византийского императора оборот «лучиѣ боляре» нет оснований считать калькой с греческой терминологии и поэтому не следует исключать, что на Руси не позднее начала XII ст. слово «лучшие» иногда употреблялось применительно к местным княжеским боярам.

Во всяком случае, в XII–XIII вв. этот термин иногда обозначал людей, находившихся на службе у князя. Например, под 6644 (1135)¹⁴⁹ г. в киевском летописном рассказе об августовском сражении в верховьях р. Супой упоминается «дружина лутшая» князей Владимировичей, пустившаяся в погоню за убегающими половцами – союзниками князей Ольговичей¹⁵⁰. Как отметил А. А.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Обоснование датировки см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 51.

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298. Более лапидарное упоминание об этой лучшей дружине имеется в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 304), краткий рассказ которой об этой кампании исследователи считают более поздним и сокращенным по сравнению с повествованием Ипатьевской летописи. Как отметил А. Н. Насонов, в Лаврентьевской летописи «общий источник сокращен, причем сокращено то, что написано было киевлянином в интересах киевского князя» (*Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 88–89), добавим, что киевский князь Ярополк Владимирович и вовсе ни разу не упоминается в рассказе Лаврентьевской летописи о легком военном конфликте Ольговичей и Владимировичей, причем в этом источнике не сообщается, какие именно Владимировичи участвовали в сражении на Супое, а также куда они пропали со своими полками с поля боя во время отлучки их лучшей дружины (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 303–304). В этой связи, в дальнейшем мы предпочитаем опираться на более целостный рассказ Ипатьевской

Горский, ниже летописец раскрывает ее состав, отмечая, что в преследовании половцев участвовали тысяцкий и бояре князей Владимировичей¹⁵¹. Таким образом, речь, по заключению исследователя, идет о дружинной элите, боярах¹⁵².

Тысяцкий и княжеские бояре «избиша» половцев, но, вернувшись назад, не нашли своих князей¹⁵³ и буквально

летописи, отмечая некоторые разночтения в сокращенном известии Лаврентьевской.

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298; *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 39. П. П. Толочко считает, что это была лучшая дружина Ярополка и Андрея Владимировичей (*Толочко П. П.* Власть в Древней Руси X–XIII вв. С. 116). Однако, летописец упоминает в ее составе бояр всех 4-х участвовавших в сражении братьев Владимировичей – Ярополка, Вячеслава, Юрия и Андрея (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298). По мнению В. А. Кучкина, бояре только «командовали» «лучшей частью» дружины (*Кучкин В. А.* Тысяцкие в Киевском княжестве в XI–XIII вв. С. 11). Эта трактовка не находит опоры в источниках. Ближе к истине П. П. Толочко, отметивший, что «из летописи следует, что именно тысяцкий и возглавлял «дружину лучшую»» (*Толочко П. П.* Власть в Древней Руси X–XIII вв. С. 117).

¹⁵² *Горский А. А.* Древнерусская дружина. С. 39. Признавая такой состав «лучшей дружины», П. С. Стефанович предполагает, что данное «выражение... использовалось просто для обозначения лучшей «ратной» готовности» ... «Лучшими» в данном контексте (батальные сцены), они были с точки зрения не социальной, а военной». Историк привел в пример упомянутую в т. н. Галицко-Волынской летописи такую характеристику войска Даниила Романовича как «добрая дружина» и «велице полки» (*Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины... С. 242–243). Однако, версию П. С. Стефановича трудно признать убедительной. Приведенный им пример не является типичным для южнорусского летописания XII–XIII вв. хотя бы потому, в том случае эпитет «добрая» откровенно характеризует хорошие воинские качества. А из летописного рассказа о сражении у р. Супой 1135 г. никак не следует, что в погоню за половцами пустился лучший военный отряд, а в «лютой брани» с Ольговичами участвовали худшие силы. В этой связи мы, чтобы не нарушать принятый в науке принцип бритвы Оккама, отдаем предпочтение точке зрения А. А. Горского, согласно которой лучшая дружина – бояре князей Владимировичей

¹⁵³ «князьи своя» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298). В Хлебниковском списке читается «кн(я)зя ея» (там же. Примеч. 80, 81). Это чтение является неверным – ведь это была лучшая дружина всех

попали в руки – «упадоша в ручѣ» князьям «Ольговичемъ»; «такъ» Ольговичи «изымаша ѣ, держаще стягъ Ярополчъ»¹⁵⁴, киевского князя Ярополка Владимировича. Как отметил С. М. Соловьев, тысяцкий и бояре Владимировичей «попались въ руки побѣдителемъ, Ольговичемъ, обманутые Ярополковымъ стягомъ, который держали послѣдніе»¹⁵⁵. Среди многих попавших в плен к Ольговичам бояр киевский летописец выделил киевского (?)¹⁵⁶

князей Владимировичей, а не только какого-то одного из них, не названного по имени. В Лаврентьевской летописи вместо «князья свося» фигурируют «князѣ вои» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 304). Это чтение так же стоит признать неудачным – княжеская дружина была, прежде всего, связана с князьями, а не с их воинами, к тому же в летописях т. н. Лаврентьевской группы данное чтение является маргинальным: в аналогичных известиях Радзивилловской и Московско–Академической летописей читается «князья / князеи своихъ» (там же. Стб. 303–304. Примеч. 28).

¹⁵⁴ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298.

¹⁵⁵Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Стб. 370–371.

¹⁵⁶В. А. Кучкин однозначно принял «пояснение» Лаврентьевской летописи, что это был киевский тысяцкий. Но при этом в сноске отметил: «Лаврентьевская летопись дает иное отчество этого тысяцкого – Ярунович... Следуем чтению Ипатьевской летописи, которая, как показывает сличение ее текста с текстом Лаврентьевской летописи, с 20-х гг. XII в. содержит более полный и ранний текст, чем Лаврентьевская (Кучкин В. А. Тысяцкие в Киевском княжестве в XI–XIII вв. С. 11. Примеч. 29). В этой связи возникает риторический вопрос – можно ли утверждать, что данное «пояснение» восходило к аутентичному киевскому источнику и имело отношение к реалиям этого сражения, а не было ли, припиской позднего залеского переписчика?

Тем более, что при описании данной кампании в Лаврентьевской летописи имеется сомнительное добавочное чтение про разорение Ольговичами городов и сел по р. Суле и сожжение Устья (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 303). Этих подробностей не сообщает Ипатьевская летопись, дающая значительно более обстоятельное описание осады Ольговичами Переяславля, более того, Ольговичи не успели дойти до Устья, так как, узнав о приближении киевского Ярополка Владимировича, пошли навстречу ему к верховьям Супоя (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 297), расположенным в противоположенном направлении от Переяславля. Очевидно, залеский хронист при реконструкции похода Ольговичей опирался на сведения о других половецких вторжениях в Посулье, а также взятии Устья в

тысяцкого Давыда Ярославича и Станислава Доброго Тудковича¹⁵⁷. Не ясно, идет ли речь о том самом тысяцком, возглавлявшем лучшую дружину князей Владимировичей¹⁵⁸, или хронист, подводя итог боевым потерям, упоминал так же пленных из числа остальных воинов князей Владимировичей¹⁵⁹. Ведь пока их лучшая дружина воевала с половцами, Владимировичи с прочими войсками так же потерпели поражение от Ольговичей; князья Ярополк, Вячеслав, Юрий и Андрей Владимировичи, видя свои полки «възмятены» - в смятении¹⁶⁰ (из-за потери координации в связи с утратой стяга главы коалиции - киевского князя Ярополка? – М. Н.)¹⁶¹ были вынуждены до возвращения

конце прошлого века (Ольговичи, как видно из описания сражения на Супое, пользовались военной поддержкой половцев). При этом, летописец Северо-Восточной Руси явно давал понять, что не поддерживал князей Владимировичей в их конфликте с Ольговичами, вставив не то по отношению к обеим враждующим сторонам, не то в адрес одних Владимировичей, горький упрек в «немалой» «крамоле» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 304). В этой связи, не следует исключать, что залеский книжник сделал также значительно меньшую по объему вставку про «киевского» тысяцкого. Другое дело, что позднее появление этого «пояснения» о тысяцком твердо обосновать невозможно, а можно разве что предполагать (Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста... С. 135. Примеч. 54). В этой связи нам кажется наиболее корректным упомянуть этого тысяцкого как киевского под знаком вопроса.

¹⁵⁷ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298.

¹⁵⁸Толочко П. П. Власть в Древней Руси X–XIII вв. С. 117; Кучкин В. А. Тысяцкие в Киевском княжестве в XI–XIII вв. С. 11.

¹⁵⁹К подобной оценке, вероятно, склонился Ю. А. Полуэктов, усмотревший в данном летописном рассказе сообщение о двух тысяцких – киевском и переяславском (Полуэктов Ю. А. Институт тысяцких и военная организация Древней Руси (XI–XIII вв.) С. 3).

¹⁶⁰Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975. С. 298. См. «возмясти», «возмястися».

¹⁶¹С. М. Соловьев почему-то утверждал, что стяг был оставлен Ярополком уже «въ бѣгствѣ» (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 2. Стб. 371. Примеч. 1). Впрочем, ни о каком суматошном бегстве Владимировичей с поля боя источники не сообщают. Как и о преследовании их со стороны Ольговичей. Скорее всего, Ольговичи после «лютого» сражения, в ходе которого по оценке киевского летописца, «мнози от» обеих сторон «падаху» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298)

лучшей дружины уйти «въ свояси»¹⁶². И надо отметить, что именно в ходе этой «лютой брани» Владимировичей с Ольговичами, случившейся во время отсутствия лучшей дружины Владимировичей, в плен к Ольговичам попало много киевских бояр. В этом бою в числе многих воинов князей Владимировичей¹⁶³ погиб внук Владимира

фактически не стали их преследовать, а ограничились тем, что дождались и заманили в плен их лучшую дружину. Ольговичи одержали победу в сражении на Супое: они удержали за собой поле боя, а киевский князь в дальнейшем избегал с ними крупных сражений и в начале 1136 г. пошел на территориальные уступки (там же. Стб. 299). Можно согласиться с емкой оценкой новгородского хрониста результатов этого сражения: «и поможе Богъ Ольговицу с черниговчи» (НЛ. С. 23). Выражение «и поможе Богъ» в древнерусских источниках часто упоминалось для обозначения победившей стороны. В то же время, стоит отметить, что продолжение войны между Ольговичами и Владимировичами летом 1135 г. после зимнего примирения по-видимому было вызвано посадением киевским князем Ярополком Владимировичем на княжение в Переяславле своего брата Андрея (это событие киевским хронистом отмечено дважды, второй раз – перед упоминанием о возобновлении Ольговичами военных действий, начавшихся с трехдневной осады Переяславля (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 297)). Однако, победив в сражении на Супое, Ольговичи не добились свержения нового переяславского князя и потом не вывигали таких требований. Поэтому не стоит преувеличивать масштаб их победы, домысливая бегство войск Владимировичей с поля боя, в ходе которого якобы был утерян киевский стяг. Между тем, на Руси бывали случаи, когда потеря знамени приводила к смятению и поражению войска. Осенью 1467 г. под Рязанью большеордынские татары подрубили у рязанцев древко знамени и те пришли в замешательство и побежали. 27 июля 1471 г. на р. Шиленьге великокняжеская рать, захватив стяг у самого крупного неприятельского отряда, решила исход сражения с новгородской ратью. Вероятно, причиной смятения и отступления войск князей Владимировичей в августе 1135 г. на р. Супое тоже послужила потеря стяга.

¹⁶²ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298.

¹⁶³Киевский хронист отметил, что в этой лютой «брани» «мнози от» обеих сторон «падаху» (там же). По словам НЛ, «Ольговиц» и «черниговчи» «многы кыяны исеце» (НЛ. С. 23). Не ясно, от какой из сторон новгородцы в большей мере получали сведения о сражении. Их призывали воевать и киевский и черниговский князья. А сами

Мономаха, Василько «Леонович» «Маричич», известие о гибели которого потом повторяется ниже, после сообщения о пленении лучшей дружины и перечисления пленников¹⁶⁴. А причину гибели Васильки летописец пояснил так: «многы бо баше [в бою Владимировичей с Ольговичами] бояре киевские изоимали»¹⁶⁵. Таким образом, при перечислении пленников хронист имел основание упоминать не только княжеских бояр из лучшей дружины Владимировичей. И не ясно, какой из тысяцких князей Владимировичей – командир лучшей дружины, или какой-то другой, оставшийся вместе с князьями Владимировичами – фигурирует в числе пленных как тысяцкий Давыд Ярославич. А также неизвестно, в каком отряде прежде воевал другой пленный боярин, Станислав Тудкович по прозвищу Добрый,

новгородцы безуспешно пытались их примирить (Там же).

¹⁶⁴ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298. Т. Л. Вилкул предполагает, что первое упоминание данного лица является сравнительно поздней вставкой: «сводчик, по-видимому, не смог идентифицировать этого персонажа, т.к. в одной записи он выступает с патронимом, а в другой – с матронимом» (*Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста... С. 135*). Однако, эти соображения совершенно излишни: сына Лже-Льва (Леона) Диогена и дочери Владимира Мономаха Марии, который только на Руси официально признавался «царевичем», не могли ни с кем перепутать. Летописец, правильно указавший принятые на Руси титул и отчество Васильки (настоящее имя его отца-самозванца осталось неизвестным), не мог не знать, что тот являлся внуком Владимира Мономаха, сыном его дочери Марии. Да и вообще, тот факт, что некоторые лица вроде внебрачного сына Ярослава Осмомысла Олега «Настасьевича» и сыновей Марфы Борецкой Дмитрия и Федора «Марфиных» упоминались в источниках то с матронимами, то без них, не приводит ни одного серьезного историка к далекоидущим выводам, что их с кем-то путали. Ту же Т. Л. Вилкул не смущает, что одни и те же киевские князья иногда фигурируют с отчествами, а иногда без них, в том числе в одном и том же летописном рассказе.

¹⁶⁵ПСРЛ. Т. 2. Стб. 298. Трудно в этой связи согласиться с А. А. Горским, что лучшая дружина отождествлялась летописцем с этими киевскими боярами (*Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 39*).

в составе лучшей дружины, или в одном из остальных «полков» князей Владимировичей. Другое дело, что лучшая дружина князей Владимировичей – некий тысяцкий и бояре Владимировичей – определенно попала в плен к Ольговичам. Ее дальнейшая судьба неизвестна. Ниже киевский хронист сообщает о возвращении в Киев князя Ярополка Владимировича с братьями и резюмирует, что это «сдѣяся» 8 августа¹⁶⁶. Обычно эту дату привязывают к неудачному для Владимировичей и их лучшей дружины сражению на р. Супой, но ее так же можно отнести уже ко дню приезда киевского князя с братьями в Киев.

Под 6646 г. (1138) г. в НЛ понятие «лучшие мужи» употреблено в значении дружинников князя Святослава Ольговича, находившихся при его супруге, которых новгородцы «прияша» весной наряду с ней у себя в городе, а потом (уже явно отдельно от них) ее содержали в женском Варваринском монастыре: «Въ то же лѣто выгнаша князя Святослава, сына Ольгова, из Новагорода, мѣсяця априля 17, въ неделю 3 по пасцѣ, сѣдевѣша 2 лѣта бес трии мѣсяць. Томъ же лѣтѣ слашася по Гюргя Володимириця Суждалю; а въ 23 того мѣсяця пополошишася людье: сѣлгаша бо, яко Святопѣлкъ у города съ плъсковици; и высушася всь городъ къ Сильнищю, и не бы ничтоже, а Святославлюю прияша Новѣгородѣ съ лучшими мужи, а самого Святослава яша на пути смолняне и стрѣжахуть его на Смядинѣ въ манастыри, якоже и жену его Новгородѣ у святое Варвары въ манастыри, жидуше оправы Яропѣлку съ Всѣволодомъ»¹⁶⁷. Надо думать, что речь идет о той самой некой новгородке, на которой князь Святослав Ольгович женился в Новгороде, против воли новгородского духовенства, поручив совершить обряд венчания собственным попом на территории княжеского двора в Никольской церкви (нын. Николо-Дворищенский собор). Укрытие ее в стенах женской обители, очевидно, обеспечивало

ей \\\неприкосновенность во время княжеских усобиц. Самого Святослава также держали в Смоленске в монастыре.

В сходном значении «лутшии мужи» фигурируют в Ипатьевской летописи под 6798 (1288/1289)¹⁶⁸ г. в качестве людей польского князя Генриха Вроцлавского. При этом хронист их называет немцами и сообщает, что князь пообещал им дать подарки и земли за успешную службу: «По Лѣстьцѣ же сѣде во Краковѣ Болеславъ Сомовитовичъ, брат Кондратовъ. И пришедъ Индрихъ князь Воротѣславский, выгна и, хотя самъ княжити. Болеслав же, совокупивъ рать свою и братью свою Кондрата и Локотка, поидоша на Андриха Кракову. Индрих же не стерпѣ прихода ихъ и выѣха вѣнь до Воротѣславля, а засаду свою посади во Краковѣ: нѣмцѣ, лутшии свои мужѣ, обѣщався имъ дарми великими и волостями, меа самѣхъ води ко кресту, какъ бы не передати города Болеславу. Они же цѣловаше, рекуще: «Можемъ головы свои за тя сложити, а не передадимъ городъ». Индрихъ же и кормъ имъ остави до изобилья»¹⁶⁹. Таким образом, речь идет о знатных иноземцах на службе польского князя.

Под 6785 (1277/1278) в том же источнике сообщается, что во время зимнего литовского похода князя Мстислав Данилович Луцкий и Юрий (сын Льва Даниловича Галицкого, участвовавший в этом походе по воле отца), встав на ночлег по пути к Гродно в отдалении от Волковыска, «посласта лутшѣи своѣ бояре и слуги»¹⁷⁰ во главе с галицким воеводой Тюимой (Туймой)¹⁷¹ разорять окрестности. Другое дело, что, несмотря на то, что термин «лутшѣи» употреблен волынским хронистом по отношению к княжеским боярам, не

¹⁶⁸Обоснования датировки см: *Грушевський М. С. Хронологія подій галицько-волинського літопису // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. 41. Львів, 1901. С. 59–60.*

¹⁶⁹ПСРЛ. Т. 2. Стб. 934.

¹⁷⁰Там же. Стб. 877.

¹⁷¹«Тюима (Туйма) – галицкий воевода, упоминается так жк под 6789 (1281) и 6790 (1282) гг.» (БЛДР. Т. 5. СПб., 1997. С. 512. (Комментарий О. П. Лихачевой)).

¹⁶⁶ПСРЛ. Т. 2. Стб. 299.

¹⁶⁷НЛ. С. 25.

исключено, что он означал не знатнейших, а просто лучших княжеских бояр, которым их князья поручили осуществить ночную грабительскую вылазку и ради освобождения из плена которых отказались от взятия города (Волковыска)¹⁷². Бояре и слуги не вполне оправдали надежды князей – сделав свое дело, они не вернулись к войску, а улеглись ночевать «тамо», «на сѣле», сняв доспехи и не выставив «сторожу», в ту же ночь были застигнуты защитниками Волковыйска – пруссами и бартами, «всѣ» избиты, а «другиѣ» (кто был «избит») не до смерти¹⁷³, и / или не смог бежать¹⁷⁴

¹⁷²В летописи название города прямо не указано. В историографии встречается мнение, что в данном летописном известии подразумевалась осада Гродно, к которому двигались русские войска от Берестья (Бреста) мимо Волковыска (см. напр: *Кибинь А. С. Русско-литовское пограничье в 70-90-х гг. XIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 10 (36). Ч. 1. 2013. С. 91*). Впрочем, это точка зрения не является единственной. Так, по словам Т. Баранукасаса, события разворачивались «у Волковыска» (*Баранукасас Т. Новогрудок в XIII в.: история и миф // Castrum, urbis et bellum: сб. навук. прац. Барановічы, 2002. С. 38*). Мы тоже полагаем, что в летописи шла речь о Волковыске. Стоит отметить, что лагерь русского войска привязан летописцем именно к Волковыску, а не к Гродно, которое от Волковыска отделяет расстояние около 90 км. Между тем, за ночь лучшие княжеские бояре и слуги успели отъехать из лагеря и, пограбив округу, лечь спать, а некий перебежчик – добраться от них до города и сообщить его защитникам о расположении русского отряда, а пруссы и барты – прибыть из города в село, где ночевал последний, избить его и некоторых бояр и слуг захватить в плен (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 877). Таким образом, именно Волковыск являлся тем самым летописным «городом», в котором находились в плену русские княжеские бояре и слуги и от взятия которого отказались русские князья ради освобождения своих бояр.

¹⁷³О. П. Лихачева перевела это слово как «перебили» (БЛДР. Т. 5. 311). Однако, оно имело в древнерусском языке разные значения. Иногда оно действительно относилось к убийству (вспомним упомянутых выше избитых Ярославом новгородских нарочитых мужей, которых ему потом было не воскресить). В данном случае мы тоже не можем исключить, что некоторые лучшие бояре и слуги были избиты насмерть. Но часть избитых была взята в плен и потом освобождена,

попали в плен, а воеводу Туйму пруссы и барты «на санехъ везоша, бе бо ранень велми»¹⁷⁵. В дальнейшем в ходе осады города князья договорились с горожанами, что не будут брать город, если получат назад своих бояр. Обе стороны сдержали свое слово. Горожане отпустили княжеских бояр, а князья, забрав «бояры своѣ», больше ничего не сделали городу и тако «возвратишася восвояси»¹⁷⁶.

Не исключено, что термин «лучшие» и в других случаях иногда употреблялся в древнерусских источниках по отношению к людям не для обозначения знатности, а в виде качественной характеристики – лучших воинов, дипломатов и т. д.

Так, под 6505 (997 г.) в ПВЛ так же фигурируют «лучшиѣ мужи» печенегов, которых печенеги выбрали для участия в посольстве в Белгород: «Горожане же рѣша, шедше к печенѣгомъ: «Поимете к собѣ таль нашъ, а вы поидѣте до 10 мужъ въ градъ и видите, что ся дѣеть въ градѣ нашемъ». Печенѣзи же радѣ бывше, мняще, яко хотять ся передати, а сами избраша лучшиѣ мужи въ городехъ / родехъ¹⁷⁷ и послаша въ град, да розъглядають в городѣ, что ся дѣеть»¹⁷⁸. Отметим, что М. Б. Свердлов был не уверен, что в данном случае этот термин обозначал печенежскую знать, и написал о таком его значении в форме предположения¹⁷⁹. Сомнения ученого справедливы: если считать верным чтение

несомненно, включая тяжело раненного командира Туйму, который, как отметила сама исследовательница (там же. С. 512), потом упоминался в качестве галицкого воеводы в 1281 и 1282 гг.

¹⁷⁴Человек Мстислава Луцкого по имени Ратислав, принесший на другой день эту весть русским князьям, (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 877), каким-то образом избежал плена, или бежал из плена.

¹⁷⁵Там же.

¹⁷⁶Там же. Стб. 878.

¹⁷⁷Во всех списках ПВЛ читается «городехъ». Но публикаторы памятника исправляют по относительно поздним Новгородской IV и Софийской I летописям.

¹⁷⁸ПВЛ. С. 57.

¹⁷⁹Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 89.

не «мужи в городехъ», а «мужи в родехъ»¹⁸⁰ – семьях¹⁸¹, то, скорее всего, «лучьшиѣ» – это не буквальное обозначение знати, а качественная характеристика самых лучших членов своих семей как наиболее подходящих для дипломатической миссии. (При этом не стоит исключать, что *de facto* речь шла об авторитетной племенной верхушке¹⁸². Однако, настаивать на такой трактовке тоже не следует. Выше мы отмечали, что древнерусские летописцы не проявляли пристального внимания к социальной иерархии и титулатуре половцев, с которыми князья Руси имели более тесные контакты, чем с печенегами. Не ясно, имело ли для киевского хрониста общественное положение отправленных в Белгород 10 печенежских послов большее значение, чем неуказанный в ПВЛ социальный статус Итларя, возглавлявшего половецкое посольство в Переяславль к самому князю Владимиру Мономаху).

Вероятно, в подобном значении в том же источнике под 6496 (988 г.) упомянуты «мужѣ лучьшиѣ» от словен, кривичей, чуди и вятичей, которых киевский князь Владимир «поча нарубати», а затем населил ими свои новые южнорусские города «И рече Володимерь: «Се не добро, еже малъ городъ около Києва». И нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ. И поча нарубати мужѣ лучьшиѣ от словенъ, и от кривичъ, и от чюдии, и от вятичъ, и от сихъ насели грады; бѣ бо рать от печенѣгъ. И бѣ воюяся с ними и одоляя имь»¹⁸³.

¹⁸⁰Обоснование см.: БЛДР. Т. 1. С. 506. (Комментарий О. В. Творогова).

¹⁸¹Наличие у печенегов разных этнополитических общностей как у восточных славян, а также одновременное существование более одного «печенежского князя» в древнерусских источниках не прослеживается. Поэтому «роды» в данном случае, скорее всего, представляли собой семьи, а не разные народности, племена.

¹⁸²Скобелев А. В. «Люди» в системе социальных связей... С. 98.

¹⁸³ПВЛ. С. 54.

(В данном случае мы опять же, равно как и М. Б. Свердлов¹⁸⁴, предпочитаем опираться на относительно грамотный текст ПВЛ, а не аналогичное известие НЛ мл. Стоит отметить, что текст НЛ не только отличается нехарактерными для киевского летописания и типичными для древненовгородского диалекта примерами цоканья (кривиць, вятиць), но и содержит несколько сомнительные чтения «порубати» (арестовать, заточить в поруб)¹⁸⁵, вместо «нарубати» – мобилизовать на войну и «и от всѣх градъ»¹⁸⁶ вместо «от сихъ насели грады». Эти расхождения определенно возникли при не очень внимательном переписывании новгородскими книжниками киевского источника. Новгородский хронист невольно исказил смысл рассказа: Владимир будто бы строил на юге Руси крепости для того, чтобы в виду войны с печенегами превратить их в тюрьмы для жителей иных областей Руси и всех городов. Остается только гадать, как это могло способствовать победе над кочевниками. Следует отдать предпочтение более вразумительной версии ПВЛ о мобилизации этих мужчин на войну с печенегами, о заселении ими новых южнорусских крепостей. В остальном текст сообщения НЛ мл. аналогичен ПВЛ и не демонстрирует заимствований из какого-то уникального, предшествующего ПВЛ киевского источника).

М. Б. Свердлов полагает, что речь шла о переселенной Владимиром знати¹⁸⁷. Такая версия является вполне релевантной. Также не стоит исключать, что речь в данном случае шла о лучших воинах вне зависимости от социального статуса, представлявших собой основную военную

¹⁸⁴Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 89, 270.

¹⁸⁵Примеры употребления в источниках см.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17. М., 1991. С. 135.

¹⁸⁶НЛ. С. 57.

¹⁸⁷Свердлов М. Б. 1) Генезис и структура... С. 41; 2) Домонгольская Русь... С. 89, 270.

силу в новых крепостях во время войны с кочевниками¹⁸⁸.

Под 6660 (1152) г. в киевском летописании сообщается, что киевский князь Изяслав Мстиславич собрал на войну с галицким князем Владимиром Володаревичем свою дружину, взял с собой полк другого киевского князя Вячеслава Владимировича, всех черных клобуков, лучших киевлян («кияны лутшии») «и всю Рускую дружину»¹⁸⁹. Как мы видим, «кияне лутшии» не относились к дружине ни одного из двух киевских князей¹⁹⁰. Не ясно, представляли ли они собой городскую знать, или в данном случае опять же шла речь просто о лучших воинах из числа горожан.

Под 6742 (1234) г. в НЛ упоминаются лучшие немцы, павшие в сражении с новгородцами у р. Омовжи: «и поможе Богъ князю Ярославу съ

новгородьци и биша я и до рѣкы и паде ту лучьшихъ нѣмецъ нѣколико; и яко бывши на рѣче Омовыжи нѣмци и ту обломишася истопѣ ихъ много»¹⁹¹. Опять же не ясно, имеются ли в виду знатнейшие немцы или так были названы просто самые лучшие ливонские рыцари, храбро сражавшиеся и ценой своей жизни не давшие себя оттеснить на хрупкий лед реки; многие из тех немцев, которые были вытеснены на речной лед, провалились под него. Считается, что именно этот эпизод взял за основу кинорежиссер С. М. Эйзенштейн для такого финала Ледового побоища 1242 г. в фильме «Александр Невский». Хотя на самом деле исследователями новгородских источников о Ледовом побоище давно отмечен тот факт, что подробность о том, что после сражения в ходе преследования русскими войсками ливонцев по льду «иных» немцев «вода потопи», появилась в поздних новгородских источниках о Ледовом побоище¹⁹².

В 6772 (1264/65) г. согласно НЛ по поручению новгородцев посадничий сын и «лучшии бояре» ездили в Тверь приглашать на новгородское княжение Ярослава Ярославича. Их миссия увенчалась успехом – 27 января 1265 г. Ярослав Ярославич вокняжился в Новгороде¹⁹³. Не ясно, что в данном случае означало выражение «лучшии бояре» – знатнейшие бояре, или лучше всего подходящие для выполнения этой миссии. Последнее нельзя исключать – посольство возглавлял посадничий сын, а не сам посадник. Поэтому, скорее всего новгородцы прежде всего стремились послать в Тверь наиболее подходящих людей, а не просто продемонстрировать кандидату на новгородское княжение цвет своего боярства.

¹⁸⁸ Аналогичное мнение высказал В. В. Пузанов (*Пузанов В. В. Древнерусская государственность...* С. 568). С Пузановым не согласился А. В. Скобелев, поддержавший точку зрения М. Б. Свердлова (*Скобелев А. В. «Люди» в системе социальных связей...* С. 97-98). В пользу понимания лучших мужей как лучших воинов, вероятно, свидетельствует тот факт, что в процитированном выше летописном рассказе они одни упомянуты в качестве защитников городов во время войны печенегами. С другой стороны, лапидарный характер летописного известия не дает основания для однозначных выводов. Не исключено, что для киевского хрониста было важнее записать о постройке новых городов и депортации в них знатных мужей из иных восточнославянских и финноугорских земель, а не объяснить, чьими силами одержали победу над печенегами.

¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 446.

¹⁹⁰ В этой связи едва ли верно считать киевлян частью «Руской дружины» (ср: *Поляков А. Н. Дружина в Древней Руси // Вестник Оренбургского государственного университета. № 2 (108). 2010. С. 42*) Ниже летописец характеризует войска Изяслава Мстиславича и венгерского короля как состоящие из «воев» и «дружины». А не из одной дружины (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 449). Под «всей Руской дружиной» помимо дружин обоих киевских князей и, возможно, «Черных клобуков», вероятно подразумевалась часть дружины посаженного в Переяславле сына Изяслава Мстиславича, Мстислава. Мстислав тоже участвовал в этой кампании, но шел с венгерским королем (там же. Стб. 446) Гезой II.

¹⁹¹ НЛ. С. 78.

¹⁹² *Бегунов Ю. К., Клейнберг И. Э., Шаскольский И. П. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 года. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.–Л., 1966. С. 188–189.*

¹⁹³ НЛ. С. 84. Обоснование датировок см. *Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 272.*

По словам М. Б. Свердлова, «понятие» «лучшие мужи» сохранялось в качестве «названия знатных людей» в «русской социальной терминологии XI–XIII в.»¹⁹⁴. Проведенный выше анализ употребления его в русских источниках подтверждает этот важный вывод знаменитого петербургского исследователя средневековой Руси. При этом стоит отметить, что в XIII в. термин «лучшие» уже почти не упоминался по отношению к русской знати (только два раза применялся к новгородским боярам и княжеским боярам Юго-Западной Руси), а также дважды употреблялся применительно к иноземцам. При этом, в трех случаях из четырех он, возможно, характеризовал не знатность этих лиц, а их воинские / дипломатические качества. Вероятно, в это время он уже практически выходит на Русь из употребления в качестве обозначения элиты¹⁹⁵.

¹⁹⁴Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 90.

¹⁹⁵Пожалуй, после XIII ст. в русских источниках нет однозначных примеров его упоминания в подобном значении. В XIV – XV вв. данный термин использовался для обозначения небоярских городских слоев, верхушки ремесленников (ПСРЛ. М., 2004. Т. 25. С. 211, 292) или лучших княжеских людей, не из числа бояр (там же. С. 246). Упоминания новгородских лучших мужей рубежа 1460–70 гг. в московской летописной повести о новгородцах и владыке Феофиле иногда почему-то переводят как «знатных» и интерпретируют как «бояр и житых» (БЛДР. Т. 7. СПб., 1999. С. 287, 289, 524. (Перевод В. В. Колесова, комментарии Я. С. Лурье)). Однако, не все списки этой повести содержат чтения, безусловно соответствующие подобным трактовкам. Например, в опубликованном в данном издании отрывке Музейного сборника рубежа XV–XVI вв. читаем: «старии посадници, и тысяцкие, и лучшие люди, также и житии люди» (там же. С. 288) Аналогичные чтения содержатся в Вологодско-Пермской и Никаноровской летописях, в которых отразился московский великокняжеский летописный свод 1472 г. (ПСРЛ. Т. 26. М.–Л., 1959. С. 231; ПСРЛ. Т. 27. М.–Л., 1962. С. 130). Таким образом, новгородские лучшие люди противопоставлены не только житым, но и представителям боярства – посадникам и тысяцким, которые определенно были знатными людьми. Возможно, лучшие люди в данном случае – бояре, не занимавшие должности посадника и тысяцкого. Но не исключено, что речь шла опять же городской ремесленной верхушке, которая в отличие от упомянутой в той же московской

Таким образом, можно заключить, что термин «нарочитые» в X–XI вв. применительно к представителям элиты, по-видимому, строго обозначал местную неслужилую знать. И однозначные употребления этого слова по отношению к людям в иных значениях относятся к более позднему времени, когда этот термин уже перестал применяться в древнерусских источниках для обозначения знати. В дальнейшем этот термин, вероятно, уступил место лексеме «боярин», которая с XII в. стала обозначать не только верхушку княжеской дружины, но и городскую элиту. Стоит отметить, что значительная часть известий ПВЛ, в которых упоминаются нарочитые мужи, имеет черты относительно раннего происхождения. В то же время аналогичные известия НЛ мл. содержат неудачные чтения и не имеют однозначных признаков использования отличного от ПВЛ и предшествующего ей по времени киевского источника. Мы далеки от мысли, что это сколько-нибудь дискредитирует концепцию существования гипотетического Начального свода 90-х гг. XI ст., а тем более дает основание бездоказательно обвинять разделяющих ее исследователей в «спекуляциях»¹⁹⁶. Другое дело, что следует внимательно анализировать все аналогичные ПВЛ известия НЛ мл., прежде чем ссылаться на них как на первоисточник.

Также стоит иметь в виду, что термин «лучшие мужи» иногда был синонимичен «нарочитым мужам» и употреблялся по отношению к неслужилой знати, но в то же время в некоторых случаях применялся к княжеским людям, а иногда, вероятно, использовался в виде качественной характеристики лучших воинов и дипломатов.

летописной повести безыменитых мужиков, тяготела к сохранению связей с Москвой.

¹⁹⁶Ср: Вилкул Т. Л. Новгородская I летопись и начальный свод // Palaeoslavica. Vol. XI. 2003. 35.

Библиография

Источники:

- Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997.
Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб., 1997.
Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб., 1999.
Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949.
Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.
Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
Новгородская I летопись. Берлинский список. СПб., 2010.
Повесть временных лет. СПб., 1996.
ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
ПСРЛ. Т. 3. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская IV летопись. М., 2000.
ПСРЛ. Т. 7. Воскресенская летопись. СПб., 1856.
ПСРЛ. Т. 16. Летопись Авраамки. СПб., 1889.
ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004.
ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.–Л., 1959.
ПСРЛ. Т. 27. Никоноровская летопись. М.–Л., 1962.
Тихомиров М. Н. Пособие по изучению Русской Правды. М., 1953.
Georgii Monachi Chronicon. Vol. 1. Leipzig, 1904.

Литература:

- Абрамович Г. В. К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадийности его перехода в развитый феодализм // ИСССР. № 2. 1981.
Алексеев Л. В. Смоленская земля в XI–XIII вв. М., 1980.
Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971.
Андреев В. Ф. Северный страж Руси. Л., 1989.
Баранукас Т. Новогрудок в XIII в.: история и миф // Castrum, urbis et bellum: сб. навуц. прац. Барановічы, 2002.
Бегунов Ю. К., Клейненберг И. Э., Шаскольский И. П. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 года. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.–Л., 1966.
Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.
Вилкул Т. Л. Новгородская I летопись и начальный свод // Palaeoslavica. Vol. XI. 2003.
Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки) // Palaeoslavica. Vol. XIII. № 1. 2005.
Вілкул Т. Л. Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. Київ, 2015.
Вілкул Т. Л. Нові біблійні запозичення у Повісті временних літ: книги пророків // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 15. Київ, 2015.
Вовина-Лебедева В. Г. Угасший мир древнерусских летописей: взгляд сегодня // Российская история. № 4. 2019.
Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игореві: К лінгвотекстологічній стратифікації Начальної літописи // Russian Linguistics. Vol. 25. № 2. 2001.
Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игореві...-3. Ответ О. Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // Palaeoslavica. Vol. XVII. № 2. 2009.
Горovenko A. B. Алексей Шахматов: человек-метод или прелюбодей мысли? // Novogardia. № 2 (6). 2020.
Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989.

- Горский А. А.* О «племенной знати» и «племенах» у славян // *Florilegium*. К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000.
- Горский А. А.* Русь от славянского расселения до Московского царства М., 2004.
- Грушевський М. С.* Хронологія подій галицько-волинського літопису // *Записки Наукового товариства імені Шевченка*. Т. 41. Львів, 1901.
- Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Київ, 1992.
- Губарев О. Л.* К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика // *Novogardia*. № 2 (6). 2020.
- Гупало К. Н.* Подол в древнем Киеве. Киев, 1982.
- Дашкевич Н. П.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873.
- Зайцев А. К.* Черниговское княжество X–XIII вв. М., 2009.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Зиборов В. К.* История русского летописания XI–XVIII вв.: Учеб. пособ. СПб., 2002.
- Зимин А. А.* Правда Руская. М., 1999.
- Зубрицкий Д. И.* История древнего Галичско-Русского княжества. Ч. 2. Львов, 1852.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 2. СПб., 1818.
- Карпов А. В.* Язычество, христианство, двоеверие. Религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI вв. СПб., 2008.
- Карпов А. Ю.* Княгиня Ольга. М., 2009.
- Каргер М. К.* Древний Киев Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Том 1. М.–Л., 1958.
- Кибинь А. С.* Русско-литовское пограничье в 70-90-х гг. XIII в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 10 (36). Ч. 1. 2013.
- Килина Л. Ф.* Лингвотекстологическое исследование русских летописей: к постановке проблемы // *Вестник Удмуртского университета*. Вып. 2. 2010.
- Кузьмин А. Г.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969.
- Кучкин В. А.* Десятские Средневековой Руси // *Средневековая Русь*. Вып. V. 2006.
- Кучкин В. А.* Ранние свидетельства о сотнях и сотских // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. № 1 (23). 2006.
- Кучкин В. А.* Ранние свидетельства о сотнях и сотских. С. 10; 3) Десятские и сотские Древней Руси // *Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С.* Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008.
- Кучкин В. А.* Тысяцкие в Киевском княжестве в XI–XIII вв. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. № 3 (65). 2016.
- Кучкин В. А.* Тысяцкие в Переяславском и Смоленском княжествах в XII в. // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. № 1 (67). 2017.
- Літопис руський / Пер. з давньорус. Л. Є. Махновця; Відп. ред. О. В. Мишанич.* Київ, 1989.
- Лукин П. В.* Вече: социальный состав // *Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С.* Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008.
- Лукин П. В.* Сказание о варягах-мучениках в начальном летописании и Прологе: текстологический аспект // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. № 4 (38). 2009.
- Лукин П. В.* «Старцы» или «старшие»? О терминологии славянской «Племенной знати» // *Славяноведение*. Вып. 2. 2012.
- Лукин П. В.* Новая точка отсчета в изучении древнерусской элиты // *Российская история*. № 6. 2014.
- Лукин П. В.* Новгородское вече. М., 2014.
- Лукин П. В.* «Но преблагии Богъ не хотя смерти грѣшникомъ...»: начальное летописание об эпохе Владимира Святого и литературные параллели летописным рассказам // *Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы*

Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. М., 2017.

Лукин П. В. Новгородское вече. 2-е издание, переработанное и дополненное. М., 2018.

Лушин В. Г. Подвеска из Пскова, «христианские» псевдодирхамы и летописная хронология // Нумизматика Старого Света. Кн. I. Зимовники, 2016.

Лушин В. Г. 6411 (903) и 6453 (945) годы в структуре летописных датировок событий X века // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Сборник научных статей. Кн. I. Зимовники, 2017.

Лушин В. Г. О предгосударственных образованиях на восточнославянских землях // Историко-археологический сборник. Зимовники, 2020.

Михеев С. М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009.

Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.

Михеев С. М. Фармань и Поромонь дворь: Действительный и ложный скандинавизмы в новгородской ономастике // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2019.

Насонов А. Н. История русского летописания XI - начала XVIII в. М., 1969.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.

Несин М. А. Галицкое вече в 1187–1188 гг. // Русин. № 3 (17). 2009.

Несин М. А. Галицкое вече при Ярославе Осмомысле // Русин. № 1 (19). 2010.

Несин М. А. К истории происхождения Галича // Русин. № 3. (21). 2010.

Несин М. А. Галицкое вече и Даниил Галицкий в 1205–1209 гг. // Русин. № 2 (25). 2011.

Несин М. А. Галицкое вече в 1235–1240-х гг. // Русин. № 4 (30). 2012.

Несин М. А. Галицкое вече и Роман Галицкий // Русин. № 2 (32). 2013.

Несин М. А. Языческие выступления в Северо-Восточной Руси // Актуальные проблемы социальных и гуманитарных наук. № 1-2. 2014.

Несин М. А. Борьба за Смоленск в XV веке // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV–XVII вв. Ч. I. 2015.

Несин М. А. Некоторые черты социальной трансформации в X–XI вв. в восточнославянском обществе в летописной социальной терминологии // Исторический формат. № 2. 2015.

Несин М. А. Первая монография о новгородском вече // Valla. Т. 2. № 3. 2016.

Несин М. А. Дети боярские в Новгороде XIV–XV вв. по материалам новгородского летописания // Valla. Т. 2. № 4-5. 2016.

Несин М. А. Северо-Восточная Русь при монголах // Valla. Т. 2. 6. 2016.

Несин М. А. О двух новых монографиях, посвященных новгородским источникам // Valla. Т. 3. № 6. 2017.

Несин М. А. Новгородские житья люди в XV в. и их участие в войнах и внешней политике Великого Новгорода в XV в. Часть 1. От рубежа XIV–XV вв. до второй половины 1471 г. // История военного дела: исследования и источники. Т. VIII. 2016.

Несин М. А. Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв. диссертация на соискательство ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2018.

Несин М. А. Тысяцкие как воеводы и часть городского самоуправления // Город Средневековья и Раннего Нового времени VI: Археология, история. Тула, 2018.

Пацито В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003.

- Печников М. В.* Новгородский святитель Нифонт, княжеская власть и киевская митрополия (30-50-е гг. XII в.) // Вестник церковной истории. № 3-4 (47-48). 2017.
- Платонова Н. И.* Древнерусские погосты — новая старая проблема // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012.
- Полужетов Ю. А.* Институт тысяцких и военная организация Древней Руси (XI–XIII вв.) // Para-Bellum. Вып. № 14. 2001.
- Поппэ А. В. А. А.* Шахматов и спорные начала русского летописания // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (33). 2008.
- Пузанов В. В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007.
- Рапов О. М.* О датировке народных восстаний на Руси XI в. в Повести временных лет // История СССР. № 2. 1979.
- Рыбина Е. А.* О двух древнейших торговых договорах Новгорода // Новгородский исторический сборник. № 3 (18). 1989.
- Сафроненко К. А.* Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси. М., 1955.
- Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
- Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2006.
- Скобелев А. В.* «Люди» в системе социальных связей восточнославянского общества VI - первой трети XIII в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ижевск, 2010.
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. Т. 5. М., 2002.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17. М., 1991.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997.
- Соловьев С. М.* Даниил Романович, король Галицкий // Современник. Т. 1. Отд. 2. 1847.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 2. СПб., 1851.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том второй. Л–П. СПб., 1902.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том третий. Р–Я. СПб., 1910.
- Стефанович П. С.* Отношения князя и знати в Галицком и Волынском княжествах до конца XII в. // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007.
- Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины. Военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012.
- Стефанович П. С.* Древлянская дань киевским князьям // По любви, въ правдѣ, безо всякие хитрости. Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. Сборник статей. М., 2014.
- Страхова О. Б.* Рекоша дружина Игорев... К статье А. А. Гиппиуса о лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Palaeoslavica. Vol. XVI. № 2. 2008.
- Толочко П. П.* Власть в Древней Руси X–XIII вв. СПб., 2011.
- Толочко П. П.* Ранняя Русь: археология и история. СПб., 2013.
- Фомичев М. В., Несин М. А.* Александр Невский и Литва: военно-политические отношения Северо-Восточной Руси и Литвы в 30-60 гг. XIII в. // Novogardia. № 2. 2019.
- Фроянов И. Я.* О событиях 945-946 гг. в древлянской земле и Киеве (в свете этнографических данных) // Историческая этнография. СПб., 1993.
- Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Летопись занятий археологической комиссий. Т. 20. СПб., 1908.

Щавелев А. С. «Племена» восточных славян: этапы завоевания и степень зависимости от державы Рюриковичей в X в. // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. М.–Вологда, 2017.

Щавелев А. С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 годы). М., 2020.

Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972.

Юшков С. В. Общественный строй и право Киевского государства. М., 1949.

Юшков С. В. Русская правда. М., 1950.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003.

Сведения об авторе

Несин Михаил Александрович, кандидат исторических наук, ученый секретарь межрегиональной организации «Историческое сознание», г. Санкт-Петербург (Россия). Область научных интересов: история и историческая география Средневековой Руси.

E-mail: petergof-history@yandex.ru

M. A. Nesin

NAROCHITIE AND THE LUCHSHIE MUZHI OF THE X-XIII CENTURIES. ABOUT THE USE OF THESE TERMS IN ANCIENT RUS SOURCES IN RELATION TO THE NOBILITY

Annotation: This work is devoted to a comprehensive study of the use of the terms «narochitie» and «luchshie» «muzhi» in relation to the nobility of the X-XIII century. The author comes to the conclusion that the term «narochitie» was used to denote the non-servile nobility of the X-XI century and after the XI century. it was no longer used as a designation for notable people. The term «luchshie» was used in a broader sense - both in relation to non-serving nobility and princely people, and sometimes, probably, was used as a qualitative characteristic of the best soldiers and diplomats.

Keywords: M. B. Sverdlov, luchishe muzhi, narochitie muzhi, Drevlyans, družhina, non-serving nobility, boyars, The Tale of bygone years, the Initial code, the Novgorod I Chronicle

References

Sources:

Biblioteka literatury Drevnei Rusi [Library of Literature of Ancient Russia]. Vol. 1. St. Petersburg, 1997. (In Russian).

Biblioteka literatury Drevnei Rusi [Library of Literature of Ancient Russia]. Vol. 5. St. Petersburg, 1997. (In Russian).

Biblioteka literatury Drevnei Rusi [Library of Literature of Ancient Russia]. Vol. 7. St. Petersburg, 1999. (In Russian).

Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Acts of of Velikiy Novgorod and Pskov]. Moscow–Leningrad, 1949. (In Russian).

Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI-XV vv. [Old Russian princely charters] Moscow, 1976. (In Russian).

Konstantin Bagryanorodnyi. Ob upravlenii imperiei [On the government of the empire]. Moscow, 1991. (In Russian).

Novgorodskaya I letopis'. Berlinskii spisok [Novgorod I Chronicle. Berlin List]. St. Petersburg, 2010. (In Russian).

Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years]. St. Petersburg, 1996. (In Russian).

PSRL. Vol. 1. Lavrent'evskaya letopis'. Moscow, 1997. (In Russian).

PSRL. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis'. St. Petersburg, 1908. (In Russian).

PSRL. Vol. 3. Novgorodskaya I letopis' starshego i mladshego izvodov. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. 4. Ch. 1. Novgorodskaya IV letopis'. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. 7. Voskresnenskaya letopis'. St. Petersburg, 1856. (In Russian).

PSRL. Vol. 16. L etopis' Avraamki. St. Petersburg, 1889. (In Russian).

PSRL. Vol. 25. Moskovskiy letopisniy svod konca XV veka. Moscow, 2004. (In Russian).

PSRL. Vol. 26. Vologodsko-Permskaya leetopis'. Moscow-Leningrad, 1959. (In Russian).

PSRL. Vol. 27. Nikonorovskaya letopis'. Moscow-Leningrad, 1962. (In Russian).

Tikhomirov M. N. Posobie po izucheniyu Russkoi Pravdy [Handbook for the Study of Russian Truth]. Moscow, 1953. (In Russian).

Georgii Monachi Chronicon. Vol. 1. Leipzig, 1904. (In Greek).

Researches:

Abramovich G. V. K voprosu o kriteriyakh rannego feodalizma na Rusi I stadial'nosti ego perekhoda v razvitoi feodalizm [On the question of the criteria of early feudalism in Russia and the reality of its transition to developed feudalism] // *Istoriya SSSR*. No. 2. 1981. (In Russian).

Alekseev L. V. Smolenskaya zemlya v XI-XIII vv. [Smolensk land in XI-XIII centuries]. Moscow, 1980. (In Russian).

Aleshkovskii M. Kh. Povest' vremennykh let: Sud'ba literaturnogo proizvedeniya v Rossii [The Tale of Bygone Years: The Fate of a Literary Work in Russia]. Moscow, 1971. (In Russian).

Andreev V. F. Severnyj strazh Rusi [Northern guardian of Russia]. Leningrad, 1989. (In Russian).

Baranauskas T. Novogrudok v XIII v.: istoriya i mif [Novogrudok in the XIII century: history and myth]. *Castrum, urbis et bellum: sb. navuk. prac. Baranovichy*, 2002. (In Russian).

Begunov Yu. K., Kleinenberg I. E., Shaskol'skii I. P. Pis'mennye istochniki o Ledovom poboishche [Written sources about the Ice battle] // *Ledovoe poboishche 1242 goda. Trudy kompleksnoi ekspeditsii po utochneniyu mesta Ledovogo poboishcha*. Moscow-Leningrad, 1966. (In Russian).

Berejkov N. G. Hronologiya russkogo letioisaniya [Hronology of Russian annals]. Moscow, 1963. (In Russian).

Veletskaya N. N. Yazycheskaya simbolika slavyanskikh arkhaiskikh ritualov [Pagan symbolism of Slavic archaic rituals]. Moscow, 1978. (In Russian).

Vilkul T. L. Novgorodskaya I letopis' i nachal'nyi svod [Novgorod I chronicle and the initial code]. *Palaeoslavica*. Vol. XI. 2003. (In Russian).

Vilkul T. L. O proishozhdenii obshego teksta Ipat'evskoy i Lavrent'evskoy letopisey za XII v. (predvoritel'nie zametki) [About the origin of the common text of the Ipatiev and Laurentian Chronicles for the XII century (preliminary notes)]. *Palaeoslavica*. Vol. No 2. 2005. (In Russian).

Vilkul T. L. Litopis i hronograf. Studii z domongol'skogo kiivs'kogo litopisannya [Chronicle and chronograph. Studios from the pre Mongolian Kiev Chronicle]. Kyiv, 2015. (In Ukrainian).

Vilkul T. L. Novi biblijni zapozichennya u Povisti vremennih lit: knigi prorokiv [New biblical borrowings in the tale of bygone years: the books of the prophets]. *Ukraïna v Central'no-Skhidnij Evropi*. Vip. 15. Kyiv, 2015. (In Ukrainian).

Vovina-Lebedeva V. G. Ugashii mir drevnerusskikh letopisei: vzglyad segodnya [The Extinct world of Ancient Russian chronicles: a look today]. *Rossiiskaya istoriya*. No. 4. 2019. (In Russian).

Gippius A. A. Rekosha družhina Igorevi: K lingvotekstologicheskoi stratifikatsii Nachal'noi letopisi [Rekosha družhina Igorevi: To the linguotextological stratification of the Initial Chronicle]. *Russian Linguistics*. Vol. 25. No. 2. 2001. (In Russian).

Gippius A. A. Rekosha družhina Igorevi...-3. Otvet O. B. Strakhovoi (Eshche raz o lingvisticheskoi stratifikatsii Nachal'noi letopisi) [Rekosha družhina Igorevi...-3. The answer of O. B. Strakhovaya (Once again about the linguistic stratification of the Initial Chronicle)]. *Palaeoslavica*. Vol. XVII. No. 2. 2009. (In Russian).

- Gorovenko A. V.* Aleksei Shakhmatov: chelovek-metod ili prelyubodei mysli? [Alexey Shakhmatov: a method man or an adulterer of thought]. *Novogardia*. No. 2 (6). 2020. (In Russian).
- Gorskii A. A.* Drevnerysskaya družhina [Old Rus družhina]. Moscow, 1989. (In Russian).
- Gorskii A. A.* O “plemennoi znati” i “plemenakh” u slavyan [About the “tribal nobility” and “tribes” among the Slavs]. *Florilegium*. K 60-letiyu B. N. Flori. Moscow, 2000. (In Russian).
- Gorskii A. A.* Rus' ot slavyanskogo rasseleniya do Moskovskogo tsarstva [Rus from Slavic settlement to the Moscow Kingdom]. Moscow, 2004. (In Russian).
- Grushevs'kij M. S.* Hronologiya podij galic'ko-volins'kogo litopisu [Chronology of events of the Galicia-Volyn chronicle]. *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. Vol. 41. L'viv, 1901. (In Ukrainian).
- Grushevs'kij M. S.* Istorija Ukraini-Rusi [History of Ukraine-Rus]. Vol. 2. Kyiv, 1992. (In Ukrainian).
- Gubarev O. L.* K diskussii o plemennykh soyuzakh i politogeneze vostochnykh slavyan do Ryurika [On the discussion of tribal unions and the politogenesis of the Eastern Slavs before Rurik]. *Novogardia*. No. 2 (6). 2020. (In Russian).
- Gupalo K. N.* Podol v drevnem Kieve [Podol in ancient Kiev]. Kyiv, 1982. (In Russian).
- Dashkevich N. P.* Knyazhenie Daniila Galitskogo po russkim i inostrannym izvestiyam [The Reigning of Daniil Galitskiy according to Russian and foreign sources]. Kyiv, 1873. (In Russian).
- Zaitsev A. K.* Chernigovskoye knyazhestvo X-XIII vv. [Chernigov Principality in X-XIII centuries]. Moscow, 2009. (In Russian).
- Zaliznyak A. A.* Drevnenovgorodskii dialect [Ancient Novgorod dialect]. Moscow, 2004 (In Russian).
- Ziborov V. K.* Istorija russkogo letopisaniya XI–XVIII vv.: Ucheb. posob [History of Russian chronicle writing in the XI–XVIII centuries: Textbook]. St. Petersburg, 2002. (In Russian)..
- Zimin A. A.* Pravda Russkaya [Russian Truth]. Moscow, 1989. (In Russian).
- Zubrickij D. I.* Istorija drevnego Galichsko-Russkogo knyazhestva [History of the ancient Galich-Russian Principality]. Ch. 2. L'vov, 1852. (In Russian).
- Karamzin N. M.* Istorija gosudarstva Rossijskogo [History of the Russian State]. Vol. 2. St. Paterburg, 1818. (In Russian).
- Karpov A. V.* Yazychestvo, khristianstvo, dvoeverie. Religioznaya zhizn' Drevnei Rusi v IX–XI vv. [Paganism, Christianity, dual faith. Religious life of Ancient Russia in the IX–XI centuries]. St. Petersburg, 2008. (In Russian).
- Karpov A. Yu.* Knyaginya Ol'ga [Princess Olga]. Moscow, 2009. (In Russian).
- Karger M. K.* Drevnii Kiev. Ocherki po istorii material'noi kul'tury drevnerusskogo goroda [Ancient Kiev. Essays on the history of material culture of an ancient Russian city]. Vol. 1. Moscow–Leningrad, 1958. (In Russian).
- Kibin' A. S.* Russko-litovskoe pogranich'e v 70-90-h gg. XIII v. [The Russian-Lithuanian borderland in 70-90 of the XIII century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. No 10 (36). Ch. 1. 2013. (In Russian).
- Kilina L. F.* Lingvotekstologicheskoe issledovanie russkikh letopisei: k postanovke problemy [Linguo-textological research of Russian chronicles: to the formulation of the problem]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. Iss. 2. 2010. (In Russian).
- Kuz'min A. G.* Russkie letopisi kak istochnik po istorii Drevnei Rusi [Russian Chronicles as a source on the history of Ancient Russia]. Ryazan', 1969. (In Russian).
- Kuchkin V. A.* Desyatskie Srednevekovoi Rusi [Desyatskiye of Medieval Rus]. *Srednevekovaya Rus'*. Iss. V. 2006. (In Russian).
- Kuchkin V. A.* Rannie svidetel'stva o sotnyakh i sotskikh [Early evidence of sotny and sotskiye]. *Drevnyaya Rus'*. *Voprosy medievistiki*. No. 1 (23). 2006. (In Russian).

Kuchkin V. A. Desyatskie i sotskie Drevnei Rusi [Desyatskiye and sotskiye of Ancient Rus]. Gorskii A. A., Kuchkin V. A., Lukin P. V., Stefanovich P. S. Drevnyaya Rus': ocherki politicheskogo i sotsial'nogo stroya. Moscow, 2008. (In Russian).

Kuchkin V. A. Tsyatskie v Kievskom knyazhestve v XI–XIII vv. [Tsyatskiye in the Kiev Principality in the XI–XIII centuries]. Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. No. 3 (65). 2016. (In Russian).

Kuchkin V. A. Tsyatskie v Pereyaslavskom i Smolenskom knyazhestvah v XII v. [Tsyatskiye in the Pereyaslavl and Smolensk Principality in the XII century]. Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. No. 1 (67). 2017. (In Russian).

Litopis Rus'kyi [Chronicle of Rus] / Trans. from the old Russian L. E. Makhnovets; Rel. edited by O. V. Mishanich. Kiev, 1989. (In Ukrainian).

Lukin P. V. Veche: sotsial'nyi sostav [Veche: social composition]. Gorskii A. A., Kuchkin V. A., Lukin P. V., Stefanovich P. S. Drevnyaya Rus': ocherki politicheskogo i sotsial'nogo stroya. Moscow, 2008. (In Russian).

Lukin P. V. Skazanie o varyagakh-muchenikakh v nachal'nom letopisanii i Prologe: tekstologicheskii aspekt [The Legend of the Varangian martyrs in the initial chronicle and Prologue: textual aspect]. Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. No. 4 (38). 2009. (In Russian).

Lukin P. V. “Startsy” ili “Starshie”? O terminologii slavyanskoi “Plemennoi znati” [“Starcy” or “Starshie”? About the terminology of the Slavic “Tribal nobility”]. Slavyanovedenie. Iss. 2. 2012. (In Russian).

Lukin P. V. Novaya tochka otscheta v izuchenii drevnerusskoi elity [A new point of reference in the study of the Old Russian elite]. Rossiiskaya istoriya. No. 6. 2014. (In Russian).

Lukin P. V. Novgorodskoe veche [Novgorod veche]. Moscow, 2014. (In Russian).

Lukin P. V. “No preblagii Bog ne khotya smerti greshnikom...”: nachal'noe letopisanie ob epokhe Vladimira Svyatogo i literaturnye paralleli letopisnym rasskazam [“But God is most gracious and does not wish death to sinners...”: the initial chronicle of the era of Vladimir the Saint and literary parallels to chronicle stories]. Rus' epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v pamyat' tysyacheletiya konchiny svyatogo ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira i muchenicheskogo podviga svyatykh knyazei Borisa i Gleba, Moskva, 14–16 oktyabrya 2015 g. Moscow, 2017. (In Russian).

Lukin P. V. Novgorodskoe veche [Novgorod veche]. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow, 2018. (In Russian).

Lushin V. G. Podveska iz Pskova, “khristianskie” psevdodirkhamy i letopisnaya khronologiya [Pendant from Pskov, “Christian” pseudodirhams and chronology]. Numizmatika Starogo Sveta. Book I. Zimovniki, 2016. (In Russian).

Lushin V. G. 6411 (903) i 6453 (945) gody v strukture letopisnykh datirovok sobytii X veka [6411 (903) and 6453 (945) years in the structure of chronicle dating of events of the X century]. Preistoriya. Drevnost'. Srednevekov'e. Issledovaniya po istorii, arkhologii, kul'ture. Sbornik nauchnykh statei. Book I. Zimovniki, 2017. (In Russian).

Lushin V. G. O predgosudarstvennykh obrazovaniyakh na vostochnoslavyanskikh zemlyakh [On pre-state formations in the East Slavic lands]. Istoriko-arheologicheskii sbornik. Zimovniki, 2020. (In Russian).

Mikheev S. M. «Svyatopolk sede v Kieve po otsi»: Usobitsa 1015-1019 godov v drevnerusskikh i skandinavskikh istochnikakh [Svyatopolk came to Kiev by otzi": The Strife of 1015-1019 in Old Russian and Scandinavian sources]. Moscow, 2009. (In Russian).

Mikheev S. M. Kto pisal “Povest' vremennykh let”? [Who wrote “The Tale of Bygone Years”?]. Moscow, 2011. (In Russian).

Mikheev S. M. Far'man" i Poromon' dvor": Deistvitel'nyi i lozhnyi skandinavizmy v novgorodskoi onomastike [Farman and Poromon dvor: Real and false Scandinavism in Novgorod onomastics]. U istokov i istochnikov: na mezhdunarodnykh i mezhdistsiplinarnykh putyakh. Yubileinyi sbornik v chest' Aleksandra Vasil'evicha Nazarenko. Moscow, 2019. (In Russian).

Nazarenko A. V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh: Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazei IX–XII vv. [Ancient Russia on International Routes: Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, and Political Ties of the IX–XII centuries]. Moscow, 2001. (In Russian).

Nasonov A. N. Istoriya russkogo letopisaniya XI - nachala XVIII v. [The history of the Russian chronicle of the XI - beginning of the XVIII century]. Moscow, 1969. (In Russian).

Nesin M. A. Galitskoe veche v 1187–1188 gg. [Galician veche in 1187–1188]. Rusin. No. 3 (17). 2009. (In Russian).

Nesin M. A. Galitskoe veche pri Yaroslave Osmomysle [Galician veche under Yaroslav Osmomysl]. Rusin. No. 1 (19). 2010. (In Russian).

Nesin M. A. K istorii proiskhozhdeniya Galicha [To the history of the origin of Galich]. Rusin. Mezhdunarodnyi zhurnal. No. 3. (21). 2010. (In Russian).

Nesin M. A. Galitskoe veche i Daniil Galitskii v 1205–1209 gg. [Galician veche and Daniel Galitsky in 1205–1209]. Rusin. No. 2 (25). 2011. (In Russian).

Nesin M. A. Galitskoe veche v 1235–1240-kh gg. [Galician veche in the 1235–1240s]. Rusin. No. 4 (30). 2012. (In Russian).

Nesin M. A. Galitskoe veche i Roman Galitskii [Galician veche and Roman Galitsky]. Rusin. No. 2 (32). 2013. (In Russian).

Nesin M. A. Yazycheskie vystupleniya v Severo-Vostochnoi Rusi [Pagan performances in North-Eastern Russia]. Aktual'nye problemy sotsial'nyh i gumanitarnykh nauk. No. 1-2. 2014. (In Russian).

Nesin M. A. Bor'ba za Smolensk v XV veke [The struggle for Smolensk in the XV century]. Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Spetsial'nyi vypusk IV. Smolenskie voiny XV–XVII vv. P. I. 2015. (In Russian).

Nesin M. A. Nekotorye cherty sotsial'noi transformatsii v X–XI vv. v vostochnoslavlyanskom obshchestve v letopisnoi sotsial'noi terminologii [Some features of social transformation in the X–XI centuries in the East Slavic society in chronicle social terminology]. Istoricheskii format. No. 2. 2015. (In Russian).

Nesin M. A. Pervaya monografiya o novgorodskom veche [The first monograph about the Novgorod Veche]. Valla. Vol. 2. No. 3. 2016. (In Russian).

Nesin M. A. Deti boyarskie v Novgorode XIV–XV vv. po materialam novgorodskogo letopisaniya [Deti boyarskie in Novgorod of the XIV–XV centuries based on the materials of the Novgorod chronicle]. Valla. Vol. 2. No. 4-5. 2016. (In Russian).

Nesin M. A. Severo-Vostochnaya Rus' pri mongolakh [North-Eastern Russia under the Mongols]. Valla. Vol. 2. No. 6. 2016. (In Russian).

Nesin M. A. O dvukh novykh monografiyakh, posvyashchennykh novgorodskim istochnikam [About two new monographs devoted to Novgorod sources]. Valla. Vol. 3. No. 6. 2017. (In Russian).

Nesin M. A. Novgorodskie zhit'i lyudi v XV v. i ikh uchastie v voynakh i vneshnei politike Velikogo Novgoroda v XV v. Chast' 1. Ot rubezha XIV–XV vv. do vtoroi poloviny 1471 g. [Novgorod lives in the XV century and their participation in the wars and foreign policy of Velikiy Novgorod in the XV century. Part 1. From the turn of the XIV–XV centuries to the second half of 1471]. Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Vol. VIII. 2016. (In Russian).

Nesin M. A. Institut novgorodskikh tsysyatskikh v XII–XV vv. [Institute of Novgorod tsysyatskys in the XII–XV centuries]. Dissertatsiya na soiskatel'stvo uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Voronezh, 2018. (In Russian).

Nesin M. A. Tsysyatskie kak voevody i chast' gorodskogo samoupravleniya [Tsysyatskiye as voivodes and part of city self-government] // Gorod Srednevekov'ya i Rannego Novogo vremeni VI: Arkheologiya, istoriya. Tula, 2018. (In Russian).

Pashuto V. T. Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoi Rusi [Essays on the history of Galician-Volyn Rus]. Moscow, 1950. (In Russian).

Petrov A. V. Ot yazychestva k Svyatoj Rusi. Novgorodskie usobicy (k izucheniyu drevnerusskogo vechevogo uklada) [From paganism to Holy Russia. Novgorod strifes (to the study of the old Russian Veche way of life)]. St. Petersburg, 2008. (In Russian)

Pechnikov M. V. Novgorodskii svyatitel' Nifont, knyazheskaya vlast' i kievskaya mitropoliya (30–50-e gg. XII v.) [Novgorod Saint Nifont, princely power and the Kiev metropolia (30–50-ies of the XII century)] // Vestnik tserkovnoi istorii. No. 3-4 (47-48). 2017. (In Russian).

Poluektov Yu. A. Institut tsyatskikh i voennaya organizatsiya Drevnei Rusi (XI–XIII vv.) [The Tsyatsky Institute and the military organization of Ancient Russia (XI–XIII centuries)] // Para-Bellum. Iss. No. 14. 2001. (In Russian).

Platonova N. I. Drevnerusskiye pogosty — novaya staraya problema Old Rus pogosts – a new old problem] // Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Yevropy. 2010 god. Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. Moscow, 2012. (In Russian).

Poppe A. V. A. A. Shakhmatov i spornye nachala russkogo letopisaniya [Shakhmatov and the controversial beginnings of the Russian Chronicle] // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. No. 3 (33). 2008. (In Russian).

Puzanov V. V. Drevnerusskaya gosudarstvennost': genezis, etnokul'turnaya sreda, ideologicheskie konstrukty [Ancient Russian statehood: genesis, ethno-cultural environment, ideological constructs]. Izhevsk, 2007. (In Russian).

Rapov O. M. O datirovke narodnykh vosstaniy na Rusi XI v. v Povesti vremennykh let [On the dating of popular uprisings in Russia of the XI century in the Tale of Bygone Years]. Istoriya SSSR. No. 2. 1979. (In Russian).

Rybina E. A. O dvuh drevneishikh torgovykh dogovorakh Novgoroda [About the two oldest trade agreements of Novgorod]. Novgorodskii istoricheskii sbornik. No. 3 (18). 1989. (In Russian).

Safronenko K. A. Obshchestvenno-politicheskii stroi Galitsko-Volynskoi Rusi [Socio-political system of Galician-Volyn Rus]. Moscow, 1955. (In Russian)..

Sverdlov M. B. Genezis i struktura feodal'nogo obshchestva v Drevnei Rusi [Genesis and structure of feudal society in Ancient Russia]. Leningrad, 1983. (In Russian)..

Sverdlov M. B. Domongol'skaya Rus'. Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoi treti XIII vv. [Pre-Mongol Russia. Prince and princely power in Russia VI – the first third of the XIII centuries]. St. Petersburg, 2006. (In Russian).

Skobelev A. V. «Ludi» v sisteme sotsialnih svyazey vostochnoslavyanskogo obshchestva VI – pervoy treti XIII v. [«Ludi» in the system of social relations of the East Slavic society of the VI – first third of the XIII century] Dissertatsiya na soiskatel'stvo uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Izhevsk, 2010. (In Russian).

Slovar' drevrusskogo yazyka (XI–XIV vv.): v 10 t. [Dictionary of the Old Russian language (XI–XIV centuries): in 10 vol.] Vol. 5. Moscow, 2002. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Iss. 2. Moscow, 1975. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Iss. 10. Moscow, 1983. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Iss. 17. Moscow, 1991. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Iss. 22. Moscow, 1997. (In Russian).

Solov'ev S. M. Daniil Romanovich, korol' Galitskii [Daniil Romanovich, the King of Galicia] // Sovremennik. Vol. 1. Dep. 2. 1847. (In Russian).

Solov'ev S. M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen [History of Russia since ancient times]. Book 1. Vol. 2. St. Petersburg, 1851. (In Russian).

Sreznevskii I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of the Old Rus language on written monuments]. Tom vtoroi. L–P. St. Petersburg, 1902. (In Russian).

Sreznevskii I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of the Old Rus language on written monuments]. Tom tretii. R–IA. St. Petersburg, 1910. (In Russian).

Stefanovich P. S. Otnosheniya knyazya i znati v Galitskom i Volynskom knyazhestvakh do kontsa XII v. [The relations of the prince and the nobility in the Galician and Volyn principalities until the end of the XII century]. Srednevekovaya Rus'. Iss. 7. Moscow, 2007. (In Russian).

Stefanovich P. S. Boyare, otroki, druzhiny. Voenno-politicheskaya elita Rusi v X–XI vekakh [Boyers, youths, squads. Military-political elite in Rus in the X–XI centuries]. Moscow, 2012. (In Russian).

Stefanovich P. S. Drevlyanskaya dan' kievskim knyaz'yam [Drevlyans tribute to the Kiev princes]. Po lyubvi, v" pravde, bezo vsyokie khitrosti. Druz'ya i kollegi k 80-letiyu Vladimira Andreevicha Kuchkina. Coll. of art. Moscow, 2014. (In Russian).

Strakhova O. B. Rekosha druzhina Igorevi... K stat'e A. A. Gippiusa o lingvotekstologicheskoi stratifikatsii Nachal'noi letopisi [Rekosha druzhina Igorevi... To the article by A. A. Gippius on the linguotextological stratification of the Initial Chronicle]. Palaeoslavica. Vol. XVI. No. 2. 2008. (In Russian).

Tolochko P. P. Vlast' v Drevnei Rusi X–XIII vv. [Power in Ancient Russia of the X–XIII centuries]. St. Petersburg, 2011. (In Russian).

Fomichev M. V., Nesin M. A. Aleksandr Nevskii i Litva: voenno-politicheskie otnosheniya Severo-Vostochnoi Rusi i Litvy v 30-60 gg. XIII v. [Alexander Nevsky and Lithuania: military-political relations of Northeastern Russia and Lithuania in the 30-60s of the XIII century]. Novogardia. No. 2. 2019. (In Russian).

Froyanov I. Ya. O sobytiyakh 945-946 gg. v drevlyanskoi zemle i Kieve (v svete etnograficheskikh dannyykh) [On the events of 945-946 in the Drevlyansk land and Kiev (in the light of ethnographic data)]. Istoricheskaya etnografiya. St. Petersburg, 1993. (In Russian).

Shakhmatov A. A. Razyskaniya o drevneishih russkikh letopisnykh svodakh [Investigations about the most ancient chronicle cods]. Letopis' zanyatii arkhograficheskoi komissii. Vol. 20. St. Petersburg, 1908. (In Russian).

Shchavelev A. S. "Plemena" vostochnykh slavyan: etapy zavoevaniya i stepen' zavisimosti ot derzhavy Rurikovichei v X v. ["Tribes" of the Eastern Slavs: stages of conquest and the degree of dependence on the Rurik empire in the X century]. Rus' epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura. Moscow–Vologda, 2017. (In Russian).

Shchavelev A. S. Khronotop derzhavy Rurikovichei (911–987 gody) [Chronotope of the Rurikovich Empire (911–987)]. Moscow, 2020. (In Russian).

Shchapov Ya. N. Knyazheskie ustavy i tserkov' v Drevnei Rusi XI–XIV vv. [Princely charters and the Church in Ancient Russia of the XI–XIV centuries]. Moscow, 1972. (In Russian).

Yushkov S. V. Obshchestvennyi stroi i pravo Kievskogo gosudarstva [The social system and the law of the Kievan state]. Moscow, 1949. (In Russian).

Yushkov S. V. Russkaya Pravda [Russian Truth]. Moscow, 1950. (In Russian).

Yanin V. L. Novgorodskie posadniki [Novgorod posadniks]. Moscow, 2003. (In Russian).

About the author

Nesin Mikhail A., PhD in History, Scientific Secretary of the Interregional Organization of Social and Humanitarian Scientific Research "Historical Consciousness" St. Petersburg (Russia). Research interests: history and historical geography of Medieval Rus.

E-mail: petergof-history@yandex.ru

М. Б. СВЕРДЛОВ ОБ ОБЩЕМ И ОСОБЕННОМ В ИСТОРИИ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация: В данной работе рассматриваются взгляды М. Б. Свердлова на историю Средневековой Руси прежде всего с точки зрения наличия в ее развитии общего и особенного по отношению к европейским странам. Автор приходит к выводу, что М. Б. Свердлов демонстрирует взвешенное отношение к решению этого сложного вопроса, с учетом как общих тенденций исторического развития, так и особенностей его в русских условиях. И в этом заключается одна из причин интереса в современной отечественной исторической мысли к трудам данного ученого.

Ключевые слова: М. Б. Свердлов, Киевская Русь, домонгольский период, феодализм.

Проблема соотношения общего и особенного находилась в центре внимания отечественной общественно-исторической мысли по крайней мере с эпохи Просвещения. Не удивительно, что всякое комплексное исследование по истории отечественного средневековья и нового времени так или иначе сталкивалось с ней. В шестидесятые – семидесятые годы прошлого века, когда происходило становление М. Б. Свердлова в качестве историка, и начиналась его исследовательская деятельность, в отношении к данной проблеме были заметны изменения. Так, до семидесятых годов она была уже на периферии внимания и в большей степени виделась как философско-историческая, восходящая к проблеме категорий общего и особенного в историческом процессе. Это было не случайно. Принятая в исторической науке советского времени формационная метатеория утверждала идею единства исторического процесса как закономерной, прогрессивной и революционной смены общественно-экономических формаций и

видела феодализм в качестве одной из таких формаций. В отличие от предыдущей формации, рабовладельческой, распространение которой ограничивалось цивилизациями Востока и античности в древности, данная формация рассматривалась как по существу универсальная. Признавались при этом отдельные ее варианты, причем, по мере развития советской исторической мысли, вариативность феодальной формации указывалась всё более четко и определенно для разных стран.

С конца шестидесятых годов положение в этом отношении стало меняться. Связано это было с двумя заметными явлениями в отечественной историографии, относящимися к средневековью. Это были труды А. Я. Гуревича о феодализме в странах Западной Европы и о категориях средневековой культуры и монографии И. Я. Фроянова о экономическом и политическом строе Киевской Руси. В этих исследованиях на большом фактическом материале не только ставился вопрос о соотношении общего и особенного в западноевропейском и русском средневековье, но и происходил дальнейший сдвиг в сторону признания особенного как определяющей характеристики общественных отношений в этих странах. Так, А. Я. Гуревич обращал внимание на то, что основополагающая для характеристики средневековых отношений теоретическая концепция феодализма не универсальна сама по себе. Это лишь «"модель", сконструированная, однако, не столько на основе обобщения широкого круга данных, сколько путем возведения в норму конкретного материала, полученного прежде всего из изучения истории одной области Франции за не слишком определенный и краткий отрезок средневековья». Другие же страны, в том числе части самой Франции за

пределами территории между Луарой и Рейном, «оттесняются в разряд стран с феодализмом "неклассическим", "нетипическим"»¹. Замечание основывалось не только на обобщении фактического материала. Оно имело методологическое значение, поскольку в нем сама категория общего рассматривалась как один из вариантов особенного, в силу определенных причин возведенная на уровень общего и закономерного варианта развития явления. При этом страны с вариантом «неклассическим» и «нетипическим» также повторяли в своем развитии главные черты классического варианта данной формации.

В трудах И. Я. Фроянова имел место определенный пересмотр ставшей традиционной для советской историографии концепции феодализма в Киевской Руси. Еще в докторской диссертации, защищенной им в 1973 г., он выдвинул ряд положений, меняющих представление о характере социально-экономического строя восточного славянства и Руси. Он подчеркивал многоукладный характер древнерусского общества. Признавая наличие укладов, соответствовавших характерным признакам формационных отношений, он указывал, что еще «со времен антов», то есть в первые века новой эры, у восточных славян «в недрах первобытного строя зарождается рабовладельческий уклад». Но со второй половины X в. он видел «перелом в развитии рабства на Руси, обусловленный возникновением частного землевладения». Это привело, по его мнению, в XI в. к укреплению рабовладельческого уклада. Новым явлением он видел «примерно со второй половины XI в.» «феодальный уклад». Но феодальный уклад был, как подчеркивал И. Я. Фроянов, еще слаб, он «уступал рабовладельческому». Однако в вотчине со второй половины XI в. он уже видел сочетание рабовладельческих и феодальных элементов. При этом, по его словам, «подавляющая масса земледельческого населения Киевской Руси являлась свободной». Отсюда следовали его два

главных вывода. Во-первых, «в Древней Руси и рабовладельческий уклад, и феодальный решительно проигрывали по сравнению с общинным укладом». Их распространение в XI–XII вв. «напоминало островки, затерявшиеся среди свободного крестьянского хозяйства, господствовавшего в экономике той поры». Но, во-вторых, при всей слабости феодального уклада, «его можно считать ведущим, поскольку ему принадлежало будущее»². Такой характер социально-экономических отношений породил определенные формы управления. Тенденцией в развитии этих форм И. Я. Фроянов видел переход от племен, через племенные союзы и суперсоюзы, и «установление власти киевских князей над племенными союзами восточных славян»³. Он указывал на наличие в отношениях между князьями признаков сюзеренитета-вассалитета, но боярский вассалитет по отношению к князьям считал слабым. Он отрицал также существование вотчинно-сеньориального режима на Руси и признавал «весьма активную роль» народа «в социально-политической жизни Киевской Руси»⁴. Вечевые собрания, по его мнению, играли в жизни страны значительную роль, и благодаря им «народ влиял на ход политической жизни в желательном для себя направлении»⁵.

Таким образом, в развитии научной исторической мысли того времени была четко сформулирована позиция, согласно которой общее и особенное находятся между собой в единстве и сложном взаимодействии. При этом особенности выступают как результат исторического анализа, тогда как понятие об общем является результатом обобщения фактического материала, относящегося к разным объектам исследования, и связано с комплексом логических операций, в ходе которых выделяются главенствующие признаки явлений и процессов. При этом А. Я. Гуревич

¹Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 10.

²Фроянов И. Я. Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 293-294.

³Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 22.

⁴Там же. С. 149.

⁵Там же. С. 184.

указал на разные смысловые наполнения понятия о феодализме, когда феодализм можно было понимать как явление, ограниченное очень узкими хронологическими и территориальными рамками. Такой точки зрения историк в то время всё-таки еще не принимал. И. Я. Фроянов нисколько не отрицал универсальность феодализма. Но в Киевской Руси он видел феодализм только в качестве уклада, не занимавшего сколько-нибудь значительной роли в жизни общества, однако уклада исторически перспективного. Это выходило за рамки утвердившейся к тому времени в советской историографии концепции о начале феодализма на Руси с X и даже с IX в., начиная с Рюрика.

Поэтому с семидесятых годов вопрос об общем и особенном в русской истории получил свою конкретизацию не в рамках вопроса о русском феодализме вообще. Вопрос встал о времени формирования русского феодализма и о Киевской Руси как о феодальном или дофеодальном обществе. В данном случае произошло то, что проблема общего и особенного в русской истории как предельно общая конкретизировалась, но сохранилась в рамках более частного, но принципиально важного вопроса. Тем более актуальность его обострялась в связи с формированием не только концепции И. Я. Фроянова о дофеодальном и общинном строе на Руси, но и в то же самое время В. И. Горемыкиной о Киевской Руси как об обществе рабовладельческом (делавшей вывод, что социальная структура Киевской Руси была «типична для рабовладельческих государств»⁶, причем на своей ранней стадии).

Между тем концепция, согласно которой Киевская Русь была обществом на ранней стадии феодальной формации, сохранялась. М. Б. Свердлов выступил в это время как один из наиболее активных защитников этой концепции, со своей глубоко продуманной аргументацией. Она включала в себя такие вопросы, как анализ генезиса на Руси раннеклассового

общества, вопрос о формах организации семьи и общины, общая структура феодального хозяйства на Руси и структура класса феодалов. При этом хронологические рамки для феодального хозяйства и класса феодалов он определял как XI – первую треть XIII вв. Но на образование государства на Руси М. Б. Свердлов смотрел как на процесс, уходящий в значительно более ранний период восточнославянской истории. Выделение четырех этапов в его развитии – племенных княжений, образования первоначального ядра будущего государства – Русской земли, формирования первых государственных образований, южного и северного, и, наконец, образования Киевского государства⁷, отражало глубоко продуманный и исторический подход М. Б. Свердлова к этому очень сложному вопросу.

Что же касается исследования социальных структур древнерусского общества, то обращает на себя внимание ярко выраженное стремление М. Б. Свердлова к выявлению того, как процессы формирования новых экономических отношений и социальных связей воспринимались в сознании самого изучаемого общества. Методология исследования сознания общества была избрана историком с опорой на принцип лингвизма, который уже получил к восьмидесятым годам признание в западноевропейской исторической науке, но который вызывал также повышенный интерес среди отечественных историков. Его выражением стал внимательный анализ лингвистического материала, такого, как терминология источников, которая встречается в документах. М. Б. Свердлов использовал сопоставление лексики из русских источников, прежде всего из историко-правовых, с лексикой из других языков. Это были языки не только славянские, но и германские, греческий и арабский язык. Такой подход позволял не только установить происхождение слов, обозначающих социальные понятия. Он давал возможность выявить параллельные процессы на Руси и в других странах,

⁶Горемыкина В. И. К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск, 1970. С. 73.

⁷Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 29.

находившихся на примерно той же стадии развития. Такие процессы давали ему основание признать правомерным употребление в советской историографии специфически западноевропейского понятия домена, обозначавшего «наследственные земельные владения короля в Западной и Центральной Европе», к княжеским владениям в период раннего русского средневековья⁸. Еще одним указанием его на общие явления в общественной и культурной жизни западных раннесредневековых обществ и Руси был вывод о возможности признания деревянных укрепленных построек русских феодалов замками. Со ссылкой на исследование П. А. Раппопорта, он указал, что и в западноевропейских странах до XII в. замки тоже были нередко деревянными. Но главное, по мнению М. Б. Свердлова, было не в строительном материале, а в функциональном назначении этого сооружения, поскольку признаки замка – «укрепленное жилище феодала, крепость и резиденция одновременно»⁹. В целом такой вывод в дореволюционной и в советской историографии не принимался. Но, возможно, что отрицание существования замков в Киевской Руси также не вполне точно и справедливо.

Но такие параллельные процессы М. Б. Свердлов выявлял не только методом лингвистического анализа, но и при опоре на сравнительно-историческое исследование процессов общественного развития и в становлении властных структур и их основы в форме концентрации земельной собственности. Говоря о формировании феодальной собственности на землю как собственности государства, сложившейся в результате окняжения земли, М. Б. Свердлов проанализировал аналогичные процессы в Норвегии на материалах саг о Харальде Прекрасноволосом. Он обращал внимание на то, что «в сознании древних норвежцев верховная собственность государства (персонифицированного в короле) на землю связывалась с политической централизацией, установлением государственного аппарата,

взиманием податей и повинностей»¹⁰. Аналогичный процесс он видел в развитии Руси. Но наличие государственной эксплуатации лично свободных крестьян отмечалось, указывал он, и в странах Западной Европы. И вообще, делал вывод М. Б. Свердлов, «верховная собственность государства на землю является определяющей чертой раннего феодализма»¹¹. Таким образом, в подобном характере собственности он видел уже не особенность общественных отношений на Руси на стадии раннеклассового общества, но явление, общее для данной стадии, которое проявлялось в разных странах. Но при этом он четко указал на особенность поземельных отношений на Руси по сравнению со странами Западной Европы. Западный феодализм, складывавшийся в условиях синтеза разлагавшихся рабовладельческих отношений на территории Западной римской империи и разлагавшихся первобытных отношений среди завоевателей, германских варваров, оказался под воздействием развитых отношений крупной земельной собственности. К таким формам крупной земельной собственности он отнес крупное римское землевладение, королевский домен и церковное землевладение. На Руси вотчины были невелики. Это, как указывал М. Б. Свердлов, было наличие дворов у «служилой и племенной знати, и, возможно, сел»¹².

С меньшей четкостью М. Б. Свердлов видел общность в организации господствующего класса феодалов на Руси и в западноевропейских странах. К главным признакам этой организации в историографии относились отношения сюзеренитета-вассалитета. Вплоть до трудов Н. П. Павлова-Сильванского наличие на Руси этих отношений отрицалось. Н. П. Павлов-Сильванский сделал вывод о наличии признаков сюзеренитета-вассалитета в Киевской Руси¹³. В советской историографии середины шестидесятых годов четко заявил о

¹⁰ Там же. С. 84.

¹¹ Там же. С. 83.

¹² Там же. С. 87.

¹³ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 95-109.

⁸ Там же. С. 106.

⁹ Там же. С. 114.

наличии признаков сюзеренитета-вассалитета на Руси и о признании существования этих отношений в раннем русском средневековье В. Т. Пашуто. По его словам, вассальная служба «была организована по нормам закона – Правды, согласно которой все категории вассалов – братья, сыновья, сыновцы, будь они ротники или подручники, знали свое место в феодальной иерархии»¹⁴. М. Б. Свердлов признавал существование в Киевской Руси сюзеренитета-вассалитета и вассальной иерархии. Формирование вассальных отношений он прослеживал еще в X в. и отмечал: «Племенные князья должны были, лишаясь своих княжеств, поступать на вассальную службу киевской княжеской династии или они уничтожались»¹⁵. На признание им этих отношений указывает его упоминание о том, что между боярами «великими» и «меньшими» «складывались, вероятно, отношения субвассалитета». Он приводит рассказ о ростовском тысяцком Георгии Симоновиче, который около 1130 г. послал «единого отъ боярь своихъ сущих под нимъ, Василия»¹⁶. Дружинники несли «личную вассальную службу князю»¹⁷, что составляло одну из сторон дружинной жизни. О княжеском вассалитете он не упоминал, но указывал на признаки этих отношений. По его мнению, постановление Любечского съезда князей 1097 г. вводило принцип, по которому «каждо да держитъ отчину свою», и этот принцип «оставлял место политической иерархии князей, но подчеркивал их полную суверенность внутри собственных владений»¹⁸. Между тем, отношения, построенные на принципе иерархии, и сюзеренитет в своих владениях были вполне типичны для сюзеренитета-вассалитета. Сюзеренитет-вассалитет составлял

существенную черту общности в отношениях внутри феодального сообщества на Руси и в западноевропейских странах.

По мнению М. Б. Свердлова, И. Я. Фроянов преувеличивал роль вечевых собраний в политическом устройстве Руси. Как отмечал М. Б. Свердлов, уже в IX–X вв. «простое свободное население было лишено права участвовать в политическом управлении государством»¹⁹. Вече «в качестве органа феодального государственного управления» было распространено только «на северо-западе Руси», причем вывод В. Л. Янина и М. Х. Алешковского «о новгородском вече как административном органе боярской олигархии» был вполне обоснован²⁰. Он тем самым не видел сохранения в Киевской Руси признаков народовластия как существенной особенности ее положения по сравнению с западноевропейскими странами, где феодальный строй и феодальная система управления достигли уже своей развитой стадии.

К наиболее существенным особенностям устройства русской власти и управления в историографии нередко относят режим вотчинного государства. Вывод о существовании его в Московской Руси делал еще К. Д. Кавелин, который при характеристике Ивана Калиты указывал, что его «небольшая княжеская вотчина через столетие выросла в Московское государство». По словам К. Д. Кавелина, этот князь уже был «в полном смысле князь-вотчинник и смотрел на свои владения как на собственность»²¹. Признаком такого государства было соединение поземельной собственности его как владельца в отношении своей вотчины и государственной власти в его руках. «Тип вотчинновладельца, полного господина над своими именьями, лежит в основании власти московского государя»²², – указывал он. Такая особенность, по мнению

¹⁴Пашуто В. Т. Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 53.

¹⁵Свердлов М. Б. Историография, теория и практика изучения истории Руси VI–XIII вв. Саратов, 2002. С. 55.

¹⁶Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. С. 199.

¹⁷Там же. С. 228.

¹⁸Там же. С. 194.

¹⁹Там же. С. 56.

²⁰Там же. С. 54.

²¹Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 45.

²²Там же. С. 48.

фактически всех исследователей этого режима, негативно сказывалась на положении народа в государстве. Наиболее четко эту мысль за последнее время выразил И. П. Ермолаев, утверждавший, что в таком государстве «нет ни официальных ограничений политической власти, ни законопавия, ни личных свобод, т. е., фигурально говоря, это более "деспотическое государство", чем сама "деспотия"»²³. Но, справедливо указывая на такое явление, исследователи не вполне выделяли его исторические корни, уходившие еще в киевский период русской истории. М. Б. Свердлов четко указывал на такие предпосылки, которые были связаны со всем ходом развития русского общества, с процессом постепенного оседания княжеской дружины на землю, с формированием и развитием княжеской вотчины и начал государственного управления. Он отмечал, что уже во второй половине XII – начале XIII вв. «усилились тенденции к совмещению военных и служилых функций, которые выразились в перерождении дружины, в широком привлечении слуг княжеского двора в аппарат административно-судебного управления и в наделении их военными функциями»²⁴. Имело место «предоставление военных и судебно-административных должностей княжеским кормильцам, меченосцам, печатникам и др.»²⁵. Следовательно, предпосылки такой особенности Московского государства, существовавшей веками, были заложены, согласно М. Б. Свердлову, еще в домонгольский период.

В целом в процессе формирования раннефеодального общества на Руси и его структуры проявлялось, согласно М. Б. Свердлову, «единство исторического процесса развития феодальной общественно-экономической формации в Европе»²⁶.

Что же касается более позднего исторического периода отечественной истории, который приходился на время объединения русских земель в XIV–XV вв., то, как отмечал М. Б. Свердлов, «путь исторического развития» страны был «общеευропейский». Но, тем не менее, этот путь был «во многом отличающийся от западноевропейских стран». Причиной он видел «воздействие особых экономических и общественно-политических обстоятельств этого периода». Главным, на взгляд М. Б. Свердлова, являлось то, что города «являлись слабыми экономическими центрами». Отсюда «русские земли оставались еще на средневековой стадии исторической эволюции»²⁷. Подобная мысль согласуется с анализом уровня развития городов на Северо-Востоке Руси в советской историографии. А. М. Сахаров указывал на отставание в своем развитии городов Северо-Восточной Руси в XIV–XV вв., что давало основания для выделения иных предпосылок объединения русских земель, чем это было в странах с более благоприятными условиями развития²⁸. За последнее время в еще более определенной форме эта мысль была высказана С. М. Каштановым с четкой аргументацией об отставании России от западноевропейских стран не менее чем на 7–8 веков²⁹. В таком несоответствии между общими явлениями в историческом развитии русских земель и их хронологическом несоответствии с тем, как проявлялся во времени «общеευропейский» путь исторического развития, М. Б. Свердлов видел особенность исторического развития формировавшегося в XIV–XV вв. Московского государства.

Со временем в центре внимания М. Б. Свердлова оказалась историография изучения Киевской Руси. Среди ее проблем он отмечал также вопросы, относившиеся к соотношению общего и особенного в древнерусской истории. Он остро

²³Ермолаев И. П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань, 2004. С. 11.

²⁴Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. С. 211.

²⁵Там же. С. 211–212.

²⁶Там же. С. 229.

²⁷Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 39.

²⁸Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М., 1959. С. 231, 234.

²⁹Каштанов С. М. Московское царство и Запад: Историографические очерки. М., 2015. С. 440.

отреагировал на критику концепции Б. Д. Грекова о феодализме в Киевской Руси, которая начинала проявляться еще среди сторонников концепции феодальной Руси в киевские времена, когда стремились найти дополнительное подкрепление для вывода о наличии в то время феодальной земельной собственности и ее форм. Тем более она развернулась после того, как И. Я. Фроянов сделал вывод об отсутствии феодализма в Киевской Руси как господствующей общественно-экономической формации. При этом за последнее время нередко указывалось, что концепция феодализма в Киевской Руси Б. Д. Грекова способствовала утверждению догматизма. М. Б. Свердлов это решительно отрицал и подчеркивал, что формирование этой концепции в тридцатые годы являлось как раз не выражением известных тенденций к догматизму в отечественной исторической науке, но, напротив, сопротивлением этой тенденции. В соответствии же с данной тенденцией было применение «догматической схемы последовательности общественно-экономических формаций» к истории Киевской Руси, когда на смену первобытной формации должна была следовать формация рабовладельческая. К сторонникам такой последовательности в то время он относил И. И. Смирнова, позже А. В. Шестакова и П. П. Смирнова, которые критиковали Б. Д. Грекова «за "несоответствия" марксистской теории» и за недооценку значения рабства на Руси, имея в виду новейшие "указания" И. В. Сталина»³⁰. То же самое относилось к сторонникам концепции «дофеодального периода» – С. В. Бахрушину, Н. Л. Рубинштейну, С. В. Юшкову. В этот период, относившийся ими к X – первой половине XI вв., они на Руси «видели основное направление движения к феодальным отношениям через рабовладение»³¹. Таким образом, как отмечал М. Б. Свердлов, в концепции феодализма в Киевской Руси проявилось четкое представление Б. Д. Грекова о существенных особенностях ее

исторического развития по сравнению со странами, находившимися в сфере культуры античного мира и проходившими в своем развитии рабовладельческую формацию.

Еще одной нетрадиционной для М. Б. Свердлова темой, затронутой им за последнее время, явилось «формирование россиянина Нового времени»³². Ее не традиционный для научного творчества М. Б. Свердлова характер не в хронологических рамках, поскольку вопросы культурной истории русского нового времени им так или иначе затрагивались при рассмотрении в отечественной исторической мысли вопросов истории раннего русского средневековья. Он выражается в том, что в подобной постановке проблемы М. Б. Свердловым проявился ярко выраженный современный культурно-антропологический подход к научному историческому познанию, в полном соответствии с представлением о человеке в обществе как о главном объекте исторического исследования. Конечно же, такой подход связан с проблемой общего и особенного в российской истории, поскольку в процессе европеизации культуры страны происходило формирование облика нового человека, который усвоил начала западной культуры и вписался в нее, становился тем самым частью общеевропейской культурной среды. Процесс усвоения культуры Нового времени, которая была западноевропейской культурой, М. Б. Свердлов показал путем анализа собственноручных записей Петра I. «Активная, насыщенная самыми различными событиями жизнь Петра Великого с юности до последних дней, творческое отношение к действительности», – так характеризовал он новый, европейский стиль жизни, усвоенный царем. Такой стиль жизни представлялся «разительным контрастом к прежнему средневековому быту России и ее правителей»³³, – отмечал он. По его словам, «Петр идентифицировал себя с новым, что соответствовало тогда западноевропейским стандартам в технологиях, в научных знаниях», но не с традиционными особенностями русской жизни «по

³⁰Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 19.

³¹Там же. С. 20.

³²Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. С. 189.

³³Там же. С. 195.

старине»³⁴. Но свой новый образ жизни, свое усвоение основ общеевропейской передовой культуры Петр I, как подчеркивал М. Б. Свердлов, предпринимал, испытывая «ответственность за славу и честь народа российского»³⁵. На примере царя, посвятившего всю свою жизнь преобразованию России по европейскому пути, М. Б. Свердлов вполне показал, как шло формирование человека Нового времени в условиях России. Но таким человеком был в его изображении Петр I, человек всё-таки нетипичный для условий России того времени, даже если брать очень узкую среду передовых дворян, стремившихся к усвоению начал европейской культуры. Поэтому, как представляется, М. Б. Свердлов скорее поставил вопрос о формировании в России человека Нового времени западноевропейской культуры, чем решил его, для этого необходимо обратить внимание на людей того времени, в том числе на «птенцов гнезда Петрова», о которых писал Н. И. Павленко.

Рассматривая вопросы истории и культуры средневековой Руси и новой России, выдающийся современный российский ученый М. Б. Свердлов выступал как историк, проводя комплексный анализ большого источникового материала и накопленной в ходе исследования этих вопросов историографии. Но вместе с тем труды его, содержащиеся в них положения и выводы дают основания для формулировки обоснованной точки зрения по вопросу о соотношении общего и особенного в отечественном прошлом, относящемуся к философии истории. М. Б. Свердлов показывает пример взвешенного отношения к решению этого сложного вопроса, с учетом как общих тенденций исторического развития, так и особенностей его в русских условиях. В этом состоит одна из причин интереса в современной отечественной исторической мысли и в исторической культуре к трудам ученого.

³⁴Свердлов М. Б. Историография, теория и практика изучения истории Руси VI–XIII вв. С. 198.

³⁵Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. С. 200.

Библиография

- Горемыкина В. И.* К проблеме истории докапиталистических обществ (на материале Древней Руси). Минск, 1970.
- Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
- Ермолаев И. П.* Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань, 2004.
- Кавелин К. Д.* Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989.
- Кашитанов С. М.* Московское царство и Запад: Историографические очерки. М., 2015.
- Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М., 1988.
- Пашуто В. Т.* Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М., 1959.
- Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
- Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003.
- Свердлов М. Б.* Историография, теория и практика изучения истории Руси VI–XIII вв. Саратов, 2002.
- Свердлов М. Б.* М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011.
- Фроянов И. Я.* Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.
- Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

Сведения об авторе

Мининкова Людмила Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Средних веков и Нового времени Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону (Россия). Область научных интересов: сюзеренно-вассальные отношения на Руси.
E-mail: lvmininkova@sfedu.ru

L. V. Mininkova

M. B. SVERDLOV ABOUT THE COMMON AND SPECIAL IN THE HISTORY OF THE RUS MIDDLE AGES

Annotation: This paper examines the views of M. B. Sverdlov on the history of Medieval Russia, first of all, from the point of view of the presence in its development of common and special features in relation to European countries. The author comes to the conclusion that M. B. Sverdlov demonstrates a balanced attitude to solving this complex issue, taking into account both general trends of historical development and its peculiarities in Russian conditions. And this is one of the reasons for the interest in modern Russian historical thought in the works of this scientist.

Keywords: M. B. Sverdlov, Kievan Rus, pre-Mongol period, feudalism.

References

- Goremykina V. I.* K probleme istorii dokapitalisticheskikh obshchestv (na materiale Drevnei Rusi) [On the problem of the history of pre-capitalist societies (based on the material of Ancient Russia)]. Minsk, 1970. (In Russian).
- Gurevich A. Ya.* Problemy genезisa feodalizma v Zapadnoi Evrope [Problems of the genesis of feudalism in Western Europe]. Moscow, 1970. (In Russian).
- Ermolaev I. P.* Stanovlenie Rossiiskogo samoderzhaviya. Istoki i usloviya ego formirovaniya: Vzglyad na problemu [The formation of the Russian autocracy. The origins and conditions of its formation: A look at the problem]. Kazan', 2004. (In Russian).

Kavelin K. D. Vzgl'yad na yuridicheskii byt drevnei Rossii [A look at the legal life of ancient Russia]. Kavelin K. D. Nash umstvennyi stroi. Stat'i po filosofii russkoi istorii i kul'tury. Moscow, 1989. (In Russian).

Kashtanov S. M. Moskovskoe tsarstvo i Zapad: Istoriograficheskie ocherki [The Moscow Kingdom and the West: Historiographical essays]. Moscow, 2015. (In Russian).

Pavlov-Sil'vanskii N. P. Feodalizm v Rossii [Feudalism in Russia]. Moscow, 1988. (In Russian).

Pashuto V. T. Cherty politicheskogo stroya drevnei Rusi [Features of the political system of ancient Russia]. Novosel'tsev A. P., Pashuto V. T., Cherepnin L. V., Shusharin V. P., Shchapov Ya. N. Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. Moscow, 1965. (In Russian).

Sakharov A. M. Goroda Severo-Vostochnoi Rusi XIV–XV vekov [Cities of North-Eastern Russia of the XIV–XV centuries]. Moscow, 1959. (In Russian).

Sverdlov M. B. Genezis i struktura feodal'nogo obshchestva v Drevnei Rusi [Genesis and structure of feudal society in Ancient Rus]. Leningrad, 1983. (In Russian).

Sverdlov M. B. Domongol'skaya Rus': Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoi treti XIII vv. [Pre-Mongol Rus: Prince and Princely Power in Russia of the VI – first third of the XIII centuries]. St. Petersburg, 2003. (In Russian).

Sverdlov M. B. Istoriografiya, teoriya i praktika izucheniya istorii Rusi VI–XIII vv. [Historiography, theory and practice of studying the history of Rus of the VI–XIII centuries]. Saratov, 2002. (In Russian).

Sverdlov M. B. M. V. Lomonosov i stanovlenie istoricheskoi nauki v Rossii [Lomonosov and the formation of historical science in Russia]. St. Petersburg, 2011. (In Russian).

Froyanov I. Ya. Glavnye cherty sotsial'no-ekonomicheskogo stroya [The main features of the socio-economic system]. St. Petersburg, 1999. (In Russian).

Froyanov I. Ya. Kievskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii [Kievan Rus. Essays on socio-political history]. Leningrad, 1980. (In Russian).

About the author

Mininkova Lyudmila V., Doctor of History, Professor of the Department of National History of the Middle Ages and Modern Times of the Southern Federal University, Rostov-on-Don (Russia). Research interests: Overlord-vassal relations in Rus.

E-mail: lvmininkova@sfedu.ru

АНТАГОНИЗМ ЯЗЫЧНИКОВ ЛИТВЫ И ХРИСТИАН В XIII В. В НАРРАТИВНЫХ ТРАДИЦИЯХ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА И РУСИ

Аннотация: Статья посвящена анализу антагонизма язычников Литвы и христиан, проживавших на соседних территориях, представленного в европейских нарративах, в первую очередь, хрониках Немецкого ордена, а также памятниках русского летописания. В процессе исследования проблемы была проведена реконструкция летописного образа язычников-литовцев, совершающих преступления против христиан (как на орденских землях, так и на территориях Руси), классифицированы преступления, совершаемые язычниками на христианских землях, определены особенности феномена «Божьей кары», постигающей неверных за свои святотатства. Автором дано определение значения антагонизма языческой и христианской культуры в средневековой нарративной традиции в контексте политогенеза Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: Литва, Немецкий Орден, Русь, язычество, христианство, «Божья кара», антагонизм, хроники, война.

Великое княжество Литовское развивалось в сложных социополитических условиях. Изучение первых этапов его государствообразования осложняется малочисленностью сохранившихся источников, а также противоречивостью содержащихся в них данных. Вопросы, относящиеся к раннему периоду развития ВКЛ, эпохе его первых правителей до сих пор остаются предметом острых дискуссий представителей различных национальных исторических школ. Особенно «темным» представляется период образования данного государства, условия и обстоятельства его возникновения, равно как и все детали

правления его первого правителя – Миндовга или его непосредственных последователей.

Несмотря на то, что в наше время можно найти значительный комплекс исследований, посвященных периоду образования ВКЛ, эпохе правления Миндовга, а также предшествующим ей событиям, как в белорусской, так и в польской, литовской, украинской, в меньшей степени российской историографии, данные работы главным образом затрагивают внешнюю и внутреннюю политику раннего ВКЛ и его первых правителей в контексте общегосударственного развития,¹ поднимают вопрос взаимоотношений Миндовга с Немецким орденом, Русью, Польшей и другими соседями,² рассматривают феномен

¹Антонович В. Б. Очерки истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев, 1878; Lowmianski H. Studia nad dziejami Wielkiego Ksiestwa Litewskiego. Poznan, 1983; Baranauskas T. Lietuvos valstybes istakos. Vilnius, 2000; Ochmanski E. 1) Dawna Litwa. Studia historyczne. Olsztyn, 1986; 2) Historia Litwy. Wroclaw – Warszawa – Krakow, 1990; Paszkiewicz H. 1) Litwa przed Mendogiem // Pamiętnik V powszechnego zjazdu historyków polskich w Warszawie. 28 listopada do 4 grudnia 1930 r. T. 1: Referaty. Lwów, 1930. S. 246-258; 2) Początki Rusi. Krakow, 1996; Gudavičius E. 1) Polityczny problem Królestwa Litewskiego w połowie XIII w. // Ekspansja niemieckich zakonów rycerskich w strefie Bałtyku od XIII do połowy XVI wieku. Materiały z konferencji historyków radzieckich i polskich w Toruniu z r. 1988; red. M. Biskup. Toruń, 1990. S. 61–84; 2) Mindaugas. Vilnius, 1998; Makauskas B. Lietuvos Istorija. Kaunas, 2000; Бардах Ю. Штудыі з гісторыі ВКЛ. Мінск, 2010; Краўцэвіч А. К. Гісторыя Вялікага княства Літоўскага, 1248–1377 гг. Вроцлаў, 2015; Насевіч В. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Падзеі і асобы. Мінск, 1993; Семянчук Г., Шаланда А. Да пытання аб пачатках Вялікага княства Літоўскага ў сярэдзіне XIII ст. (яшчэ адна версія канструявання мінуўшчыны) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. № 11. 1999. S. 5-20.

²Błaszczak G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. T. 1: Trudne

внутриполитической борьбы или отдельные аспекты (социальные, культурные, религиозные) правления первых правителей формирующегося государства.³ Вместе с тем, фокусируя первоочередное внимание исследователей на конкретные вопросы внутри- или внешнеполитической жизни новой политики, данные работы практически оставляют в стороне один из интереснейших феноменов, связанных с образом «литовцев» как воинственных, коварных язычников, нападающих на соседние земли, в контексте социокультурных различий мировосприятия представителей различных религий в эпоху Средневековья. Несомненно, данные нападения, как и образ язычников-литовцев, созданный в христианской нарративной традиции, являются одним из ключевых элементов становления государственности ВКЛ, представляют собой отражение менталитета средневекового христианского книжника, а также позволяют глубже исследовать вопросы, связанные с антагонизмом языческой и христианской

культуры, возникшим в процессе становления ВКЛ и нашедшим свое яркое отражение в нарративных источниках.

К сожалению, не сохранилось памятников белорусско-литовского летописания, описывающих как догосударственные объединения на территории будущего ВКЛ, так и детали правления первого великого литовского князя и его преемников, а основные данные черпаются из памятников древнерусской и европейской, в частности, польской и немецкой нарративной традиций, а также немногочисленных актов документов, подлинность ряда из которых вызывает сомнения. Вместе с тем анализ содержащихся в нарративах данных, а также комплексный подход к разным типам источников может помочь пролить свет не только на социополитические условия складывания ВКЛ, но и ответить на вопрос о роли литовцев в созданном хронистами антагонизме языческой и христианской культуры в процессе становления нового государства, а также говорить, пусть и с большой долей вероятности, о значении данного противостояния в средневековой политической культуре.

Поэтому целью данной статьи стал анализ антагонизма язычников Литвы и христиан, проживавших на соседних территориях, представленный в европейских, в первую очередь, немецких хрониках, а также памятниках русского летописания.

Среди задач, которые предстоит решить автору: анализ сведений, содержащих информацию о нападениях язычников Литвы на земли Немецкого Ордена и Руси в XIII в. в орденских и русских нарративных источниках; реконструкция образа язычников-литовцев, совершающих преступления против христиан; классификация преступлений, совершаемых язычниками на христианских землях; характеристика особенностей феномена «Божьей кары», постигающей неверных за свои святотатства; определение значения антагонизма языческой и христианской культуры в средневековой нарративной традиции в контексте политогенеза ВКЛ.

Условно статью можно разделить на

początki. Poznań, 1998.; *Halecki O.* Polska i Litwa wobec Rusi w jej epoce dzielnicowej // *Dzieje Unii Jagiellonskiej*. T. 1: Wiekach Srednich. 1919; *Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198(1199)–1264. Kraków, 2011. S. 220-222, 279-281, 289-290; *Волощук М.* Галицькі князі та знать у відносинах із Литвою // *Український історичний журнал*. № 4. 2018. С. 4-19; *Дубонис А.* Проблемы образования Литовского государства и его отношений с Галицко-Волынским княжеством в новейшей историографии Литвы // *Княжа доба: історія та культура*; ред. Я. Ісаєвич. Львів, 2008. С. 142-157.

³*Kosman M.* Od chrztu do chrystianizacji. Warszawa, 1992; *Rimša E.* Ar Mindaugo majestotinis antspaudas? // *Lietuvos dailės muziejaus metraštis*. № 6. 2005. P. 35-44; *Rowell S. C.* 1) Pagans, peace and the Pope 1322–1324: Lithuania in the Centre of European Diplomacy // *Archivum Historiae Pontificiae*. Vol. 28. 1990.P. 63-98; 2) Lithuania ascending: a pagan empire within east-central Europe, 1295–1345. Cambridge, 1994; *Rowell S. C., Griskaitė R., Rudis R.* A history of Lithuania. Vilnius, 2002; *Гудавичус Э.* «Литва Миндовга» // *Проблемы этногенеза и этническая история балтов*; под ред. Р. Ваулкайте. Вильнюс, 1985. С. 219-227; *Жлутка А.* Каранация Миндоўга і заснаванне першага біскупства ў дакументах XIII ст. // *Наша Вера*. № 2 (24). 2003. С. 36-44; *Jaritz G.* Rituals, images and daily life: the medieval perspective. Berlin, 2012; *Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1 (11). 2012. С. 95-116.

три блока, посвященных противостоянию язычников Литвы и Немецкого Ордена в XIII в., нападением язычников-литовцев на земли Руси в указанный период времени, а также анализу антагонизма языческой и христианской культуры в средневековой нарративной традиции.

Анализируя сведения, содержащиеся в источниках, нельзя не обратить внимание на огромное значение, которое уделяют хронисты и летописцы военным походам, совершаемым литовцами на земли Ордена и Руси, а также ответным акциям последних. Таким образом, формируется картина военного противостояния, особенно высокая активность которого характерна для догосударственного периода, а затем – для времени правления Витеня и Гедимина. Наличие подобных записей и свидетельств во многом можно объяснить прохристианской направленностью текстов, условиями их создания, положением, занимаемым самими летописцами или хронистами в структуре общества, а как следствие – попыткой авторов объяснить и оправдать деяния христиан на соседних, языческих, территориях.

При этом необходимо отметить, что наиболее информативным источником в контексте данного исследования являются хроники, созданные на территории Немецкого Ордена. Помимо описания главных событий, имевших место как на землях Ордена, так и на сопредельных территориях, авторы дали свою собственную оценку характеру явлений (в том числе военных нападений литовцев на земли Ордена), а также их участникам. При этом главное внимание было уделено почитанию церкви и религии, а также роли рыцарей и их правителей в ее сохранении. Оппозицией благочестивым монархам выступают язычники, против которых приходилось и необходимо было вести борьбу для сохранения и распространения истинной веры.⁴ Именно поэтому в данных хрониках

⁴Rowell S. C. Pagans, peace and the Pope 1322–1324: Lithuania in the Centre of European Diplomacy // Archivum Historiae Pontificiae. 1990. Vol. 28. P. 63;

можно найти большое количество свидетельств, описаний столкновений между христианами и язычниками (что, по сути, означало в представлении средневековых хронистов борьбу между истиной и злом). Наверняка по этой причине язычники Литвы описываются ими как дикие, жестокие и мстительные враги. Поэтому война с ними – это дело, благословленное Господом. А яркие примеры «Божьей кары», постигающей язычников-литовцев за их нападения на христианские земли – неоспоримые свидетельства мировоззрения средневекового христианского книжника, равно как и своеобразное отражение отношения европейского мира к языческим соседям.

Первые описываемые военные столкновения относятся ко времени зарождения государственности у литовцев, зачастую носят стихийный характер и описываются достаточно сжато. Наиболее ранними источниками подобного толка являются «Ливонская рифмованная хроника», а также «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского⁵. Редко упоминаются литовские лидеры, руководящие отрядами, чаще они представляются некой силой, «творящей неожиданные нападения и грабежи»⁶. Под 1206 г. Генрих Латвийский рассказывает о том, что орденский епископ, стремясь снискать расположение полоцкого князя Владимира, послал ему через аббата боевого коня с вооружением. Однако по дороге разбойники литовцы его ограбили⁷.

В процессе формирования и развития государственности у литовцев характер как самих столкновений, так и сообщений, их описываемых, несколько меняется и во

Более подробно о конфликте между Немецким Орденом и Литвой см.: Rowell S. C. Lithuania ascending: a pagan empire within east-central Europe, 1295–1345.

⁵Henricus Lettus. Livländische Chronik // Scriptores rerum Livonicarum. Riga, 1853; Livländische Reimchronik / ed. by Franz Pfeiffer. Stuttgart, 1844.

⁶Hermann de Wartberge. Die Chronicon Livoniae // Scriptores rerum Prussicarum. Bd. II. Leipzig, 1863. S. 45.

⁷Henricus Lettus. Livländische Chronik. S. 95. См. также русскоязычное изд. с коммент.: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Пер. С. А. Аннинского. М.–Л., 1938. С. 95.

многое зависит от политики того или иного правителя в отношении христианства и непосредственно самого Ордена. Так, при описании эпохи правления Миндовга главное внимание хронистами уделяется не его военным акциям, направленным против рыцарей Ордена, но принятию христианства, а также его коронации.⁸ Хотя информация о военных нападениях литовцев и противостоянии язычников и христиан присутствует, относится она, как правило, ко времени отречения Миндовга от веры и возвращению к древней религии. Так, Герман из Вартберга при описании событий 1261 г. указывает, что в то время, как брат Вернер был магистром, король литовский Миндовг отрекся от веры, изгнал из своих земель братьев и всех христиан⁹.

Наиболее яркие и зловещие свидетельства противостояния христианского Ордена и языческой Литвы относятся ко времени правления Витеня, известного своим нетерпимым отношением к принятию христианства, а также активной западной внешней политикой, и ко времени Гедимины, знаменитого благодаря «политическим играм» с католической церковью. При этом особого внимания заслуживает описание преступлений, совершаемых язычниками Литвы на христианских землях Ордена во время нападений, а также Божьего наказания, или «Божьей кары», постигающей литовских воинов во время подобных военных акций.

Военные конфликты, описанные в орденских хрониках, можно условно разделить на несколько категорий: нападения рыцарей Немецкого Ордена на земли Литвы¹⁰; нападения литовцев на орденские земли и ответные акции христианских отрядов¹¹; случайные незапланированные столкновения, происходившие на той или иной территории¹².

При этом походы со стороны христиан характеризуются орденскими хронистами главным образом как ответные меры на действия литовцев, а также походы, направленные на христианизацию соседних земель. Анализируя характер военных походов язычников Литвы против рыцарей Ордена, можно отметить дуалистический характер этих нападений. Помимо акций, инициированных самими литовцами для достижения своих политических или экономических целей, неоднократно встречаются сообщения о том, что литовцы участвуют в коалиционных сражениях¹³ или вовсе выступают в роли наемного войска¹⁴. Кроме того, неоднозначный характер носят и сообщения о самостоятельных нападениях литовцев. Их можно условно разделить на спланированные военные походы, проводимые под руководством самого правителя либо представителя нобилитета складывающегося государства, а также на спонтанные нападения «литовцев» или «разбойников из Литвы» с целью грабежа. При этом участие или одобрение правителя вызывает сомнение: «*Posthec quidam alii latrunculi de Lethowia v villas in terra Lubowie hostiliter invaserunt, et cc Cristianos aliis captis partim occiderunt*»¹⁵. Как бы то ни было, и спланированные военные акции, проходящие под предводительством литовских правителей, и нападения язычников-разбойников приносят в тексте хроники немислимые бедствия и постоянные опустошения землям Ордена.

Упоминание военных сражений христианских рыцарей и язычников Литвы в немецких хрониках зачастую сопровождается красочным описанием преступлений, совершаемых последними на землях Ордена. Авторы подчеркивают воинственность, жестокость и коварство язычников, которые в большинстве случаев являлись не-

⁸*Peter von Dusburg Chronicon terrae Prussiae // Scriptores rerum Prussicarum. V. 1. Leipzig, 1861. S. 138.*

⁹*Hermann de Wartberge. Die Chronicon Livoniae. S. 39.*

¹⁰*Peter von Dusburg Chronicon terrae Prussiae. S. 171-172.*

¹¹Там же. S. 138, 164.

¹²Там же. S. 179.

¹³Там же. S. 193.

¹⁴Там же. S. 157, 163.

¹⁵Там же. S. 167. Перевод: «После этого какие-то другие разбойники из Литвы коварно напали на пять деревень в земле Любавской и убили 200 христиан, некоторых других взяв в плен». (Здесь и далее перевод по: *Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / под ред. В. И. Матузовой. М., 1997.*)

сомненными инициаторами военных акций на христианские земли: «*Anno Dn. MCCLXXXIII octingenti viri de Lethowia equites tempore hyemali per Neriam Curoniensem intraverunt Sambiensem terram et duo territoria ejus scilicet Abendam et Pubetam per incendium et rapinam vexaverunt, occidentes CL homines cristianos, et nullo eis resistente omnes salvi redierunt*»¹⁶.

Стихийные нападения язычников на земли Ордена характерны прежде всего для ранних этапов государствообразования на землях будущего ВКЛ и характеризуются хронистами в первую очередь как разбой, совершаемый с целью грабежа. Несколько другой характер имеют описания военных нападений литовцев с конца XIII в. – с эпохи правления Витеня. В военных действиях этого правителя, а также его последователей прослеживается определенная логика, наблюдается причинно-следственная связь между нападениями с той или иной стороны, и можно говорить уже о целенаправленной военной политике первых правителей ВКЛ, устремленной к достижению в первую очередь определенных политических, а не экономических целей.

Необходимо подчеркнуть, что вне зависимости от обстоятельств военных столкновений, а также их хронологических границ в рамках указанного периода, литовцы в орденских хрониках представляются значительной военной силой, а их правители являются суровыми и могущественными военачальниками, обладающими легитимной властью. На борьбу с ними зачастую отправляются самые сильные и наиболее знатные представители христианского мира, считающие эту миссию почетной.¹⁷

¹⁶Там же. S. 144. Перевод : «В год от Рождества Христова 1283 800 всадников из Литвы зимой по Нерии вторглись в Самбийскую землю и две ее волости, а именно Абенду и Побету, разорили огнем и мечом, убив 150 христиан, и так как никто не оказал им сопротивления, все они ушли целые и невредимые».

¹⁷Die Aeltere Chronik von Oliva // Scriptores rerum Prussicarum. В. 5. Leipzig, 1874. S. 614, 616.

При этом можно выделить несколько категорий злоумышленных действий, совершаемых «неверными». Одним из наиболее информативных источников в этом отношении является «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга. Наиболее часто встречающимся типом столкновений в данном источнике являются неожиданные нападения язычников, сопровождающиеся разрушениями и грабежами: «*et omnia edificial et segetes cremavit, paucos Cristianos occidit, et modicum predam deduxit*»¹⁸. Более того, данные атаки часто сопровождались пленением или убийством рядового населения: «*post multa damna ibidem facta in occisione et capcione hominum incendio et rapina*»¹⁹.

Разумеется, всё это было типично для средневекового общества, и все войны сопровождались кровопролитием. Но в отношении противостояния Ордена и литовцев выделяется конкретный тип преступлений – пленение и убийство христиан, что видится хронистами одним из самых серьезных последствий литовских атак, за которым неизменно должно прийти наказание²⁰. В «Хронике Ливонии» Германа из Вартберга можно найти описание сражения, в котором языческие отряды напали на город, убили 400 христиан и пленили оставшееся население.²¹ Схожие свидетельства можно найти и в других хрониках. Но даже убийство христиан, совершаемое язычниками Литвы, с точки зрения орденских хронистов не считалось настоящим злом. Вопиющим святотатством, за которым неизменно следовала «Божья кара», являлось осквернение христианских святынь – разграбление и поджог соборов, уничтожение или порча святых реликвий, а также поругание имени Господа²².

¹⁸Peter von Dusburg. Chronicon terrae Prussiae. S. 151.

¹⁹Там же. S. 155.

²⁰Hermann de Wartberge Die Cronicon Livoniae. S. 64.

²¹Ibid.

²²См.: Rasanen M., Hartman G. Relics, identity and memory in medieval Europe. Turnout, 2016; Jaritz, G. Rituals, images and daily life: the medieval perspective.

Наиболее яркий пример в данном отношении содержится в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга, который методично и очень детально описывал все преступления, совершаемые литовскими язычниками не только против рыцарей Ордена, но и против христианских святых²³. Можно выделить случай, произошедший в 1298 году, когда 140 язычников вторглись в Штрайсберг, убили жителей и священников, пленили женщин и детей, разграбив при этом церковное имущество. Более того, один из нападавших осквернил баптистерий: «*Hoc anno scilicet domini MCCXCVIII de Lethowia CXL viri tam improvide irruerunt in die beati Michaelis in oppidum Straisbergk, quod totum populum et unum sacerdotem occiderunt, mulieribus et parvulis captis et preter verecundiam, quam aliis sacramentis fecerunt, unus purgando alvum baptisterium defedavit*»²⁴.

Что касается конкретной личности, с которой было связано наибольшее количество нападений язычников на орденские земли рассматриваемого хронологического периода, то ей, несомненно, был Витень, которого большинство хронистов XIV – начала XV в. называют самым агрессивным правителем Литвы. Описываемый как талантливый, но жестокий военный лидер, он принял участие во многих военных кампаниях литовцев²⁵. Более того, можно даже сказать, что значительное количество подобных походов на христианские земли Ордена было предпринято именно под его предводительством. Имя Витеня в связи с военными столкновениями и преступлениями

против христиан является наиболее часто упоминаемым именем литовских правителей в немецких нарративах указанного периода.

Большое внимание, в частности, уделяет Витеню и его преступлениям на орденских землях Петр из Дусбурга. В «Хронике земли Прусской» при описании нападения на Ленчицкую землю в 1294 г. автор говорит об убийстве более 400 местных жителей большой армией воинов литовского правителя: «*Eodem anno Vithenus filius regis Lethowie cum octingentis viris intravit terram Polonie, et in die pentecostes, dum in ecclesia Lunczensi canonici et ministry altaris et alii clerici cum solempni ornate essent in processione, irruit hostiliter in eos, et in ecclesia CCC homines cristianos trucidavit, clericos et prelates, quos voluit, captives secum duxit, omnem ornatum, calices et alia vasa ecclesie ad illicitum usum pertrahebat in contemptum dei, ecclesiam cum sacramentis redegit in favillam, depopulataque terra circum adjacent factaque maxima strage in populo dei, tantam multitudinem deduxit captivam, quod cuilibet Lethowino in divisione cesserunt XX homines cristiani*»²⁶. Таким образом, автор опять-таки подчеркивает не только сам факт нападения, но и акцентирует внимание на преступлениях, совершаемых язычниками на орденских землях – убийство мирного населения и духовных лиц, пленение мирного населения, разграбление церковной утвари, осквернение святых, поджог храма и опустошение окрестных земель.

Интересно, что в «Хронике Литовской и Жемойтской» можно найти описание того же события, только вместо 800 литовских воинов летописец указывает другую цифру – 1800 воинов, которых Витень «*тихо през лесы, в землю Ленчицкую выведишь, кляшторы, костелы побурили,*

Berlin, 2012. Более подробно о «Божьей каре», постигающей литовцев за нападения на земли Ордена, см.: Ryier Y. To the issue of the phenomenon of “God’s punishment” of pagans of Lithuania for their attacks on the Christian lands of the Teutonic Order in the Order Chronicles of the XIV century // Rocznik Przemyski. Historia: z. 1 (23). T. 56. 2020. S. 13-23.

²³Peter von Dusburg Chronicon terrae Prussiae. S. 164.

²⁴Там же. S. 164. Перевод: «В тот год ... 1298, 140 человек из Литвы так внезапно ворвались в день святого Михаила в город Штрайсберг, что убили всех людей и одного священника, взяв в плен женщин и детей, и помимо ущерба, который нанесли прочим святыням, один из них ... осквернил баптистерий».

²⁵Die Aeltere Chronik von Oliva. S. 606.

²⁶Peter von Dusburg Chronicon terrae Prussiae. S. 156. «В том же году Витень, сын короля Литвы, с 800 мужами вошел в землю Польши и в день Пятидесятницы, когда в Ленчицкой церкви священники и служители алтаря и прочие клирики служили в праздничном облачении, он напал на них и убил в церкви 400 человек христиан, клириков и прелатов, которых хотел, взяв в плен, увести с собой; все облачения, кубки и прочие церковные сосуды он в знак презрения Бога использовал кощунственным образом, церковь со святынями превратил в пепел...».

людей духовного и свецкого стану, преложных и посполитых в неволю забрали, потым села и местечки огнем и мечем сплюндровали»²⁷. Вместе с тем сам характер военного столкновения, а также общая структура событий находит подтверждение в других источниках и носит достоверный характер.

Схожие преступления описаны в «Старшей Оливской хронике»²⁸, «Ливонской хронике» Германа из Вартберга²⁹ и «Новой Прусской хронике» Виганда из Марбурга³⁰. При этом описание нападений литовцев на христиан сопровождается яркой негативной характеристикой хронистов, демонстрирующих свое негодование в отношении преступлений язычников против истинной веры и праведных христиан. Ключевой идеей данных нарративов является как раз противостояние христиан и язычников.

Разумеется, невозможно представить себе преступления против веры без последующего за ним наказания. Эта идея раскрывает отчетливо прослеживающийся в орденских хрониках феномен «Божьей кары», которая постигает язычников за их нападения на земли Ордена.

Тексты хроник показывают два основных типа подобных последствий. Во-первых, это месть христианских рыцарей, которые догоняют вражеские литовские отряды, либо устраивают им засады, либо отправляются в поход по следам и неизменно побеждают. В этом случае можно говорить об отождествлении орденских отрядов с руками Господа, которые помогают вершить правосудие и добиваться справедливости. Более того, во время подобных военных акций рыцарские войска охраняются Богом и остаются невредимыми или по крайней мере

несут гораздо меньше потерь, чем их противники. Что представляется еще более интересным в данном контексте, так это то, что даже языческие правители не могут избежать подобной кары и наказываются за подобные преступления. Виганд из Марбурга, описывая смерть Витеня, объясняет это наказанием Бога за его преступления против христиан и святотатства, совершенные на орденских землях. Согласно указанному фрагменту, литовский князь во время своего похода захватил в плен множество христиан и начал глумиться над ними, прося принести ему *Corpus Christi*, высказывая сомнения в силе Господа, который оставил своих подданных, и предлагая отказаться от христианства в пользу язычества. Узнав об этом, другие рыцари организовали ответное нападение и убили литовского правителя. Таким образом, это было показано как наказание за его кощунство, совершенное с помощью Бога и во имя его: «*Unde christiani, audita tanta blasphemia et suorum affliction et martirio, divina ordinatione collecto exercitu forti pergunt die et nocte cum ordine vexillorum pretactorum et cum ymagine virgins de Holland, et ordinatis aciebus in fervor belli mane paganorum exercitum circumdederunt, quem ex omni parte invadunt, occident et capiunt. Rex eciam Wytan mala suscepit vix fugiens interfectus esset et capite truncates manu cuiusdam fortis cruciferi in vindictam mali, quod pridie perpetravit. Unde in campo Papelauken sic afflicti et captive christiani soluti sunt. Et sic in vindictam blasphemie sacramento facte pagani interfecti sunt et crudeliter proprio in sanguine inebriati. Quo peccato leti revertuntur in Prusiam, Deum glorificantes, a quo victoriam obtinuerunt, et multos captives secum duxerunt*».³¹ Но хотя Витень был убит с помощью Бога и его благословением, настоящим субъектом возмездия в данном случае был реальный человек – рыцарь Ордена.

В то же время в тексте хроник можно проследить другой тип «Божьей кары», более

²⁷Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час. Уклад. В. А. Варонін. 2-е выд. Смаленск, 2013. С. 434.

²⁸Die aeltere Chronik von Oliva. S. 710.

²⁹Hermanni de Wartberge. Die Cronicon Livoniae. S. 64, 72, 80.

³⁰Wigand Wigand von Marburg Nowa kronika pruska / oprac. S. Zonenberg, K. Kwiatkowski. Torun, 2017. S. 236.

³¹Peter von Dusburg Chronicon terrae Prussiae. S. 130-132.

сакральной, представляющей собой чудо, вмешательство Господа. Так, Петр из Дусбурга связывает спасение небольшого отряда в замке Унигеда и победу маленького отряда рыцарей над огромной армией язычников с Божьей помощью, благословившей их во время битвы: «*Ecce quomodo unus persequebatur mille et duo fugabant decem milia. Nonne ideo, quia dues suus vendidit eos, et dominus conclusit eos?*».³² При этом заступничество Господа позволило рыцарям не только одержать победу над язычниками, но и избежать опасности: «*sicque fratres salvi dei gracia sunt reversi. Ecce quomodo angustie fratribus errant undique, sed dues, qui in se sperantes non derelinquit, ipsos de hujusmodi internecionibus misericorditer liberavit*».³³

Самый же яркий пример «Божьей кары» вновь связан с правлением Витеня и его военным походом. И если в предыдущем фрагменте мы выделили естественный характер наказания – его убийство реальным рыцарем, то данный пример ассоциируется именно с чудом. В указанном фрагменте Витень напал на Бартенскую землю, пленил христиан и спросил их, где их Бог, почему он им не помог в сражении. На следующий же день произошло нечто странное. Когда Генрих фон Плоцке пришел на помощь войскам Ордена, язычники испытали странный страх, их сердца были настолько ослаблены, что литовцы не могли больше воевать и убегали. Некоторые из них были схвачены и убиты, остальные – утонули, повесились от собственных мучений или умерли от голода в девственном лесу. Князю-язычнику с трудом удалось спастись, но, насколько нам известно из упомянутого ранее фрагмента, он также был вскоре наказан: «*Et ecce rex iste blasphemus nominis Jesu Cristi, dum venire in solitudinem ad terram Barthensem in campum dictum Woyploc, mente effrenatus gloriabatur, quasi potens in potencia exercitus sui, nunquam recogitans potestatem dei, et sit ad Cristianos captos, qui ligati astiterunt ibi: ubi est deus vester? Quare non adjuvat vos, sicut dii nostril auxiliati sunt nobis nunc et altera vice?*

³²Там же. S. 157.

³³Там же. S. 156.

Cristiani ingemiscentes tacuerunt. Sequenti die i.e. VIII idus Aprilis frater Henricus de Ploczke magnus commendator et CL fratres cum multo populo advenerunt et invenerunt regem et suum exercitum undique indaginibus vallatum, et in primo congress Lethowini LX viros cristianos interfecerunt; sed dum viderent fratres cum suo vexillo et multitudinem copiosam armatorum sequentem, irruit super eos pavor et adeo emarcuit cor eorum, quod non habebant ultra virtutem resistendi; unde quasi in ictu oculi rejectis armis omnes terga verterunt. Extunc fratres cum suis insequentes, percusserunt eos plaga magna, sic quod rex cum paucis vix evasit, alii gladio trucidati sunt, quidam submerse, ceteri in solitudine consumpti inedia vel pre dolore se suspendentes perierunt. Mulieres eciam cristiane, que capte ibi fuerant, dum vidissent sibi de cello victoriam venisse, immemores fragilitatis sexus sui irruentes repente in Lethowinos, qui eas custodiebant modo, quo poterant, occiderunt. In memoriam hujus gloriose victorie et ad laudem et gloriam Jesu Cristi fratres claustrum sanctimonialium in civitate Thorun fundantes donis magnificis dotaverunt».³⁴ Несомненно, что христианские

³⁴*Peter von Dusburg Chronicon terrae Prussiae. S. 176-177.* Перевод: «И вот, когда король этот, осквернитель имени Иисуса Христа, пришел в пушку в земле Бартенской, в поле, называемое Войплок, возгордившись, похвалялся, как он силен силой войска своего, нисколько не подумав о силе Божией, и сказал пленным христианам, которые стояли перед ним связанные: «Где Бог ваш? Почему он не помогает вам, как наши боги помогли нам ныне и в другой раз?» Христиане, плача и вздыхая, молчали. На другой день, то есть в VIII иды апреля, брат Генрих фон Плоцке, великий комтур, и 150 братьев со многими людьми пришли и обнаружили, что король со своим войском со всех сторон окружен засадами, и в первой стычке литвины убили 60 христиан; но когда они увидели, что братья со своим стягом и великим множеством ратников идут за ними, то обуял их ужас, и так затрепетало сердце их, что у них не было более сил оказывать сопротивление; вот почему как бы во мгновение ока, бросив оружие, все они обратились в бегство. Тогда братья со своими людьми, настигнув их, поразили их великим поражением, так что король с горсточкой людей едва спасся, прочие были преданы мечу, некоторые утонули, остальные в пуще умерли от голода или погибли, повесившись с тоски. И когда женщины христианские, бывшие там пленницами, увидели, что им небом послана победа, забыв о слабости пола своего, внезапно набросились на литвинов, которые их усиленно стерегли, и убили. В

рыцари не могли не отблагодарить Господа за его чудесное вмешательство в дела земные, и в качестве благодарности давали клятву и строили монастыри и храмы для восхваления истинной веры. Они знали, что зло будет наказано, а их старания в деле распространения христианства увенчаются успехом.

Но здесь необходимо отметить еще одну деталь, которая, несомненно, играет большое значение в понимании мировоззренческого восприятия «своих – чужих», «добра – зла» средневековым хронистом. Поэтому, хотя большая часть случаев «Божьей кары» была связана с нападениями язычников Литвы на земли Ордена, были зафиксированы случаи, когда гнев Господа падал и на христианских рыцарей. И было связано это с отречением от истинной веры. Можно даже предположить, что для праведного христианина это представлялось еще более страшным преступлением, чем святотатства, совершаемые язычниками. Очень яркий пример, наполненный символизмом, содержится в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга и повествует о человеке, который бежал после крещения, но был схвачен, убит и растерзан собакой, которая съела его сердце, лживое и коварное: «*Quem sic interfectum canis ejus diris morsibus est aggressus, et aperiens latus ejus sinistrum, core jus, quod tot prodicionum et fraudum conscium fuit, de corpora extraxit, et in presenciam Cristianorum plurium devoravit*».³⁵

Всё вышеизложенное позволяет говорить о том, что противостояние язычников и христиан в хрониках Немецкого ордена, как и представленный в них феномен «Божьей кары», представляет собой комплексное и достаточно сложное явление. Хотя в подавляющем большинстве фрагментов, описывающих нападения язычников Литвы на земли Ордена, красочное и эмоциональное описание

преступлений, совершаемых ими против христиан, дается последующее описание наказания, следующего за подобными действиями, становится очевидно, что и отступничество, совершенное христианами рыцарями, является, с точки зрения хронистов, не меньшим злом. Это позволяет сделать вывод о том, что для средневекового христианского летописца важнейшими критериями отношений «свой – чужой», «друг – враг», «добро – зло» являлись не только проводимая политика, совершаемые нападения или религия противника, но и уважение к истинной с их точки зрения вере, к Богу и его сакральным реликвиям. В противном случае существовала угроза универсальному порядку, а значит – устоям и основам структуры самого Ордена. В этом случае Господь должен был наказать «преступников», чтобы сохранить порядок.³⁶

Вместе с тем, необходимо отметить, что идея антагонизма «веры и неверия», язычества и христианства, как и феномен «Божьей кары», не является уникальной и характерной только для периода существования Немецкого ордена или его нарративов. Она встречается и в более ранних источниках восточнославянского происхождения.

Одним из наиболее ярких примеров тому является событие из средневековой русской истории, описанное в летописях и связанное с изгнанием Изяслава из Киева и посадением на престол полоцкого князя Всеслава Брячиславовича. После своего поступка киевляне усомнились в законности своих действий, так как посягнули на власть, дарованную и освященную Богом, и ждали возможного божественного гнева, который не заставил себя ждать. Чтобы отомстить восставшим горожанам, Изяслав организовал поход на Киев, в результате которого Всеслав

память об этой славной победе и в похвалу и славу Иисуса Христа братья, основав в граде Торуне женский монастырь, одарили его пышными дарами».

³⁵Там же. S. 147.

³⁶Флоря Б. Н. Два портрета идеальных правителей на страницах Хроника Галла Анонима // Анфологион: власть, общество, культура в славянском мире в Средние века: к 70-летию Бориса Николаевича Флоры (Славяне и их соседи. Вып. 12). М., 2008. С. 36; См. также: Kosman M. Od chrztu do chrystianizacji, 1992.

бежал, а жители были наказаны.³⁷ Причем этот случай не был единичным, и подобные события, тщательно зафиксированные летописцами, только подтвердили уверенность общества в незыблемости положения князя как правителя, избранного самим Богом. Источником этих представлений стала концепция божественного происхождения власти, издавна используемая как на Руси, так и в Европе. Это включало в себя несколько идей. Во-первых, это значительно повышало авторитет правителя в глазах общества. Во-вторых, утверждалось его божественное положение, подчеркивалось, что только Бог может даровать или отнимать престол, это право не дается обычным людям. В случае захвата власти население будут ожидать несчастья, если не в этой жизни, то в следующей³⁸. Поэтому если землей будут управлять истинные, богоизбранные правители, то ей будут прощаться многие прегрешения, если нет – земля и ее жители будут наказаны: *«аще бо князи правдивы бываютъ в земли . то многа ѿдаются согрѣшенья [земли]. аще ли зли и лукави бываютъ . то болше зло наводитъ Бѣ на землю. понеже то глава естъ земли»*.³⁹

Позже можно говорить о том, что идея о вмешательстве Бога в дела людей получила свое развитие и распространилась не только на власть, ее сакрализацию, но и на всё, что было связано с землей и истинной верой. Анализируя данные летописей, можно заметить, что со временем идея «Божьей кары» трансформировалась из идеи наказания за неуважение правителя к покаянию за всё, что может нести опасность для веры и ее последователей. Именно отсюда берет свое начало противостояние языческой и христианской культуры, нашедшее свое отражение в летописных свидетельствах военного противостояния Руси и литовцев, равно как и других нехристиан. Одни из

первых записей, иллюстрирующих нападения неверных на христианские земли Руси, можно найти в «Лаврентьевской летописи». Они относятся к борьбе с половцами, которых неизменно постигает «Божья кара» за их преступления: *«... и Половецъ безбожныхъ множество избивша . а ингъхъ загнаша . и тако измроша оубиваеми гнѣвомъ Бжымъ . и прѣстѣе юго Мѣре . много бо зла створиша ти в каннии Половци Руской земли . того ради всемлѣтвѣи Бѣ хота погубити . и наказати безбожныхъ снѣи Измаиловы Куманы . аеко да ѿмьстятъ кровь хрсѣаньску»*.⁴⁰

Схожие свидетельства характерны и для борьбы русских князей с литовцами, нападающими на соседние христианские земли в начале XIII в.: *«кнѣзъ же Ярославъ помоливъся Бѣ и поѣха на нь . сступившимъ же сѣ полкомъ . побѣгоша погании . и кнѣзъ же Ярославъ силою крѣста чѣтнаго . и млѣвою стѣе Бѣи . и архнѣла Е Михаила и Гаврила . гна по нихъ . ввѣхъ изби . а инѣхъ изъима . и кнѣзи ихъ изъима . а полонъ весь ѿа . и бысѣ радо велика по встѣмъ земламъ тѣмъ . свобоженѣмъ имъ ѿ поганѣхъ . бысѣ миръ потомъ на многа лѣта»*.⁴¹

При этом Литва воспринимается больше как военно-политический участник тогдашних событий, нежели как вражеские племена, нападающие на христианские земли и творящие святотатства: *«Того же лѣта Гюрги князь присла брата своего Святослава новгородъчель въ помощь; идоша новгородъци съ Святославомъ къ Кеси, и придоша Литва въ помочъ же; и много воеваша, нь города не възяша»*.⁴² В «Новгородской первой летописи» старшего извода под 1213 г. содержится запись о том, что *«Въ Петрово говение изъехаша Литва безбожная Пльсковъ и пожгоша»*.⁴³ Подобная запись содержится и в «Галицко-Волынской

³⁷ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.–Л., 1962, С. 167-174; ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908. С. 156-163.

³⁸Щанов Я. Н. Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004. С. 100.

³⁹Лаврентьевская летопись. С. 139; Ипатьевская летопись. С. 115-117.

⁴⁰Лаврентьевская летопись. С. 446.

⁴¹Там же. С. 448.

⁴²Там же. Л. 94-95.

⁴³ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее- НПЛ). М.–Л., 1950. Л. 78.

летописи»: «В тоє ж[e] лѣто прійдоша литва и воеваша вколо ...»⁴⁴.

Кроме того, Литва зачастую выступает союзником русских князей: «... бѣше тогда и Костянтинъ князь, зять Александровъ, и Ярославъ, брат Александровъ, съ своими мужи, и Полотъскыи князь Товтивиль, с ним полочанъ и Литвы 500, а новгородского полку бежисла, толко богъ вѣсть»⁴⁵. Более того, русские князя сами обращаются к Литве за помощью: «Данило ж[e] и Васил[ъ]ко послата в литвоу, помощи просаца, и послана быс[тъ] вт[ъ] Миньдога помощь»⁴⁶.

Вместе с тем нельзя говорить, что отношения Литвы и Руси в XIII в. воспринимались летописцами исключительно нейтрально, с точки зрения политических отношений. Русские летописи также содержат свидетельства о преступлениях литовцев, совершаемых на православных землях против христиан и их святынь. Так, в «Новгородской первой летописи» рассказывается о том, что «Томъ же лѣтъ изгониша Литва Русь оли до тѣргу, Вперѣдѣ, и засада: огнищанъ и гридба, и кто купецъ и гости, и выгнаша я ис посада опять, бьющеса на поли; и ту убиша нѣколко Литвы, а рушанъ 4 мужа: попа Петрилу, 2 Павла Обрадиця, а ина два мужа; а манастирь святого Спаса всѣ пограбиша, и церковь полуниша всю, и иконы и прѣстоль, и цѣренци 4 убиша, и отступиша на Клинь. ... И постиже я на Дубровнѣ, на селищи въ Торопъчской волости, и ту ся би съ безбожными оканьюю Литвоу; и ту пособи богъ и крестъ честныи и святая София, прѣмудрость божия, надѣ погаными князю Ярославу съ новгородци: и отъяша у нихъ конь 300 и съ товаромъ ихъ, а сами побѣгоша на лесъ, пометавъше оружия, и щиты, и сови, и все от себе; а инии ту костью

падоша»⁴⁷. Практически идентичное свидетельство содержит и «Лаврентьевская летопись»⁴⁸. Кроме того, в последней можно найти и запись о том, что «Тою же зимы вожеваша Литва Новгородскую волость и поимаша мноство много хрыанъ и много зла створиша...»⁴⁹.

С развитием государственности у литовцев антагонизм язычников и христиан усиливается. В Новгородской первой летописи под 1253 г. описана «Божья кара» литовцев за их нападения на земли Руси. Примечательно, правда, время ее упоминания – год, когда первый князь Литвы Миндовг короновался после принятия христианства по западному образцу: «Воеваша Литва волость Новгородскую, и поимаша с полономъ, и угониша ихъ новгородци с княземъ Васильемъ у Торопча; и тако мѣсти имъ кровь христьянская, и побѣдиша я, и полонъ отымаша и придоша в Новьгородъ здравии»⁵⁰.

Этот факт является весьма примечательным, так как очевидно, что в средневековой культуре существовало не только противостояние между язычниками и христианами, но имел место и антагонизм между католиками и православными.⁵¹ Одним из примеров тому может служить пример из истории Руси середины XII в.: « в то же лѣто приведе Всеволодъ за снѣ своего Стѣслава . Василковноу Полотъского кнѣза и скоупишася братья вса . и безбожни Лаховъ . и пиша оу Всеволода . и тако разидошася»⁵². Апогеем же антагонизма двух христианских традиций явилось «Слово о вере христианской и о латинской», созданное и распространенное на землях Руси⁵³. Но

⁴⁴Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / wyd., wstępem i przyp. opatrz. D. Dąbrowski, A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł. Kraków–Warszawa, 2017. С. 263.

⁴⁵НПЛ. Л. 139.

⁴⁶Kronika halicko-wołyńska... С. 274-275.

⁴⁷НПЛ. Л. 118.

⁴⁸Лаврентьевская летопись. Стб. 513.

⁴⁹Там же. Стб. 447.

⁵⁰НПЛ. Л. 133.

⁵¹Добровольский Д. Христиане или латинники: религиозный аспект восприятия поляков русскими книжниками XI–XIII вв. // Colloquia Russica. Т. 9. Krakow, 2019. С. 177.

⁵²Ипатьевская летопись. Стб. 314.

⁵³Добровольский Д. А. «Слово о вере христианской и о латинской» в историческом контексте сер. XII в. // Восточная Европа в древности и средневековье: XXX

это предмет отдельной дискуссии, не входящей в рамки данного исследования.

Для конца XIII в. практически нет сведений в русских летописях, характеризующих не только антагонизм языческой Литвы и православной Руси, но и в целом данных об их остром противостоянии. Несомненно, это было связано с развитием государственности будущего ВКЛ, особенностями проводимой последователями Миндовга политики на землях Руси, а также необходимостью союзнических отношений перед лицом общего врага – Немецкого ордена.

В целом же, рассматривая свидетельства памятников русского летописания, касающихся противостояния язычников-литовцев и христиан Руси в рассматриваемый период времени, нельзя не отметить ряд отличий, по сравнению с аналогичной проблемой и данными, нашедшими отражение в хрониках Немецкого ордена. Во-первых, данные, касающиеся нападений литовцев на земли Руси в начале XIII в., носят скорее констатирующий и описательный характер, в целом отличающийся своей нейтральностью, несмотря на упоминания о «Божьей каре», постигающей язычников за их преступления. Практически отсутствуют детальные описания преступлений и святотатств, совершаемых литовцами по отношению к соседям-христианам. Имеющиеся же немногочисленные критические свидетельства относятся в первую очередь к догосударственным образованиям литовцев. Военные столкновения Литвы и Руси скорее вплетены в хронологию политической истории и воспринимаются как очередной элемент взаимодействия Руси с соседними государственными образованиями. Кроме того, сам термин «Литва» в отношении литовцев в восточнославянских летописях, в отличие от «литовцев», «язычников литовцев», апеллирует к ним как политическому образованию, субъекту в первую очередь политики.

Очевидно, что яркий антагонизм литовцев и Ордена, представленный в немецких хрониках, был обусловлен в первую очередь не более жестокими действиями язычников именно на западных границах, но стремлением христианских хронистов оправдать действия рыцарей, как и целенаправленную политику их структуры, по христианизации восточных земель. Кроме того, нельзя не отметить то обстоятельство, что литовцы зачастую оказывались союзниками русских князей в борьбе против Ордена, а значит – это откладывало свой отпечаток на восприятие язычников Литвы их современниками и летописцами Руси.

Говоря о хрониках Немецкого ордена, необходимо также учитывать, что они были созданы в определенных политических условиях постоянного конфликта с языческой Литвой, который длился к тому времени уже более столетия, меняя лишь несколько свой характер. Наряду с уже имеющейся историей военных столкновений между сторонами, необходимость оправдания действий рыцарей Ордена на восточных территориях под эгидой распространения христианства привела к тому, что ключевым негативным субъектом, совершающим коварные и агрессивные нападения на христианские земли, творящим святотатства и преступления против истинной веры, явились именно язычники Литвы. «Божья кара», постигающая последних, при этом является ярким свидетельством прохристианской ориентации данных текстов, а также дает представления о мировоззрении, господствовавшем в среде христианского духовенства и западного европейского общества в целом.

Приведенные в статье примеры не уникальны, аналогии можно встретить в другом историческом контексте. Вместе с тем они показывают нам, что помощь и благословение Бога, как и его регулятивная функция (через наказание) были одной из исходных идей средневекового христианского мировоззрения. В процессе политогенеза их можно рассматривать как одни из основных механизмов, управляющих обществом. Летописцы того времени фактически создавали картину мира, не

юбил. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, ред. Е. А. Мельникова, др. М., 2018. С. 88-92.

только описывая события, но и давая им собственную оценку, высказывая свои характеризующие суждения. Разумеется, это можно было сделать только в соответствии с нормами и традициями, которые преобладали в их одобрении. Бог был одним из самых влиятельных и могущественных субъектов, которые могли вмешиваться в жизнь людей, выражать свое одобрение или неодобрение жителям земли и даже их правителям, а также наказывать их в случае неуважения или нарушения порядка или правил. Для средневековой эпохи характерно понятие «своего – чужого», «друзей – врагов». И в этом отношении для христианина самой отрицательной фигурой являлся язычник, не разделяющий, противопоставляющий себя устоявшемуся христианскому порядку и традициям, ценностям. Он находится как бы вне христианского круга, несет разрушение и смерть христианскому народу, нарушает мир, который сохранялся на протяжении длительного времени. И поскольку главной

регулирующей силой общества в эпоху Средневековья была религия, логично, что за такие преступления язычников должен был наказывать Бог, если не своими руками, чудом, то с помощью реальных людей – воинов-христиан.

Таким образом, антагонизм язычников Литвы и христиан, появляющийся на страницах немецких хроник и русских летописей, является ничем иным, как отражением глубоких социокультурных процессов, происходивших в средневековом обществе, будучи по сути отражением мировоззрения христианского книжника. Различия же в представлении язычников Литвы в восточной и западной нарративной традициях были обусловлены в первую очередь не различиями в религии, исповедуемой тем или иным летописцем (католичества или православия), но и конкретными политическими условиями, в которых происходила эволюция отношений Литвы, Немецкого ордена и земель Руси.

Библиография

Источники:

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Пер. С. А. Аннинского. М.–Л., 1938.

Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час. Уклад. В. А. Варонін. 2-е выд. Смаленск, 2013.

Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / под ред. В. И. Матузовой. Москва, 1997.

Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1962.

Полное Собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908.

Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950.

Die Aeltere Chronik von Oliva // Scriptorum rerum Prussicarum. B. 5. Leipzig, 1874.

Hermann de Wartberge Die Chronicon Livoniae // Scriptorum rerum Prussicarum. Bd. II. Leipzig, 1863.

Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / wyd., wstępem i przyp. opatr. D. Dąbrowski, A. Jusupović przy współpracy I. Juriewej, A. Majorowa i T. Wiłkuł. Kraków–Warszawa, 2017.

Henricus Lettus. Livländische Chronik // *Scriptores rerum Livonicarum.* Riga, 1853.

Livländische Reimchronik / ed. by Franz Pfeiffer. Stuttgart, 1844.

Peter von Dusburg Chronicon terrae Prussiae // Scriptorum rerum Prussicarum. B. 1. Leipzig, 1861.

Wigand von Marburg Nowa kronika pruska / oprac. S. Zonenberg, K. Kwiatkowski. Torun, 2017.

Литература:

Антонович В. Б. Очерки истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев, 1878.

Бардах Ю. Штудыі з гісторыі ВКЛ. Мінск, 2010.

Волощук М. Галицькі князі та знать у відносинах із Литвою // Український історичний журнал. № 4. 2018.

Гудавичус Э. «Литва Миндовга» // Проблемы этногенеза и этническая история балтов; под ред. Р. Ваулкайте. Вильнюс, 1985

Добровольский Д. А. «Слово о вере христианской и о латинской» в историческом контексте сер. XII в. // Восточная Европа в древности и средневековье: XXX юбил. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, ред. Е. А. Мельникова, др. М., 2018.

Добровольский Д. Христиане или латинники: религиозный аспект восприятия поляков русскими книжниками XI–XIII вв. // Colloquia Russica. Т. 9. Krakow, 2019.

Дубонис А. Проблемы образования Литовского государства и его отношений с Галицко-Волынским княжеством в новейшей историографии Литвы // Княжа доба: історія та культура; ред. Я. Ісаєвич. Львів, 2008.

Жлутка А. Каранаяця Міндоўга і заснаванне першага біскупства ў дакументах XIII ст. // Наша Вера. № 2 (24). 2003.

Краўцэвіч А. К. Гісторыя Вялікага княства Літоўскага, 1248–1377 гг. Вроцлав, 2015.

Насевіч В. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Падзеі і асобы. Мінск, 1993.

Петраускас Р. Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 1 (11). 2012.

Семянчук Г., Шаланда А. Да пытання аб пачатках Вялікага княства Літоўскага ў сярэдзіне XIII ст. (яшчэ адна версія канструявання мінуўшчыны). Białoruskie Zeszyty Historyczne. № 11. 1999.

Флоря Б. Н. Два портрета идеальных правителей на страницах Хроника Галла Анонима // Анфологион: власть, общество, культура в славянском мире в Средние века: к 70-летию Бориса Николаевича Флори (Славяне и их соседи. Вып. 12). М., 2008.

Щапов Я. Н. Очерки русской истории, источниковедения, археологии. М., 2004.

Varanauskas T. Lietuvos valstybes istakos. Vilnius, 2000.

Błaszczak G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. T. 1: Trudne początki. Poznań, 1998.

Gudavičius E. Mindaugas. Vilnius, 1998.

Gudavičius E. Polityczny problem Królestwa Litewskiego w połowie XIII w. // Ekspansja niemieckich zakonów rycerskich w strefie Bałtyku od XIII do połowy XVI wieku. Materiały z konferencji historyków radzieckich i polskich w Toruniu z r. 1988; red. M. Biskup. Toruń, 1990.

Halecki O. Polska i Litwa wobec Rusi w jej epoce dzielnicowej // Dzieje Unii Jagiellonskiej. T. 1: Wiekach Srednich. 1919.

Jaritz G. Rituals, images and daily life: the medieval perspective. Berlin, 2012.

Kosman M. Od chrztu do chrystianizacji. Warszawa, 1992.

Lowmianski H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznan, 1983.

Makauskas B. Lietuvos Istorija. Kaunas, 2000.

Nagirnyj W. Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198(1199)–1264. Kraków, 2011.

Ochmanski E. Dawna Litwa. Studia historyczne. Olsztyn, 1986.

Ochmanski E. Historia Litwy. Wrocław–Warszawa–Krakow, 1990.

Paszkiewicz H. Litwa przed Mendogiem // Pamiętnik V powszechnego zjazdu historyków polskich w Warszawie. 28 listopada do 4 grudnia 1930 r. T. 1: Referaty. Lwów, 1930.

Paszkiewicz H. Początki Rusi. Krakow, 1996.

Rasanen M., Hartman G. Relics, identity, and memory in medieval Europe. Turnout, 2016.

Rimša E. Ar Mindaugo majestotinis antspaudas? // Lietuvos dailės muziejaus metraštis. № 6. 2005.

Rowell S. C. Pagans, peace, and the Pope 1322–1324: Lithuania in the Centre of European Diplomacy // Archivum Historiae Pontificiae. Vol. 28. 1990.

Rowell S. C. Lithuania ascending: a pagan empire within east-central Europe, 1295–1345. Cambridge, 1994.

Rowell S. C., Griskaite, R., Rudis, R. A history of Lithuania. Vilnius, 2002.

Ryier Y. To the issue of the phenomenon of “God’s punishment” of pagans of Lithuania for their attacks on the Christian lands of the Teutonic Order in the Order Chronicles of the XIV century // Rocznik Przemyski. T. 56. Historia: z. 1 (23). 2020.

Сведения об авторе

Риер Янина Александровна, кандидат исторических наук, Краков (Польша). Область научных интересов: механизмы легитимации власти в средневековых сословиях; сакральность правителей в ранних государствах; образ языческих и христианских правителей Великого княжества Литовского в повествовательной традиции; явление Божьей кары язычников-литовцев в христианских летописях.

E-mail: yaninaryier89@gmail.com

Ya. A. Ryier

ANTAGONISM OF THE PAGANS OF LITHUANIA AND THE CHRISTIANS IN THE XIII CENTURY IN THE NARRATIVE TRADITIONS OF THE TEUTONIC ORDER AND RUS`

Annotation: The article deals with the analysis of the antagonism of the pagans of Lithuania and the Christians living in neighboring territories, presented in European narratives, primarily in the chronicles of the Teutonic Order, as well as in the Ruthenian annals. During the investigation, the reconstruction of the chronicle image of the pagan Lithuanians who committed crimes against the Christians (both on the Order lands and on the territories of Rus`) was carried out; the crimes committed by the pagans on the Christian lands were classified; the features of the phenomenon of “God’s punishment” were distinguished. The author points out the role of the antagonism of Pagan and Christian culture in the medieval narrative tradition in the context of the political genesis of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: Lithuania, Teutonic Order, Rus`, Paganism, Christianity, “God’s punishment”, antagonism, chronicles, war.

References

Sources:

Petr iz Dusburga. Khronika zemli Prusskoi [Peter of Dusburg. The Chronicle of the Prussian Land]. Ed. by V. I. Matuzova. Москва, 1997. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 1: Lavrent’yevskaya letopis’. Moscow, 1962. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 2: Ipat’yevskaya letopis’. St. Petesburg, 1908. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. T. 3: Novgorodskaya pervaya letopis’ starshego i mladshego izvodov. Moscow–Leningrad, 1950. (In Russian).

Die Aeltere Chronik von Oliva [The Older Chronicle of Oliwa]. Scriptores rerum Prussicarum. B. 5. Leipzig, 1874.

Hermann de Wartberge Die Chronicon Livoniae [The Chronicle of Livonia]. Scriptores rerum Prussicarum. Bd. II. Leipzig, 1863.

Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) [The Galician-Volhynian Chronicle (The Chronicle of the Romanovichs)]. Ed. D. Dąbrowski, A. Jusupović, [etc.]. Kraków–Warszawa, 2017. (In Polish).

Genrikh Latviiskii. Khronika Livonii [The Chronicle of Livonia]. Transl. by S. Anninskii. Moscow–Leningrad, 1938. (In Russian).

Letapisy i khroniki Belarusi. Syarednyavechcha i ran'nemaderny chas [Chronicles of Belarus. Middle Ages and Early Modern Times]. Ed. by V. Voronin. Smolensk, 2013. (In Belarusian).

Henricus Lettus. Livländische Chronik [The Chronicle of Livonia]. Scriptores rerum Livonicarum. Riga, 1853.

Livländische Reimchronik [The Livonian Rhymed Chronicle]. Ed. by Franz Pfeiffer. Stuttgart, 1844.

Peter von Dusburg Chronicon terrae Prussiae [The Chronicle of the Prussian Land]. Scriptores rerum Prussicarum. Vol. 1. Leipzig, 1861.

Wigand von Marburg Nowa kronika pruska [The New Chronicle of Prussia]. Ed. by S. Zonenberg, K. Kwiatkowski. Torun, 2017. (In Polish).

Researches:

Antonovich V. B. Ocherki istorii Velikogo knyazhestva Litovskogo do poloviny XV stoletiya [Essays on the history of the Grand Duchy of Lithuania till the half of the XV century]. Kyiv, 1878. (In Russian).

Baranauskas T. Lietuvos valstybes istakos [The beginning of the Lithuanian state]. Vilnius, 2000. (In Lithuanian).

Bardakh Yu. Shtudyi z gistoryi VKL [Studies on the history of GDL]. Minsk, 2010. (In Belarusian),

Błaszczak G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności [The history of Polish-Lithuanian relations from the earliest times to the present days]. Poznań, 1998. Vol. 1: Trudne początki [Vol. 1: The difficult beginning]. (In Polish)

Dobrovol'skii D. A. "Slovo o vere khristianskoi i o latinskoi" v istoricheskom kontekste ser. XII v. ["The Word about Christian and Latin Faith" in the historical context of the middle of the XII c.] // Vostochnaya Europa v drevnosti i srednevekov'e: XXX yubil. Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V. T. Pashuto. Ed. E. A. Melnikova, [etc.]. Moscow, 2018. (In Russian).

Dobrovol'skii D. Khristiane ili latinniki: religiozni aspekt vospriyatiya polyakov russkimi knizhnikami XI–XIII vv. [Christians or Latinists: the religious aspect of the perception of Poles by Russian chroniclers of the XI–XII cc.] // Colloquia Russica. Vol. 9. Krakow, 2019. (In Russian).

Dubonis A. Problemy obrazovaniya Litovskogo gosudarstva i ego otnoshenii s Galitsko-Volynskim knyazhestvom v noveishei istoriografii Litvy [The problem of the formation of Lithuanian state and his relations with the Galician-Volhynian principedom in the modern historiography] // Knyazha doba: istoriya ta kultura. Ed. Ya. Isayevich. Lviv, 2008. (In Russian).

Florya B. N. Dva portreta ideal'nykh pravitelei na stranitsakh Khroniki Galla Anonima [Two portraits of ideal rulers on the pages of the Chronicle of Gallus Anonymus] // Anfologion: vlast', obshchestvo, kul'tura v slavyanskom mire v Sredniye veka: k 70-letiyu Borisa Nikolayevicha Flori. (Slavyane i ikh sosedi. Vol. 12). Moscow, 2008. (In Russian)

Gudavichus E. "Litva Mindovga" [Lithuania of Mindaugas] // Problemy etnogeneza i etnicheskaya istoriya baltov. By ed. R. Vaulkajte. Vilnius, 1985. (In Russian).

Gudavicius E. Mindaugas [Mindaugas]. Vilnius, 1998. (In Lithuanian).

Gudavičius E. Polityczny problem Królestwa Litewskiego w połowie XIII w. [The political problems of the Kingdom of Lithuania in the middle of the XIII century] // Ekspansja niemieckich zakonów rycerskich w strefe Bałtyku od XIII do połowy XVI wieku. Materiały z konferencji historyków radzieckich i polskich w Toruniu z r. 1988. Ed. M. Biskup. Toruń, 1990. (In Polish).

Halecki O. Polska i Litwa wobec Rusi w jej epoce dzielnicowej [Poland and Lithuania towards Ruthenia in its epoch of feudal fragmentation] // Dzieje Unii Jagiellonskiej. Vol. 1: Wiekach Srednich. Kraków, 1919. (In Polish).

- Jaritz G.* Rituals, images and daily life: the medieval perspective. Berlin, 2012. (In English).
- Kosman M.* Od chrztu do chrystianizacji [From baptism to christianization]. Warszawa, 1992. (In Polish).
- Kraŭtsevich A. K.* Gistoryya Vyalikaga knyastva Litoŭskaga, 1248–1377 gg. [History of the Grand Duchy of Lithuania, 1248–1377]. Wrocław, 2015. (In Belarusian)
- Lowmianski H.* Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego [Studies on the history of the Grand Duchy of Lithuania]. Poznań, 1983. (In Polish)
- Makauskas B.* Lietuvos Istorija [History of Lithuania]. Kaunas, 2000. (In Lithuanian)
- Nagirnyj W.* Polityka zagraniczna księstw ziem halickiej i wołyńskiej w latach 1198(1199)–1264 [Foreign policy of the principalities of Halych and Volhynia in the years 1198 (1199)–1264]. Kraków, 2011. (In Polish)
- Nasevich V.* Pachatki Vyalikaga knyastva Litoŭskaga. Padzei i asoby [The beginnings of the Grand Duchy of Lithuania. Events and Persons]. Minsk, 1993. (In Belarusian).
- Ochmanski E.* Dawna Litwa. Studia historyczne. [Ancient Lithuania. Historical studies]. Olsztyn, 1986. (In Polish).
- Ochmanski E.* Historia Litwy [History of Lithuania]. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1990. (In Polish).
- Paszkievicz H.* Litwa przed Mendogiem [Lithuania before Mindaugas] // Pamiętnik V powszechnego zjazdu historyków polskich w Warszawie. 28 listopada do 4 grudnia 1930 r. Vol. 1: Referaty. Lwów, 1930. (In Polish).
- Paszkievicz H.* Początki Rusi [The beginnings of Rus']. Kraków, 1996. (In Polish)
- Petrauskas R.* Pravyashchii rod i znat': k voprosu o predposylkakh formirovaniya litovskogo gosudarstva [The ruling family and the nobility: on the issue of preconditions for the formation of the Lithuanian state]. Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. No. 1 (11). 2012. (In Russian).
- Rasanen M., Hartman G.* Relics, identity and memory in medieval Europe. Turnout, 2016. (In English).
- Rimša E.* Ar Mindaugo majestotinis antspaudas? [Wad the seal of Mindaugas Majestic?] // Lietuvos dailės muziejaus metraštis. No. 6. 2005. (In Lithuanian).
- Rowell S. C.* Lithuania ascending: a pagan empire within east-central Europe, 1295–1345. Cambridge, 1994. (In English).
- Rowell S. C.* Pagans, peace and the Pope 1322–1324: Lithuania in the Centre of European Diplomacy. Archivum Historiae Pontificiae. Vol. 28.1990. (In English).
- Rowell S. C., Griskaite R., Rudis R.* A history of Lithuania. Vilnius, 2002.
- Ryier Y.* To the issue of the phenomenon of “God’s punishment” of pagans of Lithuania for their attacks on the Christian lands of the Teutonic Order in the Order Chronicles of the XIV century. Rocznik Przemyski. Vol. 56. Historia: z. 1 (23). 2020. (In English).
- Semyanchuk G., Shalanda A.* Da pytannya ab pachatkakh Vyalikaga knyastva Litoŭskaga ŭ syar-edzine KhIII st. (yashche adna versiya kanstruyavannya minuŭshchyny) [On the issue of the beginnings of the Grand Duchy of Lithuania in the middle of the 13th c.]. Białoruskie Zeszyty Historyczne. No. 11. 1999. (In Belarusian).
- Shchapov Ya. N.* Ocherki russkoi istorii, istochnikovedeniya, arkheografii [Essays on Russian history, source studies, archeography]. Moscow, 2004. (In Russian)
- Voloshchuk M.* Galits'ki knyazi ta znat'u vidnosinakh iz Litvoyu [Galician prince and nobility in relations with Lithuania]. Ukrayinskii itorichnii zhurnal. No. 4. 2018. (In Ukrainian).
- Zh lutka A.* Karanatsyya Mindaogya i zasnavanne pershaga biskupstva ŭ dokumentakh XIII st. [Coronation of Mindaugas and foundation of the first bishopric]. Nasha Vera. No. 2 (24). 2003. (In Belarusian).

About the author

Ryier Yanina A., PhD of Historical Sciences (PhD), Kracow (Poland). Reseach interests: mechanisms of power legitimization in medieval estates; sacrality of rulers in early states; image of pagan and christian rulers of the Grand Duchy of Lithuania in narrative tradition; the phenomenon of God's punishment of pagan Lithuanians in Christian chronicles.

E-mail: yaninaryier89@gmail.com

• РЕЦЕНЗИЯ •

УДК 94
ББК 63.3
DOI 10.25797/NG.2021.12.4.011

О. Л. Губарев, М. А. Несин

РЮРИК И ПРОТОГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ (РЕЦ. НА: ЛУШИН В. Г. ВАРЯГИ ИЗ «ЗАМОРЬЯ», ЛЕТОПИСНАЯ ЛЕГЕНДА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ «ЭПОХЕ РЮРИКА» // ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. ЗИМОВНИКИ, 2020. С. 53-75; ЛУШИН В. Г. О ПРЕДГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ НА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ // ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. ЗИМОВНИКИ, 2020. С. 76-88.)

Аннотация: Данная работа представляет собой рецензию на статьи В. Г. Лушина «Варяги из Заморья», летописная легенда и археологические данные об «эпохе Рюрика» и «О предгосударственных образованиях на восточнославянских землях», опубликованные в 2020 г. в сборнике Зимовнического краеведческого музея «Историко--археологический сборник». По заключению рецензентов, новые доводы В. Г. Лушина «против» возможности гипотетически отождествить летописного Рюрика с Рёриком Фрисландским не представляются убедительными. А работы В. Г. Лушина о Рюрике с произвольными трактовками источников, априорными суждениями, рядом неоднозначных аргументов, нечетким представлением о том, что можно, а что нельзя считать политическим центром и должен ли этот центр быть в протогосударственном образовании, трудно признать качественными научными исследованиями, претендующими на решение дискуссионных вопросов истории раннесредневековой Восточной Европы. А статью В. Г. Лушина о предгосударственных образованиях, несмотря на то, что она издана в научном сборнике и оформлена как научный труд, сложно отнести к числу научных работ. Она основана на ряде бездоказательных утверждений,

субъективной трактовке источников, некорректном использовании терминологии, а также незнании (или невнимании) к историографии.

Ключевые слова: Рюрик, протогосударственные образования, Искоростень, Чернигов.

Снова о Рюрике, хронологии ПВЛ

В 2016 г. в сборнике Зимовниковского краеведческого музея «Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов» вышла статья сотрудника этого музея В. Г. Лушина «Рюрик»¹. В ней В. Г. Лушин выступил с критикой распространенной в историографии гипотезы отождествления летописного князя Рюрика с Рёриком Фрисландским и против любых попыток отождествлять летописного персонажа с историческими лицами. Как отметил О. Л. Губарев², в пользу гипотезы тождества Рюрика и Рёрика высказалось много историков³. При этом, немногие

¹Лушин В. Г. Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. Зимовники, 2016.

²Губарев О. Л. Рюрик Скьёльдунг. СПб, 2019. С. 24-25.

³Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 299; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 214; Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги: (Русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 193, 194; Мачинский Д. А.

отечественные авторы, выступающие против этой гипотезы - В. Е. Ямнов, В. И. Меркулов, И. Н. Данилевский и тот же Лушин – опираются на устаревшую работу Г. Ловмянского⁴. В том же году В. Г. Лушин повторно опубликовал данную работу под тем же самым названием в другом издании Зимовниковского краеведческого музея – «Историко-археологические записки. Кн. III»⁵, указав в примечании «печатается по: Лушин В. Г., 2016, с. 11-31»⁶. На следующий,

Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии фольклористики. Л., 1986; *Мачинский Д. А., Мачинская А. Д.* Северная Русь, русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура русского Севера. Л., 1988; *Касиковы Х. и А.* Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике Датчанине // Скандинавский сборник. XXXIII. Таллин, 1990. С. 98-109; *Свердлов М. Б.* 1) Rorik (Hrørik) i Gordum // Восточная Европа в древности и средневековье: Древняя Русь в системе этнических и культурных связей. VI Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1994. С. 36-37; 2) Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 104-105; *Кирпичников А. Н.* Сказание о призвании варягов. Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения. СПб., 1997; *Войтович Л. В.* 1) Рюрик: легенды и действительность // Исследования по русской истории и культуре: сб. ст. к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Отв. ред. Ю. Алексеев, А. Дегтярев, В. Пузанов. М., 2006. С.111-121; 2) Рюрик и происхождение династии Рюриковичей: новые дополнения к старым спорам // Русин. № 1. 2013. С. 6-41; *Пчелов Е. В.* Рюрик. М., 2010; *Горский А. А.* «Клады викингов» на франкской земле и начальная история Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. №3 (53). 2013. С. 38-39; *Хлебов А. А.* Еще раз о Рюрике // История и культура средних веков: актуальные проблемы: тезисы докладов XXI межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб., 2002. С. 46-47; *Атанов П. А.* 1) К вопросу о «Призвании варягов» // Вестник СПбГУ. Вып. 3. Сер. 2. 2007. С. 28-40; 2) К вопросу о месте захоронения Рюрика: Урочище Плакун // Петербургские исследования. № 5. 2015. С. 90-98; *Харьковский И. А.* Происхождение Рюрика в свете уточнения дат его призвания и смерти // Valla. Т. 3. № 1. 2017. К выводу о датском происхождении Рюрика склоняется и В. В. Пузанов, отметив, что дополнительным косвенным подтверждением ее является наибольшее сходство ладожской сухой каменной крепостной кладки с аналогами из Каролингской империи (*Пузанов В. В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 243-244).

⁴Губарев О. Л. Генрик Ловмянский и его критика гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского // Novogardia. № 4(8). 2020. С. 5.

⁵Лушин В. Г. Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. Зимовники, 2016.

⁶Там же. С. 99. Примеч. 1.

2017 г., в новом музейном сборнике «Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Сборник научных статей. Кн. I» вышла эта же самая статья В. Г. Лушина, но под иным названием и в немного сокращенном виде⁷.

В 2018 г. на эту работу последовал полемический отзыв одного из авторов этих строк – петербургского историка О. Л. Губарева, опубликованный на страницах 3 выпуска журнала «Valla» за 2018 г.⁸. О. Л. Губарев рассмотрел аргументацию зимовниковского исследователя и пришел к выводу, что она не опровергает гипотезу о тождестве Рюрика с Рёриком Фрисландским. По заключению Губарева, «выводы интересной и, несомненно, заслуживающей внимания статьи В. Г. Лушина оказываются далеко не бесспорными, а часто и противоречащими историческим данным»⁹.

Вскоре один из авторов настоящей работы М. А. Несин связался с Зимовниковским краеведческим музеем, местом работы В. Г. Лушина, для того, чтобы известить последнего о выходе отзыва Губарева, и предложил вступить в дискуссию на страницах журнала «Valla». М. А. Несин написал письмо на адрес электронной почты, указанный в одном из сборников музея как e-mail В. Г. Лушина, а оказавшийся старым адресом редакции. Несину ответили, что В. Г. Лушин не имеет возможности ознакомиться с текстом О. Л. Губарева, и от этой тематики давно отошел, положив в основу публикации свои советские студенческие наработки, чтобы не пропадать добру.

Не исключаем, что В. Г. Лушин все же ознакомился с откликом О. Л. Губарева. В 2020 и 2021 гг. в сборниках Зимовниковского музея вновь переиздается работа В. Г. Лушина о Рюрике под новыми заглавиями и с некоторыми дополнениями.

В 2020 г. в «Историко-археологическом сборнике» вышла статья «Варяги из «Заморья»,

⁷Лушин В. Г. Легенда о призвании варягов и ее главный герой // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Сборник научных статей. Кн. I. Зимовники, 2017.

⁸Губарев О. Л. И снова о Рюрике, пришедшем «из-за моря» // Valla. Т. 4. № 3. 2018.

⁹Там же. С. 85.

летописная легенда и археологические данные об «эпохе Рюрика» (с. 53-75), которой и посвящена первая часть настоящей рецензии. В этой работе В. Г. Лушин в основном повторил текст своих более ранних публикаций о Рюрике, сделав несколько дополнений (которые будут по пунктам приведены и рассмотрены ниже).

В 2021 г. В сборнике «*Rossica & Slavica*. Сборник статей и материалов» выходит статья В. Г. Лушина «Приглашение варяжских князей»¹⁰, в основном повторяющая текст рецензируемой работы с некоторыми сокращениями и небольшими существенным дополнениями, которые будут нами учтены ниже. В этой статье В. Г. Лушин ссылается на работу В. М. Елиферовой о новгородском Городище, изданную в том же самом выпуске журнала «*Valla*», что и вышеупомянутый отзыв О. Л. Губарева¹¹. Таким образом, скорее всего к рубежу 2010-х и 2020-х гг. В. Г. Лушин ознакомился с откликом Губарева на его работу о Рюрике, и вышедшие в 2020 и 2021 гг. переиздания его статьи с некоторыми дополнениями представляют собой своеобразный ответ О. Л. Губареву.

Поскольку в рецензируемой статье В. Г. Лушин (как и в других переизданиях своей работы о Рюрике) в основном копирует свой старый текст, мы сосредоточимся прежде всего на уникальных дополнениях, которые приводим ниже в той же последовательности, что у Лушина. Мы в первую очередь выделим новую аргументацию, которую В. Г. Лушин добавил в данной статье, а по уже встречавшимся в прежних работах о Рюрике аргументам отошлем читателя к ранее опубликованной рецензии О. Л. Губарева¹².

1) В данной статье, вновь утверждая о географической неопределенности летописного «за море» (с. 54. примеч. 3), В.

¹⁰Лушин В. Г. Приглашение варяжских князей // *Rossica & Slavica*. Сборник статей и материалов. 2021. Ростов-на-Дону–Зимовники, 2021.

¹¹Там же. С. 26. Примеч. 29.

¹²Губарев О.Л. И снова о Рюрике, пришедшем «из-за моря».

Г. Лушин почему-то дополнительно привел в пример известие Повести временных лет (далее – ПВЛ) о борьбе Ярослава с Мстиславом за 1024 г., согласно которому Ярослав послал «за море по варягы». Однако, эти варяги во главе с «Якуном», «князем варяжьским»¹³ – носителем норманнского имени *Hákonr*, предположительно – норвежским ярлом Хаконом Эйрикссоном¹⁴ – безусловно, были скандинавами. Поэтому данный пример как раз свидетельствует в пользу употребления в ПВЛ оборота «за море» в качестве обозначения Скандинавии¹⁵. Можно также вспомнить в этой связи упомянутого в ПВЛ под 980 г. правившего в Полоцке отца Рогнеды (*Ragnheiðr, Ragnhildr*) Рогволода (*Ragnvaldr, Rögnvaldr*), тоже прибывшего «из-за моря»¹⁶. Как и в своих прежних работах о Рюрике, в данной статье Лушин бездоказательно утверждает, что «исторический портрет летописного Рюрика, казалось бы, указывает на невозможность отождествления родоначальника нашей правящей династии с одним из его североевропейских тёзок» (с. 54)¹⁷. На обоснованность этого утверждения уже указывалось в рецензии О. Л. Губарева¹⁸. Кроме того, Лушин повторяет свой старый тезис о невозможности убедительно соотнести с данами упомянутых в ПВЛ среди скандинавских народов особых варягов – русь (с. 56)¹⁹. Однако, в рецензии О.Л.

¹³ПВЛ. СПб., 1996. С. 65.

¹⁴Подробнее об этом см.: Литвина А.Ф. Успенский Ф. Б. Почему варяг Якун «отбеже луды златое»? Сцены Лиственской битвы 1024 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (63). 2016.

¹⁵Губарев О. Л. И снова о Рюрике, пришедшем «из-за моря». С. 78.

¹⁶ПВЛ. С. 36.

¹⁷См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 13; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 101; 3) Легенда о призвании варягов... С. 102; 4) Приглашение варяжских князей. С. 4.

¹⁸Губарев О. Л. И снова о Рюрике, пришедшем «из-за моря». С. 79-80.

¹⁹См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 16 2) Рюрик //

Губарева на предыдущую работу В. Г. Лушина о Рюрике уже было отмечено, что в ПВЛ обычно перечислялись прибрежные²⁰, а не кочевые народы и то, что среди варягов не упомянуты, даны и фризы с высокой вероятностью предполагает, что для летописца они были равнозначны русью. И именно к фризским данам Рёрика наилучшим образом подходит летописное указание, что Рюрик привел собой «всю русь»²¹. Около 860-х гг. происходит переориентация направления торговли свеонской Бирки с запада на восток²². Здесь можно только согласиться с выводами самого В. Г. Лушина о том, что «все древнейшие носители имени Рёрик. происходят с территории Дании» (с. 55. Примеч. 6)²³. Появление этого имени у потомков Харальда Харфагра связано с тем, что его клан породнился а с кланом Скъёльдунгов через Тюрни, дочь Харальда Клака²⁴.

(В новейшей работе о Рюрике «Приглашение варяжских князей» Лушин

отказался от этой точки зрения, сославшись на «предположение» С. Л. Николаева о восточношведском, или древнегунтийском происхождении имени Рюрик. По словам Лушина, оно якобы «не согласуется» с отождествлением летописной руси с данами²⁵. Тут остается разве что развести руками: в указанной Лушиным работе на С. 37. С. Л. Николаев приводит древнедатскую форму данного имени, не отличавшуюся от древнешведской, а если почему-то считать, что древнешведское / древнегунтийское имя не могло распространиться на территории Дании, то кто же тогда такие были упомянутые в прошлых работах Лушина Херрик Метатель колец и Рёрик Слингебард? Но как видно для Лушина годится любой довод «против» тождества Рюрика и Рёрика, даже такой).

В своих работах о Рюрике В. Г. Лушин отмечает, что «если строго следовать тексту ПВЛ, то призывали «не кого-то персонально, то есть не специально Рюрика, а обращались «к руси в целом» (с. 55)²⁶. Можно также добавить, что Рюрик с братьями не фигурируют в качестве представителей княжеского рода. Это неоднократно отмечалось в историографии. По наблюдению Е. В. Пчелова, упомянутого Лушиным (С. 54.)²⁷, в ПВЛ не говорится о происхождении Рюрика. Как отметила М. В. Елиферова, «ниоткуда не следует, что Рюрик до прибытия в славянские земли носил высокий титул или вообще принадлежал к какой-либо династии монархов — даже ПВЛ (автор которой, в частности, настойчиво завышает статус Кия, заявляя, что тот был князем, а не паромщиком) нигде явно Рюрика и его братьев князьями не именует»²⁸. Вместе с тем в ПВЛ княжеское происхождение Рюрика определенно подразумевалось: упрек родственника Рюрика Олега по отношению к Аскольду и Диру звучал так: ««Вы нѣста князя и не рода княжа, но азъ есмь рода княжа»

Историко-археологические записки. Кн. III. С. 104; 3) Легенда о призвании варягов... С. 104; 4) Приглашение варяжских князей. С. 7.

²⁰Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии: география начальной (Несторовой) летописи / исслед. Н. П. Барсова, э. о. проф. и библиотекаря Имп. Варшавского ун-та. — 2-е изд., испр. и доп. Варшава, 1885.

²¹Губарев О. Л. И снова о Рюрике, пришедшем «из-за моря». С. 80-81. См. так же статью О Л. Губарева, специально посвященную летописному выражению «попяща по себе всю русь»: Губарев О. Л. «Попяща по себе всю русь»: что подразумевала эта фраза? // Valla. Т. 2. № 3. 2016. При этом скорее всего население Восточной Европы в IX в. называли *guotsi*, русью разные дружины норманнов — и свеонов и данов Рюрика (Губарев О. Л. Две Руси IX века: свеоны 839 г. и даны Рюрика // Valla. Т. 3. № 6. 2017).

²²Hedenstierna-Jonson Ch. Creating a Cultural Expression: On Rus' Identity and Material Culture // Identity Formation and Diversity in the Early Medieval Baltic and Beyond: Communicators and Communication. The Northern World. Vol. 75 .Ed. / Johan Callmer; Ingrid Gustin; Mats Roslund. Leiden-Boston, 2017. P. 91–106.

²³См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 14. Примеч. 8; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 102. Примеч. 9; 3) Легенда о призвании варягов... С. 102. Примеч. 9.

²⁴Молчанов А. А. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. [IV] Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992 г. Тезисы докладов. М., 1992.

²⁵Лушин В. Г. Приглашение варяжских князей. С. 7. Примеч. 4

²⁶См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 15; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 103; 3) Легенда о призвании варягов... С. 103; 4) Приглашение варяжских князей. С. 6

²⁷Примеч. 4. См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 12. Примеч. 4; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 100. Примеч. 5; 3) Легенда о призвании варягов и ее главный герой. С. 101. Примеч. 5

²⁸Елиферова М. В. Рюриково городище: что же откопали на самом деле? // Valla. Т. 4. № 3. 2018. С. 99.

и, вынеся Игоря, Олег сказал: «А се есть сынъ Рюриковъ»²⁹. Этот довод оказался в буквальном смысле этого слова убийственным для Аскольда и Дира – с этими словами Олег убил их, что в источнике не подано в качестве незаконного или чрезмерно жестокого действия. Скандинавы всегда считали, что титул короля, конунга или ярла не пустой звук. Примером такого отношения является правление в Норвегии ярла Хакона Могучего, который будучи верховным правителем не принял не принадлежащий ему по праву титул конунга и оставался в звании ярла. Другим примером является убийство самозванных правителей Киева Аскольда и Дира Олегом. В этой связи вокняжение на северо-западе восточной Европы скандинава не королевского рода было крайне мало вероятно — в относительно близком к Скандинавии Поволхове такого правителя-самозванца определенно ждала участь Аскольда и Дира. В раннесредневековой Скандинавии нет примеров, когда самозванцы утверждались на троне конунга или ярла. Первый самозванец на троне который нам известен, это Сверир, правивший в XII в. Ожесточенная борьба за трон Ютландии между Скъёлдунгами и сыновьями Готфрида, конунга, строителя Датского вала, показывает, что только представители королевского рода могли занять трон³⁰. Харальд Зарфагр сместил многих независимых конунгов, убив, изгнав или сделав их своими заместителями. Но ни одного из своих приближенных и любимцев он не сделал конунгом или ярлом, поскольку претендовать на эти наследственные титулы могли только члены соответствующих династий. Трон Ютландии, а может и всей Дании может принадлежать только членам королевского рода. Пусть даже самый дальний родич, но он имеет равные права на власть с главными вождями клана³¹.

В этой связи автор ПВЛ, поставивший в заглавии вопрос «Откуда есть пошла Руская земля», очевидно, не подразумевал какое-либо иное происхождение Рюрика с братьями, от которых

«прозвася Руская земля».

Таким образом, приглашение чуди, словен, кривичей и мери касалось именно князей руси, видимо, прежде всего, старшего брата, Рюрика. (Призвание на новгородское княжение младшего брата в ПВЛ выглядит как крайний шаг, вынужденно сделанный после отказа старших братьев)³². Другое дело, что приглашающая сторона не обозначила количество родственников Рюрика, которых приглашала вместе с ним на княжение Братя со своими родами – семьями – сами «избрашася»³³. Младших братьев Рюрика и их княжение в Изборске и Белоозере (где археологи не нашли убедительных следов проживания скандинавов в IX в.) большинство современных исследователей считает вымышленными, как и распространение власти Рюрика на Полоцк.

II) В данной статье В. Г. Лушин подробнее, чем во всех работах о Рюрике, приводит гипотезы авторов, склонных относить утверждение Рюриковичей в Киеве к рубежу IX–X вв. (с. 62–63), и на основе отмеченного А. С. Щавелевым отсутствия в Киеве «скандинавских древностей, маркирующих распространение скандинавов-руси», кладов дирхамов, «обозначающих пути дальней транзитной торговли», Лушин заключает, что «археологические источники дают основание согласиться с теми учеными, которые относят утверждение варягов Олега и Игоря к рубежу столетий. В таком случае Рюрик, оказавшись он в строгом соответствии с летописными данными, родоначальником древнерусской княжеской династии, должен был появиться на исторической арене значительно позже 60-х годов, ближе к концу столетия» (с. 63).

Не совсем понятно только как сдвиг появления Олега в Киеве может а priori смещать дату прибытия Рюрика на восток. К примеру, А. В. Назаренко, который «уверен в необходимости сдвинуть летописную дату начала княжения Олега в Киеве в сторону упозднения, ближе ко времени заключения договора с Византией 911 г.» (с. 62) не

²⁹ПВЛ. С. 14

³⁰*Maund K. L. A Turmoil of Warring Princes. Political Leadership in Ninth-century Denmark // The Haskins Society journal. Vol. 6. 1994. P. 29–48.*

³¹*Назаренко А. В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986.*

³²ПВЛ. С. 33.

³³Там же. С. 13.

торопился делать на этом основании выводов о полной недостоверности летописной хронологии правления Рюрика.

При этом Лушин несколько упрощает взгляды С. Франклина, Д. Шепарда и А. С. Щавелева. Так, А. С. Щавелев, как и вышеуказанные английские исследователи, относит ранний этап становления «плацдарма русов» на Днепре к концу IX в, ссылаясь в частности на появление в это время больших домов скандинавского типа в Шестовицах³⁴. Если утверждение варягов Олега в Киеве действительно, скорее всего, произошло уже около начала X в.³⁵, то появление в Шестовицах варяжского эмпория и дружинного лагеря в конце IX в. хронологически соответствует упомянутому в ПВЛ подчинению Олегом северян. Таким образом, утверждение варягов на юге Восточной Европы (территории будущей Руси в «узком смысле» – пусть и не в самом Киеве, а в Северщине – произошло в конце IX ст., в соответствии со сведениями ПВЛ. (При этом, подчиняя себе тех же северян, находившихся в даннической зависимости от Хазарского каганата, Олег должен был какое-то время потратить на упрочение там своего положения, прежде чем в начале X в. идти в далекий поход за Черное море к Константинополю и активно заявить о себе в Византии). Таким образом, нет оснований полагать, что сравнительно позднее превращение Киева в «мать городов русских»

³⁴Щавелев А. С., Фетисов А. А. К исторической географии Восточной Европы IX в. – 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015. Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М., 2017. С. 306-307. Здесь ученые ссылаются на аналогичное заключение С. Франклина и Д. Шепарда (там же. С. 307. Примеч. 392)

³⁵По словам А. В. Комара, «хотя целый ряд исследователей склонны связывать возникновение Подола с деятельностью князя Олега, согласно летописи, около 882 г. захватившего Киев, материалы Подола конца IX–середины X в. в настоящее время не содержат ни единого предмета бесспорно скандинавского или «северного» происхождения, заставляя вспоминать об Олеге исключительно благодаря подчинению в 884–885 гг. северян и радимичей – основных носителей роменской культуры (Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М.–Вологда, 2012. С. 316).

как-то свидетельствует в пользу смещения на рубеж IX–X в. вокняжения Олега на юге восточнославянской ойкумены и тем более сдвига на конец IX в. появления «родоначальника» Рюриковичей на «исторической арене». И, разумеется, ссылка Лушина на устаревшую³⁶ статью Г. Ловмянского (с. 63) не является убедительным аргументом против гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского. Стоит так же отметить, что В. Г. Лушин совершенно некритически приводит уже подвергавшиеся критике в историографии и не принятые большинством ученых хронологические концепции А. А. Амальрика и К. А. Цукермана³⁷ (с. 62). Сдвиг правления Рюрика и Олега в землях славян и финнов на более позднее время в работах названных исследователей, связаны с гипотезой Начального свода А. А. Шахматова. Но, как отметил О. Л. Губарев³⁸, в настоящее время эта гипотеза³⁹, как и сама концепция сводов в раннем летописании⁴⁰, подвергается все более сильной и убедительной критике (а с учетом того, что сторонниками концепции существования Начального свода была допущена оговорка что, «хотя в целом первичность НПЛ по сравнению с ПВЛ на этом участке [сообщении о Призвании варягов] кажется более вероятной ... однозначных свидетельств этого вроде бы нет (имеющиеся расхождения между текстами могут объясняться по-разному)»⁴¹ и сделаны наблюдения о вторичности новгородских летописных сообщений об Олеге и Игоре по

³⁶Губарев О.Л. Генрик Ловмянский...

³⁷Об этом см., напр.: Губарев О. Л. Так был Олег великим князем Руси или воеводой Игоря? (К вопросу о соответствии результатов текстологических исследований по методу А. А. Шахматова и исследований исторического процесса образования древнерусского государства) // Novogardia. № 1. 2019.

³⁸Там же. С. 37.

³⁹Вилкул Т.Л. Новгородская первая летопись и Начальный Свод // Palaeoslavica. Vol. 11. 2003;. См. так же: Горovenko A.B. Алексей Шахматов: человек-метод или прелюбодей мысли // Novogadria, № 2 (6). 2020. С. 112, 119.

⁴⁰Аристов В.Ю. Свод, сборник или хроника? (о характере древнерусских летописных памятников XI–XIII вв.) // Studia Slavica et Balkanica Petropolitana. 2013.

⁴¹Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014. С. 48. Примеч. 11.

сравнению с ПВЛ⁴², датировать деяния Олега (и, соответственно, его предшественника Рюрика) по Новгородской I летописи младшего извода (далее – НЛ. мл) нам представляется совершенно непродуктивным). При том, кстати, сам В. Г. Лушин не является приверженцем гипотезы о существовании Начального свода, ссылаясь в своих работах на ПВЛ, а не на аналогичные известия НЛ. мл. Как видно, Лушину важнее упомянуть мнения как можно большего количества авторов, датировавших вокняжение Олега в Киеве более поздним временем, чем ПВЛ. Однако такой подход к историографии представляется некорректным – научная истина не достигается большинством голосов. И добросовестному историку следует не только ссылаться на выводы, удобные для своей концепции, но обращать внимание на аргументацию и методологию предшественников.

III) В данной работе В. Г. Лушин свои рассуждения о неточности хронологии Повести временных лет (далее – ПВЛ) дополняет замечанием, что «летописная дата смерти» Игоря Старого – «6453 (945) г. – не раз ставилась под сомнение³²» (с. 63), поясняя в примечании «к чему причастен автор этой статьи, писавший о вероятности смерти Игоря около 950 года [Лушин В., 2016, с. 53; 2017, с. 129]⁴³» (там же. Примеч. 32). Таким образом, исследователь иллюстрирует свое утверждение ссылками на свои статьи «Подвеска из Пскова, «христианские» псевдодирхамы и летописная хронология» и «(903) и 6453 (945) годы в структуре летописных датировок событий X века», в 2016 и 2017 гг. в сборниках

Зимовниковского краеведческого музея. В них автор фактически опирается на выводы А. В. Назаренко, согласно которым князь Игорь погиб не ранее Пасхи 946 г. Назаренко опирался на византийский формуляр, в котором упомянуты византийские императоры Константин и Роман и некий архонт росов. При этом ученый отождествил этих императоров с Константином VII и Романом II (который, по его заключению, был коронован весной 946 г.), а безымянного архонта росов – с киевским князем Игорем⁴⁴. Вместе с тем, как отметил один из авторов этих строк⁴⁵, еще в 2009 г. аргументы А. В. Назаренко были последовательно опровергнуты А. Ю. Карповым. Во-первых, исследователь показал, что коронация Романа II состоялась весной 945 г. При этом ученый отметил дискуссионность вопроса, о том, какой именно император Роман упомянут в формуляре, сославшись на работу Г. Г. Литаврина, в которой сделаны выводы, что это был Роман I. Во-вторых, Карпов отметил, что формуляр мог быть адресован сыну Игоря, Святославу, который также носил княжеский титул. Согласно резонному заключению исследователя, «в любом случае приходится констатировать, что данные формулярника не могут быть использованы для передатировки традиционной датировки гибели Игоря»⁴⁶. Также Лушин в указанных статьях высказал мнение, что Игорь предположительно был жив и во время составления трактата Константина VII «Об управлении империей», в котором он якобы «выступает действующим князем»⁴⁷. Но эта трактовка основана на недоразумении – в действительности в трактате Святослав

⁴²Историю вопроса см: Губарев О. Л. Так был Олег великим князем Руси или воеводой Игоря?... С. 36, 40-41.

⁴³Лушин В. Г. 1) Подвеска из Пскова, «христианские» псевдодирхамы и летописная хронология // Нумизматика Старого Света. Кн. I. Зимовники, 2016. С. 53; 2) 6411 (903) и 6453 (945) годы в структуре летописных датировок событий X века // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Сборник научных статей. Кн. I. Зимовники, 2017. С. 129.

⁴⁴Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 261-263.

⁴⁵См. статью М. А. Несина в настоящем выпуске.

⁴⁶Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. М., 2009. С. 296. Примеч. 3.

⁴⁷Лушин В. Г. 1) Подвеска из Пскова... С. 52; 2) 6411 (903) и 6453 (945) годы... С. 128.

фигурирует в качестве сына «Ингора»⁴⁸, из чего никак не следует, что его отец к тому времени был жив. Таким образом, Игорь указан в нем если не «в прошедшем времени»⁴⁹, то по крайней мере не значится в качестве безусловно действующего правителя⁵⁰. (Также совершенно необоснованной представляется повторяющаяся во всех работах В. Г. Лушина о Рюрике ирония о «долгожительстве» летописного Игоря (с. 59)⁵¹. Как отметил Е. В. Пчелов: «Между тем, вызывающие вопросы хронологические указания летописи не выглядят абсолютно нереальными. В истории довольно много случаев рождения поздних детей (так, у литовского князя Ольгерда сыновья рождались, когда ему было около семидесяти лет, и чуть в меньшем возрасте был один из них, Ягайло, когда у него родился наследник Казимир Ягеллончик). Применительно же к раннему Средневековью нередки случаи активной деятельности князей в возрасте 60-ти лет и свыше: Ярослав Мудрый ходил в походы до 1047 г., когда ему было не меньше 60-ти, Владимир Мономах вступил на киевский стол в том же возрасте, а участвовал в военных походах до 64-х лет»⁵.

⁴⁸Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 5

⁴⁹Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. С. 297. Примеч. 3.

⁵⁰Ныне А. С. Щавелев почему-то решил, что поскольку в данном трактате не упоминается смерть Игоря, то он непременно был жив в начале 950-х гг. (Щавелев А. С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 годы). М., 2020. С. 354–355). Однако с этим доводом сложно согласиться: следуя подобной логике, нужно было бы упоминание кагана Русской земли, Владимира – внука Игоря Старого – в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона XI ст. трактовать в том смысле, что Игорь дожил до XI в. Ведь в этом источнике тот, как и в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей», тоже не назван покойным. И, разумеется, на основании упоминания Ярослава, деда Владимира Мономаха, в «Поучении» Владимира Мономаха тоже надо было бы заключить, что Ярослав Мудрый дожил до написания «Поучения». Таким образом, попытки опровергнуть летописную датировку смерти Игоря и отнести кончину князя к более позднему времени нам не представляются убедительными. См. также статью М. А. Несина в настоящем выпуске.

⁵¹См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 21; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 109; 3) Легенда о призвании варягов и ее главный герой. С. 110; 4) Приглашение варяжских князей. С. 10.

Так что возраст Игоря и наличие у него малолетнего сына не столь уж экстраординарны для X века, как может показаться на первый взгляд (то же самое относится и к Рюрику)⁵². Нужно отметить, что Лушин постоянно подводит попытка рассуждать «от здравого смысла». К сожалению, в исторической науке этот подход часто не работает. Из рассуждений В. Г. Лушина о хронологии ПВЛ следует, что он неявно вслед за А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым считает летописца литератором, конструирующим летопись их каких-то своих соображений. Как отметил О. Л. Губарев в своей рецензии на более раннюю работу В. Г. Лушина, «В своем предположении, что летописец мог работать как литератор и вводить «авторский текст», Лушин следует за А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым, считавшими летописца способным на свободное литературное творчество. Это допущение А. А. Шахматова критиковалось неоднократно историками, в том числе С. А. Бугославским, И. П. Ереминым, Н. И. Данилевским, утверждавшими, что монах-летописец не был литератором в нашем понимании этого термина»⁵³. Согласно И. Н. Данилевскому летописец XI в. был монахом, писавшим свой отчет о событиях Богу и не мог выдумывать и заниматься литераторством⁵⁴.

Стоит так же учесть аргумент Е. В. Пчелова, что «если уж создателю Повести временных лет было необходимо сконструировать линию прямой преемственности и прямой генеалогии, он мог бы легко сделать Игоря сыном Олега, а Олега — сыном Рюрика»⁵⁵.

Да и многие другие выводы В. Г. Лушина о характере датировок ПВЛ (повторяемые, в частности, во всех его работах о Рюрике) не являются убедительными. Например,

⁵²Пчелов Е. В. Олег Вещий. М., 2018. С. 17

⁵³Губарев О. Л. И снова о Рюрике, пришедшем «из-за моря». С. 79.

⁵⁴Данилевский И. Н. «Добру и злу внимая равнодушно...»? (Нравственные императивы древнерусского летописца) // Альфа и Омега: Уч. зап. О-ва для распространения Свящ. Писания в России. № 3 (6). 1995.

⁵⁵Пчелов Е. В. Олег Вещий. С. 15.

нумерологическую концепцию происхождения летописных дат следует признать искусственной⁵⁶. Также трудно согласиться с встречающимся во всех работах Лушина о Рюрике утверждением, что, датируя призвание варягов 6370 (862) г., летописец заботился исключительно о том, чтобы указать «круглую дату» от Сотворения мира (с. 59, примеч. 18)⁵⁷. Ведь далеко не все события в ПВЛ имеют круглую дату. К примеру, смерть Рюрика, как это известно Лушину (с. 56)⁵⁸, отнесена к 6387 (879) г.⁵⁹. Впрочем, примеры подобных утверждений В. Г. Лушина, дающие основания заподозрить его в тенденциозном и небрежном отношении к источникам, можно множить⁶⁰.

⁵⁶См., напр: Назаренко А. В. Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016. С. 636-638; Неретин Ю. А. Нумерология Киевской Руси. URL: <https://www.mat.univie.ac.at/~neretin/misc/tolochko.html> (дата обращения: 10. 11. 2021). Примечательно, что даже А. П. Толочко и его ученик В. Ю. Аристов, разделяющие нумерологический подход к происхождению дат ПВЛ, не все выводы В. Г. Лушина признают надежными и убедительными (Толочко О. П. [Рецензия на:] Историко-археологические записки, отв. ред. Е. П. Токарева. Кн. 1. Зимовники: Зимовнический краеведческий музей, 2010 // Ruthenica. Т. X. 2011; Аристов В. До питання про «хронологічну симетрію» Повісті временних літ // Ruthenica. Т. XI. 2012).

⁵⁷См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 22. Примеч. 31; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 110. Примеч. 32; 3) Легенда о призвании варягов и ее главный герой. С. 110. Примеч. 32; 4) Приглашение варяжских князей. С. 11

⁵⁸См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 16; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 104; 3) Легенда о призвании варягов и ее главный герой. С. 105; 4) Приглашение варяжских князей. С. 7.

⁵⁹ПВЛ. С. 14.

⁶⁰Так, чтобы показать ненадежность варяжской легенды, В. Г. Лушин во всех статьях о Рюрике заявляет, что составитель ПВЛ не знал о существовании народа русь до второй половины IX в., в то время как Баварский географ и Бертинские анналы упоминают русов в более раннее время (с. 59, примеч.

Другое дело, что В. Г. Лушин верно отмечает неточность ранней хронологии ПВЛ, на что, впрочем, уже не раз обращали внимание историки. Но при этом он почему-то считает, что «признавая тождественность Рюрика и Рёрика исследователи должны были бы признать и высокую степень точности ранних летописных дат» (с. 58) и уделяет целые страницы рассуждениям о хронологии ПВЛ, чтобы показать искусственность даты призвания Рюрика. Хотя, из неточности хронологии ПВЛ вовсе не следует, что летописец не мог указать правильно отдельные даты.

Отметим, что Лушин в своих статьях о Рюрике сам себе противоречит: в начале работ он заявляет: «Существенным «противопоказанием» совмещению одним

18. См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 21-22. Примеч. 30; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 109-110. Примеч. 31; 3) Легенда о призвании варягов и ее главный герой. С. 110. Примеч. 31; 4) Приглашение варяжских князей. С. 10. Примеч. 10) В действительности сведения этих источников не противоречат друг другу. ПВЛ не сообщает о появлении руси в 6370 (862) г., славяне и финноугры имели дело с уже существующим этносом. А Бертинские анналы и Баварский географ не упоминают правление династии русов в Восточной Европе. Вероятно, эти источники отражают разные этапы взаимоотношений руси с восточноевропейским населением. В первой половине IX в. собирали дань, а в середине – второй половине утвердили свою династию. Это можно проиллюстрировать примерами образования норманнских королевств, в которых утверждению правителей предшествовали вторжения с целью собрать дань и пленников. И, конечно, стоит упомянуть гипотезу Лушина, повторяемую во всех его работах о Рюрике, что «миролюбие» летописного Рюрика, не ведущего войн, списано с призванного киевлянами незадолго до составления ПВЛ Владимира Мономаха (с. 57. Примеч. 9. См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 16-17. Примеч. 12; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 104-105. Примеч. 13; 3) Легенда о призвании варягов и ее главный герой. С. 105. Примеч. 13; 4) Призвание варяжских князей. С. 8) Такую мысль, даже в форме допущения, мог сделать только человек, невнимательно относящийся к сведениям ПВЛ. В противном случае В. Г. Лушин не мог бы не заметить, что мирное правление Мономаха в Киеве не исключало ведения войн с соседями.

лицом ролей двух исторических персонажей – Рёрика и Рюрика – является (если вовсе не брать во внимание отмечавшуюся выше мифологизированность образа новгородского князя и заметную искусственность летописного известия о нем) проблема хронологического свойства» (с. 58)⁶¹ – точности датировок ПВЛ. А в конце работы пишет: «Если пытаться искать некую достоверную историческую основу сказания о призвании варягов и Рюрика, то в свете имеющихся сейчас в распоряжении исследователей археологических данных ею можно признать только присутствие во второй половине IX (sic! – авт.) – X в. скандинавов, в том числе военизированной элиты, на территории будущей Новгородской земли и создание ими укрепленного военно-административного центра у истоков реки Волхов» (с. 71)⁶².

Таким образом, В. Г. Лушин сам отмечает появление варягов на территории «будущей Новгородской земли» и создание ими укрепленного центра в истоке Волхова – на Городище во времена Рёрика Фрисландского, в соответствии с летописной датировкой варяжской легенды. (Не ясно, в чем же тогда, по логике Лушина, заключается «существенное противопоставление» гипотезе о тождестве Рюрика и Рёрика? – авт.) Таким образом, неоднократно споря с учеными, якобы «непоколебимо верящими» в достоверность даты вокняжения Рюрика и уверенными в «полной (или почти полной) непогрешимости летописной хронологии Рюрикова княжения» (с. 59, 61), В. Г. Лушин сам оказывается в числе большинства исследователей, считающих, что летописное призвание варягов 862 г. находит некоторое подтверждение в археологических данных о появлении в это время варяжского

укрепленного центра (Городища) в верховьях Волхова⁶³. При этом Лушин, по-видимому,

⁶³Основные выводы известной ему работы М. В. Елиферовой об отсутствии на Городище следов скандинавской княжеской резиденции В. Г. Лушин игнорирует. А между тем М. В. Елиферова привела не менее серьезный довод против достоверности летописной варяжской легенды о новгородском княжении Рюрика в IX в., чем Лушин. Как нам кажется, выводы М. В. Елиферовой не закрывают вопроса о характере укрепленного поселения на Городище в IX, но заслуживают внимания. Действительно, на территории Городища в ходе археологических раскопок не было найдено «княжеской инфраструктуры» в виде «медового зала». (Елиферова М. В. Рюриково городище... С. 88-89). Исследовательница также отметила отсутствие находок «предметов княжеской роскоши», не исключая, впрочем, что «эту проблему можно было бы также списать на элемент случайности (не сохранилось, не нашли и т. д.)» (Там же. С. 88). М. В. Елиферовой возразила Н. И. Платонова, заявив, что «Относительную «бедность» памятников древнерусской элиты по сравнению с северогерманской следует, во-первых, принять как данность, во-вторых, серьезно поразмышлять над ее интерпретацией. На мой взгляд, за ней стояла не только сравнительная аскетичность живой культуры, но и особенности археологизации материала, имевшие в основе устойчивый комплекс традиций местного населения севера Восточной Европы. Неприменимость к Северной Руси тех критериев элитарности, которые выработаны на материалах западноевропейского раннего средневековья, констатировалась неоднократно (Платонова, 2017. С. 12-14).» (Платонова Н. И. Рюриково городище в контексте новых исследований. Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. // Российская археология. № 2. 2019. С. 192-193). Однако, «археологизацию материала» (которая в работах Платоновой относится к погребальным памятникам) навряд ли стоит однозначно экстраполировать на имущество живых людей. К тому же представление исследовательницы о бытовании «некой специфики духовной культуры раннесредневековых славян, не позволяющих снабжать умершего погребальным инвентарем, подчеркивающим знатность, богатство» серьезно оспорено В. Г. Лушиным (с. 69-71). Между тем обе исследовательницы не приняли во внимание, что раскопки в центральной части Городища (на которой, по мнению Е. Н. Носова, А. В. Плохова и Н. В. Хвоцинской, находился княжеский двор (Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследования. СПб., 2017. С. 120.)) по объективным причинам не затрагивали территорию кладбища при церкви Благовещения (там же. С. 14, 104. 243). Кто знает, какие постройки IX в. с каким инвентарем находились на месте церкви и кладбища? Кроме того, М. В. Елиферова отметила отсутствие

⁶¹См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 15; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 104; 3) Легенда о призвании варягов и ее главный герой. С. 106; 4) Приглашение варяжских князей. С. 9.

⁶²См. также: Лушин В. Г. 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 29; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 117; 3) Легенда о призвании варягов и ее главный герой. С. 117; 4) Приглашение варяжских князей. С. 25. В последней работе упоминание о создании скандинавами укрепленного военно-административного центра в истоке р. Волхов отсутствует.

несколько карикатурно представляет себе современную историографию – никто из серьезных современных исследователей не считает летописную хронологию ПВЛ за IX в. абсолютно точной и не утверждает, что летописная «варяжская легенда» полностью претендует на документально точное описание вокняжения Рюрика на северо-западе Восточной Европы. Да и летописную дату призвания Рюрика основным аргументом в пользу частичной историчности варяжской легенды и гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского.

IV) В данной работе В. Г. Лушин пространнее, чем в прошлых статьях о Рюрике, отмечает, что в трактате Константина Багрянородного об управлении империей «упоминаются представители только двух поколений архонтов росов – Игорь и его сын Святослав» (а точнее – Святослав, сын Игоря – *авт.*), допуская, что «тому могут быть разные причины – от недостатка информации до придания «делам венгерским» много большего значения, чем русским», а не обязательно потому, что «знакомые византийскому императору киевские росы – образование совсем молодое, правящий род которого и не уходил в прошлое глубже двух поколений» (с. 63-64).

Таким образом, исследователь признал, что этот факт не может служить убедительным аргументом «против» Рюрика. Впрочем, при прочтении работ В. Г. Лушина о Рюрике не трудно заметить, что подобных

неоднозначных аргументов в работе Лушина много. Очевидно, Лушин сам не очень уверен в доказательности полной неисторичности летописного Рюрика, если использует целый ряд столь неоднозначных доводов⁶⁴. Правда, в этом случае упреки в подмену научной работы верой, наверное, стоит переадресовать ему самому.

V а) В данной работе Лушин сослался на заключение И. Яниссен, что археологические источники не свидетельствуют о наличии знати в большей части Восточной Европы IX в., и мнение В. В. Пузанова, что славяне существенно отставали от некоторых соседей (в том числе скандинавов) по уровню металлообработки и их оружие не сильно усовершенствовалось с антских времен, а также на выводы Р. Я. Минасяна о низком уровне металлообрабатывающего производства восточных славян (с. 66).

V б) В данной работе В. Г. Лушин более пространно, чем в прошлых статьях о Рюрике, высказал важные замечания об отсутствии археологических данных о сильной социальной дифференциации населения лесной зоны Восточной Европы ««дорюриковой» эпохи» (с. 69-70) и обоснованно возразил против гипотезы Н. И. Платоновой о существовании «некой специфики духовной культуры раннесредневековых славян, не позволяющих снабжать умершего погребальным инвентарем, подчеркивающим знатность, богатство» (с. 69-71)⁶⁵. (Это согласуется с

следов княжеского некрополя у Городища (*Елиферова М. В.* Рюриково городище... С. 90-91). Однако из этого обстоятельства нам кажется преждевременным делать далеко идущие выводы. Поиски древнейшего могильника Новгорода также являются насущной и пока что нерешенной задачей (*Петров М. И., Соболев В. Ю.* Город живых и «город мертвых»: к вопросу о локализации раннего могильника Новгорода // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 33. Материалы 63-го заседания (18–20 апреля 2017 г.). М.–Псков, 2018). И заданный в 1969 г. В. Л. Яниным с известной долей юмора вопрос «умирали ли древние новгородцы?» (*Янин В. Л.* Таинственный X век // Знание – сила. № 2. 1969) до сих пор не получил ответа.

⁶⁴В своих старых публикациях работы о Рюрике Лушин по поводу еще столь же неоднозначного предположения сделал оговорку – «если это не плод нашего воображения» (*Лушин В. Г.* 1) Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 13.; 2) Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. С. 101; 3) Легенда о призвании варягов и ее главный герой. С. 101). В действительности это и был именно плод воображения автора (*Губарев О. Л.* И снова о Рюрике, пришедшем «из-за моря». С. 79).

⁶⁵Другое дело, что Лушин при этом постулирует давно устаревшее представление о сопках как о коллективных захоронениях (с. 69, примеч. 45. Ср., напр.: *Конецкий В. Я.* Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII–X вв. //

выводами одного из автора этих строк, также отмечавшего отсутствие данных о наличии у восточных славян в это время богатой знати и при оценке уровня общественного развития восточных славян лесной полосы опирающегося на те же наблюдения Р. Я. Минасяна о низком уровне металлообработки и данные о примитивном вооружении у восточных славян)⁶⁶.

Другое дело, что В. Г. Лушин почему-то приводит эти доводы в качестве бесспорного доказательства отсутствия в Приильменье «престола», на котором должен был бы править летописный Рюрик. Как и в прошлых работах о Рюрике, в данной статье В. Г. Лушин не приводит никаких четких критериев подобного «центра»: не отрицая наличия в изучаемый период в Приильменье укрепленных поселений, хотя упоминая лишь некоторые из них⁶⁷, отмечает их

Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 141). Вместе с тем трудно признать достаточно обоснованной и распространенную интерпретацию сопки как могилы знати. По расчетам исследователей, возведение сопки требовало сотни «человекоднев», это обстоятельство «было существенной причиной того, что исследователи нередко видели в сопках памятники социальной верхушки, безотносительно к ее этнической принадлежности» (*Конецкий В. Я. Новгородские сопки... С. 141*). Однако, стоит отметить, что не все исследователи считают элитарный характер сопки доказанным (*Еремеев И. И. Новгородские сопки и курганы Средней Швеции: проблемы сравнительного исследования // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции 4-7 октября 2005 г. Великий Новгород. СПб., 2007. С. 242-243*). Следует также обратить внимание на замечание В. В. Пузанова: «О том, насколько упрощенными могут являться наши представления о реалиях глубокой древности, свидетельствует история изучения монументальных объектов. Едва ли не аксиомой являлось положение, согласно которому возводить подобные сооружения могли лишь сложные, иерархически устроенные цивилизации. Однако раскопки... монументального комплекса Гебекли-Тепе... переворачивают устоявшиеся представления: эти монументальные сооружения были возведены охотниками, не знавшими земледелия и ведущими полукочевой образ жизни» (*Пузанов В. В. Образование древнерусского государства в восточноевропейской историографии: учебное пособие. Ижевск, 2011. С. 52*)

⁶⁶Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика // *Novogardia*. № 2 (6). 2020.

⁶⁷Например, городища Бронницкое, Городок на

малочисленность (с. 67-68), не сообщая, сколько городков должно иметь «предгосударственное образование, способное содержать наемную дружину... или представителя заморской династии». Впрочем, в другой работе В. Г. Лушин, повторяя те же слова об укрепленных поселениях Приильменья⁶⁸, пишет: «Что же касается городских поселений, их обязательность представляется излишней модернизацией. Урбанизация и политогенез не всегда находятся в одной связке, что можно проиллюстрировать конкретными примерами» (и в качестве примеров приводит государство зулусов и «догосударственные древности» тюрингов с отсутствием городов, и Скандинавию с наличием считанных городских поселений)⁶⁹. Поэтому его утверждения об отсутствии на северо-западе Восточной Европы подобного центра оказываются несколько беспредметными.

К тому же в данном сборнике в статье о предгосударственных образованиях на Руси Лушин утверждает об отсутствии у древлян «политических центров» и не пишет о сильной социальной дифференциации общества, считая при этом, что Древлянская земля уже была предгосударственным образованием, а князь Мал «распас» Древлянскую землю (с. 76-79). Если князь Мал, по логике В. Г. Лушина, занимался обустройством земли без политического центра, то почему Рюрик не мог править словенами и их союзниками без политического центра? Очевидно, В. Г. Лушин сам не имеет ясных представлений о том, что можно, а что нельзя считать политическим центром, необходимым для раннесредневекового князя, и насколько далеко должен к этому времени зайти процесс социальной дифференциации. Для него важнее высказать сомнение в достоверности летописного предания о Рюрике. Это, мягко говоря, очень сильно снижает впечатление о статье Лушина как о научной работе.

При этом в своих работах о Рюрике

Маяте в восточном Приильменье.

⁶⁸Лушин В. Г. Приглашение варяжских князей. С. 15.

⁶⁹Там же. С. 26-27.

Лушин фактически исходит из совершенно необоснованного представления, что «летописный Рюрик» относится к числу «устроителей государства» (с. 53) и отсутствие в Поволхвье до второй половины IX в. убедительных признаков предгосударственного образования таким образом, как бы вступает в непримиримое противоречие с летописными сведениями о Рюрике. Между тем, на самом деле ПВЛ отнюдь не изображает Рюрика правителем однозначно сложившегося государства – учреждение такого неотъемлемого признака государственности как более-менее сложившейся системы налогообложения – «устави дани» (в том числе с подвластных в свое время Рюрику новгородских словен) в ПВЛ приписывается не Рюрику, а уже его преемнику Олегу⁷⁰. К слову, далеко не все исследователи, считающие что Рюрик и его варяги существенно поспособствовали образованию государственности в Восточной Европе, находят восточнославянские земли до появления Рюрика стоящими на пороге возникновения государственности, а возглавляемое Рюриком образование – государством. Например, по мнению М. Б. Свердлова, при Рюрике возникло лишь «потестарное государство» – переходный этап между «племенными княжениями» и «государством»⁷¹; а согласно точке зрения одного из авторов этих строк, О. Л. Губарева, восточнославянские земли до Рюрика не достигли предгосударственного уровня общественного развития, а протогосударство с предпосылками к образованию государства сложилось уже при Рюрике⁷².

Исходя из бездоказательного мнения, что призвание (даже в качестве наемника) иноземного правителя требовало у приглашающей стороны наличия дружины и воинской культуры (с. 54, 66, 71), Лушин тем не менее считал «более вероятным»

«сценарий» «прихода чужеземцев к управлению социумами» вроде прихода к власти у западных славян иноземного купца Само (с. 65). Однако, согласно упомянутой исследователем Хронике Фредегара, Само, как известно, был избран славянами за то, что возглавил восстание против аварского каганата. Но есть ли серьезные основания утверждать, что это как-то существенно отличалось от летописного призвания словенцами и их соседями на княжения варягов из народа русь вскоре после того как сами изгнали иных варягов, взимавших с них дань⁷³?

Таким образом, стоит признать, что новые доводы В. Г. Лушина «против» возможности гипотетически отождествить летописного Рюрика с Рёриком Фрисландским не представляются убедительными. А работы В. Г. Лушина о Рюрике с произвольными трактовками источников, априорными суждениями, рядом неоднозначных аргументов, нечетким представлением о том, что можно считать политическим центром и должен ли этот центр быть в протогосударственном образовании, трудно признать качественными научными исследованиями, претендующими на решение дискуссионных вопросов истории раннесредневековой Восточной Европы.

Впрочем, и опубликованная в том же выпуске другая рецензируемая статья Лушина – «О предгосударственных образованиях на восточнославянских землях» – выполнена не на более высоком научном уровне.

⁷³М. Б. Свердлов предполагает, что исторической основой легенды о призвании варягов стало «избрание» словенцами и их союзниками на княжение Рюрика (Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 105), которого ученый склонен отождествлять с Рёриком Фрисландским (там же. С. 104-105). Избрание Рюрика ученый сравнивает с избранием западными славянами «франка Само» (там же. С. 105). Ученый отмечает, что такой способ обретения князя относился к древней племенной традиции и качественно отличался от избрания князей в Новгородской республике, но не поясняет, почему призвание исключало избрание (там же).

⁷⁰ПВЛ. С. 14.

⁷¹Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 120.

⁷²Губарев О. Л. 1) Рюрик Скьельдунг; 2) К дискуссии о племенных союзах....

В ней тоже есть отдельные верные наблюдения.

Можно согласиться с аргументами В. Г. Лушина в пользу датировки черниговского кургана Черная Могила 980–1025 гг.: «Недавно выяснилось, что кремнированные костные остатки из этого кургана не пригодны для определения их возраста в связи с практически полной минерализацией, но анализ фрагментов угля из погребального костра позволяет получить интервал календарного возраста 980 – 1025 гг. [Шишлина Н. И. и др., 2017, с. 399]... Новая дата памятника подкрепляется переатрибуцией «большого» меча другому типу, ставшей возможной после расчистки его рукояти. С. Ю. Каинов обосновывает принадлежность оружия к типу Wallingford¹¹, являющемуся развитием типа L по Я. Петерсену [Каинов С. Ю., 2019, с. 133]. Три наиболее близких черниговскому мечу английские находки датируются в рамках конца X – XI в. [там же, с. 137]» (с. 80).

Наконец, В. Г. Лушин сделал интересное сравнение крупных черниговских курганов с «королевскими курганами Упсалы, возведенными в VI–VII вв., и двумя монументальными насыпями в Еллингге в центральной Ютландии (X в.)» (с. 83).

Но, к сожалению, с основными положениями и выводами автора трудно согласиться. Они нередко делались на основе некорректных трактовок источников, игнорировании историографии, априорных суждений и неудачном использовании терминологии.

О «предгосударственных» образованиях, «параполитейном» древлянском «княжестве», отсутствии у древлян «политических центров»

В основе статьи В. Г. Лушина лежит бездоказательное утверждение, «что концепция изначально единой Руси противоречит реалиям зарождения раннесредневековых европейских предгосударственных образований (в том числе и части славянских), возникающих, как правило, в процессе объединения нескольких ранее самостоятельных центров власти» (с. 77). Исследователь ссылается на свою более раннюю работу, в которой эта мысль тоже фактически не аргументируется⁷⁴.

⁷⁴Лушин В. Г. Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. С. 25. Примеч. 39. Сделанную автором глухую ссылку на «сведения о трех центрах русов, восходящие к утраченному труду ал-Балхи», затруднительно отнести к аргументации по существу,

Впрочем, в данном случае мы имеем дело с опиской или, во всяком случае, с недосказанностью: в рецензируемой статье речь идет о «древнерусском государстве» (с. 76), сложившемся из «предгосударственных» «общностей», «образований», «полностью», или «в значительной мере», «полностью, или частично», независимых от Киева (с. 76, 77, 79–80). Автор выделяет два таких предгосударственных образования – древлянский Искоростень князя Мала до середины X в. (с. 77–80) и Чернигов второй половины X – первых годов XI ст. (с. 78–80) (или, если точнее – Чернигов второй половины X – первых годов (или точнее – первой четверти – *авт.*)⁷⁵ XI ст., а эти предгосударственные общности и Лушиным не рассматриваются как совокупность из нескольких отдельных центров.

Впрочем, представление о том, что государство должно образовываться из независимых предгосударственных образований, тоже является совершенно бездоказательным – автор его нигде не обосновывает.

При этом исследователь не объясняет, почему Искоростень и Чернигов в интересующие его хронологические периоды находились именно на предгосударственной, а не просто догосударственной или же раннегосударственной стадии развития, хотя в опубликованном в научном сборнике статье о предгосударственных образованиях это было сделать необходимо. Тем более что Искоростень и Чернигов в работе Лушина не выглядят однозначно идентичными в плане социально-политического развития.

Так, у древлян первой половины X в. Лушин не признает наличие «политических центров», скептически относится к летописным сведениям о древлянских городах и знати и не выявляет признаков заметного социального расслоения

поскольку она никоим образом не иллюстрирует общеевропейские закономерности, да и к тому же не раскрывает реальные взаимоотношения этих трех центров русов: примечательно, что в рецензируемой работе автор уже не приводит ее в качестве иллюстрации общеевропейских путей политогенеза (с. 77) и даже об образовании Руси из нескольких центров русов в обеих работах пишет в форме предположения (Лушин В. Г. 1) Рюрик. С. 25. Примеч. 39; 2) С. 77.)

⁷⁵Если принять верхнюю датировку черниговского кургана Черная могила 1025 г., который Лушин относит к одному из погребений «автономных или независимых» от Киева «правителей» (с. 84), то в рамках концепции Лушина существования черниговского предгосударственного образования стоит отнести ко второй половине X — первой четверти, а не первым годам XI в.

общества (с. 78-79). Разве что найденные археологами некоторые элитарные предметы вслед за А. П. Толочко автор склонен предположительно объяснять результатом внешней торговли с вовлеченностью местной элиты в экспорт рабов (с. 79). В чем же заключается предгосударственный характер такого общества? В предполагаемой причастности местной элиты к экспорту рабов? Но ведь работорговля присуща политическим общностям, находящимся на разных уровнях развития, и не является строгим маркером той или иной стадии политогенеза. Повествуя о Чернигове, В. Г. Лушин много внимания уделяет крупным курганам, которых считает уникальными для Руси, сравнивает с королевскими могилами Скандинавии и относит к захоронениям местных «правителей» (с. 83-84). Но при этом не уточняет, являлись ли эти курганы, по его мнению, маркером предгосударственной стадии развития Чернигова и если да, то почему. Хотя эти курганы, выделяющиеся по размеру среди прочих многочисленных черниговских погребальных памятников, как раз могут быть признаками значительной дифференциации общества, присущей раннему государству.

Похоже на то, что для Лушина не имеет значения, на каком уровне социально-политического развития находились Искоростень в первой половине X и Чернигов во второй половине X – начале XI в.: главное, что, по его мнению, они были в этот период в значительной мере независимыми от Киева. Однако, при таком подходе появление государств в Германии и Италии можно было бы отнести к XIX в., а все существующие на их территории многочисленные отдельные политические образования походя объявить предгосударственными. Фактически подход В. Г. Лушина напоминает концепцию советского историка Н. Ф. Котляра, объявлявшего «окняжением» покорение киевскими князьями различных восточнославянских общностей⁷⁶. Но, казалось бы, сейчас уже, занимаясь проблемами восточнославянского политогенеза, можно не

⁷⁶Об этом См.: Пузанов В. В. О спорных вопросах изучения генезиса восточнославянской государственности в новейшей отечественной историографии // Средневековая и новая Россия: К 65-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996.

следовать априорным схемам, а предметно выявлять или по крайней мере четко оговаривать критерии того или иного – в данном случае предгосударственного уровня политического развития.

Видимо, отдавая дань распространенной с советского времени характеристике восточнославянских образований как княжеств, Лушин походя использует это слово при характеристике «древлянского искоростеньского княжества» (с. 79), несмотря на то, что ПВЛ не дает никаких оснований считать власть древлянских князей монархической, термин «княжество» появляется в источниках уже за пределами домонгольского периода, и ныне далеко не все историки считают правомерным его употребление применительно к монгольской Руси. Так, А. А. Горский отмечает позднее появление этого термина в источниках и считает его нехарактерным даже для XII в.⁷⁷, не то что для первой половины X. Один из авторов этих строк показал, что термин «княжество» возник уже после Батыева нашествия, в XIV в. в Северо-Восточной Руси в связи с усилением княжеской власти и ослаблением веча: в начале XIV в. слово «вечник» приобрело значение «мятежник», и если в конце XIII в. в летописании Северо-Восточной Руси еще бытовало старое понятие городской «волости», то во второй половине XIV в. фиксируется термин «княжество», достаточно определенно обозначавший сложившуюся в регионе к тому времени форму правления⁷⁸. Безоговорочное употребление термина «княжество» применительно к более ранним векам стоит признать анахронизмом. Не исключено, что в данном случае речь идет о случайной ошибке, которую иногда по старой привычке невольно делают современные профессиональные исследователи средневековой

⁷⁷Горский А. А. Русское средневековье. М., 2010. С. 45-46.

⁷⁸Несин М. А. 1) Вече в Северо-Восточной Руси после Батыева нашествия // Европа в Средние века и раннее Новое время, общество, власть, идеология и культура. Материалы Всероссийской с международным участием конференции молодых ученых: Ижевск, 2-3 декабря 2013 г. Ижевск, 2014. 158; 2) Северо-Восточная Русь при монголах // Valla. Т. 2. № 6. 2016. С. 72.

Руси⁷⁹. Однако, в современных работах, специально посвященных проблеме политогенеза, стоит внимательнее относиться к политической терминологии. Но примеры ее некорректного использования в работе Лушина можно множить. Так, принимая «мнение» А. П. Толочко о вовлеченности древлянской элиты в экспорт рабов, автор совершенно бездоказательно заявляет, что «применительно к середине X века в пору говорить о паразитичности (! – *авт.*) становления древлянского искоростеньского княжества» (с. 79). Между тем паразитами называются образования, обязанные своим возникновением не внутренним факторам развития, а исключительно участию в крупной внешней торговле⁸⁰. И никто из исследователей древней Руси – в том числе и тот же А. П. Толочко – автор известной концепции возникновения древнерусского государства из корпорации, занимающейся работорговлей, не доходил до сравнения восточнославянских общностей с паразитами; тем более что в рамках концепции Толочко, поддержанной Лушиным (с. 79) – у восточных славян, тех же древлян, уже сформировалась собственная элита, вовлеченная русами в экспорт рабов. Так что безоговорочное употребление понятия паразитичности применительно к древлянам является совершенно некорректным, в том числе и в рамках поддержанной Лушиным концепции А. П. Толочко.

Также стоит признать совершенно неправомерным утверждение В. Г. Лушина об отсутствии у древлян «политических центров», на основе скромных размеров городищ на территории современного г. Коростень (с. 78-79). В исторической науке было установлено, при каких размерах городища могли, а при каких не могли стать политическими центрами. И сам В. Г. Лушин не предложил подобных критериев. Таким образом, его утверждение об отсутствии у древлян в первой половине X в. политических центров повисает в воздухе. Вместе с тем после разрушения в середине

X в. древлянского Искоростеня – Городища I с посадом – в окрестностях так и не появилось полноценного древнерусского средневекового города. А во второй половине X в. центр княжения уже был в Овруче, в котором сидел Рюрикович – сын киевского князя Святослава Олег. Вероятно, Овруч был древнерусским новообразованием, основанным киевскими властями во второй половине X в. Археологические разведки на территории Овруча не выявили слоев, предшествующих второй половине X в., и каких-либо памятников древлянской лука-райковецкой культуры⁸¹ (да и вообще со второй половины X в. на территории бывшей Древлянской земли – нын. Житомирской области Украины – в погребениях обнаруживаются древнерусские, а не лука-райковецкие керамические изделия)⁸². Во всяком случае, киевляне не ограничились разрушением древлянского Искоростеня и упразднением древлянской княжеской династии, а перенесли столицу в другое место. Не значит ли это, что современники воспринимали Искоростень именно как политический центр Древлянской земли?

В. Г. Лушин скептически относится к сведениям ПВЛ о древлянских градах, о древлянских князьях, распавших землю, знатных – лучших, нарочитых мужах. Но вместе с тем исследователь безоговорочно доверяет летописным сведениям о князе Мале и даже не сомневается, что он распасал Древлянскую землю (с. 77-78), несмотря на то, что в ПВЛ князь Мал в данном контексте не фигурирует, зато летописец вкладывает упоминания о распасании земли в уста древлянских лучших мужей и относит не к одному Малу, а к древлянским князьям во мн. ч.⁸³

Казалось бы – при столь критическом подходе к известиям ПВЛ о социальном устройстве древлянского общества, к упоминаниям князя Мала стоило бы относиться с большей осторожностью, как к сообщению ПВЛ о князе Кие или по крайней мере про ту ровского правителя Тура, на счет которого тот же Лушин задался вопросом: «вдруг это персонаж, вроде летописного Кия?» (с. 77).

Но В. Г. Лушин, в ряде своих работ

⁷⁹К примеру, П. В. Лукин, соглашаясь с наблюдениями А. А. Горского о позднем появлении термина «княжество» (Лукин П. В. Великий Новгород // Slověne = Словѣне. № 2. 2018. С. 385), ниже на той же странице сам походя употребил термин «княжество» применительно к домонгольским южнорусским образованиям (там же. Примеч. 2).

⁸⁰Попов В. А. Паразитичность как вариант становления вторичной государственности в преколониальной Западной Африке // Русский сборник. Вып. 8. Т. 2 (К 60-летию проф. Е. А. Шинакова). Брянск, 2008.

⁸¹Историю вопроса см.: Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье. С. 326.

⁸²Там же.

⁸³ПВЛ. С. 27.

демонстрирующий критическое отношение к ПВЛ, в тех случаях, когда всё-таки опирается на нее, почти всегда делает это совершенно безоговорочно, не объясняя, почему на этот раз сведения столь непростого источника достоверны и надежны. Пожалуй, единственным исключением является летописное сообщение о разрушении Искоростена в 946 г., которое В. Г. Лушин считает «засвидетельственным» «археологическими раскопками» (с. 78).

Впрочем, и критику Лушиным сведений ПВЛ о древлянах трудно признать убедительной.

По утверждению В. Г. Лушина, «летописные упоминания древлянских мужей, «лучших» и «нарочитых» князей во множественном числе не обязательно являют собой прямые указания на социальную и политическую терминологию середины X в. или структуру элиты восточнославянского племени. Автор ПВЛ писал на языке, впитавшем не только обозначения ступеней стратификации общества своего, более позднего времени (начала XII столетия), но и отдельные слова и речевые обороты из древнеславянских переводов библейских текстов и византийских хроник, служивших образцами для древнерусского книжника. Выявляются библейские параллели и в речи к Ольге древлянского посольства из статьи 6453 (945) г. [Вилкул Т., 2015, с. 320, 321, 327]» (с. 79).

Между тем приведенные в указанной статье Т. Л. Вилкул параллели речи древлянских послов с выдержками из книги пророка Иезекииля в действительности являются далеко не бесспорными. Дело в том, что сравнение киевского князя Игоря с волком в ПВЛ встречается и выше, в сообщении о принятом древлянами решении убить князя: «Слышавше же деревляне, яко опять идеть, сдумавше со князем своимъ Маломъ: «Аще ся въвадитъ волкъ в овцѣ, то относить по единой все стадо, аще не убьютъ его, тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить»»⁸⁴. Поэтому следует полностью согласиться с М. Б. Свердловым, что

летописная речь древлянских послов от имени Древлянской земли, в которой Игорь вновь сравнивается с волком – расхитителем и грабителем, в противоположность добрым древлянским князьям, распасшим Древлянскую землю⁸⁵, является непосредственным развитием этой мысли⁸⁶, а не компиляцией из противоположных по смыслу библейских сюжетов. При этом в процитированных Т. Л. Вилкул библейских фразах не фигурируют лучшие и нарочитые мужи. Поэтому нет оснований полагать, что летописец сконструировал упоминаемые им социальные группы древлян под впечатлением от привлеченных Вилкул выдержек из книги пророка Иезекииля⁸⁷.

В другой работе Т. Л. Вилкул находит некоторые параллели двум летописным известиям о древлянах в древнерусском переводе византийской хроники Г. Амартола.

Во-первых, Т. Л. Вилкул сравнила летописное обращение Ольги к древлянам: «добрѣ гостѣ придоша» с оборотами «добрѣ придоша друзи» и «добрѣ да приде честныи»⁸⁸.

Впрочем, эти параллели тоже не бесспорны: слова «добрѣ» и «придоша» были не настолько уникальными в древнерусских источниках, чтобы их можно было только заимствовать из не похожих по смыслу переводных текстов. При этом в данных фрагментах хроники Амартола опять же не упоминаются социальные категории, сходные с летописной древлянской элитой.

Во-вторых, ниже Т. Л. Вилкул провела более удачную параллель рассказа ПВЛ уже об избиении и порабощении древлянских горожан неясного социального статуса со сведениями хроники Амартола о такой же участи иереуслимских нарочитых мужей.

⁸⁵Там же.

⁸⁶Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 88.

⁸⁷Ср: Вилкул Т. Л. Нові біблійні запозичення у Повісті временних літ: книги пророків // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 15. К., 2015. С. 327.

⁸⁸Вилкул Т. Л. Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. К., 2015. С. 122.

⁸⁴Цит. по: ПВЛ. С. 27.

Летописный текст: «и прочая люди овыхъ изби. а другия работе предасть мужемъ своимъ», – действительно является парафразом из перевода хроники Амартола: «овехъ же умртли, других работе предасть княземъ своимъ»⁸⁹. Но было бы натяжкой домысливать, что русский летописец сконструировал погубленных в Киеве Ольгой древлянских послов из среды нарочитых, лучших мужей по образу иерусалимских нарочитых мужей, захваченных при взятии города.

Кроме того, делая весьма ответственное заявление, что летописные упоминания «лучших» и «нарочитых» древлянских мужей «не обязательно являют собой прямые указания на социальную и политическую терминологию середины X в. или структуру элиты восточнославянского племени», а могли быть упомянуты в ПВЛ в соответствии с реалиями XII в., В. Г. Лушин не рассмотрел все случаи употребления этих терминов в данном источнике. В противном случае исследователь не мог бы не заметить, что практически все упоминания «нарочитых» людей, мужей, относятся к середине – концу X в. К следующему – XI в. относится единичный случай употребления в ПВЛ этого термина – под 1015 г.⁹⁰, который, как отметил М. Б. Свердлов, был последним⁹¹. В дальнейшем этот термин не был характерен для русского летописания в качестве обозначения знати. Последние

упоминания нарочитых людей в южнорусских источниках в качестве знати содержатся в Церковном уставе Ярослава Мудрого⁹², и датировку их появления в Уставе нет основания выносить за пределы XI ст.⁹³

⁹²Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 86–87.

⁹³Я. Н. Щапов относит складывания ядра Устава к XI – первой половине XII в. (*Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 291–293). Однако, не трудно заметить, что с нормами русской правды XII в. ближе всего соотносятся отдельные статьи Устава. И появление этих сравнительно поздних статей автор относит не жестко к XII в., а к интервалу «второй половины XI–XII в.» (Там же. С. 292). При том в Уставе они помещены значительно ниже тех статей, в которых упоминаются нарочитые люди. Кроме того, Я. Н. Щапов сопоставил некоторые статьи Устава с договором Новгорода с Готским берегом и немецкими городами конца XII в. и резюмировал: «несмотря на некоторое различие в единицах денежного счета, социальных градациях, упоминаемых в статьях, и в обозначении поступков, статьи обоих памятников близки между собой. Они могут быть отнесены к одному примерно времени» (там же. С. 293). Вместе с тем стоит учесть, что в новгородском акте «правда» выступала отнюдь не в качестве нововведения в севернорусском законодательстве, а касалась прежде всего иноземных новгородских торговых партнеров: «Се язъ князь Ярославъ Володимеричъ сгадавъ с посадникомъ с Мирошкою и с тысяцкимъ Яковомъ и съ всеми Новгородьци, потвердихомъ мира старого с посломъ Арбудомъ и съ всеми Немьцкими сыны и съ Гты и съ всемъ Латиньскимъ языкомъ. Послал есмь посла своего Григу на сеи правде» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949. № 28. С. 55). Стоит учесть, что данный договор «не был первым торговым соглашением между Новгородом и его западными партнерами, а являлся подтверждением «старого мира», который, возможно, был заключен с островом Готланд в период его господства на Балтийском море еще в первой половине XII в.» (*Рыбина Е. А.* О двух древнейших торговых договорах Новгорода // Новгородский исторический сборник. № 3 (18). 1989. С. 45). И не ясно, в какой мере статьи этой «правды» во время составления этого договора являлись новшеством даже в отношении готских и немецких купцов, а в какой – повторением условий подтвержденного «мира старого». Поэтому время составления некоторых статей Церковного устава Ярослава Мудрого не вполне корректно соотносить с упоминанием подобных правил в указанном новгородском мирном договоре с Готландом и немецкими городами. Ныне П. С. Стефанович также склонен относить упоминания «нарочитых людей» в Церковном уставе Ярослава Мудрого к архетипу этого памятника середины XI ст. (*Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины. Военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012. С. 522).

⁸⁹Там же. С. 132.

⁹⁰ПВЛ. С. 62. П. В. Лукин считает это поздним домыслом киевского хрониста и полагает более достоверной именно формулировку Новгородской I летописи младшего извода о «воях славных тысяче». По мнению ученого, речь шла не о знати, а о тысяче самых «видных», «прославленных» новгородских воинов, «отборных воинах». (*Лукин П. В.* Новгородское вече. С. 96–100). Однако, как отмечал один из авторов этих строк, данное предположение является не доказанным, так как, ссылаясь на иностранные примеры, П. В. Лукин не находит ни одного подобного случая в древнерусской практике. Русские хронисты впоследствии были склонны ассоциировать 1000 славных воинов именно с местной элитой, а не с некими отборными воинами, взятыми ученым из иноземных реалий (*Несин М. А.* Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв. Диссертация на соискательство ученой степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2018. С. 39).

⁹¹*Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь... С. 90.

В дальнейшем этот термин, по-видимому, уже не употреблялся в древнерусских источниках в качестве обозначения знатных людей и знатности⁹⁴. Таким образом, можно согласиться с М. Б. Свердловым, что летописные упоминания мужей нарочитых в качестве местной знати X – начала XI в. относятся «к древнейшему по времени пласту записей ПВЛ» и в них отражена «древнейшая социальная лексика»⁹⁵, и надо полагать, что термин «нарочитые мужи», употребленный в ПВЛ применительно к древлянскому элиту X в., был аутентичным, а не представлял собой позднюю модернизацию книжника XII в. В противном случае пришлось бы придумывать конспирологическую теорию о дружном замалчивании в источниках этого термина при упоминании древнерусской элиты после

⁹⁴Подробнее об этом см. в статье М. А. Несина в настоящем сборнике

⁹⁵Свердлов М. Б. Домонгольская Русь... С. 90. Недавно П. В. Лукин призвал «распрощаться» с «древнерусской категорией» нарочитых мужей» на том основании, что слово «нарочитые» иногда использовалось древнерусскими книжниками при упоминании верхушки евреев и преступников – нарочитых жидов и нарочитых разбойников (Лукин П. В. «Но преблагии Богъ не хотя смерти грѣшникомъ...»: начальное летописание об эпохе Владимира Святого и литературные параллели летописным рассказам // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. М., 2017. С. 292). Однако, как уже отмечалось, столь категоричный подход не представляется убедительным (Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика. С. 22. См. также статью М. А. Несина в данном выпуске). К тому же позиция П. В. Лукина представляется несколько противоречивой или, во всяком случае, недосказанной, поскольку в других работах исследователь признает, что «чаще всего «нарочитыми мужами/людьми» называли представителей социальной элиты», хотя почему-то считает, что этот термин не имел «четких социальных... коннотаций» (Лукин П. В. 1) Новгородское вече. С. 97; 2) Новгородское вече. 2-е издание, переработанное и дополненное. М., 2018. С. 114).

XI в., при частом упоминании их за X в. А это было бы ненамного лучше, чем открытия адептами Новой Хронологии появления В. Новгорода на современном месте в позднем Средневековье и создания первыми Романовыми имитации древнего новгородского культурного слоя.

При этом Лушин почему-то походя разделяет понятия лучших и нарочитых древлянских мужей, хотя нетрудно заметить, что в известии ПВЛ о втором древлянском посольстве к Ольге «нарочитые» мужи отождествляются с «лучшими мужами»: расправившись с членами первого древлянского посольства, киевская княгиня Ольга попросила древлян прислать нарочитых мужей, и древляне отправили лучших мужей, которые держали Древлянскую землю⁹⁶. В этой связи, по мнению большинства историков, нарочитые мужи и лучшие были полностью взаимозаменяемыми терминами⁹⁷, по мнению В. В. Пузанова и А. В. Скобелева, нарочитые представляли собой лишь высшую категорию лучших⁹⁸. Первая версия представляется

⁹⁶ПВЛ. С. 27.

⁹⁷Свердлов М. Б. 1) Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 41; 2) Домонгольская Русь... С. 90; Карпов А. Ю. Княгиня Ольга. С. 93; Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины... С. 223; Толочко П. П. Ранняя Русь: археология и история. СПб., 2013. С. 81; Лукин П. В. Новгородское вече. С. 54; Несин М. А. Некоторые черты социальной трансформации в X–XI вв. в восточнославянском обществе в летописной социальной терминологии // Исторический формат. № 2. 2015. С. 108.; Щавелев А. С. «Племена» восточных славян: этапы завоевания и степень зависимости от державы Рюриковичей в X в. // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. С. 42.

⁹⁸Пузанов В. В. Древнерусская государственность... С. 568; Скобелев А. В. «Люди» в системе социальных связей восточнославянского общества VI - первой трети XIII в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ижевск, 2010. С. 98. Разделял нарочитых и лучших и Г. В. Абрамович (Абрамович Г. В. К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадильности его перехода в развитый феодализм // ИСССР. № 2. 1981. С. 66-67). Однако, стоит заметить, что Г. В. Абрамович опирался на чтения поздней Воскресенской летописи (которые

более убедительной – для древнерусских летописей не было характерно давать развернутое объяснение социальной терминологии. И в данном случае летописец скорее не стремился пояснить, какие именно лучшие мужи считались нарочитыми, а просто отметил, что в ответ на просьбу киевской княгини прислать ей новое посольство из нарочитых мужей древляне отобрали лучших из лучших – тех лучших мужей, которые были связаны с управлением древлянской землей. А круг нарочитых мужей, таким образом, был шире и включал в себя всех лучших мужей вообще. Но как бы то ни было, все авторы согласны в том, что в какой-то мере нарочитые мужи отождествлялись с лучшими.

Что касается упоминания неких добрых древлянских князей, распасших Древлянскую землю, то мнение В. Г. Лушина,

почему-то связывал с «Нестором»), а кроме того, сделал совершенно безосновательный вывод, что лучшие люди, говоря о достижениях своих князей, сами, в отличие от нарочитых людей, политической властью не обладали. Между тем, во-первых, смысл данной речи заключался в том, чтобы своих князей, распасших, устроивших Древлянскую землю, противопоставить не себе, а киевскому князю Игорю, сравненному с волком-расхитителем. При этом использованное Абрамовичем чтение Воскресенской летописи, согласно которому князья не распасли, а разделили землю (там же. С. 66), является в данном контексте неудачным: если устройство земли явно противостоит по смыслу расхищению, то раздел земли не является а priori лучшим для страны, чем разворывание, поскольку также может способствовать ее ослаблению. Во-вторых, Г. В. Абрамович некритически сослался на чтение Воскресенской летописи, согласно которой во второе посольство к киевской княгине древляне «избраша нарочитыхъ мужь 50, иже дръжаху Деревскую землю». (ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856. С. 284). Между тем, согласно выше процитированному известию ПВЛ, в ответ на просьбу княгини Ольги отправить к ней нарочитых мужей, древляне «избраша лучшия мужи, иже деръжаху Деревску землю». Таким образом, лучшие мужи отождествляются с нарочитыми и связаны с управлением Древлянской землей. При этом число этих мужчин в ПВЛ не указано. Скорее всего, сведения Воскресенской летописи о 50 мужах являются домыслом позднего московского хрониста, дававшего понять, что вторая месть Ольги была еще страшнее первой, в результате которой погибли 20 знатных древлянских мужей. Таким образом, версия Абрамовича основана на некритическом использовании поздней Воскресенской летописи и неверном понимании текста этого источника.

что они соответствовали исключительно реалиям XII в., трудно признать обоснованным. В. Г. Лушин не оговаривает, что за князья имелись в виду, однако, в рецензируемой статье не противоречит приведенному им мнению А. С. Щавелева о том, что речь идет о представителях рода Мала (с. 78)⁹⁹, и не приводит в пример других многочисленных случаев упоминания в ПВЛ мифических княжеских династий восточнославянских образований. В то время как для выдвижения столь ответственного предположения о выдуманной летописцем княжеской династии в научной работе следует доказать наличие у ПВЛ тенденции к систематическому упоминанию легендарных княжеских семейств восточных славян. Опять же стоит иметь в виду, что археологические раскопки на территории г. Коростень не выявили никаких признаков существенного изменения общественного строя древлян в первой половине X в. или даже отдельного этапа в развитии древнеславянского городища Искоростень I. Таким образом, предположение о том, что Мал мог быть

⁹⁹Впрочем, в новой заметке, или «зарисовке» о древлянах и их князе Мале, представляющей собой практически дословное переиздание соответствующей части рецензируемой работы с некоторыми дополнениями, исследователь уточняет, что «древлянские «наши князи» летописной статьи 6453 (945) г. [ПВЛ, с. 27] могут пониматься как некое количество предшественников Мала (т. е. местная правящая династия), так и совокупность региональных, менее значимых князей – его современников». И отмечает, что «те, кто на основании информации, извлеченной из адресованных вдове Игоря слов, рисует такую картину жизни древлян, в коей находится место многим князьям одновременно, могут оказаться близки к истине», приводя в пример наличие подобной организации у западных славян (*Лушин В. Г. Зарисовки по истории Руси // Rossica & Slavica. Сборник статей и материалов. 2021 год. С. 60-61*). Может быть, это было вызвано недавним знакомством Лушина с работами Б. А. Звиздецкого и В. В. Пузанова, в которых эти князья интерпретируются как правители локальных древлянских племен. Ссылки на эти труды Б. А. Звиздецкого и В. В. Пузанова появляются у Лушина именно в этой работе про древлян (там же. С. 59-60). Напомним, что уже в относительно свежем варианте работы В. Г. Лушина о Рюрике, опубликованном в 2020 г., нами выше было выделено дополнение с упоминанием одной из работ Пузанова, которая в более ранних версиях статьи про Рюрика Лушиным не учитывалась. Конечно, мы не беремся делать однозначные выводы о столь позднем ознакомлении Лушина с работами данных авторов, но, учитывая выявленные нами в данной рецензии примеры его невнимания к историографии, исключать такую возможность тоже не стоит.

самым первым древлянским князем гораздо больше противоречит бритве Оккама, чем версия о существовании древлянского княжеского рода¹⁰⁰.

А сомневаясь в достоверности летописного известия о древлянских градах, В. Г. Лушин, как уже было сказано выше, предпринял неудачную попытку отказать древлянам в существовании политических центров. При этом исследователь почему-то рассматривал в этой связи лишь городища, расположенные на территории г. Коростеня, проигнорировав работы Б. А. Звиздецкого о раннесредневековых древлянских городищах на территории бывшей Древянской земли, нын. Житомирской области Украины¹⁰¹. (К слову, удивляет в рецензируемой статье В. Г. Лушина, посвященной восточнославянским

¹⁰⁰Существующее в историографии мнение, что речь идет о подчиненных князю Малу племенных князьях (историю вопроса см., напр.: Пузанов В. В. «Посла ны дервьська земля. . .» к проблеме типологии «Летописных племен» // Ученые записки Казанского университета. Т. 156. № 3. 2014. С. 48), нам представляется наименее вероятным. Организация типа союза племен требовала совещательного органа с участием представителей этих малых племен (Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах... С. 10, 18, 20). Между тем в летописном повествовании об убийстве киевского князя Игоря и местах его вдовы Ольги неоднократно упоминается политическая активность древлян, также сообщается о совещании древлян со своим князем Малом, в ходе которого было принято решение убить Игоря. Однако ни разу не упоминается воля этих древлянских князей, при том, что они «распасли» – устроили (см., напр.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997. С. 21) Древянскую землю. Не логичнее ли этих князей считать Малом и его предшественниками, чем современными Малу князьями? В этой связи интерпретация оных древлянских князек как племенных князей – правителей современных Малу неких малых древлянских племен нам представляется наиболее сложной, противоречащей принятой в научном мире Бритве Оккама – не множить сущности сверх необходимого.

¹⁰¹Звиздецкий Б. А. 1) Про час виникнення та соціальної типології літописних «градів» Древянської землі // Український історичний журнал. Вип. 3. (№349). 1990; 2) Про деякі особливості древлянських городищ VIII–X ст. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Збірник наукових праць. К., 2004.; 3) Городища IX–XIII вв. на території літописних древлян. Київ. 2008.

предгосударственным образованиям, отсутствие ссылок на работы Б. А. Звиздецкого и В. В. Пузанова¹⁰², в которых сформулированы любопытные (хотя и гипотетичные) положения о структуре древлянской общности)¹⁰³.

¹⁰²Другое дело, что в новейшей заметке о древлянах В. Г. Лушин упоминает работы Б. А. Звиздецкого и В. В. Пузанова (Лушин В. Г. Зарисовки по истории Руси. С. 59-60), оговариваясь со ссылкой на Б. А. Звиздецкого о наличии «других древлянских городищ», которых В. Г. Лушин опять же не считает достаточно крупными политическими центрами, не уточняя, какими размерами должны обладать последние (там же. С. 60. Примеч. 1).

¹⁰³Историю вопроса см.: Пузанов В. В. «Посла ны дервьська земля. . .» С. 48. Эти ученые, обратив внимание на то, что число древлянских лучших мужей в первом посольстве соответствовало количеству древлянских городищ, предположили, что они были представителями 20 малых древлянских племен, входящих в древлянский суперсоюз, а некие древлянские князья, распасшие землю, видимо, были малыми племенными князьями, подчинявшимися главному древлянскому князю, жившему в Искоростене (там же). Однако едва ли случайно исследователи высказали эту версию лишь в виде предположения. Дело в том, что источники не содержат однозначной информации о подобной структуре древлянской общности и делении Древянской земли на 20 малых племен во главе со своими князьями. Что касается князей, распасших древлянскую землю, то, как было сказано выше, они с не меньшей вероятностью могли быть и представителями искоростеньской династии Мала. К слову, источники не позволяют убедительно обосновать существование восточнославянских союзов племен, состоявших из неких малых племен (Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах... С. 10, 18, 20).

Ныне с резкой критикой данной работы выступил М. И. Жих (см. его статью «О недопустимости дилетантизма в исторической работе. Реплика по поводу статьи: Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика» в 4 выпуске журнала «Исторический формат» за 2020 г.). По словам Жиха, «Говоря о проблеме социальной организации славянских общностей, известных по «Повести временных лет», и вопросе о том, составляли ли они союзы неких общностей меньшего уровня, О. Л. Губарев просто проигнорировал практически всю специальную литературу, посвященную данной проблеме.

Им не рассматриваются и даже не фигурируют в списке литературы фундаментальные монографии Б. А. Тимощука (Тимошук 1990; 1995), в которых

обобщен весь имевшийся на конец 80-х – середину 90-х гг. археологический материал по проблеме социально-политического развития восточных славян и в которых проблеме славянских политических центров разного уровня (и стоящих за ними иерархических социальных единиц) уделено значительное внимание и разработана система социальной классификации и эволюции восточнославянских поселений VI–X вв.

О. Л. Губареву неизвестны диссертация и статьи Г. Ф. Соловьевой (Соловьева 1953; 1956: 138-170), которая на археологическом материале предприняла попытку выделения локальных групп («малых племен») в ареале вятичей, радимичей и северян. Неизвестна ему и дискуссия вокруг работ Г. Ф. Соловьевой⁶.

О. Л. Губареву известна работа Л. В. Алексеева, в которой тот выделил локальные группы, соответствующие «малым племенам» в ареале смоленских и полоцких кривичей (Алексеев 1977: 23-30).

О. Л. Губареву неизвестны работы И. Я. Фроянова и полемика между И. Я. Фрояновым и Е. Н. Носовым о «племенных» центрах и «малых племенах» ильменских словен (Фроянов, Дворниченко 1988: 22-40; Фроянов 1992: 21-74; Фроянов, Михайлова 1999: 228-236; Носов, Плохов 1997: 129-152; Носов 2005: 13-14, 20-21, 153-154. Современную оценку этой дискуссии см.: Еремеев, Дзюба 2010: 400-402, 417).

О. Л. Губареву неизвестна работа Б. А. Звиздецкого, выделившего по археологическим материалам «племенные центры» в Древлянской земле (Звиздецкий 2008: 76-77).

О. Л. Губареву неизвестна работа И. И. Еремеева, в которой тот предпринял попытку выделения «племенных» центров, а соответственно, и «малых племен» в ареале ильменских словен на основе новых археологических данных (Еремеев, Дзюба 2010: 394-417).

Стоит отметить, что М. И. Жих, изображая из себя ведущего историка, имеющего право судить, кому допустимо, а кому «недопустимо» участвовать в научной дискуссии, не различает спорные гипотезы и надежно установленный исторический факт и не отличает полемическую статью по спорному вопросу от фундаментальной монографии, в которой надо подробно рассматривать все основные дискуссионные предположения предшественников. К тому же, огульно утверждая, что О. Л. Губареву «неизвестны» те или иные «работы», Жих некорректно характеризует сделанные в некоторых из них выводы, что дает основание его самого заподозрить в незнакомстве с историографией или в сознательном передегеривании. К примеру, если проследовать по его ссылкам на труды Л. В. Алексеева, Б. А. Звиздецкого, а так же монографию И. И. Еремеева и О. Ф. Дзюбы, то выяснится, что Л. В. Алексеев отнюдь не «выделил локальные группы» «в ареале смоленских и полоцких кривичей», «соответствующие «малым племенам»», а всего лишь допускал связь выявленных в Полоцкой земле восьми «скоплений» кривичских погребальных памятников с «десятичным членением древнерусских

племен», не исключал, что «многие периферийные центры скоплений полоцких кривичей (и северных дреговичей с Минском) первоначально в большинстве случаев были племенными погостами», высказал «предположение, что» Смоленск и Торопец «выросли из двух племенных центров кривичей». Б. А. Звиздецкий, вопреки М. И. Жиху отнюдь не «выделил» «племенные центры», а лишь высказал гипотезу, или, как это называется в работе Жиха, «предпринял попытку выделения» центров малых племен. И. И. Еремеев не принял мнение И. Я. Фроянова о выделении укрепленных поселений в VIII–IX вв. в качестве племенных центров из сельской округи в результате процессов общественного развития ильменских словен, а скорее поддержал «торговую» концепцию Е. Н. Носова о функционировании городков в качестве торговых центров на трансконтинентальных торговых путях. Некоторые укрепленные поселения в более раннее время – в третьей четверти I тысячелетия н. э. по мнению Еремеева, могли быть центрами «малых племен», но не локальных племен в составе союза племен, а «малых племен» - «родов», то есть, родовых общин внутри одного племени ильменских словен.

Столь же неверно Жих характеризует «позицию» рецензируемого им автора – О. Л. Губарева. Достаточно привести в пример следующее утверждение: «подчеркнем некорректность позиции О. Л. Губарева, согласно которой сведения византийских источников и данные о социальной организации южной части славянского мира не могут привлекаться его северной части... М. М. Казанский отмечает, что «до VIII в. славяне, расселившиеся в разных частях Европы, находились приблизительно на одном уровне социального и экономического развития. Поэтому археологические находки в Восточной Европе и сведения византийцев о войске балканских славян отражают единый процесс эволюции военного дела у славян» (Казанский 2011: 43)».

Однако, в статье О. Л. Губарева «речь идет о восточных славянах дорюриковского периода (VIII–IX вв.)», а сведения византийских источников VI–VII вв. О. Л. Губарев использует для характеристики военного дела восточных славян VI–VII ст. (Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах... С. 5, 12).

И при этом, выше рассуждая о военном деле восточных славян по данным археологии, со ссылкой на ту же работу М. М. Казанского, Жих проигнорировал важное замечание О. Л. Губарева: «Археологические культуры, содержащие предполагаемый славянский элемент наряду с германским или кочевническим, отличаются пусть и редкими находками, как показывают работы М. Казанского, клинкового вооружения и остатков кольчуг и конской упряжи¹⁹. Однако археологические культуры, уверенно связываемые со славянами (пражско-корчакская и лука-райковецкая), отличаются бедностью находок, говорящих об однородном и технологически консервативном обществе. Разложение родоплеменного строя и признаки накопления богатства в руках племенной знати появляются только

Впрочем, игнорирование Лушиным историографии привело его к еще более неверным утверждениям.

Так, по заявлению В. Г. Лушина, «археологические памятники, которые должны иметь отношение к событиям 945–946 гг.» – «это три городища и четыре могильника в черте современного города Коростеня Житомирской области Украины [Андрощук Ф., 2008, с. 7]. К городищу I (0,45 га) примыкал неукрепленный посад (ок. 300 × 150 м), а располагавшееся поблизости городище II занимало площадь всего в 0,055 га, немногим крупнее городище III (1 га), отстоящее от двух предыдущих на полтора километра [Комар А. В., 2012(а), с. 328]» (с. 78-79).

Между тем в указанной В. Г. Лушиным статье Ф. А. Андрощука приведена несколько иная формулировка: «Археологические памятники, которые по времени своего существования могут (а не должны! – *авт.*) иметь отношение к легендарной истории, рассказанной летописью, состоят из трех городищ и четырех могильников, расположенных на территории современного города Коростеня Житомирской области»¹⁰⁴. Ниже Ф. А. Андрощук упоминал о находке на «городище № 2» землянки X–XII вв., а на третьем городище — «культурных отложений» X–XIII ст. и резонно заключал: «совершенно очевидно, что по крайней мере три городища, расположенные на правом берегу р. Уж, существовали в X в.»¹⁰⁵. Но, в отличие от В. Г. Лушина, не утверждал, что Городища II и III однозначно существовали до второй половины X в. и имели отношения к событиям 945-946 гг. Таким образом, ссылка Лушина на работу Ф. Андрощука представляется совершенно некорректной. В. Г. Лушин навязывает собственные утверждения ученому, который не делал столь категоричных выводов.

А в упомянутой Лушиным работе А. В. Комара, обстоятельно характеризующей раннесредневековые археологические памятники

в период господства варягов на севере и хазар на юге». (Там же. С. 9-10).

¹⁰⁴Цит. по: Андрощук Ф. Древлянская земля в межрегиональных контактах IX–X вв. // Стародавній Искоростень і слов'янські гради. Збірка наукових праць. Т. I / Голов. ред. О. П. Моця. Коростень, 2008. С. 7.

¹⁰⁵Там же. С. 7-8.

Коростеня, также не отмечается никакой определенной связи городищ II и III с завоеванием киевлянами Древлянской земли в 946 г. В отличие от I городища, погибшего в середине X в. и представлявшего собой сожженный в 946 г. древлянский Искоростень, А. В. Комар не отметил на городищах II и III ни находок предметов, относящихся к местной лука-райковецкой культуре, ни следов разрушения середины X в., ни культурных слоев древнее второй половины X в. Относительно датировки городища II Комар заключил, что «судя по находкам в объектах в культурном слое, городище функционировало в X–XIII вв.»¹⁰⁶, не упомянув наличия каких-либо артефактов и культурных слоев, определенно датированных ранее второй половины X ст.¹⁰⁷.

Никак невозможно убедительно связать с событиями 945-956 г. и городище III. По заключению А. В. Комара, «если городище I представляет древлянский Искоростень, то городище III, несомненно, отражает древнерусскую стадию существования города. Раскопки 1994, 2001 и 2005 гг. не принесли выразительных находок лепной и раннегончарной посуды культуры лука-райковецкой – небольшое количество обнаруженных венчиков вполне укладывается в рамки присутствия таких форм в комплексах второй половины X в». На городище III «были обнаружены культурные слои X–XVIII вв. Ранний горизонт представлен древнерусской гончарной керамикой первой половины X в. (Звіздецький, 2008, рис. 28-29), но от горизонта разгрома городища I он отличается отсутствием лепной посуды культуры Лука-Райковецкой... комплекс гончарной посуды первой половины X в. происходит из раскопок 30-х гг

¹⁰⁶Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье. С. 328.

¹⁰⁷При этом, по утверждению А. В. Комара, городище II «не могло не разделить судьбу городища I в случае их синхронного существования (цит. по: там же. С. 330). Это заключение нуждается в некоторой корректировке или по крайней мере в уточнении: ниже автор при рассмотрении датировки ранних находок, связываемых с городищем III, допускает, что «в первой половине X в. рядом с Искоростенем существовала еще одна крепость, размером больше «княжеской», не пострадавшая в результате событий 946 г.» (Цит. по: там же. С. 330). Но как бы то ни было, каких-либо данных о существовании городища II до середины X в. не существует.

(Звіздецький, 2008, рис. 28-29). Если, конечно, эти находки правильно атрибутированы как принадлежащие городищу III (sic! – авт.), то в первой половине X в. рядом с Искоростенем существовала еще одна крепость, размером больше «княжеской», не пострадавшая в результате событий 946 г., или же древнерусская крепость возведена здесь уже после 946 г.»¹⁰⁸.

Сообщая о наличии в древнем Искоростене некоторых «элитарных находок», Лушин утверждает, что единственное объяснение их происхождения было предложено А. П. Толочко: «Элитарные находки в земле древлян требуют объяснения, которое и было недавно предложено А. П. Толочко. Исследователь замечает, что «присутствие среди находок скандинавских украшений и арабских монет указывает, что их источником был бассейн Днепра и проникали они, как, вероятно, и все другие «заморские» ценности, благодаря скандинавским русам» [Толочко А. П., 2015, с. 227, 228]. Чем оплачивались поставки престижных товаров? По мнению А. П. Толочко, объяснить богатство Искоростеня не представляется возможным без предположения о вовлеченности древлян в работоторговлю киевских русов, ведь «у древлянской элиты был единственный товар, имеющий спрос за пределами ее узкого мира – рабы» [там же, с. 227].

Вероятно, не заставят себя долго ждать и другие гипотезы о путях и способах получения древлянами предметов престижного потребления» (с. 79-80).

Однако, в действительности происхождение этих находок обсуждалось в историографии еще до выхода в 2015 г. данной монографии А. П. Толочко. А. В. Комар в известной В. Г. Лушину работе предложил иное, ничуть не менее обоснованное и вероятное объяснение появления этих предметов:

«Обилие в Искоростене древнерусских и скандинавских престижных социальных маркеров, возможно, связано с более ранним эпизодом 945 г. уничтожения древлянами дружины князя Игоря. В пользу этой версии говорят находка превращенного в подвеску византийского солида Василия и Константина (869–879 гг.) (Petrauskas, 2009, fig. 3; 4 d), принадлежавшая участнику торгового или военного похода в Византию, и крестовидная подвеска, заставляющая вспомнить о «крещеной руси» византийских источников.

Немаловажными выглядят и находки деталей серебряного печенежского пояса (рис. 22: 2), в то время как печенеги упомянуты ПВЛ в качестве союзников Игоря в походе на Византию»¹⁰⁹. Правда не ясно, являлись ли в таком случае эти предметы «престижными социальными маркерами» древлянской знати или в результате схватки достались семьям более удачливых древлянских воинов¹¹⁰? Следует также учесть замечание В. В. Пузанова, что ««дорогая вещь»» могла принадлежать не только вождю, или представителю родового нобилитета, но и удачливому воину, являться родовой реликвией и т. п.»¹¹¹. Во всяком случае, гипотеза об активной вовлеченности древлянской знати в работоторговлю повисает в воздухе¹¹².

¹⁰⁹Там же. С. 331.

¹¹⁰Другое дело, что А. В. Комар пишет в данном случае исключительно о «прятывшихся» «в небольшой крепости князя Мала» (там же), хотя эти т. н. элитарные находки были сделаны не только на городище, но и на посаде, и в двух курганах (Звіздецький Б. А. Петраускас О. В., Польгуй В. И. Нові дослідження стародавнього Искоростеня // Стародавній Искоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Збірка наукових праць. Київ, 2004; Андрощук Ф. Древлянская земля в межрегиональных контактах IX–X вв. С. 7-8). Относительно этих курганов Ф. Андрощук со ссылкой на указанную статью Б. А. Звіздецкого, О. В. Петраускаса и В. И. Польгуйа, писал, что «богатство находок, размеры некоторых из курганов позволили исследователям видеть в них захоронения древлянской элиты» (Андрощук Ф. Древлянская земля в межрегиональных контактах IX–X вв. С. 7.) Однако в действительности данные авторы высказывались не столь однозначно, отмечая, что «два вищеописаних кургани могли належати» представителям высших слоев древлянской местной родоплеменной знати. (Звіздецький Б. А., Петраускас О. В., Польгуй В. И. Нові дослідження стародавнього Искоростеня. С. 55). Интересно, что в рецензируемой статье В. Г. Лушин, знакомый с данной работой Ф. Андрощука, не стал вслед за ним писать об этих курганах как об элитарных памятниках, то ли проглядев упоминание курганов, то ли не поспешив с выводами об их аристократическом характере. И даже в том случае, если размеры и богатство этих курганов были связаны с элитарным происхождением данных погребений – не ясно, были ли это захоронения исключительно местной элиты или, к примеру, мужское захоронение являлось до сих пор не найденной могилой киевского князя Игоря, по летописным данным, убитого и похороненного древлянами в районе Искоростеня.

¹¹¹Цит. по: Пузанов В. В. Образование древнерусского государства.. С. 51.

¹¹²Как и высказанное в новейшей работе В. Г. Лушина мнение о торговых связях древлянской элиты с Подунавьем (Лушин В. Г. Зарисовки по истории Руси. С. 62). Если допустить, что дорогие вещи были отбиты древлянами в

¹⁰⁸Там же. С. 328, 330.

К тому же некритически приведенное Лушиным мнение А. П. Толочко, что «у древлянской элиты был единственный товар, имеющий спрос за пределами ее узкого мира – рабы» несколько расходится с позицией самого Толочко, признававшего, что, помимо рабов, русы экспортировали из Восточной Европы и пушнину¹¹³. Отметим что версия Толочко о «ведущей роли» работорговли в «экономической жизни Восточной Европы IX–X вв.»¹¹⁴ не находит подтверждения в источниках, зато существенно расходится со сведениями некоторых из них.

Стоит обратить внимание на сообщение Ибн Ходадбега, при упоминании внешней торговли русов с Византией выделявшего именно экспорт мехов: «Что же касается до русских купцов¹⁶⁶ – а они вид¹⁶⁷

столкновении с дружиной киевского князя Игоря, а не куплены на деньги, полученные за продажу рабов, то находки в Искростене распространенных в Подунавье сережек-лунниц невозможно убедительно соотнести с упоминанием рабов неясного происхождения в Раффельшпеттенском таможенном уставе 904/906 гг. (ср.: там же).

В той же работе Лушин ссылается на другое важное замечание В. В. Пузанова, высказанное в иной его монографии: «Сохранившиеся источники позволяют связать всплеск восточноевропейской работорговли с появлением *руси*, но нет свидетельств того, что элита славянских племен по доброй воле или вынужденно содействовала поставкам живого товара. Имеет какую-то степень вероятности возможность союза некоторых групп автохтонной элиты с предводителями киевского (и / или иных, если таковые существовали) сообществ русов. По мнению В. В. Пузанова, такие союзы могли создаваться для совместной эксплуатации других племен и народов [Пузанов В. В., 2017, с. 230]. «Сама структура восточноевропейского экспорта, пишет исследователь, в котором ведущую роль играла работорговля, предусматривала внешние акции, внешнюю эксплуатацию. Но обращение в рабов соплеменников, тем более – массовое, и выставление их на продаже на чужеземных рынках в тех условиях было практически невозможным» [там же]» (там же. С. 61-62) В этой связи, если согласиться с версией А. П. Толочко и В. Г. Лушина об активном участие древлянской знати в экспорте рабов, нужно признать наличие у древлян постоянных войн с соседями, в которых древлянская элита часто добывала рабов для продажи. А такие войны не прослеживаются в источниках. И отсутствие у восточных славян лесной полосы развитого оружия и защитного снаряжения как раз склоняет к выводу об отсутствии таких военных походов (Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах. . .).

¹¹³Толочко А. П. Очерки начальной Руси. Киев-СПб., 2015. С. 178-180.

¹¹⁴См., напр., там же. С. 11.

ас-сакалиба¹¹⁵ – то они вывозят бобровый мех и мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных (частей) страны ас-сакалиба к Румскому морю, а с них (купцов) десятину взимает царь Рума (Византии), и если они хотят, то они отправляются по... реке ас-сакалиба, и проезжают проливом столицы Хазар¹⁶⁹, и десятину с них взимает их (Хазар) правитель»¹¹⁶. (Аналогичный рассказ с некоторыми нюансами приводил Ибн ал-Факих, упоминая экспорт шкур лисиц и выдр¹¹⁷/ бобра и лисиц¹¹⁸). Также стоит учесть независимое известие ПВЛ за 969 г., в котором от лица князя Святослава при перечислении стекающихся «из Руси» «благ» на первом месте названа «скора» (меха), на втором и третьем – продукты бортничества, воск и мед, и лишь на последнем месте – челядь (рабы)¹¹⁹. И, разумеется, заслуживают внимания сведения Ибн Русте, выделившего в качестве «единственного» «занятия» русов именно торговлю «собоями, белками и прочими мехами, которых они продают

¹¹⁵Данный этноним в публикациях русских переводов этого источника нередко обозначается как славяне. Однако, исследователи не пришли к единому выводу, означал ли он одних славян, или другие северные народы тоже (Губарев О. Л. Новый взгляд на сообщения восточных источников о Руси на Востоке и на Западе // Valla. Т. 3. № 4. 2017. С. 108). Упоминание Ибн Хордадбехом титула правителя русов «к.наз», наиболее созвучного славянскому слову «князь», свидетельствует о том, что арабский географ считал восточных славян ас-сакалиба (Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннем средневековье. М., 2002. С. 50). Но, вероятно, не их одних. Тот факт, что Ибн Хордадбех отнес русов к разновидности ас-сакалиба, по мнению Т. Й. Храундала свидетельствует в пользу употребления этого термина по отношению к разным северным народам (Губарев О. Л. Новый взгляд на сообщения восточных источников... С. 108).

¹¹⁶Текст о русских купцах по Ибн Хордадбеху (перевод В. Розена) // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 384.

¹¹⁷Текст варианта Ибн ал-Факиха по рукописи, изданной А. Шперегером (перевод А. Я. Гаркави) // Древнерусское государство и его международное значение. С. 385.

¹¹⁸Текст Ибн ал-Факиха по Мешхедской рукописи // Древнерусское государство и его международное значение. С. 385.

¹¹⁹ПВЛ. С. 32.

покупателям», хотя ниже упомянувшего, что русы также «торгуют» «рабами»¹²⁰.

В. Г. Лушину стоило бы учесть рецензию Д. Н. Верхотурова на данную монографию А. П. Толочко. Верхотуров подверг серьезной критике вышеупомянутую концепцию Толочко о работоторговле и показал, что набирать и продавать тысячи рабов ежегодно в Восточной Европе «варягам невозможно было», зато, вопреки мнению Толочко, собирать 500-625 тысяч шкурок в год было «вполне реально»¹²¹.

Как на самом деле характеризовал взаимоотношения киевских росов с Черниговом и северянами Константин Багрянородный? Когда в действительности появились большие черниговские курганы? И можно ли говорить о независимости от Киева их правителей?

По мнению В. Г. Лушина, Русь была образована из «нескольких» «русей», «созданных в Восточной Европе варягами-русью» (с. 77). Такие взгляды и прежде высказывались в историографии, хотя были весьма уязвимы для критики, что в другой работе продемонстрировал сам В. Г. Лушин¹²². И надо сказать, что Лушин сам

¹²⁰Текст о русах из сочинения Ибн Русте «ал-А'лак ан-нафиса» // Древнерусское государство и его международное значение. С. 397.

¹²¹Верхотуров Д. Н. Остроумие против археологии // Valla. Т. 3. № 2. 2017. С. 96-98.

¹²²По поводу неизвестных из ПВЛ походов русских восточных походов Лушин пишет: «Можно попытаться объяснить отсутствие таких упоминаний неудачным завершением некоторых из этих походов или тем, что экспедиции на Каспий совершали какие-то другие, не связанные с Киевом группы руси, с представителями одной из которых встретился в Волжской Булгарии Ибн Фадлан в 921–922 гг. Вероятнее, однако, другое – полное отсутствие у летописца каких-либо сведений об этих походах. См.: Толочко А.П., 2015, с. 59». (Лушин В. Г. Рюрик. С. 20. Примеч. 25). Принимая версию А. П. Толочко, что хронист не знал об этих кампаниях, Лушин попутно вольно или невольно ставит под сомнение гипотезу этого автора о существовании независимой волжской руси: если неизвестная киевскому хронисту деятельность русов на Волге, скорее, была связана не с отдельной русью, просто находилась вне поля зрения киевского хрониста, то какие основания говорить о самостоятельной восточной руси? В записках Ибн

понимает умозрительность подобных версий: «Для не разделяющих подобных взглядов надежным помощником в дискуссиях будет извечный и кажущийся непотопляемым аргумент – отсутствие подтверждающих источников. И в самом деле, кроме Рогволода [ПВЛ, с. 36], письменная традиция не называет имен других правителей скандинавского происхождения, владевших восточнославянскими землями и не подчинявшихся Рюриковичам... Здравый смысл подсказывает, что должны были быть и другие, полностью или частично независимые от титульной династии правители-варяги, но никакие суждения, на нем основанные, показаниям источников противопоставлены быть не могут» (там же). Впрочем, подменять по умолчанию «показания источников» подобными «суждениями» В. Г. Лушин, по-видимому, не считает предосудительным. В противном случае не ясно, как объяснить совершенно неаргументированное заявление автора, что Черниговское предгосударственное образование, в отличие от древлянское, было «из числа созданных скандинавами» (с. 80). Само образование Лушин назвал «гипотетическим, разумеется» (там же), то есть не факт, что существовавшим – но считал непременно созданным скандинавами – и ниже безапелляционно объявил, что представители «племен-пактиотов» не могли войти в состав местной элиты, формирующейся, таким образом, исключительно за счет скандинавов (с. 81).

О Чернигове Лушин пишет, как о независимом предгосударственном образовании второй половины X в, будто бы находившемся под властью «независимых или (?) автономных» от Киева «правителей» (с. 80-84). Разве независимые и автономные в данном случае не синонимы? Впрочем, не будем придираться к неудачной формулировке. Гораздо менее удачными оказываются данные выводы автора. Они зиждутся на трех китах:

1) субъективной трактовке сведений

Фадлана сообщается о прибытии русов на Волгу, но при этом не говорится об их постоянном проживании в Поволжье. Деятельность (как, впрочем, и само существование) «волжских» русов во второй половине X в. и вовсе остается только домысливать.

известного источника середины X в. – знаменитого трактата Константина Багрянородного «Об Управлении империей»;

2) произвольной датировке появления крупных черниговских курганов второй половиной X ст.;

3) противоречивой трактовке этих погребальных памятников как захоронения независимых от Киева правителей.

Так, упоминая сведения сочинения Константина Багрянородного о Чернигове, Лушин почему-то заявляет: «эти данные не позволяют однозначно ответить на вопрос о подчиненности Чернигова Киеву в годы создания трактата» (с. 80); «У Константина VII все «крепости» «приписаны» к «внешней» России, то есть вполне четко отделены от «пактиотов» (?! – *авт.*)¹²³ (с. 82);

¹²³Между тем выше Лушин пишет: «Утверждение о непринадлежности называемых в сочинении Константина VII пунктов росам, если последних считать выходцами из Скандинавии или их ближайшими потомками, вступает в противоречие с археологическими данными, что особенно заметно на примере Гнездовского комплекса¹⁷. По заключению В. С. Нефедова, довольно активные и длительные контакты древнерусского населения и кривичей были неравноправными и протекали в условиях военно-административного давления гнездовской «элиты» на местных жителей [Нефедов В. С., 2011, с. 75-77]» (с. 81). Между тем, если проследовать приведенной Лушиным ссылке на статью В. С. Нефедова о Гнездове, то в ней местным населением действительно названы кривичи, носители КСДК (*Нефедов В. С. Смоленские кривичи и Русь: североевропейские и древнерусские изделия в смоленских длинных курганах // Труды III (XIX) Всероссийского Археологического съезда. Великий Новгород–Старая Русса. Т. II. СПб.–М.–Великий Новгород, 2011. С. 75*), то есть, «пактиоты» – «кривитеины» из трактата Константина Багрянородного. При этом, по заключению Нефедова, «культурное взаимодействие было неравноправным и протекало в условиях сильного военно-административного давления древнерусской и особенно гнездовской «элиты» на местных жителей» (с. 77). Отсутствие погребальных традиций КСДК в гнездовских курганах и памятниках в радиусе 50 км от Гнездова Нефедов предположительно объяснил непостоянным характером проживания кривичей в Гнездово. Вместе с тем с не меньшей вероятностью это можно связать с отмеченным автором «сильным» «давлением» на кривичей со стороны иноэтничной элиты. Это хорошо видно на примере Чернигова, в котором проживали северяне – носители местной роменской культуры, пользовавшиеся характерной лепной посудой. Но их погребальные традиции слабо отразились в некрополе Чернигова: лишь в двух курганах – Гульбище и Безьянном – они частично проявились в виде захоронений в верхней части насыпи, да и то в смешении с древнерусским обрядом кремации на месте (*Комар*

«имеющиеся в распоряжении исследователей скудные данные письменных источников не позволяют с определенностью говорить о статусе Чернигова» «в середине X века» (с. 82).

Между тем трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» сообщает о северянах и расположенных на территории их земель городах Любиче и Чернигове нечто иное:

«[Да будет известно], что приходящие из внешней России в Константинополь моноксилы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России, а другие из крепости Милиниски (Смоленск, или точнее – Гнездово – *авт.*), из Телиуцы (Любеч – *авт.*), Чернигоги (Чернигова – *авт.*) и из Вусеграда (Вышгорода – *авт.*). Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава (Киев), называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты (данники), а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии – рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову. Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам... Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полудия, что именуется «кружением», а именно – в Славинии вервианов, другивитов, кривичей, севериев (северян) и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав»¹²⁴.

Таким образом, из источника середины X в. ясно следует, что к территории внешней Руси

А. В. Чернигов и нижнее Подесенье // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. С. 342-343, 345). Но, как бы то ни было, «принадлежность» Гнездова (обычно отождествляемого с «Милиниски»–Смоленском из трактата Константина VII) «росам» отнюдь не исключала его расположения в области пактиотов росов – кривичей. И Лушин сам противоречит своему тезису о противопоставлении этой и других «крепостей» «пактиотам».

¹²⁴Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 45, 47, 51.

относились все подчиненные киевским русам земли вне Киева, включая Вышгород¹²⁵, расположенный всего в 16 км от него выше по Днепру. Чернигов и Любеч же, в свою очередь, относились к числу «пактиотов» – данников киевских росов, производивших для них лодки-однодеревки, а северяне прямо названы пактиотами росов, которые ежегодно ходили к ним из Киева в полоудье и кормились за их счет. При этом такой характер отношения росов с северянами и прочими «Славиниями» – «пактиотами» в середине X в. воспринимался как «образ жизни», то есть не новшество, а устоявшаяся в течение не одного года система. Не ясно, кем были в этой связи архонты росов – дружинниками во главе разных отрядов или поколениями киевских князей (что касается росов, ходивших с архонтами в полоудье к северянам и другим данникам, то источник не позволяет однозначно ответить на вопрос, какую социальную группу они собой представляли. Но вернее всего предположить, что речь идет не о массе рядового восточнославянского киевского населения, а о дружинниках, в значительной мере норманнского происхождения: Константин Багрянородный считал росов норманнами, противопоставляя русские скандинавоязычные названия некоторых днепровских порогов славянским¹²⁶. Из ПВЛ мы узнаем, что князь Игорь именно с дружиной собирал дань с древлян, а его вдова Ольга с сыном и дружиной «устанавливавши уставы и уроки, и суть становища ее и ловища». Дружинники в этот период исчислялись немногими сотнями человек¹²⁷. Это хорошо соотносится со сведениями Гардизи об участвовавших в полоудье 100-200 русах: «всегда 100-200 из них [русов] ходят к ас-сакалиба¹²⁸ и

насилно берут с них на свое содержание, пока там находятся»¹²⁹). Во всяком случае, скорее всего разделение «всех росов» на какие-то отряды в рассказе Константина Багрянородного подразумевалось. Как отметили М. Б. Свердлов, и А. Ю. Карпов, полоудье в трактате византийского императора не являлось реконструированным Б. А. Рыбаковым последовательным круговым объездом древлян, дреговичей, кривичей и северян, поскольку ниже Константин Багрянородный упоминает «прочих славян, которые являются пактиотами росов»¹³⁰. По мнению М. Б. Свердлова, полоудье представляло собой разъезд по указанным 4-м «Славиниям» и «прочим славянам» - пактиотам, (к которым по мнению ученого, относились словене, радимичи, тиверцы и уличи)¹³¹. Выводы Свердлова с некоторыми оговорками поддержал А. А. Горский и безоговорочно принял А. С. Щавелев¹³². Такой взгляд на полоудье не противоречит источникам и в некоторой степени подтверждается сведениями ПВЛ о взимании киевским князем Игорем с древлян. Отметим, что по ПВЛ роковой для Игоря поход за данью к древлянам предполагалось ограничить Древянской землей, а затем направиться не к дреговичам, кривичам и т. д., а поехать «въ градъ свой», «домови», и это не выпадит как принципиальное нарушение обычая¹³³. Возможно, со сведениями Константина Багрянородного о русах и славянах — пактиотах перекликаются упоминания русина и словенина в 1 статье Крапкой Русской Правды: «Оубъеть моужь моужа, то мьстити братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или

русский язык этот этноним обычно фигурирует как «славяне». Однако, в действительности персидский автор так называл разные народы – буртасов и какой-то светловолосый народ, принявший участие в этногенезе енисейских кыргызов (*Пилипчук Я. В.* О некоторых случаях использования этнонима «сакалиба» // *Valla. Т. 3. № 2. 2017. С. 37-38, 40*). Поэтому не ясно, имеются ли в виду в данном случае только славяне, или разные народы Восточной Европы, с которых собирали дань русы.

¹²⁹Текст о русах из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // *Древнерусское государство и его международное значение. С. 400.*

¹³⁰*Свердлов М. Б.* 1) *Генезис и струкутра феодального общества. С. 61;* 2) *Домонгольская Русь... С. 167-168;* *Карпов А. Ю.* *Книжня Ольга. С. 296.* Примеч. 2.

¹³¹*Свердлов М. Б.* 1) *Генезис и струкутра феодального общества. С. 61-62;* 2) *Домонгольская Русь... С. 168-169.*

¹³²*Горский А. А.* *Древнерусская дружина. С. 30-31;* *Щавелев А. С.* «Племена» восточных славян... С. 20.

¹³³ПВЛ. С. 26 - 27.

¹²⁵Трудно в этой связи согласиться с авторами научного комментария: «Выражение *από της εξω Ρωσίας* допускает несколько толкований. 1) «Внешняя Россия» – подчиненная росам территория славян со всеми перечисленными ниже городами, «внутренняя» (этого термина у Константина нет – он восстанавливается как оппозиция к «внешней» России) – собственно Киев, откуда выходят «все росы» в полоудье. В этом случае к «внешней России» придется причислить даже Вышгород–Вусеград (см. коммент. 14 к гл. 9), княжеский «Ольгин град» в середине X в., что маловероятно» (там же. С. 308). В процитированном тексте Вышгород прямо отнесен к Внешней России, откуда из разных городов в Киев прибывали однодеревки.

¹²⁶Там же. С. 47.

¹²⁷*Горский А. А.* *Древнерусская дружина. М., 1989. С. 96.*

¹²⁸В публикациях переводов данного источника на

братоучадоу (а), любо сестриноу сынови; аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривень за голову; аще боудеть роусинь, любо гридинь, любо коупчина (б), любо ябетникь, любо мечникь, аще (в) изьгой боудеть, любо словенинь, то 40 гривень положити за нь»¹³⁴. Отметим, что русин и словенин фигурируют в контексте различных социальных групп, поэтому скорее всего эти термины обозначали не просто жителя южной Руси и ильменского словенина, а собиравшего дань киевского дружинника и данника — славянина (не обязательно только новгородца), т. е., имели не только территориальный, но и социальный оттенок¹³⁵. Стоит также обратить внимание на приведенную в ПВЛ речь древлян о своих намерениях выдать замуж за «своего» князя Мала вдову убитого имя «рускаго» князя Игоря: «рѣша же древляне: «се князя убихомъ рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Маль...»»¹³⁶. В ней убитый киевский князь Игорь прямо противопоставлен «своему» древлянскому князю Малу в качестве «князя рускаго».

Сведения Константина Багрянородного о взаимоотношениях Киева и северян отчасти подтверждаются данными археологии. Согласно проигнорированным Лушиным выводам известной ему (с. 84, примеч. 20-21) работы А. В. Комара: «В расположенном на пересечении Деснинского и Сейминского речных путей Чернигове практически отсутствуют находки предметов из Балтийского, Волжско-Камского регионов и Подонья; ограничен здесь и круг византийских предметов. В погребениях и поселенческих слоях X в. нет торгового инвентаря, в изобилии представленного в соседней Шестовице. Функции Чернигова, несомненно, не были связаны с торговлей, а образование столь крупного

древнерусского военизированного города на пограничье целиком обусловлено его административным предназначением как опорного центра сбора даней с племен северян и радимичей, подчиненных в 80-х гг. IX в. князем Олегом»¹³⁷. Интересно, что «возведение первого городища на Детинце» относится именно к рубежу IX–X вв.¹³⁸, а появление во второй половине X в.¹³⁹ в Чернигове новых укреплений, скорее, отражало развитие Чернигова в качестве центра сбора дани в пользу Киева, а не обособление его от Матери городов русских.

Повесть временных лет отмечает, что княгиня Ольга после победы над древлянами в середине X в. обзавелась в землях северян – по р. Десне – угодьями для ловли птиц, а также селом Ольжичи, сохранившим свое существование до времени работы летописца¹⁴⁰. Таким образом, середину X ст. можно рассматривать как время укрепления влияния киевских князей в Подесенье.

Интересно, что, несмотря на проживание в Чернигове северян – носителей роменской культуры, пользующихся своей характерной лепной посудой, их погребальный обряд был слабо выражен в черниговском некрополе, отразившись лишь в 2-х курганах – Гульбище и Безымянном в виде погребения в верхней части насыпи, в синтезе с древнерусским обрядом кремации на месте¹⁴¹. Это, по-видимому, говорит о достаточно сильной зависимости северян от киевского влияния. В Любиче, не являвшемся столь значимым административным центром, погребальный обряд местного северянского населения выражен в более чистом виде: помимо погребения в верхней части насыпи, кремация тоже проводилась на стороне, в соответствии с характерными погребальными традициями роменской культуры¹⁴².

Время появления крупных черниговских курганов В. Г. Лушин произвольно относит ко второй половине X в. (с. 82-84): середину X. в. Лушин

¹³⁴Тихомиров М. Н. Пособие по изучению Русской Правды. М., 1953. С. 73.

¹³⁵«Вполне возможно, что правы те исследователи, которые усматривали в «русине» представителя господствующего варяжско-русского «племени». Тогда выстраивается ряд: варяжский представитель руси, (русин); славянский представитель руси, член общины (словенин)» (Цит. по: Пузанов В. В. Древнерусская государственность... С. 298. Примеч. 73).

¹³⁶Цит. по: ПВЛ. С. 27.

¹³⁷Комар А. В. Чернигов и нижнее Подесенье. С. 345.

¹³⁸Там же. С. 341.

¹³⁹Там же.

¹⁴⁰ПВЛ. С. 29.

¹⁴¹Комар А. В. Чернигов и нижнее Подесенье. С. 342-343, 345.

¹⁴²Там же. С. 357.

бездоказательно характеризует как «время, предшествующее сооружению здесь больших курганов», а всех погребенных в этих курганах без какой-либо аргументации относит к числу «лиц, правящих на Днепровском Левобережье во второй половине X столетия» (с. 83), «вероятность существования» которых – «автономных или независимых от Киева правителей» – может быть хронологически ограничена второй половиной X столетия и может быть первыми годами XI в.» (с. 84). Эти утверждения не подтверждаются данными археологических изысканий. Наоборот, согласно указанной статье А. В. Комара, вещественный комплекс крупного черниговского кургана Гульбище датируется серединой X столетия¹⁴³. При этом верхняя хронологическая граница возведения больших черниговских курганов может быть отнесена к 1025 г. – с учетом вышеупомянутой новейшей датировки кургана Черная могила 980-1025 гг. Сказанное заставляет отказаться от доверия к местной легенде о погребенном в Черной могиле основателе Чернигова князе Черном (которой, видимо, отдает дань В. Г. Лушин)¹⁴⁴ – даже из числа больших черниговских курганов Черная могила оказывается не самой древней. С другой стороны, в средневековых источниках данный курган под этим названием не упоминается, как и князь Черный. Летописное упоминание некой Черной могилы / Черных могил под 1147 г. в действительности не имеет отношение к Чернигову¹⁴⁵. А предание о похороненном в Черной могиле основателе Чернигова князе Черном впервые зафиксировано в конце XVIII в. А. Ф. Шафонским, причем тот указал существование и иной версии

этимологии названия г. Чернигова — от «черного леса»¹⁴⁶. Более того, стоит отметить, что название «Черная могила» закрепилось за известным черниговским курганом позднее XVIII в.: в конце столетия. Шафонский отмечал, что «по нынѣ стоять подь самыѣ симъ городомъ двѣ не малыя могилы: одна за старымъ землянымъ валомъ, близъ торговыхъ лавокъ и острога; а другая противъ самого Успенскаго Елецкаго монастыря, въ саду, ему принадлежащемъ. Но которая изъ сихъ черная называется, никто теперь не знаетъ»¹⁴⁷. Таким образом, местная легенда о погребении в Черной могиле основателя Чернигова не имеет надежной связи со Средневековьем и может быть относительно новой, вроде легенды о знаменитом крупном ладожском кургане как могиле Вещего Олега¹⁴⁸.

Делая ответственные и при этом совершенно бездоказательные утверждения о невозможности включения северян – «пактиотов» в состав черниговской элиты (с. 81) и погребенной в крупных черниговских курганах «династии» (с. 84)¹⁴⁹, В. Г. Лушин опять же не обратил внимания на наблюдения археологов об этническом характере погребальных обрядов и инвентаря черниговских курганов. Между тем, как уже отмечалось выше со ссылкой на известную Лушину работу А. В. Комара, в больших курганах Гульбище и Безымянный имел место северянский погребальный обряд в синтезе с древнерусским. Это, с одной стороны, свидетельствует о слабой сохранности северянских погребальных обычаев, находившихся под значительным давлением древнерусских. А с другой

¹⁴³ Там же. С. 343.

¹⁴⁴ Судя по всему, В. Г. Лушин относится к этому сомнительному преданию с некоторым доверием: в статье о датировке Черной могилы Лушин не упоминает о датировках прочих крупных черниговских курганов, но относит все большие курганы вместе с Черной Могилой ко второй половине X – первым годам XI в. Создается впечатление, что автор не рассматривал возможность появления других крупных черниговских курганов раньше Черной могилы (Лушин В. Г. К вопросу о дате Черной могилы // История. Археология. Культура. Материалы и исследования. Зимовники, 2019. С. 30). В рецензируемой статье Лушин a priori пишет, что именно «знаменитый курган Черная могила» «прежде всего» «служит» «основанием для выделения» черниговского протогосударственного образования (с. 80)

¹⁴⁵ Васюта О. О. К вопросу об интерпретации известия Ипатьевской летописи о черной могиле (1147 г.) // Русский сборник. Т. 9. 2019. С. 181-183.

¹⁴⁶ Шафонский А. Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России. Киев., 1851. С. 247-248; Васюта О. О. К вопросу об интерпретации. ... С. 180-183.

¹⁴⁷ Шафонский А. Ф. Черниговского наместничества... С. 247.

¹⁴⁸ О т. н. Олеговой могиле см: Бландов А. А. «Там, говорят, похоронен кто-то в этих сопках...»: предания о погребении князя Рюрика и Олега в Старой Ладобе // Петербургские исследования. № 6. 2016.

¹⁴⁹ В новейшей заметке о черниговских князьях X в. Лушин делает существенную оговорку: «Этих, пока еще гипотетических, правителей (реальность их существования весьма вероятна, но в настоящее время не доказуема) можно было бы считать Династией первого Черниговского княжества, будь уверенность в том, что они не принадлежали к Рюриковичам. Ввиду отсутствия данных об этом, корректнее именовать их Династией погребенных в черниговских больших курганах» (Цит. по: Лушин В. Г. Зарисовки по истории Руси. С. 52-53. Примеч. 21). Можно ли в этой связи неизвестных лиц уверенно считать одной династией, то есть родственниками? А если допустить, что это были Рюриковичи – то можно ли уверенно писать об их значительной независимости от Киева?

стороны – о возможной вовлеченности в управление Черниговом отдельных местных выходцев. Знаменитую фигурку из Черной Могилы обычно интерпретируют как идола скандинавского бога Тора¹⁵⁰, и такая интерпретация, вопреки предвзятому мнению В. Г. Лушина, является наиболее обоснованной¹⁵¹. В таком случае можно считать

¹⁵⁰Историю вопроса см., напр.: Мурашева В. В., Орфинская О. В., Лобода А. Ю. «Новая история» «идола» из кургана Черная могила (X в.) // Российская археология. № 1. 2019. С.74-76.

¹⁵¹В. В. Мурашева, О. В. Орфинская и А. Ю. Лобода не исключают правоту версии, согласно которой эта фигурка была не идолом, а игровой фишкой, отмечая наличие в вещественном комплексе Черной могилы стеклянных и костяных шашек (там же. С. 76-77, 81), но в то же время призывают «обратить внимание на тот факт, что сияющий золотом «идол» был снят с кострища и помещен в верхнюю часть насыпи», что, безусловно, говорит об особом внимании к предмету, явно выходящему за пределы отношения к игровой фишке», и замечают, что «ни стеклянные, ни костяные шашки» в состав «комплекса» «у вершины кургана» «не вошли» (там же. С. 81). А если фигурка не играла роль типичной игровой фишки и была найдена не в той части кургана, где стеклянные и костяные шашки, то интерпретация ее как игровой фишки оказывается крайне маловероятной и, во всяком случае, наиболее умозрительной. Вероятно, авторы сами это ощущают, далеко не всегда заключая слово «идол» в кавычки. В. Г. Лушин, выборочно ссылаясь на эту работу, обходит этот момент стороной и походя отдает явное предпочтение версии о принадлежности «идола» к игровому набору (Лушин В. Г. К вопросу о дате Черной могилы. С. 22. Примеч. 1). Ссылаясь на эту статью, Лушин отметил лишь то, что «в ходе реставрации, выполненной в 2011 г., выявлена поза этого персонажа – он сидит со скрещенными босыми ногами (правая лежит сверху), что позволяет говорить о восточном влиянии [Мурашева В. В. и др., 2019, с. 77]» (там же. С. 21. Примеч. 1), игнорируя другие важные замечания данных авторов о том, что после реставрации 2011 г. был полностью подтвержден вывод Т. А. Пушкиной о принадлежности этой сидячей фигурке к кругу североевропейских древностей (Мурашева В. В., Орфинская О. В., Лобода А. Ю. «Новая история» «идола»... С. 75), а еще в результате анализа 1990-х гг. было выявлено наличие золота в составе идола, что позволило соотнести его со скандинавской ремесленной традицией золочения бронзовых предметов (там же), и что наиболее акцентированная часть деталь изображения Тора – борода позволяет отождествлять фигурку с этим божеством (там же. С. 76).

Черную могилу захоронением выходца из Скандинавии¹⁵². Конечно, нет основания исключать возможности, что погребенные во всех этих разных крупных курганах лица находились между собой в некотором родстве. Но вместе с тем безоговорочно относить их к одной «династии» (даже в форме предположения) не приходится.

При этом попытки Лушина доказать, что в этих больших курганах были похоронены не киевские княжеские посадники, «автономные или (?! – авт.) независимые» от Киева правители», представляется несколько противоречивой. Так, В. Г. Лушин пытается всячески доказать, что таких высоких курганов, как в Чернигове, на Руси почти не встречалось, отмечая, что «к сопоставимым по размерам с Черной могилой насыпям может быть отнесен только гнездовский курган № 24, который в 1905 г. имел высоту около 8 м», в то время как «единственный из известных крупных киевских курганов достигал около 6 м высоты» (с. 84). Вместе с тем тут же автор отмечает, что уже к 1950 г., к началу раскопок Д. А. Авдусина, высота гнездовского кургана уже составляла всего 6,7 м (там же), то есть стала сопоставима с киевским. Но если тысячелетний курган за сравнительно незначительный промежуток времени длиной менее полувека столь заметно осыпался, то все ли остальные курганы сохранили до настоящего времени свою историческую высоту, и можно ли утверждать, что в X в. на Руси не существовало погребальных памятников, соразмерных черниговским? Тем более что не все курганы

¹⁵²Скандинавские верования на Руси среди славянского населения не получили большого распространения. В договоре Игоря с Византией, «Молитве» митрополита Иллариона и в некоторых русских законодательных памятниках отразилось влияние фризского права и фризских клятв (Губарев О. Л. 1) Дондеже солнце съезьт и весь мирь стоить» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.) // Valla. Т. 3. № 3. 2017; 2) По «Закону русскому» (к вопросу о сравнительном изучении древнерусского и древнескандинавского права и Lex Frisionum // Novogardia. № 1 (5). 2020; Молдован А. М. Молитва в структуре Синодального списка сочинений Илариона // Словоѣне. Международный славистический журнал. Московский педагогический государственный университет. Т. 7. № 1. 2018). Но скандинавских имен богов в них не упоминается. И бог-громовержец носит славянское имя «Перун», а не скандинавское «Тор».

сохранились до наших дней¹⁵³. К полностью утраченным памятникам, к примеру, относится известный В. Г. Лушину (там же) черниговский курган Княжны Черной.

В этой связи попытки изобразить погребенных в больших черниговских курганах как уникальные погребения независимых от Киева местных правителей не представляются убедительными. Тем более, что если среди черниговских управителей X – первой четверти XI были выходцы из августейших семейств Северной и Восточной Европы, то и подчиняясь власти киевских князей, они имели основания быть похороненными у себя в Чернигове с королевскими почестями не хуже скандинавских конунгов.

В заключение остается отметить, что рецензируемую статью В. Г. Лушина, несмотря на то, что она издана в научном сборнике и оформлена как научный труд, сложно отнести к числу научных трудов, она основана на ряде бездоказательных утверждений, субъективной трактовке источников, некорректном использовании терминологии, а также незнании (или невнимании) к историографии.

¹⁵³*Петрухин В. Я.* Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. М., 2017. С. 316-317.

Библиография

Источники:

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.

Повесть временных лет. СПб., 1996.

ПСРЛ. Т. 7. Воскресенская летопись. СПб., 1856.

Текст о русских купцах по Ибн Хордадбеху (перевод В. Розена) // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Текст варианта Ибн ал-Факиха по рукописи, изданной А. Шперегером (перевод А. Я. Гаркави) // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Текст Ибн ал-Факиха по Мешхедской рукописи // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Текст о русах из сочинения Ибн Русте «ал-А'лак ан-нафиса» // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Текст о русах из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Тихомиров М. Н. Пособие по изучению Русской Правды. М., 1953.

Литература:

Абрамович Г. В. К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадийности его перехода в развитой феодализм // ИСССР. № 2. 1981.

Атанов П. А. К вопросу о «Призвании варягов» // Вестник СПбГУ. Вып. 3. Сер. 2. 2007.

Атанов П. А. К вопросу о месте захоронения Рюрика: Урочище Плакун // Петербургские исследования. № 5. 2015.

Андрощук Ф. Древлянская земля в межрегиональных контактах IX–X вв. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Збірка наукових праць. Т. I. / Голов. ред. О. П. Моця. Коростень, 2008.

Арістов В. До питання про «хронологічну симетрію» Повісті временних літ // Ruthenica. Т. XI. 2012.

Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии : география начальной (Несторовой) летописи / исслед. Н. П. Барсова, э. о. проф. и библиотекаря Имп. Варшавского ун-та. — 2-е изд., испр. и доп. алф. указ. Варшава, 1885.

Бландов А. А. «Там, говорят, похоронен кто-то в этих сопках...»: предания о погребении князя Рюрика и Олега в Старой Ладогe // Петербургские исследования. № 6. 2016.

Васюта О. О. К вопросу об интерпретации известия Ипатьевской летописи о Черной могиле (1147 г.) // Русский сборник. Т. 9. 2019.

Верхотуров Д. Н. Остроумие против археологии // Valla. Т. 3. № 2. 2017.

Войтович Л. В. Рюрик: легенды и действительность // Исследования по русской истории и культуре: сб. ст. к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Отв. ред. Ю. Алексеев, А. Дегтярев, В. Пузанов. М., 2006.

Войтович Л. В. Рюрик и происхождение династии Рюриковичей: новые дополнения к старым спорам // Русин. № 1. 2013.

Вілкул Т. Л. Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. К., 2015.

Вілкул Т. Л. Нові біблійні запозичення у Повісті временних літ: книги пророків // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 15.

Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989.

Горский А. А. Русское средневековье. М., 2010.

Горский А. А. «Клады викингов» на франкской земле и начальная история Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (53). 2013.

- Губарев О. Л.* «Пояша по собе всю русь»: что подразумевала эта фраза? // *Valla*. Т. 2. № 3. 2016.
- Губарев О. Л.* Дондеже солнце съяеть и весь миръ стоять» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.) // *Valla*. Т. 3. № 3. 2017.
- Губарев О. Л.* Новый взгляд на сообщения восточных источников о Руси на Востоке и на Западе // *Valla*. Т. 3. № 4. 2017.
- Губарев О. Л.* Две Руси IX века: свеоны 839 г. и даны Рюрика // *Valla*. Т. 3. № 6. 2017.
- Губарев О. Л.* И снова о Рюрике, пришедшем «из-за моря» // *Valla*. Т. 4. № 3. 2018.
- Губарев О. Л.* Так был Олег великим князем Руси или воеводой Игоря? (к вопросу о соответствии результатов текстологических исследований по методу А. А. Шахматова и исследований исторического процесса образования древнерусского государства) // *Novogardia*. № 1. 2019.
- Губарев О. Л.* Рюрик Скьельдунг. СПб, 2019.
- Губарев О. Л.* По «Закону русскому» (к вопросу о сравнительном изучении древнерусского и древнескандинавского права и *lex frisionum*) // *Novogardia*. № 1 (5). 2020.
- Губарев О. Л.* К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика // *Novogardia*. № 2 (6). 2020.
- Губарев О. Л.* Генрик Ловмянский и его критика гипотезы тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского // *Novogardia*. № 4 (8). 2020.
- Данилевский И. Н.* «Добру и злу внимаая равнодушно...»? (Нравственные императивы древнерусского летописца) // *Альфа и Омега: Уч. зап. О-ва для распространения Свящ. Писания в России*. № 3(6). 1995.
- Еремеев И. И.* Новгородские сопки и курганы Средней Швеции: проблемы сравнительного исследования // *У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции 4-7 октября 2005 г. Великий Новгород, СПб., 2007.*
- Елиферова М. В.* Рюриково городище: что же откопали на самом деле? // *Valla*. Т. 4. № 3. 2018.
- Звіздецький Б. А.* Про час виникнення та соціальну типологію літописних «градів» Древліанської землі // *Український історичний журнал*. Вип. 3 (№ 349). 1990.
- Звіздецький Б. А.* Про деякі особливості древліанських городищ VIII–X ст. // *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Збірник наукових праць*. К., 2004.
- Звіздецький Б. А.* Городища IX–XIII вв. на території літописних древліан. К., 2008.
- Звіздецький Б. А., Петраускас О. В., Польгуй В. И.* Нові дослідження стародавнього Іскоростеня // *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Збірка наукових праць*. К., 2004.
- Карпов А. Ю.* Княгиня Ольга. М., 2009.
- Касиковы Х. и А.* Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике Датчанине // *Скандинавский сборник*. XXXIII. Таллин, 1990.
- Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги: (Русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // *Славяне и скандинавы*. М., 1986.
- Кирпичников А. Н.* Сказание о призвании варягов. Анализ и возможности источника // *Первые скандинавские чтения*. СПб., 1997.
- Комар А. В.* Киев и Правобережное Поднепровье // *Русь в IX–X вв.: археологическая панорама*. М.–Вологда, 2012.
- Комар А. В.* Чернигов и нижнее Подесенье // *Русь в IX–X вв.: археологическая панорама*. М.–Вологда, 2012.
- Конечный В. Я.* Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII–X вв. // *Славяне. Этногенез и этническая история*. Л., 1989.
- Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. Л., 1985.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Почему варяг Якун «отбеже луды златое»? Сцены Лиственской битвы 1024 г. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. № 1 (63). 2016.
- Лукин П. В.* Новгородское вече. М., 2014.
- Лукин П. В.* «Но преблагии Богъ не хотя смерти грѣшникомъ...»: начальное летописание об эпохе Владимира Святого и литературные параллели летописным рассказам // *Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы Международной научной*

конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. М., 2017.

Лукин П. В. Великий Новгород // Slověne = Словѣне. № 2. 2018.

Лукин П. В. Новгородское вече. 2-е издание, переработанное и дополненное. М., 2018.

Лушин В. Г. Подвеска из Пскова, «христианские» псевдодирхамы и летописная хронология // Нумизматика Старого Света. Кн. I. Зимовники, 2016.

Лушин В. Г. Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: контексты летописных текстов. Зимовники, 2016.

Лушин В. Г. Рюрик // Историко-археологические записки. Кн. III. Зимовники, 2016.

Лушин В. Г. Легенда о призвании варягов и ее главный герой // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Сборник научных статей. Кн. I. Зимовни, 2017.

Лушин В. Г. 6411 (903) и 6453 (945) годы в структуре летописных датировок событий X века // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Сборник научных статей. Кн. I. Зимовники, 2017.

Лушин В. Г. К вопросу о дате Черной могилы // История. Археология. Культура. Материалы и исследования. Зимовники, 2019.

Лушин В. Г. Приглашение варяжских князей // Rossica & Slavica. Сборник статей и материалов. 2021 г. Ростов-на-Дону–Зимовники, 2021.

Лушин В. Г. Зарисовки по истории Руси // Rossica & Slavica. Сборник статей и материалов. 2021 год. Ростов-на-Дону–Зимовники, 2021.

Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии и фольклористики. Л., 1986.

Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь, русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура русского Севера. Л., 1988.

Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннем средневековье. М., 2002.

Молдован А. М. Молитва в структуре Синодального списка сочинений Илариона // Словѣне. Международный славистический журнал. Московский педагогический государственный университет. Т. 7. № 1. 2018.

Молчанов А. А. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюри-ковичей // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. [IV] Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992 г. Тезисы докладов. М., 1992.

Мурашова В. В., Орфинская О. В., Лобода А. Ю. «Новая история» «идола» из кургана Черная могила (X в.) // Российская археология. № 1. 2019.

Назаренко А. В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.

Назаренко А. В. Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016.

Неретин Ю. А. Нумерология Киевской Руси.

URL: <https://www.mat.univie.ac.at/~neretin/misc/tolochko.html> (дата обращения: 10. 11. 2021).

Несин М. А. Вече в Северо-Восточной Руси после Батыева нашествия // Европа в Средние века и раннее Новое время, общество, власть, идеология и культура. Материалы Всероссийской с международным участием конференции молодых ученых: Ижевск, 2-3 декабря 2013 г. Ижевск, 2014.

Несин М. А. Некоторые черты социальной трансформации в X–XI вв. в восточнославянском обществе в летописной социальной терминологии // Исторический формат. № 2. 2015.

Несин М. А. Северо-Восточная Русь при монголах // Valla. Т. 2. № 6. 2016.

Несин М. А. Институт новгородских тысяцких в XII–XV вв. // Диссертация на соискательство ученой

степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2018.

Нефедов В. С. Смоленские кривичи и Русь: североевропейские и древнерусские изделия в смоленских длинных курганах // Труды III (XIX) Всероссийского Археологического съезда. Великий Новгород–Старая Русса. Т. II. СПб.–М.–Великий Новгород, 2011.

Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследования. СПб., 2017.

Петров М. И., Соболев В. Ю. «Город живых» и «город мертвых»: к вопросу о локализации раннего могильника Новгорода // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 33. Материалы 63-го заседания (18–20 апреля 2017 г.) М.–Псков, 2018.

Петрухин В. Я. Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. М., 2017.

Пилипчук Я. В. О некоторых случаях использования этнонима «сакалиба» // Valla. Т. 3. № 2. 2017.

Платонова Н. И. Рюриково городище в контексте новых исследований. Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017 // Российская археология. № 2. 2019.

Попов В. А. Параполитейность как вариант становления вторичной государственности в предколониальной Западной Африке // Русский сборник. Вып. 8. Т. 2 (К 60-летию проф. Е. А. Шинакова). Брянск, 2008.

Пузанов В. В. О спорных вопросах изучения генезиса восточнославянской государственности в новейшей отечественной историографии // Средневековая и новая Россия: К 65-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996.

Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкции. Ижевск, 2007.

Пузанов В. В. Образование древнерусского государства в восточноевропейской историографии: учебное пособие. Ижевск, 2011.

Пузанов В. В. «Посла ны дерьвьска земл а. . . » к проблеме типологии «Летописных племен» // Ученые записки Казанского университета. Т. 156. № 3. 2014.

Пчелов Е. В. Рюрик. М., 2010.

Пчелов Е. В. Олег Вещий. М., 2018.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

Рыбина Е. А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода // Новгородский исторический сборник. № 3 (18). 1989.

Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

Свердлов М. Б. Rorik (Hrōrik) i Gordum // Восточная Европа в древности и средневековье: Древняя Русь в системе этнических и культурных связей. VI Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1994

Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003.

Скобелев А. В. «Люди» в системе социальных связей восточнославянского общества VI – первой трети XIII в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ижевск, 2010.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том второй. Л.–П. СПб., 1902.

Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины. Военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012.

Толочко О. П. [Рецензия на:] Историко-археологические записки, отв. ред. Е. П. Токарева. Кн. 1. Зимовники: Зимовнический краеведческий музей, 2010 // Ruthenica. Т. X. 2011.

Толочко А. П. Очерки начальной Руси. К.–СПб., 2015.

Толочко П. П. Ранняя Русь: археология и история. СПб., 2013.

Харьковский И. А. Происхождение Рюрика в свете уточнения дат его призвания и смерти // Valla. Т. 3. № 1. 2017.

Хлезов А. А. Еще раз о Рюрике // История и культура средних веков: актуальные проблемы: тезисы докладов XXI межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб.,

РЮРИК И ПРОТОГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ (РЕЦ. НА: ЛУШИН В. Г. ВАРЯГИ ИЗ «ЗАМОРЬЯ», ЛЕТОПИСНАЯ ЛЕГЕНДА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ «ЭПОХЕ РЮРИКА» // ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. ЗИМОВНИКИ, 2020. С. 53-75; ЛУШИН В. Г. О ПРЕДГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ НА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ // ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. ЗИМОВНИКИ, 2020. С. 76-88)

2002.

Шафонский А. Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России. Киев, 1851.

Щавелев А. С. «Племена» восточных славян: этапы завоевания и степень зависимости от державы Рюриковичей в X в. // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. М., 2017.

Щавелев А. С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 годы). М., 2020.

Щавелев А. С., Фетисов А. А. К исторической географии Восточной Европы IX в. – 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015. Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М. 2017.

Щанов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972.

Янин В. Л. Тайственный X век // Знание–сила. № 2. 1969.

Hedenstierna-Jonson Ch. Creating a Cultural Expression: On Rus' Identity and Material Culture // Identity Formation and Diversity in the Early Medieval Baltic and Beyond: Communicators and Communication. The Northern World; Vol. 75. Ed. / Johan Callmer; Ingrid Gustin; Mats Roslund. Leiden-Boston, 2017.

Maund K. L. A Turmoil of Warring Princes. Political Leadership in Ninth-century Denmark // The Haskins Society journal. Vol. 6. 1994. P. 29–48.

Сведения об авторах

Губарев Олег Львович, колумнист газеты ученых «Троицкий вариант–Наука», автор книг «Рюрик Скьельдунг» и «Начальная Русь на пути «из варяг в греки»», Санкт-Петербург (Россия). Область научных интересов: Древняя Русь IX–X вв.

E-mail: LvovichG@rambler.ru

Несин Михаил Александрович, кандидат исторических наук, ученый секретарь межрегиональной организации «Историческое сознание», г. Санкт-Петербург (Россия). Область научных интересов: история и историческая география Средневековой Руси.

E-mail: petergof-history@mail.ru

O. L. Gubarev, M. A. Nesin

RURIK AND PROTO-STATE FORMATIONS IN THE EASTERN SLAVIC LANDS (REVIEW ON: LUSHIN V. G. VARANGIANS FROM THE “OVERSEAS”, CHRONICLE LEGEND AND ARCHAEOLOGICAL DATA ABOUT THE “ERA OF RURIK”. HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL COLLECTION. ZIMOVNIKI, 2020. PP. 53-75; LUSHIN V. G. ON PRE-STATE FORMATIONS IN THE EAST SLAVIC LANDS. HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL COLLECTION. ZIMOVNIKI, 2020. PP. 76-88.)

Annotation: This work is a review of the articles by V. G. Lushin “Varangians from the ‘Overseas’, chronicle legend and archaeological data about the ‘era of Rurik’” and “On pre-state formations in the East Slavic lands”, published in 2020 in the collection of the Zimovniki Museum of Local Lore “Historical and Archaeological collection”. According to the reviewers' conclusion, V. G. Lushin's new arguments “against” the possibility of hypothetical identification of the chronicler's Rurik with the Rerik of Friesland do not seem convincing. And the works of V. G. Lushin about Rurik with arbitrary interpretations of sources, a priori judgments, a number of ambiguous arguments, a vague idea

of what can and cannot be considered a political center and whether this center should be in proto-state education, seem difficult to be recognized as qualitative scientific research claiming to solve controversial issues of the history of early medieval Eastern Europe. And V. G. Lushin's article on pre-state formations, despite the fact that it is published in a scientific collection and framed as a scientific work, is difficult to attribute to the number of scientific works. It is based on a number of unsubstantiated statements, subjective interpretation of sources, incorrect use of terminology, as well as ignorance of (or inattention to) historiography.

Keywords: Rurik, proto-state formations, Iskorosten, Chernihiv.

References

Sources:

Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv. [Old Russian princely charters of XI–XV centuries]. Moscow, 1976. (In Russian)

Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Acts of of Velikiy Novgorod and Pskov]. Moscow–Leningrad, 1949. (In Russian)

Konstantin Bagryanorodnyi. Ob upravlenii imperieii [On the government of the empire]. Moscow, 1991. (In Russian)

Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years]. St. Petersburg, 1996. (In Russian)

PSRL. Vol. 7. Voskresenskaya letopis' [Voskresenskaya Chronicle]. St. Petersburg, 1856. (In Russian)

Tekst o russkikh kuptsakh po Ibn Khordadbehu (perevod V. Rozena) [The text about Russian merchants by Ibn Khordadbeh (translated by V. Rosen)]. Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. Moscow, 1965. (In Russian)

Tekst varianta Ibn al-Fakikha po rukopisi, izdannoi A. Shperegerom (perevod A. Ya. Garkavi) [The text of the version of Ibn al-Faqih according to the manuscript published by A. Shpereger (translated by A. Ya. Garkavi)]. Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. Moscow, 1965. (In Russian)

Tekst Ibn al-Fakikha po Meshkhedskoi rukopisi [The text of Ibn al-Faqih according to the Mashhad manuscript]. Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. Moscow, 1965. (In Russian)

Tekst o rusakh iz sochineniya Ibn Ruste “al-A'lak an-nafisa” [The text about Russ from the work of Ibn Rust “al-A'lak an-nafisa”]. Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. Moscow, 1965. (In Russian)

Tekst o rusakh iz sochineniya Gardizi “Zain al-akhbar” [The text about Russ from Gardizi's essay “Zain al-Akhbar”]. Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie. Moscow, 1965. (In Russian)

Tikhomirov M. N. Posobie po izucheniyu Russkoi Pravdy [Handbook for the Study of Russian Truth]. Moscow, 1953. (In Russian)

Researches:

Abramovich G. V. K voprosu o kriteriyakh rannego feodalizma na Rusi I stadial'nosti ego perekhoda v razvitoi feodalizm [On the question of the criteria of early feudalism in Russia and the reality of its transition to developed feudalism]. Istoriya SSSR. No. 2. 1981. (In Russian)

Atanov P. A. K voprosu o «Prizvanii varyagov» [To the question of the "Vocaling of the Varangians"]. Vestnik SPbGU. Vyp. 3. Ser. 2. 2007. (In Russian)

Atanov P. A. K voprosu o meste zahoroneniya Ryurika: Urochishche Plakun [On the question of the burial place of Rurik: the area of Plakun]. Peterburgskie issledovaniya. No 5. 2015. (In Russian)

Androshchuk F. Drevlyanskaya zemlya v mezhregional'nykh kontaktakh IX–X vv. [Drevlyanskaya land in interregional contacts of the IX–X centuries]. Starodavnii Iskorosten' i slov'yans'ki gradi. Zbirka naukovih prats'. Vol. I. Ed. by O. P. Motsya. Korosten', 2008. (In Ukrainian)

Aristov V. Do pitannya pro “khronologichnu simetriyu” Povisti vremennih lit [To the question about “chronological symmetry” of the Tale of bygone years]. Ruthenica. Vol. XI. 2012. (In Ukrainian)

Barsov N. P. Ocherki russkoj istoricheskoy geografii : geografiya nachal'noj (Nestorovoj) letopisi

[Essays on Russian historical geography: geography of the initial (Nestorian) chronicle] / issled. N. P. Barsova, e. o. prof. i bibliotekarya Imp. Varshavskago un-ta. — 2-e izd., ispr. i dop. alf. ukaz. Varshava, 1885. (In Russian).

Blandov A. A. “Tam, govoryat, pokhoronen kto-to v etikh sopkakh...”: predaniya o pogrebenii knyazya Rurika i Olega v Staroi Ladoge [“They say someone is buried there in these hills...”: legends about the burial of Prince Rurik and Oleg in Staraya Ladoga]. Peterburgskie issledovaniya. No. 6. 2016. (In Russian)

Vasyuta O. O. K voprosu ob interpretatsii izvestiya Ipat'evskoi letopisi o chernoii mogile (1147 g.) [On the question of interpretation of the information of the Ipatievskaya Chronicle about the Black Grave (1147)]. Russkii sbornik. Vol. 9. 2019. (In Russian)

Verkhoturov D. N. Ostroumie protiv arkheologii [Wit against Archeology]. Valla. Vol. 3. No. 2. 2017. (In Russian)

Vilkul T. L. Litopis' i khronograf. Studii z domongol's'kogo kiivs'kogo litopisannya [Chronicle and chronograph. Extracts from the pre-Mongolian Kyiv Chronicle]. Kyiv, 2015. (In Ukrainian)

Vilkul T. L. Novi bibliini zapozichennya u Povisti vremennih lit: knigi prorokiv [New biblical borrowings in the tale of bygone years: the books of the prophets]. Ukraina v Tsentral'no-Skhidnii Evropi. Iss. 15. Kyiv, 2015. (In Ukrainian).

Vojtovich L. V. Rurik: legendy i dejstvitel'nost'. [Rurik: legends and reality]. Issledovaniya po russkoj istorii i kul'ture: sb. st. k 70-letiyu professora Igorya YAkovlevicha Froyanova / Otv. red. YU. Alekseev, A. Degtyarev, V. Puzanov. Moscow, 2006. (In Russian).

Vojtovich L. V. Rurik i proiskhozhdenie dinastii Rurikovichej: novye dopolneniya k starym sporam [Rurik and the origin of the Rurik dynasty: new additions to old disputes]. Rusin. No 1. 2013. (In Russian).

Gorskii A. A. Drevnerusskaya družhina [Old Russian družhina]. Moscow, 1989. (In Russian)

Gorskii A. A. Russkoe srednevekov'e. [Russian Middle Ages]. Moscow, 2010. (In Russian).

Gorskij A. A. “Klady vikingov” na frankskoj zemle i nachal'naja istorija Rusi [“Hoards of Vikings” in Frank's land and the initial history of Rus]. Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. No 3 (53). 2013. (In Russian).

Gubarev O. L. «Pojasha po sobe vsju rus'»: chto podrazumevala jeta fraza? // Valla. Vol 2. No 3. 2016. (In Russian).

Gubarev O. L. “Dondezhe solntse s'yayet' i ves' mir stoit” (magicheskaya formula v dogovore Rusi s grekami 945 g.) [“Until the sun shines and the whole world stands” (magic formula in the agreement between Rus' and Greeks in 945)]. Valla. Vol. 3. No. 3. 2017. (In Russian).

Gubarev O. L. Novyj vzglyad na soobshcheniya vostchnyh istochnikov o Rusi na Vostoke i na Zapade [A new opinion on the reports of Eastern sources about Russia in the East and in the Wes]. Valla. Vol 3. No 4. 2017. (In Russian).

Gubarev O. L. Dve Rusi IX veka: sveony 839 g. i dany Rurika (Two Rus'es of the IX century: sveons of 839 and Danes of Rurik] Valla. Vol. 3. No 6. 2017. (In Russian).

Gubarev O. L. I snova o Rurike, prishedshem “iz-za morya” [Again about Rurik, who came “from across the sea”]. Valla. Vol. 4. No. 3. 2018. (In Russian)

Gubarev O. L. Tak byl Oleg velikim knyazem Rusi ili vovodoi Igorya? (k voprosu o sootvetstvii rezultatov tekstologicheskikh issledovaniy po metodu A. A. Shakhmatova i issledovaniy istoricheskogo protsessa obrazovaniya drevnerusskogo gosudarstva) [So was Oleg the Grand Duke of Russia or Igor's governor? (On the question of the correspondence of the results of textual studies by the method of A. A. Shakhmatov and studies of the historical process of the formation of the Old Russian State)]. Novogardia. No. 1. 2019. (In Russian).

Gubarev O. L. Rurik Sk'yol'dung [Rurik Skjoldung]. St. Petersburg, 2019. (In Russian).

Gubarev O. L. Po “Zakonu Russkomu” (k voprosu o sravnitel'nom izuchenii drevnerusskogo i

drevneskandinavskogo prava i Lex Frizionium) [To the “Russian law” (to the question of a comparative study of ancient Russian and ancient Scandinavian law and Lex Frisionum)]. *Novogardia*. No. 1 (5). 2020. (In Russian).

Gubarev O. L. K diskussii o plemennykh soyuzakh i politogeneze vostochnykh slavyan do Ryurika [On the discussion of tribal unions and the politogenesis of the Eastern Slavs before Rurik]. *Novogardia*. No. 2 (6). 2020. (In Russian).

Gubarev O. L. Genrik Lovmyanskij i ego kritika gmptezy tozhdestva Ryurika i Ryorika Frislandskogo [Henrik Lovmyanskiy and his criticism of the gmpteza of the identity of Rurik and Rorik Friesland] // *Novogardia*. No 4 (8). 2020

Danilevskij I. N. «Dobru i zlu vnimaya ravnodushno...»? (Nravstvennye imperativy drevnerusskogo letopisca) [“Listening to good and evil indifferently...”? (Moral imperatives of the Old Rus chronicler)] // *Al'fa i Omega: Uch. zap. O-va dlya rasprostraneniya Svyashch. Pisaniya v Rossii*. № 3(6). 1995. (In Russian).

Eremeev I. I. Novgorodskie sopki i kurgany Srednei Shvetsii: problemy sravnitel'nogo issledovaniya [Novgorod barrows and mounds of Central Sweden: problems of comparative research]. U istokov russkoi gosudarstvennosti: Istoriko-arkheologicheskii sbornik: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 4-7 oktyabrya 2005 g. Velikiy Novgorod. St. Petersburg, 2007. (In Russian)

Eliferova M. V. Ryurikovo gorodishche: chto zhe otkopali na samom dele? [Rurik's settlement: what was actually unearthed?]. *Valla*. Vol. 4. No. 3. 2018. (In Russian)

Zvzdets'kii B. A. Pro chas viniknennya ta sotsial'nu tipologiyu litopisnih “gradiv” Drevlyans'koi zemli [On the time of emergence and social typology of Chronicle “grads” of the Drevlyansky land]. *Ukraïns'kii istorichnii zhurnal*. Iss. 3. (No. 349). 1990. (In Ukrainian)

Zvzdets'kii B. A. Pro deyaki osoblivosti drevlyans'kih gorodishch VIII–X st. [On some features of drevlyansky ancient settlements of the VIII—X centuries]. *Starodavnii Iskorosten' i slov'yans'ki gradi. Zbirka naukovih prats'*. Kyiv, 2004. (In Ukrainian)

Zvzdets'kii B. A. Gorodishcha IX–XIII vv. na teritorii litopisnih drevlyan [Hillforts in IX–XIII centuries on the territory of the Chronicle drevlyans]. Kyiv. 2008. (In Ukrainian)

Zvzdets'kii B. A. Petrauskas O. V., Pol'gui V. I. Novi doslidzhennya starodavn'ogo Iskorostenya [New studies of ancient Iskorosten]. *Starodavnii Iskorosten' i slov'yans'ki gradi VIII–X st. Zbirka naukovih prats'*. Kyiv, 2004. (In Ukrainian).

Karpov A. Yu. Knyaginya Ol'ga [Princess Olga]. Moscow, 2009. (In Russian).

Kasikovy H. i A. Eshche raz o Ryurike Novgorodskom i Rorike Datchanine [Once again about Rurik of Novgorod and Rorik the Dane]. *Skandinavskij sbornik*. XXXIII. Tallin, 1990. (In Russian).

Kirpichnikov A. N., Dubov I. V., Lebedev G. S. Rus' i varyagi: (Russko-skandinavskie otnosheniya domongol'skogo vremeni) [Russia and the Varangians: (Russian-Scandinavian relations before the Mongol period)]. *Slavyane i skandiny*. Moscow, 1986. (In Russian).

Kirpichnikov A. N. Skazanie o prizvanii varyagov. Analiz i vozmozhnosti istochnika [The legend of the calling of the Varangians. Analysis and possibilities of the source]. *Pervye skandinavskie chteniya*. St. Peterburg, 1997. (In Russian).

Komar A. V. Kiev i Pravoberezhnoe Podneprov'e [Kyiv and the Right-Bank Dnieper]. *Rus' v IX–X vv.: arkheologicheskaya panorama*. Moscow–Vologda, 2012. (In Russian).

Komar A. V. Chernigov i nizhnee Podesen'e [Chernigov and lower Podesenye]. *Rus' v IX–X vv.: arkheologicheskaya panorama*. Moscow–Vologda, 2012. (In Russian).

Konetskii V. Ya. Novgorodskie sopki i problema etnosotsial'nogo razvitiya Priil'men'ya v VIII–X vv. [Novgorod barrows and the problem of ethnosocial development of the Priilmenye in the VIII–X centuries]. *Slavyane. Etnogenez i etnicheskaya istoriya*. Leningrad, 1989. (In Russian).

Lebedev G. S. Epoha vikingov v Severnoj Evrope. Istoriko-Arheologicheskie ocherki [Viking Age in Northern Europe. Historical and archaeological essays]. Leningrad, 1985. (In Russian).

Litvina A. F. Uspenskii F. B. Pochemu varyag Yakun “otbezhe ludy zlatoe”? Stseny Listvenskoi bitvy 1024 g. [Why Varangian Yakun “otbezhe ludy zlatoe”? Scenes of the Battle of Listven 1024]. *Drevnyaya Rus'*. *Voprosy medievistiki*. No. 1 (63). 2016. (In Russian)

Lukin P. V. “No preblagii Bog ne khotya smerti greshnikom...”: nachal'noe letopisanie ob epokhe

Vladimira Svyatogo i literaturnye paralleli letopisnym rasskazam [“But God is most gracious and does not wish death to sinners...”: the initial chronicle of the era of Vladimir the Saint and literary parallels to chronicle stories]. Rus' epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v pamyat' tysyacheletiya konchiny svyatogo ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira i muchenicheskogo podviga svyatykh knyazei Borisa i Gleba, Moskva, 14–16 oktyabrya 2015 g. Moscow, 2017. (In Russian)

Lukin P. V. Velikii Novgorod [Veliky Novgorod]. Slověne = Slovĕne. No. 2. 2018. (In Russian)

Lukin P. V. Novgorodskoe veche [Novgorod veche]. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow, 2018. (In Russian)

Lushin V. G. Podveska iz Pskova, “khristianskie” psevdodirkhamy i letopisnaya khronologiya [Pendant from Pskov, “Christian” pseudodirhams and chronology]. Numizmatika Starogo Sveta. Book I. Zimovniki, 2016. (In Russian)

Lushin V. G. Ryurik [Ryrik]. Drevnyaya Rus' v IX–XI vekah: konteksty letopisnykh tekstov. Zimovniki, 2016. (In Russian)

Lushin V. G. Ryurik [Ryrik]. Istoriko-arkheologicheskie zapiski. Book III. Zimovniki, 2016. (In Russian)

Lushin V. G. Legenda o prizvanii varyagov i eyo glavnyi geroi [The legend of the invitation of the Varangians and its main character]. Preistoriya. Drevnost'. Srednevekov'e. Issledovaniya po istorii, arkheologii, kul'ture. Sbornik nauchnykh statei. Kn. I. Zimovni, 2017. (In Russian).

Lushin V. G. 6411 (903) i 6453 (945) gody v strukture letopisnykh datirovok sobytii X veka [6411 (903) and 6453 (945) years in the structure of chronicle dating of events of the X century]. Preistoriya. Drevnost'. Srednevekov'e. Issledovaniya po istorii, arkheologii, kul'ture. Sbornik nauchnykh statei. Book I. Zimovniki, 2017. (In Russian).

Lushin V. G. K voprosu o date Chyornoj mogily [To the question of the date of the Black Grave]. Istoriya. Arkheologiya. Kul'tura. Materialy i issledovaniya. Zimovniki, 2019. (In Russian).

Lushin V. G. Varuagi iz “Zamoria”, letopisnaya legenda i arkheologicheskii dannye ob “epokhe Rurika” [Varangians from the “Overseas”, chronicle legend, and archaeological data about the “era of Rurik”]. Istoriko-arkheologicheskii sbornik. Zimovniki, 2020. (In Russian).

Lushin V. G. O predgosudarstvennykh obrazovaniyakh na vostochnoslavianskikh zemlyakh [On pre-state formations in the East Slavic lands]. Istoriko-arkheologicheskii sbornik. Zimovniki, 2020. (In Russian).

Lushin V. G. Priglasenie varyazhskikh knyazei [Invitation of the Varangian princes]. Rossica & Slavica. Sbornik statei i materialov. 2021 god. Rostov-on-Don–Zimovniki, 2021. (In Russian).

Machinskij D. A. Etnosocial'nye i etnokul'turnye processy v Severnoj Rusi (period zarozhdeniya drevnerusskoj narodnosti) [Ethnosocial and ethnocultural processes in Northern Russia (the period of the origin of the Old Russian nationality)]. Russkij Sever: Problemy etnokul'turnoj istorii, etnografii i folkloristiki. Leningrad, 1986. (In Russian).

Machinskij D. A., Machinskaya A. D. Severnaya Rus', russkij Sever i Staraya Ladoga v VIII–XI vv. [Northern Rus, Russian North and Staraya Ladoga in the VIII–XI centuries]. Kul'tura russkogo Severa. Leningrad, 1988. (In Russian).

Mishin D. E. Sakaliba (slavyane) v islamskom mire v rannem srednevekov'e [Sakaliba (Slavs) in the Islamic world in the Early Middle Ages]. Moscow, 2002. (In Russian).

Moldovan A. M. Molitva v strukture Sinodal'nogo spiska sochinenii Ilariona [Prayer in the structure of the Synodal List of works of Hilarion]. “Slověne = Slovĕne”. Vol. 7. No. 1. 2018. (In Russian).

Molchanov A. A. Drevneskandinavskij antroponimicheskij element v dinasticheskoj tradicii roda Ryuri-kovichej [The Old Scandinavian anthroponymic element in the dynastic tradition of the Rurik family] // Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva: spornye problemy. [IV] CHteniya pamyati V. T.

Pashuto. Moskva, 13–15 aprelya 1992 g. Tezisy dokladov. Moscow., 1992. . (In Russian).

Murasheva V. V., Orfinskaya O. V., Loboda A. Yu. “Novaya istoriya” “idola” iz kurgana Chernaya mogila (X v.) [“New history” of the “idol” from the Black Grave mound (X century)]. Rossiiskaya arkhologiiya. No. 1. 2019. (In Russian)

Nazarenko A. V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh: Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazei IX–XII vv. [Ancient Russia on International Routes: Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, and Political Ties of the IX–XII centuries]. Moscow, 2001. (In Russian)

Nazarenko A. V. Dostovernnye godovye daty v rannem letopisanii i ikh znachenie dlya izucheniya drevnerusskoi istoriografii [Reliable annual dates in the early chronicle and their significance for the study of Ancient Russian historiography]. Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2013 god: Zarozhdenie istoriopisaniya v obshchestvakh Drevnosti i Srednevekov'ya. Moscow, 2016. (In Russian)

Neretin Yu. A. Numerologiya Kievskoi Rusi [Numerology of Kievan Rus]. URL: <https://www.mat.univie.ac.at/~neretin/misc/tolochko.html> (accessed: 10. 11. 2021)

Nesin M. A. Veche v Severo-Vostochnoi Rusi posle Batyeva nashestviya [Veche in Northeastern Russia after the Batu khan invasion]. Evropa v Srednie veka i rannee Novoe vremya, obshchestvo, vlast', ideologiya i kul'tura. Materialy Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem konferentsii molodykh uchenykh: Izhevsk, 2-3 dekabrya 2013 g. Izhevsk, 2014. (In Russian)

Nesin M. A. Nekotorye cherty sotsial'noi transformatsii v X–XI vv. v vostochnoslavlyanskom obshchestve v letopisnoi sotsial'noi terminologii [Some features of social transformation in the X–XI centuries in the East Slavic society in chronicle social terminology]. Istoricheskii format. No. 2. 2015. (In Russian)

Nesin M. A. Severo-Vostochnaya Rus' pri mongolakh [North-Eastern Russia under the Mongols]. Valla. Vol. 2. No. 6. 2016. (In Russian).

Nesin M. A. Institut novgorodskikh tysyatskikh v XII–XV vv. [Institute of Novgorod tysyatskys in the XII–XV centuries]. Dissertatsiya na soiskatel'stvo uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Voronezh, 2018. (In Russian).

Nefedov V. S. Smolenskie krivichi i Rus': severoevropeskie i drevnerusskie izdeliya v smolenskikh dlinnykh kurganakh [Krivichi from Smolensk and Rus: Northern European and Old Russian manufactures in the Smolensk long barrows]. Trudy III (XIX) Vserossiiskogo Arkheologicheskogo s"ezda. Velikii Novgorod–Staraya Russa. Vol. II. St. Petersburg–Moscow–Velikiy Novgorod, 2011. (In Russian).

Nosov E. N., Plokhov A. V., Khvoshchinskaya N. V. Ryurikovo gorodishche. Novye etapy issledovaniya [Rurikovo settlement. New stages of research]. St. Petersburg, 2017. (In Russian).

Petrov M. I., Sobolev V. Yu. “Gorod zhivykh” i “gorod mertvykh”: k voprosu o lokalizatsii rannego mogil'nika Novgoroda [“City of the living” and “city of the dead”: remarks on location of early Novgorod cemetery]. Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli. Iss. 33. Materialy 63-go zasedaniya (18–20 aprelya 2017 g.) Moscow-Pskov, 2018. (In Russian).

Petruhin V. Ya. Rus' v IX–X vv. Ot prizvaniya varyagov do vybora very [Rus in the IX–X centuries. From the vocation of the Varangians to the choice of faith.]. Moscow, 2017. (In Russian).

Pilipchuk Ya. V. O nekotorykh sluchayah ispol'zovaniya etnonima «sakaliba» [On some cases of using the ethnonym "sakaliba"]. Valla. Vol. 3. No 2. 2017. (In Russian).

Platonova N. I. Ryurikovo gorodishche v kontekste novykh issledovaniy [Rurikovo settlement in the context of new research]. Nosov E. N., Plokhov A. V., Khvoshchinskaya N. V. Ryurikovo gorodishche. Novye etapy issledovaniya [Rurik's settlement. New stages of research]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017. Rossiiskaya arkhologiiya. No. 2. 2019. (In Russian).

Popov V. A. Parapoliteinnost' kak variant stanovleniya vtorichnoi gosudarstvennosti v predkolonial'noi Zapadnoi Afrike [Parapolitical as a variant of the formation of secondary statehood in pre-colonial West Africa]. Russkii sbornik. Iss. 8, Vol. 2 (K 60-letiyu prof. E. A. Shinakova). Bryansk, 2008. (In Russian).

Puzanov V. V. O spornykh voprosakh izucheniya genezisa vostochnoslavlyanskoi gosudarstvennosti v noveishei otechestvennoi istoriografii [On controversial issues of studying the genesis of the East Slavic

statehood in the newest Russian historiography]. *Srednevekovaya i novaya Rossiya: K 65-letiyu prof. Igorya Yakovlevicha Froyanova*. St. Petersburg, 1996. (In Russian).

Puzanov V. V. Drevnerusskaya gosudarstvennost': genesis, etnokul'turnaya sreda, ideologicheskie konstrukty [Ancient Russian statehood: genesis, ethno-cultural environment, ideological constructs]. Izhevsk, 2007. (In Russian).

Puzanov V. V. Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva v vostochnoevropеiskoi istoriografii: uchebnoe posobie [The formation of the Old Russian state in Eastern European historiography: a textbook]. Izhevsk, 2011. (In Russian).

Puzanov V. V. "Posla ny der'v'ska zeml a. . . ". K probleme tipologii "Letopisnykh plemen" ["Posla ny der'v'ska zeml a. . . ". On the problem of typology of "Chronicle tribes"]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. Vol. 156. No. 3. 2014. (In Russian).

Pchelov E. V. Rurik [Rurik]. Moscow, 2018. (In Russian).

Pchelov E. V. Oleg Veshchii [Oleg the Prophetic]. Moscow, 2018. (In Russian).

Rybakov B. A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus and the Russian Principality of the XII-XIII centuries]. Moscow, 1982. (In Russian).

Rybina E. A. O dvukh drevneishikh torgovykh dogovorakh Novgoroda [About the two oldest trade agreements of Novgorod]. *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. No. 3 (18). 1989. (In Russian).

Shafonskii A. F. Chernigovskogo namestnichestva topograficheskoe opisanie s kratkim geograficheskim i istoricheskim opisaniem Maloi Rossii [Chernihiv Viceroyalty topographic description with a brief geographical and historical description of Little Russia]. Kyiv, 1851.

Sverdlov M. B. Genesis i struktura feodal'nogo obshchestva v Drevnei Rusi [Genesis and structure of feudal society in Ancient Russia]. Leningrad, 1983. (In Russian).

Sverdlov M. B. Rorik (Hrōrik) i Gordum [Rorik (Hrōrik) and Gordum] // *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e: Drevnyaya Rus' v sisteme etnicheskikh i kul'turnykh svyazey*. VI Shteniya pamyati V.T. Pashuto. Moscow, 1994. (In Russian).

Sverdlov M. B. Domongol'skaya Rus'. Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoi treti XIII vv. [Pre-Mongol Russia. Prince and princely power in Russia VI – the first third of the XIII centuries]. St. Petersburg, 2006. (In Russian).

Skobelev A. V. «Ludi» v sisteme sotsialnih svyazey vostochnoslavianskogo obshchestva VI – pervoy treti XIII v. [«Ludi» in the system of social relations of the East Slavic society of the VI - first third of the XIII century] *Dissertatsiya na soiskatel'stvo uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk*. Izhevsk, 2010. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Iss. 22. Moscow, 1997. (In Russian).

Sreznevskii I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of the Old Rus language on written monuments]. Tom vtoroi. L–P. St. Petersburg, 1902. (In Russian)

Stefanovich P. S. Boyare, otroki, družiny. Voенno-politicheskaya elita v X–XI vekakh [Boyars, youths, squads. Military-political elite in the X–XI centuries]. Moscow, 2012. (In Russian)

Tolochko O. P. [Retsenziya na:] Istoriko-arkheologicheskie zapiski, otv. red. E. P. Tokareva. Kn. 1. Zimovniki: Zimovnicheskii kraevedcheskii muzei, 2010 [Review of:] *Historical and archaeological notes, edited by E. P. Tokarev. Book. 1. Zimovniki: Zimovniki Museum of local lore, 2010*. Ruthenica. Vol. X. 2011. (In Ukrainian).

Tolochko A. P. Oчерki nachal'noi Rusi [Essays of primordial Rus]. Kyiv–St. Petersburg, 2015. (In Russian).

Tolochko P. P. Rannyaya Rus': arheologiya i istoriya [Early Rus: archeology and history]. St. Petersburg, 2013. (In Russian).

Har'kovskij I. A. Proiskhozhdenie Ryurika v svete utochneniya dat ego prizvaniya i smerti [The

origin of Rurik in the light of clarifying the dates of his vocation and death]. Valla. Vol. 3. No 1. 2017. (In Russian).

Hlevov A. A. Eshche raz o Ryurike [Once again about Rurik]. Istoriya i kul'tura srednih vekov: aktual'nye problemy: tezisy dokladov XXI mezhvuzovskoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh. St. Peterburg, 2002. (In Russian).

Shafonskij A. F. Chernigovskogo namestnichestva topograficheskoe opisaniye s kratkim geograficheskim i istoricheskim opisaniem Maloj Rossii [Chernihiv viceroyalty topographic description with a brief geographical and historical description of Little Russia]. Kiev, 1851. (In Russian).

Shchhavelev A. S. "Plemena" vostochnykh slavyan: etapy zavoevaniya i stepen' zavisimosti ot derzhavy Ryurikovichei v X v. ["Tribes" of the Eastern Slavs: stages of conquest and the degree of dependence on the Rurik empire in the X century]. Rus' epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura. Moscow–Vologda, 2017. (In Russian)

Shchhavelev A. S. Khronotop derzhavy Ryurikovichei (911–987 gody) [Chronotope of the Rurikovichs' Empire (911–987)]. Moscow, 2020. (In Russian)

Shchhavelev A. S., Fetisov A. A. K istoricheskoj geografii Vostochnoi Evropy IX v. – 2. Karta skandinavskikh kompleksov i artefaktov [On the historical geography of Eastern Europe in the IX century. - 2. Map of Scandinavian complexes and artifacts]. Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2015. Ekonomicheskie sistemy Evrazii v rannee Srednevekov'e. Moscow, 2017. (In Russian)

Shchapov Ya. N. Knyazheskie ustavy i tserkov' v Drevnei Rusi XI–XIV vv. [Princely charters and the Church in Ancient Russia of the XI–XIV centuries]. Moscow, 1972. (In Russian)

Yanin V. L. Tainstvennyi X vek [The mysterious X century]. Znanie-sila. No. 2. 1969. (In Russian).

Hedenstierna-Jonson Ch. Creating a Cultural Expression: On Rus' Identity and Material Culture // Identity Formation and Diversity in the Early Medieval Baltic and Beyond: Communicators and Communication. The Northern World; Vol. 75.Ed. / Johan Callmer; Ingrid Gustin; Mats Roslund. Leiden-Boston, 2017. (In English).

Maund K. L. A Turmoil of Warring Princes. Political Leadership in Ninth-century Denmark // The Haskins Society journal. Vol. 6. 1994. (In English).

About the authors

Gubarev Oleg L., columnist of the newspaper of scientists "Troitskiy variant – nauka", author of the books "Rurik Skjoldung" and "Initial Russia on the way "from the Varangians to the Greeks", St. Petersburg (Russia). Research interests: Antion Rus in IX-X centuries.

E-mail: LvovichG@rambler.ru

Nesin Mikhail A., PhD in History, Scientific Secretary of the Interregional Organization of Social and Humanitarian Scientific Research "Historical Consciousness" St. Petersburg (Russia). Research interests: history and historical geography of Medieval Rus.

E-mail: petergof-history@mail.ru.

• 800 ЛЕТ НИЖНЕМУ НОВГОРОДУ •

УДК 94(47).027
ББК 63.3(2)41
DOI 10.25797/NG.2021.12.4.012

Ф. А. Селезнев

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ ОБ АБРАМОВОМ ГОРОДКЕ

Аннотация: Автор анализирует содержание легенды об Абрамовом городке, которая была опубликована П. И. Мельниковым-Печерским. Автор выделяет древнее ядро легенды. По мнению автора, в нём описываются события начала XVI века. Абрамов городок – это крепость, построенная литовскими пленниками. Эти пленники были приведены в Нижний Новгород после битвы при Ведроши. Абрамка, возможно, руководил строительством крепости. Эта крепость успешно выдержала осаду казанского хана Мухаммеда-Эмина в 1506 году.

Ключевые слова: Абрамов городок, Нижний Новгород, история России, П. И. Мельников-Печерский, Н. И. Храмцовский

Предание об Абрамовом городке впервые было напечатано в истории Нижнего Новгорода Н. И. Храмцовского, увидевшей свет в 1857 году¹. В примечаниях к книге автор указал, что эта легенда была сообщена ему «одним любителем старины и владельцем множества старинных книг и манускриптов»². Как справедливо отметил Б. М. Пудалов, под этой характеристикой легко угадывается П. И. Мельников-Печерский³.

Сам Павел Иванович опубликовал текст предания в своих «Очерках мордвы», вышедших в 1867 г. в журнале «Русский вестник»⁴.

Вот основное содержание этой легенды: «из-за Кудьмы-реки мордвин Абрамка пришел на устье Оки и поселился на Дятловых горах, поросших дремучим лесом». «Было у него четырнадцать сыновей и три дочери, и построил Абрамка семнадцать домов». Их он обнес «тыном и валами». Это и был «Абрамов городок»⁵.

К Абрамову городку подошли русские во главе с «мурзой». Они завладели городком и сожгли его. Сам Абрамка был убит. Затем, русские поставили свой городок. Но «не на том месте, где было Абрамово городище, а выше по течению Оки, на месте, которое теперь супротив ярмарочного моста». Дальше Мельников-Печерский, в скобках, комментирует: «Тут было первоначальное укрепление суздальских князей; оно существовало до XV столетия и называлось старым городком». Город же, поставленный потом Юрием Всеволодовичем, добавляет Мельников, находился ниже по течению Оки – там, где в начале XVI в. будет построен кремль⁶.

¹Храмцовский Н. И. История и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1998. С. 8, 21–23.

²Там же. С. 525.

³Пудалов Б. М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII–первая треть XIII в.). Нижний Новгород, 2003. С. 82.

⁴П. И. Мельников-Печерский. Жизнь и творчество: библиографический указатель / сост. Л. Е. Кудрина, Л. П. Селезнева. Нижний Новгород, 2013. С. 79.

⁵Мельников-Печерский П. И. Очерки мордвы // Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский) / сост. Н. В. Морохин, Д. Г. Павлов. Нижний Новгород, 2011. С. 286–287.

⁶Там же. С. 287.

Информация о «старом городке» есть только в письменных источниках. Причем из них отнюдь не следует, что он находился «супротив ярмарочного моста» и был построен ранее Нижнего Новгорода. Поэтому, на наш взгляд, сюжет о «городке суздальских князей» – это историческое отступление писателя, не входившее в изначальное ядро предания об Абрамовом городке.

Сообщив о «старом городке», Мельников-Печерский вновь возвратился к легенде и рассказал, что мордва, узнав о гибели Абрамки, пришла мстить русским. Битва произошла «около деревни Новой, иначе Щербинка». Писатель указывает на предполагаемое место сражения: не доезжая Щербинки, «налево есть пустошь Новцы, при сельце Ляхове», народ называет её «Мордовскими костями» или «Мордовской могилой». «Тут, быть может, происходило и побоище мордвы с русью»⁷.

Этот сюжет, по нашему мнению, тоже добавлен П. И. Мельниковым от себя. Ляхово было его именем. Он знал о находившейся поблизости пустоши «Мордовские кости» или «Мордовская могила». Указанные названия явно имели давнее историческое происхождение и Мельников, видимо, захотел вплести их в ткань «Очерков мордвы». Удобнее всего это было сделать, объяснив их происхождение состоявшейся здесь битвой мордвы и русского отряда «мурзы», что и было осуществлено. Хотя, если быть придирчивым, топонимы «Мордовские кости», «Мордовская могила» говорят о месте захоронения, но не битвы.

Далее Мельников-Печерский завершает свой рассказ и указывает, что предание об Абрамовом городке «приведено г. Храмцовским» в его «Кратком очерке истории и описании Нижнего Новгорода». Причем Мельников удивляется, почему Храмцовский называет предводителем русского войска князя Мстислава Андреевича⁸.

Н. И. Храмцовский, действительно, внёс существенные изменения в содержание

легенды, рассказанной ему когда-то П. И. Мельниковым-Печерским, переименовав имена главных героев. Безымянного русского «мурзу» он превратил в князя Мстислава Андреевича, а мордвина, поселившегося при впадении Оки в Волгу, назвал «Абрам, или Ибрагим»⁹.

Эти добавления понадобились Н. И. Храмцовскому, чтобы подкрепить предположение В. Н. Татищева, которому он доверял, что на месте города, поставленного в 1221 г. князем Юрием Всеволодовичем, прежде был «град болгарский»¹⁰. Но ни в одной известной нам летописи такой информации нет.

Специалисты знают, что в сочинениях Татищева есть и другие, не подтверждающиеся иными источниками сведения. Современные авторы спорят о том, можно ли им доверять. Одни говорят, что да, следует верить Татищеву: у него в руках были древние тексты, которые не сохранились. Другие утверждают, что Татищев домысливал кое-что сам. Так В. А. Кучкин, проанализировавший разные редакции «Истории Российской» Татищева, сделал вывод о том, что замечания о древнем болгарском городе при слиянии Оки и Волги – «плод научных изысканий самого В. Н. Татищева», а не информация, извлеченная тем из какой-то недошедшей до нас летописи¹¹. Однако ранее многие авторы пытались примирить летописные данные и догадку ученого XVIII в. о болгарском городе в устье Оки. И первым подобную комбинацию осуществил Н. И. Храмцовский.

Для этого ему пришлось выдвинуть предположение, что упомянутый в Лаврентьевской летописи болгарский город, взятый во время зимнего похода 1171/72 гг. сыном Андрея Боголюбского, Мстиславом

⁹Храмцовский Н. И. История и описание Нижнего Новгорода. С.8, 21.

¹⁰Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. М.–Л., 1964. С. 369; Храмцовский Н. И. История и описание Нижнего Новгорода. С. 21, 525.

¹¹Кучкин В. А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород, 2011. С.67.

⁷Там же. С.288.

⁸Там же. С.288–289.

Андреевичем, «находился на месте нынешнего Нижнего Новгорода»¹².

Следует подчеркнуть, что текст Лаврентьевской летописи исключает такое толкование. Напомним, что летописец сообщает о том, что зимой 1171/1172 гг. Андрей Боголюбский послал своего сына Мстислава на болгар. Тот прибыл в Городец на Волге, а затем спустился к устью Оки. Здесь Мстислав находился две недели, ожидая подхода основных сил. Но они не появились. Летописец объяснял это так: «непогодье», зимой не время воевать. Тогда Мстислав Андреевич двинулся в поход с одной «передней», «малой» дружиной. Воины князя неожиданно вторглись в болгарские пределы, взяли шесть сёл и один город, а потом с пленниками направились обратно. Булгары, узнавшие, что в распоряжении Мстислава лишь малая дружина, бросились преследовать русских воинов и чуть-чуть не настигли. Князь Мстислав еле успел добраться до устья Оки. Между ним и булгарами было всего 20 верст. Но булгары не стали преодолевать это расстояние и повернули обратно¹³.

Как видим, о болгарском городе на устье Оки здесь ничего не говорится. Наоборот, согласно летописному известию, Мстислав спокойно стоял устье Оки две недели *перед* вторжением в болгарские пределы. Возвращаясь же оттуда *после* взятия болгарского города, прежде чем достичь устья Оки, Мстислав преодолел немалое расстояние – более (видимо намного) двадцати верст. Поэтому болгарский город, захваченный этим князем, не при каких раскладах на слиянии Оки и Волги стоять не мог.

Пытаясь подкрепить свою версию, Н. И. Храмцовский и привёл легенду, якобы относящуюся «к походу Мстислава», о том, что на месте Нижнего Новгорода находился городок мордовского предводителя Абрама или Ибрагима, который будто бы и разорил

русский князь¹⁴. Напомним, что в рассказе Мельникова, использованном Храмцовским, русских, осаждавших Абрамов городок, возглавлял безымянный «мурза», а отнюдь не князь Мстислав, о котором там нет ни слова. Да и могло ли в народной памяти сохраниться имя ничем не примечательного князя Мстислава Андреевича? П. И. Мельников-Печерский в письме нижегородскому краеведу А. С. Гацискому в этом справедливо усомнился¹⁵.

Ещё одно важное уточнение: у П. И. Мельникова мордвин Абрамка нигде не называется мусульманским именем Ибрагим. Такое имя бытовало у болгар, которые исповедовали ислам. Поэтому неудивительно, что под пером советского историка Н. М. Добротвора мифический Ибрагим Храмцовского превратился в болгарского хана. По версии Добротвора, в отдаленные времена на месте Нижнего Новгорода существовало поселение славян – Дятловы горы. Его захватил болгарский хан Ибрагим, он же Брахим. «Становище» Ибрагима стало называться городом Брахимовым¹⁶.

В болгарской истории действительно существовал город, известный по летописям как Брахимов. Этот город в 1164 г. взял Андрей Боголюбский. Только находился Брахимов, согласно летописным данным на Каме, т.е. очень далеко от устья Оки.

Правда, И. А. Кирьянов обнаружил в «Истории о Казанском царстве» (но источнике позднем, XVI в.) сообщение о том, что был «на Оке реке старьи градъ, имянемъ Бряховъ»¹⁷. Этот «Бряхов» Кирьянов в своей ранней работе отождествил с Брахимовым и решил поместить в устье Оки¹⁸. Но в более поздней «Истории города Горького» И. А. Кирьянов эту свою гипотезу упоминать не стал. Наоборот, приведя цитату из текста

¹⁴Храмцовский Н. И. История и описание Нижнего Новгорода. С. 21, 22, 525.

¹⁵Гацицкий А.С. Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 2001. С.44.

¹⁶Добротвор Н. История города Горького: краткий очерк. Горький, 1947. С. 8–10.

¹⁷История о Казанском царстве. М., 2008. Стб.10.

¹⁸Кирьянов И. А. К вопросу о времени основания г. Горького. Горький, 1956.

¹²Храмцовский Н. И. История и описание Нижнего Новгорода. С.21.

¹³Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872. С. 345, 346.

Татищева о «граде болгарском» в устье Оки, Игорь Александрович счел нужным отметить, что «каких-либо находок, подтверждающих сведения Татищева, пока не обнаружено»¹⁹.

А в 1975 году В. А. Кучкин в статье о походах древнерусских князей на болгар показал, что Бряхимов однозначно находился на Каме²⁰. Тем самым была окончательно разбита гипотеза о Бряхимове (Ибрагимове городке) как о стоявшем на Дятловых горах болгарском предшественнике Нижнего Новгорода.

Показательно, что в современной фундаментальной «Истории татар» она даже не упоминается. Версия же В. Н. Татищева о строительстве Нижнего Новгорода на месте старого болгарского городища определяется там только как «предположение», которое «весьма любопытно», но не более²¹. И хотя от мысли о гипотетическом болгарском предшественнике Нижнего Новгорода авторы этого труда всё же не отказались, указав, что Нижний Новгород возник «возможно, на месте более раннего болгарского поселения», никаких доказательств в пользу этого предположения они не привели²². На сегодняшний день их просто нет. Отсутствуют даже следы простого присутствия здесь болгар в начале XIII века.

Так, авторы новейшего труда о взаимодействии Руси, Волжской Булгарии и Золотой Орды скрупулезно учли города Владимиро-Суздальской Руси, где найдена болгарская керамика X–XIII веков. Это Ростов, Суздаль, Владимир, Муром, Ярополч Залесский, Гороховец, Городец, Белоозеро²³. Но Нижнего Новгорода в этом

списке нет. Не находили здесь и кладов болгарского или восточного серебра²⁴.

Почему же артефакты болгарской культуры, в значительном количестве зафиксированные в Муроме, не обнаружены в Нижнем Новгороде? Ведь болгарские купцы, направляясь в Муром, Городец, Гороховец, Белоозеро, казалось бы, должны были останавливаться на устье Оки? На самом деле такой необходимости у них не было. К Мурому из Булгарии вёл караванный путь. Он был проложен через юг современной Нижегородской области, т.е. далеко в стороне от Нижнего Новгорода. Из Мурома домой болгарские купцы возвращались этой же дорогой. Конечно, могли они использовать и водный путь по Оке и Волге. Но, и в этом случае, причаливать к берегу в устье Оки у них не было причины: двигаясь всё время вниз по течению, они не имели такой потребности. Не было подобной нужды и у болгарских купцов, плававших вверх и вниз по Волге. Они делали остановку в Городце, являвшемся таможенными воротами Владимиро-Суздальской Руси²⁵.

Мордва на Дятловых горах тоже не жила. Во всяком случае, никаких следов мордовских поселений на Дятловых горах археологами не найдено. Это легко объяснить тем, что одной из ведущих отраслей хозяйства мордвы было бортничество. Поэтому представители названного народа предпочитали жить в лесах, вдоль небольших рек, таких как Кудьма, Сережа, Тёша. Местами их обитания были южные районы современной Нижегородской области. С этой точки зрения высокий берег Оки не был привлекателен для мордвы как место постоянного обитания. Здесь могла находиться мордовская священная роща – «кереметь», но не город.

¹⁹История города Горького. Краткий очерк. Горький, 1971. С.18.

²⁰Кучкин В. А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. С.49–50.

²¹История татар с древнейших времен в семи томах. Том II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006. С. 7–8.

²² Там же. С.432.

²³Русь татарская: альбом / сост., автор текста Д. З. Хайретдинов; ред. В. В. Трепавлов; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. М., 2019. С. 17.

²⁴Салахов Д. Д. Топография кладов и находок восточного и болгарского серебра // Поволжская археология. № 4 (18). 2016. С. 75–83.

²⁵Селезнев Ф. А. Городец Юрия Долгорукого – восточные таможенные ворота Руси // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических статей. Выпуск 13. Нижний Новгород, 2013. С. 19–27.

Откуда же тогда Мельников-Печерский взял легенду о мордовском Абрамове городке?

Во-первых, укажем, что она не является мордовской. П. И. Мельников характеризует её как «русское предание»²⁶. Но если мордва могла назвать русского правителя «мурзой» (такие примеры в фольклоре есть), то русские, конечно, никогда бы так не сделали. Под «мурзой» они должны были понимать только татарина или ногайца. Следовательно, в изначальном, варианте легенды речь шла о татарском / ногайском мурзе.

Этот устный рассказ П. И. Мельников обозначает как «местный»²⁷. Сложился он, несомненно, в Нижнем Новгороде – там очень много деталей, указывающих на конкретные места в городе, в частности на «архиерейский дом» (современное здание консерватории). Именно там Абрамка построил семнадцать домов. Это исторический центр Нижнего Новгорода (улица Пискунова, дом 40).

А вот ещё несколько важных подробностей: «В городке своем Абрамка устроил двое ворот: одни с южной стороны вала, широкие, с дубовыми растворами, и завалил их землей; другие — Тайницкие, у Коровьего взвоза, на север, из которых ходили за водой на Волгу»²⁸.

«Коровий взвоз», – рассказывает читателям Мельников, – «так называли съезд с верхней части Нижнего Новгорода к Волге, от церкви Св. Георгия, что близ архиерейского дома»²⁹. Отметим, что этот топоним упоминается в Писцовой книге XVII века³⁰. Согласно этому надежному источнику на месте выхода на волжский откос улицы Пискунова стояла башня деревоземляного острога, а в ней были проезжие ворота. За острожной башней с

откоса сбежал Коровий взвоз – спуск к Волге³¹.

А теперь важная информация об Абрамке. Оказывается, он был «панком», т.е. «правителем» мордвы, – поясняет Мельников-Печерский.

Продолжаем пересказ легенды. Как уже говорилось, к Абрамову городку подошли русские, которых возглавлял, почему-то, некий «мурза». От мурзы последовало требование к Абрамке: «Уйди ты от устья Оки и давай князю нашему дань». Абрамка объяснил, что он только выборный «панок» и не может один решать такие вопросы. Мурза дал Абрамке 4 дня на раздумье. На четвертый день условленного срока Абрамка велел раскопать засыпанные землей ворота, и осажденные совершили вылазку³².

Итак, ядром легенды является информация о том, что «панок» Абрамка построил деревоземляную крепость, топография которой точно соответствует нижегородским реалиям, а её осаждал «мурза». Могло ли что-то подобное иметь место в действительности? Да, могло, причем в четко очерченный исторический период, а именно между 1500 и 1506 годами.

В Кратком Московском летописце конца XVII в. говорится о том, что «Лета 7009-го году сентября в 1 день заложили делать Нижний Новград, вначале Тверскую башню»³³. Речь идет о крепости в Нижнем Новгороде (конечно, деревоземляной – будь она каменной, летописец не преминул бы это отметить). Её начали строить 1 сентября 1500 г. с Тверской башни. Такое название эта башня, видимо, получила от тверской рати, входившей в состав общерусского войска в битве с литовцами при реке

²⁶Мельников-Печерский П. И. Очерки мордвы. С. 286.

²⁷Там же.

²⁸Там же. С. 286–287.

²⁹Там же. С.287.

³⁰Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду. Репр. воспроизведение изд. 1896 г. М. – Нижний Новгород, 2011. Стб. 286, 290.

³¹Селезнев Ф. А., Данилов А. В. Расположение Нового острога в Нижнем Новгороде XVII века // Нижегородский краевед: сборник научных статей. Выпуск 6 / сост. науч. ред. Ф. А. Селезнев. Нижний Новгород, 2021. С. 7.

³²Мельников-Печерский П. И. Очерки мордвы. С. 287.

³³Буганов В. И. Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники. 1976. М., 1976. С. 290.

Ведроши. В этом сражении, состоявшемся в июле 1500 года, решающую роль сыграл выдающийся полководец Даниил Щеня, командовавший «Тверской силой». Он пленил несколько сот литовцев и, как сообщает «Казанский летописец», привел их в Нижний Новгород³⁴.

Видимо с их помощью в Нижнем Новгороде и стали возводить новую крепость. В 1505 г. она выдержала осаду казанского хана Мухаммеда-Эмина и его шурина (внимание!) – ногайского *мурзы*. При этом литовские пленники, умевшие хорошо обращаться с огнестрельным оружием, сыграли решающую роль в спасении города. В награду за свой подвиг все они получили свободу³⁵. Но мало кто из них ушёл в свою землю. Многие остались в Нижнем Новгороде. Они построили дома на волжском откосе у Коровьего взвоза. Так в городе возникла Панская слобода.

«Паны», – объясняет Владимир Даль в своём словаре, – «в разных русских губерниях ляхи и литва, переселенные в давние войны в виде ссылки». В этой же словарной статье великий лексикограф объясняет, кто такие «панки»: если пан – это барин, боярин, то панок – «полупан, небольшой». Правда здесь Даль приводит и другое значение указанного понятия: панки – «забытые потомки мордовских князей, как мурзы у татар»³⁶.

Без сомнения, такое толкование слова «панки» Далю сообщил его друг по Нижнему Новгороду, П. И. Мельников, не раз поставлявший Владимиру Ивановичу сведения для его словаря. Но то предание, которое записал Мельников, уже успело за триста лет утратить изначальный смысл. По нашему мнению, в его первом варианте панок Абрамка был литовским пленником, а не мордвином. Ведь специалисты знают, что у мордвы бытовали такие социально-политические термины как «инязор» («великий хозяин») и «оцязор» («большой хозяин»), а слово «панок» – чисто

славянское, характерное для Великого княжества Литовского.

Определение «панок» указывает на то, что Абрамка не принадлежал к литовской знати, а был «полупаном». Об этом же говорит и уменьшительный характер имени – «Абрамка», вместо «Абрам».

Теперь обратимся к анализу самого этого имени. Для мордвы оно нехарактерно, даже после принятия православия, а в XII в. существование мордвина Абрамки невероятно. Зато среди русского населения библейское имя Авраамий в разных вариантах (Аврам, Абрам, Авраамка, Абрамка) было не такой уж редкостью. Поэтому Абрамка – белорус или смолянин – вполне мог оказаться среди литовских пленников Даниила Щени и быть их выборным представителем или начальником – панком.

Разумно предположить, что в этом качестве Абрамка руководил строительством крепости, возведенной литовскими пленниками в 1500–1501 годах. От его имени она и получила среди нижегородцев название «Абрамов городок».

Существовал он недолго. По нашему мнению, о гибели этого сооружения повествует «Летописец о Нижнем Новгороде» в статье за 1513 год: «Лета 7021-го году. Августа въ 3 день погоре Новьгород Нижънеи, и дубовая стена и вьсе дворы погореша во граде...»³⁷.

Появление в 1508–1513 гг. каменного нижегородского кремля и Большого острога сделало Абрамов городок не нужным, и восстанавливать его не стали. Но мощные валы ещё долго о нём напоминали и породили легенду об Абрамовом городке.

«Мордовская» составляющая в ней, на наш взгляд, изначально отсутствовала. Она появилась гораздо позднее. Нельзя полностью исключить то, что она была принесена самим П. И. Мельниковым, пытавшимся таким образом объяснить сюжет подлинного нижегородского

³⁴История о Казанском царстве. М., 2008. Стб. 24.

³⁵Там же. Стб. 25.

³⁶Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.3: П–Р. М., 2007. С.15.

³⁷Шайдакова М. Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. / под ред. В. А. Кучкина. Нижний Новгород, 2006. С.132.

предания об осаждавшем Абрамкин городок мурзе.

Павел Иванович занимался мордовским фольклором и знал, что в одной из мордовских песен «мурзой» назван «русский царь». Это и могло привести писателя к логическому заключению о том, что в легенде об Абрамовом городке под войском мурзы нужно понимать русских, а

под Абрамкой – мордвина. Обозначенная конструкция позволила П. И. Мельникову вписать в древнюю нижегородскую историю топонимы «Абрамкин городок», «Старый городок», «Мордовская могила». Так возник тот вариант легенды об Абрамкином городке, который был рассказан Мельниковым Храмцовскому, а потом вошёл в «Очерки мордвы».

Библиография

Источники:

Буганов В. И. Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники. 1976. М., 1976.

История о Казанском царстве. М., 2008.

Летопись по Лаврентьевскому списку // ПСРЛ. Т. 1. СПб., 1872.

Мельников-Печерский П. И. Очерки мордвы // Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский) / сост. Н. В. Морохин, Д. Г. Павлов. Нижний Новгород, 2011.

Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду. Репр. воспроизведение изд. 1896 г. М. – Нижний Новгород, 2011.

Шайдакова М. Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. / под ред. В.А. Кучкина. Нижний Новгород, 2006.

Литература:

Гациский А. С. Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 2001.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3: П–Р. М., 2007.

Добротвор Н. История города Горького: краткий очерк. Горький, 1947.

История города Горького. Краткий очерк. Горький, 1971.

История татар с древнейших времен в семи томах. Том II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006.

Кирьянов И. А. К вопросу о времени основания г. Горького. Горький, 1956.

Кучкин В. А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород, 2011.

П. И. Мельников-Печерский. Жизнь и творчество: библиографический указатель /сост. Л. Е. Кудрина, Л. П. Селезнева. Нижний Новгород, 2013.

Пудалов Б. М. Начальный период истории древнейших русских городов Среднего Поволжья (XII–первая треть XIII в.). Нижний Новгород, 2003.

Русь татарская: альбом / сост., автор текста Д. З. Хайретдинов; ред. В. В. Трепавлов; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. М., 2019.

Салахов Д. Д. Топография кладов и находок восточного и болгарского серебра // Поволжская археология. № 4 (18). 2016.

Селезнев Ф. А. Городец Юрия Долгорукого – восточные таможенные ворота Руси // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических статей. Выпуск 13. Нижний Новгород, 2013.

Селезнев Ф. А., Данилов А. В. Расположение Нового острога в Нижнем Новгороде XVII века // Нижегородский краевед: сборник научных статей. Выпуск 6 / сост. науч. ред. Ф. А. Селезнев. Нижний Новгород, 2021.

Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. М.–Л., 1964.

Храмцовский Н. И. История и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1998.

Сведения об авторе:

Селезнев Федор Александрович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра краеведческих исследований Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, председатель общества «Нижегородский краевед». г. Н. Новгород (Россия). Область научных интересов: история Нижегородского края, историческая география, политическая история России начала XX в.

E-mail: fseleznev@mail.ru

F. A. Seleznev

THE ORIGIN OF THE LEGEND OF THE ABRAMOV TOWN

Annotation: The author analyzes the content of the legend about the Abramov town, which was published by P. I. Melnikov-Pechersky. The author highlights the ancient core of the legend. According to the author, it describes the events of the beginning of the XVI century. Abramov Gorodok is a fortress built by Lithuanian prisoners. These prisoners were brought to Nizhny Novgorod after the Battle of Vedroshi. Abramka may have supervised the construction of the fortress. This fortress successfully withstood the siege of the Kazan Khan Muhammad-Emin in 1506.

Key words: Abramov gorodok, Nizhny Novgorod, history of Russia, P. I. Melnikov-Pechersky, N. I. Khramtsovsky

References

Sources:

Buganov V. I. Kratkij Moskovskij letopisec konca XVII v. iz Ivanovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [A brief Moscow chronicler of the end of the XVII century from the Ivanovo Regional Museum of Local Lore] // Letopisi i hroniki. 1976. Moscow, 1976. (In Russian).

Istoriya o Kazanskom carstve [The story of the Kazan Kingdom]. Moscow, 2008. (In Russian).

Letopis' po Lavrent'evskomu spisku [Chronicle of the Laurentian List]. Saint Peterburg, 1872. (In Russian).

Mel'nikov-Pecherskij P. I. Oчерki mordvy [Essays of the Mordvins] // Neznakomyj Pavel Mel'nikov (Andrej Pecherskij) / sost. N. V. Morohin, D. G. Pavlov. Nizhnij Novgorod, 2011. (In Russian).

Piscovaya i perepisnaya knigi XVII v. po Nizhnemu Novgorodu [Scribal and census books of the XVII century in Nizhny Novgorod]. Repr. vosproizvedenie izd. 1896 g. Moscow – Nizhnij Novgorod, 2011. (In Russian).

Shajdakova M. Ya. Nizhegorodskie letopisnye pamyatniki XVII v. [Nizhny Novgorod chronicle monuments of the XVII century] / pod red. V.A. Kuchkina. Nizhnij Novgorod, 2006. (In Russian).

Researches:

Gaciskij A. S. Nizhegorodskij letopisec [Nizhny Novgorod chronicler.]. Nizhnij Novgorod, 2001. (In Russian).

Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. V 4 t. Vol. 3: P–R. Moscow, 2007. (In Russian).

Dobrotvor N. Istoriya goroda Gor'kogo: kratkij oчерk [The history of the city of Gorky: a brief sketch]. Gor'kij, 1947. (In Russian).

Istoriya goroda Gor'kogo. Kratkij oчерk [The history of the city of Gorky: a brief sketch]. Gor'kij, 1971. (In Russian).

Istoriya tatar s drevnejshih vremen v semi tomah [The history of the Tatars since ancient times in seven volumes]. Vol. II. Volzhskaya Bulgariya i Velikaya Step'. Kazan', 2006. (In Russian).

Kir'yanov I. A. K voprosu o vremeni osnovaniya g. Gor'kogo [On the question of the time of the founding of Gorky]. Gor'kij, 1956. (In Russian).

Kuchkin V. A. Volgo-Okskoe mezhdurech'e i Nizhnij Novgorod v srednie veka [Volga-Oka interfluve and Nizhny Novgorod in the Middle Ages]. Nizhnij Novgorod, 2011. 272 p. (In Russian).

P. I. Mel'nikov-Pecherskij. Zhizn' i tvorchestvo: bibliograficheskij ukazatel' [P. I. Melnikov-Pechersky. Life and creativity: bibliographic index] /sost. L. E. Kudrina, L. P. Selezneva. Nizhnij Novgorod, 2013. (In Russian).

Pudalov B. M. Nachal'nyj period istorii drevnejshih russkih gorodov Srednego Povolzh'ya (XII–pervaya tret' XIII v.) [The initial period of the history of the oldest Russian cities of the Middle Volga region (XII-the first third of the XIII century).]. Nizhnij Novgorod, 2003. (In Russian).

Rus' tatarskaya: al'bom [Tatar Rus: album] / sost., avtor teksta D. Z. Hajretdinov; red. V. V. Trepavlov; pod obshch. red. D. V. Muhetdinova. Moscow, 2019. (In Russian).

Salahov D. D. Topografiya kladov i nahodok vostochnogo i bulgarskogo serebra [Topography of treasures and finds of the Eastern and Bulgar silver] // Povolzhskaya arheologiya. № 4 (18). 2016. (In Russian).

Seleznev F. A. Gorodec Yuriya Dolgorukogo – vostochnye tamozhennye vorota Rusi [Gorodets of Yuri Dolgoruky - Eastern Customs gates of Rus] // Nizhegorodskie issledovaniya po kraevedeniyu i arheologii: Sbornik nauchnyh i metodicheskikh statej. Vypusk 13. Nizhnij Novgorod, 2013. (In Russian).

Seleznev F. A., Danilov A. V. Raspolozhenie Novogo ostroga v Nizhnem Novgorode XVII veka [Location of the New prison in Nizhny Novgorod of the XVII century] // Nizhegorodskij kraeved: sbornik nauchnyh statej. Vypusk 6 /sost. nauch. red. F. A. Seleznev. Nizhnij Novgorod, 2021. (In Russian).

Tatishchev V. N. Istoriya Rossijskaya [Russian History]. Vol. IV. Moscow–Leningrad, 1964. (In Russian).

Hramcovskij N. I. Istoriya i opisaniye Nizhnego Novgoroda [History of Nizhny Novgorod]. Nizhnij Novgorod, 1998. (In Russian).

About the author

Seleznev Fedor A., Doctor of History, Professor, head of the Center for Regional Studies of Nizhny Novgorod State University, the Chairman of the company “Nizhny Novgorod regional specialist”, N. Novgorod (Russia). Research interests: history of the Nizhny Novgorod Region, historical geography, political history of Russia in beginning of the XX century.

E-mail: fseleznev@mail.ru

К ИСТОРИИ РАЗИНСКОГО ДВИЖЕНИЯ (БОЙ У СЕЛА МУРАШКИНО 22-23 ОКТЯБРЯ 1670 Г.)

Аннотация: В статье, на основании средневековых источников, рассматриваются малоизвестные подробности сражения между царской армией и войсками разинских повстанцев, произошедшего в октябре 1670 года у села Мурашкино Нижегородского уезда. Приводятся факты раскрывающие личность вождя восстания С. Т. Разина, разинского «Нечай-царевича», опровергается выдвинутая С.М. Соловьевым версия об отождествлении «Нечай-царевича» с разинским атаманом Осиповым.

Ключевые слова: село Мурашкино Нижегородского уезда, Крестьянская война XVII века, С. Разин, Нечай-царевич, патриарх Никон

В тревожном 2020 году незаметной прошла одна круглая дата, которой будет посвящена эта работа. Исполнилось 350 лет сражению, бывшему поворотным в восстании Степана Разина, и одному из крупнейших в истории Нижегородского Поволжья.

События конца 60-х – начала 70-х гг. XVII века оставили неизгладимый след в народной памяти. Имя самого вождя восстания стало нарицательным для целого ряда географических объектов расположенных в местах, где разворачивались события разинского бунта. Русский историк Н. И. Костомаров отмечал, что «Берега Волги усеяны урочищами с его именем. В одном месте набережный шихан (холм) называется «Стол Стеньки Разина», потому что он там обедал со своими товарищами; в другом такой же холм называется «Шапкой Стеньки Разина», потому что будто бы он оставил на нем свою шапку; в третьем ущелье поросшее лесом, называется «Тюрьмой Стеньки Разина»: там, говорят, он запирали в подземельях, взятых в плен господ. На севере и на юге от городов Камышина и Царицина, по нагорному берегу

Волги – ряд бугров, которые называют «Буграми Стеньки Разина», в память того, будто бы там он закладывал свой стан».¹

В топонимической номенклатуре Нижегородской области также есть немало топонимов связанных с именем мятежного атамана. Одним из таких является название оврага, несколько неожиданное для такого случая. Овраг называется Остров Разина. Находится этот овраг недалеко от поселка Большое Мурашкино, а историю, связанную с его названием, зафиксировал в свое время известный нижегородский фольклорист В. Н. Морохин.

«В те добрые времена, когда отряды разинцев повернули от Симбирска в земли нижегородские, на востоке губернии нашей из селения в селение, как птицы неуловимые, полетели знаменитые “прелестные грамоты” Степана Тимофеевича.

Залетели бумаги те и в Лысково. И вот зашумели, забунтовались люди в том торговом селении. Ждут не дождутся лысковцы прихода к ним главного атамана-избавителя. А потом, когда ждать надоело, послали гонца своего в Курмыш к разинскому командиру Осипову...

Пошел тот разинский атаман на Лысково и никак не мог миновать мурашкинцев. А те, как и лысковцы, тоже ждут освободителей. Когда весть о движении разинцев дошла до Мурашкина, вышли встречать их жители села с крестами да хоругвями».²

В предании, записанном в эпической форме, рассказывается о боевых действиях разинцев против правительственных войск на территории современного юга Нижегород-

¹Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина. М., 1994. С. 438.

²Остров Разина // Нижегородские предания и легенды. Сост. В. Н. Морохин. Горький, 1971. С. 183-185.

ской области. Эта тема, так или иначе эпизодически освещавшаяся в научной и краеведческой литературе, на наш взгляд так и не получила своего развития, хотя этот этап крестьянской войны под предводительством Степана Разина, сыграл решающую роль как в ходе как восстания, так и в последовавших за ним событиях.

Добавим, что в текущем 2021 году исполняется 350 лет со дня казни самого вождя народного восстания – Степана Разина. В связи с этим любопытно, вкратце рассмотреть личность и мотивы знаменитого атамана. Можно утверждать, что движение Степана Разина, начавшееся в 60-х годах XVII века, не было стихийным бунтом, восстанием «черни», как представлялось в дореволюционной историографии. Не было оно и этапом «классовой борьбы», как представлялось в историографии советской. Из-за таких подходов к изучению восстания, и сам выходец из казацкой верхушки Степан Тимофеевич Разин, исследователями выставлялся, или «душегубом», посягнувшим на Волю Божию, или же мудрым и благородным казаком, «блестевшим» за простой народ и поднявшим его на классовую борьбу против эксплуататоров. Доходило до того, что революционные историки – «красные профессора» - называли сторонников Разина «красными», а их противников «белыми».³ На самом деле в восстании, как и в самой фигуре Разина все далеко не так однозначно. Достаточно сказать, что один из белогвардейских деникинских отрядов, в своё время, носил имя Степана Разина.⁴

Сам Степан Разин вряд ли думал о классовой борьбе, хотя и только желанием пограбить его действия объяснить никак нельзя. Можно уверенно утверждать, что одним из главных мотивов Разина была месть за казнённого царскими воеводами старшего брата Ивана,⁵ и в этом желании отомстить он не жалел никого и ничего.

Сын зажиточного казацкого старшины Тимофея Рази несомненно, был личностью незаурядной, как сейчас принято говорить

³Томсинский С. Г. Разиновщина // Крестьянские движения в феодально-крепостной России. М., 1932. С. 72-84.

⁴Там же. С. 72.

⁵Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Под ред. А. Г. Манькова. Л., 1968. С. 107.

харизматиком. Читателю будет небезынтересно узнать, что из-за созвучия фамилии отца с этнонимом эрзя, а также из-за некоторых других данных, возникла версия о мордовском происхождении предков Степана. В переписных книгах XVII века среди мордвы Алатырского уезда представлена фамилия Раонзин (Ранзин) и Раунзин,⁶ которая в русских говорах легко могла превратиться в Разин. Кроме того, мордовский историк В. Юрченков указывал, что: «Появление мордовских казачьих станиц на Южном Урале связано с участием уроженцев мордовского края в российском фронтире ещё в XVII в. Так, в переписи яицких казаков 1723-1724 гг. комиссией полковника И.И. Захарова в числе казаков шестой сотни записан рядовой “Микифор Минеев сын Разин, у него сын Алексей двенадцати лет. А по сказке ево, от роду ему, Никифору, шестьдесят пять лет; дед и отец ево и он родиною Саранского уезду дворцового села Ромодановского казаки; пришел он Никифор, ис того села на Яик во сто восемьдесят шестом году (1677-78 гг.), и служит в казаках с того году”».⁷ В одном из донских казачьих сказаний говорится, что «На Дону и теперь много Разиных...», правда, сказание называет их потомками Разина.⁸

Теоретически, схожесть фамилий или указание на место рождения еще не может служить верным признаком этнического происхождения. Однако в русском языке фамилия Разин, как и прозвище Разя другой этимологии кроме как от этнонима эрзя не имеют, и попытки истолковать эти онимы словами русского языка, похожими по звучанию неубедительны.⁹ А вот в мордовских языках слова «раужо» и «газа» указывают на цвета - чёрный и серый.¹⁰ Да и сам Степан Тимофеевич - казак всего лишь во втором поколении,

⁶Мордовский фронт в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII века). Сост. В.Д. Кочетков, Н. В. Заварюхин, С. В. Видяйкин, М. М. Акчурина. Саранск, 2017. С. 362.

⁷Юрченков В. А. Мордовское казачество накануне революционных событий 1971 г. и гражданской войны // Центр и периферия. № 3. 2015. Стр. 4-11.

⁸Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 82.

⁹Там же. С. 10.

¹⁰Вершинин В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т. IV. Йошкар-Ола, 2009. С. 387.

а отец его был, как известно, пришлым, «выбившимся в люди» благодаря своим способностям.¹¹ Известно, что некоторые родственники казака проживали под Воронежем, из-за чего исследователи выдвигали версию о воронежских корнях Степана Тимофеевича.¹² Это, впрочем, не противоречит версии мордовского («эрзянского») происхождения предков Разина, так как известно, что казаки, в том числе и мордвины, посылались для службы на любые рубежи Московского царства.

Впрочем, прямых указаний на национальную принадлежность атамана нет, за исключением того сообщения, что мать атамана была пленной турчанкой или татаркой.¹³ Сообщение иностранной прессы о том, что посланный будто бы к Разину шведский посол называл его «царем астраханским»,¹⁴ и сообщение голландских купцов о том, что Разин – Чингизид, позволило некоторым исследователям сделать вывод о его родстве с крымскими Гиреями.¹⁵

Спорным является и место рождения Разина. Исследователи сомневаются в верности утверждения о рождении атамана в станице Зимовейской, названной так по своему расположению в Зимовней луке Дона. В числе других донских городков-претендентов на место рождения атамана, называют и Черкасск, и Кагальник, и Раздоры, и другие селения.¹⁶

Историк казачества Е. Савельев указывал, что родиной Разина был донской городок Пяти-избы.¹⁷ Это название удивительным образом перекликается с названием Зимовейская, в том смысле, что Зимовейская –

это, возможно, изменённое в русском языке тюркское джумавай (джума), то есть «пятница» – пятый день недели. Можно предположить, что в названии Зимовейская скрыто видоизменённое тюркское Джумавай, что, учитывая частичные тюркские корни донского казачества, не покажется таким уж невероятным.¹⁸ Такое название поселения – Джумавай (Пятничное) могло быть связано с культом пятницы как праздничного дня в исламе.

Возвращаясь к финно-угорским корням Разина, добавим, что на то, что атаман был потомком недавних язычников, указывают некоторые подробности деяний Степана Разина. Как рассказывали иностранцы, атаман творил злодеяния против церкви «...грабил и осквернял храмы и всё, что принесено и посвящено богу, при этом изгонял духовных лиц из их владений.»¹⁹ После персидского похода Разин «...с сообщниками своими возвратился на Дон, где снова принялся творить злодеяния против церкви: прогнал многих священников, чинил препятствия богослужениям и вмешивался в церковные дела...< > ...Вместо обычного свадебного обряда, совершавшегося в России священником, заставлял он венчающихся, приплясывая, обойти несколько раз вокруг дерева, после чего считались они обвенчанными на Стенькин лад. И ещё выкрикивал он разные богохульные слова против спасителя...».²⁰ Очевидцы рассказывали, что Богу Разин не молится, «и пьёт безобразно, и блуд творит, и всяких людей рубит без милости своими руками».²¹ Атамана обличали «над православными христианами поругательство, и что он, и товарищи его, казаки, в пост и в пятницу и в среду мяса едят», и «держаться богомерзких сатанинских дел».²² Западно-европейский учёный Иоганн Юстус Марций,

¹¹Сахаров А. Н. Степан Разин (Хроника XVII века). М., 1973. С. 24.

¹²Чистякова Е. В. Соловьев В. М. Степан Разин и его соратники. С. 9; Никитин Н. И. Разинское движение: взгляд из XXI в. М., 2017. С. 20.

¹³ Там же. С. 10.

¹⁴Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 141.

¹⁵Казачий род Разина. URL: <http://zhagat-dadian-livejournal-com.turbopages.org/turbo/zhagat-dadian/livejournal.com/s/32179.html> (дата обращения 21.04.21).

¹⁶Астапенко М. П. Где родился Степан Разин? // Вопросы истории. № 9. 1988. С. 141—142

¹⁷Савельев Е. П. Древняя история казачества. М., 2002. С. 335.

¹⁸О носящем имя Джумавай говорят, что он никогда не будет привязан к семье, всегда будет вольным наездником. В этом смысле происхождение двух самых известных донских атаманов Разина и Пугачева из станицы Зимовейской-Джумавай, приобретает еще и символический контекст.

¹⁹Иностранцы о восстании Степана Разина. Под ред. А. Г. Манькова. Л., 1975. С. 69.

²⁰Там же. С. 108.

²¹Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Сост. Е. А. Швецова. Т. I. М., 1954. С. 237, 252

²²Там же. С. 20.

современник Разина писал, что вероисповедания он «был или магометанского, или никакого».²³ Справедливости ради добавим, что у Разина был духовник – «черный поп» Феодосий. Однако если судить по документам, поведение этого «духовника» не позволяет надеяться на его благочестие.²⁴

Исследователи отмечают, что некоторые виды казней используемых повстанцами носили «ритуально-знаковый» характер, имели «магическую символику» и «ритуально-символическую подоплёку».²⁵ Эти данные, в совокупности с «венчанием» вокруг дерева, а также эпизодами с жертвоприношением, в одном случае пленной девушки-наложницы «речному богу Ивану Гориновичу»,²⁶ а в другом восьмисот пленных персиянок разбушевавшемуся морю, в надежде это море умиловить,²⁷ могут указывать на приверженность Разина некоторым пережиткам языческих культов ещё существовавших в ту пору среди коренных народов Среднего Поволжья.

Вероятно, из-за этой приверженности современники атамана считали его колдуном и чернокнижником.²⁸ Исследователи отмечают, что «Во многих старинных казацких преданиях чародейство – неотъемлемый дар, отличающий Разина от других народных героев». В одной из легенд говорится: «Пугачев и Ермак были великие воители, а Стенька Разин и воитель был великий, и еретик (колдун, волшебник авт.), так, пожалуй, и больше чем воитель...».²⁹ Костомаров называл Разина «в полной мере извергом рода человеческого», и указывал на народные предания о его чародейских проделках. Патриарх Иоасаф про-

клял Степана Разина как еретика и вероотступника, а священный собор предал его анафеме. Когда атамана арестовали, то очень боялись, что тюрьма не удержит его, так как он чернокнижник. Его сковали освящённой цепью и содержали в церковном притворе, «надеясь, что только сила святых уничтожит его волшебство».³⁰ В смертном приговоре Разину припомнили его антицерковную деятельность «...говорил про спасителя нашего Иисуса Христа всякие богохульные слова, и на Дону церковью Божиих ставить и всякого пения петъ не велел, и священников с Дону сбил и велел венчатца около вербы».³¹

Огорчил бы донской атаман и поборников «единства Руси». Его деятельность пришлось на вторую половину XVII века – период становления империи, когда борьба за её «собрание» велась Москвой и на западе и на востоке и на юге. Увы, Разин не был патриотом в нашем понимании, и «ничтоже сумняшеса» вел переговоры с соседями о совместной борьбе против московского престола, в персидском походе изъявлял желание «быть в холопстве» у персидского шаха,³² и предлагал казакам «иному царю служить».³³

Мятежный атаман и его сторонники мыслили категориями своего времени, и для них единой Руси-России ещё не существовало. Неслучайно, планируя свой поход, они обсуждали куда идти – «на Русь ли на бояр» или «на Волгу».³⁴ В понимании казаков Русью был регион ограниченный реками Окой и Средней Волгой. И возможно выбор Разина «идти с Дона на Волгу, а с Волги идти в Русь...»,³⁵ то есть, заняв Среднее Поволжье, уже потом атаковать Москву, был связан с его финно-угорскими и тюркскими корнями. Он, как никто понимал, в каком тяжелом положении находились поволжские «инородцы» даже по сравнению с православными крестьянами. Понимал, что в них он найдет

²³ Иностранцы известия о восстании Степана Разина. С. 65.

²⁴Томсинский С.Г. Разиновщина. С. 87; Фирсов Н. Н. Крестьянская революция на Руси в XVII веке. М.-Л., 1927. С. 86.

²⁵Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII-XVIII вв. Тверь, 1995. Ч. 2. С. 37; Мауль В. Я. Социокультурное пространство русского бунта (по материалам Пугачевского восстания): автореферат дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Томск, 2005. С. 34-37.

²⁶Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 47.

²⁷Там же С. 172.

²⁸Никитин Н. И. Разинское движение: взгляд из XXI в.. С. 22.

²⁹Чистякова Е. В. Соловьев В. М. Степан Разин и его соратники.. С. 78.

³⁰Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина. М., 1994. С. 352, 371, 416, 428-429.

³¹Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 121.

³²Никитин Н. И. Разинское движение: взгляд из XXI в. С. 26-27, 29.

³³Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. С. 253.

³⁴Там же С. 265.

³⁵Там же С. 235.

самых преданных сторонников. И был прав. «Инородцы», недавно ставшие крепостными, шли сражаться за свою свободу, потерявшие пахотные и лесные угодья они бились за свою землю, и порой их агрессия перекидывалась и на русских переселенцев, таких же земледельцев, как и они сами.³⁶ Разин, несомненно, хорошо знал эти настроения, поэтому и начал свой поход «на Волгу» а не «на Русь».

Другой стороной интереса Разина к междуречью Волги, Оки и Суры могли быть его отношения с опальным патриархом Никоном. По утверждению историка Е. Савельева личный контакт Разина и уже гонимого Никона состоялся в подмосковном Воскресенском монастыре. Савельев указывал, что Разин заезжал к Никону и в ссылку в Белозёрье, убеждая узника бежать с ним.³⁷ Очевидно, это произошло во время «паломничества» Разина в 1662 году к Соловецким святыням, которое иначе как разведывательным предприятием не назовешь. Никон с 1658 года находился в ссылке в Ферапонтовом монастыре на Вологодчине (как раз на пути Разина на Соловки), и их встреча вполне могла случиться.

Существуют документальные подтверждения встречам ссыльного патриарха с посланниками Разина. Известно, что в 1668 году в Ферапонтов монастырь приходили казаки посланцы Разина, с предложением Никону принять их сторону.³⁸ Кроме того, из «наказной памяти» написанной, в 1676 году, для архимандрита Чудова монастыря Павла известно, что «Стенка Разин... со многих пыток и с огня сказал; приезжал к Синбирску (к Разину авт.) старец от него, Никона, и говорил ему, чтоб ему идти вверх Волгой, а он Никон, со своей стороны пойдет для того, что ему тошно от бояр... А сказывал де ему тот старец, что у Никона есть готовых людей с пять тысяч человек; а те де люди у него готовы на Белеозере». Визит гонца Никона под-

тверждали «товарищ его, Стенькин, Лазорка» и брат Фрол.³⁹

Как писали современники «Этот патриарх не только пользовался славой святейшего, но и на деле трудился, используя все свое влияние ради общего блага и попечения о народе. Однако бояре извратили это и направили все свои усилия на то, чтобы лишить Никона его положения и места, чего они легко достигли несправедливыми обвинениями, опорочив его во мнении царя. Ничто не могло быть так на руку Разину: неуверенный в удаче, он искал поддержки и нашел её, когда к нему присоединились те, кто негодовал на обиду, нанесенную патриарху».⁴⁰

Можно думать, что далеко не случайным было условие Разина к царю восстановить Никона на патриаршем престоле. Добавим, что патриарх Никон был мордвином – выходцем из Нижегородского уезда, и его связь с родиной не прекращалась и в ссылке. Та же «наказная память» сообщает, что Никона постоянно посещали родственники из Курмыша на Суре.⁴¹ И именно Курмыш сделался ставкой разинского эмиссара Максима Осипова, где его встретили с почётом, с образами, во главе с курмышским воеводой.⁴²

Опальный патриарх был одним из «столпов» пропаганды Разина. Для привлечения сторонников Разиным была выдумана легенда о присутствии в его армии низложенного патриарха будто-бы бежавшего к нему из ссылки.⁴³ Другим столпом этой пропаганды была легенда о «царском сыне», которого Разин собирался возвести на московский трон. Понимая, что одними лозунгами истребления бояр и дворян многого не добьешься, Разин идеологической составляющей движения выдвинул идею возведения на престол «хорошего» царя. Этим царем должен был стать мнимый сын царя Алексея Михай-

³⁶Фирсов Н. Н. Крестьянская революция на Руси в XVII веке. С. 95-96.

³⁷Савельев Е. П. Древняя история казачества. М., 2002. С. 336.

³⁸Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Сост. Е. А. Швецова. Т. II. Ч. 1. М., 1957. С. 545.

³⁹Дело о патриархе Никоне. URL https://azbyka.ru/otechnik/Nikon_Minin/delo-o-patriarhe-nikone/94 (дата обращения 1.04.21).

⁴⁰Иностранные известия о восстании Степана Разина. С. 66.

⁴¹Дело о патриархе Никоне.

⁴²Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга 3. Т. XI. СПб., 1861. С. 316.

⁴³Иностранные известия о восстании Степана Разина. С. 66.

ловича якобы не умерший,⁴⁴ а бежавший к Разину, от «лютости отца и от злобы боярской». Роль царевича выполнял шестнадцатилетний подросток - родственник князя Черкасского - князь Андрей, захваченный Разиным в Астрахани.⁴⁵

В одном из донесений романовских воевод к царю сказано: «Да их же государь, воровская прелесть, во все люди кричали, что с ними будто бы Нечай-царевич Алексей Алексеевич, да Никон патриарх. И малодушные люди то ставят в правду, их воровскую затейку, и от того государь пушая беда и колебание в людях».⁴⁶ Специально для «царевича» и «патриарха» в разинской флотилии содержались два струга, один обитый красной материей с красной палаткой - «царский», а другой, обитый черной материей с черной палаткой - «патриарший».⁴⁷ Струги строго охранялись и к «монаршим» особам никого не допускали.

Легенда о царевиче-избавителе была очень популярна среди крестьян и казаков. Царь, как помазанник Божий был той фигурой, которая придавала легитимность выступлению против властей. Когда восстание распространилось на огромной территории между Доном, Волгой и Окой, имя царевича Алексея Алексеевича «освящало» его, царевичу присягали и «целовали крест», готовы были умереть за него, и умирали. Современник пишет, что захваченные в плен разинцы, «принимали смерть с мужеством необыкновенным, будучи в твердом убеждении, что умирают за правое дело».⁴⁸ Пленных стрельцов казаки убеждали, говоря: «Вы бьетесь за изменников, а не за государя, а мы бьемся за государя».⁴⁹ В некоторых письмах, Разин выступал от имени самого Алексея Михайловича, якобы окруженного изменой.⁵⁰ Более того, судя по материалам западной периоди-

ки, Разина в Европе рассматривали как претендента на русский престол.⁵¹ В Нижегородском Поволжье, как мы увидим в дальнейшем, фигура «наследника престола», или «царевича» сыграла ключевую роль.

Дело в том, что события, произошедшие возле Большого Мурашкина, связаны не с самим Разиным, хотя «Остров» и носит его имя. Эти события связаны с тем самым «царевичем» пришедшим поднимать народ на восстание. Царевичем, получившим в нижегородских пределах кличку «Нечай».

Предыстория появления «царевича» в Нижегородчине такова. Боевые действия против правительства Разин начал весной 1670 года. Разбив небольшие воинские подразделения, высланные против него, казаки в короткое время, с мая по август, он завладел Астраханью, Царицыным, Самарою, и Саратовым, и 4 сентября 1670 года подошёл к Симбирску, и осадил город, бывший важным стратегическим пунктом Поволжья.

Осаду Симбирска считают пиком восстания. В исторической периодике события под Симбирском называют главным сражением Разинской войны – одной из битв «изменивших мир».⁵² Однако мы не согласны с этим, и считаем, что сражение под Симбирском было решающим только для самого вождя восстания – Степана Тимофеевича Разина получившего ранение и оставившего «действующую армию». Судите сами - ко времени событий под Симбирском полыхало уже всё Поволжье, и здесь мы можем убедиться, что Разин неспроста начал движение именно по Волге. Сработал его замысел о привлечении к восстанию «инородцев». «Так пошёл он вглубь области населённой черемисами, мордвой и татарами, где очень многие пристали к нему...» - писал современник событий.⁵³

Другой современник сообщал: «...Стенька столь преуспел в своем умысле, что земли по Волге и далее вглубь страны вплоть до городов Алатыря и Арзамаса вовлечены были в мятеж. Число мятежников

⁴⁴Там же. С. 67.

⁴⁵Записки иностранцев о восстании Степана Разина. 1968. С. 111.

⁴⁶Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга 3. Т. XI. С. 314.

⁴⁷Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 111.

⁴⁸Там же. С. 111.

⁴⁹Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 3. Т. XI. СПб., 1861. С. 306.

⁵⁰Буганов В.И. Разин и разинцы. Документы, описание современников. М., 1995. С. 27-28.

⁵¹Иностранные известия о восстании Степана Разина. С. 88, 125, 137, 141.

⁵²Разгром Степана Разина//100 битв, которые изменили мир. Еженедельное обозрение. . № 110. 2013

⁵³Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975. С. 71.

умножилось до двухсот тысяч. Часть черемисов, татар, и все русские крестьяне в тех местах проживающие, и московским боярам принадлежащие возмутились против своих господ и убивали и вешали их, и пожар мятежа охватил столь многие земли, что занялся уже в 12 милях от самой Москвы». ⁵⁴

Известно, что в средневековье на Руси всех «инородцев» востока часто обобщали под именем «татар». Были татары «мордовские», ⁵⁵ «черемисские», «дагестанские», «черкесские», ⁵⁶ да и собственно турки-татары тоже делились на фратрии по месту происхождения. Отсюда очевидно, что именно из-за активного участия этих «инородцев-татар», за границей разинское восстание называли «татарским мятежом». ⁵⁷

По нашему мнению, главные сражения, решившие исход этой войны, произошли в междуречье Оки, Волги и Суры. И произошли они уже после поражения Разина под Симбирском. Это были бой под Шацком, сражение на речке Кандаратке, и двухдневное сражение под Мурашкиным, о котором идет речь в очерке. Атаманы Михаил Харитонов и Леонид Федоров руководили повстанцами под Шацком, на Кандаратке восставших вёл в бой бывший служилый мурза мордвин Акай Боляев, и только имена предводителей повстанческой армии в бою у Мурашкина нам не известны. Но то, что это были опытные вояки, сумевшие дать настоящий бой регулярной армии, сомнений нет.

Итак, осенью 1670 года в Нижегородские вотчины вошел разинский атаман Максим Осипов. Кто-то из его отряда принял на себя высокое имя царевича Алексея, и ему, как будущему «царю» присягали восставшие. Имя царя сделало своё дело, потому что, войдя в Алатырский уезд с тридцатью соратниками, Осипов вскоре уже собрал отряд в три тысячи человек, и, осадив, сжег Алатырский острог вместе с воеводой Акинфеем Бутурлиным.

Повторимся, что разинский расчёт на «инородцев» сработал. Из письма арзамасского воеводы Леонтия Шейсупова царю мы узнаем о национальном и социальном составе восставших: «А выжгли де тот город Алатор и воеводу и дворян порубили бунтовщики, мордва и черемиса и чуваша и воры их жа, помещиков люди и крестьяне... И те, государь, воры, мордва и черемиса, идут к Арзамасу близко». ⁵⁸

Самозванного «царевича» уже ждали на древней родине патриарха Никона. Осипов занял Курмыш и в это же время начались волнения в соседнем Лыскове. Его жители «били челом» Осипову чтобы он прибыл к ним и установил порядок «как ведется в казачестве». ⁵⁹ Осипов вошел в Лысково, где его казаков встречали крестным ходом с колокольным звоном и хоругвями. ⁶⁰ Тогда же вспыхнул мятеж в селе Мурашкине. Восставшие мурашкинцы отрубили голову воеводе и сожгли церковь, после чего захватили местный арсенал. В предании, записанном В. Морохиным, об этом сказано так: «Попробовал было мурашкинский воевода Давид Племянников помешать честным людям, начал сопротивляться, да не тут-то было! Разинцы вместе с народом мурашкинским одолели этого царского слугу с войском его наемным, и покатила тут голова с воеводских плеч... А пищалим да ядрам, что за селением на валу находились, суждено было послужить казакам-разинцам». ⁶¹

После этих событий Лысково и Мурашкино стали центрами восстания в крае. Современники постоянно указывали, что самые главные мятежники, «храбрые и неустрашимые», находились в этих селениях. ⁶² «Царевичу» присягнул и Ядрин, а после того как повстанческие отряды получили пополнение началось движение к Нижнему Новгороду. Восставшие лысковцы, во главе с

⁵⁴Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 111.

⁵⁵Флетчер Дж. О государстве Русском. М., 2002. С. 110-111.

⁵⁶Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С. 317, 414, 432.

⁵⁷Буганов В. И. Разин и разинцы. Документы, описания современников. С. 326.

⁵⁸Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. II. Ч. 1. С. 71-72.

⁵⁹Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина. С. 403.

⁶⁰Ржигза Н. Ф. Разиновщина и Раскол // Нижегородский краеведческий сборник. Н. Новгород, 1924. Т. I. С. 120.

⁶¹Остров Разина. С. 185.

⁶²См. напр. Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. Рязань, 2008. С. 454.

местным атаманом Мишкой Чертоусенком, осадили 1 октября, богатый Макарьевский монастырь.⁶³ Монахи оказали сопротивление, ожидая помощи из Москвы или Нижнего, но помощь не пришла, и 10 октября монастырь, как указывали современники «благодаря измене одного еврея»,⁶⁴ был взят, разграблен, и стал лагерем восставших разинцев.⁶⁵ По версии С. М. Соловьева Макарий брал Ян Никитинский, который разграбил только отданные монастырю на хранение пожитки, но ничего монастырского не тронул.⁶⁶

К этому периоду повстанцы контролировали почти весь Нижегородский уезд и собирались идти к Нижнему Новгороду. Тогда и зазвучал боевой клич (ясак) восставших, во всех документах той эпохи передаваемый как «Нечай». «Нечай-царевич» - так звали восставшие мнимого наследника московского престола, и с кличем «Нечай» шли в бой за него. Почему «Нечай»? Хотя в русском ономастиконе существовало прозвище Нечай,⁶⁷ однако никто из упоминаемых документами лидеров восстания такого имени не имел. Тут дело в самой семантике слова. Нечай – значит «нежданный», «нечаянный» и в этом разгадка прозвания и боевого клича.

Согласно допросам пленных повстанцев явиться народу загадочный «Нечай-царевич» должен был после взятия Нижнего Новгорода. Возможно, разинцы, до этого захватившие все «низовые» города на великой реке, и осаждавшие Симбирск, полагали Нижний Новгород ключевым городом, пунктом, где они могут сгруппироваться для решительного броска на Москву. Не зря Разин говорил, что ему придётся «зимовать в Нижнем».⁶⁸ Войско Осипова профессор Фирсов рассматривал как авангард армии Разина.⁶⁹ Разинцам именно в Нижнем Новгороде хотелось провозгласить нового русского царя,

знаменуя тем самым овладение Астраханским и Казанским царствами, которые Разин требовал выделить в отдельное от Московии государство.⁷⁰ Восставшие убеждали всех присоединиться к ним, говоря: «Вот Нижний возьмем, в то де число увидите все крестьяне царевича. Мы идем за царевича Алексея Алексеевича и за батюшку Степана Тимофеевича, а у нас ясак Нечай, значит, что вы царевича не чаете, а он нечаянно придет к вам».⁷¹

В самом Нижнем Новгороде было крайне беспокойно. Воевода Голохвастов, старался поддерживать порядок, но восставшие «воровские от Нижегородского уезда, от Лыскова, от Мурашкина, и от Терюшевской волости», уже подступали «станами» к городу, а нижегородская чернь несколько раз посылала гонцов в Мурашкино, к «царевичу», призывая разинцев в город.⁷²

Восставшие контролировали практически весь Нижегородский уезд. У Павловского и Лисенковского перевозов группы повстанцев перекрыли государевым людям путь через Оку. По донесениям царских лазутчиков «в селе Богородицком да в селе Ворсма человек с пятьсот, а атаманом у них Савка Федоров». Так же «на Вечковском перевозе на Кудьме реке стоит воровских казаков сот пять и больше, да черни и мордвы нагнано тысячи с три и боле».⁷³ Стольник Василий Нарбеков возвращавшийся в это время из Арзамаса в Москву показывал, что на Павлове перевозе, и в селе Богородицком, и на Ворсме «около трёх сел мужики собрався с ворами ходят, грабят и побивают до смерти и всякое разорение чинят».⁷⁴

Нижний Новгород с юга и юго-востока был обложен, и намерения у восставших были самые серьезные. Любопытно рассмотреть, кто же скрывался под маской самого «Нечай-царевича», в котором С. М. Соловьев,⁷⁵ а вслед за ним и Н. Н. Фирсов,⁷⁶ и Н. Ф.

⁶³Ржига Н.Ф. Разиновщина и Раскол/Нижегородский краеведческий сборник. С. 121.

⁶⁴Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 112.

⁶⁵Ржига Н. Ф. Разиновщина и Раскол. С. 122.

⁶⁶Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 3. Т. XI. С. 315.

⁶⁷Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1971. С. 221.

⁶⁸Фирсов Н. Н. Крестьянская революция на Руси в XVII веке. С. 103.

⁶⁹Там же. С. 103.

⁷⁰Иностранные известия о восстании Степана Разина. С. 125.

⁷¹Ржига Н. Ф. Разиновщина и Раскол. С. 123.

⁷²Там же. С. 123-124.

⁷³Там же. С. 123.

⁷⁴Фирсов Н. Н. Крестьянская революция на Руси в XVII веке. С.104.

⁷⁵Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 3. Т. XI. С. 315.

Ржига,⁷⁷ и др. видели Максима Осипова. Сведений об этом атамане, как впрочем, и о многих других предводителях восстания сохранилось крайне мало. Установлено, что после того как Осипов зажег восстание в Нижегородском уезде, он собирался или идти на Нижний Новгород,⁷⁸ или «итти с пушки к Арзамасу на обоз... князя... Долгорукова», однако в октябре 1760 года был отозван Разиным себе на помощь в Симбирск.⁷⁹

Есть данные, что Разин разослал подобный призыв всем атаманам крупных отрядов действовавших в Волго-Окско-Сурском междуречье. Однако не все откликнулись на него. Известно, что атаманы А. Васильев и С. Свищев оперировавшие южнее Арзамаса, призыв Разина о помощи проигнорировали. «Пойманные воры показали на допросах, что атаманы Сенька и Алешка будто бы получили письма от самого Разина. В осенние дни 1670 г. разинские войска терпели поражения под Симбирском, и будто бы Разин просил их прибыть на помощь. Но атаманы не откликнулись на призыв своего вождя. Сенька и Алешка были заняты подготовкой похода на Арзамас. При анализе отписок Ю. Долгорукова царю в отношении атаманов можно сделать вывод, что среди них не было единства и действовали они обособленно».⁸⁰

Безусловно, разобщенность имела место. Не зря современники указывали, что «если бы силы мятежников... < > ...соединились и действовали согласно, нелегко было бы государеву войску противостоят им и одолеть их».⁸¹ Впрочем, здесь можно допустить, что восставшие в Волго-Окско-Сурском междуречье преследовали свои цели, не связанные с целями и судьбой главного вождя. В

приведенной выше цитате об атаманах Свищеве и Васильеве, мы видим, что они готовились к штурму Арзамаса, который, по их мнению, был важнее, чем спасение Разина. Ведь, как мы уже указывали, восстание в регионе продолжалось и после поражения Разина под Симбирском, и самые крупные сражения случились уже после его бегства.

Возвращаясь к Максиму Осипову, скажем, что атаман немедленно выступил на помощь Разину, и вскоре его имя фигурирует под Царицыным, а затем под Астраханью, где его вместе с «Бвашкою Поповым да с Бвашкою ж Андреевым, живьем взяли, а товарищей их многих побили». О дальнейшей участи Осипова ничего не известно, но исследователи уверены в том, что он был казнён вместе с другими повстанцами.⁸²

Но ясак «Нечай» гремел по Нижегородчине и после отъезда атамана, и даже после разгрома и бегства Разина из-под Симбирска. Отсюда, мы можем допустить, что имя «Нечай-царевича» носил не Осипов, а кто-то другой. Дело в том, что «царевич» должен был именно «явиться» народу, то есть его скрывали, а Осипов всегда был на виду, ни от кого не скрываясь, и в царских документах тех лет он упомянут как «атаманишко Максимко Осипов».⁸³ Тем более возраст «царевича». Исследователи допускали, что большинству разинских атаманов, в том числе и Осипову, было в районе 30-40 лет.⁸⁴ И хотя мы не знаем возраста Осипова, но точно знаем, что «царевичем» Алексеем Алексеевичем должен был быть обязательно очень молодой человек - «отрок лет 16»,⁸⁵ иначе вся легенда о «спасшемся царевиче» не имела бы смысла. Можно допустить, что Разин отправил с Осиповым некоего юношу названного «царевичем», отсюда неслучайным кажется то, что Осипова в нижегородские пределы сопровождал ещё один близкий к Разину атаман – Яков Никитинский. Возможно, охрана «царевича» была в числе главных обязанностей этих атаманов.

⁷⁶Фирсов Н. Н. Крестьянская революция на Руси в XVII веке. С. 100.

⁷⁷Ржига Н. Ф. Разиновщина и Раскол. С. 120.

⁷⁸Фирсов Н. Н. Крестьянская революция на Руси в XVII веке. С.103.

⁷⁹Осипов Максим (атаман). URL: <https://yandex.ru/turbo/google-info.org/s/4922857/1/o..> (дата обращения 5.05.21).

⁸⁰Кладоиискательство в Нижнем Новгороде и области – Заметки о населённых пунктах...// Форум. URL: <http://kladoiscatel.ru/forum/2-113-2> (дата обращения 7.05.21)

⁸¹Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 112.

⁸²Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Степан Разин и его соратники. С.148-149.

⁸³Там же. 149.

⁸⁴Там же. 149-150.

⁸⁵Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 111.

Никитинский участвовал в штурме Макарьевского монастыря, однако потом был отмечен в сражениях под деревней Баево и селом Тургенево в Мордовии, из чего мы можем сделать вывод, что он покинул «царевича» раньше Осипова.⁸⁶ Возможно Никитинский, исполнил свою миссию по «доставке» «царственного отрока», и вернулся к Разину.

Полагаем, что на роль будущего царя Разин назначил своего родственника, и под видом «царевича» этот молодой человек, сопровождаемый Осиповым и Никитинским, прибыл к бунтующим «инородцам». В свете возможного мордовского происхождения самого Разина это выглядит вполне логичным. К бунтующей мордве был послан родственник атамана с мордовскими корнями. И как мы увидим в дальнейшем, по отношению к восставшей мордве царские каратели были особенно безжалостны.

«Царевич» - племянник Разина, или, согласно другому сообщению, двоюродный брат,⁸⁷ находился среди повстанцев до самого поражения восстания, и, очевидно, он был выдан лысковцами правительственным войскам, за что они получили прощение.⁸⁸ Надо думать, что такую важную фигуру не казнили сразу, как других вождей восстания, а доставили в Москву. Действительно, голландец Койэрт упоминает, что он присутствовал в Москве при казни «молодого человека, которого... Разин выдавал за старшего царевича – Нечая».⁸⁹

Но это всё случилось после, а в сентябре 1670 года дело «Нечай-царевича» казалось, близилось к победе. Но 1 октября 1760 года под Симбирском, князь Бярятинский нанес тяжелое поражение Разину. После многодневного боя восставшие были разбиты, а сам Разин, раненый бежал на Дон. Здесь требуется уточнение для термина «бежал». Действительно, ещё с дореволюционных времен, вслед за правительственными кругами, исто-

рики обвиняли Разина в трусости и предательстве. Однако советские учёные рассматривали поступок атамана, учитывая особенности казачьей психологии XVII века, в которой быстрый отход в случае неудачи не был чем-то предосудительным.⁹⁰ И тем не менее, указание Соловьева на то, что перед побегом Разин, чтобы выиграть время, обманул прикнущих к нему жителей Поволжья, предложив им остаться стоять у города, пока сам он пойдет с казаками в бой, а сам вместо этого кинулся к стругам, не красит овеянного романтикой атамана.⁹¹

Одновременно с победой Бярятинского начал боевые действия опытный и умелый полководец князь Ю. Долгорукий, до этого с трудом пробившийся из Москвы к Арзамасу. У князя Долгорукова в этой войне была особая миссия. Ведь это именно он казнил брата Степана Разина – Ивана. По свидетельству современника «Он должен был положить конец беспорядкам и вступить в бой с Разиным: победит – хвала ему, а его победят – собственной своей кровью заплатит этой своре, питающей к нему особую ненависть».⁹²

Сначала Долгорукий только отбивался. А. Н. Сахаров сообщал, что 6 октября правительственные войска предприняли атаку на Мурашкино. Князь Щербатов «сбил здешних людей, захватил у них пушки и знамёна».⁹³ Возможно, этот бой происходил у села Шпилёво или Шепелево (современный Перевозский район Нижегородской области, 15 км. к юго-западу от Большого Мурашкино), которое упоминается в преданиях, записанных отцом и сыном Морохиными.⁹⁴ Затем были рассеяны толпы повстанцев у села Путьятино близ Сергача. Другое поражение было нанесено восставшим у деревни Исупово, в 12 верстах от Арзамаса, а 13 октября, Щербатов разгромил большой отряд бунтовщиков у

⁹⁰Никитин Н. И. Разинское движение: взгляд из XXI в. С.77.

⁹¹Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 3. Т. XI. С. 313.

⁹²Иностранные известия о восстании Степана Разина. С. 72.

⁹³Сахаров А. Н. Степан Разин (Хроника XVII века). С. 281.

⁹⁴Остров Разина. С. 186; Стенькин остров // Народные сказания. Сост. Н. В. Морохин. 2010. С. 145.

⁸⁶Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Степан Разин и его соратники. С. 146.

⁸⁷Посольство Кураада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. С.454.

⁸⁸Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 112.

⁸⁹Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Степан Разин и его соратники. С. 55.

села Поя близ Лукоянова.⁹⁵ Усмирив мятежников вблизи Арзамаса, Долгорукий поспешил направить полки в главное «скопище воровских прелестей» и «гнездо самозванства», в село Мурашкино.

Здесь и произошло сражение, которое Маньков называет одним из трёх крупнейших сражений этой войны, положивших конец её распространению на запад. При этом необходимо уточнить, что из этих трёх сражений одно, по его мнению, произошло под Шацком, а два других под сёлами Мурашкиным и Лысковом.⁹⁶ Но мы эти два последних сражения считаем связанными между собой, как два эпизода одного боя, что и покажем в дальнейшем. Таким образом, 22 октября 1670 года вблизи села Мурашкино началось крупнейшее сражение как в истории разинского восстания, так и в истории Волго-Окско-Сурского междуречья.

22 октября, царские войска под руководством Щербатова и Леонтьева подступили к селу, возле которого их встретила повстанческая армия. Кто ей руководил, на данном этапе исследований неизвестно, но учёные называют имена атаманов А. Васильева, В. Петрова, И. Попова, А. Андреева, в числе сподвижников Осипова,⁹⁷ из чего мы можем допустить, что кто-то из них в тот день был под Мурашкином. Источники еще называют командира повстанцев выдвинутого из среды самих мурашкинских жителей – Михаила Семенова,⁹⁸ в случае которого можно быть более уверенным в его участии в сражении. Но кто бы ни был руководителем повстанческой армии, это был достаточно умелый полководец, так как управлять армией, и даже, как мы увидим дальше, добиться перевеса в этом большом бою, пусть и временного, без опыта невозможно. Вообще, историк, утверждает, что «когда присматриваешься к карте движения красных (разинских авт.) войск, то поражаешься их правильным

действиям. Такое расположение действующих армий требует знания местности, хорошо поставленной разведки, связи и знания противника».⁹⁹

В.Н. Морохин, записавший предания сохранившиеся среди жителей мурашкинской округи, писал: «...Не прошло и месяца, как места эти (окрестности Мурашкина авт.) превратились в поле брани невиданной. По приказу царя князь Долгоруков двинул против разинцев стрельцов, ратников да инородных наймитов своих. На Мурашкино вел войско арзамасский князь Щербатов...< > ...И была брань та кровопролитная долгой да тяжелой. Трудно пришлось тут восставшим: княжеские вояки и оружия больше имели, и припасов разных понавели — хоть отбавляй, да и числом, конечно, превышали они разинцев изрядно.

Дело кончилось тем, что дворянские сынки взяли верх над восставшими и потеснили их к Мурашкину-селу.

Прошел день, и с новой силой ринулись в бой войска щербатовские. Сражение под самое село подкатилось. И тут пустили в ход разинцы пищали да ядра, добытые раньше у воеводы Племянникова. Стали они бить с мурашкинских укреплений по царским наймитам и сынкам дворянским, да так, что жарко им пришлось. А другим крепко вложили на переправах через реку Сундовик. Но силы были неравными...»¹⁰⁰

В свою очередь Н.В. Морохин добавляет: «Там, на поляне бой продолжался с новой силой. Разинцы направили против войск Леонтьева и Щербатова главную массу сражающихся и все имевшиеся у них пушки. Однако после долгого и упорного сражения стало понятно, что им не выдержать натиска хорошо вооруженных и обученных царских войск. Отряд повстанцев прекратил сопротивление и оставил боевые рубежи. На поле сражения разинцы оставили много убитых».¹⁰¹

Сейчас уже и не поймешь чего в этих рассказах больше – действительно народных преданий, или сведений почерпнутых из художественной и научно-популярной литера-

⁹⁵Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 3. Т. XI. С. 317.

⁹⁶Иностранные известия о восстании Степана Разина. Под ред. А. Г. Манькова. Л., 1975. С. 78-79. Прим. 38.

⁹⁷Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Степан Разин и его соратники. С. 148-149.

⁹⁸Никитин Н. И. Разинское движение: взгляд из XXI в. С. 67.

⁹⁹Томсинский С. Г. Разиновщина. С. 87.

¹⁰⁰Остров Разина. С. 186

¹⁰¹Стенькин остров. С. 145.

туры, и переданных «былинным языком». Мы же обратимся к свидетельствам современников. Добавим только, что и Владимир Николаевич, и Николай Владимирович убеждены, что бой у Шпилёва и сражение под Мурашкиным, это два эпизода одной баталии. Мы же, на основании свидетельств современников, полагаем, что стычка у Шпилёва произошла 6 октября, а двухдневное сражение состоявшееся 22-23 октября проходило сначала у села Вершинино (Большемурашкинский район Нижегородской области, 7 км. к юго-западу от Большого Мурашкина), что мы и покажем в дальнейшем, а затем уже под Лысковым. Впрочем, Шпилёво и Вершинино стоят недалеко друг от друга, поэтому путаница здесь вполне объяснима.

Если судить по запискам современников, это действительно была крупнейшая для истории Нижегородского Поволжья баталия. О битве под Мурашкиным сообщают все основные источники той эпохи, что, безусловно, указывает на решающую роль этого сражения. И мы обязательно рассмотрим каждое из упоминаний. Но вначале хотелось бы обратить внимание читателей, на один из документов, в котором наиболее ярко рассмотрены подробности этой битвы.

Таким документом является опубликованная в 1671 году, в Лондоне брошюра содержащая описание победоносного сражения царских войск с армией разинцев. Текст брошюры представлял собой донесение некоего *фактора* (доверенного лица) своему доверителю. К сожалению ни имя автора, ни имя получателя указаны не были, но из повествования ясно, что автор с осени 1670 по весну 1671 находился в России. Данный *фактор* в подробностях описал некое генеральное сражение, в котором с одной стороны войсками командовали князь Долгорукий и сам царь Алексей Михайлович, а с другой стороны Разин и некий патриарх. Причем датой этого сражения он называет февраль 1671 года. В точном указании на дату мы сразу можем усомниться и предположить некую путаницу, потому что в Англии григорианский календарь был введен только в 1752 году, а до этого церковный и юридический год начинался с 25 марта. Таким образом, события, произошедшие в России в конце 1670

года, вполне могли быть перенесены автором на английский конец 1670 года.

Рассказчик местом сражения указывает долину в пяти милях от Москвы,¹⁰² а проводителями сражающихся, с одной стороны «назначает» царя Алексея Михайловича, а с другой самого Разина. Безусловно, и поставка рассказчиком во главе противоборствующих армий главных «виновников» событий – царя Алексея Михайловича и Степана Разина, и указание на близость от столицы, говорят о желании придать повествованию больше драматизма, говорят о том, что речь идет о решающем, в глазах современника, сражении этой войны, в котором вершилась судьба Московского государства.

Одной из важных, на наш взгляд подробностей письма, является названное *фактором* место сражения. Автор говорит об обширной долине *Wariaschal* («Веряшэл», что похоже на «Вершины»), с каждой стороны которой «возвышаются величественные, туч достигающие горы».¹⁰³ Это слово можно прочесть, как видоизмененное название села Вершинино, расположенного в семи километрах к югу от современного поселка Большое Мурашкино. Упоминание англичанином топонима сходного по звучанию с названием Вершинино, позволило нам сделать такой вывод. Что же касается «величественных гор», то здесь, вероятно, наш анонимный *фактор* интерпретировал рассказ очевидцев и участников о том, что бой проходил в правобережной, «Горной» части Нижегородчины, приняв название «Горная сторона» слишком буквально. Другой топоним приведенный рассказчиком *Wrackoza*¹⁰⁴ («Ураскоза», или «Мураскоз») уже вполне соответствует названию самого села Мурашкина.

По свидетельству безымянного *фактора* в этом «величайшем на памяти человечества» сражении была разбита стотысячная армия повстанцев.¹⁰⁵ Причем разинцев, по его словам, было на 20000 «всадников и пехотинцев» больше чем правительственных солдат, численность которых оценивалась в 18

¹⁰²Иностранские известия о восстании Степана Разина. С. 12.

¹⁰³Там же. С. 12.

¹⁰⁴Там же.

¹⁰⁵Там же. С. 11.

тысяч всадников и вдвое большее количество пехотинцев.¹⁰⁶ Так ли это, мы утверждать не можем. Известно, что многие средневековые авторы преувеличивали количество войск участвовавших в тех или иных сражениях. Возможно, не стал исключением и наш *фактор*, указывая здесь на некое известное ему общее число вооруженных людей с той и с другой стороны. Сведения современников о численности армии повстанцев самые противоречивые. Европейская пресса оценивала армию Разина и в 30000 «хорошо обученных солдат, которых хорошо оплачивают и кормят», и в 120000 человек,¹⁰⁷ и в 150000,¹⁰⁸ а выше мы видели, что общее количество восставших определяли в 200000 человек.

Однако кое-какие цифры привести сможем. По местным преданиям отряды повстанцев насчитывали порядка 15-20 тысяч человек, при этом они были вооружены артиллерией.¹⁰⁹ Историк Н. Н. Фирсов указывает, что после взятия Макарьевского Желтоводского монастыря, около атамана Осипова собралось «около 12000 человек из разных народностей края. Тут были и русские крестьяне, и мордва, и черемисы».¹¹⁰ Соловьев сообщает, что войско Осипова насчитывало «тысяч пятнадцать народа, мордвы, черемис и русских», причем донских казаков было всего лишь сто человек. Однако после взятия Макарьевского монастыря «к Осипову в Мурашкино нахлынули новые толпы татар, мордвы и чуваш».¹¹¹ Ржига же приводит свидетельство, что по стенами Желтоводского монастыря «воры, казаки, лысковцы и мурашкинцы и со изменники иных волостей, собравшиеся силою мною тысяч за 15, конные и пешие».¹¹² Отсюда мы можем заключить, что на поле боя под селом Мурашкино, разинские атаманы вывели порядка 20 тысяч человек.

Несомненно, и царский отряд имел в своем составе такое же, или несколько мень-

шее количество воинов, при этом артиллерия его, по указанию нашего *фактора* насчитывала 28 легких, 18 средних и 26 больших стволов, что опять же мы можем отнести к общему количеству артиллерии правительственных войск в Поволжье, известному автору.¹¹³ Тем не менее, артиллерия у царского войска, несомненно, была, хотя и не она сыграла решающую роль в сражении, как мы увидим в дальнейшем.

Итак, исходя из количества армии восставших в 15-20 тысяч человек, мы можем допустить, что царские отряды насчитывали такое же или несколько меньшее число солдат, и таким образом, на поле близ села Мурашкино сошлось в сражении порядка 30-45 тысяч с обеих сторон. Если же действительно поверить автору и принять, что на поле к югу от Мурашкино сражалось порядка 150 тысяч бойцов, то эта битва - одна из самых крупных в истории России. Впрочем, даже несмотря на то, что *фактор* приводит точное количество потерянных знамен, и другие подробности, мы все-таки позволим себе усомниться в его данных, и предположить, что на берегах Сундовика бились армии общим числом не более 50 тысяч.

Много это или мало для 60-70 годов XVII века? Для сравнения напомним, что в самых крупных битвах отшумевшей недавно общеевропейской Тридцатилетней войны, число сражавшихся редко превышало эту цифру. Готовясь в 1654 году к большой войне с Речью Посполитой, Алексей Михайлович «Тишайший», по самым завышенным оценкам, снарядил в Москве чуть более сорока тысяч человек. А на заключительном этапе этой войны численность русской армии не превышала тридцати тысяч. То есть сражение под Мурашкиным на самом деле было заметным событием той эпохи, заслужившим эпитеты которыми его наградил наш безымянный *фактор*.

Он, кстати, описывает и подробный ход сражения, которое началось с уверенного натиска восставших, который едва не опрокинул правительственную армию. *Фактор* сообщает, что бунтовщиков основательно

¹⁰⁶Там же. С. 12.

¹⁰⁷Там же. С. 124, 136.

¹⁰⁸Там же. С. 118.

¹⁰⁹Стенькин остров. С. 144.

¹¹⁰Фирсов Н. Н. Крестьянская революция на Руси в XVII веке. С. 103.

¹¹¹Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга 3. Т. XI. С. 315-316.

¹¹²Ржига Н. Ф. Разиновщина и Раскол. С. 121.

¹¹³Иностранные известия о восстании Степана Разина. С. 12.

«пощипала» артиллерия,¹¹⁴ а дело довершил обход и удар в тыл восставшим. При этом он отмечает ожесточение, с которым билась и та и другая сторона, говоря, что «эти армии сражались врукопашную, а некоторые полки совсем перемешались между собой». Только к четырем часам дня «генерал Долгоруков полностью овладел равниной на четыре мили вглубь позиции бунтовщиков».¹¹⁵ Несомненно, под «генералом Долгоруковым» здесь понимаются его военачальники, возглавлявшие правительственную армию.

Здесь же *фактор* упоминает и о втором дне битвы, который А. Маньков считал отдельным сражением под Лысковым. Наш безымянный информатор не отделяет одно сражение от другого, прямо утверждая, что «На следующий день генерал (Долгоруков авт.) преследовал их шестнадцать миль, настиг и полностью разгромил, увенчав победу захватом главного бунтовщика Разина...».¹¹⁶ Правительственные войска потеряли в этом сражении пять знамен: три – конных войск – и два пехотных, а восставшие – тринадцать.¹¹⁷

Упомянувшийся выше И. Ю. Марций, написавший диссертацию о разинском восстании, в своём труде уделил сражению под Мурашкиным особое внимание. Рассказывая о бое, он также указывал, что первоначальный натиск повстанцев едва не решил исход битвы.¹¹⁸

Соловьев и вслед за ним Ржига в своих рассказах о мурашкинском сражении сообщают, что восставшие применили обманный маневр с притворным отступлением, заманивая государевых людей под свои пушки.¹¹⁹ И этот маневр на первых порах, очевидно, принес свои плоды, но исход битвы решило «качественное» превосходство правительственной армии. Дело в том, что как уже указывали многочисленные исследователи, в московской армии Долгорукова служило очень много иностранных наёмников. Нет, сама армия,

безусловно, состояла из русских. Она была собрана из дворян и служилых людей северных русских городов, которые в данном случае составляли опору романовского трона. Не случайно царский приказ от 1 августа 1670 года, гласил: «И вы бы стольники и стряпчие, и дворяне московские и жильцы, памятуя Господа Бога... < >...и святую апостольскую церковь, и нашего великого государя крестное целование, и свою породу, и службы и кровь... < >...и свои прародительские чести, нам великому государю... < >...и за все Московское государство... < >...служили бы со всяким усердием...». В армии Долгорукова были собраны дворяне из 40 городов северной половины Руси.¹²⁰

Однако среди этого без преувеличения сказать дворянского ополчения, особняком выделялись командиры подразделений и рейтарская конница, на вербованные целиком из иностранцев.

Иностранцы играли если не ключевую, то очень серьезную роль в романовской армии. Еще в 30-х годах XVII века началась организация полков нового строя – регулярных подразделений, в которых все командирские должности занимали иностранные наёмники. Иностранцы-наёмники принимали участие в русско-польских войнах 1632-1634 и 1654-1667 гг. Путешественник Адам Олеарий писал про царя Алексея Михайловича Тишайшего, что: «Войны, которые он ведёт, стоят ему больших денег, так как ему приходится выступать в поход с многочисленным войском и содержать на большом жалованье немецких по преимуществу офицеров».¹²¹ Можно сказать, что наёмники-европейцы составляли костяк царского войска, и в сражении под Мурашкиным сполна отработали своё жалованье. Следует добавить, что восставшие хорошо понимали важную роль иностранцев в романовском войске, и всех попавших в плен иноземных наёмников, как правило, казнили.¹²²

Марций в своей диссертации прямо указывал, что в этом бою «очень отличились

¹¹⁴Там же. С. 12.

¹¹⁵Там же. С. 13.

¹¹⁶Там же. С. 13

¹¹⁷Там же. С. 13.

¹¹⁸Там же. С. 72.

¹¹⁹Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга 3. Т. XI. С. 317; Ржига Н. Ф. Разинщина и Раскол. С. 124.

¹²⁰Сахаров А. Н. Степан Разин (Хроника XVII века). С. 260-261.

¹²¹Олеарий Адам. Описание путешествия в Москву. С. 231.

¹²²Буганов В. И. Разин и разинцы. Документы, описания современников. С.216.

немцы; русским (солдатам Долгорукого авт.) пришлось бы уйти с поля боя (они уже начали отходить), но немецкая конница подоспела к ним на помощь, и, врезавшись в самую гущу мятежников, смешала их ряды и обратила в бегство. Число убитых было огромно, и всех попавших в плен перебили». ¹²³ Очевидно, об этом ударе говорит и анонимный *фактор*, когда упоминает обход восставших с тыла. Наш *фактор* сообщает, что в этом бою «Офицеры немецкие заслужили одобрение его величества за умелое командование своими людьми». ¹²⁴ Характерно, что по приказу Долгорукого пленных взятых в этом сражении, казнили прямо на поле боя, ¹²⁵ что противоречило тогдашним правилам ведения войн. Это говорит об особом ожесточении карателей, говорит о том, что к противнику они относились именно как к мятежникам, на которых не распространяются законы военного времени.

Восставшие покинули поле боя, и на следующий день перегруппировались вблизи Лыскова. Из этого мы можем заключить, что поражение под Мурашкином не было для них катастрофой, если они нашли в себе силы на другой день принять бой. Впрочем, Марций прямо писал, что под Лысковым в бой вступило «уже не столько войско, сколько беспорядочная толпа, страшная только своим отчаянием». ¹²⁶ Очевидно, здесь и погибли неизвестные нам предводители восставших, так как Марций сообщал, что под Лысковым «пали лучшие силы мятежников». ¹²⁷

Сообщения о потерях сторон весьма противоречивы. Если наш *фактор* перечислил только количество потерянных знамен, то Марций писал просто об огромном количестве погибших. С. М. Соловьев сообщал, что победителям досталось 18 знамен, 21 пушка и 61 пленник. А. Н. Сахаров писал о 21 пушке, 880 ядрах, мушкетах и порохе от-

нятых у повстанцев. ¹²⁸ Что касается потерь правительственных войск, то на их счет у С. М. Соловьева сказано о 2 убитых и 48 раненых. ¹²⁹ Здесь мы можем допустить, что историк приводил списки потерь после первого боя князя Щербатова с повстанцами, состоявшегося 6 октября, так как количество приводимых им потерь, с той и другой стороны, весьма невелико, и характерно для небольшого боестолкновения. Впрочем, потери правительственной армии могли быть и занижены в донесениях, так как писались людьми «заинтересованными» в этом. Вообще, ко всему, что мы знаем о восстании из русских документов, следует относиться даже осторожнее чем к свидетельствам современников-иностранцев. В. Буганов писал, что: «Большинство документов вышло из правительственного лагеря... отсюда их тенденциозность в освещении фактов, их замалчивание, прямая ложь...» ¹³⁰

На определенные размышления наталкивает описание расправы над пленными, состоявшейся после окончательного разгрома восставших. Марций писал, что: «...тех, кто попались живыми в руки победителей, ожидали в наказание за государственную измену жесточайшие муки: «одни пригвождены были к кресту, другие посажены на кол, многих подцепил за рёбра багор – так бесстыдно они погибли. Но никого не наказывали строже, чем пленных казаков мордвинов...» ¹³¹

На наш взгляд, эта оговорка про «казаков мордвинов» очень показательна. Выше мы уже указывали на особенно жестокое отношение карателей к восставшей мордве. Действительно с ними не церемонились, Н. Фирсов пишет, что после одного из боёв карателей с мордвой, мордву эту, пытавшуюся укрыться в своих деревнях, сожгли вместе с деревнями. ¹³² Нет, мы не хотим сказать, что к другим участникам восстания каратели относились более милосердно. Жгли, вешали и

¹²³Иностранцы известия о восстании Степана Разина. С. 73.

¹²⁴Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 112.

¹²⁵Сахаров А. Н. Степан Разин (Хроника XVII века). С. 281.

¹²⁶Иностранцы известия о восстании Степана Разина. С. 73.

¹²⁷Там же.

¹²⁸Сахаров А. Н. Степан Разин (Хроника XVII века). С. 281.

¹²⁹Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга 3. Т. XI. С. 317.

¹³⁰Буганов В. И. Разин и разинцы. Документы, описания современников. С. 7.

¹³¹Иностранцы известия о восстании Степана Разина. С. 73.

¹³²Там же. С. 118.

головой рубили всем. Но вот эта оговорка Марция может служить подтверждением высказанной выше версии, о мордовских корнях Разина, о родстве с мордвой разинского «Нечай-царевича». В этом плане показательное отношение Разина к одному из своих сподвижников – саранскому служилому мурзе, мордвину Акаю Боляеву, примкнувшему к восстанию в Поволжье. Сахаров писал, что этого мурзу Разин держал при себе, а когда вынужден был отпустить для сбора новых отрядов, то говорил Акаю, «что любит его и очень надеется на всю мордву». А затем после пленения, на допросе, Боляев прямо признался, «что есть он мордовский атаман и товарищ Степана Разина и идут все они – мордва, за вольность и правое дело».¹³³ Не следует сбрасывать со счетов и мордовское происхождение Никона. Ведь родом опальный патриарх был отсюда – село Вельдеманово находится недалеко от Мурашкина и Лыскова. Приведенное нами выше сообщение о том, что в ссылке Никон имел постоянную связь со своей малой родиной, а также сообщение фактора о том, что одним из руководителей повстанческой армии был «патриарх», может косвенно указывать на то, что нижегородская мордва была у карателей на особом счету, как наиболее неблагонадежная страта местного населения.

В мятежном Мурашкине расправа продолжилась. Народный эпос говорит об огромном количестве казнённых: «Ворвался Щербатов со своими людьми в Мурашкино, завладел всем селом и учинил над народом расправу жестокою. Вздрыбились среди улиц виселицы зловещие, полилась на плахах кровь невинная.

В этих местах рассказывали, что осенью той страшной было казнено в Мурашкине около двух тысяч человек». Здесь же, кстати, уточняется и то почему овраг был назван Островом: «Погибло бы и больше, да спасли многих дубрава и овраг глубокий. Тогда, как в надежное укрытие, бежали разинцы и местные жители. Бежали да и спрятались крепко-накрепко от царских слуг. И получился на занятой войском князя Щербатова земле вроде как остров вольных людей.

¹³³ Сахаров А. Н. Степан Разин (Хроника XVII века). С. 284-285.

С той далекой поры и пошло название оврага того глубокого — Остров Разина».¹³⁴ Селение, действительно было разгромлено. Как писал историк, из Лыскова и Мурашкина «разбежалась значительная часть взрослого населения. Кроме того, 151 двор пашенных крестьян и 71 дворовое тягловое место были “выжжены в приход великого государя ратных людей”. В Мурашкине были казнены 228 человек, и с голоду умерло 29 человек». «Лавки, амбары и полки пожжены без остатка». Сгорели все кузницы «а у тех кузниц кузнецы побиты и померли, а многие бежали безвестно». В документах по Мурашкину то и дело встречаются сообщения: «место пустое», «за бунтовство казнён смертью», «от ратных людей убит под Мурашкином», «бежал с воровскими казаками», «кормитца в мире», «живёт в яме» и т.д. На этом репрессии не окончились; Например, после переписи 1672 года у мурашкинских крестьян реквизировали 184 головы скота, оставив им 155 голов, то есть меньше половины.¹³⁵ Богатый торговый город, а Мурашкино тогда было городом, был практически уничтожен.

Жителям Лыскова, «повезло» больше. Они сдались, покаяться, и, свалили вину на мурашкинцев.¹³⁶ Кроме того «лысковский подьячий со многими посацкими людьми» поймали 64 беглеца из числа повстанцев и выдали их властям.¹³⁷ По другим данным лысковцы выдали 30 мятежников.¹³⁸ При этом существует документ, согласно которому лысковцы, не дождавшись прихода царских воевод «тех воров за их воровство велели казнить смертью: отсечь головы, а иных повесить, а иным отсечь руки и ноги и туловища повесить, а 3 человек посадить на колья, а 16 человек биты кнутом и отсечено по пальцу».¹³⁹ Разумеется, здесь нельзя говорить обо всех лысковцах. И сдавала город разинцам, и предавала разинцев торгово-феодалная верхушка Лыскова, главной целью которой, по

¹³⁴ Остров Разина. С. 186-187.

¹³⁵ Томсинский С. Г. Разиновщина. С. 84.

¹³⁶ Сахаров А. Н. Степан Разин (Хроника XVII века). С. 281.

¹³⁷ Записки иностранцев о восстании Степана Разина.. Л., 1968. С.124. Прим. 23.

¹³⁸ Там же. С. 112.

¹³⁹ Сахаров А. Н. Степан Разин (Хроника XVII века). М., 1973. С. 282.

мнению учёного, было стремление подорвать торговое значение своего конкурента – Макарьевского Желтоводского монастыря.¹⁴⁰

Но самое любопытное то, что лысковские жители выдали властям того самого родственника Разина – или племянника,¹⁴¹ или, по другим сведениям, двоюродного брата¹⁴² – в котором мы предполагаем «Нечай-царевича». Таким образом, разинский претендент на московский трон оказался в руках карателей. Как уже указывалось выше, его не казнили на поле боя, как других пленников. Мнимый царевич был доставлен в Москву, где после допросов и пыток был казнён. Голландский дипломат Кунрад фан Кленк писал: «После обеда мы выехали в санях, чтобы видеть голову и четвертованные останки трупа Стеньки Разина... а также голову молодого человека, которого Стенька Разин выдавал за старшего царевича, или сына царя: этот последний, по прибытии сюда, также был казнён, а голова его была выставлена на показ».¹⁴³

Единственный ли это был у восставших «царевич», или были ещё и другие – вопрос остается открытым. Во всяком случае, Е. П. Савельев сообщает, что один из сподвижников Разина – казак Миусский в 1673 году появился с семьёю товарищами в Запорожской Сечи «с каким-то молодым человеком, выдававшим себя за сына царя, Симеона Алексеевича, будто бы убежавшего из Москвы от преследования матери и бояр».¹⁴⁴ Однако мы, на основании свидетельств современников можем утверждать, что «Нечай-царевич» не был «потомком одного из пятигорских черкесских князей», а именно князя Черкасского, так как по «Сообщению касательно подробностей мятежа...» этот юноша «получил прощение от великого государя, ибо принуждаем был силой выдавать себя за высокую особу». Прощённый отрок жил в Москве, в доме князя Якова Черкасского,¹⁴⁵ а «Нечай-царевича» казнили.

Обращаясь к событиям, случившимся после битвы, скажем, что после разгрома по-

встанческой армии, царские полководцы, отправились к Нижнему Новгороду. Нижегородский летописец сообщает, что «окольничий князь Константин Осипович Щербатов» после того как разгромил «главные притоны разинцев» в селениях Мурашкине и Лыскове, пришёл «в Нижний ликующим победителем; здесь он однако пробыл недолго и отправился снова в Нижегородский уезд, в Березопольский стан, разыскивать остальных разинцев и окончательно уничтожил их скопища».¹⁴⁶ С. М. Соловьев сообщает, что 28 октября воеводы-победители пришли в Нижний Новгород и остановились здесь на три дня для расправы: «В нижегородских жителях была к воровству шатость; воеводы этих воров перехватили и велели казнить смертию: повесить около города по воротам; иным отсечь головы, других четвертовать в городе».¹⁴⁷

Так закончилась нижегородская эпопея «Нечай-царевича». Начав с Алатыря и Курмыш, он был захвачен карателями в Лыскове, и казнён в Москве.

А сражение 22-23 октября 1670 года близ сёл Мурашкино и Лысково, в котором надо думать восставшие также атаковали противника с боевым кличем «нечай», было одним из крупнейших сражений Крестьянской войны под руководством Степана Разина. Ни одно другое сражение в Нижегородском Поволжье, не удостоилось такого внимания современников, кроме боя у сёл Мурашкино и Лысково. Это сражение имело решающее значение, и его исход повлиял на весь дальнейший ход Крестьянской войны, во многом предопределив участь восстания. В том, что память об этом сражении практически «стёрта» из «официальной» истории Нижегородского Поволжья, вероятно, есть «заслуга» царской пропаганды, пытавшейся любыми путями удалить из истории воспоминания о событиях едва не стоивших Романовым трона. Восстановленное по документам той эпохи, это сражение войдет в летопись Нижегородского края, как ещё одна веха сложной истории становления Российской империи.

¹⁴⁰Томсинский С. Г. Разиновщина. С. 89.

¹⁴¹Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 112.

¹⁴²Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. С. 454.

¹⁴³Там же. С. 446.

¹⁴⁴Савельев Е. П. Древняя история казачества. М., 1995. С. 354.

¹⁴⁵Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 111.

¹⁴⁶Гациский А. С. Нижегородский летописец. Н. Новгород, 2001. С. 635.

¹⁴⁷Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 3. Т. XI. С. 319.

Библиография

- Астапенко М. П.* Где родился Степан Разин? // Вопросы истории. № 9. 1988
- Буганов В. И.* Разин и разинцы. Документы, описание современников. М., 1995.
- Вершинин В. И.* Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т. IV. Йошкар-Ола. 2009.
- Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1971.
- Гациский А. С.* Нижегородский летописец. Н. Новгород, 2001
- Дело о патриархе Никоне. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikon_Minin/delo-o-patriarhe-nikone/94 (дата обращения 1.04.21).
- Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Под ред. А.Г. Манькова. Л., 1968.
- Иностранные известия о восстании Степана Разина. Под ред. А.Г. Манькова. Л., 1975.
- Казачий род Разина. URL: <http://zhagat-dadian-livejournal-com.turbopages.org/turbo/zhagat-dadian/livejournal.com/s/32179.html> (дата обращения 21.04.21).
- Костомаров Н. И.* Бунт Стеньки Разина. М., 1994.
- Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Сост. Е. А. Швецова. Т. I. М., 1954.
- Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Сост. Е. А. Швецова. Т. II. Ч. 1. М., 1957.
- Кладоискательство в Нижнем Новгороде и области – Заметки о населённых пунктах...// Форум URL: <http://kladoiscatel.ru/forum/2-113-2> (дата обращения 7.05.12).
- Мауль В. Я.* Социокультурное пространство русского бунта (по материалам Пугачевского восстания): автореферат дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Томск, 2005.
- Мордовский фронт в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII века). Сост. В. Д. Кочетков, Н. В. Заварюхин, С.В. Видяйкин, М. М. Акчурин. Саранск. 2017.
- Никитин Н. И.* Разинское движение: взгляд из XXI в. М., 2017.
- Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003.
- Остров Разина // Нижегородские предания и легенды. Сост. В.Н. Морохин. Горький. 1971.
- Осипов Максим (атаман). URL: <https://yandex.ru/turbo/google-info.org/s/4922857/1/o..> (дата обращения 5.05.21).
- Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. Рязань, 2008.
- Разгром Степана Разина //100 битв, которые изменили мир. Еженедельное обозрение. № 110. 2013.
- Ржига Н. Ф.* Разиновщина и Раскол//Нижегородский краеведческий сборник. Т. I. Н. Новгород, 1924.
- Сахаров А. Н.* Степан Разин (Хроника XVII века). М., 1973.
- Савельев Е. П.* Древняя история казачества. М., 2002.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Книга 3. Т. XI. СПб., 1861.
- Стенькин остров // Народные сказания. Сост. Н. В. Морохин. 2010.
- Томсинский С. Г.* Разиновщина/Крестьянские движения в феодально-крепостной России. М., 1932.
- Усенко О. Г.* Психология социального протеста в России XVII-XVIII вв. Ч. 2. Тверь, 1995.
- Фирсов Н. Н.* Крестьянская революция на Руси в XVII веке. М.-Л., 1927.
- Чистякова Е. В. Соловьев В. М.* Степан Разин и его соратники. М., 1988.
- Флетчер Дж.* О государстве Русском. М., 2002.
- Юрченков В. А.* Мордовское казачество накануне революционных событий 1971 г. и гражданской войны // Центр и периферия. № 3. 2014.

Сведения об авторе

Малышев Алексей Владимирович, руководитель отдела этнологии МОО «Историческое Сознание», г. Нижний Новгород (Россия). Область научных интересов: этнология, средневековая история России

E-mail: ma2502@mail.ru

Malyshev A.V.

THE HISTORY OF THE RAZIN'S MOVEMENT (THE BATTLE NEAR THE MURASHKINO VILLAGE DATED 22-23TH OCTOBER, 1670)

Annotation: The article, based on medieval sources, examines the little-known details of the battle between the tsarist army and the troops of the Razin rebels, which took place in October 1670 near the Murashkino village, Nizhny Novgorod County. The article provides the facts which reveal the identity of the leader of the uprising - S.T. Razin, or Razin's "Nechai Tsarevich", and also it disproves the S.M. Solovyov's version about the identification of "Nechai Tsarevich" with Razin ataman Osipov.

Keywords: Murashkino of Nizhny Novgorod County, Peasant War of the XVII century, S. Razin, Nechai Tsarevich, Patriarch Nikon

References

Astapenko M. P. Gde rodilsya Stepan Razin? [Where was Stepan Razin born?] // *Voprosy istorii*. № 9. 1988. (In Russian).

Buganov V. I. Razin i razintsy. Dokumenty, opisanie sovremennikov. [Razin and razintsy. Documents, description of contemporaries.] Moscow, 1995. (In Russian).

Chistyakova E. V. Solov'ev V. M. Stepan Razin i ego soratniki [Stepan Razin and his associates.] Moscow, 1988. (In Russian).

Delo o patriarkhe Nikone. [The case of Patriarch Nikon] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikon_Minin/delo-o-patriarhe-nikone/94 (accessed: 1.04.21). (In Russian).

Firsov N. N. Krest'yanskaya revolyutsiya na Rusi v XVII veke. [Peasant revolution in Russia in the XVII century]. Moscow-Leningrad, 1927. (In Russian).

Fletcher Dzh. O gosudarstve Russkom [About the Russian state]. Moscow, 2002. (In Russian).

Gatsiskii A. S. Nizhegorodskii letopiset [Nizhny Novgorod Chronicler] Nizhni Novgorod, 2001. (In Russian).

Inostrannye izvestiya o vosstanii Stepana Razina [Foreign news about the uprising of Stepan Razin]. Pod red. A. G. Man'kova. Leningrad, 1975. (In Russian).

Kazachii rod Razina. [Razin's Cossack family.] URL: <http://zhagat-dadian-livejournal-com.turbopages.org/turbo/zhagat-dadian/livejournal.com/s/32179.html> (accessed: 21.04.21). (In Russian).

Kladoiskatel'stvo v Nizhnem Novgorode i oblasti – Zametki o naseleennykh punktakh...//Forum [Treasure hunting in Nizhny Novgorod and the region - Notes on settlements...] URL: <http://kladoiskatel.ru/forum/2-113-2> (accessed: 7.05.12). (In Russian).

Kostomarov N. I. Bunt Sten'ki Razina [The bow of Stenka Razin]. Moscow, 1994. (In Russian).

Krest'yanskaya voyna pod predvoditel'stvom Stepana Razina. Sbornik dokumentov. [Peasant war led by Stepan Razin. Collection of documents.] Sost. E. A. Shvetsova. Vol. I. Moscow, 1954. (In Russian).

Krest'yanskaya voyna pod predvoditel'stvom Stepana Razina. Sbornik dokumentov. [Peasant war led by Stepan Razin. Collection of documents.] Sost. E. A. Shvetsova. Vol. II. Ch. 1. Moscow, 1957. (In Russian).

Maul' V.Ya. Sotsiokul'turnoe prostranstvo russkogo bunta (po materialam Pugachevskogo vosstaniya) [The socio-cultural space of the Russian revolt (based on the materials of the Pugachev Uprising)]: avtoreferat dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02. Tomsk, 2005. (In Russian).

Mordovskii frontir v zerkale prikaznoi statistiki (pervaya chetvert' XVII veka). [The Mordovian Front in the mirror of official statistics (the first quarter of the XVII century)] Sost. V. D. Kochetkov, N. V. Zavarukhin, S. V. Vidyakin, M. M. Akchurin. Saransk, 2017. (In Russian).

Nikitin N. I. Razinskoe dvizhenie: vzglyad iz XXI v. [Razin movement: a view from the XXI century] Moscow, 2017. (In Russian).

Olearii Adam. Opisanie puteshestviya v Moskoviyu [Description of a trip to Moscow]. Smolensk, 2003. (In Russian).

Osipov Maksim (ataman) [Maxim Osipov (ataman)]. URL: <https://yandex.ru/turbo/google-info.org/s/4922857/1/o..> (data obrashcheniya 5.05.21).

Ostrov Razina [Razin Island] // Nizhegorodskie predaniya i legendy. Sost. V. N. Morokhin. Gor'kii. 1971. (In Russian).

Posol'stvo Kunraada fan Klenka k tsaryam Alekseyu Mikhailovichu i Feodoru Alekseevichu. [Embassy of Kunraad fan Klenk to Tsars Alexei Mikhailovich and Fyodor Alekseevich] Ryazan', 2008. (In Russian)

Razгром Stepana Razina [The defeat of Stepan Razin] //100 bitv, kotorye izmenili mir. Ezhenedel'noe obozrenie. № 110. 2013. (In Russian).

Rzhiga N. F. Razinovshchina i Raskol [Razinovshchina and schism] //Nizhegorodskii kraevedcheskii sbornik. Vol. I. Nizhni Novgorod, 1924. (In Russian).

Sakharov A. N. Stepan Razin (Khronika XVII veka) [Stepan Razin (Chronicle of the XVII century)] Moscow, 1973. (In Russian).

Savel'ev E. P. Drevnyaya istoriya kazachestva. [The ancient history of the Cossacks] M., 2002. (In Russian).

Solov'ev S. M. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen [The history of Russia since ancient times]. Book 3. Vol. XI. Saint Peterburg, 1861. (In Russian).

Sten'kin ostrov [Stenkin Island] // Narodnye skazaniya. N. V. Morokhin. 2010. (In Russian).

Tomsinskii S. G. Razinovshchina [Razinovshchina] // Krest'yanskie dvizheniya v feodal'no-krepostnoi Rossii. Moscow, 1932. (In Russian).

Usenko O. G. Psikhologiya sotsial'nogo protesta v Rossii XVII-XVIII vv. [Psychology of social protest in Russia of the XVII-XVIII centuries]. Ch. 2. Tver', 1995. (In Russian).

Vershinin V. I. Etimologicheskii slovar' mordovskikh (erzyanskogo i mokshanskogo) yazykov [Etymological dictionary of Mordovian (Erzya and Moksha) languages]. Vol. IV. Ioshkar-Ola, 2009. (In Russian).

Veselovskii S. B. Onomastikon [Onomasticon]. Moscow, 1971. (In Russian).

Yurchenkov V. A. Mordovskoe kazachestvo nakanune re-volyutsionnykh sobytii 1971 g. i grazhdanskoj voiny [The Mordovian Cossacks on the eve of the currency events of 1971 And the Civil War] // Tsentr i periferiya. No 3. 2014. (In Russian).

Zapiski inostrantsev o vosstanii Stepana Razina [Notes of foreigners about the uprising of Stepan Razin]. Pod red. A. G. Man'kova. Leningrad, 1968. (In Russian).

About the author

Malyshev Alexey Vladimirovich, Head of the Department of Ethnology in the MOO "Istoricheskoe soznanie", Nizhni Novgorod (In Russian). Research interests: ethnology, medieval history of Russia.

E-mail:ma2502@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НЛ	– Новгородская I летопись старшего и младшего извода
ПВЛ	– Повесть временных лет
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
MGH SS	– Monumenta Germaniae Historica Scriptores
МРН	– Pomniki dziejowe Polski